

ЛЕГИОН ПАВШИХ

Эри Крэйн

Мертвецы бывают двух видов: те, кто жаждет вернуться к жизни, и те, кто предпочел бы и дальше гнить в земле.

Если заставить их сотрудничать, поручив безнадежную задачу, получится занятный результат: или они станут закадычными друзьями, или угробят друг друга. Возможно, случится и то и другое.

Но в одном они будут едины: тот, кто подписал их на сражение с полчищем тварей, им точно не товарищ. А награда за усердие... а что, кто-то говорил о награде?

Вновь открыть глаза было неожиданно. Наверное, этому стоило порадоваться, ведь оказаться среди живых тому, кто должен быть мертв — отличная новость. Если бы только она не значила, что все пошло не по плану. А Райз терпеть не мог, когда что-либо шло не так, как он задумал.

Он медленно сел на кровати, прислушиваясь к своим ощущениям. Во всем теле царила небывалая бодрость и легкость, словно после долгого крепкого сна. Только он не ложился спать.

Райз отлично помнил то, что происходило с ним несколько минут назад. Во всяком случае, он полагал, что только что находился в эпицентре им же устроенной заварушки, но, по всей видимости, дело обстояло несколько иначе. Чтобы переместиться из самой гущи схватки на кровать посреди неизвестной комнаты, и при этом избавиться от полученных в бою ранений, потребовалось бы куда больше, чем пара минут. Даже ему.

Нахмурившись, Райз прокрутил в голове последовательность недавних событий.

Он закрыл портал, что вел в его родной мир, ровно за мгновение до того, как друиды прорвали барьер. Райз не хотел их убивать. Несмотря на то, что их собратья вторглись на его родину отнюдь не с благими намерениями, он слишком долго прожил среди «серолицых», чтобы испытывать к ним ненависть. После того, как связь между мирами разорвали, друиды больше не представляли опасности, а значит в их истреблении не было необходимости.

Но сдаться он без боя, и друиды наверняка нашли бы способ использовать его, чтобы свершить возмездие. А значит оставалось только биться до последнего вздоха. Не для того он потратил столько времени и сил, чтобы в конце перечеркнуть все одной глупой ошибкой.

Причин же любить друидов настолько, чтобы согласиться пойти на позорное самоубийство, только чтобы сохранить лишней десяток жизней, у Райза не нашлось. Это были его последние минуты, и он собирался прожить их так, как ему хотелось.

Райз отчетливо помнил каждое мгновение боя: помнил прилетевший в грудь удар собранного в плетение Светоча, который стал фатальным; помнил, как его окутал мрак, после которого не было ничего. Не должно было быть.

...Светоч!

Райз больше не чувствовал его присутствия. Внутри него не осталось ни капли потусторонней энергии; в мыслях царила непривычная ясность и тишина. Светоч умолк. Неплохо бы теперь еще определиться, следовало этому радоваться или нет.

Посмотрев на руку, Райз сжал и разжал кулак. Перебрал пальцами воздух. Ничего. Всего лишь простой жест, не вызвавший ни малейшего движения воздуха.

Райз поднял взгляд на стену напротив и мысленно позвал черный, словно бы годами коптившийся над жаровней камень. Наверное, он выглядел глупо, просто пялясь в стену в ожидании, что она сдвинется. Но камень упрямо хранил целомудренную неподвижность. Райз даже не чувствовал его. Просто видел.

Он пробормотал несколько фраз на языке Моря Теней уже не надеясь, что что-то произойдет. Ничего и не произошло. Светоч, как и сила стихийного мага и заклинателя, полностью оставили его.

Так какого Проклятого он все еще жив?

Райз свесил ноги с кровати и невольно дернул пальцами стопы, когда ее обжег то ли слишком холодный, то ли слишком горячий камень. Нет, все-таки слишком холодный.

Он не назвал бы комнату, в которой находился, ни большой ни маленькой. Да, достаточная — для нее самое точное определение. Достаточная, чтобы вместить резную кровать, небольшой столик со стулом, и два шкафа — книжный и платяной. А если взять во внимание, что до потолка было метра четыре, то комната и сама начинала походить на шкаф, в дверце которого вырезали щель-окно, шириной не более предплечья.

Райз встал с кровати и подошел к узкой полоске света. По ту сторону припавшего пылью стекла находился безлюдный внутренний двор — схваченный с четырех сторон черными брусками корпусов и расчерченный косыми тенями шпилей на крышах. Вдоль второго этажа тянулась внутренняя терраса, отделенная от двора низкой балюстрадой, часто прерываемой колоннами-спицами.

Архитектура здания не имела никакого отношения к друидам и не принадлежала Огнедолу — во всяком случае, не тому Огнедолу, который знал Райз, пусть и видел он его только на картинах деда, но все же. Для друидов в ней было слишком много прямых линий, а для Огнедола — недостаточно разнообразия. И расположившийся посреди двора широкий круг фонтана, такой же основательный, как и все вокруг, и небольшая, отдаленно похожая на человека статуя в его центре, только добавляли общей картине сухой сдержанности.

Райз посмотрел на затянутое серой пеленой небо и отошел от окна. Обратил внимание на корки книг в шкафу, достал одну и раскрыл посередине.

Он мог с уверенностью заявить, что никогда прежде не видел подобной письменности, но в тоже время понимал значение каждой фразы, на которую падал взгляд. Он даже знал, как произносится то или иное слово.

Перелистнув несколько страниц, он вернул книгу на место.

В платяном шкафу очень кстати обнаружился комплект чистого белья, темно-серые штаны и в тон им туника длиной почти до колен, с глубокими разрезами на бедрах. Ткань чем-то напоминала хлопок, но была намного грубее, чем хотелось бы. Но за неимением ничего другого...

Так и не найдя ни одной пары обуви, Райз смирился с необходимостью и дальше студить ноги. Зато в процессе поисков наткнулся на зеркало в полный рост. В тяжелой, украшенной витиеватой резьбой раме оно висело на стене сразу за платяным шкафом.

Райзу хватило одного взгляда на свое отражение, чтобы понять: что-то не так. Что-то не так кроме того, что он лишился всех своих сил. Да, это все еще был он: четко выраженные скулы с худыми щеками подчеркивающие область рта, серые глаза, бугорки над темными бровями с изломом. Даже длина смоляных волос была такой же, как он ее помнил. Но что-то определенно изменилось, и то, что он не мог сообразить, что именно — злило.

Убедившись, что в комнате ему больше делать нечего, он подошел к двери и прислушался. Не было слышно ни звука.

Даже будучи диверсантом в рядах друидов, вынужденный из года в год плясать на острие ножа, Райз не выпускал ситуацию из-под контроля ни на миг. Сейчас же все, что ему оставалось, это шагнуть в неизвестность, что начиналась по ту сторону двери, и уповать на свое умение импровизировать.

Последний раз окинув комнату взглядом, он открыл дверь.

В обе стороны тянулся просторный коридор, вымощенный черным мрамором.

Выбирать особо было не из чего, так что Райз пошел направо, туда, где от коридора отходило ответвление, и на пол падали квадраты дневного света. Провожая взглядом закрытые двери, что тянулись по обе стороны прохода, Райз не переставал внимательно слушать пространство. Но все, что ему удалось различить — это шорох собственной одежды.

Дойдя до развилки, он остановился. Здесь стена заканчивалась, а коридор расширялся, давая место двум рядам толстых колонн, высеченных из того же камня, что и пол. Смысла в подобном архитектурном решении не было, разве что жильцы питали особую любовь к блестящему антрацитом камню. И еще колоннам.

До Райза донесся сначала тихий, но нарастающий с каждым тактом полу-скрежет, полустук, словно бы кто-то бил о камень пустотелой деревяшкой. Разобраться в местной акустике не представлялось возможным, так что убедившись, что звук не исходит из-за его спины, Райз приник к одной из колонн и замер.

Стук раздавался все отчетливее, оброс уже знакомым шелестом одежды, зазвучал совсем рядом.

Чтобы утолить любопытство не пришлось даже выглядывать из-за колонны. Достаточно было скосить взгляд на зеркальную поверхность пола.

Сначала Райз списал увиденное на то, что белые прожилки минерала исковеркали отражение. Но вот обитатель дома на мгновение скрылся за крайней колонной, а затем появился с другой стороны, уже спиной к Райзу, предоставив возможность взглянуть на него прямо.

Он не был человеком. Может, когда-то в прошлом, но уж точно не сейчас. Райз различил не только белую кость черепа, но и шейные позвонки. На угловатых плечах мешком висела туника — такого же кроя, как и та, что была на Райзе, только бордового цвета. Не одетые в ботинки, или хотя бы в носки — ради меньшего шума — костяные стопы с каждым шагом скрежетали по полу.

«Да ладно», — пронеслось в голове, когда в ногу уперлось что-то мокрое.

Медленно повернув голову, он встретился взглядом с темными провалами пустых глазниц. Еще один скелет, одетый точно так же, как и Райз, замер напротив, сжимая в узловатых фалангах швабру так крепко, будто бы в ней были заключены остатки его жизни.

И откуда только успел взяться?!

Райз не спешил реагировать. Чтобы это ни было, без глаз оно не могло его увидеть. Во всяком случае, не должно было. Как не должно было бы двигаться и не рассыпаться на части без мышц и сухожилий, но это, похоже, проблемой не являлось.

Скелет пришел в движение, потянул швабру на себя и затем энергично, почти что негодуя, толкнул ее вперед, снова оперев намотанную на конце тряпку в ногу Райза. Выждав несколько секунд, скелет все тем же движением поволок швабру к себе.

Райз отступил в сторону прежде, чем тряпка опять повстречалась бы с его стопой. Скелет довел швабру до колонны, затем к себе, снова до колонны, сдвинулся вправо и зашагал к противоположной стене, оставляя за собой полосу влажного пола.

«Допустим», — Райз хмыкнул и направился в ту сторону дома, откуда пришел скелет в бордовой тунике.

И снова мимо потянулась череда закрытых дверей. Райз старался не строить преждевременных гипотез, но мысль, что он все же покинул ряды живых и очутился в каком-то извращенном уголке Моря Теней, таки засела в голове.

Следующая развилка оказалась кое чем большим, чем просто помещением с колоннами.

Стена по левую руку сменилась балюстрадой, прерванной посередине лестницей, что вела вниз. Сквозь три широких арочных окна высотой в два этажа, разлинованных тонкой фигурной сеткой, били ослепительный лучи, которые никак не могли исходить от серого неба снаружи.

Когда глаза наконец привыкли к яркому свету, Райз различил в самом низу два кресла, повернутых спинками к окну, и круглый столик между ними, на котором стоял чайник и две чашки.

В одном из кресел сидел человек. Хотя сейчас Райз не стал бы утверждать наверняка: падающая на лицо мужчины тень не позволяла рассмотреть, была ли у того кожа и прочие признаки, присущие живым людям.

— Райз! — приветственно воскликнул тот. — Уже проснулся? Спускайся сюда, чай как раз настоялся.

В его голосе с легкой хрипотцой не звучало угрозы. Но в нем однозначно было что-то, что заставляло насторожиться. Насторожиться больше, чем прежде. То, что Райз понимал его язык, уже не удивляло.

Медленно, ступенька за ступенькой, черты сидящего в кресле обретали ясность. Мужчина, лет пятидесяти на первый взгляд. Но чем дольше Райз изучал его, тем сложнее было определить возраст. Длинные, немного вьющиеся черные волосы с проседью были забраны в хвост, открывая вытянутое, широкоскулое лицо; крутые надбровные дуги вместе с длинным носом четко делили его на три части. Одет он был неброско и в тоже время изысканно: светлая приталенная рубашка, заправленная в серые штаны с высокой посадкой, и отливающий синим шелком халат, небрежно наброшенный на плечи.

— Я не стал дожидаться твоего пробуждения в комнате. Подумал, что тебе будет привычнее и спокойнее сперва немного осмотреться самому.

С каждым словом человека Райз все отчетливее понимал, что вызвало в нем неприятие. В интонациях мужчины снисходительность, та, что на самой грани с насмешкой, смешалась с чувством собственного превосходства и тщетной попыткой скрыть все это за доброжелательностью. Раздевающий до самых костей взгляд и улыбка тонких губ, больше похожая на оскал, буквально вопили, требуя держаться от того как можно дальше.

— Что это на тебе надето? — к гремучей смеси интонаций добавилось неодобрение.

Райз замер на последней ступеньке, размышляя, стоит ли ему перечислить элементы своей одежды или же промолчать.

— Ох, Ашша, — мужчина покачал головой и демонстративно вздохнул. — Похоже, она сочла, что одеть тебя, как прислугу, очень остроумно. Вздорная девица. Ничего, я распоряжусь, чтобы тебе принесли надлежащую одежду. Садись, пожалуйста.

Он указал рукой на кресло напротив. У него были необычайно тонкие пальцы — совсем как у повстречавшихся Райзу скелетов, только покрытые кожей и с бледными пластинками длинных ногтей.

Райз сошел с лестницы и сел в кресло. Впившийся в него взгляд был откровенно хищным — таким, какой бывает у трясинного кота, уже поймавшего свою добычу, но еще не определившегося с выбором: съесть ее прямо сейчас или сперва вдоволь наиграться.

Райз посмотрел в ответ. Может, кого другого подобное знакомство и испугало бы, но его не пугали даже друиды, которым хватило бы мгновения, чтобы расправиться с ним, узнай, что он водит их за нос. А ведь тогда на кону стояло выживание его народа. Сейчас же у него не было ни дома, ни семьи, ради защиты которых стоило бы сдерживать свой нрав.

Взгляд мужчины внезапно переменялся, его губы поддернула довольная ухмылка. Все его лицо в одночасье обрело выражение полнейшего удовлетворения, будто бы он наконец мог в умиротворении созерцать плоды многолетних трудов.

— У тебя много вопросов, знаю, — изящным движением аристократа он взял чайник и разлил по чашкам темный, практически черный напиток. В воздухе запахло травами. — Для начала хочу представиться: Фелис Истлен Енкарта. Ты можешь звать меня просто Фелис. Что же касается тебя..., — Фелис поставил чайник на столик и поднял на Райза взгляд. — Ты действительно умер. В твоём понимании этого явления. Я же предпочитаю разделять его на смерть физической оболочки и смерть души. И если последнее случается не так уж и часто, и еще реже без чьего-либо стороннего вмешательства, то первое — ничем не примечательная повседневность. Чай?

У Фелиса даже получилось изобразить заботливую улыбку, хотя его черты и уж тем более черные глаза змеи-убийцы никак не были предназначены для выражения подобных эмоций.

Райз посмотрел на напиток, в котором проявился едва уловимый пурпурный оттенок. Без малейшего колебания он взял чашку и сделал глоток. Горечь, смешанная с приторной сладостью, обожгла язык. Но в целом было недурно.

— Эта твоя дерзость, — Фелис усмехнулся, — занятно наконец увидеть ее со стороны.

Райз вопросительно приподнял бровь.

— Я знаю о тебе все, — лицо мужчины приобрело свое первоначальное снисходительное выражение. — От рождения и до смерти, каждую минуту, каждый поступок, каждую тайну — даже то, что ты сам о себе забыл. Я смотрел на мир твоими глазами и чувствовал твоим сердцем. Это неотъемлемая часть процесса, когда возвращаешь душу после смерти физической оболочки. Именно это я и сделал. Поймал душу после гибели твоего тела и привязал его к тому, что создал, — Фелис провел в воздухе ладонью сверху вниз, указав на Райза. — Этот сосуд сделан на основе твоего собственного восприятия, но, как известно, мы видим себя не такими, какими мы есть на самом деле. Так что некоторое время ты будешь ощущать необъяснимый дискомфорт: будто бы все так, как должно быть, но все же что-то иначе. Но это недолго — пока не привыкнешь.

Фелис умолк, ожидая какой-либо реакции. Райз посмотрел в чашку, покачал в ней напиток, сделал неторопливый глоток.

— Полагаю, я должен сказать «спасибо»?

Так легко, без каких-либо усилий, произнести фразу на чужом языке было странно.

— О, это исключительно на твое усмотрение, — Фелис взмахнул руками, и в его взгляде промелькнули искры шального безумия. После чего, миг став серьезным, он внимательно посмотрел на Райза — будто юный натуралист изучал повадки пойманного зверька. — Я сделал это для себя, а не для тебя. И уж точно не ради благодарностей.

— И зачем же?

— Как я уже говорил, я знаю о тебе все. Знаю, кто ты, и что ты сделал для своей родины. И хочу, чтобы ты сделал то же самое для моей.

Искоса посмотрев на Фелиса, Райз рассмеялся.

— Это спасение человечества так тебя забавляет или что-то иное? — с искренним интересом спросил Фелис.

— Твои методы, — Райз поставил чашку на столик, чтобы не расплескать чай. — Насколько я понимаю, это — не мой мир. И не мир друидов.

— Верно.

— Так и что, по месту никого не нашлось? Не сказать, что я хорошо разбираюсь в теме, но поимка душ из других миров и выращивание тел не звучит как что-то, что легко сделать.

— Нет, — губы Фелиса расплылись в самодовольной улыбке. Райз выжидающе посмотрел на него. — Дело в том, что ситуация здесь довольно непростая. И шанс все исправить будет только один.

— А бывает иначе? — хмыкнул Райз.

— Бывает, — не снимая с лица улыбку, процедил Фелис. — Но в данном случае я не могу позволить себе роскошь довольствоваться непроверенными кандидатурами. Я искал тех, кто уже имел успешный опыт в делах подобного рода, и при этом его вклад был решающим. Но проблемы в масштабах целой цивилизации, как правило, решают армии, а не отдельно взятые личности. Так что выбор, даже если пройтись по целому множеству миров, совсем невелик.

— О, да ты проделал большую работу.

— Да. Большую, — Фелис пропустил шпильку мимо ушей.

— И то, что от моих прежних сил ничего не осталось, тебя не смущает? Или ты собираешься вернуть их так же, как и мою душу?

— Это невозможно. Светоч был связан с твоим телом, от которого друиды вряд ли оставили хоть что-то. Все же ты их предал, а предателей никто не будет хоронить согласно традициям. Сила же стихийного мага и заклинателя, хоть и принадлежала душе, со смертью физической оболочки перешла к твоей сестре.

Брови Райза едва дрогнули.

— Так и чего тогда ты хочешь от меня? Чтобы я отравил безумного правителя? Задушил голыми руками какое-то местное чудище?

— Проклятый с тобой, Райз, ты слишком ценен, чтобы позволить тебе встречать в неприятности с голыми руками, — удивление на лице Фелиса грозило вот-вот превратиться в оскорбленное достоинство. — Конечно же у тебя будет оружие. На него я потратил сил даже больше, чем на тебя.

Фелис поднялся с кресла.

— Пойдем, сам все увидишь, — он приглашающе качнул головой.

Райз не считал все услышанное бредом. В конце концов, в его жизни присутствовало немало вещей, выходящих за рамки обыденного. И пусть возвращение из мертвых было чем-то новым, Райз не сказал бы, что это его потрясло. Если его дед мог призывать духов из Моря Теней, то почему кто-то другой не мог найти способ создать новое тело и вселить в него пойманную душу?

Фелис поднялся по ступеням и зашагал в том же направлении, откуда пришел Райз. Только за галереей с колоннами, в которой скелет в серой рубаше по прежнему упоенно намывал пол, мужчина повернул в другую сторону. Остановившись в самом конце коридора, он открыл дверь.

Внутри комната была обставлена так же, как и та, в которой Райз пришел в себя. На стуле, приставленном к окну, спиной к двери сидел человек. В отражении на узком стекле невозможно было рассмотреть черты лица, так что пришлось довольствоваться растрепанной копной светлых волос и куда более приличной одеждой, чем у него самого.

— Это твое оружие, — с чувством нескрываемой гордости произнес Фелис, остановившись на пороге. — Сейчас у него, как и у тебя, нет каких-либо особых умений. Его сила по большей части принадлежала прежнему телу. Но в скором времени он получит новую, и ты сможешь сделать то, ради чего был возвращен.

Он так и не сделал и шага внутрь, будто бы ее обитатель, даже не шелохнувшийся при их появлении, мог сожрать его в один момент.

— Предвосхищая твой вопрос, — продолжил он, — сила, что я передам парню, предназначена только ему. При всем моем уважении к твоим талантам, даже с учетом твоего происхождения, объемы энергии, с которыми ты имел дело, не идут ни в какое сравнение с теми, которыми в прежней жизни владел мальчишка. А это критически важный момент.

— И зачем тогда нужен я?

— Он всего лишь оружие, — Фелис посмотрел на Райза, как на несмышленного ребенка, которому все приходилось повторять дважды. — А любому оружию необходима рука, которая его направит. Которая не дрогнет перед лицом врага или друга. Которая знает, когда нужно терпеливо ждать, а когда нанести сокрушающий удар. Даже если это удар в спину.

Райз смерил Фелиса тяжелым взглядом.

— Что, если я откажусь?

— Ничего, — тот пожал плечами. — Все будет так, как и было бы, не призови я тебя. Только теперь ты здесь, и бежать некуда. Так что день за днем ты будешь наблюдать, как Орда пожирает все вокруг, а затем, рано или поздно, она поглотит и тебя.

Райз не знал, о какой орде идет речь, да и сейчас это не имело особого значения. Куда важнее было то, что Фелис говорил так, будто сам являлся частью этой орды — с жаркой страстью фанатика.

Покачав головой, Райз вздохнул. Он не собирался впадать в отчаяние — все же он считал любую жизнь куда лучше смерти. Но после всего оказаться в передрыге, к которой он даже не имел никакого отношения, — подобное несколько удручало. Почему нельзя было просто вернуть его к жизни и отпустить ловить рыбу где-нибудь в глуши или разводить, скажем, овец на стыках гор? Да, какое-то время он был бы совсем не прочь насладиться скукой, которая наверняка одолела бы его на третий или четвертый день размеренной

жизни.

Но ведь ничего не мешало ему так и поступить — кроме неведомой орды, с которой, если Фелис не тронулся умом и имеет рабочий план, у них есть шанс справиться. К тому же это не первая его отчаянная авантюра, и сейчас он всяко смысленнее и ловчее тринадцатилетнего пацана, коим являлся, когда попал к друидам. Так что нужно всего-то устранить еще одно препятствие, и вот она — жизнь, где он делает то, что хочет, а не то, что от него требует долг и желание защитить семью. Хорошо, что теперь ради последнего не нужно расставаться с жизнью.

— Когда я сделаю то, что ты хочешь, я буду свободен? — Райз решил уточнить, чтобы не тешить себя напрасной надеждой. Вернее, чтобы заранее начать обдумывать план, как избавиться от контроля со стороны Фелиса.

Интересно, известны ли тому его текущие мысли? Или только те, что были до смерти?

— Ты будешь свободен намного раньше, — Фелис снисходительно улыбнулся. — Ты же выяснил, что сможешь даже отказаться делать что-либо, разве нет? Мне не нужен послушный слуга. Мне нужен тот, кто решит проблему так, как умеет решать подобные ей. И если ты сам не будешь этого хотеть — ничего не получится.

— Ладно, — Райз кивнул без особого воодушевления. — И что мне нужно делать?

— Для начала — починить сломанную вещь.

Фелис перевел полный предвкушения взгляд на сидящего у окна человека. Будто бы охотник, наблюдающий из укрытия за тем, как на его глазах дикий зверь собирался вот-вот угодить в тщательно подготовленную ловушку.

Райз начинал раздражаться. Если он для Фелиса являлся чем-то вроде трофейной дичи, то второго возвращенного не удостоили и подобной сомнительной чести.

— Дело в том, — продолжил Фелис, — что у парня в последние дни все пошло под откос. Сначала погиб его учитель — единственный, кому было до него хоть какое-то дело. Затем девушка, в которую он влюбился. Товарищ, — Фелис загибал пальцы на руке. — С последним вообще беда: его убили, когда он вступился за парня, при этом даже не подозревая, что меньше, чем через сутки, тот превратит его планету в груды мелких астероидов.

Брови Райза поползли вверх.

— Да, размах поболее твоего будет, — Фелис хмыкнул. — Но не пойми превратно: он не негодяй, совсем напротив. Это было необходимой мерой, чтобы спасти его родную планету — двойник той, что он уничтожил, только в параллельном мире. Даже не спрашивай подробности, это долгая история. Тебе достаточно знать, что иного пути не было: погибла бы или одна цивилизация, или обе, — Фелис сделал театральную паузу и загнул следующий палец. — Точнее, так ему сказали. В действительности же был еще один выход, не такой надежный и тоже не без потерь, но они были бы куда меньше. Об этом ему стало известно сразу после того, как сила, которой он обладал, вернула его к жизни. И в завершение: в процессе этого возвращения, о возможности которого он даже и не подозревал, и которое не контролировал, погибла его младшая сестра. Он неосознанно поглотил всю ее энергию, без которой люди его мира не могли существовать. В тот же день он свел счеты с собственной жизнью.

Райз посмотрел на Фелиса, в голосе которого звучал неприкрытый восторг, как на слабоумного.

— И ты счел, что после всего этого дерьма, оживить его — хорошая идея?

— Естественно! С его помощью ты сможешь защитить мой мир, — Фелису пришлось не по нраву необходимость повторять очевидные вещи, но, смилостивившись и простив Райзу его невежество, он направил свое раздражение на светловолосого. — Когда он перестанет валять дурака. Проблема в том, что с того самого момента, как я вернул его к жизни, он уже несколько раз пытался убить себя.

— Как неожиданно.

— И как не к месту. Он до сих пор жив только потому, что я не позволяю ему причинить себе вред. Но долго так продолжаться не может. Чем раньше я верну вам полную свободу воли, тем больше времени будет на подготовку. Но пока мальчишка не угомонится, я не могу этого сделать.

— Что ты подразумеваешь под полной свободой воли?

Фелис склонил голову набок, испытывающе посмотрел на Райза и сухо приказал:

— Покажи мне правую ладонь.

Ни мгновения не колеблясь, Райз протянул Фелису руку ладонью вверх, и только сделав это, осознал, что произошло. Он попытался вернуть себе контроль над конечностью, но мышцы отказались ему подчиняться.

— Это тебе не голос Светоча, да? Против этого не пойти даже тебе, — Фелис плотоядно усмехнулся. — Свободен.

С этим словом контроль над рукой вернулся. Райз резко отдернул ее и наградил Фелиса злым взглядом.

— Не дергайся так, — небрежно бросил тот. — Это всего лишь временная мера, чтобы никто из вас не натворил сгоряча глупостей, которые дорого мне обойдутся. И если в твоём случае можно было бы отделаться легким испугом, то парень совсем берегов не видит. Так не пойдет.

— Знаешь, для того, кто проживает жизни других и знает, через что они прошли, ты ведешь себя, как последняя сволочь.

— Хо-хо, — Фелис тихо рассмеялся и покачал головой. — Если бы ты пропустил через себя столько же судеб, сколько и я, вел бы себя точно так же.

Райз фыркнул — не столько, чтобы выразить свое несогласие, сколько чтобы обозначить в разговоре точку. Он не собирался вести дискуссию на подобную тему с кем-то вроде Фелиса. О чем вообще спорить, когда тот был не так уж и не прав? Даже не просматривая чужие биографии от первого лица, Райз мог с уверенностью сказать, что подобное занятие уж точно не способствует развитию человеколюбия.

Он перевел взгляд на светловолосого. А парню нехило досталось. Райз не знал, как бы поступил сам, если бы собственноручно погубил сестру. Конечно, убивать себя он не стал бы: смерть наследника одной из ветвей Первого мага повлекла бы за собой очередную катастрофу. Но и жизни он бы себе не дал.

— Ты говорил с ним? — спросил Райз.

— Нет, ни слова не сказал. Это твое оружие, тебе с ним и разбираться.

— Имя у этого «оружия» есть?

— Къарт. Его зовут Къарт.

Райз помолчал, размышляя над тем, что предпринять. Он не считал себя великим врачом души, да и весь его круг общения в сознательном возрасте сводился к друидам, чью психологию и мировоззрение сложно было приравнять к человеческим. И пусть в последние годы в Лоне и проживали другие люди, Райз старался не контактировать с ними

больше, чем того требовали тренировки.

— Ладно, — наконец сказал он. — Оставь нас и не мешай.

— Как скажешь, Райз, — Фелис расплылся в самодовольной улыбке, немного склонил голову, откровенно насмехаясь, и отошел от двери.

Смерив того неприязненным взглядом, Райз шагнул в комнату и захлопнул дверь перед носом мужчины.

Къарт оставался неподвижен. Он словно бы сросся со стулом, окаменел, превратился в лишенное чувств изваяние. Райз неспешно приблизился к нему и, встав у окна так, чтобы видеть лицо парня, к собственному неудовольствию осознал, насколько удачным оказалось выбранное сравнение.

Взгляд светлых, цвета расплавленного золота, глаз не изучал пейзаж за окном. Он смотрел куда-то сквозь пространство и вряд ли вообще замечал что-либо вокруг.

Къарт выглядел еще совсем юным — Райз дал бы ему от силы двадцать лет: с длинными стрелами бровей, подчеркивающими миндалевидную форму глаз, рельефным, старательно выведенным кончиком носа, ни разу не ломаным в дворовых драках; четко очерченной челюстью. Его облик можно было бы назвать светлым, и уж никак не принадлежащим тому, кто был способен уничтожать целые планеты и вообще иметь какое-либо отношение к лишению других жизни. Можно было бы возразить, что психопаты и прочие личности, не зараженные гуманностью, зачастую выглядят безобиднее, чем закаменелые праведники. Но Райз привык доверять своей проницательности. И сейчас ему понадобилось всего ничего времени, чтобы понять, что будет непросто.

— Къарт, — тихо позвал он. Как и ожидалось, парень не повел и бровью. — Не против перекинуться парой слов? Мое имя — Райз. Фелис — местный..., даже не знаю, кто он такой, вернул меня с того света так же, как и тебя, — Райз помедлил, прежде чем продолжить. — Он рассказал мне о твоём прошлом. Не буду говорить, что знаю, что ты чувствуешь, но твоё желание прекратить все это мне вполне понятно.

Къарт не обратил на него ни малейшего внимания. Даже ресницы не дрогнули.

Размышляя, как быть дальше, Райз окинул комнату взглядом; задержал его на столе, на котором стояла тарелка с нетронутым завтраком. Как давно Фелис вернул парня? И как долго тот вот так просидел?

— Знаешь, если бы ты проявил чуть больше участия, думаю, мы могли бы на пару сообразить какое-нибудь решение твоих проблем, — заметил Райз, не сводя со стола взгляд.

Ничего. Къарт не шелохнулся. Не вскочил со стула, не схватил Райза за грудки, прокричав в лицо что-то про абсурдность озвученного предложения. Он, словно брошенная в ведро рыба, уже уставшая биться и способная разве что вяло открывать рот, продолжал смотреть перед собой стеклянными глазами. На какое-то мгновение Райз даже было решил, что Фелис не до конца вдохнул в тело парня жизнь, но это было бы слишком просто.

Райз отлип от стены и подошел к столу; провел пальцами по холодной рукоятке лежащего рядом с вилкой столового ножа. Он, конечно, мог увещевать и дальше, нести какой-нибудь слабо-научный бред. Болтать, не затыкаясь, пока у Къарта не лопнет терпение или же он попросту не сдастся. О чем ему вообще было говорить с тем, кого он видел впервые в жизни?

Или можно было сделать все куда быстрее, пусть и не особо изящно. Но так даже лучше. Как бы только не наломать в процессе еще больше дров.

— Отказываешься говорить со мной, да? — Райз сжал рукоятку ножа и приблизился к

Къярту, встал за его спиной. — А вот Фелис оказался довольно разговорчивым. Он упомянул, что не позволяет тебе причинить себе вред. Интересно, может ли это сделать кто-то другой?

С этими словами он приставил нож к горлу парня, пристально следя за отражением его лица в окне. Когда он, надавив сильнее, немного сдвинул зазубренное лезвие в сторону, и на коже выступила алая капля, взгляд Къярта ожил.

— Какая досадная оплошность с его стороны, — Райз усмехнулся.

Неужто Фелис и правда допустил подобный просчет? Или же сделал это намеренно?

Райз начал было убирать руку с ножом от горла Къярта, когда тот схватил его за запястье. Их взгляды встретились в отражении на стекле.

— Пожалуйста, — прошептал Къярт.

Райзу стало не по себе. Он давным давно похоронил даже воспоминания о таком понятии, как сострадание. Но тоска в голосе парня и отчаяние во взгляде все же сумели потревожить иссохший труп, и тот высунул костлявые пальцы из земли. Высунул, стоило заметить, довольно упрекающе, будто бы это Райз всучил жизнь, словно орущего кота, тому, кто этой жизни не желал.

— Прости, парень, я не могу.

Къярт не стал просить дважды. Вместо этого, не выпуская руки Райза из мертвой хватки, он дернулся вперед. Предвидев подобный ход, Райз крутнул нож в пальцах, меняя лезвие и рукоять местами. Горло Къярта уперлось в округлую рукоятку.

Пальцы парня впились в запястье, заставляя выпустить нож, который тот тут же поймал на лету левой рукой. Къярт вскочил на ноги и повернулся к Райзу, так и не выпустив его запястье и, по всей видимости, собираясь с размаха воткнуть тому нож между ребер.

Райз ударил схватившую его руку, ослабляя захват, и пнул разделяющий его и Къярта стул. Потеряв равновесие, парень налетел на окно. Оно было слишком узким, чтобы тот мог в него выпасть, но разлетевшееся на осколки стекло мерзким дребезжащим тоном сообщило, что разборка с Фелисом не миновать.

Къярт уже был готов кинуться на Райза вновь, так что тот поспешил перекатиться через находившуюся за спиной кровать. Хватило пары движений, чтобы понять, что Къярт тренирован не хуже него.

— Парень, успокойся, — произнес Райз, следя, как тот обходит разделяющую их кровать.

— Я спокоен, — ледяным тоном ответил Къярт.

От него прежнего, застывшего на стуле с вьевшейся, как деготь в кожу, болью и мольбой в голосе, не осталось и следа: в Райза вперился взгляд, в котором кипела ярость.

Къярт бросился на него, в последний момент перебросив нож из правой руки в левую. Райз отвел в сторону направленный в живот удар, поднырнул под метящий в голову кулак, и, зайдя за спину парня, толкнул того на платяной шкаф. Къярт вернул себе равновесие куда раньше, чем ожидалось, и напал снова.

В редкие моменты, когда Райзу приходилось блокировать удар, вместо того, чтобы отвести его, он сполна ощущал на себе мощь парня и мог с уверенностью сказать, что физическая сила того на порядок превышала его собственную. Он даже приравнял бы ее к силе друида. И что это? Личная инициатива Фелиса, или же в своей прежней жизни тело Къярта обладало такой же мощью?

Угодив под очередной удар, Райз понял, что его навыков ближнего боя не хватит, чтобы

перекрыть превосходящую физическую силу. Будь она дурной — сложностей и вовсе бы не возникло. Но Къярт выверял каждое свое движение и изучал Райза так же, как и Райз его.

Мысль, что Фелис приврал, называя парня невинной овечкой, пронеслась в сознании вместе с ножом, полоснувшим по груди, когда Райз не смог уклониться от удара.

Но на том расстоянии, с которого бил Къярт, ране следовало получиться куда глубже. Да и после успешной атаки тот не должен был оказаться в настолько шатком положении, чтобы от одного удара по ноге упасть на колени и позволить схватить себя за руку, что держала нож.

Толчок в спину, и Райз повалил Къярта лицом в пол. Заломив руку и не давая подняться, он выхватил у него нож и отбросил в дальний конец комнаты.

— Пожалуйста, — прохрипел Къярт.

Райз покачал головой. Ясно. Раз он отказался добровольно вскрыть тому горло, парень решил не оставить ему выбора, после чего подставился, полагая, что никто не догадается, что он задумал.

— Нет.

Райз сильнее повернул запястье заломленной руки, когда Къярт попытался высвободиться. Он, что, совсем не чувствует боли? Или играючи ее игнорирует?

— Угомонись уже. Неохота опять с тобой драться, — Райз подвигал из стороны в сторону челюстью, которую Къярту таки удалось один раз зацепить.

— Тогда тебе придется убить меня.

— Ого, как заговорил, — Райз присвистнул. — Фелис говорил, что ты душка. А на деле не прошло и пары минут, как ты из меня убийцу сделать хочешь. Или для тебя забрать жизнь одного человека — мелочь?

Он бил прицельно, с полным осознанием того, что делает, но мука, исказившая лицо Къярта, все же зародила внутри чувство вины.

Проклятье. Угораздило же так встрять.

— Я знаю, что тебе паршиво, — смягчившись, произнес Райз. — И в других обстоятельствах сделал бы так, как ты просишь. Но я собираюсь выполнить то, что требует Фелис, и мне нужна твоя помощь. Знаешь, даже не согласишься я добровольно, не думаю, что он так просто отпустил бы кого-либо из нас. Вариантов у него, как я понял, не так уж и много.

— Мне плевать, — пробормотал Къярт. — Я просто хочу, чтобы все закончилось.

— Не хватает сил жить с последствиями своих действий? — Райз немного ослабил хватку. — Это трусость и слабость, Къярт. Тебе не изменить прошлого. Не исправить того, что случилось, по твоей вине или нет. Но ты можешь хотя бы попытаться немного сравнять счет. Фелис даст тебе силу, с которой ты сможешь спасти много жизней.

— У меня уже была сила, которая спасла много жизней, — с горечью прошептал Къярт. — Только сгубила она не меньше.

— У всех бывают неудачные дни.

— Неудачные дни? — вскинулся тот. — Разорванную на куски планету ты называешь неудачным днем?!

— Плевать, что и как называется. Прими то, что сделал. И двигайся дальше. Раз тебе дали еще одну жизнь, хотя бы попытайся сделать из нее что-то толковое, — жестко произнес он и, помолчав, добавил уже спокойнее: — А я, в свою очередь, присмотрю, чтобы ты не натворил бед.

Къарт затих. Он больше не пытался вырваться. Уткнувшись щекой в пол, он слабо вздрагивал. Взглянув на него, Райз увидел, что тот плачет.

— Прощу, прекрати это, — пробормотал Къарт.

— Нет. И хватит уже ныть.

— Ненавижу тебя, — сцепив зубы, прошипел тот.

Райз не сдержал смех. Похоже, парень окончательно выдохся.

— Это вряд ли, — отсмеявшись, Райз посмотрел на него. — Если ты кого и ненавидишь, то только самого себя.

Он отпустил руку Къарта и отодвинулся, оперся спиной на стену.

— Я бы ненавидел, — задумчиво добавил он.

Къарт не спешил подниматься с пола.

Опустив взгляд, Райз посмотрел на горизонтальную полосу, что пересекала грудь. Туника напиталась кровью и стала еще жестче, чем была. Эта драка совсем его измотала.

— Скажу прямо, — Райз снова заговорил, — со всей этой историей ты по уши увяз в дерьме. Но раз мы теперь в одной связке, расхлебывать его будем тоже вместе. Вместе пришли, вместе уйдем. Уяснил?

Къарт молчал. Его спина была совершенно неподвижна, словно он перестал даже дышать.

— Это был вопрос, — с напускным раздражением добавил Райз. — И я жду ответ.

— Да, — выдавил Къарт. — Уяснил.

— Хорошо.

Райз перевел взгляд на разбитое окно. На сером полотне неба виднелась продолговатая синяя заплатка.

Райз нашел Фелиса там же, где встретил впервые — в кресле с чашкой чая в руках.

— Даже быстрее, чем я предполагал, — тот расплылся в улыбке.

Когда Райз и следующий за ним мрачной тенью Къярт спустились по лестнице, на лице мужчины не осталось и намека на радость.

— Это что еще такое? — Фелис скользнул взглядом по ране на груди Райза и уставился на Къярта, как на глупого ребенка, разбившего любимую вазу. — Твоих рук дело?

Претензия, высказанная Фелисом, была настолько же неуместна, насколько болезненна для Къярта. И пусть тот держал себя в руках, Райз уже знал, что означают те или иные перемены во взгляде парня.

— Отвали от него, — грубо сказал он, размышляя о том, что и, главное, зачем творит Фелис. — Лучше потрудись объяснить, что здесь вообще происходит. От начала и до конца.

— Конечно, — Фелис поставил чашку на стол. — Я расскажу вам все, — он положил руки на подлокотники кресла, вот-вот готовый встать, и замер. — После того, как восстановлю твою оболочку, и ты переоденешься в подходящую одежду.

— Нет. Ты начнешь говорить сейчас.

— С чего ты взял, что можешь вот так дерзить и указывать мне? — удивился Фелис.

Его взгляд потемнел, и Райзу показалось, что еще немного, и Фелис напомнит, что именно его слово будет последним, но тот смолчал. Как Райз и думал.

Он мог бы обойтись без давления и игр с огнем, но раз представилась удобная возможность, почему бы ей не воспользоваться? Каким бы ни был исход, он так или иначе сыграл бы ему на руку: подчини его Фелис, и Къярт бы увидел, что они и правда в одной лодке, что в будущем предоставило бы больше пространства для маневров. В противном случае — как Фелис и поступил — это послужило бы первым кирпичиком в стене уверенности парня, что даже при проигрышном раскладе Райз контролирует ситуацию.

— Пусть будет по-твоему, — черты Фелиса смягчились. — Займемся твоим внешним видом позже. Но я буду настаивать на том, чтобы переместить нашу беседу за обеденный стол. Прояви благоразумие, Райз: тогда как ты пришел в себя меньше часа назад, Къярт уже три дня не притрагивался ни к еде ни к воде.

Райз коротко взглянул на парня. Судя по его скорости и силе во время их драки он даже не подумал бы, что Къярт устроил трехдневную голодовку.

— Хорошо, — согласился Райз.

— Следуйте за мной.

Фелис улыбнулся и, наконец покинув кресло, направился к двери. За ней располагалась длинная галерея с широкими и светлыми окнами, обрамленными собранными в складки шторами. По ту сторону окон желтая полоса дороги змеей сползала с холма, на котором и стоял особняк, уводила вдаль, мимо лугов и леса, местами почти скрывающего ее от глаз, к поселению, что едва виднелось на горизонте.

Миновав несколько закрытых дверей, Фелис привел их в столовую — по размеру куда меньшую, чем ожидалось. И пусть за обеденным столом без какого-либо стеснения мог разместиться десяток человек, между спинками кресел и стенами оставалось немногим

больше пары метров. А несоответствие площади комнаты высоте потолка, к которому тянулся горбатый дымоход камина, и вовсе превращало комнату в колодец, чему немало способствовало отсутствие даже захудалой форточки.

— Прошу, — Фелис указал рукой на кресла, приставленные к середине стола друг напротив друга, сам же уселся во главе.

Закрытая прежде дверь, спиной к которой сел некромант, распахнулась, будто бы только и ждала, когда все займут свои места. Пара скелетов, несущих в каждой руке по блюду, Райза не удивила, а вот Къярт смотрел на них так, будто бы они были порождением опьяненного дурман-травой разума.

Поставив блюда на стол, скелеты скрылись за дверью, и почти тут же вернулись: один — с двумя тарелками и столовыми приборами к ним, второй — с чайником и единственной чашкой для Фелиса.

— Надеюсь, вас устроит скромная трапеза, — елеиным голосом произнес тот, когда скелеты закрыли дверь с другой стороны.

— Фелис, — напоминая, что все еще ждет объяснений, спокойно произнес Райз. Все же лишний раз наглеть не стоило.

— Да, конечно. Начнем, пожалуй, с самого начала, — Фелис налил чай в чашку и подул на него. — Примерно каждую тысячу лет на этот мир нападает Орда. Это происходит так давно, что не сохранилось ни одной записи о самом первом вторжении. Но это не имеет значения. Куда более важно то, что каждый раз Орда уничтожает по меньшей мере половину всего живого. Однако три тысячи сто шестьдесят пять лет назад, когда Орда вновь устроила жатву, появилась надежда, что этому придет конец. В наш мир пришли исполины. Неизвестно, откуда они явились — скорее всего из другого мира так же, как и Орда. Хотя некоторые утверждают, что видели, как они выходили из океана. Их было немного, какие-то три сотни, но их мощь позволила сдерживать Орду, пока той не пришло время уходить.

Наступило несколько веков покоя. Исполины — а осталось их чуть больше, чем двести — помогали возводить города, восстанавливали разрушенные Ордой территории. И когда две тысячи триста семьдесят три года назад она вернулась, снова дали ей бой. Но победить ее не могли даже они. Только потянуть время, измотать, дать людям возможность бежать с земель, по которым проходили полчища мертвецов. После Второй Великой Войны исполинов осталось меньше сотни.

О них самих мало что известно. Хоть исполины и оберегали человечество на протяжении тысяч лет, они редко вступали с людьми в непосредственный контакт. Но то, что у них не появлялось потомство, было очевидно и без общения.

А тысяча триста двадцать два года назад исполины уничтожили вернувшуюся Орду. Три года она сеяла смерть и забрала жизни почти всех оставшихся исполинов, но затем..., — Фелис сделал паузу. — Затем оставшиеся в живых исполины уничтожили ее. Неизвестно, что именно тогда произошло, и как им это удалось. Неоспоримо только одно: после всего множества вторжений Орда была побеждена, пусть исполинам и пришлось заплатить за это своими жизнями — всеми до последней.

Фелис сделал неторопливый глоток и продолжил:

— За прошедшее тысячелетие пришлось пережить не один голод и не одну войну за ресурсы, но сейчас, можно сказать, все вернулось на круги своя. Поля снова дают богатый урожай, а леса полны дичи, города едва успевают разрастаться вслед за увеличивающейся популяцией, семимильными шагами движется наука. Планета восстановилась достаточно,

чтобы новой Орде было чем поживиться. И она уже на пороге.

Фелис улыбнулся уголком рта, исподлобья посмотрел на Райза.

— Когда исполины разбили Орду, по большей части состоявшую из мертвецов и поднявших их некромантов, последние разбежались кто куда. Именно от тех, кто попался в руки рожденному на пепелище государств Братству паладинов, и стало известно, что это была лишь временная победа. Пройдут века, может даже тысячелетия, но рано или поздно пожалует другая Орда. Некроманты же будут ждать этого момента, чтобы примкнуть к ней. Не те, что пришли с поверженной Ордой, а те, кому они передали силу, и их потомки. Хотя не удивлюсь, если кто-то из них — из первых — оказался достаточно умелым, чтобы сохранить себе жизнь на протяжении столь долгого времени. В таком случае их ожидание подходит к концу: на протяжении последних семи лет происходят события, знамения, предвещающие скорый приход Орды. Думаю, ее пришествие — вопрос пары лет, не более. И в этот раз на этих землях не будет исполинов, которые смогут дать ей отпор. Все, что от них осталось у человечества — их останки и скрытая в них сила, лишь малую часть которой смогли подчинить себе паладины. Они уверяют, что смогут отстоять земли, но их сила — ничто по сравнению с мощью Орды.

Фелис замолчал и всецело посвятил себя чашке чая.

— Так и чего ты хочешь от нас? — спросил Райз.

— Я это уже говорил тебе, и не раз, — Фелис вздохнул. — Я хочу, чтобы вы разобрались с Ордой, когда та явится.

Скрестив руки на груди, Райз откинулся на спинку кресла. Невероятно хотелось съязвить, но сейчас для этого было не лучшее время. Вряд ли Фелис — идиот, которого нужно тыкать носом в абсурдность его предложения. А значит у него есть более-менее рабочий план, который учитывает все моменты. Еще оставалась вероятность, что он попросту свихнувшийся некромант, и Райз пока не мог решить, какой из раскладов хуже.

— Опустим пока детали, — он с прищуром посмотрел на Фелиса. — Ты сказал, что некроманты были частью Орды.

— Да. Именно они принесли искусство возвращать умерших в этот мир.

— И ты один из них.

— Нет, я буду несколько помоложе, — Фелис расплылся в слащавой улыбке. Прочитав на лице Райза недовольство прозвучавшей вместо ответа шуткой, он улыбнулся еще шире, обнажив зубы. — Но да, я — некромант, хоть и считаю это понятие несколько односторонним и даже пошлым. Мне больше импонирует определение «реставратор». Стоит разделять искусство, величественное искусство, и всю ту мышиную возню, которой занимаются...

— Почему ты хочешь остановить Орду, а не присоединиться к ней? — Райз прервал Фелиса прежде, чем его речь превратилась бы в нескончаемый поток сознания.

— Почему бы и нет? К Орде стремятся примкнуть те, кто достаточно умны, чтобы понимать, что с подобной силой им не совладать, и достаточно самолюбивы, чтобы верить, что Орда примет их в свои ряды, а не переработает на корм, как всех остальных. И в тоже время, недостаточно..., — Фелис задумался, подбирая подходящее слово, — недостаточно прагматичные, чтобы постичь простую истину: на любую силу всегда найдется большая, — он стер с лица брезгливость и добавил будничным тоном: — К тому же, не Орда строила этот мир, значит не ей его и разрушать.

Фелис замолчал и перевел взгляд на Къярта. За все время тот не пошевелился и не издал ни единого звука. Он даже не смотрел на Фелиса. Райзу был знаком этот взгляд,

уткнувшийся в черную кайму по краю белого фарфора тарелки, а на деле — не замечающий даже ее. Услышал ли парень хоть одно прозвучавшее здесь слово?

— Я был бы крайне признателен, если бы ты наконец поел, — процедил Фелис. — Мне приходится тратить уйму энергии, которой нашлось бы куда более уместное применение, чем поддержание твоей оболочки, пока ты устраиваешь голодовку.

Похоже, мысли Къярта были где-то далеко, и все сказанное Фелисом прошло мимо него.

— Къярт, — позвал Райз, и тот нехотя поднял на него взгляд. — Пожалуйста.

Парень уступил и, взяв вилку с длинными тонкими зубцами, принялся насыпать в тарелку мясное рагу.

— Славно, — даже не попытавшись добавить в интонации одобрение, произнес Фелис. — Тебя, Райз, это тоже касается.

— Я не голоден.

— Да что же за упрямое невежество! — некромант вспыхнул внезапно, будто масло, в которое упала тлеющая спичка. — Ты хоть представляешь, каких усилий стоило создать ваши тела? Как думаешь: научный прогресс этого мира достаточен, чтобы хоть на грамм облегчить подобную задачу? Без эмбрионов, даже без крохи генетического материала — абсолютно жизнеспособная оболочка, обладающая всеми процессами, присущими человеческому телу. И ее нужно кормить, поить и укладывать спать по расписанию, даже если ты не чувствуешь в этом потребности. Пока, — запал Фелиса утих так же стремительно, как и появился. — Понадобится какое-то время, чтобы привыкнуть к ней. Я уже говорил тебе это, — произнес он с видом архитектора, размышляющего, а не допустил ли он фатальную ошибку в чертежах, из-за которой только вчера возведенное здание рухнет через пару дней. — Словно дикари, которых пустили в храм. Никакого почтения к чужому труду.

— Я понял, понял. Уже раскаиваюсь в своем невежестве, — поспешил заверить того Райз.

Пока они справлялись с ужином, Фелис продолжал рассказывать.

Предыдущая Орда по разной информации насчитывала от сорока до семидесяти миллионов голов. Почти все они являлись поднятыми некромантами существами, что населяли миры, которые Орда разрушила прежде. Так что следовало ожидать, что в этот раз ее численность будет не меньше.

Фелис достоверно не знал, зачем Орда опустошает миры. Он не считал, что целью является банальное уничтожение ради уничтожения, скорее сбор ресурсов. Но каких именно и для чего — оставалось загадкой, ответ на которую трудно было найти в обращенных в пепел городах. Возможно, больше информации содержалось в архивах паладинов — тех, что они решили не делать достоянием общественности.

Братство родилось почти сразу после победы на Ордой. Хоть ее и разгромили, уцелевшие некроманты и всякие хищные твари — живые, а не мертвые — продолжали терроризировать сумевший пережить войну остаток человечества. Так что рождение паладинов, отчаянных смельчаков, видевших единственное спасение в освоении силы павших исполинов, было вполне логичным витком эволюции. Сначала появились небольшие разрозненные отряды, но за пару десятилетий они собрались под одним руководством и создали всемирную структуру, что оберегала человечество и по сей день. Но несмотря на ее влияние, двадцать тысяч разбросанных по четырем континентам бойцов, пусть и наделенных сверхчеловеческими способностями, будут вмиг сметены Ордой, в чьем распоряжении

наверняка окажутся солдаты не хуже. И даже объединенные армии государств им не помогут — только станут легкой добычей для некромантов, уже начавших поднимать головы.

О скором пришествии Орды свидетельствовали не только появляющиеся повсюду чудища, которых никто не видел прежде, и которых вообще не должно было существовать. За последние семь лет между государствами, до этого старательно хранившими пусть и худой, но мир, началось одиннадцать войн, шесть из которых окончились полным разгромом одной из сторон и ее поглощением победителями, которые, в свою очередь, не собирались останавливаться на достигнутом. И пусть подобное происходило среди мелких держав, однако земель любой из них хватило бы, чтобы стать отправной точкой для Орды. А миллионы погибших послужили бы отличным пополнением ее рядов.

— Ступайте за мной, — приказал Фелис, как только тарелка Райза опустела. Къарт закончил с трапезой раньше и вернулся в изначальное, лишенное интереса ко всему происходящему, состояние. — Сил моих больше нет смотреть на это безобразие.

Сказав это, Фелис, преодолевая себя, вновь взглянул на порез на груди Райза и встал из-за стола. Ножки кресла негодуяще проскрежетали по полу.

Когда они оставляли столовую, пара скелетов уже суетилась, убирая тарелки и блюда.

— Как они двигаются? — спросил Райз, когда туфли Фелиса застучали каблуками по лестнице, ведущей на первый этаж. — У них нет ни мышц, ни связок.

— Печати держат кости вместе, они же приводят их в движение.

— Зачем использовать скелет, если можно заставить двигаться что угодно?

— Не что угодно. Из «чего угодно» получится голем, а не мертвое. Для голема печати должны определять не только поведение, но и логику движения. Слишком много мороки, чтобы подобным сейчас вообще кто-либо занимался. Печати же мертвый используют знания каждой клетки об организме и заменяют недостающие элементы. Это проще, хоть и доступно только тем, кто имеет дар, позволяющий активировать печати.

— Некромантом может стать не каждый?

— Некромантами рождаются, а не становятся, — хмыкнул Фелис и толкнул украшенную богатой резьбой дверь из темного дерева.

Окна комнаты — уже привычно узкие и высокие — выходили во внутренний двор. Бледные лучи света падали на узкий каменный алтарь, на выстроившиеся вдоль стены шкафы и столы с коллекцией реторт, мензурок, склянок, бутылей с фигурным горлом и содержимым всевозможных цветов.

За одним из столов, склонившись над выложенными полукругом раскрытыми книгами и ворохом бумаг сидела девушка. Черноволосая, коротко и неряшливо остриженная, будто ребенком, которому в руки попались ножницы; худощавая, как девочка-подросток, у которой еще даже не начала оформляться грудь — она больше походила на хлипкого паренька. Но стоило ей поднять голову и взглянуть на вошедших, как образ хрупкой девушки тут же испарился. И пусть идеально овальное лицо, с пухлыми губами и широким разлетом бровей, служило отличным обрамлением узким, будто бы прищуренным глазам, всю его изысканность рублила на корню надменность, что пропитала каждую черту.

— Ашша, ты перестала различать одежду для гостей и для слуг? — даже не взглянув на приподнявшуюся со стула девушку, сухо спросил Фелис.

— Нет, мастер Истлен, — не менее сухо ответила та.

— Тогда как ты объяснишь его внешний вид?

— Слуга одет, как слуга, — процедила Ашша и смерила Райза взглядом, которым в пору

было колоть камни.

— Вздорная женщина, — сказал, как сплюнул, Фелис и махнул рукой на алтарь. —

Сними эти лохмотья и ложись.

— Я? — с полуулыбкой спросил Райз.

— Ты видишь здесь кого-то еще в лохмотьях? Мне нужно повторить, или сделаешь, как велено, по доброй воле?

— Сделаю.

На ходу стягивая тунику, Райз приблизился к алтарю. Белый, иссеченный редкими перламутровыми прожилками камень не вызывал доверия. Но иного пути не было. Райз отметил, что не всякая фраза Фелиса, звучащая как приказ, вынуждала его тело повиноваться, но не сомневался, что тот не постесняется вновь подавить его волю, если это потребуется.

Не найдя, куда деть тунику, он бросил ее на край алтаря и сел рядом.

— Убери, — велел девушке Фелис. — И подай чернила.

Ашша выполнила указание без промедления, хотя ее полный высокомерия взгляд и поджатая нижняя губа более, чем красноречиво, сообщали, что она предпочла бы неделю убирать в свинарнике, чем даже раз приблизиться к Райзу и тем более коснуться его вещей.

— Ты тоже восставший мертвец? — с вежливой улыбкой поинтересовался Райз.

Он мог бы задать тот же вопрос и Фелису, но раз девица даже не пыталась скрыть неприязнь, Райз не мог лишиться себя удовольствия сыграть на этой ее слабости.

Ашша надменно фыркнула и бросила скомканную тунику в мусорную бочку в углу.

— Значит, некромант? — предположил Райз.

— Это было бы неразумной тратой усилий, — с кислой миной произнес Фелис и взял протянутый Ашшей толстый стержень, на конце которого находилось перо для письма. — Ашша — мастер печатей. Ложись.

— Не слишком ли молода, чтобы зваться мастером? — спросил Райз и нехотя подчинился.

— Она талантлива, — Фелис навис над ним со стержнем в руке и придиричивым взглядом осмотрел рану на груди. — А теперь не дергайся. Больно не будет.

Даже среди друидов Райзу удавалось избегать участи подопытного. И как бы некоторые представители их племени не пытались втоптать его в грязь, он никогда не оставлял нападки неотвеченными. Сейчас же, вытянувшись на алтаре в полный рост, он чувствовал себя оципаным гусем на разделочной доске — такой же беспомощный и выглядящий по-дурацки с покрытой мурашками кожей. Камень под обнаженной спиной казался еще холоднее, чем пол поместья.

Фелис склонился ниже и прижал наконечник стержня к коже. Все, что Райз почувствовал — это холодное, влажное прикосновение пера, оставляющего на коже пурпурный след.

— Для печатей используется различная основа, — поучительно произнес Фелис и посмотрел на Кьярта, застывшего у двери неподвижным изваянием. Его взгляд больше не был направлен в пустоту — теперь он неотрывно следил за некромантом. — В основном это зависит от назначения. Для печатей, которые заживляют живую или мертвую плоть, если они временные, лучше использовать легко разрушаемые чернила, например, из виноградных косточек. Чтобы печать стала чем-то большим, чем просто рисунком, чернила необходимо обогатить энергией. Эссенция жизни подходит практически для любых целей, но и является

одним из самых дорогих ресурсов.

— Печати может использовать кто угодно? — поинтересовался Райз.

— Помолчи пока, — жестко сказал Фелис, перестав водить стержнем. Вздыхнув, он все же ответил: — Если они наносятся чернилами, как правило, да. Конечно, всегда есть исключения. Но в большинстве своем — да, может использовать кто угодно, если есть правильные чернила.

Райзу оставалось только терпеть. Рана на груди была всего лишь царапиной, чтобы так с ней носиться. Но пока решения принимал не он, и это злило.

— Последний штрих активизирует печать. Так же, как и с контурами, — Фелис снова обращался к Къярту. — Опять же, не всегда. Некоторые печати требуют дополнительных действий. Но сейчас это неважно.

Когда Фелис завершил рисунок, печать тихо зашипела, словно вылитое на слабо разогретую сковородку яйцо; по груди растеклось тепло, а края раны начали зудеть.

— Печать передает энергию телу и стимулирует клетки к ускоренной регенерации. Если речь идет не о мертвой плоти. С ней все несколько сложнее, — Фелис выпрямился. — Можешь подниматься. Дальше печать сделает все сама.

Райз не без облегчения вернулся в вертикальное положение и посмотрел на грудь. Рана и впрямь затягивалась на глазах, часть поврежденной кожи отшелушивалась, часть срасталась с участками рядом; очертания печати постепенно блекли, пока и вовсе не исчезли, оставив на коже лишь легкое покраснение.

— Довольно удобный способ лечения, — заметил Райз. — Медицина, должно быть, процветает.

— Исцеляющие печати — вне закона. Для них подходит только эссенция жизни. Сам догадаешься, как некроманты ее получают, или мне подсказать?

Райз в подсказках не нуждался.

— Ты говорил, что для временных печатей нужны легко разрушаемые чернила. Значит, есть и постоянные? — спросил он, чтобы поскорее перевести тему на что-то, за чем не стояли бы человеческие жертвы, от упоминания которых лицо Къярта превратилось в камень.

— Да, но они затратны, так как требуют постоянной подпитки энергией. Как правило их используют, чтобы повысить выживаемость поднятых.

— В нашем случае решил не тратиться? — усмехнулся Райз.

— В вашем случае, — с нажимом произнес Фелис, — они не должны были понадобиться. Я не думал, что Къярт в первую же вашу встречу устроит драку. Хотя стоило это предвидеть.

— Не он ее начал.

— Да. Къярт никогда не начинает первым. А вот заканчивать у него получается отменно.

Фелис жестом подозвал Ашшу и отдал ей стержень.

— Кажется, я просил тебя отвалить от него, — Райз понизил голос.

— Прикуси язык, — словно кошка, защищающая потомство, зашипела Ашша. — Не смей говорить с мастером в подобном тоне. Своим скудным умишком ты даже представить не можешь, какая честь тебе оказана.

Райз устало вздохнул.

— Ашша, — ледяной тон Фелиса заставил девушку вздрогнуть, — проводи Райза и

Къярта в их комнаты. И позаботься, чтобы у них была свежая одежда. Подобаящая одежда. Довольно с меня твоих фокусов.

— Слушаюсь, мастер Истлен, — она покорно склонила голову, но не перестала исподлобья сверлить Райза полным бессильной злобы взглядом.

Час от часу не легче. Становящееся все сильнее ощущение, что его, как кота, только-только выбравшегося из мутной реки на берег, даже не дав перевести дух, схватили за шкуру и вновь швырнули в воду, омрачило радость возвращения из мертвых.

— Завтра с утра вы получите свои силы, — сообщил напоследок Фелис. — Понадобится время, чтобы освоить их в полной мере, так что чем раньше начнете, тем лучше. А сейчас вам нужно отдохнуть и поспать. Без возражений.

Райз безразлично пожал плечами. Къярт по своему обычаю даже не моргнул.

— Идите за мной, — процедила Ашша и направилась к выходу.

— Доброй ночи, Райз, — сказал ему в спину Фелис.

Райз оставил пожелание без ответа.

Оказавшись на площадке второго этажа, где он впервые встретился с Фелисом, Ашша не стала подниматься выше, а направилась к двери, скрытой за лестницей, что вела в другое крыло здания. По левую руку потянулся ряд закрытых дверей, по правую же шла глухая стена, украшенная светильниками с зажженными свечами и картинами, в ярких красках описывающих пейзажи долин и устьев рек так, как они выглядели бы с высоты птичьего полета.

Ашша остановилась у одной из дверей и посмотрела на Къярта: без неприязни или каких-либо иных чувств. На ее лице осталась только надменность, которую девушка носила вместо макияжа.

— Твоя комната, — произнесла она и открыла дверь.

Не дожидаясь, пока Къярт войдет, она зашагала дальше. Замерев у соседней двери, она одарила Райза презрительным взглядом.

— Я понял, — усмехнулся он и сам открыл дверь.

Прислонившись затылком к резному дереву, Райз слушал, как затихают шаги Ашши.

Эти покои выглядели куда богаче предыдущих. Достаточно просторные, чтобы вместить широкую кровать с балдахином, письменный стол и обшитый бордовым бархатом стул, секретер, платяной и даже барный шкафы. Пол у кровати покрывала гигантская шкура без головы. Панорамное окно, шириной почти в половину стены, смотрело на почерневший в сумерках лес.

Сразу у входа находилась еще одна дверь. Она вела в ванную комнату, оплетенную трубами из металла, похожего на медь. Здесь был и глубокий умывальник, высеченный из цельного, черного с белыми прожилками камня, и такая же ванная и даже душевая, отделенная от всего остального помещения стеной из перламутровых полупрозрачных блоков. Вместо окна на стене висело зеркало в полный рост, рядом стоял столик.

«Почти что Республика», — промелькнувшая мысль вызвала у Райза усмешку.

Ашша вернулась куда быстрее, чем он думал. Райз вообще не ожидал увидеть ее сегодня, так что когда девушка появилась на пороге ванной комнаты со стопкой аккуратно сложенной одежды в руках, он встретил ее удивленным взглядом. Ашша застыла, и Райз был уверен, что еще немного, и она просто разожмет пальцы и уронит вещи на пол. Но в итоге переборов себя, девушка прошествовала мимо, положила одежду на стол, и, не промолвив ни слова, вышла из комнаты.

Райз посмотрел на свое отражение в зеркале. Грудь и живот были испачканы в запекшейся крови.

Потратив какое-то время на то, чтобы выровнять температуру воды, в итоге Райз оставил эти попытки. Все же сравнение с Республикой было поспешным.

В этот раз Ашша и правда принесла одежду получше. Ограничившись беглым осмотром местных тканей, Райз оставил вещи на столике и вернулся в спальню. Он не чувствовал усталости, но вытянуться на мягкой перине, накрытой пахнущей мылом простыней, оказалось куда приятнее, чем он предполагал.

Даже очутившись Проклятый знает где, с перспективой потоптать здешнюю землю не дольше, чем позволит появление Орды, снова жить было здорово. Происходящее, больше похожее на сон, все еще слабо укладывалось в голове. К собственному неудовольствию Райз вынужден был признать, что растерян. Все, что он делал в жизни, прежней жизни, было направлено на защиту Огнедола. Он четко знал, что живет только для того, чтобы одержать победу над друидами, и когда эта цель будет достигнута, он отдаст свою жизнь в обмен на освобождение младшей сестры от родового проклятия. Он никогда не думал о том, что будет после того, как друиды перестанут представлять опасность для его родины. Не допускал даже мысли об этом. Ведь для него никакого «после» не существовало.

Но оно появилось. Одно только осознание, что теперь он сам волен распоряжаться своей жизнью, пьянило. И пусть над ним сейчас нависала воля Фелиса, а впереди ждала Орда — это всего лишь пара препятствий, стерев которые он наконец сможет вдохнуть полной грудью.

Сон не шел. Роящиеся в голове мысли не давали уснуть, и, похоже, не только ему. Приглушенные шаги Къярта по ту сторону стены не затихали ни на миг. С назойливостью метронома они отмеряли секунды.

Райз слез с кровати и скривился, когда успевшие отвыкнуть от холода стопы прилипли к ледяному полу. За окном, как и в комнате, стояла глубокая, обернутая в тучи ночь. Пошарив руками по столу, Райз отыскал спички и зажег совсем еще новую свечу в подсвечнике с оттиском еловой ветви на боку.

В платяном шкафу обнаружилось несколько пар обуви. Натянув низкие ботинки из мягкой кожи и одевшись в принесенные Ашшей вещи, Райз взял подсвечник и вышел из комнаты. В коридоре никого не было.

Он постучал в дверь Къярта. Шаги смолкли, оставив потрескивание свечи единственным, что нарушало тишину.

— Къярт? — негромко позвал Райз.

— Входи, — ответ прозвучал не сразу.

Его комната была зеркальным отражением спальни Райза. Даже изголовья кроватей соседствовали через стену.

— Как насчет подышать свежим воздухом? — предложил Райз.

— Нам можно выходить из своих комнат?

— Как видишь, я вот вышел, и кара небесная пока что меня не настигла, — хмыкнул он. — Чтобы Фелис там себе не думал — мы ему не рабы.

Къярт меланхолично пожал плечами, выражая безразличье тому, чтобы остаться в комнате или покинуть ее.

— Тогда пойдем.

Вновь оказавшись в коридоре, Райз направился в направлении, которым их привела

Ашша.

— Насколько я смог составить карту помещений, и, учитывая размеры наших комнат, по ту сторону должна быть терраса второго этажа, — он качнул головой в сторону увешанной картинами стены. — Осталось найти дверь. А вот и она.

Ведущая наружу дверь обнаружилась сразу за поворотом коридора. Охраняемая с двух сторон кадками с карликовыми деревьями, она оказалась не заперта.

От исполненного ночной свежести воздуха перехватило дух. Встретивший их порыв ветра потушил свечу, и Райз, оставив подсвечник на полу у двери, подошел к перилам.

— Что думаешь об услышанном сегодня? — спросил он, когда Къярт занял место рядом. — Если, конечно, слушал.

— Слушал, — после недолгого молчания признался парень и посмотрел на Райза из-под нахмуренных бровей. — Если все так, как говорит Фелис, и Орда действительно существует, и собирается напасть не через тысячу лет, а в ближайшем будущем, то его желание отправить всего двоих человек разбираться с ней для меня не звучит абсурдно. Как показала жизнь, нужного стечения обстоятельств и одного человека вполне достаточно, чтобы уничтожить планету, — Къярт отвел взгляд и сник с лица. — А тут всего-то какая-то орда.

— Фелис упоминал, что собирается дать тебе силу, требующую навыков управления с большим количеством энергии.

— Замечательно, — казалось, парень уже не сможет стать еще мрачнее, но у него это отлично получилось. — Ему следует подобрать другую кандидатуру. Я не собираюсь становиться причастным к разрушению еще одного мира.

— Нам надо разделаться с Ордой — значит ею и ограничимся. Можешь быть уверен: крушить планеты я тебе не дам.

— Твоя уверенность больше похожа на легкомыслие и наивность.

Фраза прозвучала так, будто Къярт уличал в слабостях не столько Райза, сколько самого себя.

— Это не первая моя невозможная задача, — хмыкнул тот, но улыбка, поддернувшая его губы, шла вразрез со ставшим напряженным взглядом. — Посмотрим утром, что приготовил для нас Фелис.

— Хорошо бы не очередную западню. Он утверждает, что хочет уничтожить Орду, но на деле все может оказаться совсем наоборот.

— Да, я тоже об этом подумал, — Райз кивнул.

В повисшем молчании, казалось, еще немного, и их мысли станут слышны друг другу. Райз всегда играл в одиночку. Один против всех, в окружении врагов, считающих его другом — для него это было так же естественно, как и дышать. И теперь, когда рядом появился вероятный союзник, перед которым не нужно было надевать маску, Райз задался вопросом: а существовало ли под маской его собственное лицо? Где проходила грань между Райзом, который был частью племени друидов, и ним самим? Существовала ли эта грань вообще?

— Не хочу опять оказаться марионеткой в чьих-то руках, — прошептал Къярт. — Не хочу опять нести смерть.

Райз покачал головой.

— Заканчивай уже с этим. Сделанного не воротишь. Прими его и двигайся дальше.

— Ты не понимаешь.

— Куда уж мне, — иронично согласился Райз, но слова парня все же заставили его задуматься. — А может, ты и прав. Не понимаю. Во всяком случае я не виню себя в том, что

самолично подписал друидам смертный приговор.

Къарт поднял на него вопросительный взгляд.

— Друиды — захватчики из другого мира, — пояснил он. — Они явились в мой в поисках убежища от сородичей, которые стремились их истребить. И, чтобы сделать новое место своим домом, решили вырезать местное население. Так что да, я не раскаиваюсь в том, что сделал, хотя мог бы, после прожитых-то среди них лет. Друиды начали войну. Они и поплатились за это.

— Между моей планетой и той, — Къарт запнулся, — второй, не было войны. Просто дурацкое стечение обстоятельств. И руководства государств на моей стороне решили, что уничтожить другую сторону — лучшее решение.

— А что та? Безропотно ждала? Пребывала в неведении?

— Нет, — лицо Къарта потемнело. — Они пытались сделать тоже самое с моей. Не только правительство. Обычные люди ничего не знали. Они ничем не заслужили такого конца.

— По-твоему, если бы их ввели в курс дела, многие бы согласились пожертвовать собой ради неведомой «второй стороны», а не поддержали бы верхушку?

По взгляду Къарта Райз понял, что тот даже не задавался подобным вопросом. Проклятье, он ведь и правда совсем еще юн.

— Къарт, не награждай людей добродетелями, которые им не свойственны. А если уж совсем не вмоготу, то хотя бы не кори себя из-за того, чего нет.

Райз старался говорить мягко, но Къарт все равно насупился и умолк. Следя за эмоциями, что время от времени появлялись на его лице, Райз вспоминал рассказ Фелиса о прошлом парня и о близких, которых тот потерял.

— Дело ведь не только в сгинувшей планете, да?

Молчание Къарта было красноречивее всяких слов.

— Как долго ты прожил среди друидов? — вместо ответа спросил он.

— Шестнадцать лет.

— И они принимали тебя, как своего?

— Да. Кто-то больше, кто-то меньше.

— Как у тебя получилось не привязаться ни к кому за столько времени?

Прозвучавший вопрос поднял на поверхность образ, который Райз поместил на самое дно омута сознания. Поместил еще до того, как его жизнь оборвалась.

— Никак, — сдержанно ответил он.

Райз сдался сну уже ближе к утру, так что когда через пару часов его разбудил голос Ашши, он пребывал не в лучшем расположении духа.

— Поднимай свою задницу и живо за мной, — зло сказала она, остановившись в дверях.

— Одеться-то хоть позволено?

Расставаться с подушкой не хотелось. Казалось, такая мелочь — тряпка набитая пухом — но у друидов ничего подобного не водилось.

Ашша даже не подумала отвести взгляд, когда Райз неспешно выбрался из постели и прошлепал босыми ногами в ванную комнату.

— Хоть скажи, чем и когда я успел тебе насолить.

— Ты? Мне? — фыркнула та. — Не переоценивай себя.

— Да никогда в жизни, — сердечно пообещал Райз.

— Пошевеливайся давай.

Ответом ей был плеск воды.

Освежившись и одевшись, Райз был готов идти.

За Къяртом Ашша зашла раньше, так что поприветствовав друг друга кивками, они сразу направились следом за девушкой: спустились на первый этаж и через широкие, витражные двери вышли во внутренний двор.

При свете дня он казался еще меньше и серее, чем с террасы, и даже фонтан с человекоподобной статуей, держащей на вытянутой вверх руке шар, не мог прогнать обосновавшийся здесь дух аскетизма. Трехэтажные корпуса с островерхими крышами нависали над двором черными скалами, кажущимися только темнее на фоне голубого неба.

Запрокинув голову, Райз остановился.

Совсем как небо его мира. Хотя прошло слишком много времени с того дня, как он видел его в последний раз, чтобы найти отличия. Друиды не выпускали его из Лона, а небо их родного мира было затянуто золотой пеленой Светоча, так что бездонная синева над головой на мгновение ошеломила.

— Чего встал? — одернула его Ашша.

— Ничего, — Райз вежливо улыбнулся и сдвинулся с места.

Один из корпусов особняка прямо по центру разрезал туннель. По ту сторону возле дома располагались двухэтажные хозяйственные пристройки; отступив от них на десяток метров, высился каменный забор, из-за которого выглядывали лишь самые макушки деревьев. Райз не обнаружил ничего даже отдаленно похожего на ворота — вероятно, они находились с другой стороны особняка. Зато прямо напротив арки забор прерывался на несколько метров, открывая путь к спускающейся в глубокий котлован лестнице. Почти что отвесные земляные стены поросли вьюнком, он же оплел и каменные столбы, вкопанные по всему периметру.

Фелис стоял в самом центре котлована, заложив руки за спину, и ждал, будто сублимый судья, которому не терпелось вынести вердикт и отправиться досыпать сны.

— Спасибо, Ашша, — сказал он, когда они спустились. — Займи мое место. Къярт — стой, где стоишь. Райз — начнем с тебя.

И Фелис направился навстречу ему.

Они встретились ровно посередине между Ашшей и оставшимся у лестницы Къяртом.

— Не жди чего-то особенного. Ваши силы должны быть сращены с душами — тело, как

ты уже знаешь, недолговечный сосуд. Так что все необходимые действия я провел до того, как вы пришли в себя. Почти все, — Фелис бросил взгляд за спину Райза. — Сейчас я только сниму сдерживающие печати: подумал, что впечатлений для первого дня будет достаточно и без новообретенных умений, так что решил скрыть их на время, — пояснил он. — А теперь не дергайся.

Его пясть привычным жестом легла на лоб Райза. Тот не без усилий выполнил просьбу не шевелиться.

— Это не больно. Но временная дезориентация возможна. Будет лучше, если ты закроешь глаза.

Ответив Фелису пристальным взглядом, Райз послушался. С каждой минутой беспомощность злила все больше. И то, что от Фелиса зависело, когда он наконец сможет от нее избавиться, только подливало масла в огонь.

Все произошло в одно мгновение. Хоть Райз и держал глаза закрытыми, его сознание все равно ослепили мириады вспышек всевозможных цветов. Они были повсюду: впереди, слева, справа, сверху, снизу — везде, где могли увидеть глаза, будь они открыты. Его словно бы столкнули в воду, с вылитой в нее краской, не позволяющей увидеть ничего, кроме расползающихся вокруг разноцветных клубов.

Чувствуя, что теряет равновесие, Райз отшатнулся от Фелиса, опустил на одно колено и оперся на руку. Пальцы второй коснулись век. Все еще закрыты. Хорошо. Значит он не ослеп.

— Не спеши, — голос Фелиса звучал так же четко, как и раньше. Следовательно, то, что произошло, затронуло только зрение.

После нескольких глубоких вдохов и выдохов искры вокруг начали меркнуть и пропадать. В итоге осталось лишь два скопления: одно — по большей мере рыжее; второе же — серое, смешанное с вкраплениями алого.

Скопления не были неподвижны. Они, словно всенаправленное пламя, медленно порождали лижущие воздух языки, и те тянулись отростками в стороны и вверх, извивались, меняя свою длину, словно ленивые щупальца.

Выждав еще немного и убедившись, что они не собираются исчезать, Райз открыл глаза.

Скопления не пропали, хоть и стали менее заметны на фоне всего остального мира. Фелис и Ашша стояли в их центре. Фелис — рыжего, Ашша — того, в котором прежде преобладали серые тона, а сейчас же проявлялось все больше красноты с примесью пурпурного.

— Фелис? — Райз перевел вопросительный взгляд на некроманта, и рыжее облако вокруг того пронзили зеленые прожилки.

— Каждая душа вырабатывает энергию, — губы некроманта растянулись в торжествующем оскале. — Эмоции, желания, стремления, которые наполняют ее владельца в текущий момент, изменяют ее свойства, окрашивают. Именно это ты и видишь — окрашенную чувствами энергию. Свой цвет она будет носить недолго: от десяти минут и до часа, я предполагаю. И пока энергия обладает данным ей окрасом, она будет подвластна твоей воле. Как это можно использовать, тебе придется узнавать самому.

— Издеваешься?

— Нисколько. Я всего лишь посадил прежде неизвестное науке зерно. Как добиться всходов и пожать их плоды — сможешь выяснить только ты сам. Кто же еще, как не маг, сумевший объединить враждующие силы Светоча и Моря Теней?

Облако, окружающее Ашшу, прыснуло краснотой и пурпуром.

— Ты можешь идти, Ашша, — сказал Фелис.

В молчании, от которого шума было больше, чем от крика, Ашша быстро прошла мимо, и Райз буквально кожей ощутил прикосновение алых отростков — горячее, даже жгучее.

— Она злится, — он утверждал, а не спрашивал.

И пусть Ашша и не скрывала этого, Райз сделал вывод, основываясь только на прикосновении энергии и не беря во внимание поведение девушки.

— Да, — Фелис кивнул. — Она считает, что эту силу должна была получить она. Считает, что ты не заслуживаешь подобной чести. Но одного только острого ума недостаточно, чтобы в полной мере раскрыть потенциал того, чем ты теперь владеешь.

Райз не собирался делать какие-либо выводы, толком не разобравшись, но то, что подброшенная ему Фелисом сила не была чем-то очевидным, что должно повергнуть Орду, сбивало с толку и в тоже время обнадеживало. Очевидные пути не числились в списке его любимых маршрутов.

— Встань позади меня, — произнес Фелис и перевел взгляд на Къярта. — Теперь твой черед. Подойди.

Прежде чем сделать, как велено, Райз обернулся. Къярта окружало перламутровое облако. Парень будто бы находился внутри гигантской раковины улитки, из которой не горел желанием выбираться. Но куда бы он ни направился, раковина следовала за ним, оставляя за собой белесый шлейф.

Къярт приблизился к Фелису, и тот без лишних слов опустил ладонь на его лоб — всего на секунду, после чего убрал руку и отступил на шаг назад.

— Постарайся первое время не прикасаться ни к кому, кого не собираешься убивать, — фраза, сказанная Фелисом с полу-улыбкой, полу-насмешкой, что-то задела внутри Къярта — флер вокруг него побили болезненные синие пятна. — В нашей вчерашней беседе я упоминал эссенцию жизни — энергию, которая пропитывает любой живой организм. Без нее даже совершенно здоровое тело умрет в считанные секунды. Это универсальный ресурс, который подходит практически для любых целей. Некроманты используют печати и ритуалы, тратят часы и даже дни, чтобы вытягивать эссенцию жизни из других. Тебе же хватит простого прикосновения.

Фелис замолчал. В наступившей тишине Райз наблюдал, как поле энергии Къярта темнеет, словно стремительно вечеряющее небо; как в нем зарождаются багровые искры, как они разгораются, захватывают все больше пространства, вытесняя из него синь. Нет, это небо не вечерело. Оно меркло в преддверии грозы.

— Вот так выглядит твое искупление, да? — вопрос Къярта, как и вся его злость, были адресованы Райзу, а не Фелису.

Их взгляды пересеклись, и Райз узнал ту же ярость, что была во взгляде парня, когда тот напал на него с ножом в руке: исступленная злость зверя, знающего, что ему не сбежать, но не желающего сидеть смиренно, пока над ним учиняют расправу.

— Я не стану в этом участвовать, — сдавленно произнес Къярт и, не дожидаясь чьей бы то ни было реакции, направился к лестнице.

— Тебе не сбежать от того, кто ты есть, — бросил ему вслед Фелис.

Къярт ускорил шаг и, взбежав по ступеням, скрылся из виду.

— Ты точно издеваешься, — произнес Райз. Некромант обернулся к нему и изобразил искреннее недоумение. — Может, просто послать тебя, а?

— Может, — Фелис хохотнул. — И как поступишь потом? Убьешь себя, как Къярт, или останешься наблюдать, как Орда пожирает все вокруг? Не буду говорить, что этот мир твой. Ты навсегда останешься здесь чужаком, таким же, каким был среди друидов. Но быть причастным к уничтожению чужого мира — не намного легче, чем к уничтожению своего собственного. Не веришь мне — спроси у Къярта, он в этом разбирается.

— Я не имею никакого отношения к уничтожению твоего мира, чтобы называть меня причастным.

— Бездействие, когда ты можешь его спасти — то же содействие, — Фелис пожал плечами.

— Как складно у тебя все получается, — едко заметил Райз. — Ну так давай, расскажи этот свой план спасения. Как, по-твоему, я и самоубийца, которого ты старательно доводишь до рецидива, должны остановить Орду?

— Плана нет, — спокойно ответил Фелис. — Придумать его — твоя задача.

Вот и ответ на все вопросы, что крутились в голове: Фелис был слабоумным — окончательно слетевшим с катушек некромантом, которого следовало запереть в чулане и никогда и ни к кому не подпускать.

Его уверенность в купе с его действиями выглядели настолько абсурдно, что Райз больше не сдерживал смех.

— Отлично. Сила эмоций и способность вытягивать жизнь прикосновением — против Орды. Дай мне пару деньков, и я что-нибудь обязательно придумаю, — с сарказмом произнес он.

— Если бы вы имели хоть немного терпения, — жестко начал Фелис, — то узнали бы, что данное Къярту умение — всего лишь инструмент. Удобный способ собирать эссенцию, с помощью которой он сможет поднять войско против Орды. Дар некромантии — вот то, что мне еще предстоит передать ему.

— Ты же говорил, что некромантом можно только родиться, что им нельзя стать.

— Как я обойду это правило — моя забота.

Райз поднял взгляд к небу.

Его злость стихала, но не потому, что в словах Фелиса появился смысл. Скорее, его утомляло пришедшее понимание, что найти выход будет еще сложнее, чем думалось раньше. Все же от этого утра он ждал несколько иного. И если с полученными силами разобраться еще можно было, то с душевным состоянием навязанного ему напарника дело обстояло куда хуже.

— Что-то не вяжется, — Райз покачал головой. — Ты говорил, что Орда состоит из множества некромантов. Что в ней будет не меньше пятидесяти миллионов мертвых. По-твоему, один некромант сможет поднять армию подобного размера?

— Нет, конечно. Даже такой, какой получится из Къярта. Я надеюсь, что он станет одним из сильнейших.

— Хорошо, — снова начиная распалаться, Райз неожиданно осознал, что не видит энергию, окрашенную своей же злостью. Воздух вокруг оставался кристально чист. — Давай подытожим: у тебя нет плана, ты ничего толком не знаешь о той силе, что дал мне, а той, что есть у Къярта, недостаточно. Но при этом ты веришь в то, что этого хватит, чтобы остановить Орду.

— Именно так, — Фелис расплылся в улыбке, которую нестерпимо захотелось стереть ударом чего-то тупого. — Видишь ли, я знаю, что именно с этих двух камней начнется

строительство дороги, что приведет к уничтожению Орды. Но где в итоге пройдет этот путь, мне неизвестно.

— Что знаю я, так это то, что ты морочишь мне голову. Ты играешь с Къяртом, упиваешься его состоянием. И как бы ты не расшаркивался, я — не идиот, чтобы верить, что со мной ты поступаешь иначе. Методы другие, а вот цель — все та же. Только я не могу понять, какая.

Улыбка Фелиса превратилась в оскал предвкушающего скорую добычу зверя. Райз следил за облаком энергии вокруг некроманта, но то оставалось неизменной смесью оранжевого и зеленого.

— Да ладно, Райз, кому это понимать, как не тебе? — вкрадчиво спросил Фелис. — Всякий кукловод, даже преследующий великие и благие цели, не прочь потворствовать собственным слабостям.

То, к чему клонил Фелис, пришлось Райзу не по вкусу.

— Брось, со мной ты можешь не притворяться кем-то другим. Помнишь: я знаю о тебе даже то, что ты сам о себе забыл. Так что не трать попусту силы, изображая оскорбленную благородность. И не выставляй меня мерзавцем, когда и сам не постеснялся завести зверька и носиться с ним.

Райз двинул желваками. Фелис ступал на тонкий лед, и, наверняка, сам прекрасно это понимал.

— Даже среди друидов, когда на кону стояло выживание твоего народа, — продолжил он, — и, казалось бы, не следовало думать ни о чем ином, кроме задания, ты умудрялся творить то, что тебе вздумается. То, чего не одобрили бы ни свои, ни чужие. Сделал из врага друга, затем подло предал и убил, — Фелис сделал паузу и, как бездарный актер, поджал губы, изображая осознание того, что допустил ошибку. — Хотя нет, ты инсценировал его смерть, да так, что тот и сам в нее поверил; подсунул своим союзникам, будто кнопку на стул. Перекроил столько судеб — и все только из-за своей эгоистичной прихоти. Право, я восхищаюсь твоей изворотливостью и коварством.

— Знаешь, а все-таки пошел ты, — бросил ему в лицо Райз и направился к лестнице.

— Чем раньше ты дашь мне гарантию, что Къярт ничего с собой не сделает, — тем раньше я освобожу тебя.

— Тогда не вставляй мне палки в колеса, — отрезал тот, не оборачиваясь.

— Это хворост для твоего костра, — усмехнувшись, тихо произнес некромант.

* * *

Стены не являлись преградой для новообретенного зрения, так что найти Къярта не составило особого труда. Райз видел и пурпурную энергию Ашши, вернувшейся в лабораторию, и сверкающее, словно из стальной крошки, облако вокруг парня. Больше во всем особняке никого не было. Во всяком случае никого, кто испытывал бы какие-либо эмоции.

Райз остановился перед дверью в комнату Къярта и постучал.

— Уходи.

— Я зайду, хорошо?

— Нет.

Райз вздохнул и открыл дверь.

Къарт, как взъерошенный после проигранной драки воробей, сидел на полу у кровати, и среди обволакивающего его серебра больше походил на призрака, чем на нечто осязаемое. Его взгляд, налившийся свинцовой тяжестью, уткнулся в Райза.

— Не приближайся, — предупредил Къарт. — Или я сделаю то, что Фелис просил не делать.

Подперев спиной дверь, Райз скрестил руки на груди.

— Меня, значит, не жалко? — он добродушно усмехнулся, но для Къарта его вопрос все равно прозвучал, как пощечина.

— Возможно, Фелис прав, — тихо произнес парень, отведя взгляд. — В том, кто я. Раз ему известно все мое прошлое, он вполне мог увидеть во мне то, чего не видел я сам. Или не хотел видеть.

— Фелис играет тобой, Къарт. Он...

Райз запнулся. Мысль, озарившая его сознание, пусть и запоздалая, но от этого еще более ослепительная, вмиг разогнала мрак, что покрывал мотивы Фелиса. Он же почти прямым текстом все сказал, а Райз понял только сейчас, хотя должен был сразу догадаться, ведь Фелис действовал точно так же, как предок Райза, Первый маг Огнедола, впоследствии прозванный Проклятым. Даже окружающая некроманта аура безумия, надменности и плотоядности была повторением хорошо известного образа. И пусть Райз никогда лично не встречался с духом Первого мага, он был немало о нем наслышан. В том числе и о том, что будучи спасителем Огнедола, Первый в итоге напал на него, чем и заслужил ставшее посмертным имя. И все ради того, чтобы людей, забывших прежние лишения, избалованных свалившимся на них достатком и готовых перегрызть друг другу горло ради бóльших излишеств, заставить объединиться против общего врага.

— Вот же сволочь, — протянул Райз и ухмыльнулся, признавая, что Фелис какое-то время, но все же смог водить его за нос, при этом держа все карты на виду.

Нападки Фелиса на парня не были пустой прихотью. Скорее это Райз проявил недалекость, посчитав их таковой. Но теперь, когда он наконец свел все воедино, он мог осознанно использовать «хвост», любезно предоставленный Фелисом. Пусть и не так, как того, вероятно, хотел некромант.

— Не позволяй ему манипулировать собой, — сказал Райз. — Он намеренно бьет по твоим слабым местам. И это будет продолжаться до тех пор, пока они будут оставаться таковыми.

Во взгляде Къарта появилось непонимание, а ртуть вокруг него разбавили вкрапления желтого.

— Раз уж зашел разговор, будь добр, ответь: почему ты убил себя?

— Потому что сестра погибла от моей руки, — ни на миг не задумавшись, ответил Къарт. — Потому что целая цивилизация исчезла по моей вине. Потому что я не хотел навредить кому-то еще.

Его слова прозвучали так, будто он произносил их не в первый, и даже не в сотый раз. Словно Къарт не переставая твердил их, пока они навечно не отпечатались на подкорке, не оставив и шанса забыть об этом.

— И как только представится возможность, ты сделаешь это снова?

Къарт ответил не сразу. Он давно знал ответ на этот вопрос, а сейчас всего лишь решал, озвучивать его или нет.

— Да, — твердо произнес тот. — Я не хочу больше ничего разрушать.

— Даже Орду? — Райз выдержал паузу, дав возможность Къярту ответить, хоть и знал, что тому нечем парировать. Вздохнув, он продолжил: — Разрушать вовсе не плохо. Зачастую, чтобы что-то построить, нужно сперва что-то сломать. Кто-то должен делать грязную работу, чтобы ее не приходилось делать другим. Так почему бы этим не заняться тому, у кого это неплохо получается? Все, что тебе нужно — принять эту часть себя и направить свои усилия во благо. Сноси то, что должно быть снесено, и вовремя отходи в сторону, когда речь заходит о том, что следует сберечь.

— Говоришь, как мой учитель, — мрачно произнес Къярт. — И как, по-твоему, отличить одно от второго?

— Раз сила твоя — тебе и решать. Абсолютные злодеи, как и герои — редкое явление. Но, похоже, в этот раз тебе повезло.

Къярт молчал. Сталь же вокруг него покрывалась желтой ржавчиной неуверенности. Неуверенность. Так она выглядит?

Догадка пришла сама собой, как и тогда, в первый раз, когда Райз понял, что Ашша злится. И он бы не обратил внимание на эту взявшуюся из ничего мысль, если бы она не явилась из глубин подсознания — так же, как и желания, навеянные Светочем.

— Чего ты от меня хочешь? — устало спросил Къярт. — Ты ведешь эти беседы уж никак не из-за заботы о моем благополучии.

— Обижаешь, — Райз хохотнул.

— Я не полный идиот. Так чего ты хочешь?

— Я же говорил, — Райз отлип от двери и потер начавший неметь затылок. — Но тебе тогда было не до моих слов, да? — он встретил тяжелый взгляд Къярта улыбкой. — Мне нужна твоя помощь, чтобы разобраться с Ордой. Я получил еще одну жизнь и не спешу с ней расставаться. А нашествие Орды ее сохранению никоим образом не способствует.

— Даже не стал говорить о спасении здешней цивилизации, — у Къярта почти получилось подобие усмешки. — Зато честно.

— Насколько я понял, спасение всех и вся — это твое увлечение. И пусть прослыть всенародным героем — заманчивая перспектива, но сейчас у меня и правда другие приоритеты.

— И что я должен делать? С этим, — Къярт показал Райзу ладони. — Я могу разве что приумножить численность Орды.

— Не совсем. Когда ты ушел, Фелис сказал, что это всего лишь способ накапливать энергию, с помощью которой ты сможешь возвращать мертвых. Не знаю, как Фелис планирует это проверить, но он собирается сделать тебя некромантом, — Райз нахмурился, заметив в энергии Къярта алые и синие вкрапления. — Это не так уж и плохо, если подумать. Вместо того, чтобы в схватках с Ордой гибли живые, мы сможем спустить на нее таких же мертвецов.

Къярт ничего не ответил. Уставившись в пол, он сохранял абсолютную неподвижность. Даже облако энергии вокруг него стало блекнуть, словно бы все чувства покидали его, как иссыхает озеро в засушливое лето.

— Къярт, пожалуйста. Помоги разбить Орду и после делай, что хочешь.

Тот молчал. Райз смотрел на него, не отрываясь, подсчитывал золотые искры, зажигающиеся вокруг парня, и ждал.

— Ладно, — Къярт наконец сдался. — Но я не буду делать что-либо, что идет вразрез с моими убеждениями.

— Даже просить о таком не стану.

— Значит договорились, — Къярт кивнул, но в его взгляде прекрасно читалось, что тот не спешил брать на веру услышанные слова.

В очередной раз придя к мысли, что будет непросто, Райз улыбнулся.

— Некромант может вернуть мертвеца к жизни двумя способами.

Закинув ногу на ногу, Фелис расположился в кресле, что приволок в лабораторию скелет, теперь застывший за его спиной, словно научное пособие для изучающих анатомию. Къарт сидел на табурете напротив некроманта, Ашша — за своим столом, Райз — на столе у двери. Сперва он думал в наглуую устроиться на алтаре, но здравый смысл победил желание сыграть на нервах девушки, и Райз выбрал место, с которого мог видеть всех присутствующих без необходимости вертеть головой.

— Первый — поднятие трупа, — Фелис сделал жест ладонью, указывая на скелета за своей спиной. — Как я уже говорил, тело удерживают особые печати, которых великое множество: позволяющие двигаться, останавливающие разложение, укрепляющие, защитные, стимулирующие мозговую деятельность — в случаях, когда есть, что стимулировать. Благодаря разнообразию печатей и их комбинациям можно поднимать не только замшелые скелеты, но и организмы, которые будут выглядеть, как живые.

Он улыбнулся уголком рта.

— Они даже могут обладать, так сказать, сверхчеловеческими способностями. Если они даны телом, а не душой, конечно. Некроманты даже могут наделить их чем-то, чего у них не было при жизни. Но это привилегия, доступная лишь самым искусным из них, — Фелис так и сочился чувством собственного превосходства, а энергия вокруг него — кислотно-зеленым оттенком. — Поднятых подобным образом называют умертвиями. Когда оживившая их печать истратит всю энергию — они вернуться к своему прежнему мертвому состоянию. Поэтому ее необходимо время от времени подзаряжать или же создать печать-привязку, которая позволит передавать умертвию энергию на расстоянии и даже манипулировать печатями, — Фелис закатал левый рукав халата и продемонстрировал боковую сторону предплечья с десятком светло-серых точек, выстроившихся в строгую линию. — В таком случае, чтобы избавиться от мертвеца, понадобится или полностью уничтожить его, или повредить метку привязки на теле некроманта, что, несомненно, делает умертвие более живучим и опасным. Но есть и недостатки. Для привязки необходимо касаться останков, которые нужно поднять, тогда как обычные печати при должной сноровке можно накладывать и на расстоянии, которое, опять же, зависит от навыков. Кроме того, поймав умертвие с печатью-привязкой, паладины могут выследить владельца. Поэтому, как правило, они используются только для умертвий, которые являются непосредственной охраной некроманта.

Фелис встряхнул рукой, расправляя рукав.

— Но даже при всем своем разнообразии, умертвия — просто детские забавы. Второй способ примечателен тем, что позволяет призвать душу — до того, как она переродится в новом теле. Их так и называют — призванные. Вернуть душу способен далеко не каждый некромант. Кроме того, что это требует значительного объема эссенции жизни, к тому же зависящего от потенциала души, есть еще целая масса требований. Необходимо подготовить оболочку, которая способна выдержать призванную душу и не разрушиться. Тело, в котором душа находилась прежде, как правило, является идеальным вместилищем. Но можно

использовать любой подходящий и даже специально созданный для этой цели сосуд, — Фелис указал взглядом на один из шкафов, на полках которого лежала небольшая коллекция темно-синих кристаллов. — Когда живое существо погибает, нить между телом и душой разрывается. Некромант не способен воспроизвести такую же крепкую связь, как та, что создана самой душой в момент перерождения: ни один сосуд сам по себе не удержит душу, поэтому ее необходимо скрепить печатью-якорем с душой самого некроманта, что, в свою очередь, оказывает немалую нагрузку на тело.

Он распустил шнуровку рубашки и отодвинул край воротника, обнажая грудь с двумя точками в области сердца: одна была абсолютно черная, вторая же излучала свечение, словно вживленная под кожу искра. Каждую из них окружала темная сетка сосудов.

— Особенно сильно она ощущается в те доли секунды, когда душа еще не помещена в сосуд, и печать-якорь — единственное, что ее удерживает.

Фелис умолк, ожидая вопросов. Он смотрел на Къярта, но тот оставался молчалив и неподвижен, подобно умертвию за спиной некроманта. Райз едва различал вокруг него облако энергии, похожее на подсвеченные солнечными лучами пылинки.

— Раз все понятно, я продолжу, — Фелис едва повел бровью, и скелет вышел из комнаты. — Пусть за обладание призванным и приходится платить высокую цену, они в разы полезнее умертвий. Призванные обладают всеми навыками и способностями, которыми владели до смерти, если они были даны его душой. Память всей их прежней жизни становится доступна некроманту. Уничтожение физической оболочки не убьет призванного. Некромант может поместить его душу в другой сосуд, если, конечно, выдержит давление якоря до того момента, пока это не будет сделано. Существует гипотеза, что возможно даже удерживать душу вне сосуда, при этом сохранив ее полную дееспособность. Это не тоже самое, что призыв духов, — Фелис мимолетом взглянул на Райза и тут же вернул все внимание к Къярту. — Кроме того сила некроманта защищает разумы его призванных от тех, кто обладает даром читать мысли или же подчинять своей воле. Правда, сам он при этом остается уязвим и к первому и ко второму.

Отпущенное Фелисом умертвие вернулось с подносом, на котором стояли чайник, чашка и вазочка с сушеными фруктами. Остановившись по левую руку от некроманта, скелет опустился на колени и замер.

Налив себе чай, Фелис сделал неспешный глоток и взял из вазы крупную изюмину.

— Важной особенностью призыва душ является наличие ступеней печати. Всего их три. Первая: призванный обладает памятью о своей прежней жизни, но не испытывает эмоций. У него нет чувств и желаний. Это идеальный послушный слуга, способный использовать все свои умения и выполнять сложные задачи. Если вам повстречается призванный, можете быть уверены, что в девяти случаях из десяти его удерживает якорь первой ступени.

Фелис отправил в рот еще одну изюмину.

— Вы оба — призванные второй ступени. Со своими стремлениями и чувствами, проявляющимися к месту и нет. Вы можете принимать собственные решения и делать все, что вам заблагорассудится. Пока я не решу иначе. Беспрекословное следование моей воле — единственное, что отличает вас теперешних от вас прежних. Но это не так уж и плохо — подчиняться лишь одному человеку, — Фелис поднес чашку к губам и посмотрел на Райза. — Бывают миры, где тебе может указывать любой, кто рожден более менее способным ментальным магом. И не только указывать, — он наконец сделал глоток и вернул чашку на поднос. — Кстати, должен отметить, что вторая ступень позволяет только

указывать, что делать. Я не могу повлиять на ваши чувства. Если, к примеру, я прикажу Къярту встать, — на лице Фелиса появилась та самая хищная улыбка, после которой не стоило ждать ничего доброго.

Къярт послушно поднялся со стула.

— Подойти к Ашше.

Къярт выполнил и этот указ. Замерев за спиной девушки, даже не оторвавшейся от чтения книги, он прожигал Фелиса взглядом, пока воздух вокруг него пропитывала лазурь. С каждой секундой ожидания осознание, каким будет следующий приказ, становилось все полнее, а лазурь — гуще.

Райз продолжал сидеть, как и раньше: вальяжно откинувшись на стену и своим видом никак не выдавая настороженность.

— И коснуться ее рукой.

Лазурь вокруг Къярта покрылась темно-синими рытвинами, когда его рука замерла в сантиметре от головы Ашши.

— Ты сможешь лицезреть целый хоровод эмоций, — закончил Фелис, глядя на Райза. — Свободен.

Къярт отдернул руку и отшатнулся от Ашши. Его грудь тяжело вздымалась, а заполнившая все вокруг него синь розовела, словно кучевые облака в лучах умирающего солнца.

Райз ждал, разозлится ли Къярт достаточно, чтобы ответить Фелису. Но его злость, как и страх, вместо того, чтобы захватывать все больше пространства, угасали.

— Вернись на свое место, — даже не взглянув на того, велел Фелис.

Райз не знал, был ли это приказ некроманта или же обычное человеческое указание, которое Къярт безмолвно выполнил. Но это не имело значения. К Райзу начинало приходить понимание того, что происходит в голове парня. Он не станет отвечать. Ни сейчас и уж вряд ли когда-нибудь потом. Скорее и вовсе перестанет обращать внимание. И Фелис не мог этого не понимать. А значит он не пытался провернуть тот же трюк, что и предок Райза когда-то.

Фелис знал их прошлое — от первого и до последнего дня, и это давало ему возможность просчитать каждое их решение. Просчитывал ли он? Являлись ли его слова и действия четко выверенными шагами на пути к определенной цели или же он был обычным садистом с манией величия? Считать его дураком было бы так же опрометчиво, как и закапываться вглубь его мотивов и стремлений, пытаюсь увидеть то, чего нет. Проклятье.

Мысль, что Фелис пытается манипулировать никак не Къяртом, а ним самим, оставила после себя дрянное послевкусие, точно горчащий кусок сыра. Невыносимо захотелось прополоскать рот и, желательно, крепленным вином. Однако вина в прямой досягаемости не было, так что пока пришлось принять и смириться с тем, что каждый его шаг, каждое слово могло быть предугадано.

Даже если действия некроманта и не были направлены во вред Райзу, сам факт возможности управления со стороны, раздражал. Но пока с этим ничего нельзя было сделать — слишком неравные карты на раздаче. А раз шансы переиграть соперника невелики, остается лишь сполна насладиться самой игрой.

— Третья же ступень...

— Это был последний раз, — Райз перебил Фелиса. Губы некроманта растянулись в дежурно-вежливой улыбке. — Последний раз, когда ты устроил нечто подобное.

— Я не совсем тебя понимаю.

— Это вряд ли. Все, что от тебя требуется — передать Къярту необходимые знания и не мешаться под ногами. Оставь при себе свои фокусы.

— Как только у тебя наглости хватает...

— Помолчи, Ашша, — осадил ее некромант.

Устроившись в кресле удобнее, он долил в чашку чай, сделал неторопливый глоток. Манерно взял из вазочки сухофрукт и положил на язык.

— А если не оставлю? — как бы между делом поинтересовался Фелис. — Сейчас ты всецело в моей власти, а после тебя будет держать в узде твое желание жить. Так чем ты можешь мне угрожать?

— Пока не знаю, — Райз едва прищурился. — Но я могу всерьез начать размышлять над этим. Хочешь?

Фелис ответил не сразу. Он будто бы перебирал в голове варианты того, до чего мог додуматься Райз, и оценивал их нежелательность, параллельно гоня изюмину из щеки в щеку.

— Хорошо. Пусть будет по-твоему, — он поставил чашку на поднос и добавил: — Я могу продолжить?

— Валяй.

Райз подтянул одну ногу к груди, поставив пятку на край стола, и откинулся спиной на стену. Теперь он созрел, чтобы перестать искать толкование словам и поступкам Фелиса. Это изначально было бесполезной тратой времени, а теперь, когда у него появилось, куда направить свои силы, — и подавно.

— Итак, — Фелис сцепил пальцы в замок и перевел взгляд на Къярта, — третья ступень. Третья ступень — это призванный, чья воля ни в коей мере не ограничена некромантом. Как ты понимаешь, смысла в использовании третьей ступени нет. Она не дает некроманту ничего, кроме проблем. С таким же успехом можно использовать вторую и никогда не отдавать приказы призванному. Даже когда некромант решает вернуть близкого человека, он будет использовать вторую степень: если не для собственной защиты, так для того, чтобы не дать призванному наделать глупостей. На этом, пожалуй, все.

Фелис поднялся и подошел к одному из книжных шкафов. Пробежавшись взглядом по корешкам, он вытащил едва ли не самую толстую книгу.

— Ах да, еще один важный момент. Выбирать ступень, с помощью которой призываешь душу, нужно с умом. Чтобы изменить ее, придется разрушить печать-якорь и привязать душу заново. Проблема не в необходимости повторной привязки, а в том, что когда якорь разрушается — по воле некроманта или же вследствие нападения на него — душа неизбежно повреждается. Точнее, не душа, а личность, которую она несет в себе. В этом процессе нет ничего страшного, он совершенно естественен и происходит каждый раз, когда душа перерождается в новом теле. Но если некромант собирается отпустить душу, чтобы вновь ее призвать, стоит быть готовым к тому, что она утратит часть прежней личности или же и вовсе ее лишится.

Фелис протянул Къярту книгу.

— Начиная с этого момента все твое время должно быть посвящено учебе. Способность запоминать у этого тела не намного уступает оной у предыдущего. Ашша будет следить за твоими успехами. Пока придется учить только теорию, но, я надеюсь, в ближайшее время мы это исправим. С любыми вопросами обращай к ней.

Сказав это, Фелис, окруженный шлейфом оскорбленного достоинства, вышел из лаборатории. Умертвие, все это время державшее поднос, последовало за ним.

— Неблагодарная скотина, — прошипела Ашша, как только шаги некроманта затихли. — Ты — никто, и не имеешь никакого права говорить с мастером в таком тоне.

Райз искоса посмотрел на девушку.

— Ты это правда всерьез?

В его голосе не было издевки или насмешки, скорее сочувствие. Если она не притворялась и на самом деле была такой дурехой, Райз мог разве что пожалеть ее.

Ашша явно ожидала другого, и полученный ответ сбил ее с толку. Она смерила Райза негодующим взглядом и вернулась к своему прежнему занятию, продолжая злиться про себя. Последнее было вполне себе на руку Райзу — пора было переходить от простого наблюдения за энергией, к активным манипуляциям с ней.

И Райз позвал ее. Не так, как делал это со Светочем, пусть это и было бы логичнее. Он позвал ее так, как в свое время звал камень и воздух. Что уж лукавить: ему хотелось — так, как хочется вновь вдохнуть пары синего крестовника пристрастившемуся к нему друиду — вновь ощутить эту мощь, что всего день назад была подвластна его воле, и от которой теперь не осталось и следа.

Но алая дымка продолжала окутывать Ашшу, никак не реагируя на желание Райза. Оставив эту затею, он попытался взаимодействовать с ней так, как со Светочем — вести взглядом. Спустя полчаса результат оставался тем же, но Райз не планировал сдаваться. Главной проблемой было то, что Ашша не могла злиться вечно, а энергия прежних эмоций уже начинала терять свой окрас. Она исчезала, словно испарина со стекла в лучах солнца, возвращая четкость очертаний окружающему миру.

Разозлить Ашшу не составило бы труда — проще, чем намочить ноги в луже — но издеваться над девушкой не хотелось.

Райз соскочил со стола и подошел к одному из книжных шкафов. Неужто у Фелиса и правда не завалилось ни одного захудалого справочника о силе, которую он ему всучил? Он же должен был где-то ее взять и взять именно ее, а не умение, например, строить воздушные замки или еще какую-нибудь малополезную чушь. Нужно было бы расспросить об этом Фелиса. В конце концов, он и сам заинтересован в том, чтобы Райз поскорее разобрался с тем, что ему досталось.

Взгляд скользил по темным коркам кожаных переплетов. На них не было надписей, а доставать книгу за книгой можно было до скончания времен.

— Ашша, в библиотеке есть какая-то информация об энергии, окрашенной эмоциями?

Райз и бровью не повел в ответ на взгляд, вместивший в себе все презрение, на которое девушка только была способна, и продолжил с невозмутимым видом ждать.

— Мастер Истлен поручил мне помогать Къярту, — процедила Ашша. — Тебе я ничего не должна.

— Святые Небеса, я всего-то задал обычный вопрос, а ты уже твердишь о каком-то долге, — Райз покачал головой и вернулся к изучению книжных полок.

Коротким путем не получилось. Ашшу вновь окутала алая, с коричневыми разводами пелена, но Райз не спешил пользоваться предоставленной возможностью — сейчас он был не в настроении продолжать что-либо делать с ее энергией.

Его не в первый раз встречали смесью презрения и злости, и поведение девушки навевало воспоминания, которым следовало оставаться в самом дальнем и темном углу, в

который Райз их и затолкал, стоило им только поднять голову. Прошлое должно оставаться в прошлом — как для Къярта, так и для него самого.

— Об энергии духа ничего неизвестно, — холодно произнесла Ашша, когда Райз достал крайнюю в ряду книгу.

Обернувшись, он взглянул на девушку едва приподняв брови.

— Так ее правильно называть, — ей явно пришлось перебороть себя, чтобы продолжить. Ашша цедила каждое слово, точно высокородная дама, волею малоприятно случая вынужденная заговорить с оборванцем. — Мастер Истлен называет ее так. Это не только эмоции — это чувства и воля. И окрашенная ими энергия души — дух.

— И нет никаких записей?

— Здесь нет. И вряд ли они есть где-либо еще.

— Тогда как Фелис получил ее? И что он сам о ней знает?

То, что Райз назвал некроманта Фелисом, задело Ашшу. Воздух вокруг нее покрылся пурпурными пятнами. Похоже, в здешних краях существовали определенные правила, указывающие, какое из имен и кому следует использовать.

— Мастеру Истлену, — с нажимом сказала Ашша, — не известно, как обращаться с энергией духа. Вне всякого сомнения она обладает огромным потенциалом. Но как его раскрыть...

Она поджала губы и покачала головой.

— Остается тогда первый вопрос. Как в руки Фелиса попало подобное сокровище?

Пусть первое имя некроманта, произнесенное им, и резало Ашше слух, Фелис сам просил Райза так его называть. Может, как раз потому, что знал, как это не понравится его ученице, и решил предоставить ему легкий способ получить энергию духа?

Райз едва дернул уголок рта, осадив самого себя. От привычки искать скрытые мотивы в чужих действиях так просто было не избавиться.

— Я об этом ничего не знаю, — признаться в своей неосведомленности о действиях Фелиса Ашше стоило немалых усилий.

Райз не стал озвучивать предположение, что Фелис мог не посвятить ее далеко не только в это.

— Значит, мне досталась честь первопроходца, — вместо этого сказал он, но его слова все равно уязвили Ашшу. А Фелис не ошибся в своем утверждении, что девушка и сама была не прочь заполучить эту силу. — Не хочешь разделить ее?

Даже Къярт, казалось, с головой погрузившийся в чтение, поднял на Райза взгляд. Его лицо, как и отсутствующий окрас энергии вокруг, не выражало каких либо эмоций, так что оставалось только гадать, с чего это он решил оторваться от книги. В отличие от Къярта, Ашша смотрела на Райза так, как будто бы он предложил ей переспать с ним после пяти минут знакомства.

— Мне не помешала бы помощь. От тебя ничего не требуется, я всего-то постою рядом. Ответственно обещаю не мешать.

— Возле Къярта постой.

— Не годится, — Райз цокнул языком. — Ну же, не будь букой, Ашша.

Та надменно фыркнула и вернулась к своим книгам.

— Разве ты не хочешь того же, что и мастер Истлен? Чтобы мы остановили Орду? — спросил ее Къярт.

Окруженная красным туманом, Ашша вновь оторвалась от чтения.

— Чтобы ни звука, — прошипела она и метнула в Райза злой взгляд.

— Благодарствую, — с широкой улыбкой сказал он и, кивнув Къярту, встал за спиной девушки.

Сейчас в его распоряжении было как минимум четверть часа, прежде чем дух злости, окружающий Ашшу, начнет исчезать, и он собирался провести это время с пользой. Хватит уже валять дурака.

Райз закрыл глаза и сконцентрировал все свое внимание на энергии духа. Он находился в пределах его облака и мог не только видеть красную дымку, но и чувствовать исходящее от нее тепло. Райз ощущал его не только кожей: он будто бы залпом выпил чашку горячего чая, и жар растекался внутри живота и груди, поднимался к самому горлу, ощущался на языке — везде, куда просачивался алый туман.

— Ашша, ты ведь не чувствуешь сейчас какого-то особого тепла, да? — не открывая глаз, спросил Райз.

Он ожидал, что девушка опять наградит его грубостью, и судя по тому, сколько времени ей понадобилось, чтобы выдавить из себя ответ, она провела нешуточную борьбу, чтобы в итоге сдержаться.

— Нет.

Райз кивнул. Возможно в этом тепле и кроется ответ.

Он продолжал всматриваться в облако, искать в нем мельчайшие различия оттенков, изучать движение крупиц: они перемещались медленно, сонливо, точно частички крошечных водорослей в стоячей воде. Райз пытался почувствовать их неотъемлемой частью самого себя, даже не зная, даст ли это хоть какой-нибудь результат.

Светоч всегда сам с охотой подчинялся ему, достаточно было только пожелать. А силы стихий стали подвластны ему еще в младенчестве, так что он и не помнил себя без них. Сейчас же он блуждал в потемках, наполненных такими же алыми, как и глухими к нему, росчерками.

Когда начало казаться, что он перестал чувствовать, где заканчивается его тело, а начинается энергия, он сделал шаг назад. Красное облако вздрогнуло и потянулось следом.

Неужто. Улыбнувшись и по-прежнему не открывая глаз, Райз сделал еще один шаг. Он видел, как впереди, там, где должна была находиться Ашша, к бледной розовизне примешалась такая же бледная зелень.

После третьего шага в сторону, когда энергия духа продолжала следовать за ним, Райз открыл глаза, стараясь сохранить концентрацию. Он старательно удерживал ощущение, которое позволяло ему увлекать энергию за собой, не отвлекаясь ни на что вокруг.

Нужно сделать еще несколько шагов.

Каждый последующий становился увереннее, чем предыдущий. Райз несколько раз обошел алтарь и сидящего возле него Къярта, прогулялся вдоль шкафов. Уже немного побледневший туман продолжал следовать за ним.

Отлично. Теперь закрепить результат.

Райзу понадобилось какое-то время, чтобы облако перестало его преследовать. Стоило ему отвязать энергию от себя, и она тут же замерла. Значит, инерции у нее нет.

Райз отошел на метр — на расстояние, на котором он едва чувствовал исходящее от энергии тепло — и потянул ее к себе. Спустя минуту облако сдвинулось с места.

К тому моменту, как алая взвесь пропала, Райз успел наловчиться притягивать ее и отпускать, и даже смог разделить на несколько сгустков. Когда же последняя искорка

потухла, он ощутил холодную, безразличную пустоту. Он знал, что энергия все еще там, только приданный ей эмоциями девушки окрас сошел на нет, а вместе с ним Райз утратил над духом всякую власть.

Воодушевленный достигнутым прогрессом, он заговорщически взглянул на Ашшу, словно уличный шарлатан, зазывающий прохожих сыграть в наперстки.

— Извини за эту просьбу, но не могла бы ты опять разозлиться?

Последующие дни Райза переполняла страсть исследователя. В одном он убедился точно: какие бы эмоции не испытывал он сам, его энергия духа оставалась не видна и не ощутима. Или же ее не было как таковой. Пока что он знал об обретенной силе не так уж и много, но сам факт того, что он не сможет ей воспользоваться, если рядом не будет других людей, удручал. Но заикливаться на плохих моментах было делом неблагодарным, так что Райз старался выжать из ситуации максимум пользы.

За несколько дней ему удалось довольно неплохо освоить новое «зрение». Теперь он различал не только преобладающий окрас, но и едва заметные вкрапления слабых эмоций. У него даже начало получаться заглушать восприятие тех или иных оттенков духа и концентрироваться на определенных. Полностью отключить способность видеть энергию не получилось, но Райз и не стремился к этому. Слишком мало прошло времени, чтобы ставить подобные эксперименты без риска и вовсе остаться без сил.

С каждым днем энергия становилась сговорчивее. Райз не только наловчился перемещать ее на куда большие дистанции, чем в начале, но и смог раздвинуть ощущение ее «тепла» до десятка метров. Правда, чем дальше, тем меньше у него появлялось ресурсов для изучения.

Ашша, в обществе которой он, как и Къярт, проводил дни напролет, то ли привыкла, то ли смирилась, но теперь все, что излучала ее душа, не считая совсем уж слабых эмоций, — бледно-розовая дымка, которую Райз не назвал бы чем-то большим, чем перманентным раздражением.

Это было еще одной закономерностью, которую удалось выявить. Сила испытываемых эмоций влияла как на насыщенность окраски, так и на сам оттенок. Да и температура духа простого недовольства и злости заметно разнилась, давая надежду, что в будущем этому удастся найти практическое применение.

После короткой вступительной лекции о некромантии, Фелис больше не показывался. Видать, решил сдержат слово и обойтись без фокусов, и, похоже, фокусы оказались единственным, что у него осталось, и во встречах больше не было смысла. Когда же Къярт поинтересовался причинами его отсутствия, Ашша ответила, что «мастер Истлен» заперся в личной лаборатории и готовится к передаче Къярту силы некроманта. С тем, что Фелис где-то заперся, Райз спорить не стал. Когда бы он ни решил проверить, он всегда находил смесь зеленого и рыжего в одной и той же точке, где-то в подвальных помещениях под главным корпусом поместья. Но пусть он и мог увидеть энергию Фелиса, для того, чтобы ее притянуть с подобного расстояния, навыков пока еще не хватало.

Единственным, что огорчало, была ограниченность в типах энергии духа, которые можно было изучить. Ашша не могла похвастаться широким спектром испытываемых эмоций, будто за малейшее их проявление ее отправили бы драить полы вместо скелетов. Мелкие же вкрапления теряли свой цвет еще до того, как Райз успевал понять, что они из себя представляют.

Оставался еще Къярт. Но если от Ашши можно было добиться хоть какого-то отклика, то Къярт, словно получившая обухом по голове рыба, находился где-то далеко, а его эмоции — и того дальше.

Однако тот не мог прятаться среди книг круглые сутки. И каждую ночь, когда они расходились по своим комнатам, Райз наблюдал, как совсем близко — только протяни руку и коснешься — распускался синий бутон страха. Къярта мучили ночные кошмары. И пусть у Райза это и не вызывало радости, он вынужден был признаться самому себе, что это играло ему на руку.

Сначала он не понимал, как близость синего тумана влияет на его восприятие. Ощущал, что что-то меняется, но не мог разобрать что. И лишь когда синева становилась гуще и темнее, приходил пробирающий до костей холод. Райз изучал его на протяжении нескольких ночей, пытаясь найти различие в поведении энергии, окрашенной злостью и страхом, но единственным, что их отличало друг от друга, была температура.

Когда же Ашша успокоилась, и ее злость утихла, ночные страхи Къярта остались единственным источником обогащенного духа. Райз не знал, как долго кошмары будут донимать парня, так что следовало поторопиться.

Он проводил ночи сидя на кровати, поставив перед собой глубокое блюдо до краев наполненное водой. Добавляя к воде синюю гущу, Райз пытался найти способ сделать холод, который он чувствует, реальным.

Он не сразу понял, что его попытки увенчались успехом. Особо не рассчитывая на что-либо, он привычным движением погрузил пальцы в воду, и та обожгла его холодом. Сначала он даже решил, что чувствует холод энергии духа, находящейся в воде, и только потом обратил внимание на то, что синева пропала — будто бы он израсходовал ее всю, чтобы охладить материю, которой та касалась: холодной была не только вода, но и блюдо, и даже простынь рядом, словно ее только внесли в дом с мороза.

Отогрев блюдо под проточной водой и набрав в него почти что горячую, Райз вернулся к экспериментам. К тому моменту сны Къярта стали спокойнее: синева посветлела, приобрела небесно-голубой цвет. Но Райз и не думал останавливаться — не тогда, когда он наконец достиг осязаемого успеха.

Теперь он пристально следил за изменениями в энергии, что использовал, и когда та враз утратила цвет, торопливо коснулся ладонью воды, расплескав часть на кровать. Но она лишь немного остыла — не больше, чем могла бы без вмешательства со стороны.

Может, все дело было в насыщенности энергии духа? Или он сделал что-то не так? Нет, он уже слишком долго сидел с этим. Близилось утро, а к рассвету кошмары Къярта отступали, а значит и ему самому следовало поспать.

О своем открытии Райз распространяться не стал.

Наступления следующей ночи он ждал с нетерпением и в то же время с опасением, что именно сегодня кошмары перестанут мучить Къярта, и он лишится последнего стабильного источника концентрированной энергии духа. И хоть сложившаяся ситуация выглядела дурно, другого варианта продвинуться в своих исследованиях Райз не видел. К тому же, ему не впервой приходилось мараить руки, так что строить из себя высоко нравственную недотрогу было глупо. В конце концов, сейчас из-за его действий никто не умирал.

Этой ночью Райз смог понять две вещи. Первое: когда окрашенная страхом энергия приобретала кобальтовый оттенок, все, чего она касалась, в тот же час охлаждалось в прикидку градусов на пятьдесят.

Второе, что удалось выяснить — при тонах светлее кобальта что-то менялось. Температура оставалась прежней, но энергия очевидно расходовалась. Пока что Райз не мог понять принцип ее действия, так что ограничился тем, что отточил ее переход из обычного

состояния в то, при котором она начинала влиять на пространство, и, недолго думая, назвал этот процесс активацией.

Удовлетворенный прогрессом, Райз отправился спать, рассчитывая следующей ночью сделать еще парочку открытий. Но до ночи был еще один день, и была Ашша со своим раздражением, тоже пригодным для экспериментов. Райз не ждал, что от бледно-розового тумана получится добиться каких-то внятных результатов. Предположительно, он должен был воздействовать на пространство в той же манере, что и бледно-голубой дух. Однако, притянув розовую энергию и активировав ее, Райз все же смог немного подогреть остывший в чашке чай, что само по себе было успехом.

Расположившись на кровати со своим верным ночным спутником — блюдцем с водой — Райз ждал, когда Къярт заснет. Последние дни они практически не разговаривали: парень с головой ушел в изучение тонкостей некромантии и составление разного рода печатей, а Райз молча наблюдал за ним со стороны, давая возможность самостоятельно обрести равновесие. К тому же соблюдение дистанции помогало спокойнее относиться к ночным исследованиям. Къярт не походил на плохого парня, так что Райз сам чувствовал себя таковым, каждый раз рассчитывая на то, что кошмары продолжают донимать его соседа.

Къярт все никак не мог улечься спать. Бледно-голубое, на грани между серебром и осмием, облако двигалось от стены к стене следом за своим владельцем.

Время давно перевалило за полночь, а Къярт, так и не нашедший покоя, продолжал мерить комнату шагами. Плавающее из стороны в сторону облако энергии почти усыпило Райза, когда едва различимый скрип двери внес в монотонность хоть какое-то разнообразие. Къярт вышел из комнаты и направился прочь.

Райз наблюдал за теряющей последние нотки голубого энергией. Она отделилась, спустилась на этаж ниже и покинула стены особняка. Похоже, Къярт направлялся к котловану. Он отделился достаточно, чтобы его дух стал неразличим, так что, натянув ботинки, Райз отправился следом.

Сначала он увидел отливающий сталью туман, а затем, когда поместье Фелиса осталось за спиной, и самого парня, сидящего на ступенях внизу.

Когда Райз спустился достаточно, чтобы оказаться в пределах серого облака, его накрыло пугающее ощущение слабости. Его словно вытолкнули из его тела и впихнули в другое, болезненное, изможденное неделями голода, готовое надломиться от малейшего усилия.

Вздыхнув, Райз сел на ступеньку рядом с Къяртом. Чтобы выйти за пределы энергии духа, пришлось бы расположиться в паре метров, так что Райз попросту прогнал все облако в котлован.

— Не спится? — спросил он, посмотрев на парня.

Къярт ничего не ответил. Он считал звезды, разбросанные по небу, словно хлебные крошки по обеденному столу. Толстая краюха луны висела над стерегущими котлован столбами.

— В моем мире их две, — задумчиво произнес Къярт. — Сколько в твоём?

— Одна. Но больше этой. И ярче, — ответил Райз и задумался, а так ли это. Последний раз он видел ее будучи еще совсем мальчишкой, а в детских глазах все кажется больше, чем есть на самом деле. — Хотя не стану утверждать наверняка. Это было давно.

Пространство вокруг Къярта не спешило серебриться вновь.

Райз невольно улыбнулся. Перед ним, совсем как когда-то, простиралась неизведанная

даль, и азарт исследователя охватывал его все больше. Последний раз он ощущал подобный трепет, когда искал способ объединить Светоч и энергию Моря Теней. Но с тех пор минул не один год.

— Это все так странно, — вновь заговорил Къярт. — Возвращение мертвецов и... магия.

— А твои прежние силы тебя, значит, не смущали?

— Это была не магия, а наука.

— Магия — тоже наука.

Къярт не спешил с ответом.

— Возможно, ты прав, — наконец произнес он. — Человек из мира, двойника моего, называл мою силу волшебством, — пространство вокруг осветило несколько серебристых лоскутов. — Но все же, некромантия — это уже слишком.

— Да, с этим и не поспоришь.

Райз запрокинул голову и уставился в небо. Он никогда прежде не видел столько звезд и не потому, что на небосводе его мира их было меньше. Небо Республики всегда тонуло в свете небоскребов и городских огней, на фоне которых меркла даже луна. В Огнедоле же, в те пару ночей, что он провел на поверхности перед тем, как спуститься в обитель друидов, бушевала гроза.

— Там, откуда ты родом, тоже есть некроманты? — Къярт оторвался от созерцания черной скатерти над головой и посмотрел на Райза.

— Нет. Насколько мне известно, нет.

Прошлая жизнь казалась одновременно далекой и в то же время чем-то, что случилось только вчера, чтобы начать по ней тосковать. Было ли у него что-то, о чем следовало скучать? Да, все же пара вещей нашлась бы. Но так или иначе, сейчас он застрял в этом безвременье и...

Безвременье. Хотел бы он хотя бы раз увидеть вечный город, воздвигнутый его предком.

— Но там можно встретить не менее занимательные вещи, — с воодушевлением произнес Райз. — В моем мире людям, некоторым, подвластны стихии: вода или огонь, воздух или камень. А кое-кто из народа, живущего на островах, способен подчинять электричество. Мой дед был выдающимся магом молнии, — сказав это, Райз едва дернул бровью.

Он не знал, жив ли еще воспитавший его человек. Тому было семьдесят, когда Райз отправился к друидам, но с тех пор прошло шестнадцать лет, не считая времени после его смерти.

— Ты тоже мог управлять стихиями? — вопрос Къярта отвлек от гнетущих мыслей.

— Да. Камень и воздух. На моей стороне была сила, способная перевернуть весь мир вверх дном.

Он окинул взглядом котлован, его крутые склоны, каменные шпили на вершине; невольно протянул к ним руку, представляя, что стоит сжать кулак, и камень обратится в пыль — всколыхнувшийся нутро спонтанный порыв вынудил Райза сделать это.

— Но больше ее нет, — он невесело усмехнулся и разжал пальцы. Посмотрел на свою ладонь, а затем на замершее в десятке метров впереди серое облако. — Хороший повод найти подходящую замену.

Он наклонился и сорвал травинку. Подманил серебристую дымку. Поморщился, когда та коснулась ладони.

— Была ни была, — с азартом игрока произнес Райз и активировал энергию.

В тот же миг она исчезла, а ладонь наполнило покалывание. Райз подвигал пальцами, пытаясь понять, что изменилось. Он не чувствовал боли, но с кожей что-то однозначно было не так.

— А ну-ка.

Он удобнее перехватил сорванную травинку и, повинувшись интуитивному желанию, провел ее краем по ладони. Къярт наблюдал за его действиями.

Даже при свете луны разглядеть что-то было сложно, но, погладив пальцем ладонь, Райз сразу нащупал края пореза и торжествующе улыбнулся.

Его поступок был безрассудным, прыжком на удачу, которые Райз предпочитал избегать. Проводить эксперименты на самом себе — верх неосторожности, но чутье подсказывало, что именно так и следовало поступить. В конце концов, если Фелис сделал эту силу частью его души, не следовало ли ему, как никогда прежде, доверять наитию?

А может, Райз всего лишь искал разумное оправдание своей опрометчивости, не желая признавать, что его попросту влекла кружащая голову бездна. Пусть он и оказался совершенно незащитным без своих сил, невесть где, окруженный не то союзниками, не то врагами, вынужденный в скором времени встретиться с неприятелем, о котором толком ничего и не знал, он не чувствовал нависшей над ним угрозы. Он слишком долго жил бок о бок с риском, и теперь, когда на его горле больше не лежали ледяные пальцы опасности, мир для него словно бы выщвел, точно забытая на подоконнике фотография.

— Я начал разбираться с тем, что подкинул Фелис, — произнес Райз и выбросил травинку. — Энергия духа может оказывать влияние на физический мир. Пока удалось выяснить немного, но кое-что все же есть. Злость — нагрев, печаль — уязвимость, страх — охлаждение.

— Страх?

— Твои сны, — признался Райз и добавил с немного виноватой улыбкой: — Извини. Къярт меланхолично покачал головой и отвернулся.

— Не стоит пока сообщать об этом Ашше и Фелису, — попросил Райз.

— И не собирался.

Даже если бы парень и проговорился, в вероятность чего Райз не слишком верил, катастрофы не случилось бы. Он сомневался, что в этом доме вообще происходило что-либо без ведома его хозяина. А если Фелис и не был в курсе всего, то одного его слова хватило бы, чтобы Райз сам выложил ему все, как на духу. В чем он и убедился спустя пару дней.

Он, как и всегда, сидел в углу и наблюдал, как Ашша объясняет Къярту тонкости очередной печати, когда его тело самовольно встало с места и направилось к ярко зеленому облаку, обозначающему Фелиса. В кои-то веки некромант выбрался из своей лаборатории и подждал его в том же в кресле у витражного окна на втором этаже, в котором встретил Райза впервые.

Только представ перед Фелисом с его излюбленной плотоядной улыбкой, Райз ощутил, как контроль над телом вернулся.

— Прости, не смог отказать себе в удовольствии, — без малейшего раскаяния в голосе, сказал Фелис. — Пока я еще могу себе это позволить.

Зря Ашша переживала, что последние слова Райза задела ее учителя. Этого человека не задело бы и прямое попадание снарядом.

— Будь добр, присядь, — Фелис указал на кресло по соседству.

Райз выполнил его просьбу. Оказаться в подобной близости от некроманта означало

войти в зеленый туман, окружающий того, и хоть Райзу и следовало хвататься за каждую возможность изучить новый оттенок энергии духа, погружение в эмоции Фелиса он предпочел бы отложить до последнего.

Прочувствовав же на себе его действие, Райз еще больше утвердился в своем желании. Окружающая Фелиса зелень встала комом в горле, точно непрожеванный кусок тухлого мяса. Стало трудно дышать, словно бы внутри все застыло, и в тоже время Райз ощутил себя трепещущим листом, из последних сил цепляющимся за ветку, чтобы только его не унес прочь шквальный ветер.

Он прогнал облако прочь, не желая и дальше терпеть противоречивые ощущения, раздирающие его, точно свора дворовых собак забредшего не в тот переулочек кота. Но пусть и не самым приятным путем, Райз все же смог кое-что понять о Фелисе: помимо нескрываемой уверенности, переходящей в гордыню, которую некромант и не пытался скрывать, того одолевали сомнения. Какие у некроманта вообще могли быть причины для нерешительности?

— Сегодня полнолуние, — вновь заговорил Фелис. — Благоприятное время, чтобы передать Къярту силу некроманта. Следующий удобный момент для этого представится нескоро, и я не хотел бы затягивать. Но еще меньше я хочу, чтобы мои старания пошли прахом. Когда я закончу ритуал, моя власть над вами исчезнет. Я должен быть уверен, что Къярт не совершит какую-нибудь глупость.

— Без твоих подначиваний он чувствует себя довольно сносно.

— О, мои подначивания — сущий пустяк по сравнению с тем, что его ждет в будущем.

— Не поделишься?

— Нет, — Фелис слащаво улыбнулся. — Я всего лишь вижу вероятности. Какая из них станет реальностью, решать тебе.

— Ну разумеется.

Райз не ждал от Фелиса иного, но толика надежды на то, что некромант оставит свои забавы, все же присутствовала.

— Вам стоит прогуляться, — тон Фелиса приобрел деловые нотки. — Поглядеть на мир, пока я еще могу вас защитить. В тридцати минутах езды отсюда есть деревня. Наведайтесь туда. Пусть Къярт увидит, что в этом мире есть что-то еще, кроме меня, Ашши, и десятка мертвых. Что-то, за что стоит бороться. А по возвращению ты скажешь мне, готов ли он нести ответственность за свои поступки.

Райз искоса посмотрел на Фелиса. Сейчас, когда некромант говорил без прежней самоуверенности, он вызывал еще больше недоверия.

— А если кто-то из местных заподозрит, что мы не совсем живы?

— Не волнуйся об этом, — отмахнулся Фелис. — В подобную глушь паладины не заглядывают. А кроме них почувствовать вашу связь с некромантом никто не сможет. Если вы не выглядите, как только что вылезшие из могильника трупы, подозрений не будет.

— Хорошо. Немного осмотреться будет кстати.

Возможность наконец выйти за стены поместья не могла не радовать.

— Не забывай, Райз, это не увеселительная прогулка. И она не для тебя. Ты должен удостовериться, что предоставить Къярту возможность самому распоряжаться своей жизнью — безопасно. И можешь не сомневаться: в этот раз у тебя не будет возможности провести меня.

— Я это учту.

Райз поднялся с кресла, и его тело тут же перестало подчиняться ему.

— Это еще не все. Дай мне левую руку, — приказал Фелис, и в его взгляде не читалось ничего хорошего.

Когда он закатал рукав рубашки Райза до самого локтя и сжал пальцами предплечье, тот мог только наблюдать.

Он едва сдержал рык, когда боль пронзила руку. Рождаясь под пальцами Фелиса, она импульсами вливалась в кровь, разносилась по всему телу, обжигала сознание.

Когда Фелис наконец отпустил его руку, Райз не сразу пришел в себя.

— Какого Проклятого...

Вновь обретя способность видеть, он посмотрел на внутреннюю сторону предплечья. У локтя, там, где его касались пальцы Фелиса, красовался набухший шрам в форме идеального круга. Просочившаяся в него кровь собралась в небольшой сгусток.

— Это компас, — пояснил Фелис. — Пригодится, если окажешься таким растяпой, что потеряешь свое оружие. Он указывает направление, в котором находится Къярт. Его тело, если быть точным. И расстояние. Как с ним обращаться, разберешься сам. С этим и ребенок справится.

— Постараюсь осилить, — саркастично ответил Райз.

— Я верю, что ты сможешь. А теперь пойдём. Пора познакомить вас с гривами.

Райз не стал спрашивать, о каких гривах речь, и молча направился следом за Фелисом.

То, как компас указывал направление, стало ясно сразу. Сгусток крови не был неподвижен — он смещался внутри кольца шрама так, чтобы находиться к местоположению Къярта как можно ближе. А вот с тем, как определять расстояние, оставались вопросы.

— На сегодня с учебой закончили, — с порога сообщил Фелис, войдя в лабораторию, где Ашша что-то втолковывала Къярту. — Ты — за мной. Ашша, оставайся в доме и не выходи, пока я не разрешу.

Девушка смиренно кивнула.

— Гривы — один из местных видов ездовых животных. Позволить их себе может только знать — из-за их прожорливости и некоторых особенностей поведения, — Фелис усмехнулся, размашистыми шагами пересекая внутренний двор: даже поднял полы халата, чтобы не мести ими пыль. — Звери они редкие, а с появлением паровых автомобилей многие и вовсе от них отказались. Ныне сынки богатеев предпочитают пыхтящие гарью машины тем, кто может их не глядя сожрать. Позерство не стоит такой мороки, когда можно пойти простым путем. Но вам они будут полезны.

— Пока не глядя не сожрут? — вставил Райз.

— Не сожрут. Да, нрав у них дурной: они агрессивные и склочные, не уживаются с себе подобными, если только не из одного помета. Голодные, они нападают на всех, даже тех, кто превосходит их размерами. Но если взять грива еще детенышем и не выпускать из рук, лет через десять он признает человека и будет ему не только верховым зверем, но и отличным защитником. У вас, конечно, нет десяти лет, — добавил Фелис, предвосхищая возможные вопросы. — При создании ваших тел я использовать взятую у них кровь. Так что они должны вас принять. Главное — не выказывайте агрессии.

Фелис остановился у лестницы, ведущей в котлован.

— Они скоро будут здесь. Я держал их в лесу — там проще за ними присматривать и кормить — но сейчас их выпустили, и они будут разыскивать своих хозяев. Гривы — полумозгумны и очень быстро обучаются. Постарайтесь найти с ними общий язык и

объяснить, что жрать всех подряд не следует. Во всяком случае, не в этом доме. А до этого момента — вы сами по себе. Удачи.

Закончив с объяснениями, Фелис заторопился обратно — поскорее укрыться за стенами особняка.

— Всегда мечтал, чтобы в венах текла кровь какой-то зверюги, — саркастично заметил Райз и первым начал спускаться по лестнице. — Пойдем, повеселимся хоть.

— Странное у тебя представление о веселье.

Райз хохотнул:

— Ты и половины не знаешь.

Ожидание оказалось куда длительнее, чем Райз рассчитывал. Он даже уселся на траву, тогда как Къарт остался стоять, скрестив руки на груди. Райз не первый раз замечал, что парень не просто скрещивает их, но еще и сжимает кулаки, особенно крепко, когда рядом находится Ашша — по всей видимости, чтобы ненароком не коснуться ее ладонью или внутренней стороной пальцев.

— Фелис решил выпустить нас в свет, — сообщил он, когда молчание уж слишком затянулось.

— Это все равно случилось бы рано или поздно, — Къарт говорил так, как будто с удовольствием навеки остался бы в стенах поместья.

Райз едва качнул головой, когда внимание привлекли два оранжевых облака, появившихся на границе восприятия. Сейчас он мог увидеть энергию духа на расстоянии до ста метров, так что учитывая скорость, с которой они приближались, до встречи оставалось всего ничего.

— А вот и гривы, — Райз поднялся на ноги, когда тень первого из них упала в котлован.

Скрежеща когтями по камню, на один из столбов заскочил зверь. Крупный, не меньше рослой лошади, и в тоже время гибкий, как кот — выгнув спину горбом, он замер на вершине столба. Жилистые лапы с длинными локтями и лопатками не короче плечей, мертвой хваткой вцепились в узкую вершину камня. Два хвоста в длину тела, покачивающиеся из стороны в сторону, точно змеи, помогали поддерживать равновесие. Антрацитово-черная, короткая шерсть лоснилась на солнце.

Длинная вытянутая шея оканчивалась сравнительно небольшой головой, которую украшало три параллельных друг другу ультрамариновых рога. Самый короткий, больше похожий на заостренный вырост, продолжал линию челюсти; длина среднего равнялась длине головы, верхним же грив мог почесать лопатки, стоило только выгнуть шею.

Мгновение, и рядом с первым, у подножия камня появился второй. В отличие от брата, его шерсть побила частая проседь, от чего любое движение зверя сопровождалось серебряными волнами.

Издав ликующий полу-рык-полу-визг, черный грив спрыгнул с камня и, выворачивая комья земли со склона, спустился в котлован. Серебристый в один прыжок оказался рядом.

— Не бойся, — тихо сказал Райз, заметив голубые вкрапление в энергии Къарта. — Если что-то пойдет не так, Фелис соберет нас по кусочкам назад.

— Главное, чтобы кусочки остались.

Райз бросил в сторону парня мимолетный взгляд. Неужто тот уже не стремился проститься с жизнью?

Застыв в десятке метров, гривы ощерились и вздыбили шерсть на загривке. Серебристый остался на месте, тогда как черный сделал шаг в сторону Къарта.

— Везунчик, — тихо хохотнул Райз, на что зверь предупреждающе зарокотал. Горло грива заходило ходуном.

Глядя, как зверь медленно подкрадывается к Къярту, Райз думал о том, что хоть ему и доводилось видеть зверей покрупнее и поопаснее — выходцев из мира друидов — прежде на его стороне всегда был Светоч, который враз сбивал спесь со всякого хищника. Сейчас же, хоть он и считал, что Фелис так просто их не отпустит, и окончательная смерть ему не грозит, все же услышать хруст своих же костей, перемалываемых мощной челюстью, — совсем не то, о чем он мечтал.

Грив приблизился к замершему, точно тополь в безветрие, Къярту; вытянул шею так, что его голова почти вплотную приблизилась к парню. Шумно втягивая круглыми ноздрями воздух, он обнюхивал того и недовольно порывивал.

— Надо было кость захватить, — прошептал Райз.

Грив взвизгнул и, кругнувшись на месте, в один прыжок оказался рядом. Окружающее его рыжее облако накрыло Райза с головой, но он не почувствовал каких-либо изменений.

Дыхание грива обдавало жаром и влагой. Он смотрел на Райза внимательными янтарными глазами и топорщил шерсть, вблизи больше похожую на тонкие иглы.

Грив грубо ткнулся носом в плечо Райза, скользнул к шее. Мысль, что если ему когда и откусят голову, то именно в этот момент, промелькнула в сознании.

Зверь провел мордой по лицу к волосам, оставив на щеке влажный след. Райз успел заметить, что предпоследний из шести внушительных клыков на верхней челюсти сколот, когда грив наконец прекратил его обнюхивать и уперся лбом ему в живот, грозя проткнуть рогами горло.

— Сегодня меня не сожрешь, значит? — спросил Райз и осторожно коснулся пальцами шеи зверя. Жгуты мышц отлично прощупывались даже сквозь плотно прижатую к телу шерсть.

У Къярта с его зверем все складывалось тоже неплохо: грив настойчиво пытался заставить того распрямить руки, раз за разом поддевая носом локоть, но парень оставался непреклонен.

— Даже не погладишь? — поинтересовался Райз, но взгляд Къярта дал ему отчетливо понять, что для подобных шуток пока рановато. — Присмотри за ними, а я пока скажу Фелису, что он может перестать прятаться. Удивительно, что у некроманта с его способностями нет методик, чтобы не быть съеденным.

И неприятно. Неприятно даже больше, чем удивительно. Если Фелис опасался диких зверей и запретил выходить даже мастеру печатей, то арсенал, который могло предложить человечество в борьбе с Ордой, был не так уж и велик. Или же в нем присутствовали только убойные вещи, что, в принципе, было неплохо.

Къярт не стал оспаривать идею остаться наедине с хищниками, тогда как черный грив считал иначе. Райз сделал всего шаг в сторону поместья, и зверь сразу же последовал за ним.

— Э, нет, ты остаешься здесь.

Райз резко обернулся к гриву. Тот недовольно фыркнул и опустил морду к земле.

— Жди здесь, — повторил Райз, указав рукой на место, где стоял грив.

Он не знал, в чем именно проявлялась полуразумность хищников, но по тому, как грив уселся на землю, стало ясно, что для понимания человеческой речи, или же желаний, ее достаточно.

Поднявшись по лестнице и войдя под арку, Райз понял, как компас реагировал о

расстоянии. Как только он отошел от Къярта на полторы сотни метров, сгусток крови в шраме едва ощутимо потеплел. Мысль, что будет, если отдалиться от парня, к примеру, на десяток километров, Райз прогнал.

Фелис ждал его, сидя на бортике фонтана во внутреннем дворе. Когда Райз приблизился, он бросил ему плоский кожаный кошель.

— Как тебе новый питомец? Не человек, конечно, и не друид, но в этом есть и свои плюсы.

— Отвали, Фелис, — лениво огрызнулся Райз.

Расстегнув кошель, он посмотрел на сложенные внутри купюры.

— Скоро. Потерпи еще немного, — парировал некромант. — Всю сбрую найдешь в пристройке: под арку и налево, вторая дверь. Гривов оставите в лесу у деревни — нечего пугать деревенских. Вернетесь до полуночи. Если ты подтвердишь готовность Къярта, я проведу ритуал перед рассветом.

— С нашей стороны требуются какие-то особые приготовления?

— Просто убедись, что парень не сглупит.

— Это я понял. Больше ничего? — сухо поинтересовался Райз.

— Ничего.

Райзу хотелось поскорее избавиться от общества Фелиса, и он уже повернулся, чтобы уйти, но тот остановил его:

— Ах да, совсем забыл. Не стоит упоминать о нашем знакомстве. Боюсь, это не та репутация, которая будет вам полезна. Во всяком случае сейчас. Придумай какую-нибудь удобную биографию. Ты же в этом мастер.

Райз не стал комментировать сочащиеся приторно-сладким ядом слова Фелиса и направился прочь.

За дверью, о которой сказал некромант, располагалась просторная кладовка с аккуратно разложенной огородной утварью: лопаты, грабли, мотыги, ведра и даже несколько секаторов, блестящих в тусклом свете, проникающем сквозь пыльное окошко. У дальней стены на двух стойках лежали седла. Фелис не поскупился: крылья седел из черной мягкой кожи украшало тиснение, а ремни сбруи были прошиты серебряной нитью.

Седла для гривов оказались куда легче и меньше конских, так что Райз сразу захватил оба, перекинув через них уздечки и подпруги. Когда он был готов вернуться к Къярту, взгляд упал на шухляду шкафа, из которой выглядывали кожаные перчатки.

— Доводилось седлать кого-либо? — Райз положил седла на траву.

Его грив сидел на том же месте, где ему велено было оставаться; серебристый улегся рядом с братом.

Къярт отрицательно качнул головой.

— На моей родине гужевой транспорт не был распространен, — сказал он и осекся. — Он и сейчас не распространен. Наверное. Я пытаюсь сказать, что..., — Къярт замолчал, пытаюсь сформулировать мысль.

— Да, тоже это заметил, — Райз понимающе улыбнулся. — Вроде бы умерли мы, а говорим так, будто это наши миры перестали существовать. Не беспокойся: они там же, где и всегда, — поспешил добавить он, заметив перемену на лице парня. — Лови.

Он достал из кармана перчатки и бросил их Къярту.

— Спасибо, — рассеянно ответил тот.

На то, чтобы разобраться с амуницией и оседлать гривов, ушло полчаса. Звери недовольно ворчали, а грив Райза даже огрызнулся, щелкнув пастью рядом с рукой, когда тот слишком туго затянул подпругу.

— Без истерик только, ладно?

Райз мог поклясться, что моргнувший в ответ грив понял каждое слово.

Когда седла были надежно закреплены, а уздечки надеты, Райз забрался на спину зверя.

— Давай, не хочу быть первым, кого скинут, — подбодрил он Къярта, все еще мнущегося рядом с гривом. Парень, наверное, уже в десятый раз проверял, как сидят перчатки, и не протерты ли они со стороны ладоней.

Когда Къярт тоже забрался в седло, гривы заметно оживились.

— И где ворота?

— Предполагаю, что для этих ребят — везде, — Райз посмотрел на почти отвесный склон котлована и похлопал грива по шее. — Давай потихоньку.

Ему только и оставалось, что вцепиться в нашейный ремень и сжать ногами жилистые бока, когда зверь сорвался с места и пулей взлетел на вершину. Грив Къярта не отставал.

А Фелис оказался не просто сумасбродным некромантом, но еще и виноградарем. Широкий гребень плантации тянулся от небольшого поля, в центре которого был вырыт котлован, и до леса, окружающего поместье и виноградники дугой.

Райз заметил среди зеленых стен движение и, присмотревшись, различил несколько мертвых в желтых туниках.

— Нужно будет поблагодарить Фелиса за то, что не отправил нас полоть грядки, — он ухмыльнулся и окинул взглядом каменную изгородь, что окольцовывала особняк. — Деревня видна из окон главного корпуса, так что нам на ту сторону.

Пока гривы, пофыркивая, трусили мимо каменной стены, на окраине леса вспыхивали голубые огоньки испуганного запахом хищников зверья.

Выехав на луг перед главным входом, Райз придержал грива. С холма, на котором раскинулось поместье Фелиса, открывался чудесный вид. Райз видел его и прежде, сквозь витражное окно второго этажа, но только теперь, когда над головой нависало бездонное

небо, а легкие наполнял чистый воздух, он ощутил пьянящий вкус раздолья. Проведя полжизни в подземельях Лона друидов, он как никто другой знал цену лишенным границ просторам.

— С ветерком? — Райз с азартом глянул на Къярта и шевельнул пятками бока грива. Тому большего и не требовалось.

Желтая лента глиняной дороги разматывалась, словно сбежавший из корзины клубок ниток, пока грив несся вниз по склону. Когти вырывали комья земли, ветер бил в лицо, но Райз не останавливал бы зверя до самой деревни, если бы тепло шрама на руке не начинало все больше походить на жжение.

Придержав грива, он подождал, пока Къярт не поравняется с ним. Его зверь нервно тряс головой, недовольный тем, что ему пришлось глотать пыль позади.

— Опасны только прикосновения ладонями? — поинтересовался Райз, когда гривы бок о бок затрусили по дороге.

— Еще стопы и язык, — Къярт посмотрел на свои руки в перчатках. — Области высокой проводимости. Их же касанием можно ставить печати — те, для которых требуется прикосновение.

— Ты не тренировался в использовании силы?

— Нет.

Къярт не врал, но и всей правды тоже не сказал. Райз не стал заострять на этом внимание: пока его устраивало и то, что парень был совсем никудышным лжецом.

— Тебе следует уделить этому время, и как можно раньше.

— Нет.

— Къярт...

— Я не собираюсь использовать эту силу, — тоном, не терпящим возражений, ответил он.

— Ты начнешь тренироваться в ближайшие дни.

Къярт вскинулся и хотел было ответить, но Райз не дал ему вставить и слова.

— Ты не можешь все время полагаться на кусок старой кожи. Когда-нибудь наступит день, когда его не окажется под рукой. И что тогда? Ты должен управлять силой, а не она тобой.

— Это не всегда возможно.

— Отговорки получше придумать не мог? — Райз насмешливо приподнял бровь, и, смягчившись, продолжил: — Я дал тебе слово, что прослежу, чтобы ты нигде не напортачил. Так что если у тебя сейчас нет желания разбираться со своими умениями, будь уверен, я найду способ тебя мотивировать.

Он рассмеялся, почувствовав на себе мрачное внимание Къярта.

— Не надо на меня так смотреть. Я понимаю твоё желание тянуть до последнего и спихнуть все проблемы на себя будущего, но тогда разгребать последствия придется и мне. Так что смирись и начинай уже брать свою силу под контроль. Тренируйся на кроликах, пока есть такая возможность.

Уткнувшись взглядом в холку грива, Къярт уязвлено молчал, а пространство вокруг него наполнялось смесью алого и сиреневого.

Лес отступил, и по обе стороны дороги заколосились поля. Никогда прежде Райз не видел посевов. До того, как он покинул родной дом и присоединился к друидам, его образованием занимались доверенные люди одного из Мастеров Республики, так что

школьные поездки на фермы обошли его стороной.

Толкнув грива к краю дороги, Райз наклонился и провел ладонью по еще зеленым колосьям. Здесь, на поверхности, пахло теплой, сухой землей. Он и забыл, что от земли может тянуть не только сыростью, смешанной с густым ароматом грибов и плесени, от которого бесконечно хотелось кутаться в плед и пить горячий травяной настой.

Выпрямившись в седле, Райз посмотрел на Къярта. Тот пребывал в своем излюбленном подавлено-мрачном настроении, окруженный серой взвесью, чье тлетворное воздействие ощущалось даже на расстоянии.

— Как назовешь? — чтобы хоть немного разрядить молчание, поинтересовался Райз и, получив в ответ полнейшее отсутствие интереса, с нажимом повторил: — Грива как назовешь?

— Обязательно давать имя?

— Почему бы и нет? — Райз пожал плечами и потрепал зверя по шее. — Этот вот будет Клык. У него сколот один клык, так что...

— Не повезло ему.

— Будешь тянуть, я и твоему подходящую кличку подберу.

— Не нужно ему имя.

— Отличный выбор! Будет Безымянным.

— Что? — Къярт нахмурился и наконец удосужился обратить внимание на Райза. — Нет, что за ерунда.

— Тебе же все равно нет дела, а Безымянный — отличное имя. Незаурядное, но и не слишком вычурное.

— Нет.

— Поздно спорить, уже все решили.

— Коготь, — недовольно буркнул Къярт. — Раз есть Клык, пусть будет и Коготь.

— Не сложно ведь, да? Главное — правильная мотивация.

Тяжелый взгляд Къярта был подтверждением тому, что он прекрасно уловил намек на недавний разговор о тренировках.

— И не надоедает же тебе, — хмыкнул Райз. — Видишь ту здоровую ель на краю леса? Справа перед деревней.

Къярт кивнул.

— Ну так догоняй, — Райз двинул Клыка пятками, и тот с воодушевлением помчался во весь опор.

Они оставили гривов у разлапистой ели — не той, до которой устроили скачки, а у растущей подальше от окраины. Под треск куста, безжалостно растоптанного Клыком, Райз привязал поводья к нижней ветке. Он не сомневался, что гривы, если им приспичит куда-то, порвут ремни, отломают любые ветки и выкорчуют ель, но порядок требовал привязанных поводьев — хотя бы ради напоминания, что сходить с места все же не стоит.

— Они же сбегут, — Къярт то и дело оглядывался на оставленных в чаще гривов.

— Может сбегут. А может и нет, — Райз попытался подсчитать, сколько раз он велел Клыку оставаться на месте. — Я лелею надежду, что Фелис понимал, что делал, когда отправлял нас с ними в деревню.

Къярт ничего не ответил, а Райз не стал продолжать мысль, что, вполне возможно, это все происки Фелиса, и дело кончится если не нападением гривов на селение, так чем-то подобным. В очередной раз поймав себя на том, что пытается предугадать действия

некроманта, он мотнул головой, прогоняя прилипчивые мысли.

Засаженное овощами поле подходило под самую черту леса. Толстые стебли стелились по земле; среди крупных, шершавых на ощупь листьев желтели нераспустившиеся цветки. Еще подъезжая к деревне, насчитывающей навскидку полсотни бревенчатых домов, Райз обратил внимание, что на близлежащих полях нет ни одного человека. Он даже начал предполагать что-то недоброе, но доносящиеся с ветром обрывки песен и звон стекла означали пиршество, а не беду. С чего бы это? По календарю никаких праздников в Афракском Союзе сегодня не было.

В последние дни Райз не только занимался изучением энергии духа, но и успел посидеть за парой книжек: справочником по географии, совсем новым, еще пахнущим типографской краской, и летописью, которая выглядела куда старше, чем события, что в ней описывались.

Поместье Фелиса находилось на территории Коуфладских земель, входящих в состав Афракского Союза — государства-гиганта, разросшегося почти что на весь континент — один из четырех, разделенных мелкими морями и узкими проливами.

Афракский Союз был основан спустя сотню лет после победы над Ордой парой десятков феодалов, и с того дня, как факт его существования закрепили размашистым текстом на бумаге, не участвовал ни в одной войне — ни большой, ни маленькой. Но это нисколько не мешало ему присоединять к себе все больше земель: торговыми договорами или же «семейной» дипломатией. Так что спустя тринадцать веков на континенте остался только территориальный гигант-переросток и десяток мелких государств вдоль побережья, продолжающих цепляться за свою независимость. Благодаря наличию выхода к морю, которого не оказалось у менее везучих земель, они могли позволить себе худо-бедно выдерживать торговую блокаду Союза, вознамерившегося однажды взять под свой контроль весь континент. А пока что в его состав входило четырнадцать земель.

Коуфладские территории со своими плодородными полями носили гордое звание житницы всего Союза. Железные дороги изрешетили равнины и прорезали густые леса, по полноводным рекам одна за другой тянулись баржи. В этих краях у людей не было причин для роптания, разве что чрезмерно высокие налоги, которые не стеснялся устанавливать наместник Коуфлада. Но даже отдав государству все, что оно требовало, у людей оставалось достаточно, чтобы жить лучше, чем большинство соседей.

Или же так говорилось в книгах, а, как известно, бумага врала не хуже базарных теток.

Райз не назвал бы представшую перед ним деревню зажиточной: обычные бревенчатые избы, единственным украшением которых были расписные ставни, да и те уже не первый год просили свежей краски. Изгородью домам служил низенький плетень, местами накренившийся под тяжестью плюща.

К аромату земли и зелени примешался запах навоза и домашней живности, чей клекот и фырканье доносились со дворов по обе стороны дороги. Вдыхая дух деревни полной грудью, Райз разглядывал сохнувшие под солнцем простыни и разбросанные в пятнах желтого песка деревянные игрушки; выставленные в ряд жестяные ведра с зерном и плетеные коврики, что лежали на крыльце каждого второго дома. Все же под синим небом и желтым солнцем мир выглядел необычайно ярко и резко — особенно резко для того, кто привык видеть его в мягком полумраке подземелий.

Шум и гам праздника звучал все отчетливее. Сквозь музыку, излишне скрипучую, как на вкус Райза, доносились хмельные разговоры и гогот.

Когда за домом, неуклюже взгромоздившимся на высокий фундамент и нацепившим на крышу золоченый конек, проступили персиковые облака энергии духа, Райз ускорил шаг и вскоре свернул на короткую улицу, что вела на главную площадь, где собралась вся деревня.

Праздник был в самом разгаре. На расставленных по периметру площади столах теснились тарелки — с уже ополовиненным содержимым — и полные до краев кружки; люди сидели плечом к плечу на узких лавках, а псы носились из стороны в сторону, каждый надеясь схватить брошенную кость вперед остальных.

Сельчане болтали и смеялись, кто-то притопывал в такт музыке, а кто-то и вовсе пустился в пляс, поднимая клубы пыли. Трое разодетых в пестрые костюмы парней играли на местных струнных инструментах подле стоящей в центре площади статуи. Вырезанная из дерева и вскрытая лаком она сверкала на солнце, возвышаясь над крышами ближайших домов, а ее основание было усыпано свежими цветами.

Статуя сразу показалась странной. Ее можно было бы назвать похожей на человеческую, если бы не слишком широкие плечи и грудь, и в стать им бедра при довольно узкой пояснице. Кроме того у нее отсутствовало лицо. Вернее, имелись только грубые очертания, обозначившие глазные впадины и невыразительную выпуклость на месте носа, и списать их на неумелость мастера уж никак не вышло бы: рельеф тела был выведен более, чем искусно.

— Эй, идите сюда! — один из празднующих заметил чужаков и зазывающе махнул рукой, после чего вытолкал из-за стола сидящих рядом мальчишек. — А ну ступайте, дайте место гостям.

Райз замешкался, заметив синеву, пропитавшую воздух вокруг Къярта.

— В чем дело?

— В прошлый раз именно с местного празднества все и покатилося под откос.

— Къярт, с приближающимся нашествием Орды все уже катится под откос. Хватит бояться собственной тени.

Райз вздохнул, прочитав на лице парня абсолютное безразличие к его словам.

— Правда, прекращай уже. У тебя, вон, даже перчатки есть. Просто не лапай девочек без них, и ничего плохого не случится.

Къярт одарил его мрачным взглядом и нехотя уступил.

— Не ждали мы вашего брата так скоро, — позвавший их к столу мужчина сгреб в кучу оставшиеся после детей тарелки и сунул их сидящей рядом женщине. — Ну чего ты зеваешь, а? Эй, дайте кто-нибудь чистых тарелок! У нас гости тут.

Любопытные взгляды устремились к чужакам, а все разговоры, как по команде, смолкли, тогда как люди за соседними столами даже не заметили пополнения, продолжая травить пьяные байки.

На столешницу опустились две тарелки и ложки. Заметив на одной из них остатки каши, сидящий рядом мужчина быстрым движением схватил тарелку, тщательно вытер подолом рубашки и вернул на место.

— Вот, теперь полный порядок, — широко улыбнулся он, обнажив крупные зубы. — Я — Брок.

У Брока было пористое лицо и зачесанные назад сальные волосы. Загорелый, с толстой шеей, морщины на которой почернели от въевшейся в них пыли, и крепкими медвежьими руками, со стратегическими запасами земли под ногтями, он выглядел так, как и полагалось выглядеть мужчине, работающему в поле. Скорее всего. Все же наверняка Райз не знал.

Внешний вид друидов с человеческим было даже глупо сравнивать, но они отличались исключительной чистоплотностью, а в Республике... в Республике Райз общался лишь с представителями высшего сословия, так что по сути и понятия не имел, как следует выглядеть простому работяге.

— Мое имя Райз, это — Къярт, — он кивнул в сторону парня, решившего, что сейчас самое время превратиться в деревянного истукана.

За столом было тесно, и Къярт боялся пошевелиться, чтобы ненароком не задеть сидящего рядом конопатого парня.

— А вы не сильно-то на торговцев смахиваете, — Брок окинул их придирчивым взглядом.

— А мы и не торговцы, — согласился Райз. — Мы здесь проездом. Услышали ваши гуляния и подумали: почему бы не заглянуть?

— Это дело верное. Не каждый день дочку старосты замуж выдают.

Брок взглядом указал на стоящий особняком стол, за которым людей сидело меньше, да и выглядели они попримечательнее, особенно совсем еще молоденькая девчонка с вплетенными в волосы белыми цветами — в меру миловидная, с большими восхищенными глазами деревенской глупышки. Она старалась вести себя, как дама из высшего сословия, и у нее это даже получилось бы, не залезай она рукавами платья в тарелку всякий раз, когда решала прильнуть к сидящему рядом с важным видом и в накрахмаленной рубашке жениху.

— Ага, еще и за Руферонского хлыща, — с набитым ртом проговорил сублильного вида мужчина, что сидел за столом напротив Райза.

— Ну да, как же, хлыщ, — сказала трущаяся о его плечо женщина. Ее щеки порозовели от выпитого вина, а русые волосы выбились из переброшенной на грудь косы. — Уж всяко лучше, чем за местных оборванцев, — она перевела взгляд на Райза, затем оценивающе посмотрела на Къярта — точно матерая доярка, выбирающая себе новую корову. — Ее жених, между прочим, человек достойный. Не только наведет здесь порядок, но и привезет мизинец исполина.

— Мизинец! Хорошо хоть не что-то пониже, — прыснул ее сосед, и женщина тут же ткнула его локтем в бок, отчего тот подавился и закашлялся в ладонь.

— И как только у тебя язык еще не отсох, а, Стев? — возмутилась она, и сидящие поблизости поддержали ее укоризненными взглядами и покачиванием голов.

— А я его часто смачиваю, — выдал тот и залпом опустошил кружку.

За соседними столами загоготали: один из отплясывающих посреди площади запутался в собственных ногах и кубарем покатился мимо юбок завизжавших девиц.

— Мизинец — это, конечно, хорошо, но не святотатство ли? Разделить исполина вместо того, чтобы сложить все части вместе, везти, не пойми, куда. Как считаешь? — спросил у Райза Брок.

Мужчина уже успел где-то раздобыть две кружки и теперь наполнял их бледно-желтым напитком, от которого несло кислятиной.

Райз покосился на не вызывающую доверия выпивку и, скрепя сердце, сделал небольшой глоток. А кислятиной тянуло неспроста.

— Добротная кисленка, а? — с усмешкой бросил Стев, нагребая на тарелку порцию каши с луковой зажаркой.

Райз улыбнулся и кивнул. Он потратил на размышления достаточно времени, и дальше с ответом на вопрос Брока тянуть не стоило. В книгах не раз упоминалось, что как бы ни

разнилась между собой жизнь на четырех континентах, в почитании и восхвалении исполинов все были едины. Но книги оставались книгами, и Райз не мог быть уверен в том, что они отражают истинные настроения среди простого народа.

— Целый исполин был бы однозначно лучше, — уклончиво ответил он.

— А то! Только этот хлыщ не то что мизинца, а даже ногтя не привезет, зуб даю, — изрек Стев.

— Без зубов не боишься так остаться? — хохотнула его соседка.

— А что, уже где-то нашли отдельно валяющиеся ногти исполинов? — Стев осклабился. — А мизинец... да он скорее удавится, чем потратится на мизинец!

— Столы накрыть не удавился же.

— Тоже мне, сравнила: мизинец исполина и черствое сало. И сало, между прочим, из моего погреба, только мне за него никто и гроша ломаного не дал.

— А что тебе давать? Все равно пропьешь.

— С нас так-то тоже взяли зерна три мешка, — донеслось с дальнего края стола.

— Мне десяток кролей пришлось забить.

— Да они у тебя сами издохли.

— А сороковник ни с кого не брали?

Стол захлестнули споры. Мужчины возмущались тем, во сколько им обошлась свадьба дочери старосты, женщины самозабвенно выгораживали жениха, попутно обвиняя собственных мужей в скупердьяйстве. Не заглушай музыка поднявшуюся ругню, и она, как огонь соломенную крышу, охватила бы всю площадь.

От персиковой дымки вокруг мало чего осталось. Она порозовела, пропиталась десятком всеразличных оттенков, и от этого буйства красок зарябило в глазах.

Райз посмотрел на Кьярта. Подобное веселье уж точно не оказывало на него того влияния, на которое рассчитывал Фелис. Сознание парня унеслось в неведомые дали, бросив на лавке обделенное эмоциями тело.

— А сами вы откуда будете-то? — спросил Брок, когда споры начали стихать, сменяясь прежней болтовней о всякой ерунде.

— Из Эшена, — Райз отщипнул кусок от еще пахнувшей дымком птицы.

Эшен, город на скале, являлся центром Эшенских земель — южного соседа Коуфладских и многих других. Их сплошь покрывали горы, и если бы не прииски драгоценных металлов и камней, Афракский Союз в жизни бы не позарился на территорию, на которой даже овец толком негде пасти. Но Эшенским землям повезло сосредоточить в своих недрах разве что не все полезные ископаемые континента, так что присоединение к Союзу для одних решило вопрос продовольствия, а для других — роскоши.

— Прямо из самого Эшена? — заинтересовалась соседка Стева.

— Да, из него самого.

— И что в том Эшене? — с кислой миной протянул Стев. — Только ветер и скалы. Признавайтесь, что сбежали, потому что там жрать нечего.

— Все не так плохо, — рассмеялся Райз.

— А это правда, что в Эшене дороги из самоцветов выкладывают? — продолжала любопытствовать женщина.

— Чего нет, того нет, — Райз развел руками. — Хотя потолок в центральном святилище и правда вымощен драгоценными камнями. И стены. И пол. Туда разрешается заходить только босиком, так что можно пятки порезать, если повезет наступить на нешлифованный

скол.

Женщины ахнули, и даже Къярт, ни с того ни с чего ожив, поднял на Райза вопросительный взгляд. Ну, он и правда нес околесицу: ни о каком подобном требовании в справочниках не упоминалось, — но кто когда отказывался от лишнего повода перемыть косточки катающемуся, как сыр в масле, соседу?

— Что? Скажешь, что ни разу не резал ноги? — Райз с ухмылкой посмотрел в ответ.

— Нет.

— Не верьте, ему просто стыдно признаваться.

Къярт не стал говорить что-либо еще, а Райз и не ждал от него поддержки. Он бы и сам не заморачивался над легендой, рассказанной во всеми забытой деревушке, если бы не следовал правилу, что в надетой маске не должно быть ни единой трещины. Как знать, может, именно в эту трещину однажды прилетит сокрушительный удар? Живя среди друидов, Райз позволил себе проявить неосмотрительность всего пару раз — в сущих мелочах, на которые никто и внимания не должен был бы обратить. Но каждый раз последствия его неосторожности не заставляли себя долго ждать, вынуждая лихорадочно искать оправдания.

— Далеко же вы забрались, — Брок потер щетину. — Дирижаблем на Коуфлад, а затем поездом..., — он замолчал, размышляя, зачем вообще было делать подобный крюк, чтобы в итоге оказаться в такой глуши.

— Нет, мы по старинке, на гривах.

Брок удивленно приподнял брови, а разговоры за столом притихли.

— И где они, гривы ваши? — хмуро поинтересовался Стев.

— Оставили на окраине леса. Не тащить же их сюда.

— Да, здесь нам гривов точно не нужно, — согласился Брок.

Разговоры на площади смолкли следом за переставшей играть музыкой, и в наступившей относительной тишине звон кубков за главным столом прозвучало особенно выразительно. Кто-то прокричал слова благословения молодым, и площадь снова воодушевленно загудела.

Когда музыканты заиграли вновь, сельчане забыли о своих личных сваргах и принялись судачить о соседях. Начав с выяснения полезности для Союза тех или иных земель, они скоро переключились на сплетни из соседних деревень.

Райз слушал вполуха, увлеченный наблюдением за энергией духа, густо пропитавшей воздух. Из-за столпотворения ее было так много, что он едва различал черты тех, кто сидел на другом краю стола. Он будто бы оказался в плотном тумане, подсвеченном десятком оттенков, и попытки сосредоточиться на чем-то одном так ни к чему и не привели.

Персиковый цвет, что преобладал на площади, был единственным, который Райзу удалось изучить. Он быстро разобрался, что именно веселье окрашивает энергию в подобный оттенок, но долго медлил, прежде чем активировать небольшое облако. Он не чувствовал в нем никакого деструктивного влияния, скорее наоборот — прилив сил. Наконец, решившись, он активировал облако, окружив им одного из снующих под столами псов. Тот не повел и ухом, но бледно-рыжее пространство вокруг него принялось стремительно насыщаться цветом. Проделав все то же самое еще пару раз, он пришел к выводу, что активированное облако веселья на короткий период времени увеличивает выработку духа. Неплохое усиление, если, конечно, оно не влечет за собой негативных последствий для объекта применения силы.

Гуляния становились все громче и пьянее, и в персиковой дымке начали собираться алые сгустки — точно мохнатая плесень, что постепенно расползлась по лежалым ягодам. Один из таких сгустков, пусть и самый светлый, окружал Къярта.

После упоминания Эшена и гривов рядом все чаще стали мелькать девичьи лица. Одна из девушек, с кучерявыми, пахнувшими сеном волосами, с завидным постоянством подливала кисленку в кружку, к которой Къярт даже не прикоснулся. Райзу даже стало любопытно, что она будет делать, когда кружка наполнится до краев. Но до того, как это произошло, другая барышня, раз за разом с обворожительной улыбкой оттесняя первая в сторону, чтобы предложить Къярту новое блюдо, таки перевернула кружку локтем. Сидящие поблизости женщины с шипением набросились на нее, словно гусыни, и та поспешила скрыться с глаз, а на ее место тут же пришли две другие, по всей видимости, сестры: они не только выглядели точными копиями друг друга, но даже их голоса звучали похоже. Двойняшки наперебой пытались расспросить Къярта об Эшене и о нем самом, но тот по большей части отмалчивался или же отвечал односложно.

— Брезгуешь трогать наши ложки? — голос Стева плавал во хмелю.

Он сидел в центре еще одного алого сгустка, такого же, как и у пары парней неподалеку. Райз не единожды ловил на себе их откровенно враждебные взгляды, но сейчас все внимание Стева было приковано к перчаткам на руках Къярта.

— Нисколько, — вместо него ответил Райз. — Всего-то подхватил какую-то дрянь на топях. Не заразно, но выглядит гадко, — хохотнул он.

Къярт, только сейчас осознавший, что Стев обращался к нему, поднял на Райза взгляд, на что тот лишь пожал плечами. Когда же после его слов о болотной заразе суетившиеся вокруг парня девушки переключили свое внимание на Райза, дух Къярта утратил прежнюю розовизну. А вот злость Стева даже и не думала стихать.

Начинало смеркаться. И хоть празднество даже не близилось к своему завершению — музыка и хмель выгнали половину села из-за столов танцевать — Райз подумывал о том, что сейчас самое время уходить. Затея Фелиса не оправдала себя. Къярт, словно достигший просветления отшельник, отстранился от мира вокруг и даже не реагировал на попытки двойняшек, решивших, что хворь с топей не так уж их и пугает, утащить его танцевать.

От буйства красок, скрипучей музыки и нескончаемого гама начала побаливать голова, и когда его накрыло внезапно окружившее Къярта серое облако тоски, Райз болезненно прикрыл глаза.

Последние пять минут вокруг столов носилась детвора: девчонки гоняли мальчишек, затем те гоняли девчонок, и Къярт не обращал на них внимания так же, как и на все остальное, пока одна из девочек, светловолосая, не попыталась спрятаться от остальных под столом. Но, осознав, что не успевает, вцепилась в рубашку Къярта, со всей своей детской непосредственностью надеясь, что тот защитит ее от задир.

Райз не видел взгляда, которым парень посмотрел на застывшую рядом девочку, но вполне мог себе его представить. Сколько лет было младшей сестре Къярта, когда она умерла?

— А ну отцепись от гостя, мелкота, — лениво пробормотал Брок.

Он был пьян не меньше остальных, но вместо танцев предпочел бы завалиться в кровать и проспать до следующего вечера. Но сил подняться из-за стола не было, и он продолжал сидеть, подперев кулаками подбородок и клюя носом.

— Ступайте, носитесь в другом месте, — велел он.

Девочка последний раз улыбнулась Къярту и с радостным визгом бросилась прочь, преследуемая остальными детьми.

— Нам тоже пора, — Райз решительно поднялся со скамьи, давая понять, что уговоры бессмысленны. — Спасибо, что позвали к столу. Передавайте молодым наши наилучшие пожелания, — он похлопал Къярт по плечу, выводя того из ступора.

— Так рано? Еще даже до пирогов очередь не дошла, — Брок несогласно замотал головой.

— Если слишком задержимся, гривы из нас самих пироги сделают.

— Это да, они могут. Ну что ж, бывайте тогда, — Брок поднялся на нетвердые ноги и протянул руку. — Заезжайте, если еще будете в этих местах.

— Непременно, — Райз пожал руку и встретился взглядом со Стевом, заматавшегося в красную вуаль духа, как бабка в побитую молью шаль. — Повеселитесь на славу.

Стев фыркнул и приложился к кружке.

Когда звуки праздника перестали заглушать обиженный лай сидящих во дворах на привязи псов, Къярт заметно расслабился. Его лицо посветлело, а от стальной дымки вокруг остался едва различимый бледный туман.

— Ты был прав, — произнес он, изучая перчатки. — Ничего плохого не произошло.

«Еще не вечер», — хотелось ответить Райзу, но он решил позволить парню насладиться тем недолгим временем спокойствия, что было им отведено, и промолчал. Не прошло и минуты, как они оставили площадь, и следом за ними двинулись три алых и один желтоватый сгусток. Они плыли окольными путями через дворы, так что, возможно, псы лаяли отнюдь не от обиды и не на заглянувших в деревню чужаков.

— Мне пора прекратить сгущать краски, — блуждая в своих мыслях, продолжил Къярт.

— Отрадно слышать, — Райз внимательно следил за парой вырвавшихся вперед сгустков, прикидывая, когда те решат перекрыть им дорогу.

Долго ждать не пришлось.

До края деревни оставалась всего пара домов, когда Стев и еще один парень, пнув ногой калитку, вышли на дорогу. Райз остановился и через плечо взглянул на появившихся за их спинами двоих: мужика задиристой наружности и парня, что сидел за столом рядом с Къяртом. Желтое облако принадлежало ему.

— И чего вы все слетаетесь сюда? — зло спросил Стев. То ли злость, то ли быстрая прогулка по деревне немного проветрили ему голову, и сейчас он стоял на ногах куда крепче, чем следовало ожидать. — В Эшене, что ли, баб мало? Думаете, явились такие, и любая девка ваша? Кому вы нужны будете с проломленной-то башкой?

Стев мотнул головой и первым сдвинулся с места.

— У меня есть идея получше, — Райз усмехнулся, гадая, получится, или нет.

— Ты что собрался делать? — Къярт с опаской посмотрел на него.

В его взгляде страх переплелся с угрюмой решимостью, так что Райз не удивился бы, если бы парень в следующую секунду сдернул перчатку и схватил его за руку.

— Почему бы нам всем не завалиться в местный кабак и не порешать все вопросы за кружечкой кисленки? Еда и выпивка — все за наш счет, — Райз широко улыбнулся и одним коротким импульсом прогнал прочь всю энергию духа, что окружала Стева и его дружков.

Идея пришла сама собой, и Райз решил дать ей ход. Не увенчайся затея успехом, и вопрос закрылся бы старой доброй дракой, если, конечно, пару пинков можно было так назвать. Но враз лишенный окружавшей его злости Стев остыл, а замешательство на его лице

сменилось глубоким, почти что философским, раздумьем.

«А недурно вышло», — про себя ухмыльнулся Райз.

Вновь открыть глаза было мучительно.

Къярту хотелось кричать. Он верил в то, что, оборвав свою жизнь, он наконец-то со всем покончит, и снова придя в себя на кровати, не сразу понял, что вернула его на этот раз отнюдь не сель. Осознав, что в воздухе нет искры, он счел, что снова оказался на планете, которую собственноручно и уничтожил.

Кажется, он сходил с ума. Или же...

Искра отсутствовала не только в воздухе, но и в нем самом. Он не чувствовал ни ядра, ни кли-каналов — ничего. Но при этом оставался жив и, судя по ощущениям, полон сил. Но подобное было, вне всяких сомнений, невозможно. А значит, за смертью следовали не только тлен и забвение.

Эта мысль обожгла его, словно выпитый залпом стакан кислоты. Смерть не была последней остановкой. Пусть не для тела, но для души, которая, по всей видимости, таки существовала. И ее существование, точно пожизненный — или же посмертный — приговор, делало его узником своего прошлого.

В слепой надежде, что все это просто лихорадочный бред, Къярт собирался разбить витражное окно, схватить осколок и вскрыть вены — что угодно, лишь бы вычеркнуть себя из реальности. Но когда его кулак замер в паре сантиметров от стекла, будто бы упершись в невидимую преграду, Къярт осознал, что он далеко не абсолютный хозяин своего тела.

Чья-то воля не давала ему выйти из комнаты, как и мешала сделать что-либо, что хоть как-то могло ему навредить. Запертый наедине со своими мыслями, он метался, точно крыса, накрытая ведром, к которому поднесли тепловой контур.

Когда на пороге появился ходячий скелет, Къярт полностью лишился контроля над своим телом. Он мог только стоять, точно тот истукан, и смотреть, как ходячие кости ставят на стол тарелку с едой и раскладывают приборы. И только когда скелет закрыл за собой дверь, к Къярту вернулась способность двигаться.

Горячечный бред.

Что, если он угодил в место, о котором узнал от Мерлен? Место, где правит мистический черт, и теперь его ждет вечное наказание за все то, что он натворил?

Мысли о девушке, которую он не смог защитить, только подлили масла в огонь. Ни ее, ни близнецов. Был слишком наивен, слишком неосторожен, пусть и считал иначе. Был слишком слаб.

А вот чтобы сделать все только хуже его силы вполне хватило. В том числе, чтобы, вернуться из мертвых, тем самым отправив на тот свет младшую сестру.

Он мог бы оправдать себя тем, что изменить это было вне его власти; что это сель вздумалось возродить его, еще и сделать это в самом неудачном месте; что его обманули, убедив, что уничтожение планеты одного из миров — единственный способ сберечь вторую. Но Мерлен и близнецы погибли исключительно из-за его собственной слабости.

Он никого не смог защитить. И даже то, что он сделал с планетой, где жила Мерлен, не являлось спасением его родной. Это было всего лишь уничтожением мира Мерлен.

Уставившись на принесенную тарелку с едой, Къярт думал о том, что, возможно, он

действительно жив. Душа не нуждалась в пище. А значит, если он не может оборвать свою жизнь действием, он делает это бездействием. Без еды и воды долго ему не продержаться. Тем более в нем больше не было искры, что продолжала бы питать организм.

Но было что-то иное. Как любому другому человеку, ему хотелось есть и пить, но дальше чувства голода и жажды дело не заходило. Что-то продолжало поддерживать в нем жизнь, и он не мог понять, что, как и не мог противостоять этому. Все, что ему оставалось — просто ждать и молить всех, кого только можно, чтобы этот кошмар закончился.

А затем появился Райз — человек, который мог все прекратить. Но он не стал. Только продемонстрировал, что способен это сделать — будто помахал костью перед отощавшим псом и выбросил ее в бездну.

Очередная издевка этого места. Но если Райз не собирался добровольно делать то, о чем его просили, Къярт мог заставить его силой. Но ничего не вышло. Райз преследовал собственные цели и не реагировал на провокации. Во всяком случае, реагировал не так, как того хотелось бы.

От пришедшего осознания, что он пытается использовать Райза точно так же, как использовали и его, стало тошно. Къярт выдохся. Он загнал сам себя.

Тогда слова Райза про искупление прозвучали как нечто далекое, эфемерное, но кроме них больше ничего не было. Къярт не знал, что ему делать, не знал, как жить дальше, и не знал, как прервать собственную жизнь. И он сдался на волю судьбы и приготовился к тому, что она продолжит тащить его в черноту.

Райз был таким же возвращенцем — призванным, как после назвал их некромант. Об этом твердили все вокруг, но Къярт не спешил принимать чьи-либо слова на веру. Какое-то время он даже считал, что Райз, как и Ашша, подручный некроманта. Но вскоре отмел эту мысль.

Никто не стал бы терпеть от подчиненного подобного поведения. Даже то, что Фелис позволял так себя вести призванному, было странно. И хоть он и пытался приструнить Райза, тот отбивал любые нападки, будто бы это он был тем, кто устанавливал правила.

Поначалу его граничащая с наглостью прямолинейность и непоколебимая уверенность в себе казались легкомысленной дерзостью и наивностью — еще большей, чем та, что совсем недавно вела прямо в пропасть и его самого. Райз говорил и вел себя так, будто бы все вокруг было детской забавой, игрой, правилами которой он давным давно разгадал и мог остаться в победителях, как бы ни повернулись обстоятельства. И со временем Къярт начал ловить себя на мысли, что и сам невольно перенимает эту уверенность, веру, что он тоже сможет взять свою жизнь под контроль.

Ему хотелось поверить Райзу — как бедняку хочется верить в то, что он может выиграть в лотерею. Хотелось верить в то, что ему не за что корить себя. И в тоже время от того, насколько обыденно и невозмутимо Райз говорил об уничтожении планеты, становилось жутко. Къярт не знал о его прошлом ровным счетом ничего, кроме того, что руки Райза тоже замарала кровь, и то, что он не раскаивался. Впрочем, в последнем Къярт не был так уж уверен. Это был один из тех редких случаев, когда слова Райза прозвучали лживо.

У Къярта не было причин доверять ему, но и для вражды тот поводов не давал. Даже если Райз и собирался навредить ему — Къярту было плевать. Единственное, что его беспокоило — своеобразный взгляд на вещи у его невольного напарника, который он в корне не разделял.

Даже когда он получил эту проклятую силу, способную только убивать, Райз не повел и

бровью. Он считал ее всего лишь инструментом, который можно применить, когда нужно, а когда нет — убрать в ящик. Къярт хотел бы с ним согласиться, хотел, чтобы Райз оказался прав, но ему хватило одного прикосновения, чтобы осознать — чудес не бывает.

Одно мимолетное прикосновение к ветке дерева, одного из тех, что украшали коридоры на втором этаже — и она почернела, усохла, сбросила листья на сырую землю. В то же мгновение Къярт ощутил такую же жажду, которую испытывало его ядро во время приступов. Жажда, которую нельзя контролировать, нельзя усмирить. Ее можно было только наглухо запереть и не подпускать ни к кому и ни к чему, что Къярт и собирался сделать, ведь теперь от этого зависела не его жизнь, а жизнь остальных. Оставалось только убедить в этом Райза, упрямства в котором было не меньше, чем в нем самом.

Къярту даже пришла идея один раз прикоснуться к Райзу, чтобы продемонстрировать, насколько опасно то, чем «наградил» его Фелис. Уж это точно должно было убедить его или хотя бы испугать — так, как одна только мысль об этом испугала Къярта — ведь Райз чертовски сильно хотел жить.

Къярт не знал, как тот погиб, но то, что он предпочел бы остаться в живых, будь такая возможность, понял бы и круглый дурак. Къярт читал это желание в том, как Райз смотрел на небо, как ликовал, оказавшись в седле грива, как вдыхал перегретый летний воздух — словно впервые за долгие годы выбрался из заключения.

И пусть в желании жить не было ничего дурного, Къярт начинал опасаться, что со своей настойчивостью и, чего уж юлить, агрессивностью, тот сметет любого, кто посмеет встать у него на пути.

Эти опасения достигли своего апогея, когда перебравшие селяне преградили им дорогу. Но вместо того, чтобы прибегнуть к грубой силе, Райз произнес пару фраз — и весь конфликт сошел на нет.

Чувство вины не заставило себя долго ждать. Теперь Къярт понимал тех, кто смотрел на него в мире Мерлен, как на чудовище, когда он не сделал ничего дурного. Его спокойствие и сила, необъяснимая для них, стали достаточным поводом для страха и уверенности в том, что он может причинить им вред.

Сидя в пропахшем алкоголем кабаке, Къярт наблюдал за Райзом, беседующим со Стевом так, словно еще несколько минут назад между ними не назревала драка. Сначала тот пытался повернуть разговор к обсуждению деревенских девушек и их излишнему вниманию к чужакам, но Райз пресек какие-либо дискуссии на эту тему историей про жен, что дожидаются их с Къяртом в Эшене, и которые с превеликой радостью лишат их доброй доли имущества, если хотя бы даже заподозрят в измене. Убедительности Райзу было не занимать, так что Стев что-то невразумительно проворчал и послал самого младшего из своих товарищей на кухню за едой и выпивкой.

— А что за поместье на холме? — Райз отщипнул кусок от вяленой кабаньей ноги и закинул на язык.

— Некроманта Енкарты, — сухо ответил Стев.

Его товарищи — один верзила хулиганской наружности, а второй — рыжий, как огонь — дружно сплюнули на пол, и только парень, самый младший из них, заметно помрачнел.

— Некромант? — со смешком переспросил Райз. — Прямо самый настоящий некромант?

— Настоящее некуда, — подтвердил Стев и звучно отхлебнул из кружки.

— Не некромант он, — буркнул парень и тут же потупил взгляд.

— А кто же, если не некромант, Берти? — рыжий передразнил еще по-мальчишески звонкий голос парня.

— Как пить дать, некромант, — Стев макнул краюху хлеба в холодный бульон. — Или ты знаешь кого-то, кто работает на его виноградниках? Или думаешь, он сам там корячится с утра до ночи? Даже если и так, в одиночку столько вина, сколько он сбегривает в Руферон, не приготовить.

— Он не один, есть еще Ашша...

— Твоя ведьма которая?

— Она не ведьма!

Вспышка Берта была встречена дружным гоготом. Къарт с Райзом переглянулись.

— Она целительница, — пробормотал парень.

— Целительница, как же, — Стев покровительственно обнял Берта за плечи и хорошенько встряхнул. — Берт у нас дурной. Бабы дурные — все им пижонов из города подавай — вот и Берт такой же. Только еще дурнее. Нет, чтобы взять и выбрать себе нормальную девку, из местных. Вместо этого он вбил себе в голову, что ему вот прям позарез нужна Ашша. Вот сделает Енкарта из тебя своего прислужника, будешь знать, как на девок некромантов глаз ложить.

— Он не..., она не..., — задохнулся Берт. — Да она его ученица!

— И что, по-твоему это как-то мешает ему лезть к ней под юбку? — со смешком спросил верзила.

— Она не носит юбок, — заметил рыжий и прыснул в кулак. — Эй, Берти, может она вообще мужик? Ты ее фигурку-то видел?

Смеясь, он подвигал ладонями на уровне груди.

— Хорош гнобить пацана, — осадил его Стев. — А ты, Берт, лучше выбрось эту дурь из головы и не суйся к ней. И вы двое, — он обвел Райза и Къарта полу-хмельным взглядом, — держитесь от дома Енкарты подальше. Целее будете.

— Если он и правда некромант, почему не вызвать паладинов, чтобы они разобрались с ним?

Вопрос Райза озадачил Къарта. Райз не выражал какой-либо симпатии к Фелису, даже наоборот, но то, что он решит избавиться от того, Къарт не ожидал. Это не имело смысла уже хотя бы потому, что без Фелиса их и самих ждала только смерть.

— Пф, паладинам лишь бы загнать кого-то, — фыркнул Стев. — Что и к чему они разбираться не станут. А Енкарта... не от всех некромантов беды, вот что я скажу. Пусть он и мутит на холме свои грязные делишки, но нас не трогает. И за все время, сколько он там уже живет, не было ни падежа скота, ни тварей из леса.

— Да, верно, — рыжий закивал головой и ткнул локтем верзилу. — А помнишь, год назад, в соседних Дубняках сразу пятеро пропали? А перед этим в Заставной? Одиннадцать человек! Тогда думали, что и до нас доберется, детей во двор несколько месяцев не пускали. И что? И ничего.

— Пока Енкарта — чудище на холме — сидит неподалеку, монстры поменьше сюда не суются, — продолжил Стев. — Так что пусть живет себе. Но вы к нему все равно не лезьте.

Райз понимающе кивнул и хлопнул ладонями по коленям.

— Кстати о чудищах, — он многозначительно посмотрел на Къарта. — Нам и правда пора возвращаться к гривам. Отлично посидели, парни.

Он достал из кошелька несколько бумажек, но Стев отрицательно замотал головой.

— Оставь себе.

— Я обещал, что оплачу...

— Себе оставь, я сказал, — с нажимом произнес тот. Похоже, алкоголь и душный воздух кабака окончательно разморили его и заставили раскаяться в недавних претензиях. — Мы что, в конце концов, последние голяки, что не можем гостей накормить?

— Как скажешь, Стев, — с улыбкой согласился Райз.

Попрощавшись, они вышли на бодрящий ночным ароматом воздух. На небе зажигались первые звезды.

— Ну и взгляд же у тебя был, — с усмешкой произнес Райз, когда деревня осталась за спиной. — Думал, ты прямо там на меня кинешься. Что, по-твоему, я собирался с ними сделать?

— Извини.

Къярту и самому все еще было стыдно за те мысли и страх, охвативший его, когда Стев преградил им дорогу.

— А, забудь, — отмахнулся Райз. — Просто стало любопытно, что ты успел себе придумать.

Къярт уязвлено молчал. Райз и без того слишком много раз становился свидетелем его слабости, и приумножать их число не хотелось.

Гривы ждали на том же месте, где их и оставили. Коготь лежал на земле и от скуки терся рогом о ствол дерева, к которому его привязали. Повод же Клыка был порван, а его морда измазана в крови задранного зайца, чья голова лежала рядом на земле — в качестве доказательства, что грив поужинал не человечинной.

Назад они возвращались шагом. Гривы, опустив головы к земле, недовольно фыркали, но Райз сдерживал Клыка, норовящего помчаться вскачь, а Коготь послушно трусил рядом с братом.

— Фелис хочет передать тебе силу некроманта сегодня, — без долгих вступлений сказал Райз. — Но опасается, что, получив свободу, ты сделаешь какую-то глупость. Поэтому и устроил эту прогулку. Поручил мне убедиться, что сюрпризов не будет, и пригрозил, что обвести его вокруг пальца не получится. Так что я должен убедиться, — он усмехнулся.

— Мы же договорились, — Къярт встретился с ним взглядом.

Он вынужден был признать, что ему неуютно оттого, что он не может даже предположить, о чем думает Райз, когда его собственные чувства были у того, как на ладони. Но раз с этим все равно ничего не поделать, оставалось только смириться с кислым привкусом чужого превосходства. К тому же он наломал дров уже достаточно, чтобы переживать из-за подобной ерунды.

— И ты, конечно же, не поверил, — Къярт вздохнул.

— Не так, чтобы совсем не поверил, — Райз прищурился. — Но сомнения остались.

Къярт запрокинул голову и посмотрел в небо, размышляя о том, действительно ли можно верить его словам. Верил ли он самому себе?

После всех заверений Райза, что он не допустит, чтобы Къярт причинил вред тем, кому не следует, он и правда начал в это верить. И пусть полагаться на чужака в таких вопросах было редкостной глупостью, а перекладывание на него ответственность — проявлением слабости, — желание сбежать от последствий собственных поступков было еще большим малодушием.

— Даю слово, что не стану пытаться убить себя.

Даже сама фраза прозвучала глупо, словно произнесенная бездарным актером в дешевой театральной постановке, лишний раз показав Къарту, насколько жалким он выглядел. Увидев он прошлый себя теперешнего, и ему стало бы противно.

— Принимается, — с улыбкой кивнул Райз и добавил: — Спасибо за это.

Къарт перевел на него взгляд.

Райз и правда, невероятно, чертовски сильно жаждал жить. Сможет ли он сам когда-нибудь позволить себе хотя бы каплю подобной жажды?

Къярт не любил время между закатом и рассветом. И пусть раньше ночь могла принести с собой очередной приступ, а сейчас — всего лишь дурные сны, вскоре он начал считать, что уж лучше терпеть выворачивающую наизнанку боль, чем раз за разом погружаться в удушливые объятия страха.

В своих снах он видел Мерлен. Почти всегда Мерлен. Он знал, что ему нельзя к ней прикасаться, знал это, засыпая каждую ночь, но в сновидениях это знание покидало его и возвращалось лишь тогда, когда его прикосновение вытягивало из нее всю жизнь до последней капли.

А иногда ему снился Иеро. В таких снах Къярт всегда помнил, кем он стал и какую силу обрел. И когда клубок несвязных событий всякий раз приводил их к одному и тому же, и Иеро оказывался на краю пропасти, ему приходилось выбирать: смотреть, как тот срывается вниз, или же поймать его за руку и поглотить его жизнь так же, как и жизнь Мерлен.

Къярт смирился с тем, что это его наказание, и принял его со всей покорностью, на которую был способен. В конце концов, эти сны никому не могли причинить вреда, и не потому, что сны — это всего лишь сны, а потому, что ни Мерлен, ни Иеро больше не было.

В эту ночь Къярт не спешил ложиться. Он не знал, как закончился разговор Райза и Фелиса, и следует ли ему ждать, пока его позовут, или же не ждать, а лечь спать, пусть он и не чувствовал усталости. Даже во все предыдущие ночи он не был уверен, что засыпал потому, что так хотел, а не потому, что так приказывал его телу Фелис. Но в том, что в этот раз он заснул не по своей воле, он не сомневался.

Ни Мерлен, ни Иеро не было — не только среди живых, но и во сне. Была только густая толща болотной воды, и он — как комар, застывший в этой толще. Его щиколотку сжимали кандалы: широкая, гладкая полоска металла с высеченной на ней печатью. Тяжелая цепь неподъемным бременем тянулась от браслета к затянутому илом дну.

Легкие опустели и болезненно сжались. Къярт задыхался. Он хотел было нырнуть ко дну, вытащить клин, к которому вела цепь, но неведомая сила тянула его к поверхности — туда, где был свет и воздух, и куда он никак не мог попасть. Он увяз в этой топи, не способный приблизиться ни ко дну, ни к поверхности, не способный даже пошевелиться.

Цепь лопнула: разлетелась на сотни звеньев, и те упали в ил, провалились в его черное мягкое нутро. Къярта же потащило к поверхности. Лица коснулся порыв ветра, и он с шумом вдохнул. А затем начал падать.

Болотная топь стремительно отдалялась. Теперь Къярт видел, что ей нет конца, как и нет конца небу, в которое он падал. Или же с которого?

Кажется, он видел землю: плоскогорья, каньоны, озера — лишенные четких очертаний, небрежные мазки кисти, или даже просто брызги краски. Они множились, плодились, насыщались цветом, пусть и оставались все такими же нечеткими. Къярт думал, что, еще немного, и разобьется, когда он застыл на высоте птичьего полета, будто бы враз утратив вес.

Он видел людей. Думал, что это люди. Он замечал их призрачные силуэты, переливающиеся всеми цветами, среди ветвей деревьев, в камнях, на траве, даже в паре

метров над землей.

Почему-то Къярту захотелось приблизиться к ним; коснуться рукой, пройти насквозь. Но он не мог. Ветер снова засвистел вокруг, и он понял, что топь затягивает его назад.

Он рухнул в нее, не подняв ни единого брызга; попытался удержаться на поверхности, но тело стало тяжелее камня, и вода, больше похожая на вязкое масло, увлекла его дальше, к самому дну, где его ноги зарылись в теплый липкий ил.

Къярт не мог дышать. Он чувствовал, как легкие заполняет черная вода, как она проникает в него, как он сам становится этой водой. Къярт пытался оттолкнуться от дна, но ноги только больше увязали, и он испугался, что если продолжит, его затащит еще глубже, похоронит, как забредшую на болото и не сумевшую отыскать путь назад лань.

Он перестал сопротивляться, и топь, будто бы только этого и ждала, перестала удерживать его.

Къярт оттолкнулся от дна, сделал несколько отчаянных гребков, уже понимая, что ему ни за что не успеть добраться до поверхности. Он даже не был уверен, что эта поверхность все еще существует.

Здесь и завершится его путь? В бескрайней топи, где больше нет ничего и никого. Только мутная прогорклая вода и вязкий ил.

Къярт устало закрыл глаза и только тогда осознал, что ему не нужно дышать. Его тело больше не нуждалось в воздухе. Топь исчезла, и во все стороны, сколько хватало глаз, протянулась безмятежная изумрудная гладь, с белым, как первый снег, песком. Хрупкие лучи далекого света пронизывали водную толщу насквозь, но Къярту больше не хотелось подниматься к поверхности.

Здесь, внизу, он был свободен. Здесь он был тем, кто устанавливал законы. Здесь не было ничего, что было бы неподвластно его воле.

Но почему тогда ему так хотелось кричать?

Къярта разбудил его же крик. Рывком сев на кровати, он закрыл ладонями лицо. На языке чувствовался солоноватый привкус морской воды.

— Что такое? — дверь распахнулась, Райз замер на пороге.

— Извини, не хотел разбудить, — виновато пробормотал Къярт. — Просто дурацкие сны. Все в порядке.

— Нет, что-то не так.

Райз больше не смотрел на него. Его взгляд устремился куда-то в сторону, сквозь стену.

— Фелис, — коротко произнес он и нахмурился. — Я его больше не вижу. А Ашша...
Пойдем.

Къярт наспех натянул штаны и поспешил за Райзом.

Они нашли некроманта и его ученицу в галерее у лестницы, что вела на третий этаж. Небо в витражных окнах розовело в предрассветных лучах.

Фелис сидел в кресле, его рука безжизненно свисала с подлокотника. Чайник и чашка валялись на полу так же, как и поднос, а от державшего его умертвия остались только торчащие из под вороха одежды кости. Край туники слуги потемнел от пропитавшего ее чая.

Ашша сидела рядом на полу, уткнувшись лицом в колени Фелиса, и дрожала.

— Ашша? — тихо позвал Райз.

Девушка подняла на него полный бессильной злобы взгляд. Ее глаза покраснели и опухли от слез.

— Ты же хотел обрести свободу. Радуйся теперь.

Къярт встретился с Райзом взглядом. В том, что в Фелисе не осталось и намека на жизнь, сомнений не было. Но почему тогда они двое все еще были живы?

— Болван, — на этот раз Ашша обращалась к Къярту, — тебе же объясняли, что призванный не может быть некромантом. Так что убери это недоумение со своего лица, — она смахнула со щек слезы и поднялась на ноги. Что-то переменилось в ней, когда она вновь посмотрела на некроманта. — Он использовал свою душу, чтобы создать якорь, который сможет удержать ваши в новых телах. Это не совсем та связь, которую душа устанавливает с сосудом в момент перерождения, но очень близко к тому. Можешь называть это четвертой ступенью призыва.

Она замолчала.

Къярт был растерян. Фелис ничего для него не значил, он был всего лишь человеком, который не позволил ему избавиться от боли. Но от мысли, что в очередной раз кто-то пожертвовал собой, чтобы он мог жить, заныло под ребрами. Он ожидал, что это выбьет его из колеи куда больше, но, похоже, часть его сознания все еще пребывало во власти изумрудной воды из сна, и Къярт начинал сомневаться, был ли это просто сон.

— И что теперь? — спросил Райз.

— Ничего не изменилось, — Ашша с трудом заставила голос звучать ровно. — Теперь Къярт сможет начать на практике оттачивать свои навыки некромантии, а затем вы сделаете то, ради чего были призваны.

Она пыталась принять невозмутимый вид, надеть на лицо привычное ей надменно-

брезгливое выражение, но получалось плохо. Къярту было жаль ее. Несложно представить, что чувствовала девушка, лишившись своего наставника. Мысли об этом напомнили Къярту о его собственной потере, успевшей померкнуть под множеством других, но от этого не менее горькой.

Он бы не удивился, если бы Ашша возненавидела его, — к Райзу она с самого начала не питала теплых чувств.

— Начнем тренировки после рассвета, — но в ее голосе не было ненависти. Возможно, она придет после, когда боль утихнет и даст место более осмысленным чувствам. — Мне... мне нужно выполнить последнюю просьбу мастера. Он не хотел, чтобы его тело кто-то превратил в умертвие. Надо наложить печати, а затем развеять прах, — рассеянно произнесла она.

— Я помогу, — Райз сделал шаг к Фелису и застыл под пробирающим до костей взглядом Ашши. — Я помогу, — мягко и в тоже время твердо повторил он.

В нем больше не было ни прежней шутливости, ни колкости, которой тот встречал всякую попытку посягнуть на его свободу. Словно бы он в одно мгновение стал другим человеком — по-прежнему невозмутимым и стремящимся контролировать все вокруг, но другим. Но разве сам Къярт все еще был тем же человеком, которым заснул накануне?

Дурацкий сон. Къярт словно бы застрял между «здесь» и «там» и наблюдал за всем происходящим сквозь плотную завесу, пропускающую к нему лишь обрывки фраз и образов.

— Хорошо, — согласилась Ашша и отвела взгляд.

Райз отнес Фелиса в лабораторию, осторожно опустил на алтарь, на котором еще совсем недавно лежали такие же безжизненные их с Къяртом новые тела.

Ашша взяла стержень для нанесения печатей и в растерянности замерла над телом учителя. Къярт знал, что должно произойти дальше.

Некроманты предпочитали уничтожать свои тела после смерти. Из праха не сделаешь раболепное умертвие, и вероятность того, что их душа будет призвана другим некромантом, значительно уменьшится — прежние тела являлись отличными указателями к душам, что до этого их населяли. Но без тела или же его кусочка отыскать их среди множества других было практически невозможно. Удивительно, как среди мириад душ Фелису удалось поймать именно его и Райза, не имея ни малейшей ниточки, за которую можно было бы ухватиться.

— Как в Коуфладских землях прощаются с умершими? — Райз, как и Ашша, стоял над телом Фелиса, тогда как Къярт замер молчаливой тенью у двери.

— Тела омывают, а волосы умащивают цветочным маслом. Одевают в торжественные одежды и хоронят в земле, — ответила девушка. — Но в этом нет смысла, если печати обратят все в прах.

— Для мертвых нет смысла в любом случае.

Во взгляде Ашши появилось хмурое непонимание. Къярт видел, что девушка медлит, пытается отсрочить неизбежное, а Райзу, с его силой чувствовать чужие эмоции, это было очевидно и давно.

— Сделаем, как положено, — произнес он. — Второго же раза не представится.

Ашша растерялась. С некоторой долей испуга она посмотрела на лицо Фелиса и сделала шаг назад. Ее пальцы сжали стержень, будто бы он мог вернуть ей былую стойкость.

— Я сам все сделаю. Будет достаточно, если ты принесешь воду и все необходимое.

Ашша посмотрела на Райза, точно затравленный зверек. Теперь, когда ее взгляд больше не сочился испепеляющим презрением, а обычно сомкнутые в брезгливую полоску губы

были полуоткрыты, будто бы девушке отчаянно не хватало воздуха — она стала похожа на крохотного взъерошенного птенца, выброшенного из гнезда прямо под ноги безразличным прохожим.

— Я могу по...

— Нет! — Ашша оборвала Къярта на полуслове. — Даже не приближайся. Тебе нельзя прикасаться к телу мастера. Ты еще не умеешь обращаться со своей силой и если хоть как-то заденешь частицы его души, из которой сделаны ваши печати, все пойдет прахом.

Къярт понуро кивнул. Неспособность помочь, даже когда речь шла о мертвом теле, которому, казалось, хуже уже не сделаешь, уязвляла.

Он стоял в стороне и смотрел, как Райз оmyвает тело некроманта водой из принесенного Ашшей драгоценного блюда. Сначала девушка сидела рядом, подперев ладонями подбородок, но вскоре, не выдержав, выбежала из комнаты.

Глядя на то, как Райз водит смоченным в воде сукном по белой, как простыня, коже, Къярт пришел к мысли, что не знает о нем ровным счетом ничего. Он полагал, что начал понимать этого человека, его прагматичный взгляд на мир, хладнокровность и даже цинизм, приправленный насмешливыми остротами. Но ошибся.

Зачем Райз помогал? Хотел смягчить боль утраты Ашши, от которой за все время не услышал ни одного доброго слова, или же преследовал свои вполне корыстные цели? Къярт совершенно ничего не знал о Райзе, не понимал его, не мог предсказать его следующий шаг, и эта неизвестность должна была бы пугать его. Но ему нечего было терять, а значит — нечего и бояться.

Райз позвал Ашшу, когда тело Фелиса было вымыто и одето в шелковый костюм салатного цвета. Все это время она просидела с другой стороны двери и, вернувшись в лабораторию, застыла в нерешительности.

— Волосы, — напомнил Райз.

— Да, сейчас, — рассеянно ответила девушка и подошла к шкафу.

Выбрав флакон из рифленого темно-бордового стекла, она приблизилась к алтарю. Откупорила крышку, смочила руки маслом и, после недолгого колебания, запустила пальцы в волосы Фелиса.

Когда все было готово, она взяла со стола стержень и замерла.

— Ашша?

Она вздрогнула, словно бы голос Райза выдернул ее из дремы.

— Все нормально. Дальше я сама.

— Нам уйти?

Ашша подняла на него затянутый поволокой взгляд. Посмотрела на Къярта.

— Нет. Мастер Истлен отдал очень многое ради вас. Вы были важны для него и имеете полное право остаться.

Собравшись с силами, она склонилась над Фелисом и стала выводить печать на тыльной стороне его ладони.

Когда печати темнели не только на обеих руках, но и на лбу некроманта, Ашша заколебалась. Оставалось поставить последнюю точку, чтобы активировать рисунок.

Когда стержень коснулся центра печати на лбу Фелиса, руки девушки дрожали. Виноградные чернила оставили жирную кляксу, и Ашша отпрянула. По бледной коже зазмеились тонкие линии. Не прошло и нескольких секунд, как тело Фелиса стало сереть, оседать, превращаться в темную пыль. Мысль, что точно из такой же пыли было выслано

дно топи, что пыталась затянуть его во сне, ужаснула Къярта.

Лицо Фелиса почернело, черты провалились внутрь крошащегося черепа.

Ашша закрыла лицо руками и обессилено рухнула на стул. Она подняла взгляд лишь тогда, когда на алтаре осталась одна только смешанная с черной пылью сорочка и штаны.

Медленно, точно сомнамбула, Ашша встала со стула и подошла. Простояв так минуту, она внезапно ударила по алтарю ногой и скривилась от боли.

— Беспольный кусок камня, — прошипела она и ударила снова. Алтарь поглотил удар, даже не потревожив лежащую на нем пыль. Прочитав непонимание на лицах Къярта и Райза, она объяснила: — На алтарях вроде этого возвращают к жизни, а не обращают в прах. Это тоже было желание мастера. Вот так. На этом алтаре. Я надеялась, что произойдет какое-то чудо. Или хотя бы что этот камень сгинет. Но, похоже, мастер просто слишком любил его.

Ашша вернулась на свой стул и устало откинулась на спинку.

— Носился с ним, как с писаной торбой, — зло пробормотала она. — Даже не сосчитать, сколько раз мастер рассказывал мне про то, как заполучил его, — она подняла на Райза взгляд. — Это не простой камень. Алтарь сделан из пальца исполина, что лежит под Острадом. Исполина-химеры. Не представляю, как мастеру удалось отделить палец от тела и выточить из него алтарь. Первое время я даже думала, что это все бредни, но чтобы я ни делала — этот камень нельзя повредить. Ни физической силой, ни химическими веществами, ни печатями.

Къярт посмотрел на алтарь. Он и не предполагал, что все это время находился в непосредственной близости от частички исполина. Он не разделял трепет, который к ним испытывали люди этого мира, но о том, что сила гигантов была достойна поклонения, не читал даже в манускриптах по некромантии.

Останки исполинов не были просто огромными каменными скульптурами. Из года в год они копили энергию, охочие до которой выстраивались в очередь. Но единственными, кто мог к ней прикоснуться, были паладины. Они использовали ее для того, чтобы дать простому человеку возможность призывать так называемую «броню», которая на деле была куда больше, чем броней. Но на этом все и заканчивалось.

Некроманты же ничего не могли сделать с останками исполинов. Ни поглотить их энергию, ни использовать тела, как умертвия, ни тем более призвать их души. Как, собственно, и души паладинов. Они объясняли это тем, что душа паладина уже не была просто человеческой душой. Ее пропитывала сила исполинов, не позволяющая их поработить.

— Оставьте меня, — попросила Ашша. — Встретимся на тренировочной площадке. Я закончу здесь и приду.

Возражать никто не стал.

Они шли в котлован в молчании. Къярт думал о том, что Фелис был первым, с кем он смог проститься, и единственным, в прощании с которым он не нуждался.

Спустившись по лестнице, Райз уселся на предпоследнюю ступеньку и, наконец, произнес:

— Не ожидал, что слова Фелиса о том, что он «скоро отвалит», следовало понимать настолько буквально. Ты знал?

— Нет. Я не понимал, как он собирается наделить призванного силой некроманта. Да мне особо и дела-то не было. Но что все будет вот так...

— Ты в порядке?

Вопрос Райза озадачил. Та часть Къярта, что застряла во сне, кажется, начала возвращаться, или же он попросту стал привыкать к этому «разделенному» состоянию. Но пока что в голове все еще царил сумбур, и он не знал, как истолковывать и как реагировать на слова Райза. Стоит ли ему разозлиться, или он должен испытывать стыд из-за того, что его поведение привело к постоянному беспокойству всех вокруг: не выкинет ли он какую-то глупость?

Къярт поймал себя на мысли, что он совсем не прочь вернуться к тому своему состоянию, в котором пребывал еще до того, как узнал об угрозе для его мира. До того, как погиб его учитель. Когда он был еще обычным мальчишкой, которому не было дела ни до жизни, ни до смерти, ни до чего-либо другого. Тогда ему не приходилось разбираться в ворохе чувств, с которыми он не знал что делать. Тогда все было намного проще и понятнее.

Да, вернуть себе старое безразличие было бы неплохо. Но нельзя. У него нет права забывать о том, что он сделал. Иначе не ровен час, и он снова совершит все те же ошибки.

— Интересуешься, не собираюсь ли я нарушить данное слово?

Къярт задал вопрос в ответ, спрятав за небрежностью оскорбленность. Он не думал, что у него и правда это получится, и ждал ответного выпада на свой укол, но прогадал.

— Нет, — без тени насмешки ответил Райз. — Ты получил силу некроманта и, как я предполагаю, сегодняшней ночной кошмар с этим как-то связан. И еще я вижу, что твоя энергия духа стала иной. Потому и спрашиваю: ты в порядке?

Къярт поднял взгляд на появившуюся на вершине лестницы Ашшу. Стерев с лица траур, она спускалась к ним, неся в руке мешок с торохкочущими внутри костями.

— Да, думаю, в порядке, — ответил он.

— Хорошо. Дай мне знать, если возникнут какие-то проблемы.

От этого нового, серьезного Райза, Къярту становилось не по себе — будто от вида клинка, которым до этого только бряцали в халатно сделанных, не по размеру, ножнах, а теперь вытащили на свет и приготовились нанести удар.

— Ты же помнишь основные печати для поднятия умертвий? — Ашша высыпала кости на траву. Череп вывалился последним, кляцнув зубами.

Къярт кивнул.

— Вот и проверим. Приступай.

— У меня с собой нет ничего, чем поставить печать.

— И рук нет? — Ашша прошла мимо и села на ступеньку в метре от Райза.

Она была права. Некроманты не нуждались в чернилах, чтобы ставить печати. В большинстве случаев. И поднятие умертвий входило в их число.

Существовало три вида печатей: те, которые мог поставить только некромант; те, которые должны были быть нанесены чернилами; и те, которые работали в обоих случаях.

Все, что было связано с непосредственным возвращением из мертвых требовало обладания силой некроманта. Сколько ни выводи печать на костях, они не начнут шевелиться. В тоже время, одна из часто используемых печатей — консервирующая, что останавливала процессы разложения, могла быть нанесена как чернилами, так и непосредственно некромантом. Печати же, которые позволяли заживлять раны, всегда требовали чернил.

Но сейчас Къярту нужно было не лечить, а поднимать мертвых, что он вполне мог сделать без вспомогательных средств, будь у него эссенция духа. Но у него ее не было.

— Что? — в голосе Ашши зазвучала претензия.

— У меня нет энергии для печати, — признался Къярт.

— За все время ты так и не удосужился накопить ее?

Во взгляде девушки смешалось разочарование и осуждение. Ну, уж лучше пусть она вернется в свое привычное недовольно-раздраженное состояние, чем будет убиваться по Фелису.

Къярт хотел ответить, что не собирается вытягивать жизнь из чего-либо. Что это его сила, а значит ему решать, использовать ее или нет. Хотел объяснить это не столько Ашше, сколько Райзу, но одного взгляда на того хватило, чтобы он даже не стал пытаться. В нем говорило упрямство и нежелание вновь впустить внутрь себя алчущего энергии зверя. Но зверь уже сидел внутри, и Райз был прав: единственный способ не стать его рабом — самому подчинить его.

— Не успел.

— Разберись с этим. А пока..., — Ашша достала из кармана мутно-желтый самоцвет овальной формы и бросила Къярту. — Как знала, что понадобится. Потом вернешь все до капли.

Как только он поймал камень, от ладоней к плечам прокатились волны жара моментально поглощенной из минерала энергии. В груди приятно потеплело.

— Для сегодняшних тренировок хватит. Чего застыл? Давай, вперед, кости ждут.

Къярт посмотрел на останки, которым уже в который раз суждено было превратиться в умертвие. Прежде он не задумывался о том, кому они принадлежали; прожил ли человек долгую и счастливую жизнь, или же она оказалась коротка. Скорее всего последнее, если

судить по полному набору зубов.

— Начни с обычной собирающей. Без привязки.

Къярт опустился на корточки рядом с костями и коснулся одной из них ладонью, стараясь не думать о том, что когда-то ее покрывала плоть живого человека, и уж тем более не думать о том, что спустя какое-то время это действие не будет вызывать у него никаких чувств — станет таким же привычным и естественным, как умывание по утрам.

— Только не призови его душу. Еще не время, — мрачно пробормотала девушка.

Из Ашши получился неважный учитель. Она и некромантом-то не была, чтобы объяснить то, что не было написано в книгах. Къярт задавался вопросом, почему Фелис, зная, что ему осталось недолго, сам не занялся обучением и ограничился лишь вступительной лекцией, которую можно было прочесть даже в самом захудалом справочнике. Но ответ взять было негде, оставалось только надеяться, что Фелис понимал, что делает и зачем.

А учитель... у Къярта уже когда-то был учитель, и в замене он не нуждался. Как поднять бестолковое умертвие он и сам был способен разобраться.

Он привык составлять контуры используя искру: выстраивать ее в нужном порядке, кирпичик за кирпичиком, не отвлекаясь ни на что вокруг, пока контур не будет закончен. С печатями все было иначе. Ни тебе чернил, ни управления энергией — достаточно нарисовать ее перед внутренним взором, и останки оживут. Одним словом — волшебство.

Звучало слишком просто, чтобы являться таковым. Иначе зачем некроманты составляли целые сборники текстов, которые нужно было проговаривать в процессе наложения печатей?

По словам Ашши, Фелис считал, что некроманты могли бы вместо своих текстов рассказывать пошлые шуточки, и результат был бы тем же. Слова выступали всего лишь способом концентрации, подпорками, помогающими в нанесении печатей, которые и сами от них не многим-то отличались. Фелис утверждал, что некромантия — это врожденный дар, и печати — лишь способ выразить, оформить собственные желания и воплотить их в жизнь. Печати не столько помогали некроманту, сколько ограничивали его — как костыли бегуна.

Позицию Фелиса мало кто разделял. Но Къярту все равно было запрещено даже вскользь просматривать используемые некромантами заклинания и велено ограничиться одними печатями.

Къярт мысленно представил собирающую печать. Она чем-то напоминала круглую вязаную салфетку, которые в его родном доме подкладывали под вазы с цветами. Он успел пройти лишь по половине ее линий, выводя узелок за узелком, когда в руке появилось онемение, будто бы она опухла от прилившей крови. Но с рукой все было в порядке. А затем это чувство пропало так же стремительно, как и появилось.

Къярт поднялся и сделал шаг назад, глядя на пришедшие в движение кости. Он ожидал, что они взлетят в воздух, в одно мгновение сформировав полноценный скелет, но вместо этого они с тихим шорохом переползали друг через друга, будто бы их, словно ветки, перетаскивали с места на место муравьи.

— Неплохо, — хмыкнула Ашша. — Может, из тебя и выйдет толк.

Понадобилось около минуты, чтобы из груды костей собрался полноценный скелет. Он неподвижно лежал на земле и смотрел в небо пустыми глазницами.

— Теперь печать прямохождения с использованием памяти клеток. Заставь его ходить

кругами.

Если с первой печатью вопросов не было, то вторая требовала более творческого подхода. Составление печатей, описывающих поведение умертвий, считалось целым искусством. Для, казалось, простой задачи — патрулирования — необходимо было взять основу, дополнить ее определяющими территорию и маршрут элементами. А так как простое брожение из стороны в сторону мало кому пригодились бы, следовало использовать печать реагирования, которая и вовсе выглядела, как нечто монструозное. Теперь, впервые задумавшись о применении печатей на практике, Къярт начинал понимать, почему Фелис считал их больше ограничивающим, чем помогающим элементом.

Когда умертвие зашевелилось, поднялось и зашагало прочь, Къярту стало не по себе. Не потому, что вокруг расхаживал скелет — к подобному зрелищу он уже успел привыкнуть. Его испугало то, что в меряющем котлован отточенными шагами скелете, он увидел нечто прекрасное. Вероятно, в этом немалую роль сыграло и то, что перед ним двигались сверкающие белизной кости, а не разлагающийся труп.

— Хорошо. Поглоти энергию печати, и начнем сначала.

Солнце поднялось в зенит, а Къярт все продолжал без передышек упражняться в нанесении печатей. И если в начале все выглядело не так уж и сложно, то чем дальше, тем замысловатее становились задания Ашши.

Все это время Райз наблюдал за происходящим со стороны, но Къярту было некогда думать о зрителях, так что то, что тот исчез, он заметил лишь спустя несколько часов после того, как Ашша сказала перейти к печатям-привязкам. Речь все еще шла о глупых умертвиях, только теперь Къярт мог отдавать им приказы не только в момент нанесения поведенческих печатей.

Чувство, когда первая печать-привязка связала его с умертвием, было ни с чем не сравнить. словно на задворках сознания появилось ощущение чьего-то присутствия, едва различимое, как писк комара в дальнем углу комнаты. Къярт поставил метку печати на внутреннюю сторону руки чуть выше локтя: так как он не собирался, как Фелис, безвылазно сидеть в особняке, нужно было выбирать на теле те области, которые с наименьшей вероятностью станут доступны чужим взглядам.

Метка печати была просто меткой. Чем-то похожая на татуировку, но уходящая куда глубже в плоть. Она не причиняла дискомфорта или боли — только в момент ее разрушения, будто укол иглой.

С помощью привязки Къярт получил возможность ставить печати, находясь на расстоянии. Это оказалось куда сложнее, и понадобился целый час, чтобы добиться результата. Но даже после первой успешной попытки повторить достигнутое не получилось.

— Начало положено, — резюмировала Ашша, встав со ступенек и разминая ноги. — Теперь у тебя есть общее представление, а дальше — дело практики, — она посмотрела на клонящееся к горизонту солнце. — Не увлекайся сильно. Это только первый день.

С этими словами она ушла в дом.

У Къярта оставалось еще немного эссенции жизни, и он намеревался хотя бы еще раз наложить печать на расстоянии — самую первую, заставляющую умертвие бесцельно бродить из стороны в сторону.

Тренировки были отличным способом избавиться от лезущих в голову мыслей. Как все время до этого Къярт пытался занять себя изучением теории некромантии, так и теперь он нашел успокоение в практических занятиях. Нанесение печатей требовало полной

концентрации: переключи он сознание всего на мгновение, и пришлось бы начинать сначала. А значит чем больше времени тратилось на освоение новой силы, тем меньше его оставалось для самоистязания. Возможно, в этом и скрывался ответ, почему у него не получалось нанести печать.

Однако когда эссенция жизни подошла к концу, волей-неволей, а пришлось остановиться. Печать-привязка постоянно тянула энергию, пока и вовсе ничего не осталось — последняя капля была потрачена, и кости безвольно рухнули на землю. Къярт мог бы восполнить запас эссенции из растений вокруг, но предпочел воспользоваться советом Ашши и не увлекаться.

Прежде чем вернуться в поместье, он проверил гривов, оставленных накануне вечером в стойле, что располагалось в дальней пристройке к дому. Но за прочными металлическими прутьями находился только лениво вылизывающий лапу Коготь. Пустая клетка Клыка стояла с открытой дверью.

Къярт поднялся в свои покои смыть усталость долгого дня. К своему удивлению он отметил, что кроме усталости чувствует и голод. Настоящий голод, из-за которого тело становилось слабее. Он и не подозревал о том, настолько привык к подпитке энергией Фелиса. Сколько же тот потратил ее на него, если даже простая печать-привязка умертвия расходовала ее в ощутимых объемах? Конечно, в камне Ашши ее было не так уж и много, но все же.

Освежившись и выйдя из комнаты, Къярт замешкался. Желудок требовал немедленно накормить его, но вид пустующей клетки Клыка все не выходил из головы.

— Райз? — позвал Къярт, когда после стука в дверь так и не получил ответ.

Тишина.

Постучав еще раз и подождав какое-то время, он приоткрыл дверь. В комнате Райза, как и в клетке его грива, никого не было.

Къярт закрыл дверь и отправился на поиски Ашши. Первым делом он проверил лабораторию, где и нашел девушку, что-то энергично черкающую во внушительных размеров книге.

— Ашша? — окликнул он, когда ему надоело стоять над душой в ожидании, что девушка сама обратит на него внимание.

— Думала, ты уже спишь, — не отрываясь от работы, сказала она.

Взгляд Къярта скользнул по алтарю. На нем не было ни шелковой одежды, ни черной пыли, а камень сверкал даже в слабом свете свечей, будто бы его натирали не один час.

— Ты знаешь, где Райз?

— Сбежал, — будничным тоном сообщила Ашша, после чего таки оторвалась от книги, посмотрела на Къярта и хмыкнула. — Он вернется. Когда надоест носиться по округе, — она вновь вернулась к своим записям и добавила с недовольством: — Так хотел насладиться обретенной свободой, что предпочел терпеть боль, чем тащить тебя с собой.

— О чем ты? — Къярт нахмурился.

— Мастер Истлен поставил на его тело печать, отслеживающую твоё местоположение, — девушка усмехнулась себе под нос. — Если он сильно отдалится от тебя, она начнет нагреваться. Чем больше расстояние — тем горячее. Так что далеко ему не уйти.

— Не очень-то похоже на обретение свободы.

— А, не переживай об этом. Если ему станет так уж невмоготу терпеть свою

«привязку», с него станется отгрызть самому себе руку. Я говорила мастеру, что печать стоит ставить на голову или что-то другое, что этот нахал не захотел бы терять. Но мастер считал, что того способна удержать только цепь, на которую он сам себя посадит.

То, что Райз ничего не сказал об отслеживающей печати, пришлось Къярту не по душе. Его не волновал сам факт ее существования, а вот умалчивание о подобном порождало вопросы.

— Ты не голодна? — потоптавшись у двери, спросил он.

— А? — Ашша подняла на него рассеянный взгляд.

В ее глазах стояли слезы. Похоже, не только он пытался сбежать от самого себя за книгами и тренировками.

— Ты весь день просидела со мной. Ты что-нибудь ела, когда вернулась?

— Нет, я не..., — Ашша запнулась, сообразив, что не одна она со вчерашнего дня и крошки в рот не брала. — Да. Точно. Мы остались без слуг, так что придется все делать самостоятельно.

Къярт пошел следом за ней. Он не знал, что сказать, и как себя вести. Рядом с ней он провел времени в несколько раз больше, чем с Мерлен, но Ашша так и осталась для него просто заносчивой ученицей некроманта, пусть к нему она и не выказывала такой неприязни, как к Райзу. Но Къярту все равно было ее жаль.

Он не сильно разбирался в людях, так что даже не стал пытаться лезть к девушке с разговорами — чтобы не сделать еще хуже. Он знал по самому себе: никакие слова не умили бы боль от потери наставника.

На кухне второго этажа, на которой хватило бы места и продовольствия, чтобы накормить целую деревню, после длительных поисков, Ашша нашла сыр и вяленое мясо. Къярт не знал, изучает ли девушка содержимое одного шкафа за другим из-за того, что в жизни не заходила сюда, или потому, что ее мысли были заняты совершенно другим.

Набивая желудок, он то и дело поглядывал на часы и гадал, какова вероятность того, что Райз отсек себе руку и уже убрался отсюда за тридевять земель. Он из собственного опыта знал, что рука — не такая уж и большая потеря, и если бы это было единственным, что его отделяло от желаемого, он не стал бы и задумываться.

Райз появился тогда, когда Къярт размышлял о том, что опять оказаться без плана действий в чужом мире в преддверии надвигающегося конца света, — верх иронии.

— Уже закончили? — спросил Райз, окинув взглядом пустые тарелки. Вид у него был взъерошенный, но глаза горели, словно у ребенка, наконец получившего долгожданную игрушку. — Пойдем тогда.

— Чего тебе нужно? — ворчливо спросила Ашша.

Весь ужин Къярт то и дело замечал, как девушка глотала слезы, и старался лишний раз не смотреть в ее сторону, чтобы не смущать, но с появлением Райза та приняла прежний высокомерно-брезгливый вид, и только красные глаза выдавали ее.

— Чтобы вы пошли со мной. Давай, будь хорошей девочкой и перестань упрямиться.

— Не отцепишься, да?

— Только когда получу желаемое, — Райз улыбнулся.

Ашша сдалась и со скрипом отодвинула стул.

На границе виноградника и луга рос раскидистый каштан. Судя по обхвату ствола и мощным ветвям, каштан появился здесь задолго до виноградников, и Фелиса, и, вполне возможно, самого дома. Густая крона не пропускала ни одного прямого луча солнца, и трава

вокруг приподнятых над землей корней росла мелко, бледно и бессмысленно.

— И? — Ашша с недовольством посмотрела на Райза, устроившегося на самом краю круга, что все лето стоял в тени дерева.

— Садись, — он похлопал ладонью рядом с собой. — Давай, не стой.

Вздыхнув, девушка опустилась на траву и скрестила ноги.

— Къярт? — Райз ожидающе посмотрел на него.

— Не объяснишь, зачем мы сюда притащились? — поинтересовалась Ашша, когда Къярт занял место по другую сторону от нее.

— Я внезапно осознал, что никогда прежде ни с кем вот так не сидел — на траве, под ночным небом. Вот и захотелось попробовать.

— Чего?! — голос Ашши, казалось, вобрал в себя все возмущение мира.

— Чего? — невозмутимо повторил Райз. — Ой, да брось, скажешь, что ты так уже делала?

Бесхитростность вопроса ошеломила девушку.

— Нет, — так и не решив, сгрубить ли в ответ, и если да, то как, коротко ответила она.

— А что насчет тебя, Къярт?

Чертов Райз, мало ему было просто приволоочь всех сюда, так еще со своими вопросами он решил вытащить на поверхность то, что Къярт так истово пытался затолкать поглубже. Ему не хотелось отвечать, но, памятуя, что даже сопротивление Ашши было сломлено, сказал:

— Было как-то. Пару раз.

— Ого. А парень в жизни больше нашего повидал. Нужно наверстывать, Ашша, — Райз скинул с плеча сумку и вытащил из нее бутылку.

Сочно щелкнула откупоренная пробка.

— Дамы вперед, — Райз протянул ей бутылку.

Помедлив, она все же взяла ее и, поднеся к лицу, наморщила нос.

— Что это за дрянь?

— Кисленка. Лучшая, по словам Берта. Бедный пацан с ног сбился ее искать, когда я сказал, что это для тебя, — Райз хохотнул.

Казалось, Ашша не сможет скривиться еще больше, но у нее это отлично получилось. И что пришлось ей больше не по вкусу: упоминание Берта или то, что Райз наведалься в деревню?

— Эту гадость даже свиньям нельзя давать. Чем тебе не угодили вина из погреба?

— Берт так старался, а ты даже не оценишь?

— Ой, заткнись уже.

Ашша поболтала бутылкой из стороны в сторону, пытаясь разглядеть цвет напитка за мутным стеклом, но в свете затянутой дымкой луны это было невозможно.

Смирившись, она сделала глоток и тут же приложила к губам тыльную сторону ладони.

— Какая же гадость!

— Да, согласен, — тихо рассмеялся Райз и, покачав головой, кивнул в сторону Къярта, когда Ашша протянула бутылку назад.

Кисленка и правда была жуткой. Накануне в деревне Къярт попробовал ее всего ничего — из вежливости, чтобы не оскорблять хозяев праздника — и если та еще была терпимой, то от этой буквально сводило челюсть. Похоже, Берт считал, что чем кислее, тем лучше.

Все происходящее вызывало непонимание и даже некоторую настороженность. Но

минуты тянулись одна за другой в абсолютном безмолвии и бездействии — только бутылка кисленки медленно кочевала из руки в руку — и в какой-то момент Къярт поймал себя на мысли, что вполне не прочь и дальше вот так сидеть.

В те пару раз, о которых его невольно заставил вспомнить Райз, рядом был Иеро с целым ворохом вопросов, непонимания и опасений — и все они были адресованы Къярту. Тогда от него слишком много зависело, а его сила пугала всех, кто встречался на его пути. Сейчас же...

Сейчас ему было достаточно пары прикосновений, чтобы не оставить от Ашши и Райза и следа. Без печатей Ашша была обычной девушкой, а Райз же, хоть и начал разбираться со своим даром, не мог ничего противопоставить тому, чем Фелис наделил Къярта. Но ни Ашша ни Райз не боялись его.

— Как давно ты была с ним знакома? — голос Райза повредил тишину, точно прошедшийся по стеклу гвоздь.

Ашша сделала глоток из бутылки — больше, чем прежде — и передала ее Къярту.

— Мастер Истлен вырастил меня. Родители бросили, а он подобрал.

— Ты знала о том, что он собирался сделать? — Ашша кивнула. — Как долго?

— Всегда, — она слабо улыбнулась и покачала головой. — С самого детства он твердил, что оставит меня, и по мере того, как я выросла, посвящал в детали.

— Так вот в чем было дело, — Райз усмехнулся, осознав что-то важное. — Фелис говорил, что силу, которую он мне дал, хотела получить ты. Я считал, что дело в банальном соперничестве, но ошибся. Если бы Фелис отдал эту силу тебе и нашел бы замену Къярту — живую замену — ему не пришлось бы жертвовать собой.

— Нет. Он не отдал бы и не нашел. Это должны были быть именно вы и никто другой.

Райз нахмурил брови.

— Никто другой? Фелис говорил иное. Что он искал подходящие варианты и...

— Не было вариантов, — с усталой злостью оборвала его Ашша. — Всегда был только ты и Къярт. Если мастер Истлен сказал иное, значит он соврал.

— Зачем?

— Не знаю. Может, не хотел давать лишний повод твоему тщеславию раздуться еще больше.

Ашша отобрала бутылку у Къярта и сделала глоток.

— Он говорил, что на вас ему указала «высшая сила», — в последние слова она вложила все презрение и злобу, на которые только была способна.

— Что за сила?

— Без понятия. Он никогда ничего о ней не рассказывал, хоть и не раз упоминал. Может, это все его выдумка, — тихо прошептала Ашша и уткнулась взглядом в землю. — Выдумка, в которую он верил больше, чем во все остальное. «Высшая сила» велела ему призвать ваши души, потому что вы должны остановить Орду. Мастер Истлен потратил полжизни на то, чтобы сделать это. Я пыталась образумить его, но он и слышать ничего не желал. Мне оставалось только смириться и надеяться, что во всем этом есть хоть какой-то смысл.

Ашша замолчала. Подтянув колени к груди, она обняла ноги и уткнулась в них носом.

— Хуже всего то, — забормотала она, — что от его души ничего не осталось. Нечему переродиться. Для победы над Ордой он отдал больше, чем кто либо, но даже если все получится, его душе больше не жить в этом мире. Как и в каком-либо другом.

Ашша затихла, полностью спрятав лицо.

— Мы сделаем то, зачем Фелис призвал нас, — когда молчание слишком уж затянулось, сказал Райз. — Его жертва не будет напрасна.

— Не разбрасывайся обещаниями, которые не уверен, что сможешь сдержать, — прошептала в колени Ашша.

— С чего ты взяла, что я не уверен?

Впервые за весь разговор Къярт посмотрел на Райза. На губах того застыла хищная улыбка — совсем такая же, что нередко появлялась на лице Фелиса.

— Позер, — тихо фыркнула Ашша. — Я хочу побыть одна.

— Тогда мы уходим.

Райз тут же поднялся на ноги, и Къярт последовал его примеру.

— А это оставь, — Ашша протянула руку, указывая на кисленку.

— До комнаты сама хоть доберешься потом? — с беззлобной насмешкой спросил Райз, отдавая бутылку.

— Не твоя забота. Проваливайте уже.

— Уходим, уходим.

Направляясь к поместью, Къярт время от времени оборачивался. Ему не нравилась идея оставлять Ашшу одну так далеко от дома, когда под самым боком находилась лесная чаща, которую то и дело тревожил чей-то заунывный вой и пугающее шелканье.

— Я присмотрю за ней, — заметив его беспокойство, сказал Райз.

Къярт кивнул. Из головы все никак не выходили слова Ашши о «высшей силе», и взгляд Райза, пообещавшего выполнить то, ради чего их вернули.

— У тебя есть план? — спросил Къярт, когда ему надоело прокручивать диалог в голове. — Ты говорил так, будто уже придумал, как справиться с Ордой.

— Пока слишком много неизвестных, чтобы что-то придумать. Но Ашше об этом знать не обязательно.

— Так же, как и мне — об отслеживающей печати?

Вопрос вырвался слишком поспешно, сам собой. Оказалось, что это волновало Къярта куда сильнее, чем он полагал.

— Тебе это не нравится? — из голоса Райза пропала свойственная ему беззаботность.

— Мне не нравится, что ты ничего об этом не сказал.

— Не видел необходимости.

— Объяснения получше нет?

Полученный ответ разозлил Къярта — самую малость, но Райз со своей способностью видеть чужие эмоции уж точно не упустил бы даже такой мелочи, и мысль об этом только подогрела злость. Похоже, даже нескольких выпитых глотков кисленки хватило, чтобы нарушить душевное равновесие, которого Къярт добился с таким трудом.

— Нет, — Райз покачал головой. — Фелис поставил ее вчера, перед тем как мы отправились в деревню. Я не сказал только потому, что на тот момент это не имело значения. Были вещи и поважнее. А потом все закрутилось, ты и сам знаешь. Других причин действительно нет.

Райз миролюбиво улыбнулся, но Къярту не было дела до очередной маски, которую тот надел. Последнее время он слишком часто и открыто их менял.

— Ввиду определенных событий, у меня проблемы с доверием, — ровно произнес Къярт. — Если нам придется действовать сообща, тебе лучше говорить все, как есть. Не

врать и не утаивать.

— Я это учту. Прости, что не сказал про печать сразу.

— Есть что-то еще, что мне нужно знать?

Райз задумался. Похоже, всерьез.

— Извини, я просто не могу решить, с какого именно момента я должен начать пересказывать тебе свою биографию, — он состроил виноватую мину.

Къарт покосился на Райза и вздохнул. Злиться было бессмысленно.

Впервые после возвращения из мертвых его не посетили ночные кошмары. Была только изумрудная вода и белоснежный, тающий под босыми стопами песок. Къярт осознавал себя так же, как если бы все происходило наяву, и именно поэтому знал, что мир вокруг нереален — он точно помнил, как заснул. Хотя кто его знает: может быть, сейчас его тело и спало, но сознание находилось вне физической оболочки — в мире с соленой водой, не имеющем ничего общего со сном.

Къярт не раз пытался подняться к поверхности: плавать из стороны в сторону, где не было ничего, кроме песка — не самое увлекательное занятие. Но сколько бы он ни стремился вверх, поверхность не приближалась. А вот дно отдалялось, так что в какой-то момент он решил вернуться к нему, испугавшись, что, еще немного, и потеряется в водной толще, что простерлась во все стороны без конца и края.

Он слонялся кругами, рыл от безделья песок, пока мир вокруг не начал терять свою четкость. Къярт постарался сосредоточиться, но чем больше он пытался удержать окружающую его реальность, тем стремительнее она растворялась, пока в один момент сквозь нее не просочился балдахин кровати.

— Проснулся, наконец?

Райз стоял в дверях и усмехался.

Къярт перевел взгляд на небо за окном. Светало.

Пришло время тренировок — тех самых, которые он надеялся отложить в дальний ящик, и с чьей необходимостью и срочностью пришлось смириться.

После короткого завтрака, такого же однообразного, как и вчерашний ужин, он в сопровождении Райза направился в лес. Ашша решила присоединиться к ним. Она могла бы и не вставать в такую рань — раз все равно собиралась заняться обучением Къярта только после обеда. Но оставаться в доме одной не хотелось, так что она плелась следом за Райзом — подавленная и презирающая все вокруг.

В лесу пахло хвоей и прелыми листьями. Къярт все гадал: как в не связанных между собой мирах зарождаются схожие виды? Флора, фауна — пусть они и не повторяли друг друга точь в точь, но сходства у них было куда больше, чем различий.

Примечательнее всего было существование человечества. Вымри оно на одной планете, и вероятность того, что спустя сотни тысяч лет на ней появится идентичный вид, стремилась к нулю. Эволюции не свойственно повторение. Да и существование двух идентичных видов в пределах вселенной — порождение фантазии ленивых выдумщиков, а не что-то возможное. Но здесь же...

Даже без учета родственных миров Къярта и Мерлен, которые вероятнее всего являлись дубликатами друг друга, был еще мир Фелиса и мир Райза. И человечество, пусть и с некоторыми различиями, существовало в каждом из них. И — сейчас Къярт был в этом уверен — присутствовало и во множестве других, точно плесень, которая покрывала все вокруг, стоило занести всего пару спор. После такого в участие одной лишь эволюции верилось с трудом.

Къярт думал о «высшей силе», упомянутой Ашшей, когда они добрались до места, и

Райз прервал его размышления:

— Давай, выбирай дерево, которое тебе больше всего не по душе. Только это под моей защитой.

С этими словами он уселся на землю и оперся спиной на гладкий бежевый ствол с темными прожилками.

Къарт посмотрел на Ашшу, устроившуюся в стороне. Она сразу отказалась принимать участие в освоении этой силы, и теперь он задавался вопросом, почему за это взялся Райз, который знал об этом не больше него самого.

— И что мне делать? — Къарт стянул перчатку с правой руки.

— Ты говорил, что еще не прикасался ни к чему живому, и не знаешь, что будет, верно?

По взгляду Райза Къарт понял, что тому известно об инциденте с несчастным цветком в поместье. Вероятно, тот знал об этом уже тогда, когда Къарт отказался признавать, что уже использовал эту силу. И теперь, после его вчерашнего требования быть искренним, любой ответ выставил бы его дураком, который не придерживается собственных правил.

— Давай просто посмотрим, чем все закончится, — Райз великодушно избавил его от необходимости отвечать.

Къарт подошел к ближайшему дереву и, приготовившись ощутить уже знакомую жажду, коснулся коры кончиками пальцев.

Он почувствовал эссенцию жизни сразу же. Она хлынула в руку, словно горячая вода из крана с открученным на полную вентилем. И чем больше она заполняла нутро, тем больше ее хотелось. Чистая, будоражащая, она манила заключенной в ней силой, и потребовалось приложить немалые усилия, чтобы вспомнить, что он получил ее, забрав у живого организма. Однако дерево недолго оставалось таковым.

Къарт одернул руку, когда кора под его пальцами стала хрупкой, а по стволу поползло темное пятно. Листья на ветвях частью пожухли, а частью приготовились осыпаться на землю от малейшего дуновения ветра.

— Какие ощущения? — с не присущим ему сосредоточенным видом спросил Райз.

— Тепло. Я чувствую, как энергия поступает в тело. Ее течение. Это как..., — Къарт запнулся, не зная, как описать словами то, что переполняло его.

Он помнил, что попытка объяснить Иеро, как он управлял искрой на расстоянии, не увенчалась успехом, и теперь пытался подобрать объяснение получше.

— Я знаю, как это, — Райз улыбнулся и расслабленно прислонился затылком к дереву, прикрыв глаза. — Хорошо. Если чувствуешь поток, подчинить его будет проще. Попробуй управлять скоростью. Сделай его быстрее.

— Быстрее?

— Именно.

— Разве цель — не научиться его прерывать?

— Ты же вообще не считал, что сможешь контролировать эту силу. Так что начнем с того, что ты докажешь обратное.

Помедлив, Къарт прикоснулся к дереву.

Он не совсем понимал, что и как должен сделать. С искрой его мира сложностей не возникало: были кли-каналы, которые он чувствовал, как собственные пальцы, и манипуляции ими было достаточно, чтобы управлять потоком энергии. А сейчас же...

Къарт попытался пойти тем же путем, что и с печатями — представить, почувствовать, что течение эссенции ускорилося еще до того, как это непосредственно произошло.

И у него получилось. Сила хлынула в него, будто бы вода прорвавшая плотину.

Дерево сухо затрещало.

— Попробуй вернуть, как было, — Райз сразу понял, что Къярт добился успеха, не успел тот сказать и слова.

С замедлением все оказалось куда сложнее. Сколько бы Къярт мысленно не останавливал поток эссенции, тот не замедлялся, пока, спустя минуту судорожных попыток, таки не стал стихать. Воодушевленный, Къярт посмотрел на Райза, но тот отрицательно покачал головой. Подняв взгляд вверх, он увидел почерневшие листья. Один за другим они осыпались на землю.

Къярт убрал от ствола руку. В дереве не осталось ни капли жизни. Оно посерело и высохло — так же, как и то, из мира Мерлен, которое Къярт загубил, не удержав искру внутри себя. И вот теперь это. Чтобы он ни делал — давал энергию или же забирал — итог оставался неизменен.

Къярт мотнул головой, прогоняя упаднические мысли.

— Деревенские жители не поднимут шум, если часть деревьев зачахнет? — поинтересовался у Ашши Райз.

— Они не суются в эту часть леса. Поместье и все, что за ним, — для них запретная зона.

— Хорошо, — он перевел взгляд на Къярта. — Продолжай.

Къярт опасался, что эссенция жизни хлынет в него с прежней скоростью, оставив всего ничего времени на попытки разобраться, как ее сдержать, прежде чем еще одно дерево погибнет, но нет. Или же так повлиял его страх, или же что-то иное, но на этот раз ему даже показалось, что поток энергии стал меньше, чем вначале. Но, несмотря на это, замедлить его еще больше так и не удалось.

Спустя какое-то время Къярт разобрался, что на объем вытягиваемой эссенции возможно повлиять еще до прикосновения — если правильно настроиться. Это, несомненно, было плюсом, пусть пока что не поглощать энергию вообще или свести поглощение к минимуму все же не выходило, как и изменять объем уже после касания. Проблемы возникли не только с уменьшением потока, но и с его увеличением: успех, достигнутый в самом начале, оказался непостоянным — как и с наложением печатей на расстоянии.

Когда вокруг чернело уже с десятков иссушенных стволов, Райз прервал тренировку.

— Хватит на сегодня. Продолжим завтра. Ашша, он весь твой.

Девушка фыркнула и поднялась на ноги.

— И не мечтай так легко отделаться, — сказала она Райзу. — Мастер Истлен оставил кое-что для вас двоих — пригодится в дальнейшем.

Къярт ждал, что Райз вот-вот отпустит в сторону почившего некроманта шпильку, но тот только молча кивнул.

Вернувшись в поместье, в сопровождении Ашши они отправились в смотрящий окнами на котлован корпус, в котором еще ни разу не были. Их встретили все те же тихие коридоры и череда дверей, за одной из которых располагалась кладовая с оружием.

Именно кладовая, не оружейная: маленькая комнатка — а от выстроившихся вдоль стен шкафов и стеллажей кажущаяся и того меньше — пропахшая сыростью и ядом для вредителей, со скопившейся по углам пылью.

Девушка обошла стол, что расположился посреди комнаты, и остановилась у одного из шкафов с открытой витриной.

Первыми появились два ружья. Къярт не разбирался в стрелковом оружии даже своего мира, а экземпляры этого лишь отдаленно напоминали кли-ружья.

— Винтовки рычажного типа. Кому-то знакомо? — спросила Ашша.

Къярт отрицательно покачал головой, Райз же подошел к столу и взял одну из винтовок в руки.

— Когда-то нечто подобное было на вооружении Республики. Пару веков назад, — хмыкнул он. — Разберемся как-нибудь.

— Дальность стрельбы — до пяти сотен метров. Магазин на двенадцать патронов, — Ашша отвернулась к шкафу и достала из нижней секции бряцнувшую внутренностями металлическую коробку. — На них можно наносить печати. Понадобится ювелирный микроскоп и специальный стержень, так что удовольствие не из самых доступных. Для особых случаев.

Когда Ашша выложила на стол пистолеты, Къярт сцепил зубы. Мерлен и близнецов убили из оружия, очень похожего на это.

Кажется, он слишком дал волю эмоциям, так что даже Райз обернулся и вопросительно посмотрел на него. Къярт качнул головой.

— Револьверы, — продолжила Ашша. — Ничего особенного, барабан на шесть патронов, калибр слишком маленький, чтобы пытаться нанести печати. Сгодится разве что для дворовой драки.

— Плана участвовать в дворовых драках не было, — заметил Райз.

— Тебе не следует лишний раз демонстрировать свои способности, — холодно сказала Ашша и добавила, уже насмешливо: — Если вообще разберешься, как их использовать. А Къярту же и подавно не стоит привлекать к себе внимание. Так что стрелковое оружие лишним не будет. Хотя против умертвий от него толку мало.

Ашша убрала винтовки и револьверы на место и водрузила на стол черный футляр длиной в метр, что до этого стоял в углу накрытый пыльным сукном. Когда девушка открыла все защелки и откинула крышку, Къярт подошел поближе, чтобы увидеть содержимое.

Внутри на бархатной подложке лежало два меча в ножнах и матово-черная рифленая рукоятка из металла, одной с ними длины.

— Разборная глефа. По полтора килограмма каждая составляющая, восемьдесят сантиметров в мечах и рукоятке, которую также можно разделить на две части.

Ашша взяла один клинок и извлекла его из ножен. Райз уважительно присвистнул.

У антрацитово черного клинка не было гарды, только небольшой шип, обозначающий конец клинка с двухсторонней заточкой и начало эфеса. Ровно с половины длины клинок резко сужался, становясь похожим на длинный клык, а острие — и вовсе на иглу.

— На металл клинков нанесены печати, — Ашша убрала меч в ножны и продемонстрировала навершие с резьбой, с помощью которой оно крепилось в рукояти.

Подцепив ногтем небольшой выступ, девушка сдвинула в сторону крышку и вытряхнула на ладонь бежевый кристалл цилиндрической формы.

— Сила паладинов позволяет им своим касанием, а особо одаренным, и на дистанции, разрушать печати некромантов. Как обычные, так и печати-привязки. Не только умертвий, но и призванных, — Ашша многозначительно посмотрела на Къярта, после чего перевела взгляд на Райза. — Печати этой глефы действуют схожим образом. Когда в сердечнике, — она помахала кристаллом в воздухе, — достаточно эссенции жизни, и повернуто кольцо блокировки, — она указала на область на эфесе, на которой можно было заметить

«поясок», — печати активируются. При соприкосновении лезвия с умертвием или призванным они разрушат печати, нанесенные некромантом, если для этого хватит эссенции жизни. Сила на силу, как, впрочем, и всегда. Сердечник можно перезаряжать обычной передающей печатью с подключенным источником энергии. Или же это может делать Къярт, когда научится не только забирать эссенцию жизни, но и отдавать.

Последние слова Ашши заставили его встрепенуться.

— Я смогу передавать накопленную энергию другим?

— Нет. Живой организм, умертвие или призванный не примет ее просто так. Но переместить ее в накопитель ты сможешь. Кстати, к самой глефе тебе лучше не прикасаться. Кто знает, как она повлияет на некроманта, — закончила объяснять Ашша и обратилась к Райзу: — Так что это подарок мастера Истлена лично тебе.

С едва скрываемым недовольством она протянула ему клинок.

— Сочту за честь принять его.

В голосе Райза не звучало издевки, скорее наоборот, но девушка все равно фыркнула.

— На этом все. Идите уже отсюда. У вас обоих есть, чем заняться.

Ашша не стала присоединяться к тренировкам в котловане. Указав на четыре мешка, стоящие у изгороди, она потребовала у Къярта к вечеру обеспечить дом слугами и отправилась в лабораторию.

День обещал быть насыщенным: предстояло разобраться не только с наложением печатей на расстоянии, но и с печатями, что вернут умертвия к их прежним обязанностям. Благо, Фелис оставил записи с описанием печатей, что он использовал, и не прошло и часа, как четыре умертвия заскрежетали костями к дому, оставив Къярта надеяться, что он ничего не перепутал, и те не придут в итоге в деревню.

У него осталось последнее, пятое привязанное умертвие, на котором он и занялся отработкой удаленного нанесения печатей. Он думал, что Райз захочет сразу испытать на умертвии клинки, но тот отмахнулся, сказав, что Къярту и без того есть, что делать, и ушел в дальний конец котлована.

Время от времени, когда Къярту таки удавалось наложить печать, и он позволял себе отвлечься, он поглядывал в сторону тренирующегося с глефой Райза. В его мире в холодном оружии никто не нуждался. Военные использовали искровые контуры или кли-ружья, а гражданским, которые не обладали теми же навыками в контурном искусстве, и вовсе незачем было брать в руки ножи и тем более мечи. Так что Къярт мало чего знал о холодном оружии и обращении с ним, но то, что Райз использовал какой-то вполне определенный стиль, понял бы и полный невежа. Как понял бы и то, что с ним что-то было не так.

Движения Райза перетекали из одного в другое, иногда стремительно меняя скорость, и всякий раз Къярту казалось, что тот сбивается, хоть и пытается при повторении не допустить прежней ошибки. Затем Райз чуть больше отдавался бою с воображаемым противником и снова терял баланс. Он словно бы ждал, что его движения окажутся быстрее и резче, или что шаг получится шире, и рассчитывал свой следующий удар исходя из ожиданий, которые раз за разом не оправдывались.

— Что-то не так с клинками? — спросил Къярт, когда они укрылись в тени одного из склонов от жгучего полуденного солнца. Он чувствовал себя более-менее сносно, тогда как Райз, от которого требовалось куда больше активности, чем просто стоять на месте и рисовать в голове печати, выглядел измотанным.

— Нет, глефа великолепна, — Райз вытер лоб краем рубашки, перекинутой через

плечо. — Непривычно рассчитывать на одни только мышцы. Чувствую себя калекой каким-то, — он натянуто рассмеялся.

— Не совсем тебя понимаю.

— Я же упоминал, что в прежней жизни мог подчинять камень и воздух. С таким арсеналом нет необходимости в другом оружии. Но для разнообразия почему бы и нет? — Райз усмехнулся и покрутил в руке один из клинков. Второй, с присоединенной рукоятью, лежал в ножнах рядом. — Но даже тогда я знал, что воздух сделает лезвие еще острее, а земля — тверже шаг, — задумчиво добавил он.

Ему не хватало его прежних сил, Къарт это видел и не мог сказать того же о себе. Пусть искровое ядро и давало ему силу, с которой никто не мог тягаться, он не ценил ее — ни тогда, когда владел нею, ни сейчас, когда лишился ее. И в том, что новообретенные умения тоже не станут ему дороги, Къарт не сомневался.

День пролетел незаметно, и Къярт даже не успел опомниться, как пришло новое утро, а вместе с ним и необходимость снова практиковаться в управлении самой темной своей стороной. Хуже всего было то, что он успел привыкнуть к наполняющему его теплу эссенции жизни, и когда к рассвету от нее не осталось и следа — печати-привязки умертвий за ночь выпили то немногое, что осталось после тренировок — Къярту захотелось вернуть согревавшую изнутри энергию, и это желание испугало его.

Деревья умирали одно за другим, и когда Райз сказал, что пора закругляться, Къярту наконец удалось замедлить поток. Возможно, его подстегнула злость из-за очередной безуспешной тренировки, или же разочарование, которое он себе придумал во взгляде Райза, но это уже было неважно.

Потребовалось время, чтобы разыскать все четыре умертвия, превратившиеся в бесполезные груды костей, и отправить их наводить порядок и готовить еду. Когда он вернулся в котлован, Райз уже тренировался и, похоже, в этот раз у него выходило куда лучше, чем раньше.

В конце дня Райз все же решил испытать клинки в деле и, вставив один между ребер умертвия, щелкнул рычагом на рукоятке. В тот же миг Къярт почувствовал укол там, где находилась метка привязки, а умертвие рассыпалось.

Сидя вечером в трапезной, Къярт размышлял, насколько болезненной для некроманта будет одномоментная потеря всех умертвий? А если это будут не умертвия, а призванные? Повлияет ли это на остроту боли?

— Это ничего, что жители деревни считают Фелиса некромантом? — вальяжно устроившись в кресле, Райз разглядывал подтеки вина на стенках бокала.

— Всего лишь домыслы, — с едва уловимыми нотками брезгливости сказала Ашша. — Которые, к тому же, разделяют далеко не все.

— Достаточно и пары человек. Или же в Коуфладских землях допустимо лояльное отношение к некромантам?

— Не допустимо.

— Тогда почему селяне не сообщили о вас властям? — Райз поднял на Ашшу взгляд.

После смерти Фелиса их беседы — всех троих — можно было сосчитать по пальцам. И в каждой из них присутствовало напряжение, которое Къярт не мог объяснить. Возможно, все дело было в том, что чтобы ни говорил и ни спрашивал Райз, за его словами чувствовалось второе дно. А может всему причиной было состояние Ашши, которой не становилось легче.

Она старалась держаться: упрямо натягивала привычную ей маску надменности, но та сползала всякий раз, будто шапка не по размеру, стоило девушке уйти в себя. Ашша и сама понимала, что притворяться у нее выходит из ряда вон плохо, так что предпочитала проводить большую часть времени в одиночестве в лаборатории.

— Не сообщили, потому что у их скотины не бывает падежа; потому что их посевы не жрет жук, а женщины не теряют детей еще до их рождения, — раздраженно перечисляла Ашша. — Они живут, как цыплята под крылом квочки, и сидеть и помалкивать — в их же

интересах. Даже среди деревенских не найдется таких дурней, которые бы не понимали, что беды обходят их стороной не просто так.

— Это все делал Фелис?

Ашша посмотрела на Райза со злостью.

— Мастер Истлен был некромантом, а не чудотворцем, — отчеканила она.

— Прости, мне следовало догадаться, что чудотворец — это ты, — губы Райза растянулись в улыбке.

Ашша фыркнула.

— У печатей много разновидностей. Те, что предназначены для мертвецов, не составляют и четверти от общего их числа.

— А если здесь объявятся паладины? — подал голос Къярт, обычно отмалчивающийся в подобных беседах. — Или кто-то другой, у кого появятся вопросы, например, о том, как вы ухаживаете за виноградниками. Плантации же не маленькие.

— Тогда деревенские скажут, что работают на них. Как уже говорили и не единожды.

— Многовато хлопот, — хмыкнул Райз. — Не проще ли было в действительности нанять их?

— Мастер Истлен не хотел, чтобы по его земле шатались посторонние.

— Но мастера Истлена больше нет.

В его голосе не было жесткости, а «мастером Истленом» Райз не передразнивал девушку, но произнесенная им фраза, словно рука нерасторопной горничной, смахнула с полки на пол хрупкую чашу терпения Ашши.

— Теперь это твоя земля, — продолжил Райз. — Мы с Къяртом скоро уйдем — чтобы найти способ решить проблему с Ордой. Ты пойдешь с нами?

— Нет, — мертвенным голосом ответила Ашша.

— Значит, ты останешься здесь одна. И тебе нужно заранее подумать о своей безопасности. Чтобы, если потребуется, мы могли помочь, пока еще здесь.

— Себе помоги, — отрезала Ашша и встала из-за стола. — Если приспичило с кем-то носиться — вон, — она взглядом указала на Къярта и вышла из трапезной.

Къярт в непонимании посмотрел на Райза. Тот с невозмутимым видом сделал глоток вина.

Къярт не мог решить, что вызывает у него вопросов больше: опека, которой Райз продолжал окружать Ашшу, или то, как девушка на нее реагировала.

— Не объяснишь? — спросил он, поняв, что сколько ни жди, Райз не заговорит первым.

— Ашше грустно и больно, что и не удивительно. Еще она злится — это тоже вполне объяснимо. Но кроме всего прочего она чего-то боится, притом достаточно сильно, — Райз облокотился на стол и, сцепив пальцы в замок, оперся на них подбородком. — И я не могу понять в чем дело.

— Просто спросить у нее ты не пробовал?

— Кто-кто, а она уж точно не скажет, — Райз тихо рассмеялся.

— Ты ведь даже не попробовал.

— То, что топор отрубит палец, если по нему ударить, ты поймешь только попробовав?

— Ашша — не топор, — Къярт проигнорировал шпильку.

— Нет, не топор. Но зачастую ее поведение для меня очевидно также, как и для тебя последствия встречи пальца и топора.

Къярт не стал продолжать разговор.

От следующего дня он не ожидал чего-то нового: все те же тренировки — сначала в лесу, затем в котловане, — но серый вид Ашши, появившейся за завтраком, предвещал иное.

— Вот, — она швырнула на стол два желтых конверта перетянутых толстой красной нитью — один Райзу и один Къярту. — Родовые листы. Пригодятся, чтобы вас не называли безродными дворняжками.

Къярт развязал нитку, вытащил из конверта сложенный вчетверо лист, развернул надушенную легким парфюмом бумагу и пробежался взглядом по строчкам. Выведенные каллиграфическим почерком и подтвержденные печатью, они сообщали, что данный родовой лист выдан регистрационным ведомством Руферона в Коуфладских землях и подтверждает, что Къярт Яртлен Енкарта является подданным Афракского союза.

— Серьезно? Къярт Яртлен Енкарта? — Къярт покосился на заглянувшего в его лист и едва сдерживающего смех Райза. — А я-то думал, что это мне не повезло.

Он продемонстрировал Къярту свой документ, на котором значилось «Райз Айзлен Енкарта».

— У высшего сословия строгие правила образования имен, — ледяным тоном произнесла Ашша. — Кто же виноват, что из ваших дурацких имен можно было сделать только это.

— Помнится мне, Фелис упоминал, что нам не нужна репутация даже мимолетного знакомства с ним, а здесь не то что знакомство, а..., — Райз посмотрел на свой лист и, аккуратно сложив, убрал в конверт.

— Мастер Истлен — высокоуважаемый в обществе человек. Это большая честь — получить имя его рода, — Ашша осеклась и опустила взгляд на скрученные в трубочку и перевязанные серебристой лентой бумаги, что остались у нее в руках. — Это же..., — она замялась, но в итоге, взяв себя в руки, взглянула на Райза с угрюмой решимостью, — это бумаги, подтверждающие право собственности на поместье и виноградники. Дом — твой, виноградники — его, — Ашша взглядом указала на Къярта. — Так что засунь свои речи про то, что эта земля теперь моя, куда подальше.

Къярт думал, что девушка бросит бумаги на стол, да она и сама, наверное, хотела бы это сделать. Но она продолжала их бережно держать, словно сокровище, доставшееся другому, но все еще слишком ценное, чтобы разбить.

— Они останутся здесь, в хранилище. В безопасности, — сдавленно произнесла она. — Родовые же листы всегда должны быть при вас, если не хотите проблем.

С этими словами она направилась прочь из комнаты.

— На бумаге можно написать что угодно, Ашша, — сказал ей в спину Райз. — Но хозяйка здесь — ты. И это останется неизменным.

Ашша обдала Райза вековым холодом и вышла.

— Вчера ты говорил об этом? Ашша боится, что ее выгонят? — спросил Къярт, когда шаги девушки затихли.

— Нет. Причина в чем-то другом. История с землями всего лишь повод для злости и обиды.

Больше ни этот день, ни последовавшие за ним не принесли ничего нового. Ставить печати получалось все лучше и лучше, а вот прогресса с вытягиванием эссенции так и не наметилось. Возвращаясь в поместье, Къярт пытался передать поглощенную энергию в камень, который Ашша дала ему в первый день тренировок, но безуспешно. Хорошо, что хотя бы сами печати брали эссенцию жизни без его участия.

Ашша избегала их. С утра до ночи она сидела в лаборатории и выходила поесть только тогда, когда Къярт и Райз уже заканчивали. Состояние девушки беспокоило Къярта, и он даже собрался с духом, чтобы найти ее и попытаться поговорить, но она опередила его, присоединившись за ужином. Глядя на то, с каким аппетитом Ашша ест, он начал сомневаться, побывало ли в ее желудке за последние дни хоть что-то, кроме вина.

— Завтра никаких тренировок в лесу, — закончив с ужином и промокнув губы салфеткой, сказала она. — Тебе предстоит поднять первого призванного, и я хочу, чтобы ты был максимально собран. Позаботься о том, чтобы у тебя хватило эссенции на наложение и удержание печати как минимум в течение нескольких часов — до того момента, как ты сможешь пополнить ее запас.

— Сколько ее понадобится?

— Мастер Истлен говорил, что двадцатикратного объема, необходимого для печати-привязки умертвия, должно хватить.

— Хорошо. Я буду готов.

Этой ночью уснуть удалось не сразу. Мысли теснились в голове, будто деревенщины у помоста в ожидании начала представления. Къярт думал о том, что всего через несколько часов перед ним пронесется чужая жизнь: чужие страхи, сомнения, мечты. Как это будет? Промелькнут ли они ослепительной вспышкой, став известными ему в одночасье, или же он день за днем будет проживать чужое прошлое в чужом теле, не способный освободиться? Получится ли у него вообще найти душу и связать ее со своей? В книгах сам процесс описывался вкратце — набор сухих инструкций и терминов с припиской: «процесс привязки индивидуален для каждого практикующего». Сомнительно, что за столько-то лет этот «индивидуальный процесс» не структурировали и не поделили на группы. Разве что только сами некроманты не горели особым желанием приумножать собственное число.

Почему-то Къярт боялся того, что завтра он может не справиться. Боялся примерно так же, как и возможного успеха.

Изумрудная вода унесла его страхи, присыпала белым песком, не оставив от них и следа. Къярт уже свыкся с этими снами. И пусть порой ему начинало казаться, что он не покидал этот бескрайний океан годами, все же тот был лучше преследующих его кошмаров.

Къярт проснулся еще до рассвета. Он хотел пополнить запасы эссенции жизни в одиночестве, но Райз догнал его у границы леса и на вопросительный взгляд показал левое предплечье с ярким кругом шрама.

— Жжется зараза, — с усмешкой сказал он.

— Извини. Совсем забыл.

Прежде Къярт ничего не забывал. Из его головы ничего не выпадало даже на время. Но Фелис предупреждал, что прежней памяти ему не видать.

Вытягивая жизнь из очередной листовницы Къярт испугался внезапной мысли, что однажды он может забыть лицо Мерлен.

Ашша уже ждала их возвращения в котловане. Сидя на груде костей умертвия, которое Къярт так и оставлял после окончания тренировок, она смотрела в небо и даже не сразу обратила на них внимание. Ее черты заострились, а под глазами залегли тени, как если бы она не спала всю ночь.

— Эссенции достаточно? — она поднялась на ноги.

Къярт кивнул. Тепло внутри уже стало привычным и больше не казалось таким же жарким, как в первые дни, но сегодня он вобрал энергии столько, что прежний жар

вернулся.

— Помнишь печать?

— Конечно.

Он уже сбился со счета, сколько раз он прокрутил ее рисунок в голове, и был уверен, что даже если ему напрочь отшибет память, печать-якорь для призыва души будет тем единственным, что останется.

— Хорошо, — взгляд Ашши скользнул к костям у ее ног, и она отошла от них на пару метров. — Мастер Истлен утверждал, что первая привязка призванного определяет дальнейшую силу некроманта. Важна не только сила призванной души, но и ступень призыва. Но без подготовки даже не пытайся привязывать третьей. Используй вторую. Ты понял?

— Мне не совсем ясно, как отличить одну ступень от другой — печать же всего одна.

— Ступень зависит не от печати. Ты поймешь в процессе. Ты готов?

— Да.

Под ребрами поселилось чувство тревоги, от которого холодели ладони. Чтобы отвлечься от него, Къярт посмотрел на кости, на которых совсем недавно сидела Ашша. Неужто все это время он забавлялся с останками, что когда-то былиместищем для души особой силы? И каково будет ей очнуться не в привычном человеческом теле, как у него или Райза, а запертым в держащийся на одних только печатях скелет? Возможно ли сохранить рассудок после такого?

— Что ж, тогда сделай милость — не облажайся.

Скользнувший по металлу луч восходящего солнца отвлек Къярта от созерцания костей. Ашша приставила к собственной груди невесть откуда взявшийся стилет и, закусив губу, рывком вогнала его по самую рукоять.

Все вокруг окрасилось в красный — такой же, как и расплзающееся по рубашке Ашши пятно.

Къярт бросился к ней, чтобы подхватить и не дать упасть, но страх прикоснуться к девушке сковал его — на его руках не было перчаток. Черт! Будто бы его прикосновение могло сделать хуже, чем уже было.

Он замер над Ашшей, чей застывший взгляд уткнулся в небо, и видел в ней Мерлен, гибель которой точно так же не смог ни предвидеть, ни предотвратить.

— Къярт? Къярт, ты слышишь меня? — на плечо легла ладонь Райза. Ему понадобилось приложить усилия, чтобы перевести взгляд с девушки на того. — Это все потом. Сейчас ты знаешь, что должен делать. В твоих силах все обратить. Так что давай.

Да. Теперь в его силах сделать куда больше, чем просто стоять и смотреть. Он не мог вернуть Мерлен, не мог вернуть Иеро и его брата, но теперь у него было все, чтобы вернуть Ашшу.

— Къярт, — твердо повторил Райз, и его взгляд глаз цвета стали, как у стилета Ашши, словно бы окатил ледяной водой, приводя в чувство.

— Да. Сейчас.

Къярт опустился на колени рядом с девушкой и протянул руку к ее лбу. Пальцы дрожали. Он судорожно перечитывал всплывавшие перед внутренним взором строки инструкции. Одна ладонь касается останков, пальцы второй — точки на теле некроманта, где должна разместиться метка. Место, скрытое от посторонних глаз.

Къярт завел руку за голову и коснулся указательным и средним пальцем нижней части

затылка под волосами — там, где заканчивалась кость. Медленно вдохнул и выдохнул, нарисовал в сознании печать-якорь и опустил ладонь другой руки на лоб Ашши.

Секунда.

Две.

Три.

Мир вокруг канул в изумрудную воду.

Стопы зарылись в мягкий песок. Къярт рефлекторно вдохнул и почувствовал на языке солоноватый привкус. Значит, это и правда был не сон.

Он резко обернулся, поднимая белые клубы. Ашши нигде не было. Как и всегда вокруг не было ничего, кроме воды и песка. Къярт пытался сдержать заполняющее его отчаяние, сохранить холодный рассудок, когда осознал, что глаза непривычно слепит.

Подняв взгляд, он увидел очертания далекого солнца, чьи лучи пробивались сквозь водную толщу. Къярт знал, что оно всегда где-то там, видел, как его свет скользит паутиной по дну, но никогда прежде оно не светило так ярко.

Оттолкнувшись от дна, Къярт поплыл к нему. Он не надеялся, что у него получится добраться до черты, где водная гладь соприкасается со студеным воздухом, даже не был уверен, что эта черта существует. Но что еще ему оставалось делать?

Перед глазами стоял образ Ашши с вонзенным в грудь ножом и ее взгляд — смирившийся и в то же время надеющийся. Она рассчитывала на него. Рассчитывала, что он справится, что ее поступок не станет последним в ее жизни. И как только подобное взбрело ей в голову?!

Къярт на мгновение умерил темп и тут же осознал: чтобы продолжать всплывать, ему не нужно грести. Он страстно желал приблизиться к солнцу, и вода сама выталкивала его вверх.

Значит, не ошибся. Он вытянул руки вдоль тела, чтобы уменьшить сопротивление воды — на случай, если в этом месте вообще существовали привычные законы физики.

Къярт не успел понять, когда вода сменилась воздухом. Он снова падал. Как и в том своем самом первом сне, когда его выплюнула темная топь.

Солнце больше не слепило. Оно поблекло, уменьшилось, превратилось в едва различимую точку внизу, но и этого было достаточно. Къярт задался вопросом, удастся ли ему приблизиться к ней, и ответом послужило падение, превратившееся в полет.

Это было больше, чем полет. Мир вокруг менялся наплывами. Будто бы волны накатывали на берег, каждый раз складывая песчинки по иному. Горы, равнины, ледники — они сменяли друг друга, накладывались слой за слоем, таяли туманом, стоило попытаться сфокусировать на них взгляд. Но они мало волновали Къярта. Он стремился к сияющей точке, его путеводной звезде, что с каждым скачком становилась пусть и бледнее, но больше, вытягивалась, приобретая овальную форму, пока не приняла очертания человеческого тела.

Бесплотное, оно замерло посреди луга, на границе которого угадывались склоны котлована у поместья Фелиса с растущими сквозь них деревьями.

Здесь были и другие — не на лугу, но в других, смешанных с ним слоях. Къярт знал, что это души — все до последней. И знал то, что излучающая слабое свечение душа принадлежала Ашше.

Он только сейчас заметил, что от нее к нему тянется мерцающая алая лента. Къярт опустил взгляд на свою руку. Лента обвила его пальцы, скрутилась в комок на ладони, которой он коснулся лба Ашши. И как он сразу ее не заметил?

— Ашша, — позвал он, но из его горла не вырвалось ни звука. В этом месте их попросту

не существовало.

Лента натянулась, стала короче, словно бы просила приблизиться.

Къярт сделал шаг. Второй, третий. Чем ближе он подходил, тем сильнее становилось натяжение ленты.

Его охватила тревога. Он однозначно был в нужном месте, но что ему делать? Подчиниться зову ленты или наоборот постараться притянуть душу к себе? А ступени? Как ему достичь второй?

Дурацкие бесполезные инструкции и чертов Фелис. Тот уж точно знал, что нужно делать, но все равно ничего не сказал.

Къярт выровнял дыхание и закрыл глаза. Придется решать самому: не слушая ничьих указок, не пользуясь ничьим знанием, сделать свой собственный выбор.

Он снова посмотрел на ленту. Ее зов был единственным аргументом, и Къярт решил прислушаться к нему.

Он приблизился к душе Ашши. У нее, как и у всех остальных, не было лица — лишь очертания человеческого тела, но Къярт точно знал, что это она.

Ленты осталось всего два десятка сантиметров, но она продолжала тянуть.

Не без опаски, Къярт поднял руку и коснулся сияния. Оно было обжигающе горячим, почти что испепеляющим. Но Къярту хотелось продолжать ощущать этот жар, почувствовать его каждой клеткой тела или же его собственной души. Конечно же. В этом месте нет ничего принадлежащего физическому миру. Жар чужой души не может причинить вреда его собственной.

Къярту хотелось почувствовать всю ее. Сделать частью себя, вобрать до последней капли, подчинить. Это было недоброе, темное желание, продиктованное данной ему силой некроманта, а не им самим.

Къярт не успел даже толком испугаться, не то что попытаться подавить охватившую его жажду. В нем не осталось ничего, кроме желания обладать чужой душой, и, безропотно повинаясь ему, он шагнул вперед, сливаясь воедино с душой Ашши.

Ее прошлое больше не принадлежало ей одной. Къярт впустил его в себя: все воспоминания и чувства от дня рождения и до дня смерти. Он смотрел ее глазами на покачивающихся над колыбелью деревянных зверей карусели, что смастерила для нее мать, на которую так была похожа выросшая Ашша; чувствовал крепкие руки отца, кружащие ее над головой, слышал, как свой собственный, ее смех. А затем они исчезли, и появился Фелис.

Он поил ее перед сном горячим молоком с медом и рассказывал сказки, пока она засыпала, обняв его руку. Он научил ее читать и писать, и даже устраивал бальные вечера, где она танцевала среди наряженных в платья и фраки умертвий. Ашша не боялась их. Они оберегали ее, как самую большую драгоценность, которой она, по всей видимости, и являлась для Фелиса. И каждый раз, заучивая сложнейшую печать или создавая свою собственную, Ашша была только рада доказать свой талант. Фелис же исполнял любую ее прихоть, любой каприз — каждым своим действием подкреплял ее веру в собственную исключительность.

Но чтобы Фелис ни делал, и сколько бы дней из жизни Ашши ни встретил Къярт, он не мог забыть того дня, в который исчезла ее настоящая семья. Этот день помнило только подсознание Ашши, спрятавшее его так далеко, что отыскать его мог только некромант, призвавший душу девушки.

Стеклянные глаза матери и отца Ашши и сверкающие белизной кости умертвий Фелиса, убивших ее родителей. Он оставил их и ушел, и Къярту казалось, что еще не одну ночь ему во снах будут видеться руки Ашши, ползающей на полу вокруг тел родителей, и кровь на еще совсем маленьких пальчиках.

А затем Фелис вернулся, поднял ее на руки и больше никогда не отпускал.

Ашша любила его, как только можно любить отца и наставника, и Къярт чувствовал эту любовь, будто она была его собственной, и она раздирала его на части вместе с яростью, что принадлежала только ему. Обуявшая его злость была так сильна, что он почти не ощущал непонимания и обиды Ашши, когда в ее с Фелисом жизни появились еще двое. Не во плоти, только в разговорах, но Ашше хватило и этого.

Она не понимала, что сделала не так, чем заслужила неверие в ее силы. Почему Фелис решил поручить самое важное задание кому-то другому? И каждое его упоминание «высшей силы» казалось ей насмешкой, отговоркой, которую говорят слишком глупым или слишком чужим людям.

Однако она приняла решение Фелиса, как бы больно ей ни было; смирилась с тем, что все ее знания и умения, заработанные кропотливым трудом, в одно мгновение получит незнакомец, ради которого ее наставнику и ей самой придется отдать жизнь.

Она помогла создать Фелису тела, которые могли удержать души Къярта и Райза, лично нанесла все печати. Она имела столько возможностей испортить многолетнюю работу, сделать так, чтобы никто не смел даже посягнуть на ее место, но желания Фелиса были для нее важнее ее собственных. И она лезла из кожи вон, чтобы доказать наставнику, что он ошибся, что она справится с любой поставленной задачей, какой бы невозможной она не казалась. Она изо всех сил пыталась убедить его, что никто не будет так стремиться воплотить его мечты, как она. Но Фелис только усмехался и снова говорил про «высшую силу».

А затем он поставил два последних якоря-привязки в своей жизни. Ашша хотела бы ненавидеть тех, кто своим вторжением разрушил их укромный мирок, но Фелис жестко пресекал любые поползновения в их сторону, и ей пришлось затолкать свои чувства подальше, чтобы только они не свели ее с ума. Она оставила себе лишь толику злости и обиды, и надела свою лучшую маску из надменности, чтобы ни один из чужаков не унизил ее жалостью, чтобы никто не смел даже заподозрить, что она — всего лишь разочарованная отца девчонка.

Фелис ошибался. Он считал, что она не справится, что ей нельзя доверить действительно важное задание, но она собиралась доказать обратное. Даже если он уже не сможет этого увидеть, она сделает все безупречно — так, как он и хотел. Ведь его желания — ее желания. А страх... страх — всего лишь человеческая слабость, на поводу которой она ни за что не пойдет.

Направленный твердой рукой, стилет пронзил сердце Ашши. Слабость заполнила тело, а после все померкло.

Стопы зарылись в мягкий песок.

В груди все еще болело, но боль была ничтожной мелочью по сравнению со злостью, что разбирала Къярта.

Он поднял взгляд и увидел Ашшу. Ее душа, обретшая четкие очертания, покачивалась в вышине над ним. Ее лицо, как и тело, было расслаблено, глаза закрыты. Движение воды, которое Къярт совершенно не ощущал, перебирало ее волосы.

В его руке лежал металлический браслет. Он был похож на тот, что держал его самого, когда он очутился в месте заполненном мутной водой. От браслета тянулась толстая цепь, на другом конце которой висел кол. Наконец, Къярт точно знал, что должен делать.

Это место одновременно являлось и миражом и нет. Заводь — так его называли в трактатах о некромантии. Место, принимающее для каждого свой собственный облик, тонкая прослойка между материальным миром и горизонтом — краем, куда уходили души после смерти физических тел.

Къярт подплыл к девушке и застегнул кандалы на ее щиколотке. Оставался последний шаг.

По мере отдаления от души Ашши, в цепи прибавлялось звеньев. Снова оказавшись у дна, Къярт опустился на колени и взял кол обеими руками. Ступень. Она определится его следующими действиями.

Не допустить ошибки. Главное — не допустить ошибки.

Къярт поднес кол к поверхности и надавил, но ни одна песчинка не сдвинулась с места. Песок, прежде податливый, стал тверже камня. Къярт обхватил кол удобнее и навалился всем телом.

Песок уступил, но Къярту показалось, что он раздвинул не песчинки, а по меньшей мере скалы. Вокруг все дрогнуло: песок, цепь, даже он сам. В затылке разлилось тепло от начавшей закрепляться метки.

Кол вошел в песок на треть. Первая ступень.

Къярт надавил вновь. На этот раз песок не сопротивлялся, и кол погрузился еще глубже. Свет, льющийся свысока, вспыхнул пуще прежнего, а дремавшие до этого течения налетели со всех сторон, вырвали кол из рук и сбили с ног. Вторая ступень была достигнута.

Затылок жгло. Къярт сделал все, что должен был. Пришла пора возвращаться. Если бы только он знал, как это сделать.

Он несколько раз возвращался к привязанной душе, касался ее лба, представлял, как убирает руку от собственного затылка — в реальном мире — но все было тщетно. Он пытался понять, что упустил, когда его взгляд замылился. Къярт успел в последний раз взглянуть на душу Ашши, начать сомневаться, все ли сделал правильно, когда изумрудную толщу накрыл абсолютный мрак.

Жар в затылке утих, осталась лишь крошечная теплая искорка метки печати-якоря. Къярт открыл глаза.

Он лежал на траве; Райз сидел в паре метров.

— Выспался? — с улыбкой поинтересовался тот, но в его взгляде была тяжесть.

— Ашша..., — борясь с дезориентацией, Къярт медленно сел и осмотрелся. Тела девушки нигде не было.

— Она в полном порядке. Как для призванной. Ты отлично справился, Къярт.

— Где она?

Собственный голос казался чужим. Жизнь Ашши, отступившая на задний план, когда он ставил печать, возвращалась к нему воспоминание за воспоминанием, а вместе с ними и сдавливающая грудь злость.

— Вернулась в дом, чтобы залечить рану.

Изменения в нем не остались незамеченными — Къярт понял это по одному только голосу Райза. Странно. Прежде он даже не заметил бы столь ничтожное изменение в интонациях. Насколько же глубоко жизненный опыт Ашши проник в него?

— Къярт? — он встретился взглядом с Райзом. — Все под контролем?

— Мне нужно ее увидеть. Убедиться, — Къярт отвернулся, стараясь сдержать разгорающееся внутри пламя.

— Разумеется.

Ашша была в лаборатории. Когда Къярт зашел, она сидела на алтаре и пыталась нарисовать печать вокруг раны у груди. Ее рубашка валялась на стуле.

— Прости, пожалуйста, — Къярт тут же отвел взгляд и попятился, столкнулся со следовавшим за ним Райзом, и, вытолкав того плечом, вышел из комнаты.

— Къярт? — спустя несколько секунд позвала Ашша. — Ты не мог бы помочь?

— Ты уверена, что мне...

— Это не очень удобно, знаешь ли, — она оборвала его.

Къярт вернулся в лабораторию, на ходу натягивая перчатки, которые с некоторых пор всегда носил в кармане. Он старался не смотреть на девушку, но это стало невозможно, когда Ашша вытянулась на алтаре, а ему нужно было продолжить начатое ею нанесение печати, а не стоять пнем со стержнем в руке.

— Ой, да закончи ты уже эту дурацкую печать, — нетерпеливо бросила Ашша. — Или рука мешает? Могу убрать.

— Нет, нет, все в порядке, — поспешил сказать Къярт, прежде чем Ашша убрала бы прикрывающую грудь ладонь.

Он попытался сосредоточиться на уже нанесенных линиях и опознать по ним печать, но выходило так себе. Ашша и правда была излишне худа, но в купе с бледностью кожи ее миниатюрность только придавала девушке изысканного очарования. Благо, оно отвлекала Къярта не только от печати, но и от злости на Фелиса.

— Ты девственник что ли? — если кто и мог нивелировать очарование Ашши, так это она сама.

— А сама-то? — хохотнул Райз, прежде чем Къярт сообразил, как ему реагировать.

— Что ты вообще здесь забыл? — та оскалилась в ответ.

— Ну как же: Къярту, выходит, можно любоваться красивой девушкой, а мне — нет?

Къярт почти коснулся стержнем кожи Ашши, воспользовавшись ее перепалкой с Райзом, но слова последнего заставили его поднять на того осуждающий взгляд.

Райз сидел на своем излюбленном месте на столе, разглядывал корешки книг в шкафу напротив и даже не думал смотреть в сторону Ашши.

— Помолчите оба, — буркнул Къярт и принялся за печать.

Когда та была закончена, чернила начали светлеть, и тонкая полоска разреза исчезла за

считанные секунды.

— Спасибо, — Ашша села на алтаре и отрицательно покачала головой, когда Къярт подал ей рубашку. — Ее только выбросить теперь.

— Потом выбросишь.

— Ну точно девственник, — хмыкнула Ашша и, брезгливо морща нос, надела пропитанную кровью одежду.

Къярт пропустил слова девушки мимо ушей. Теперь, когда бледная кожа больше не притягивала взгляд, его сознание переключилось на отошедший на задний план гнев.

— А твое сердце...

— Это печать глубокого действия. Должна и его залатать, хотя биться оно от этого не начнет. Позже я сама добавлю консервирующую.

— А ты не можешь как-то... как-то оживить тело? Как наши с Райзом?

— Это не так уж и просто, ты же и сам теперь знаешь.

Ашша зябко повела плечом. Теперь, когда ее мысли больше не занимала забота о поврежденном теле, к ней стало приходить осознание того, что Къярту известно о ней все.

— Уделю этому время, когда будет нечем заняться, — тихо добавила она.

— Хорошо, — Къярт кивнул. Потер одной рукой перчатку на другой. В лаборатории становилось душно. — Мне нужно пополнить запасы энергии. Сегодня я тренироваться не буду.

— Это была идея Фелиса, да?

Вопрос Райза прозвучал словно удар кнута. Къярт двинул желваками.

— Понятно, — Райз мрачно усмехнулся.

Къярт ждал следующего вопроса и думал, как сообщить о том, что Фелис попросту использовал собственную воспитанницу, чтобы дать ему фору. И дело было не только в силе ее души или в знаниях, которые Къярт получил, считай, по щелчку пальцев.

Некроманты, никогда прежде не призывавшие души, редко достигали успеха во время первого призыва: плохо закрепленные печати-якоря, частично возвращенные души, даже возвращение из заводи до того, как душа была привязана — все это ограничивало их дальнейшее развитие. Первый призыв имел особое значение. Неудачный, он неизменно оставлял рубцы, мешающие в будущем раскрыть весь потенциал некроманта. Фелис же хотел, чтобы все прошло гладко, и счел, что личные мотивы послужат отличным стимулом, толчком, который позволит добиться идеального результата. И неважно, если за это придется заплатить жизнью воспитанницы — ему не впервой было разрушать ее жизнь.

Но Райз больше ничего не спрашивал, и Къярт ухватился за предоставленную возможность отложить разговор до момента, когда он сможет трезво мыслить.

Он собрался уже уйти, когда Ашша неожиданно поймала его за запястье. По спине пробежал холодок.

— Что? — Къярт нехотя посмотрел на девушку.

На ее лице не было и намека на прежнюю надменность. Она стала сама собой — той Ашшей, которую видела в зеркале каждое утро до того, как Фелис сообщил ей о тех, кого собирался призвать.

— Не осуждай его, — с мольбой во взгляде пробормотала она. — Пожалуйста.

Къярт ничего не ответил. У него не было слов, только злость, с которой он пока что не знал, что делать.

Он высвободил руку и направился к двери. Ему нужно было поскорее уйти отсюда, пока

он не начал громить все, к чему притрагивался Фелис.

— Без сопровождения, — сухо бросил он, когда Райз собрался было пойти за ним.

Это было некрасиво по отношению к тому: Къарт помнил про печать, которая однозначно будет досаждать Райзу каждую секунду, пока они будут вдаль друг от друга, но сейчас он не был готов мириться с чьим-либо присутствием. А Райз... раз он пережил несколько часов неудобства, пока изучал окрестности в день смерти Фелиса, переживет и сейчас.

Ноги сами принесли его в прохладу тенистого леса. Углубившись в чащу, Къарт сдернул с руки перчатку и схватился за ближайшую низкорастущую ветку. Эссенция жизни хлынула внутрь.

Къарт понимал, что то, что он делает — неправильно. Да, ему нужна была энергия, чтобы питать печать Ашши, но еще он хотел согнать злость. То, что он использовал для этого эту проклятую силу, забирал чужую жизнь едва ли не с облегчением — было плохо. Он не должен был позволять себе подобное. И он не позволит. Потом. Но сейчас ему действительно нужна была эссенция, а то, что он и рад был ее забрать — это пройдет. Низменная слабость, которой он поддастся всего лишь раз.

Этого ли добивался Фелис? Что Къарт придет в бешенство и с легкостью примет силу, которая так ему претила?

Зарывав, Къарт отдернул руку от дерева, сжал ее другой. Нет, он не пойдет на поводу у мерзавца. Не станет забирать чьи-либо жизненные силы, пока им управляет злость, или пока энергии для поддержания печати не останется так мало, что иного выхода не будет.

Сидя на мягком мху и глядя на просвечивающее сквозь листву небо, Къарт пытался вернуть себе хладнокровие. Прогнать злость, перестать осуждать, как того просила Ашша. Она была слишком привязана к Фелису, слишком любила его, чтобы ей хватило сил и желания находить ему оправдания. Къарт же не собирался искать то, чего нет.

Он вернулся в поместье с наступлением темноты. У него получилось немного остыть, так что он даже позволил себе собрать еще эссенции жизни. В груди и животе разливалось благодное тепло, однако Къарт все равно боялся засыпать. Он уже имел общее представление о расходе энергии на поддержание печати, но все равно страшился того, что проснувшись, не обнаружит печати-якоря Ашши. Он помнил, что разрушение, снятие или даже исчезновение из-за нехватки энергии печатей-якорей приводит к повреждению личности души, и, призванная вновь, она может оказаться совсем не той, какой была раньше.

Запертый в четырех стенах наедине с грызущими его мыслями, Къарт снова накручивал себя. К его собственной злости прибавилась боль потери, что разъедала Ашшу, и, не выдержав, он направился к ней.

В ее комнате никого не было, но Къарт уже знал, где искать девушку. Она была там, где и каждый вечер до этого — у дерева на границе виноградников — там, где ее слезы могло увидеть только небо.

Къарт спустился во двор и почти дошел до лестницы, ведущей в котлован, когда на его плечо опустилась рука Райза.

— Далеко собрался? — с улыбкой поинтересовался он и убрал руку под тяжелым взглядом Къарта.

— Мне нужно поговорить с ней. Она должна знать правду о Фелисе.

— Не самая светлая мысль.

— Родители не бросали ее, — сдавленно произнес Къарт. — Фелис убил их на ее глазах.

Она не помнит этого — была слишком маленькой, когда это произошло. Она убивается по подонку. Это нужно прекратить.

Райз закрыл глаза и потер лоб.

— Она убивается по человеку, который значил для нее все. Который заботился о ней и оберегал. Ее боль со временем пройдет. И останутся только светлые воспоминания о человеке, который был ей дорог, — он посмотрел на Къярта. — Уверен, что хочешь лишиться ее этого, оставив только разочарование, боль предательства, и, кто знает, на какие еще чувства способна обманутая женская душа? Не всем и не всегда нужна правда, Къярт.

Райз был прав. Как бы не хотелось этого признавать, но Райз был прав. Злость на Фелиса совершенно заглушила голос разума, и Къярт даже не задумался о том, чем собирается поделиться с девушкой.

— Что ты здесь делаешь? — мрачно спросил он, глядя на едва виднеющиеся в темноте облачной ночи очертания дерева.

— Я же обещал приглядеть за Ашшей.

— Каждый вечер что ли?

— Не думаю, что обитатели этих лесов берут выходные.

— И как ты собирался добраться до нее в случае опасности?

— Разучил пару фокусов.

Райз лукавил, говоря про фокусы и про причины приглядывания, но у Къярта не было настроения допрашивать его. Разве что дать понять, что его увивания слишком уж откровенны.

— С ней ничего не случится, пока ее удерживает печать-якорь. С сегодняшнего дня уже нет. Скажешь, что забыл об этом?

— Ой, — Райз изобразил глубочайшее удивление.

Къярт смерил того хмурым взглядом и направился к Ашше.

— Къярт?

— Да понял я. И не собираюсь порочить «доброе» имя «мастера Ислена».

Его провожал тихий смех Райза, а злость, пропитывающая мысли, стала угасать. Похоже, этот чертов день утомил его настолько, что заканчивались даже силы злиться.

Ашша услышала его приближение заранее, и когда Къярт опустился на траву рядом, уже смахивала со щек последние слезы. В воздухе повисла тишина. Все же произошедшее было слишком странно. Къярт даже не был уверен, что видит мир так же, как и до привязки Ашши. Если бы он хотя бы был сторонним наблюдателем, пока вся ее жизнь проносилась перед ним... Но он видел ее прошлое ее же глазами, и теперь разделить «свое» и «чужое» оказалось не так уж и просто.

— Тебе, наверное, так же неловко, как и мне, — он попытался выдавить улыбку.

— С чего бы это?

А ведь раньше Къярт поверил бы в ее невозмутимость. Наступит ли тот день, когда вокруг будут люди, которые не носят масок? Или же просто это он — единственный дурак, которому претит натягивание чужой личины?

— Он любил тебя, — тихо произнес Къярт. — И хотел защитить, я уверен. Если..., когда придет Орда, даже не знаю, что тогда начнется. И нам скорее всего придется отправиться в самое сердце этого невесть чего. Фелис не хотел бы, чтобы ты оказалась там, где будем мы. Поэтому дал силы Райзу, а не тебе. Да и эта история с поместьем... Ты и сама знаешь, что стань оно твоим, и его тут же попытались бы забрать. Отобрать же его у меня и Райза будет

еще той задачей. Я вообще сомневаюсь, что у Райза можно что-либо отобрать, — Къарт хотел свести все к шутке, чтобы хоть немного уменьшить навалившуюся тяжесть, но не получилось. — Фелис хотел уберечь тебя. Пусть и таким странным образом.

Къарт не верил в то, что говорил. Но в это верила Ашша. Хотела верить, и кто-то должен был укрепить ее веру. Внутри все сжималось, пока он слово за словом произносил то, что не считал истинным, и что должно было избавить девушку от мучающих ее сомнений.

— Спасибо, — прошептала она и шмыгнула носом.

— Он гордился бы тобой. Ты куда смысленнее и меня и Райза. Просто нас не жалко, вот и весь ответ, — Къарт хмыкнул.

Не жалко их, не жалко воспитанницу — Фелису вообще не было известно подобное чувство. Повезло подонку умереть до того, как правда о нем стала известна.

...А если бы некромант был бы все еще жив, чтобы Къарт тогда сделал?

Он опустил взгляд на спрятанные в перчатки руки.

Они задержались в поместье Фелиса еще на два дня. Райз продолжал с утра и до вечера тренироваться с глефой, Къярт же засел в мастерской по соседству с лабораторией и практиковался в нанесении печатей на пули для винтовок. Теперь, когда ему стали доступны знания Ашши, он хотел структурировать их, закрепить нужные и отсеять лишнее на случай, если полученные путем привязки души воспоминания окажутся недолговечны.

Сама же девушка считала, что вырезание печатей на пулях — самое последнее, чем он должен заниматься, а куда важнее уделить время практике наложения печатей на призванного, а также подчинению его своей воле. Ашше стоило немалых усилий предложить последнее, но она только зря наступала себе на горло: Къярт наотрез отказался отдавать ей какие-либо приказы, как и отрабатывать на ней печати. Не собираясь вот так сдаваться, Ашша даже попыталась вывести его из себя, заставить прогнать ее, инстинктивно воспользовавшись данной ему властью над призванной душой, но все ее старания были тщетны. Смирившись с тем, что в этот раз упрямство Къярта одержало верх, девушка принялась убеждать его хотя бы призвать душу одного из скелетов и отточить навыки на нем, но Къярт не был готов так скоро впитать еще чью-то жизнь. В конце концов, он всегда мог поднять простое умертвие и необходимости форсировать развитие навыка призыва не было.

В какой-то момент ему даже начало казаться, что Ашша готова прямым текстом попросить Райза переубедить его. Но она не стала, а Райз не высказывал своего мнения по поводу необходимости тренировок, хоть и знал о разногласиях Ашши и Къярта на этот счет. Он даже перестал контролировать его тренировки по сдерживанию умения вытягивать чужую жизнь, и Къярт, продолжая их в полном одиночестве, терялся в догадках о причине, по которой Райз предоставил ему столько свободы. Не сказать, что это не устраивало его, но чувство, что все это неспроста, не давало вдохнуть полной грудью.

Они оставили поместье утром третьего дня. К седлам были приторочены сумки с запасом провизии на пару дней и коробки с патронами; винтовки в чехлах, а у Къярта еще и громоздкий футляр с набором инструментов для нанесения печатей. Гривы фыркали, недовольные прибавившейся ношей, а Клык и вовсе порывался стянуть рукоятку глефы, прикрепленную к сумке также, как и один из мечей. Второй же покоился за спиной Райза на магнитной перевязи.

Прощание с Ашшей вышло в стиле Ашши. Не поведя и бровью в ответ на скалящихся гривов, она велела Къярту и Райзу проваливать и не возвращаться, пока дело не будет сделано.

— Ты обещал мне разобраться с Ордой! — сбросив маску холодной надменности, выпалила Ашша, когда они забрались в седла и развернули гривов хвостами к поместью.

— Значит сделаю, раз обещал, — не оборачиваясь, хмыкнул Райз, и поднял на прощание руку.

Когти Клыка оставили засечки на камнях, которыми была вымощена дорога у поместья. Къярт в последний раз взглянул на Ашшу и послал своего грива следом.

Он смог догнать Райза, лишь когда тот придержал Клыка на подъезде к деревне.

Перейдя на шаг и опустив голову к земле, зверь шумно дышал, а Райз пристально всматривался в дома.

— Что такое? — спросил Къарт, когда тот направил Клыка к деревьям.

— Что-то произошло. Страх и печаль, — Райз спешился, бросил в сторону деревни напряженный взгляд. — Почти отчаяние. И много.

Привязывая повод к сосне, Къарт думал о том, что не ждал неприятностей так скоро. Он проверил револьвер в кобуре и поспешил за Райзом, прихватившим все части глефы: мечи висели на поясе с двух сторон, а рукоятка заняла место за спиной.

В этот раз в деревне не звучала музыка. На улицах стояла гнетущая тишина. Молчали псы и скот, и даже домашняя птица, которая была слишком глупа, чтобы обращать на что-либо внимание, не издавала и звука.

Райз быстрым шагом направился к центру деревни. До них донесся плач ребенка и голос пытавшейся успокоить его матери.

На главной площади, у ног статуи исполина, собрались женщины и дети. В толпе Къарт заметил Берта, паренька, питающего к Ашше теплые чувства. Он тщетно пытался уговорить всех вернуться в молельный дом и запереть двери и окна, но никто не обращал на него внимания.

— Что здесь случилось?

Женщины были настолько заняты обсуждением своих тревог, что даже не заметили появления чужаков, пока Райз не задал вопрос. Разговоры на площади стихли, и на Къарта с Райзом уставились десятки испуганных глаз.

— Пустите, пустите, да пропустите же!

Женщина, что на праздновании обручения дочери старосты сидела рядом со Стевом, растолкала остальных и вырвалась вперед. Вокруг заплаканных глаз залегли темные тени бессонной ночи.

— Все хорошо, это парни из Эшена, — утерев тыльной стороной ладони нос, объяснила она начавшим перешептываться за ее спиной женщинам. Похоже, после выпитой в тот вечер кисленки их лица мало кто помнил.

— Где все мужчины? — спросил Райз.

Женщина вновь посмотрела на него, и ее глаза наполнились слезами.

— Стев пропал, — выдавила она и закрыла лицо руками.

Стоявшие поблизости принялись ее утешать. Вновь заголосили дети.

— Берт? — Райз ожидающе посмотрел на застывшего с поистине несчастным видом парня.

Берт заговорил, только когда они отошли в сторону.

— Сначала стали пропадать свиньи, — начал он, нервно потирая локоть. — Первую уволокли как раз в ночь после того, как ты заезжал за кисленкой, — Берт осекся и с подозрением покосился на Райза.

— Не трогал я ваших свиней.

— Знаю. Знаю. Это все тварь из леса, — Берт сглотнул. — Такое уже случалось в соседних деревнях, так что староста сразу отправил запрос в ближайшее управление стражи. Они прислали отряд на следующий день — как раз накануне пропала еще одна свинья. Два дня рыскали по округе — и ничего. И скот больше не пропадал. А как только уехали — все по новой. Староста снова их вызвал, и снова ничего не нашли. Стоило страже вернуться к себе, и гадина продолжила свои набеги. На днях даже попыталась украсть теленка, но он

застрял в ограде, и она..., — Берт вздрогнул всем телом, — она отгрызла половину — ту, что удалось протащить. А вторую оставила.

— Не догадалась и ее на куски разгрызть?

Берт смерил Райза мрачным взглядом.

— Что случилось со Стевом? — спросил Къарт, видя, что Берт не спешит продолжать рассказ.

— Вчера утром он ушел в лес, проверить силки на зайцев, и так и не вернулся.

— Какой-то зверь из леса жрет ваших свиней и телят, и Стев отправился в лес проверять силки на зайцев? — Райз скептически приподнял бровь.

Берт застыл, не зная, что на это ответить.

— Это же Стев, — наконец буркнул он и окончательно поник.

— Остальные отправились на его поиски? — спросил Къарт.

— Да, вышли с рассветом. Свила, — Берт кивнул в сторону все еще плачущей женщины, — еще к вечеру всех на уши подняла, но никто не согласился соваться ночью в лес, где водится не пойми что.

— У вас нет предположений, что это мог быть за зверь?

— Здесь никого крупнее лис и волков отродясь не было, а теленка уж точно не волк подрал. Раньше такого никогда не случалось. У соседей бывало, и не раз, но нас до этого дня обходило стороной.

— Вы не пытались расставить ловушки? Капканы? — и снова Къарт был тем, кто задавал вопросы, тогда как Райз молчал, будто ему и дела не было.

— Да у каждого загона со скотом поставили. Перестали выпускать коз и коров на выпас, организовали ночной патруль — все бестолку. Тварь невидна и неслышна. Ладно она, но свиньи точно должны были визжать, когда она их тащила.

Берт умолк.

Къарт не имел ни малейшего понятия о том, кто устраивает набеги на деревню. Вернее, этого не знала Ашша. Она даже не знала о том, что происходит. Правда последнее время ей точно было не до бед деревенских жителей.

— Вы же можете найти Стева? — вытирая слезы рукавом, к ним подошла Свила. Она окинула взглядом Къарта и Райза, задержала внимание на ножнах с мечами. — У вас хотя бы оружие есть, не то что вилы да косы. Прошу вас, помогите найти его! Вы же ели с ним за одним столом!

Райз не спешил отвечать, и его промедления было достаточно, чтобы прийти к выводу: он не собирался помогать. Наверное, подобное следовало ожидать, учитывая прагматичность его спутника, но почему-то Къарту казалось, что тот не станет отказываться. Или же это было так до момента, когда Фелиса не стало, и вместе с обретенной свободой Райз потерял свою неуязвимость и, в некотором роде, бессмертность. Призванного нельзя убить в привычном понимании этого слова, пока цела печать и жив призвавший его некромант.

Но Фелис был мертв. А значит любая опасная ситуация могла закончиться плачевно для них обоих. И если Къарту не было особого дела — жить ему или умереть, то для Райза разница была. И хоть он не походил на человека, которого легко испугать, на того, кто станет рисковать собственной шкурой ради деревенского пьяницы, он был похож и того меньше.

— Райз? — Къарт посмотрел на него, надеясь, что ошибся в своих суждениях.

Райз ответил таким же вопросительным взглядом.

— Умоляю вас, — по щекам Свилы потекли слезы. Не дождавшись ответа, она поджала дрожащие губы. — Вам что, совсем плевать? — ее голос стал тверже. — Раз Стев — не сын богача, а простой работяга, так и дела до него нет? Верно он говорил, что для вас, городских, наши жизни ничего не стоят. Что есть, что нет — переступили и пошли себе дальше.

— С чего ты взяла, что мы можем сделать что-то, чего не могут все мужчины вашей деревни?

Вопрос Райза застал Свилу врасплох. Ее взгляд метнулся от него к Къярту и опять к нему, скользнул по ножнам.

— А мы разве не можем? — сдержанно поинтересовался Къярт — будто бы сдержанность в голосе могла скрыть от Райза зарождающееся в нем недовольство.

— Къярт, я не думаю, что у нас есть на это время.

— Мы куда-то спешим?

Их взгляды пересеклись. Выдержав долгую паузу, Райз усмехнулся.

— Нет, нам совершенно некуда спешить.

— Вот и я так подумал, — Къярт не стал оставлять ироничный тон Райза без ответа. Переведя взгляд на Свилу, он добавил: — Мы поможем с поисками.

Женщина не сразу поняла, что ее мольбы услышали, а осознав, выпалила в сердцах:

— Спасибо вам, спасибо! Пусть благословение исполинов всегда будет с вами!

На ее глаза опять навернулись слезы.

— Этот ваш зверь оставил какие-то следы? — спросил Къярт, видя, что Райз не собирается брать инициативу в свои руки. — Если он разорвал теленка, что-то должно было остаться.

— Пойдем, я покажу, — Берт качнул головой в сторону улицы.

Къярт не был следопытом. Даже никогда не интересовался. Но в перемешанной десятком ног грязи на окраине деревни, куда их привел Берт, не смог бы разобраться и профессионал. Если следы здесь и были, то их уже не единожды смешали с травой и навозом, остались только бурые пятна в проломе забора и шерсть — там, где застряло несчастное животное.

— Следы крови вели туда, — Берт махнул рукой в сторону леса за капустным полем. — Туда все и пошли.

— Хорошо. Мы сделаем так же, только заберем гривов.

— Никаких гривов.

Къярт, не ожидавший услышать от Райза хотя бы слово в ближайшее время, поднял на того непонимающий взгляд.

— Но...

— Берт, дальше мы сами, — Райз не дал вставить Къярту и слова. — Возвращайся к остальным, укройте в доме и не высывайтесь. Не стой, давай, живо отсюда.

Берт энергично кивнул и побежал обратно на площадь.

— Если в лесу прячется хищник, не будет ли разумнее взять с собой тех, кто может с ним справиться? — спросил Къярт, когда Берт скрылся из виду.

— Ага, справиться так же, как и с половиной деревенских, которые сейчас тоже в том лесу. Или ты уже успел изучить повадки Когтя и уверен, что он не решит закусить человечинной?

Не дожидаясь ответа Къярта, Райз направился в сторону леса.

На капустных листьях и правда виднелись темные, почти что черные капли крови.

В повисшем молчании малоприятные мысли снова стали лезть в голову, точно мокрицы под лежалое бревно. Он пытался понять, почему Райз, не изъявивший желания помочь местным и пытавшийся увильнуть, не стал спорить, когда Къярт сам принял решение отправиться на поиски. Прежде Райз не спешил уступать ни ему, ни кому-либо другому. Навязчивее прочих была мысль, что тот попросту побоялся лишней раз встречать в неприятности. И это подозрение все вертелось вокруг да около, как назойливый овод, выбирающий удобный момент, чтобы впиться в шею.

— Спроси уже, — хмыкнул Райз и, встретившись с Къяртом взглядом, добавил: — У тебя же на лице все написано. Ну или не совсем на лице.

Сперва Къярт хотел облечь свои подозрения в более мягкую форму, но в итоге сказал так, как думал:

— Ты не хотел помочь в поисках Стева из-за беспокойства о своей безопасности?

— Чего мне беспокоиться? Это же не от моей сохранности зависит жизнь Ашши.

Его слова застали Къярта врасплох. Райз усмехнулся.

— И суток не прошло, а ты уже забыл о бедной девушке. Или не подумал об этом?

Не подумал. Къярт так замкнулся на своей злости на Фелиса и безразличию к самому себе, что совершенно упустил тот факт, что теперь его смерть станет концом и для Ашши.

— Ты же догадался, зачем на самом деле Фелис заставил Ашшу пожертвовать собой?

— Он не заставлял ее. Он сказал..., — глухо произнес Къярт.

Райз кашлянул в ладонь, скрывая смех.

Чертов Фелис. Будто бы было мало тех причин, которые некромант назвал Ашше, так теперь еще и это.

Чем больше Къярт об этом думал, тем больше убеждал себя в том, что рассказы про первый призыв, про сильную душу и мотивированность были всего лишь пылью в глаза. И что если бы он так отчаянно не стремился расстаться с новообретенной жизнью, а смирившись, не относился к ней, как к чему-то, что не жалко потерять, Ашше не пришлось бы жертвовать собой. А так Фелис заменил якорь, которым привязал к себе Къярта, на якорь, который привязал Ашшу уже к нему самому. Что так, что так — Къярту некуда было деваться.

— Да, с Ашшей Фелис зашел с козырей. Ничего не скажешь, — словно прочитав его мысли, произнес Райз. — За один ход — в дамки. Головастый гад.

Сцепив зубы, Къярт шел среди рядов капусты, изредка задевая разлапистые листья. Егс разбирала злость на Фелиса, на Райза, на себя — да на весь мир вокруг. От жары чесались в перчатках руки.

— Почему ты не хотел искать Стева? — процедил он.

Къярт предпочел бы и вовсе исчезнуть, а не вести беседы, но понимал, что ему нужно было отвлечься от злости, которая возможно принадлежала даже не ему. Не совсем ему. Во всяком случае ему хотелось верить, что всему причиной было влияние прожитой жизни Ашши, а не то, что его собственные нервы были уже не те, что прежде.

— У нас есть цель, и по пути к ней нельзя сворачивать или останавливаться. Да, возможно Орда появится через год, а может даже через десять, ровно так же, как она может появиться завтра. И тогда спеши, не спеши — все равно не успеть. Но когда ты думаешь, что время еще есть, велик риск начать тратить его попусту. Остановка здесь, остановка там, и в итоге — провал. К тому же участие в навязанных тебе драках, когда этого можно избежать

— та еще глупость.

Райз замолчал, первым шагнув под сень леса. Уже спустя десяток шагов запахло сыростью и хвоей.

— А тратить время на поиск мертвеца — и вовсе отдает слабоумием, — понизив голос, закончил он.

— Считаешь, что Стев мертв?

— Если скот воровала действительно какая-то тварь, то да. Мертв. Но я бы сделал ставку на кого-то более разумного. Учитывая то, как тихо оно все провернуло. Если, конечно, Берт ничего не приукрасил.

— Разумные, как кто? Как умертвия?

— А они разумны? — Райз приподнял бровь.

— Разумен некромант, который отдает им приказы.

— Да, это возможно. Живность стала пропадать сразу после смерти контролировавшего округу Фелиса. Вполне вероятно, что нашелся желающий занять вакантное местечко. В любом случае, расклад не в нашу пользу. Идти без подготовки и малейшего представления о том, что ждет нас впереди — дурацкая идея.

— Тогда зачем ты согласился?

— Если ты даешь обещания — ты их выполняешь. Без вариантов, — припечатал Райз. — Ты пообещал женщине помочь найти идиота Стева, а я в свое время пообещал, что ты не будешь разгребать дерьмо в одиночку.

— Неосторожное обещание.

— Отнюдь. Я не даю неосторожных обещаний. Чего не сказать о тебе.

Къарт двинул желваками. В его прошлом было достаточно обещаний, которые он не смог выполнить, и лишнее напоминание о них ему не требовалось.

— Мог просто не дать мне трепать языком, — буркнул он.

Къарт чувствовал себя мальчишкой, которого поймали за совершением очевидной глупости, и то, что он сам начинал считать себя мальчишкой, злило.

— Когда я говорил, что не дам тебе натворить бед, я не имел в виду, что буду останавливать тебя от совершения всех глупостей на свете. У тебя и своя голова на плечах есть. Вот и пользуйся ею.

Райз замолчал, и умиротворение, царящее в лесу, стало особенно заметно. Как и тихий шелест вынимаемого из ножен клинка.

— Сейчас самое время снять перчатки, — посоветовал Райз, доставая следом за мечом еще и револьвер.

Къарт не стал спорить. Сунув перчатки в карман, он тоже достал оружие и проверил барабан.

Чем дальше они заходили в чащу, тем меньше становилось лиственных деревьев, и тем чаще вверх тянулись голые стволы сосен с обломанными ветками. И хоть света и простора внизу стало больше, зачистившие холмы и овраги заметно ограничивали видимость. Землю усеяли иголки и скрипящие под подошвой, размокшие шишки, и Райзу стало сложнее находить следы: он часто останавливался и ходил кругами. Но спустя полчаса они наконец смогли ускориться и больше не бояться потерять след — из чащи доносились зовущие Степа голоса.

Къарт с Райзом нагнали отправившихся на поиски спустя пятнадцать минут. Те растянулись цепью — каждый на расстоянии пяти-десяти метров от соседей — и прочесывали лес с граблями и мотыгами наперевес.

— Эй, есть успехи? — Райз окликнул ближайших мужчин, чтобы те от неожиданности не выстрелили в них, оказись у кого ружье.

— Вы еще кто?

Къарту не было знакомо лицо заговорившего бритоголового мужчины, как и еще четверых, обернувшихся на голос. Их взгляды скользнули по обнаженному клинку и револьверам в руках.

— Добровольцы. Свила попросила помочь вам. Мы — те двое из Эшсена, что заглядывали к вам в день свадьбы дочери вашего старосты, — Райз приветливо улыбнулся.

По цепочке тут же пронеслась молва; Къарт заметил, как среди деревьев останавливаются люди.

— Еще две пары глаз лишними не будут. Вставайте в тот конец, — бритоголовый махнул рукой вправо и передал остальным, что можно продолжать поиски.

На полпути к указанному краю цепи Къарта и Райза догнал Брок — мужчина, что пригласил их к столу на празднике, устроенном в деревне.

— Не знал, что вы еще здесь, — сказал он, часто дыша. Пробежка для него была делом непривычным.

— Да, задержались, — Райз убрал меч в ножны, но прятать револьвер не стал.

— И где же?

— У Енкарты, — последовал прямой ответ. — Нам сказали, что у него своя маленькая винодельня, вот и решили подобрать что-то в подарок домашним.

Брок нахмурился и хотел было что-то ответить, но Райз продолжил:

— О винодельне как раз Стев и сказал.

— Стев..., — протянул Брок и покачал головой.

— Вам удалось найти какие-либо следы?

— Увы. Только силки с угодившими в них зайцами, но Стев будто сквозь землю провалился.

— Он не мог, к примеру, отправиться в город или еще куда?

— Без предупреждения? — Брок покосился на Райза. — И оставить Свилу? Он ей несколько месяцев букеты таскал и бусы плел.

— Плел бусы? Стев? — Райз не сдержал смехок.

— Представь, — Брок вздохнул. — Не думаю я, что мы что-то найдем. Но из уважения к Свиле будем искать до обеда. Потом придется вернуться назад.

Дойдя до конца цепи, Брок встал замыкающим, Райз перед ним, Къярт же между ним и рыжеволосым толстяком, который до этого шел крайним.

Идти в цепи было спокойнее. Слова Райза заставили Къярта всерьез задуматься о собственной безопасности. У него больше не было контуров, которые могли встать щитом между ним и угрозой, не было искры, которая могла за пару часов затянуть даже серьезные ранения. Но Къярт продолжал считать иначе. Все это время ему не было дела до того жить ему или умереть, а следовательно не было и необходимости в осознании, что от прежней неуязвимости ничего не осталось. Но теперь от него зависело существование Ашши, и Къярт впервые за долгое время ощутил страх человека, который боится за свою жизнь.

Он стыдился этого страха и спокойствия, что испытывал среди остальных. Что же с ним стало, что он втайне рассчитывал укрыться за спинами вооруженных вилами землепашцев? Даже без контуров в его распоряжении силы в разы больше, чем у идущих рядом людей, но почему он не чувствует ее?

Къярт рефлекторно потянулся к затылку, где находилась метка печати, удерживающей Ашшу. А ведь даже небольшой раны достаточно, чтобы девушка исчезла.

Он боялся ответственности. Его не тяготила необходимость найти способ разобраться с Ордой — неким абстрактным врагом, которого сложно было представить и еще сложнее оценить вред, который тот мог причинить. Чужая же жизнь, конкретная жизнь, которая теперь зависела только от него, была той ответственностью, которой он боялся. В прошлый раз Къярт не смог защитить тех, кто зависел от него, а ведь тогда он был куда сильнее, чем сейчас. И как тогда ему избавиться от страха перед очередной неудачей?

— Къярт? — голос Райза выдернул его из сомкнувшейся вокруг него топи. — Смотри по сторонам.

И он смотрел. Но не видел ровным счетом ничего, что не видели бы другие. Лес был совершенно спокоен и пуст. Даже птицы смолкли, испуганные мужскими голосами, что звали Стева.

Едва солнце поднялось в зенит, по цепочке пришел указ прекратить углубляться в чащу и идти в сторону, чтобы вернуться в деревню по непроверенной части леса. Брок, ставший ведущим, оставил на ближайшем дереве зарубку, чтобы когда до нее доберется идущий последним, вся цепь остановилась и повернула домой.

Къярт пытался принять то, что их время было потрачено зря, когда почувствовал приторно-сладковатый аромат. Къярт знал этот запах. Он поднимал из недр сознания воспоминания, к которым Къярт предпочел бы никогда не возвращаться.

Запах был знаком не только ему.

— Чувствуешь? — идущий впереди Райз остановился и подождал его. Получив утвердительный кивок, он окликнул Брока. — Нужно проверить, — с этими словами Райз извлек из ножен один из мечей.

Цепочка распалась, и собравшиеся в одном месте люди направились в чащу, держась не дальше, чем в пяти метрах друг от друга.

С каждым пройденным десятком метров запах становился сильнее и резче, к нему примешивались откровенно гнилостные нотки. Впереди, среди сосен, виднелась заваленная ветками небольшая возвышенность.

Сердце ускорило свой ритм. Оно не начало лихорадочно колотиться, но теперь билось

куда чаще, чем следовало при спокойной ходьбе.

— Ты кого-то видишь? — приблизившись, тихо спросил Къарт, когда Райз замедлил шаг. Если где-то поблизости был хищник, тот мог заметить его энергию духа.

— Нет. Но что-то здесь определенно обитает. Смотри на деревья, — добавил он и указал на одну из сосен.

Къарт поднял взгляд и почти сразу заметил на стволе борозды как от когтей. Довольно крупных когтей.

— Эй, не вырывайся вперед, — Райз окликнул ускорившего шаг Брока. — И передай всем, чтобы смотрели по сторонам и вверх.

Больше никто не звал Стева. В воздухе повисла гнетущая тишина, словно бы идущие в цепи не хотели лишней раз открывать рот, чтобы не глотнуть пропитавшую воздух вонь.

Когда до возвышенности с кипой веток, которая вблизи больше походила на заготовку для гигантского костра, осталось всего два десятка метров, Къарт поймал себя на мысли, что сейчас был бы уже и не против, чтобы их поиски не увенчались успехом.

По земле скользнула едва заметная тень.

— Сверху! — крикнул Райз.

Он тут же выстрелил, но промахнулся: сосна брызнула щепой совсем рядом с сидевшей на ней тварью. Второй выстрел, сделанный больше на удачу, не попал в цель, как и первый. Третьего зверь дожидаться не стал.

Къарт не знал, на кого решила броситься тварь — на него или стоящего рядом Райза — но времени гадать не было. Он даже не успел толком рассмотреть противника, увидел только вздыбленную шерсть, когтистые, цепкие, отдаленно похожие на обезьяньи, только более жилистые, лапы, и ощерившуюся морду.

Отталкивая Райза, он действовал инстинктивно, так же, как и в прошлой жизни, в мире Мерлен, защищая того, кого следовало бы оставить на съедение гиен. Благо, в этот раз он помнил, что и самому подставляться больше нельзя.

Къарт уклонился, прежде чем тварь, размером с крупную овцу, схватила бы его, и даже смог поймать ее за заднюю лапу. Эссенция жизни хлынула в руку мощным потоком. Зверь попытался извернуться в воздухе, но его мышцы уже утратили прежнюю силу.

Он рухнул на землю, и Къарт всадил в его голову три пули. Он сомневался, что до выстрелов тварь была еще жива, но даже если он вытянул за короткое прикосновение всю его жизнь, деревенским об этом знать уж точно не стоило.

— Еще один, еще один! — лес вздрогнул от криков.

Къарт проследил взгляд Райза, целящегося вверх, и увидел еще одну тварь, мечущуюся от дерева к дереву. Сосны трещали, когда зверь прыгал от одного дерева к другому, и Къарт задался вопросом, как тот смог подобраться незамеченным. Или же они сидели затаившись и напали лишь тогда, когда люди подобрались к их гнезду слишком близко? В том, что на возвышенности находилось именно гнездо, Къарт не сомневался.

— Уходите оттуда! Сюда! — прокричал он, догадавшись, что зверь движется в сторону от основного скопления людей, туда, где находился толстяк, что шел в цепи рядом с ним. И чего того понесло в кусты именно сейчас?!

Толстяк, осознав, что все взгляды устремлены к нему, побледнел, и ринулся к направившемуся к нему Райзу, но тварь уже была рядом.

Она спрыгнула с сосны, нацелившись на спину споткнувшегося и упавшего на колени мужчины, но так и не смогла в него впитаться. Ее прыжок замедлился, словно бы она внезапно

утодила в воду, враз потеряв почти всю инерцию.

Тварь зависла в воздухе и начала медленно падать, в непонимании суча лапами, когда удар рукоятки глефы сбил ее в сторону от пытающегося подняться толстяка. Райз пригвоздил ее мечом к земле и дважды выстрелил в голову.

— Всем собратья! — крикнул он, вытаскивая меч из затихшей туши. — Могут быть еще.

В лесу сталолюдно. Среди стоящих спина к спине деревенских Къярт видел не только мужчин, но и стариков, даже подростков — всех, кто мог помочь в поисках. На их лицах были написаны непонимание и страх. В большей степени страх. Те, кто постарше, лихорадочно осматривали деревья, младшие же всю глазели на убитых тварей.

Спустя пять долгих минут затишья, Райз вернул рукоятку глефы на перевязь за спину.

— Думаю, на этом все, — сказал он. — Но лучше быть начеку. Советую поставить вокруг того холма дежурных, чтобы не проспать очередное нападение, пока мы все тут осматриваем.

Он приблизился к твари, убитой Къяртом.

— Знаешь, что это? — спросил он.

Къярт отрицательно покачал головой. У него было достаточно времени, чтобы изучить зверя, и он был абсолютно уверен, что Ашша ничего о нем не знала.

Что-то было в твари такое, от чего Къярту становилось не по себе. Горбатая, с мощной грудной клеткой и тонкой, как у тощего пса, поясницей; небольшой, крепко сбитый таз; куцый огрызок вместо хвоста, покрытый, как и все тело, короткой жесткой шерстью. Тварь умерла с открытыми глазами, и в ее остекленевшем взгляде Къярту мерещилось что-то большее, чем одно лишь звериное сознание.

— Никогда не слышал ни о чем подобном, — Брок в компании нескольких мужчин подошел к туше, тогда как остальные рассредоточились среди деревьев, образовав плотный кордон. — Мерзость какая.

— Об этом предупреждали паладины. О вестниках Орды.

Взгляды присутствующих устремились к худощавому мужчине с чисто выбритым лицом. Он держался по особому и даже смотрел на тварь с отличной от остальных смесью безразличия и трепета.

— Это Сцефур, зять нашего старосты, — представил того Брок.

— Что тебе о них известно? — спросил у Сцефура Райз.

— Только то, что таких будет становиться все больше. А затем явит себя Орда.

— Хватит тут народ пугать, — оборвал того Брок и сплюнул на землю. — Мало ли какое зверье могло набежать сюда с приграничных земель. Нечего ко всему на свете приплетать Орду.

Над трупом твари повисло тяжелое молчание.

Райз тронул Къярта за плечо и направился в сторону холма, к которому никто не спешил приближаться, ограничиваясь настороженными взглядами.

Райз первым поднялся на холм и пошел вокруг нагроможденных на его вершине веток.

Въедливая вонь гниения забила нос и горло. Къярт удивлялся, как Райзу удается сохранять невозмутимое выражение лица и даже не морщиться, но вот тот остановился и, нахмурившись, позвал его.

Поднимаясь на холм, Къярт знал, что его не ждет ничего приятного, но заглянув в углубление, вырытое под ветками, что служили своеобразным шалашом, он прижал к губам

ладонь, стараясь сдержать подкатившую к горлу тошноту, и отступил. Но этого было мало. Стоящая в воздухе вонь внезапно стала невыносимой, и Къярт поспешно спустился с холма и отошел к деревьям.

Он пытался выкинуть из головы сваленные в кучу гниющие туши свиней и коз, со сбившейся, блестящей шерстью, и лежащее среди них тело Стева, на месте выгрызенного желудка которого копошились блестящие от слизи черные комки потомства свившей гнездо твари.

С холма донеслись ругательства поднявшихся к Райзу мужчин. Къярт не слышал, о чем они говорят: его все еще мутило, и он едва различал голоса сквозь стоящий в ушах шум. Ладони похолодели и взмокли, как и спина, к которой прилипла рубаха.

— Что вы собрались возвращать? — донесся голос Райза.

— Тело, что же еще. Его нужно похоронить. Свила...

— Свиле этого уж точно не стоит видеть.

— Предлагаешь бросить его здесь? Не знаю, какие в вашем Эшене порядки, но у нас своих не бросают. Не по-людски это.

— Не по-людски — это если вы притащите с ним заразу и вымрете всей деревней, — отрезал Райз. — Возвращайтесь домой. Мы с Къяртом задержимся здесь и уничтожим гнездо.

— И что прикажешь сказать Свиле? — Брок был на взводе, хоть и пытался держать себя в руках.

— Это уже ваше дело. Наше — навести здесь порядок.

Какое-то время они еще продолжали спорить. К Броку присоединялись и другие, но Къярт больше не слушал. Он знал, что рано или поздно спор прекратится, деревенские сделают, как сказал Райз, и они останутся вдвоем в этой разлившейся вокруг холма вони, от которой не смогут отмыться еще несколько дней. Уж лучше бы он снова оказался в забитой нечистотами канализации, чем это...

— Ты как? — голос Райза прозвучал совсем близко.

Къярт открыл глаза и поднял на того взгляд. Как он и предполагал, кроме них у холма больше никого не было.

Он слабо покачал головой.

— Что, к подобному зрелищу тебя не готовили? — Райз сочувственно улыбнулся.

— О чем ты?

— О твоей подготовке. Перед тем, как отправили ликвидировать чужую планету.

— Не было никакой подготовки. Так, дали почитать пару инструкций.

— Никакой — буквально никакой?

— Да, буквально, — несколько раздраженно ответил Къярт. — Наставник обучал меня боевым техникам, и когда-то потом я должен был поступить в военное училище. Но с «потом» не сложилось.

Райз какое-то время помолчал, прежде чем задать следующий вопрос:

— Твои умения были настолько уникальны?

Къярт слабо кивнул.

Порыв ветра, кажется, первый за весь день, на несколько секунд отогнал тошнотворный смрад, позволил сделать один единственный глоток свежего воздуха, прежде чем удушливое безветрие вернулось.

— У меня есть просьба, — снова заговорил Райз. — Она вряд ли придется тебе по душе.

и, если откажешься, настаивать не буду. Если этот Сцефур прав, и твари действительно имеют отношение к Орде, их прошлое может быть нам полезно.

Къярт одарил Райза хмурым взглядом.

— Я не настаиваю. Решение за тобой.

Что ж, никто не обещал ему приятной прогулки.

— Я все сделаю.

Къярт поднялся с земли и подошел к твари, которую убил Райз. Посмотрел на убитую им самим. Какую смерть он хотел почувствовать?

— Нужны обе? — спросил он.

— Не думаю.

Помедлив, Къярт направился к зверю, чья жизненная сила теперь теплилась в его груди.

Опустившись на колени, он коснулся пальцами левой руки предплечья правой, правую же опустил на голову зверя. Нужна была только память твари, и после призыва Къярт собирался сразу убрать метку, так что место ее нанесения не имело значения.

Он закрыл глаза и начертил в сознании печать призыва.

Лишенная запахов изумрудная толща заводи, пронизанная солнечными лучами, стала для него отдушиной. Он даже позволил себе остановиться на несколько мгновений, насладиться мягким песком под ногами и умиротворением вокруг.

Открыв глаза, он увидел неподалеку душу Ашши. Она была там же, где он ее оставил, прикованная ко дну и словно бы спящая.

Къярт не стал к ней приближаться, чтобы ненароком ничего не испортить. Сейчас ему нужно было следовать за лентой, что тянулась от его руки вверх, туда, где горел огонек звериной души.

Он нашел ее в месте, отдаленно напоминающем сосновый лес, только среди деревьев время от времени проявлялись стены тянущихся ввысь острошпильных башен. Повторяющая очертания звериного тела душа не вызывала отвращения. От нее веяло теплом, не жаром, как от души Ашши, но ничего пугающего или омерзительного в ней не было. Всего лишь сгусток первозданной энергии, хранящий память последнего своего воплощения.

Къярт сделал глубокий вдох и шагнул в излучаемый душой свет.

Тварь родилась в сотнях километров на юг от места, где умерла. В таком же гнезде, как и то, которое построила сама — среди гнили и разложения, запах которых не казался ей мерзким. Как и собратья, она набивала желудок окружавшей их падалью, а затем, окрепнув, покинула гнездо и стала охотиться самостоятельно.

Къярт чувствовал звериный голод, а затем теплую кровь лисиц и зайцев. Он старательно пытался удержать тонкий барьер между его сознанием и сознанием твари, и понимал, что у него ничего не выходит, когда вкус сырого мяса переставал казаться противным.

Повезло, что тварь была совсем еще молодой. Она не прожила и года, но Къярт знал, что везение, благодаря которому ему не придется провести в ее шкуре десятков лет, будет сведено на нет ее последними днями.

Он не мог закрыть глаза, не мог отвернуться, не мог уйти в себя — не мог прервать призыв, хоть и пытался сделать это, когда узнал все, что требовалось. Он оказался в ловушке и должен был досидеть до самого конца — до момента, когда тварь наткнется на Стева.

Сначала Къярт надеялся, что его убила та, вторая, затем жалел о своем выборе, когда стало ясно, что на Стева напала именно та, чью душу он отыскал на горизонте. А после понял, что кого бы он ни выбрал, неминуемого было не избежать. Проживая жизни обоих

хищников он все равно бы почувствовал во рту сок горячих, скользких человеческих внутренностей, и с мольбой бы ждал того момента, когда все будет кончено.

Он принял собственное прикосновение с облегчением, хоть и от ощущения стремительно гаснущей жизни стало жутко. Выбирая тварь для призыва, Къярт хотел познать собственную силу будучи на другом ее конце. И он ощутил ее сполна. Почувствовал панику, бесконтрольно захлестнувшую сознание; почувствовал, как слабеет тело, словно бы от сильнейшего истощения, когда нет сил поднять даже палец, и все, что ты можешь, это опустить веки и заснуть.

Вокруг стояла изумрудная гладь. Душа твари покачивалась рядом.

Къярту не хотелось покидать заводь. Он знал, что стоит ему вернуться в реальный мир, и все ощущения тела, что скрадывала вода, в одночасье вернуться к нему. Но это случится так или иначе, и неважно, сколько он проведет здесь времени. Уж лучше разобраться со всем поскорее.

Застегнуть на лапе кандалы, загнать в песок кол первой ступени и ждать, когда все вокруг утратит свою четкость. В этот раз это произошло быстрее, чем во время призыва Ашши.

Вернувшись в собственное тело, Къярт, как наяву, ощутил на языке металлический вкус крови, а в животе — тепло от проглоченной плоти.

Его вырвало, и попытка прогнать засевшие в голове воспоминания твари привела к очередному спазму, с которым желудок избавился от остатков завтрака.

Дрожащей рукой Къярт снял только что поставленную печать-метку и отполз в сторону от рухнувшего замертво зверя, не желая больше даже смотреть на мертвечину. Но какой смысл, если все вокруг провонялось смертью?

— Живой? — участливо спросил Райз и протянул сложенный вчетверо платок.

Къярт вытер губы и еле кивнул. Ему нужно было время, чтобы прийти в себя, и Райз не торопил его.

Когда тело перестала бить дрожь, а дыхание успокоилось, Къярт провел рукой по лбу, убирая прилипшие к нему волосы и заговорил:

— Сцефур оказался прав. Эти твари собирали информацию. Они разумнее, чем обычные звери, — он сглотнул, пытаясь избавиться от металлического привкуса во рту. — Они оставляют гнездо, в котором рождаются, по двое. Каждая пара уходит в своем направлении и создает собственное гнездо на расстоянии в несколько сотен километров от того, что покинула. И так от поколения к поколению. Они изучают территорию вокруг своего гнезда: ландшафт, численность и состав флоры и фауны, расположение и размер человеческих поселений. И время от времени передают собранную информацию в родительское гнездо, а живущие в нем, соответственно, то, что им сообщили из гнезд ниже и свои собственные данные, — дальше наверх.

— Пока все ручейки не соединятся в одном истоке.

— Да. Что-то вроде того. Прямой связи с Ордой нет, но не знаю, кому еще могла понадобиться подобная разведывательная сеть.

— Известно, где этот исток находится?

— Нет, только родительское гнездо.

— Это уже что-то, — Райз посмотрел на тушу твари. — Ты молодец, Къярт.

Тот невесело усмехнулся.

Это только начало. Сколько же еще жизней подобных гадов ему придется пропустить

через себя? А ведь это были простые разведчики, которые старались никому не попадаться на глаза. Стева убили лишь потому, что он оказался не в то время и не в том месте, а зверь — слишком молод и недостаточно осторожен, из-за чего и позволил себя заметить. Но Орда точно не станет скрываться. И таких как Стев будут тысячи, если не миллионы. Растерзанных, замученных, совершенно беспомощных против охотящихся на них тварей. В это верила Ашша, и Къярт тоже. Теперь тоже.

— Ее нужно остановить, — произнес он. — Орду.

— Остановим. В этом можешь не сомневаться.

Ему хотелось бы не сомневаться. Но пока что у него не было ничего, что можно было бы положить на противоположную чашу весов.

— Но для этого нам нужно двигаться дальше, — Райз заметно оживился. — Так что давай, поднимайся, хватит задницу отсиживать.

Он приглашающе протянул руку.

Къярт смерил ее тяжелым взглядом и посмотрел на выглядывающие из кармана перчатки.

— Нет, — категорично сказал он. — Даже не проси.

— Это не так чтобы просьба, — Райз противно улыбнулся, намекая, что не собирается давать выбор.

— У меня еще ни разу не получилось полностью сдержать силу.

— Сегодня отличный денек, чтобы так сделать это.

— Мне хватит короткого прикосновения, чтобы убить тебя. Хочешь, как этот, валяться? — раздраженно спросил Къярт, мотнув головой в сторону убитой им твари.

— Ни капельки не хочу.

— Тогда не лезь ко мне.

— Къярт! — прикрикнул Райз, когда тот хотел было подняться, проигнорировав все еще протянутую ему руку. Вздохнув, Райз смягчился и добавил уже спокойнее: — Тебя не сильно смущает, что я верю в тебя больше, чем ты сам?

— Мой учитель тоже верил и ошибся.

— Я — не твой учитель, — Райз едва сдержал смех. — И я не ошибаюсь. Так что подбери уже сопли и дай сюда руку.

Къярта взяла злость. Или потому, что его достала настойчивость Райза, или потому, что тот решил насмеяться над человеком, которого совершенно не знал и которого Къярт безмерно уважал. Так или иначе, Райз сумел вывести его из себя, и он решил сделать так, как тому хотелось. Может, если Райз прочувствует на себе его силу, то до него наконец дойдет, что не всегда стоит гнуть свою линию до последнего.

Сжимая ладонь Райза в своей, Къярт только надеялся, что у него получится свести поглощение эссенции жизни к минимуму, и с тем и правда не случится то же, что и с лежащей неподалеку тварью. Если же нет, Райз будет не первым, кто заплатил своей жизнью за приумножение силы Къярта. Его, конечно, не порадует то, что он вновь лишится столь желанной свободы, но такой урок он уж точно запомнит надолго.

За все еще не отпускающей его злостью Къярт не различил скрутивший внутренности страх, что с Райзом может случиться то же, что и с Ашшей, но только в этот раз это будет непосредственно делом рук его самого.

Однако в ладонь не хлынул жар энергии жизни. Къярт не чувствовал ничего, кроме тепла чужой кожи.

Губы Райза расплылись в победной улыбке.

— Ну наконец-то, — раздался насмешливый голос Фелиса.

АКТ 2. В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

Къарт отдернул руку, и Фелис тут же исчез.

— Какого черта?... — Къарт уставился туда, где еще мгновение назад находился некромант, после чего перевел взгляд на Райза.

— Я без понятия, — ответил тот, хотя некоторые догадки и появились. — Дай-ка сюда руку.

— Ты опять за свое?

— А ты?

Порой упрямство Къарта вызывало у него едва преодолимое желание спустить с цепи всех собак. Но затем Райз вспоминал, что он больше не среди друидов, и ему не нужно переть напролом, чтобы добиться своего — достаточно проявить немного терпения.

Къарт сдался и протянул руку. Когда их ладони соприкоснулись, Фелис появился на прежнем месте в метре от них.

На этот раз Райз сам убрал руку, и некромант пропал. Дождавшись от Къарта кивка Райз снова коснулся его ладони.

— Еще не надоело забавляться? — только и успел спросить Фелис, прежде чем от него осталась пустота.

Райз посмотрел на свою ладонь и опустил ее на землю рядом с Къартом. Из-за окружающей того алой дымки казалось, что они находятся не среди лесной прохлады, а на полуденном солнцепеке. Райз прогонял энергию духа, но Къарт сразу же обрастал ею вновь.

— Нужно с ним поговорить. Ты справишься?

Сейчас уже Райз не был уверен, что парень сможет и дальше контролировать силу. После того, что произошло с Ашшей, Къарта и так нельзя было назвать примером выдержки — хоть внешне он и оставался спокоен, — а с появлением Фелиса и вовсе стало казаться, что тот готов взорваться в любое мгновение.

— Да.

Къарт коснулся протянутой ладони кончиками пальцев — чтобы в случае чего малейшим движением разорвать установившуюся связь.

И Фелис снова был тут как тут: в своем излюбленном синем халате и слащавой улыбкой обожравшегося сметаны кота.

— Не объяснишь? — поинтересовался Райз.

Он пока что не знал, как относиться к «возвращению» Фелиса, от которого не должно было остаться и души. Но одна только мысль о том, что полученная свобода оказалась пустышкой, будила в нем злость, которая вряд ли уступала злости, что чувствовал Къарт.

— Все просто, — Фелис улыбнулся шире, обнажив зубы. — Соприкосновение областей высокой проводимости, — он взглядом указал на руки Райза и Къарта, — позволяет установить связь между половинами моей души в каждом из вас и создать целостный образ. Который, впрочем, существует только в вашей голове. Одновременно.

— Значит, тебя на самом деле нет.

Это было бы слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Все же приподнесший на блюдечке новую жизнь и после самоустранившийся некромант с самого начала казался

невиданным везением, даже с оглядкой на маячущую в будущем Орду.

— Смотря что считать бытием, — Фелис ухмыльнулся.

— Ты знал, что так будет?

— Имелось такое предположение.

— И что, ты все это время просто сидел внутри и наблюдал за всем происходящим?

— И да, и нет. Все же половина души — это не целая душа. Она получает знания, но осознать их не в состоянии, пока не объединить обе части. Это как прожить две чужие жизни одновременно. У Къярта может даже получиться представить, каково это, — он с прищуром посмотрел на хранящего гробовое молчание парня. — Чего ты такой смурной? Разве тебе не нравятся твои новые силы?

Конечно же, Фелис не был бы Фелисом, если бы отказал себе в удовольствии уколоть того в самое больное место.

Воздух вокруг Къярта пропитался плотным багрянцем, задрожал, словно бурлящий котел, с которого вот-вот сорвет крышку. Но Райз уже знал, что этого не случится: Къярт мог сколько угодно бесноваться внутри, при этом сохраняя невозмутимо-равнодушный вид.

А парень все же не промах. Райз сомневался, что тот сможет контролировать падкий на жизненную энергию дар в настолько взвинченном состоянии. Но Къярт держался так, будто бы подчинил эту силу давным давно, а не всего минуту назад впервые добился успеха.

— Что, даже ничего не скажешь? — Фелис склонил голову на бок.

— Не думаю, что у него есть темы для беседы со сволочью, которая из собственной воспитанницы сделала жертвенного козленка, — буднично сказал Райз, не желая затягивать устроенные Фелисом и Къяртом гляделки.

Некромант расхохотался, и от этого смеха по загривку пробежал холодок. Райз не находил в сказанном ничего настолько забавного даже для Фелиса, чтобы реагировать так бурно.

Райз бросил короткий взгляд на внезапно похолодевшие пальцы Къярта.

— «Сволочь», скажешь тоже, — отсмеявшись, Фелис смахнул выступившие на глазах слезы — будто бы его тело было настоящим, а не иллюзией. — Это была не моя идея. И не мое решение.

— И чье же тогда?

— Высшей силы, — оскалился Фелис.

Райз хотел отдернуть руку, когда пространство вокруг заволокла багровая пелена. Но Къярту необходимо было вернуть веру в самого себя и дать понять, что на него полагаются независимо от обстоятельств.

Полагался ли Райз на него на самом деле? Похоже, все-таки да, раз не стал разрывать прикосновение. Или же им двигала отнюдь не пускающая первые ростки вера, а давно проросшая в него корнями страсть ходить по лезвию ножа?

— Не поделишься, что это за «высшая сила»? — Райз сдержанно улыбнулся.

— Нет, — Фелис ответил такой же улыбкой. — Но вы узнаете это. В свое время.

— В свое время? Серьезно? Для тебя все это какая-то дурацкая пьеса? Твои загадки не к месту.

— Ох, прости пожалуйста, — Фелис соорудил скорбное лицо, — но они не мои. Я всего лишь послушный вершитель чужой воли, против которой не смею ступить и шага.

Райз покосился на некроманта. Он не мог себе представить, чтобы Фелис, тот Фелис, который еще не отдал свою жизнь в обмен на их, сказал нечто подобное. Тот Фелис не давал

ни малейшего повода считать, что он может стерпеть кого-то выше себя.

В памяти всплыла одна из первых бесед с Къяртом, когда они оба допускали, что Фелис может действовать в интересах Орды. После, Райз отмел эту мысль, а сейчас же... сейчас он опять тратил время на тщетные попытки понять скрытые мотивы некроманта.

— Смысла уговаривать тебя нет?

— Не торопи время, Райз. Наслаждайся жизнью, пока еще можешь.

— Ну так и проваливай, раз от тебя все равно нет пользы.

Райз убрал руку, и Фелис растворился в воздухе. Прозвучавшая угроза — Райз был не в настроении, чтобы воспринять сказанное лишь как предупреждение — окончательно убила в нем всякий интерес к беседе. Слушать пространные бредни то ли свихнувшегося, то ли откровенно издевающегося некроманта, еще и в окружении смрада полуразложившихся тел, надоело.

— Или ты хотел еще поболтать? — поинтересовался он у Къярта.

— Нисколько, — сухо ответил тот.

— Славно. Закончим здесь и уберемся подальше.

Взяв каждый по туше, они притащили их к гнезду и бросили внутрь, прямо на пищаций в поисках родителей выводок.

— Мои спички остались в седельной сумке, — Къярт пошарил по карманам, но обнаружил только перчатки, которые после недолгих размышлений решил снова надеть.

— Спички не нужны. Давай, покажу тебе фокус.

Райз улыбнулся уголком губ и позвал Къярта следом за собой. Он остановился в тридцати метрах от гнезда и, укрывшись за деревом, велел Къярту сделать так же.

— Не высовывайся, — предупредил Райз.

Он собрал всю витающую вокруг Къярта дымку и спрессовал ее до размеров пшеничного зернышка — еще одна особенность, которую удалось обнаружить. Большие объемы энергии можно было сжать, тем самым повысив ее концентрацию и степень влияния на физический мир в момент активации.

Райз переместил собранную энергию в гнездо, выждал несколько секунд и затем активировал.

Округу озарила яркая вспышка, воздух с треском раскололся, мимо пронеслась ломающая кусты и ветки, оглушающая волна жара, а спустя пять секунд в обратном направлении ударил фронт спрессованного воздуха.

Когда в лесу воцарилось абсолютное затишье, в котором даже птицы не смели расправить крылья, Къярт покосился на Райза.

— Недурно, да? — тот усмехнулся и первым вышел из-за дерева.

От гнезда не осталось и следа — только оплавленная дыра в земле, над которой вились ниточки дыма. В радиусе пяти метров от эпицентра взрыва не уцелело ничего, что могло сгореть; среди растущих поодаль деревьев валялись обломанные ветки.

— Как ты это сделал? — Къярт с мрачным видом осматривал округу.

— Активация энергии духа высокой концентрации, — Райз пнул обугленную головешку. — Окрашенной злостью, — добавил он, уже предугадывая, какие мысли породят в голове Къярта его слова.

— Ты сделал подобное наугад?

— Нет, конечно.

Къярт смотрел хмуро и требовательно, ожидая дальнейших объяснений. Вздохнув, Райз

сдался:

— Помнишь, после призыва Ашши тебе вздумалось погулять в лесу?

— Я говорил тебе не идти за мной.

— Я и не шел. Что, мне даже в том же направлении нельзя было прогуляться? — Райз изобразил на лице растерянность.

Къярт одарил его тяжелым взглядом.

— Пошли уже отсюда, — ровно произнес он.

Они не стали заходить в деревню. Ее заполнили белесые облака тоски с редкими примесями синевы страха, но это уже их не касалось. Теперь их путь лежал в Руферон.

Руферон находился на северо-востоке в трех днях пути верхом, где находилось ближайшее отделение паладинов. Если кто и обладал полной информацией об Орде, так это Братство. Знать о ней больше, чем остальные, могли и те, кто ожидал ее вторжения, но Фелис не черкнул и пары слов о местоположении других некромантов, к тому же встречать в подобного рода неприятности было рановато. Так что сначала следовало посетить отделение Братства, в архивах которого хранились записи об Орде, да и разузнать о силах самих паладинов не помешало бы.

В отличие от Къярта, пребывающего не в лучшем расположении духа, Райз выбросил из головы произошедшее со Стевом сразу же, как только опустился в седло откровенно застоявшегося Клыка. Он наслаждался жизнью. Сжав ногами подвижные бока грива, он полной грудью вдыхал травяной запах пронесившихся мимо лугов; купался в солнечных лучах, даже не замечая полуденной жары. Его звали открывшиеся просторы, и он хотел объять их все. И чем быстрее он гнал грива вперед, тем больше ему хотелось. В Республике, где каждый клочок земли стоил дороже золота, негде было развернуться. И никто бы не отпустил наследника Первого мага празднично шататься по улицам. В те же несколько коротких дней в Огнедоле, что он добирался до обители друидов, он был слишком юн и слишком горяч, чтобы заметить ставший далеким горизонт, осознать всю его ценность — ценность именно для него.

Клык на полном ходу врвался в полноводные ручьи, поднимая фонтаны брызг, стремглав взлетал на холмы, в один прыжок преодолевал глубокие овраги, с удовольствием разделяя одержимость своего всадника.

Райз сдерживал зверя только тогда, когда жжение в руке начинало слишком уж досажать. Клык переступал с лапы на лапу, крутился на месте волчком, лающе порывивал, требуя продолжить скачку и не дожидаться Къярта.

Райз не стал просить того не отставать. Его вполне устраивало вырываться вперед в относительном одиночестве, так же как Къярта устраивало плестись позади.

Всему было свое время, и Райз не торопил его — совсем, как завещал Фелис. Къярт имел все основания, чтобы ненавидеть Фелиса за то, как тот поступил с Ашшей, но не Райзу с его прошлым было судить некроманта за подобное. Если бы не дурацкие интриги на тему «высшей силы», Райз и вовсе не питал бы к тому особой неприязни.

Они остановились на ночлег у черты, где каменистые холмы вгрызались в кромку леса; расседлали и отпустили гривов на охоту.

Костер трещал хворостом, и его тепло, запах дерева и вяленого мяса из сумки, показались Райзу лучшим букетом, что он вдыхал за всю жизнь. Пусть они с Къяртом и потратили целый час на то, чтобы выполоскать одежду, иногда он все же улавливал нотки разложения, но такой мелочи было недостаточно, чтобы испортить вечер. Это, конечно, был

не первый его вечер под звездным небом, но именно сейчас, вдали от поместья Фелиса и всего, что как-либо могло его ограничить, Райз чувствовал себя абсолютно свободным.

— Как насчет еще одной беседы? — предложил он и поболтал в воздухе рукой. Ему было о чем еще спросить Фелиса, кроме «высшей силы».

— Нет, — ответил Къярт, и вокруг него зажглось пару розовых огоньков.

Райз вздохнул.

— Я понимаю, что у тебя нет причин любить Фелиса, но он все же некромант, а ты...

— Я знаю, — Къярт перебил его и раздраженно тряхнул волосами. Он часто так делал, когда начинал выходить из себя, но, наверняка, и сам того не замечал. — Я знаю, — добавил он спокойнее. — И понимаю, что его знания могут быть полезны. Но сейчас не хочу его видеть. Ты можешь не упоминать его хотя бы пару дней?

— Могу, — Райз подобрал лежащую рядом палку и пошевелил угли в костре.

Он знал, что Къярт успокоится раньше, чем через пару дней. Парень сохранял угрюмое спокойствие до последнего и вспыхивал лишь когда все становилось совсем из ряда вон плохо, но после быстро остывал. Во всяком случае со злостью дело обстояло именно так.

Райз не стал продолжать разговор.

За целый день они не перекинулись и парой слов — Къярт вообще не отличался разговорчивостью. И пока он был далек от эмоциональной устойчивости — внутри, а не внешне — не стоило без лишней на то надобности расшатывать и без того шаткое равновесие.

Прежде Райзу не доводилось засыпать на расстеленной на траве шкуре. А вот просыпаться от крика уже стало обыденностью.

— Извини, — виновато произнес Къярт.

Он сидел по другую сторону от потухшего костра; его рука замерла на затылке, там, где должна была находиться печать-метка Ашши. Вернувшийся с охоты Коготь лежал рядом и смотрел на хозяина полуприкрытым глазом. Клык недовольно пророкотал и вновь улегся, положив морду на шкуру, где до этого лежала голова Райза.

— Опять кошмары? — Райз не стал спрашивать, все ли в порядке с Ашшей. Если бы было иначе, вокруг Къярта разливалась бы синь, а не серебристый туман.

Къярт кивнул.

Райз посмотрел на наручные часы. Шел третий час ночи.

— Сможешь уснуть?

Къярт взглянул на слипшиеся от пота шерстинки шкуры и отрицательно покачал головой.

— Ну ладно.

Райз поднялся с нагретого места, поежился от лизнувшей спину ночной свежести, подхватил котелок и направился к ручью неподалеку. Собрав на обратном пути ветки, он развел костер, бросил в воду несколько щепоток чая и поставил котелок на огонь.

Къярт сидел под боком Когтя и изучал созвездия.

— Ты сказал, что не даешь неосторожных обещаний, — в задумчивости произнес он.

— Сказал.

— Но при этом пообещал Ашше остановить Орду. Ты не можешь быть уверен, что нам это удастся.

Райз усмехнулся и опустил взгляд на две жестяные кружки для чая, что держал в руках.

— Есть такие вещи, которые должны быть сделаны, и ты их делаешь. Неважно,

возможно это или нет. Ты должен, и ты делаешь. Так что победа над Ордой, считай, уже свершившийся факт. Сейчас вопрос только в том, какую цену нам придется за это заплатить.

Райзу надоело разглядывать кружки, а Къярту — звезды, и их взгляды встретились.

— Как ты умер? — в лоб спросил Къярт.

Никак не ожидавший подобного вопроса, Райз удивленно приподнял бровь.

— Ты знаешь о моем прошлом куда больше, чем я о твоём. Я не могу сравнить счет?

— В драке. Это было в драке, — Райз улыбнулся.

Назвать его последний бой битвой не повернулся язык. Не столько из-за пафосного звучания слова, сколько из-за того, что в битве принято биться в полную силу. А еще иметь хоть сколько-то значимую цель, которую можно достичь только битвой. Ее же по факту не было ни у Райза, ни у друидов. Так что драка — самое подходящее определение.

Удивление во взгляде Къярта развеселило Райза.

— Я не стремился победить, — пояснил он.

Вода в котелке закипела. Райз разлил чай по кружкам и протянул одну Къярту. На руках того были надеты перчатки.

— А я то думал, что из нас двоих только я — самоубийца, — губы Къярта подернуло подобие усмешки.

— Для меня это был единственный приемлемый вариант, — с невозмутимым видом произнес Райз, будто бы речь шла о какой-то мелочи.

Он подтащил к себе валяющуюся в стороне сумку и принялся рыться в ней в поисках мешочка с сушеными фруктами. Къярт следил за его действиями, ожидая, но не требуя объяснений.

Райз мог бы оборвать этот разговор прямо сейчас, но был не против его продолжить. Единственный раз, когда он с кем-либо говорил открыто, без масок, состоялся перед самой его смертью. Но тогда он больше рассказывал о друидах, чем о самом себе. Ни его прошлое, ни то, кто он, не имело в той беседе ровно никакого значения. А до этого, между ним и тем, кто хотел бы узнать о нем все, всегда стояла непреодолимая, преломляющая свет и показывающая только то, что Райз считал нужным, стена — стояла даже тогда, когда он хотел, чтобы ее не было.

— На моей семье лежит родовое проклятие, — он нашел мешочек с сухофруктами и развязал шнурок. — Первенец получает все, рожденный вторым — меньше, чем ничего. Ни силы мага, ни возможности завести собственных детей. Но если первенец умрет, его сила и все остальное перейдет ко второму ребенку в семье, таким образом освободив того от проклятия. У меня была младшая сестра.

Райз улыбнулся и закинул в рот изюминку. Кружка с горячим чаем обжигала ладони.

— Расскажи о ней, — после долгой паузы попросил Къярт, кутаясь в серебристое сияния печали.

— Нечего рассказывать. Как только она родилась, я оставил дом и больше никогда в него не возвращался. И писем, как ты понимаешь, не получал. Так что я ничего о ней не знаю. Не знаю какой она выросла, что любит, а что ей не нравится. Могу только надеяться, что брат за ней присмотрит — не родной брат, а внук моего двоюродного деда.

— С ним ты тоже не был знаком?

— Один раз увиделись перед той самой последней дракой, — Райз хохотнул. — Первое, что он попытался сделать — это убить меня. Он не знал, что я — это я, а я к тому же перед этим вроде как пытался убить его подчиненного. Конечно, ничего такого я и не думал

делать, скорее наоборот, но со стороны все выглядело точно как попытка убийства, — он рассмеялся под косым взглядом Къярта. — Да, безумно весело было.

— Ты хоть с кем-то не затевал драку при первой встрече?

— Ну-у..., — Райз задумался, — нашу начал ты, а не я. Это считается?

— Ты приставил нож к моему горлу. Ах да, это только выглядело как попытка убийства, но ничего такого ты и не думал делать.

— Ого. Сарказм, — Райз впечатленно покачал головой и отхлебнул чая.

Со стороны леса донесся вой. Гривы подняли головы, шумно втянули воздух, но не обнаружив в нем ничего примечательного, потеряли к источнику звука всякий интерес.

— Ложись спать, Къярт. Завтра придется ехать весь день.

Больше слов не было, как не было и ночных кошмаров. Райз еще в особняке Фелиса подтвердил свою догадку о том, что если избавить человека от окружающей его энергии духа, его эмоции угаснут, точно лишенный кислорода огонь.

В отличие от Къярта Райз не стал снова засыпать. Устроившись поудобнее у горячего бока грива, он ждал восход.

Райз разбудил Къярта, как только начало светать. Он хотел въехать в Руферон вечером следующего дня, и для этого нужно было наверстать вчерашнюю задержку.

Къярт старался больше не отставать. Огрызаясь друг на друга, гривы мчались во весь опор, каждый стараясь опередить другого. Дорога разматывалась, словно кинолента, на короткие минуты показывая вдалеке небольшие поселения, окруженные полями, на которых виднелись возделывающие их фермеры.

Ближе к вечеру из леса по правую руку вынырнула железнодорожная колея; выбрасывая в воздух клубы дыма, по ней шел паровоз. Райз проводил его любопытным взглядом. В Республике были электромобили и мотоциклы, но железная дорога так и осталась лишь в чертежах: любительский проект инженеров-мечтателей, верящих, что однажды они или же их потомки смогут вернуться в Огнедол и на его просторах построить то, в чем не было нужды на крохотных островах Республики.

Пока звери остывали и жадно хватали воду во время коротких остановок у водоемов, Райз проверил еще один оттенок энергии духа — рыжую взвесь возбуждения, что всюду следовала за гривами — и активировал его прямо над ручьем. Вода тут же взметнулась в воздух и опала назад, и лишь после нескольких попыток, за которыми следил не только Къярт, но и гривы, Райз понял, что всякий раз капли притягивало к границе активированного сгустка энергии. Но та быстро подошла к концу — все же гривы излучали ее не так уж и много — и эксперименты пришлось приостановить. Райз надеялся проверить еще парочку идей во время остановки на ночлег, но от запала гривов к вечеру ничего не осталось. Клык устало рычал, требуя, чтобы с него поскорее сняли седло, и даже не пытался сам стянуть сумки. Коготь же и вовсе повесил голову и безразлично пялился на траву.

Райз расстегивал подпругу, когда из леса, на окраине которого они остановились, донеслось ржание, а следом за ним выстрел. Райз переглянулся с Къяртом, замершим с седельными сумками в руках рядом с Когтем. Прогремел еще один выстрел.

Къярт бросил сумки на землю и вскочил в седло, Райз же дернул ремни, впопыхах затягивая подпругу, и едва успел забраться на спину Клыка, когда тот, совершенно позабыв об усталости, сорвался с места.

Тогда как на луга опустились сумерки, под сенью раскидистых дубов уже стояла ночь. Пригнувшись к шее грива, чтобы не оказаться выбитым из седла низко растущими ветками, Райз не успевал разбирать что-либо под ногами охваченного рыжим туманом зверя, но Клык и сам отлично выбирал дорогу, перескакивая торчащие из земли коряги. Он поравнялся с Когтем, и теперь оба зверя наперегонки неслись навстречу испуганному ржанию и выстрелам, один за другим сотрясающим округу.

Сначала Райз увидел впереди два облака — розовое и кислотно-желтое — окруженные маленькими рыжими сгустками. Затем прозвучал очередной выстрел, визг и рычание. Привыкшие к полумраку глаза различили впереди просеку и мечущиеся по ней звериные силуэты. Рука сама потянулась к кобуре с револьвером, пусть Райз и сомневался в его необходимости, когда рядом находились целых две машины для убийств.

На одном из растущих на краю дороги дубов, ухватившись за обломанный сук одной

рукой и воткнув носок ботинка в трещину в коре, держалась женщина. Ее лошадь, истошно ржущая, пыталась скинуть вцепившихся в ее круп тварей, пока остальные искали способ достать вторую часть добычи с дерева.

Один из хищников, выждав, пока очередной выстрел будет спущен на менее терпеливого собрата, взял разбег и подпрыгнул, намереваясь таки дотянуться до ноги жертвы, когда пронесшийся мимо Коготь поймал его на лету и одним укусом сломал позвоночник.

Райз даже не пытался направлять Клыка, всецело занятый тем, чтобы не свалиться с крутящегося волчком грива. Эти твари были чуть мельче тех, что убили Стева, и Клык, как тот лис, устроивший охоту на мышей, кидался из стороны в сторону, ловя добычу не только пастью, но и лапами.

Стая быстро осознала, что преимущество больше не на ее стороне, и уцелевшие с визгом бросились в лес. Райз попытался сдержать Клыка, намеревающегося отправиться в погоню, на что тот дернул головой и вырвал повод из рук, ясно давая понять, что будет слушаться лишь тогда, когда сам того захочет. Райз спешно выдернул ноги из стремян и спрыгнул на землю, чтобы не оказаться болтающимся грузом на спине решившего продолжить охоту грива.

— Вот же своенравный гад!

Райз выхватил револьвер на случай, если поблизости остались еще неприятели. Но единственный, кто еще подавал признаки жизни, был прижат лапой Когтя к земле и истошно вопил, пока тот, нисколько не стесняясь того, что добыча еще дергается, отрывал от нее куски и даже не думал пускаться в погоню за сбежавшими — ему вполне хватало оставшихся лежать на просеке туш.

— Сраные квурги, — выругалась женщина.

Она спрыгнула с дерева и приблизилась к лошади, что сидела на разорванном в ключья крупе и тщетно пыталась подняться на ноги, с каждым движением теряя все больше крови и сил.

— Сраные квурги, — повторила женщина и почти в упор выстрелила в голову лошади, избавляя ту от мучений.

Отвлеченный выстрелом, Коготь прервал трапезу, глянул на завалившуюся на бок лошадь и одним стремительным рывком оказался рядом с ней, совершенно позабыв о своем всаднике.

— Нет, не смей! Назад!

Къарт пытался оттащить грива от лошади, но тот не обращал на него ровно никакого внимания, всецело занятый разрыванием еще горячей плоти.

— Прости, пожалуйста, — с виноватым видом Къарт посмотрел на женщину.

— На ней все равно теперь не поскачешь, — та махнула рукой и отошла подальше от трапезничающего грива. — Меня зовут Вильма, спасибо, что выручили.

Она произнесла эти слова с неохотой, будто бы ей претило то, что пришлось принять помощь от чужаков. В жилетке из толстой кожи, впрочем, не скрывающей ладной фигуры, с кобурой у одного бедра и кортиком у другого, черноволосая Вильма мало походила на простую жительницу деревни. Вместо голубого облака испуга вокруг нее витала розовая дымка, которую Райз причислил бы к средней степени досады. Хотя некоторая настороженность в женщине тоже присутствовала.

— Я — Райз, это — Къарт.

Райз покосился на Когтя, с мерзким треском отрывающим от лошадиной туши куски. Сидящий в седле Къярт выглядел несчастным и наверняка чувствовал себя соучастником устроенного гривом пира, но не мог оставить свое место на случай, если зверь рассудит, что было бы неплохо полакомиться не только свежей кониной, но и человечинной.

— Причина для столь поздней прогулки хоть окупает расходы? — спросил Райз.

— Очень на это надеюсь.

— Живешь где-то поблизости?

— Отсюда час верхом, — Вильма хмуро посмотрела на останки лошади.

— Мы проведем тебя, когда..., — Райз запнулся, подбирая слова, — когда некоторые закончат с ужином.

Пытаться оторвать грива от добычи было гиблым делом, так что пришлось дожидаться, когда тот набьет желудок. Сожрав самые лакомые лошадиные куски, Коготь потыкался носом в туши кwurfов — Вильма успела пристрелить троих, прежде чем прибыла подмога — потаскал одну из стороны в сторону и, в итоге бросив в канаве, вспомнил о Къярте.

— Клык может полночи шататься невесть где, — с неудовольствием признал Райз, надеясь, что грив хотя бы не потеряет по дороге седло. Хорошо хоть глефа осталась лежать вместе с брошенными на стоянке вещами. — Ждать его нет смысла.

Прогулка по ночному лесу обещала быть долгой. Просека, когда-то бывшая укатанной дорогой, заросла густой травой, в которой туда-сюда шныряли грызуны. Обьеvшийся и оттого лениво переставляющий лапы Коготь все равно находил силы щелкнуть пастью, надеясь урвать еще кусок мяса.

Не смотря на то, что Райз не был даже близок к тому, чтобы пресытиться возможностью идти куда вздумается, он предпочел бы сейчас сидеть на шкуре у потрескивающего деревом костра и потягивать чай, а не шагать между мрачной незнакомкой и гривом, от которого несло кровью и немытой псиной. Впрочем, даже сиди он сейчас у костра, от последнего было не избавиться. Найти бы с утра какой-нибудь водоем и выполоскать, что Когтя, что Клыка, иначе вечером не только гривов, но и их самих не пустят в Руферон.

— Довольно опрометчиво было отправиться ночью в лес еще и в одиночку, — произнес до этого хранивший абсолютное молчание Къярт. Его окутывала вуаль бело-розового раздражения, и Райз прекрасно его понимал.

Вильма посмотрела на него, как на того, кто озвучил прописную истину.

— Так уж вышло, — вздохнув, произнесла она. — Должна была поехать вся семья, но остальные задержались.

— И нельзя было подождать? — спросил Къярт. — Что на том конце дороги?

— Старое святилище, — сначала Вильма удивилась его незнанию, но затем понимающе кивнула. — Ну да, вы же не местные. Откуда будете?

— Из Эшсена, — ответил Райз.

Вильма присвистнула.

— И все это на гривах? Неблизкий путь, — сказала она и о чем-то задумалась. — Да, подождать нельзя было, — фраза прозвучала так, словно Вильма и сама только пришла к этому заключению. — Есть обычаи, которые нужно чтить.

— Главное не быть съеденными в процессе, — хмыкнул Райз.

— Это не главное. Где-то второе по важности.

Среди деревьев мелькнула черная тень, и Райз в последний момент успел встать между Вильмой и выскочившим из темноты Клыком. Его шерсть была всклочена, а пасть и

передние лапы — еще больше в крови, чем у Когтя.

— Даже не вздумай, — предупредил Райз, глядя гриву в глаза.

Тот посмотрел на Вильму, снова на Райза, и шумно выдохнул тому в лицо. Несколько капель не успевшей засохнуть крови жарким гривым дыханием бросило на щеки и лоб.

— Вот же гад.

Райз вытер лицо и покосился на Къярта — всего на мгновение ему показалось, что тот ухмыльнулся. Но парень сохранял абсолютно безразличное ко всему спокойствие.

— Давай, нечего на нее смотреть, разворачивайся, — Райз поймал разорванный повод каким-то чудом не слетевшей уздечки. Седло, хоть и съехавшее на бок и испачканное в крови, тоже было на месте.

Оказавшись на спине Клыка, Райз протянул Вильме руку.

— Э, нет, я на это чудище не полезу, — та отрицательно покачала головой и даже отступила на шаг; посмотрела на Къярта и что-то вынюхивающего в траве Когтя. — Лучше с ним.

Возражать никто не стал.

Седла не предназначались для двоих, да и Коготь не выразил восторга по поводу второго наездника, так что припустить во весь опор не вышло. Но верхом всяко было быстрее, чем пешком.

Выбравшись из леса, они сперва вернулись к стоянке, где Райз забрал глефу — слишком ценную вещь, чтобы оставлять вот так валяться, пусть вокруг и не было других желающих насладиться вечерней прогулкой. Никто не ожидал особой пользы от оружия ближнего боя, пусть оно и могло разрушать печати некромантов, но глефа пришлось Райзу по вкусу, и потерять по глупости такую игрушку не хотелось.

— Так что в том Святилище? — спросил Райз, когда гривы потрусили на юг.

— Останки исполина. Его голова, по большей части.

— А все остальное?

— Предположительно под землей. Когда-то давно его пытались раскопать, но наткнулись на камень и в итоге бросили эту затею.

— И к нему обязательно было нужно явиться посреди ночи?

Вильма помедлила с ответом, прекрасно понимая, как он прозвучит.

— Наша семья много путешествует. А на дорогах нынче не так спокойно, как прежде. И зачастую только исполинье благословение нас и спасает.

— Сегодня оно тебе особенно «помогло», — Райзу пришлось постараться, чтобы ирония в его интонациях не была совсем уж откровенной.

— Да, сегодня особенно, — Вильма не дала себя обескуражить. — Какова была вероятность того, что в подобной глуши именно в этот момент появятся два парня из Эшена на гривах? Не удивлюсь, если именно воля исполина и привела вас сюда.

Райз кашлянул и оставил при себе замечание, что если кого и следует благодарить за их присутствие, так это Орду.

Они не проехали и половины пути в указанном Вильмой направлении, когда на вершине холма впереди появились четыре всадника с факелами.

— Неужели, — пробормотала женщина и попросила Къярта остановиться.

Клык облизнулся и переступил с ноги на ногу.

— Да тебя же разорвет, — Райз натянул повод и развернул грива боком к приближающимся всадникам.

— Вильма! — крикнул вырвавшийся вперед.

Он придержал коня в паре десятков метров от гривов. Неровный свет факела обрисовал загорелое щетинистое лицо с крепкой челюстью и живые, полные беспокойства, глаза.

Его спутники остановились рядом. Двое из них были одного с ним возраста, тогда как третий, рыжеволосый, совсем еще парнишка, выглядел младше Къярта.

Вильма спустилась на землю и направилась к ним.

— Вильма, ты в порядке? — мужчина перекинул поводья долговязому с добродушным лицом, и соскочил с коня. — Где твоя лошадь?

— Сожрали.

Он поймал ее за руку и с неприязнью посмотрел на гривов и их всадников.

— Не они, Под! Ну, в смысле, не совсем они. А, чтоб тебя, где вас носило? — сдавленно прошипела женщина.

— Ты должна была дождаться нас, — сдержанно произнес он.

— Я должна была?! — вокруг Вильмы вспыхнуло бледно-алое облако, но женщина сразу взяла себя в руки. — Поговорим об этом дома.

— Кто такие будете? — подал голос один из всадников, откровенно разбойничьей наружности: посередине гладко выбритой головы стоял торчком узкий гребень коротких волос, а взгляд, казалось, только и искал повод для драки.

— Они помогли разобраться со стаей квургов.

— Что, правда что ли? — бритоголовый недоверчиво изогнул бровь.

— Нет, я на ходу сочиняю, Хаук, — огрызнулась Вильма.

— Ладно, ладно, чего ты заводишься сразу? — он тут же сдал назад.

— Вы тоже посещали святилище? — поинтересовался долговязый.

— Нет, слышали выстрелы, когда были неподалеку, и решили посмотреть, что за шум, — Райз дернул повод, когда Клык попытался развернуться в сторону чужаков.

— Спасибо, парни, даже не знаю, как вас отблагодарить, — прижимая к себе Вильму, Под обернулся к долговязому: — Офрен, кинь кошель.

Тот потянулся к поясу, но Райз остановил его:

— Это лишнее. Лучше лошадь новую купите.

Под кивнул.

— Наша деревня за этим холмом. Загляните завтра, хоть угостим вас кисленкой.

— Спасибо, но мы с рассветом в дорогу, так что не в этот раз, — Райз улыбнулся.

— Ну, будет на то исполинье благословение, еще свидимся.

— Да, исполинье благословение, — прошипела Вильма, вонзив ногти в руку Пода.

— Что ж, наше дело здесь сделано, оставляем даму на ваше попечение, — Райз двинул пятками упирающегося Клыка.

— Еще раз спасибо! — крикнул им вслед Под.

Они возвращались к месту ночлега в молчании. Вокруг Къярта стоял кристально чистый воздух, и даже от энергии духа гривов остались едва заметные искорки не различного оттенка.

— Сначала Стев со своими зайцами, теперь эта женщина, любящая ночные прогулки, — произнес Къярт, расседывая Когтя. — Мне начинает казаться, что местное население вымрет и без участия Орды.

— Тебя это удручает?

— Да. Наверное. Не знаю, — Къярт тряхнул волосами. — Почему люди этого мира,

будучи настолько хрупкими, упорно лезут в неприятности?

— Не только этого, — Райз усмехнулся. — Иногда у них нет иного выбора. Иногда это способ почувствовать себя по-настоящему живым. А иногда они просто идиоты.

Эта ночь, как и предыдущая, не обошлась без кошмаров. Райз снова проснулся от сдавленного крика Къярта, а тот снова извинялся и тер затылок, где находилась метка привязки Ашши. Но они оба были слишком измотаны прошедшим днем, так что в этот раз обошлось без полуночных бесед и чая. Райз без лишних слов прогнал сизо-стальную дымку, и Къярт вскоре уснул вновь.

Мечтаниям Райза вымыть гривов по пути в Руферон было суждено остаться мечтами: на их пути так и не попало ничего кроме пересохших ручьев, в которых было даже не наполнить бурдюки.

К полудню лес остался позади, зачастили небольшие деревеньки. Райз с Къяртом объезжали их стороной, провожаемые взглядами жителей, вышедших на поля, что теперь тянулись до самого горизонта, разделенные на клетки темными линиями посадок. Репейник под лапами гривов сменился на грунтовую дорогу.

Райз убедился, что стоит потерпеть вздорный нрав Клыка, уже только ради крыш Руферона, блеснувших впереди, когда солнце едва коснулось горизонта. Ни одна лошадь не выдержала бы подобного спринта от рассвета и до заката несколько дней к ряду. Гривы же лишь постоянно принохивались, мечтая об ужине, и изредка фыркали, когда в нос попадало слишком много пыли.

С приближением к городу пришлось снизить темп. На грунтовой дороге, вскоре перешедшей в брусчатку, все чаще стали встречаться медленно ползущие телеги и возвращающиеся с полей загорелые люди. Все чаще приходилось одергивать Клыка — всякий раз, когда они проезжали мимо аппетитной по мнению того лошади.

В обе стороны от дороги выросли дома поистине бесконечных окрестностей. «Город сотни деревень» — так его называли с последней, Третьей Великой Войны исполинов. Руферон постоянно разрастался вширь, поглощал деревушку за деревушкой, превращаясь в гигантскую деревню с покатыми крышами и звоном колоколов, что созывали жителей со всей округи на вечерние службы в многочисленных святилищах.

Дорога раздалась в стороны, но менее людной от этого не стала. Райзу с трудом представлялось, как жители домов, вплотную стоящих вдоль тракта, выносят стоящий на том шум. Но местные, вместо того, чтобы жаловаться на неудобства, извлекали из ситуации максимум выгоды. Прямо под воротами жилых домов расположились прилавки с выставленными на них ведрами, доверху забитыми овощами и фруктами; горластая женщина предлагала купить плетеные корзинки по цене, которой не найти нигде в Руфероне; ее тщетно пытался перекричать мужик, зазывающий проезжающих в свою кузню.

С приближением гривов голоса становились тише или и вовсе смолкали, а женщины, оказавшиеся на улице с детьми, прятали тех за спину. Но стоило чужакам проехать мимо, и улица снова оживала.

— Не любишь города? — Райз обратил внимание на то, что чем ближе они подъезжали к стене Руферона, тем плотнее становилась вокруг Къярта серая взвесь. Клык и Коготь шли плечом к плечу, и Райз буквально на собственной шкуре ощущал тлетворное влияние энергии.

— Последний визит завершился не лучшим образом.

— Опять ты сгущаешь краски.

— Ты спросил — я ответил, — Къярт безразлично пожал плечами.

Им пришлось остановиться, когда до распахнутых настежь ворот оставалось рукой подать. Вход в город преграждала стража, чьи белоснежные мундиры выглядели яркими пятнами даже в сгущающихся сумерках. Два человека стояло в арке ворот, еще двое разговаривало с мужчиной держащим на цепи козу — первым из длинной очереди

желающих войти или въехать в Руферон.

— Так и должно быть? — поинтересовался Райз у Къярта, ссылаясь на знания, что тот получил вместе с призывом Ашши.

Къярт отрицательно покачал головой.

— Ясное дело, что нет, — ворчливо бросил мужик, занятый починкой щеколды на телеге с овцами. — Но разве паладинов это заботит? Засранцы творят, что им вздумается.

— Они закрыли въезд в город? — Райз натянул левый повод Клыка, чтобы тот перестал пялиться на овец, сбившихся в кучу у дальней стенки подводы.

Мужик бросил попытки вправить задвижку без инструментов и, обернувшись, едва не подпрыгнул от неожиданности.

— Здоровый зверь, — он натянуто улыбнулся и попятился. — Да, закрыли, — ответил он, когда счел, что отошел на достаточно безопасное расстояние. — Для некромантов.

Мужик хохотнул, а Райз с Къяртом переглянулись. Коготь, выбравший более хитрую тактику, чем его брат, принюхивался к телеге, а его лапа зависла в воздухе, пока тот выбирал удобный момент, чтобы сделать шаг, на который никто не обратит внимания.

— Ясное дело, что завидев их, любой некромант решит попытаться удачи и проскользнуть внутрь, а не уберется восвояси, — каждое слово так и сочилось сарказмом. — Даже не знаю, кого они надеются поймать.

— И как давно поставили на въезде пост?

— Да еще с начала лета. Мол, в соседних землях все чаще стали объявляться некроманты. Ага, как же. Они только и думают о том, как же им припереться в Руферон, — мужик сплюнул на землю. — Паладинам лишь бы народ стращать. Только подумать: не чьи-то там, а наши же налоги идут на то, чтобы мы торчали здесь до посинения.

Райз окинул взглядом очередь перед воротами — по меньшей мере два десятка телег и еще больше людей, пришедших на своих двоих. Покосился на Когтя и в очередной раз одернул Клыка, едва ли не пританцовывающего задними лапами.

— Давай-ка за мной, — сказал он Къярту и толкнул грива вперед, в объезд ожидающих проверки людей.

— Эй, самые умные что ли?! Ждите, как все! — возмутился мужик, и его окрик привлек внимание тех, кто стоял впереди него. В чужаков уткнулись, точно ржавые копыя, усталые и недовольные взгляды.

— Да, давай подождем, пока мой грив сожрет твоих овец, — Райз едва ослабил повод, и Клык, облизнувшись, потянулся к телеге. Мужик вжался в борт; застучали по дереву копыта испуганно блеющих овец. — Или тебя.

Райз снова собрал повод и двинул Клыка пятками. Тот недовольно рыкнул и затрусил мимо хранящей угрюмое молчание очереди.

Они остановились немного поодаль, дожидаться, пока пропустят женщину с оравой дергающих ее за рукава детей, но один из проверяющих сразу же оставил своего напарника и направился к ним. Военная выправка читалась не только в каждом его движении, но и во взгляде. Что бы там местные не думали о паладинах, последние не походили на сборище дилетантов.

— Прошу прощения, но согласно указу наместника Руферона гривам вход в город запрещен, — отчеканил мужчина. — Вы можете оставить их в ближайшем стойле.

— И где оно?

— Уверен, вам подскажут.

Паладин кивком указал на уже спешащего к ним коренастого мужичка. Следом за ним, с отрывом в пару десятков метров бежал еще один, сухощавый, придерживающий рукой шляпу, чтобы она не слетела в пыль.

Толстяк добрался до финишной черты первым, остановился на почтительном расстоянии от гринов и изобразил легкий поклон.

— Гримли Лих к вашим услугам, — пытаюсь одновременно отдышаться и передать мысль, выдохнул он. — Я сопровожу вас в лучшее стойло в этих землях. Даже в Коуфладе вам не предложат...

— Позвольте представиться: Месин Интрад, — перебил его остановившийся рядом мужчина со шляпой. — В моих стойлах вы найдете...

— Не видишь, что я уже здесь? — рыкнул на него Гримли.

— А ты не видишь, что гринов двое? — парировал Месин. — Один твой, один мой — таков был уговор.

— Кхм, кхм, — прервал перепалку Райз, — вы что-то путаете. Этот грив — мой, а этот — его, — он указал взглядом сначала на Клыка, а затем на Когтя с Кьяртом. — И останутся они там, где мы решим. Господин Гримли, будьте так любезны, покажите дорогу к вашим стойлам.

— Конечно, следуйте за мной, уважаемые! — толстяк просиял, одернул полы пиджака и с видом абсолютного победителя прошагал мимо проглотившего язык Месина.

На дороге, идущей вдоль городской стены, как нигде прежде пахло навозом. Гривы же чуяли в воздухе не только запах испражнений, но и тех, кто их оставил, и то и дело фыркали, недовольные необходимостью тащиться куда-то мимо того, чтобы поужинать в ближайшем же дворе.

— У вас здесь нешуточная конкуренция, — заметил Райз.

— Даже не говорите, — вздохнул Гримли. — В последние годы знать почти не держит гринов — все им автомобили подавай — а запрет на содержание гринов в городе и вовсе разорил почти все стойла. Остались мои, Интрада и еще одно, у въезда с другой стороны, но на него без слез и не взглянешь — я бы там даже свинью не оставил ночевать. По правде сказать, Интрад тоже мог бы получше заботиться о...

— Почему запретили держать гринов в городе? — особого желания слушать, как хаят конкурентов, у Райза не было.

— Всему виной безответственное содержание, — так легко Гримли было не взять. — Я несколько лет пытался продвинуть в ратуше свод строгих правил касательно условий размещения и питания: толщина и закалка металла, оптимальная конструкция замков, график кормления и состав...

— Нельзя ли ближе к теме?

— У одного недотепы сбежало три грива. Устроили между собой драку, заодно и горожан сожрали немало. Они и раньше сбежали — не у него, у других. Дело привычное: люди повозмущаются, повозмущаются, да и успокоятся. Но в последний раз стража сплеховала, и, чтобы усмирить гринов, пришлось обращаться к паладинам. А они ребята серьезные, проблему решили, так сказать, локально и глобально.

— А с гривами что?

— Убили, ясное дело. Жалко, конечно, зверь-то хороший. Из-за человеческой глупости — такие убытки, — Гримли загривком почувствовал скептический взгляд Райза. — Вам не о чем беспокоиться! Еще мой пра-пра-прадед занимался содержанием и разведением гринов.

Можете быть уверены в их абсолютной сохранности. Когда пришлось перенести стойла из города за стену, я не стал упускать возможность и полностью перестроил их — за основу взяты чертежи лучших круговых гривых стойл! Новейшая система затворов, обеспечивающая безопасный вывод и заведение в денник, дренажная система, возможность выгула в центральной части, а при составлении рациона я учел наработки шести поколений моей семьи...

Райз поднял взгляд к небу, гадая, надоеет ли Гримли когда-нибудь болтать.

Тому не надоело даже когда они добрались до круглого ангара, в котором и располагались стойла. Строение держалось особняком, разделив улицу на «до» и «после». До домов, отгородившихся от стойл высокими изгородями, была по меньшей мере сотня метров. У самого же ангара даже намек не было на забор.

— А какой смысл? Если гривы выберутся из клеток, их никакая стена не остановит. Но вы даже не беспокойтесь, я установил несколько степеней контроля, и даже самый хитрый грив...

Райз снова отодвинул болтовню Гримли на задний план.

Стойла и правда были построены вкруговую. Внутри пахло свежими опилками, а в клетках с прутьями, больше похожими на столбы, поверх крупной гальки аккуратными кучами лежала солома. Пространство между клетками заложили кладкой в два кирпича так, чтобы соседствующие гривы не могли увидеть друг друга, а дальняя стенка, по всей видимости выходящая в зону для выгула, что располагалась в центре кольца из клеток, была закрыта цельными металлическими пластинами, к которым с потолка тянулись поднимающие их цепи.

— Обычно за одни сутки я беру двадцать два фракса, но за двоих сразу пусть будет по двадцать за грива. Отличная цена, да? — Гримли широко улыбнулся. — Надолго вы в Руферон?

— Три дня точно, а там будет видно, — Райз покосился на Когтя.

Как только Къярт расседлал и запустил грива в клетку, спина того тут же провисла, хвосты опустились, а сам он с трагичным видом стал грызть один из прутьев. Клык же в это время наворачивал по соседней клетке круги и разрывал щебень.

Райз не знал, как по мнению Гримли гривам должна была помочь зона выгула, диаметр которой вряд ли превышал пятьдесят метров. Так что скорее всего, помимо решения прочих вопросов, им придется выделять время и на прогулку по окрестностям Руферона.

— Оплата вперед, — улыбка Гримли стала еще шире.

— Вы не предоставите никаких документов о размещении гривов? — спросил Къярт, когда Райз протянул хозяину стойла деньги за три дня.

— Зачем? — удивился толстяк. — Мне их за свой счет кормить не сильно охота — как пожелаете, так сразу и заберете. А если боитесь, что за ними придет кто другой — так тут радоваться надо. Мне так точно. Сэкономлю на кормежке. Гривы ой как жалуют человечину.

Гримли зашелся хохотом. Переглянувшись, Райз с Къяртом подобрали разложенные на полу вещи. Гривья сбруя оставалась на хранении в шкафчиках у противоположной от клеток стены, а вот винтовки и прочий скарб бросать здесь точно не стоило.

— Совсем забыл! — Гримли хлопнул себя ладонью по лбу. — Стойла Гримли Лиха предлагают лучшие условия не только для гривов, но и для их хозяев! — он отчеканил фразу в самую пору для рекламной брошюры. — Я понимаю, какие неудобства у уважаемых гостей вызывает перенос стойл из города, поэтому в стоимость содержания гривов при размещении

от двух дней и больше включен экипаж, который доставит вас в любую точку Руферона. Он ожидает вас снаружи!

Экипаж с открытым верхом и правда уже стоял у ворот ангара (и когда только Гримли успел за ним послать?). После гривов серая с яблоками лошадь запряженная в одноосную коляску казалась крошечной. Сидящий на козлах опрятного вида старик приветственно поднял шляпу.

— Куда желаете?

— В ближайшую к отделению паладинов гостиницу.

Старик кивнул, и коляска тронулась с места.

Гримли остался позади, и в воцарившейся тишине больше ничего не отвлекало Райза от размышлений. Появляющиеся вокруг Къярта бледно-голубые лоскутки опасения сообщили, что парень думает о том же, о чем и он.

Еще перед тем, как покинуть поместье Фелиса, Райз задался вопросом, насколько парню рискованно приближаться к паладинам. Но Ашша хорошо потрудились над его телом: на каждую кость были нанесены печати, которые скрывали силу некроманта. Девушка предполагала, что однажды, когда печатей-привязок станет слишком много, особо талантливые паладины смогут почувствовать их, но речь шла даже не о десятках призванных, и, возможно, даже не о сотнях, так что об этом было рано беспокоиться.

То, что паладин ничего не заподозрил в их первый короткий разговор, обнадеживало, но Райз сомневался, что непосредственная проверка обойдется простой беседой. Его ладонь покоилась на эфесе одного из клинков, а вокруг собирались облака энергии духа — на случай, если все пойдет плохо и понадобится срочно ретироваться. Пока что Райз не мог похвастаться своим арсеналом способностей, и по большей части рассчитывал на клинок и револьвер: паладины были вполне себе смертными людьми, которых можно было ранить так же легко, как и всех остальных. Главное — успеть сделать это до того, как они призовут броню.

Коляска остановилась в начале очереди. Теперь, когда рядом не было гривов, люди снова недовольно зашептались, возмущаясь тем, что зарвавшаяся знать в очередной раз плюет на общий порядок. Но когда двое паладинов, закончив с текущей проверкой, направились в их сторону, люди умолкли: спорить с бойцами Братства желающих не нашлось.

— Я попрошу вас спуститься, — сказал паладин, говоривший с ними в прошлый раз. Его напарник остался стоять в паре метров от него.

— И меня? — поинтересовался кучер, пока Райз с Къяртом выбирались из коляски. Глефу пришлось оставить на сиденье, так что теперь под рукой был только револьвер.

— Да.

— Серьезно, парни, вам совсем не жалко моих костей? Вы меня уже трижды проверяли, и это только сегодня.

— Никаких исключений, — паладин оставался непреклонен.

— Ладно, ладно.

Кряхтя, старик слез с козел на землю и выставил перед собой руку еще до того, как паладин произнес:

— Вашу руку, пожалуйста.

Паладин крепко сжал ладонь старика, постоял так несколько секунд и удовлетворенно кивнул головой.

— Все хорошо, — он повернулся к Райзу и протянул ему руку. — Вашу руку, пожалуйста.

Расклад выходил так себе. Даже если они и не почувствуют, что Къярт — некромант, оставался еще вопрос, сможет ли тот сдержатъ силу, вытягивающую жизнь.

— Предлагаете мне пожать вам руку после всех этих деревенщин?

Райз бросил брезгливый взгляд в сторону очереди. Попытка не пытка, а родовой лист с именем Енкарты давал право на некоторую наглость, пусть Райз пока что и не знал, где проходят ее границы.

Паладин одарил его тяжелым и несколько уставшим взглядом, посмотрел на забравшегося на козлы кучера.

— Кисленка? — спросил он, указав на горлышко фляги, выглядывающее из-под пиджака старика.

Тот засуетился, но поняв, что прятать что-либо поздно, вздохнул и заискивающе улыбнулся.

— Обижаете. Коуфладская настойка. На липе.

— Позволите?

Старик послушно отдал потертую флягу.

Паладин открутил крышку, демонстративно плеснул настойку на руку, тщательно потер ладони друг о друга и вновь протянул руку Райзу.

— Вашу руку, пожалуйста, — тем же ровным тоном повторил он.

Райз улыбнулся и сжал ладонь паладина. На удивление, за все время вокруг того не появилось и капли алого, будто бы он давно уже привык к выходкам и капризам высшего сословия.

Рукопожатие было самым обычным, разве что влажным и немного липким от растворенного в настойке сахара. Райз ничего не почувствовал, но это не значило, что ничего не почувствовал бы и некромант.

Паладин кивнул и отпустил его руку. Пришел черед Къярта.

— Снимите перчатку, пожалуйста.

Къярт даже не замешкался, выполняя просьбу. Он оставался совершенно спокоен, тогда как пространство вокруг него все больше наливалось бледной синевой.

Паладин сжимал его ладонь дольше, чем ладонь кучера или Райза. Или же так показалось последнему. Но вот последовал долгожданный кивок, и Райз мысленно выдохнул.

— Все в порядке. Вы можете въехать в город.

Они вернулись в экипаж, и тот покати́л в сторону ворот.

В опустившихся на город сумерках сложно было составить объективное мнение, но с первого взгляда Руферон и правда походил на одну огромную деревню: двухэтажные дома, с вывешенными прямо под окнами веревками с исподним и чулками, с которых капала вода; уходящие вдаль от центральной дороги улочки, по которым на пару с чумазой детворой носились куры; сидящие на лавочках у дома в одних халатах усталые хозяйки. Однако по мере отдаления от окраин, дома становились опрятнее и солиднее, над вторым этажом вырос третий, а первый заняли лавки и мастерские. Вместо сохнувшего белья на подоконниках появились кадки с цветами, а гогочущие гуси сменились ранними гуляками, уже успевшими опустошить пару бутылок кисленки в кабаках, обвешанных, как гирляндами, небольшими масляными лампами.

Улица больше не шла сплошным полотном, на котором люди смешались с экипажами и телегами. По обе стороны дороги протянулись тротуары, то тут то там виднелись закрытые грубыми решетками стоки канализации, и один раз на глаза даже попался автомобиль, который Райз скорее назвал бы повозкой без коня, чем машиной. Но все же это был автомобиль, дымящий и грохочущий даже больше, чем ворота особняка, на территорию которого он въезжал.

— Еще немного, и лошадей выгонят из Руферона так же, как и гривов, — пожаловался старик-кучер, грустным взглядом провожая чудо инженерии.

В его годы ему точно было не разобраться с заумным устройством, даже если кто-то и согласился бы взять его к себе извозчиком. Но Райз был уверен, что на век старика хватит и лошадей, и старых добрых колясок без паровых двигателей.

Ему начало казаться, что они доберутся к месту не раньше утра, когда коляска остановилась на краю дороги, разделенной на две части тенистой аллеей. По правую руку возвышалось трехэтажное здание, кажущееся гигантом на фоне остальных. И хоть стоящие рядом дома отнюдь не походили на жилища бедняков, их три этажа были куда ниже трех этажей гостиницы. Свет с умом расположенных ламп резкими штрихами очерчивал скульптуры гигантов на стенах, добавлял им длинных теней, отчего те казались еще величественнее.

— Пожалуйста, ближайшая к отделению Братства гостиница. Этому самому Братству, между прочим, и принадлежащая, — старик натянул вежливую улыбку, но она не смогла скрасить его кислый тон.

— Спасибо, — Райз протянул старику один фракс, но тот лишь замотал головой.

— Нет, нет, господин Лих все оплачивает.

— И коуфладскую настойку тоже? — Райз усмехнулся и, не дожидаясь ответа старика, оставил фракс рядом с ним на сиденье.

Когда коляска уехала, Къарт посмотрел на горящий в окнах гостиницы свет.

— Уверен, что нам стоит останавливаться в гостинице паладинов? — спросил он.

— А нам разве есть, что скрывать? — хмыкнул Райз и первым направился к пролету ступеней из белого мрамора.

За двойными дверями, украшенными коваными цветами, расположился просторный холл с шестью колоннами. Играла тихая, ненавязчивая музыка. Витающий в воздухе аромат дорогих духов и новой кожи выдернул на поверхность воспоминания из тех времен, когда Райз был еще совсем мальчишкой. Мелочь, но одного вдоха было достаточно, чтобы он вспомнил полумрак автомобиля, в котором пахло почти так же, и огни небоскребов Республики, пронсящих за окном. Правда, с каждым последующим вдохом Райз находил все больше различий, и когда к ним поспешила администратор, до этого стоявшая за стойкой в конце помещения, он и вовсе не понимал, как его сознание умудрилось найти схожесть между салоном электромобиля и холлом гостиницы в мире, которому было еще шагать и шагать до технологического развития Республики.

Они направились навстречу администратору, отчего та только прибавила шаг, будто бы ее целью было не поприветствовать поздних клиентов, а предотвратить их вторжение. С каждым шагом Райз ловил на себе все больше взглядов постояльцев. До этого отдыхающие в креслах по обе стороны холла, кто с книгой, а кто за настольной игрой с товарищами, они обращали свое внимание на чужаков неохотно, будто бы те дерзко, бессовестно потревожили их покой. Райз успел отметить среди них и несколько паладинов, когда они наконец

поравнялись с вышедшей им навстречу женщиной.

— Прошу прощения, но мы предоставляем апартаменты только членам Братства и представителям высшего сословия Афракского союза.

Женщина поправила очки, и в этом ее жесте Райз рассмотрел попытку скрыть недовольно наморщенный нос.

Райз понимающе улыбнулся. Видок у них был еще тот — еще бы он не был, после трех дней пути верхом, с ночевками посреди поля и без возможности толком помыться. Гривов уже давно не было рядом, а он все равно чувствовал их запах, хотя должен был бы и привыкнуть к нему, за столько-то времени.

— И сколько же стоят ваши апартаменты?

— Восемнадцать фраксов за ночь для..., — она начала заученную до автоматизма фразу, но быстро одернула себя. — Простите, но вы не можете...

— Восемнадцать? Даже меньше, чем мы заплатили за гривов. Надеюсь, это не значит, что ваши комнаты хуже гривьих стойл?

— Простите? — администратор растерянно нахмурила брови и на всякий случай вновь окинула гостей с ног до головы оценивающим взглядом.

— Комнаты для гривов — двадцать фраксов за голову, комнаты для нас — восемнадцать, — терпеливо пояснил Райз. — Советуете поискать ночлег с более подходящими условиями?

— Я могу попросить ваш родовой лист? — стусевалась она.

— Конечно.

Райз выудил из нагрудного кармана листок и протянул женщине. Развернув бумагу, она пробежалась по ней глазами, и в ее поджатых губах выразилась вся боль мироздания.

— Простите, пожалуйста, за это недоразумение, — пробормотала администратор, вернув документ. — Господин Енкарта и..., — она перевела взгляд на Къярта, не ставшего рыться в сумке, на дне которой среди страниц сборника печатей лежал его родовой лист.

— И господин Енкарта, — с улыбкой ответил за него Райз.

— И господин Енкарта, — вяло повторила администратор. — Мы будем рады обеспечивать ваш комфорт столько, сколько вы пожелаете остаться с нами. К сожалению, в данный момент свободна только одна комната, но...

— Стоило с этого и начать, а не проявлять верх гостеприимства.

— Простите, пожалуйста. Это наши лучшие покои, уверена, они полностью удовлетворят ваши...

— Но нас же двое. Значит нужны две комнаты. Или в ваших лучших покоях две кровати?

— Нет, но там есть большая софа и личная ванная комната, — женщина окончательно спала с лица. — В этих покоях останавливался глава Коуфладского отделения...

— И все за восемнадцать фраксов? — с улыбкой поинтересовался Райз.

— Нет, разумеется. Это наши лучшие покои, их цена — тридцать пять.

— Что ж, звучит лучше, чем гривьи стойла. Что думаешь? — он посмотрел на Къярта, на что тот безразлично пожал плечами. — Значит, посмотрим на ваши лучшие покои.

— Прекрасно, пройдемте, пожалуйста, за мной.

Администратор вернулась за стойку и принялась листать страницы внушительных размеров гроссбуха. Отыскав нужный раздел, она макнула перо в чернила и замерла, так и не начав вносить запись.

— Оу, — она отложила перо и перевернула страницу, что-то проверяя. — Господин

Енкарта уже останавливался у нас. Не вы, а ваш... — она осеклась, проверила еще несколько записей и, наконец, вернулась в конец списка прошлых постояльцев. — Господин Райз Айзлен Енкарта, верно? — перо закрипело по странице. — Для вас покои буду стоить тридцать фраксов. Как долго вы планируете оставаться у нас?

— Не меньше трех дней, но точный срок назвать не могу.

— Тогда я поставлю открытую дату. Желаете оплатить лично или мне востребовать необходимую сумму с указанной записи в банке?

— Лично, — Райз улыбнулся, про себя гадая, о какой еще записи идет речь. Бледно желтые нити вокруг Къярта свидетельствовали, что тот точно так же не имеет ни малейшего понятия ни о каких записях.

— Нет, нет, в этом нет необходимости, — торопливо произнесла женщина, когда Райз потянулся за бумажником. — Вся оплата в день выезда.

— А если мы задержимся здесь на несколько месяцев? — Райз едва приподнял бровь.

— Для гостевого дома Братства будет честью обеспечивать ваш комфорт столь долгое время, — администратор натянула на лицо свою лучшую улыбку и достала из шухлядки ключ. — Прошу, следуйте за мной.

Ковры, которыми были застелены, как лестница, так и коридор третьего этажа, скрадывали шаги. На идеально выбеленных стенах не висело картин, только настенные светильники, чей теплый свет подчеркивал золотистую полосу, тянущуюся вместо галтели. После размаха холла коридор казался воистину аскетичным.

Администратор поднялась на третий этаж и, пройдя всего несколько метров, остановилась у первой же двери.

— Во сколько подать завтрак? — спросила она, поворачивая ключ в замочной скважине.

— В восемь будет в самый раз, — Райз посмотрел на часы. До полночи оставалось менее двух часов.

— Прошу, — женщина открыла дверь и отошла в сторону, пропуская гостей.

Покои, похоже, и впрямь были лучшими — во всяком случае однозначно лучше гривьих стоил. Прямо напротив двери располагалось огромное окно-арка, рядом с ним — круглый столик и три глубоких кресла; по правую руку — громоздкая кровать с балдахином — совсем как в доме Фелиса, так что Райза даже посетила мысль, не пришла ли тому идея, как обставить комнаты, как раз после посещения гостиницы Братства. Обещанная софа стояла рядом с чернеющей пастью камина, вымощенного белым камнем, тогда как стены от пола и до потолка были обшиты деревом.

— Я могу быть еще чем-то полезна? — администратор с услужливым видом застыла в дверях.

— Вы предоставляете услуги прачечной?

— Все, что пожелаете.

— Отлично. После завтрака мы хотим посетить отделение Братства, так что..., — Райз улыбнулся и развел руками.

Заявиться в таком виде в отделение было бы слишком, а комплект сменной одежды вряд ли мог похвастаться лучшим состоянием. И даже если от него и не несло за километр гривьей шкурой, то трехдневное путешествие в седельных сумках точно не прибавило ему представительности.

— Конечно. К утру все будет готово. Я распоряджусь, чтобы горничная принесла еще

один комплект постельного белья, — администратор взглядом указала на софу, — и забрала ваши вещи. Через час?

— Через час.

— Тогда желаю вам приятного пребывания под крышей гостиного дома Братства, и простите еще раз за произошедшее недоразумение.

Райз кивнул, и женщина, оставив ключ в замочной скважине, закрыла дверь с обратной стороны.

Райз еще раз осмотрел доставшиеся им апартаменты, заметил ведущую в ванную комнату дверь и статую, по всей видимости, исполина, держащего над головой шар — такую же, как и та, что украшала фонтан в поместье Фелиса, только в полный рост.

— Тебе обязательно так себя вести? — спросил Къарт, разуваясь. В центре комнаты лежала белоснежная мохнатая шкура, и топтать ее в обуви было бы кощунством.

— Как так?

— Вызывающе. Сначала во время проверки на въезде в город, потом здесь.

Райз хмыкнул.

— Хочу понять, как много нам дают бумажки, оставленные Фелисом.

— Не проще ли спросить это у него самого?

— Это ты мне скажи.

Они обменялись долгими взглядами. Къарт и правда заметно остыл. Упоминание некроманта зародило вокруг того всего пару едва заметных розовых огоньков, но и те растворились, не прошло и минуты.

— К тому же, — продолжил Райз, — чем больше все вокруг смотрят на меня, тем меньше замечают тебя. Нам же не нужно привлекать к тебе лишнее внимание?

— Не слишком ли топорно?

Райз пожал плечами.

— С друидами работало. С людьми у меня, конечно, опыта поменьше будет, но дай мне немного времени набить руку.

— Будешь и дальше набивать ее на женщинах?

— Только если они будут давать повод. Не стоит судить о ком-либо по его виду, даже не разобравшись, что за ним скрыто. Удивительно, что эта простая истина обошла ее стороной. Но, быть может, этот урок в будущем уберет ее от куда больших проблем, чем общение со мной.

Райз добавил в последние слова каплю иронии, намекая, что дискуссию лучше закончить. Къарт не стал продолжать — вряд ли из-за интонаций Райза, скорее потому, что не видел смысла спорить, когда каждый из них четко дал понять, что останется при своем мнении.

Райз мог его понять: скорее всего на родине Къарта, как и в Республике, да и в Огнедоле, к женщинам относились более мягко, а порой даже попустительственно. Но Райз провел большую часть жизни среди друидов, где исповедовалось равенство каждого, и подобное умаляющее чье-либо достоинство поведение было неприемлемо.

Как и обещала администратор, горничная пришла ровно через час, минута в минуту. Когда она закончила застилать софу, Къарт все еще смывал с себя дорожную пыль, так что Райз сам отдал ей вещи и остался сидеть на широком подоконнике, закутавшись в плед. Надевать второй комплект вещей на грязное тело не хотелось.

Глядя в окно, он пытался понять собственные чувства. Разобраться в них было бы куда

проще, если бы он мог увидеть собственную энергию духа, но чем дальше, тем больше ему казалось, что он не видит ее потому, что ее нет — что ее не стало в ту же секунду, когда Фелис связал эту силу с его душой. Так что не оставалось ничего другого, как заниматься самокопанием по старинке.

Наверное, какая-то часть сознания пыталась представить, что вокруг один из городов Огнедола: может быть, Этварк или даже Берилон. Но даже тогда, когда Райз навсегда покинул свой мир, технологическое развитие Огнедола могло дать фору Афракскому союзу. Хотя меньше века назад в нем дела обстояли даже хуже, чем здесь сейчас.

— У тебя какая-то неприязнь к предназначенным для сидения местам? — Къарт появился на пороге ванной. Вода с мокрых волос капала на чистую, хоть и изрядно мятую, рубаху.

Райз посмотрел на стоящее у окна кресло.

— Привычка наверное. Не припоминаю, чтобы видел у друидов стулья, — он поднял на Къарта взгляд. — Уже закончил?

Тот кивнул.

В поместье Фелиса ванная комната все же была попросторнее, и выбор между ванной и душем имелся. Благо, в Руфероне была канализация и водопровод. Возможно, последний присутствовал только в центральных районах, но как дело обстояло с благами цивилизации на окраинах Райза не интересовало.

Когда он закончил с банными процедурами и вернулся в комнату, Къарт уже спал на софе. Райз потушил светильники, прогнал начавшую скапливаться вокруг парня сизую дымку и забрался в кровать. Если повезет, эта ночь обойдется без кошмаров.

Гигантской змее, что возвышалась над одной из площадей Руферона, полагалось внушать трепет. Наверняка, так и было, пока она не превратилась в отбеленный дождем и солнцем костяной остов. Хотя Райз не стал бы называть это существо змеей. Скорее змееподобной рептилией, с острыми, как бритва, шипами на голове и полной зубов пастью. В Третью Великую Войну она распахнула ее для укуса, и тогда ее голову пробил двадцатиметровый шип, служивший орудием одному из исполинов. Так они и остались стоять сквозь века: окаменевшие останки чудища Орды, убивший ее клинок и Руферон, разросшийся вокруг неопровержимого доказательства схватки двух гигантов.

Разместить отделение паладинов прямо на площади в тени змеи было символично. Этакое напоминание о том, для борьбы с кем существует Братство, и символ надежды, что даже подобные твари могут быть повержены.

Со скамеек, что стояли в тени берез на границе площади, открывался отличный вид на змею. Однако она интересовала Райза лишь первые десять минут — даже меньше, чем сверкающее на солнце отделение паладинов. В нем было всего два этажа, но они протянулись вдоль всей площади, и на пару с двумя корпусами и стеной отгородили обширную внутреннюю территорию, таким образом без слов давая понять, что влияния и средств у Братства достаточно, чтобы позволить себе размещать тренировочные полигоны прямо на бесценной земле в самом центре города.

Райз отмечал входящих и выходящих из главных дверей отделения, однако его куда больше интересовали суетящиеся вокруг горожане. Площадь вокруг остова змеи была девственно пуста, однако за окольцовывающей ее дорогой дома начинались не сразу: на широком тротуаре разместились многочисленные лотки торговцев, всюю расхваливающих свой товар проходящим мимо зевакам, наверняка приехавшим издалека. И кто бы мог подумать, что Руферон — по большей мере город фермеров — окажется еще и центром паломничества. Райз снова взглянул на отбрасывающую гигантскую тень пасть чудища. Тот, кто решил возвести Руферон вокруг него, точно об этом подумал.

Оставлять облюбованную скамейку было неохота. Если к виду полей и лесов под солнцем он уже успел немного привыкнуть, сбить оскому, то вид дневного города вызывал у него едва ли не восторг. Даже со всем его гамом и беспорядочной суетой, прохожими, одетыми вразнобой — кто в костюмы, кто в заношенные до дыр обноски — и не всегда приятными ароматами Руферон не позволял отвести от него глаз. И пусть Райз с радостью просидел бы без дела еще несколько часов, а потом пошел бы гулять по улицам, он помнил о своей задаче. Во всяком случае теперь у него было на один повод больше выполнить ее, как следует.

— Хочу пообщаться с нашим общим знакомым, — Райз положил руку на скамью ладонью вверх.

— Прямо здесь? — Къарт с сомнением посмотрел на него.

— Почему нет? Он все равно только в наших головах, а ты рядом, так что никто не решит, что я болтаю сам с собой.

Къарт не стал больше возражать, снял перчатку и коснулся мизинцем ладони Райза.

— Я погляжу, вы оба делаете успехи в освоении своих сил, — раздался над ухом голос Фелиса, а его ладонь опустилась на плечо Райза — вполне осязаемо опустилась.

Вокруг Къярта вспыхнули алые огни, когда вторая рука появившегося позади скамьи некроманта легла на его плечо. Райз ожидал, что тот дернется, разорвет установившуюся связь между разделенными половинками души, но тот выразил все свое отношение к происходящему лишь в напряженной челюсти и уставившимся в никуда взгляде.

— Что за запись в банке, Фелис? — Райз повернул голову, чтобы видеть ухмыляющееся лицо некроманта.

— Сюрприз, — тот расплылся в своем коронном оскале.

— И много еще нас ждет сюрпризов?

Пусть счет в банке и был приятным открытием, Райз не удивился бы, если бы за тем последовали куда менее хорошие новости.

— Ты так бессердечен в своей неблагодарности, — Фелис наигранно вздохнул и, убрав ладони с плечей Райза и Къярта, появился прямо перед ними. — Я трудился не покладая рук, чтобы вам не пришлось думать ни о чем, кроме вашего предназначения; чтобы вы могли окружить себя необходимым комфортом и уделять все свое время и силы только тому, что требуется для победы над Ордой. А ты даже «спасибо» не сказал. Я чувствую себя оскорбленным и недооцененным.

— Хватит сцен, Фелис. До своей смерти ты не вел себя, как ребенок, которому не хватает внимания.

— Это, наверное, потому, что у меня было двадцать четыре часа в сутках, а не несколько минут за три дня?

— Может и их не быть, — отрезал Райз и добавил, уже спокойнее: — И да, спасибо за твои старания.

— Пожалуйста, — Фелис изобразил добродушную улыбку и перевел плотоядный взгляд на Къярта.

— Не трожь его. Лучше расскажи, что ты знаешь об этом отделении паладинов. Ты, я так понимаю, и здесь успел приложить руку?

— Разумеется, — некромант сел на скамью с противоположной стороны от Къярта. — И раз мне дано всего пару минут времени, сообщу самое важное: вы и сами получите от них всю необходимую информацию, если сообщите о моей скоропостижной кончине. Последние десять лет я регулярно перечислял на их счет кругленькие суммы, так сказать, благотворительные взносы на упрочнение нашей защиты от Орды. Уверен, руководство отделения не захочет потерять подобный источник дохода. Но раз теперь имение и земли с виноградниками принадлежат вам — вам и принимать решение.

— Неплохо. А мы тебе приходимся...

— Бедными сиротками, которых я великодушно подобрал, отмыл, окружил заботой и которым оставил все имущество.

— Разве отсутствие кровного родства не испортит карты?

— Никого не волнует кровное родство, если у вас есть нужные родовые листы. А они у вас есть.

— Допустим. Что-то еще?

— Ничего, что имело бы значение в текущий момент.

— Что и когда имеет значение, решать буду я, — очередная тайна Фелиса была, как удар по уже отбитому пальцу.

— Решай, — Фелис хохотнул. — А я буду решать, что и когда говорить. Ты не можешь меня заставить.

— Отвечай на его вопрос, — холодно произнес Къярт.

— А я уж было решил, что ты разучился говорить, — Фелис поднялся со скамьи. — Но раз мне оказана такая честь, так и быть, отвечу. Сегодня вечером. Не вам же одним решать, когда мне давать слово.

— Фелис, — в голосе Къярта появились предупреждающие нотки.

— Ну что ты напрашиваешься, мальчишка, а? — с лица некроманта исчезла улыбка. — Мне велено тебя не трогать, а как не трогать, если ты все лезешь и лезешь, и...

Райз убрал руку, и Фелис исчез.

— Надоел, — будничным тоном пояснил он. — Что ж, самое время познакомиться с паладинами поближе.

К тому моменту, когда они подошли к главному входу, рядом с ним уже собрались желающие посетить отделение. В стороне от них с папкой в руках стоял паладин, который тут же подозвал к себе новоприбывших.

— Если желаете посетить наше отделение вместе с группой, необходимо внести ваши имена в список, — он постучал карандашом по приколотым к папке бумагам.

— Вообще-то мы рассчитывали на индивидуальный визит.

Слова Райза повеселили паладина, но тот никоим образом не выдал своих эмоций.

— Увы, подобное невозможно. Все наши силы направлены на защиту Коуфладских земель от порождений скверны, и мы можем выделить только одного человека для сопровождения граждан, желающих узнать историю нашей общей борьбы. Уверяю, даже при групповом посещении у вас будет возможность изучить все представленные экспонаты. Кроме того, если вы сделаете небольшой взнос всего в три фракса с каждого, по окончании экскурсии вы сможете пройти на территорию одного из тренировочных полигонов.

— У нас будет возможность увидеть вашу броню?

— Нет, конечно нет, — паладин позволил себе улыбку. — Никаких воплощений на территории городов без необходимости. Так я вношу вас в список? — Райз утвердительно кивнул. — Ваше родовое имя, пожалуйста.

— Енкарта.

Имя Фелиса сработало безотказно. Лицо паладина выровнялось, кончик карандаша перестал тарабанить по бумаге, а энергия духа вокруг вспыхнула всеми возможными оттенками.

— Могу я увидеть ваши родовые листы? — после нескольких секунд молчания, спросил паладин.

Райз протянул документ.

— Будьте добры, подождите здесь.

Паладин вернул бумагу и скрылся за дверьми отделения.

— Только меня смущает, что Фелис, учитывая, кем он являлся, умудрился заставить ходить строем местных паладинов?

Къярт отрицательно покачал головой.

Ожидая возвращения паладина, Райз размышлял о том, играет ли текущий расклад в их пользу или все-таки нет. Заключалась ли причина подобного положения вещей в том, что Фелис действительно был на несколько голов выше всех остальных и смог водить за нос ничего не подозревающих паладинов, или же последние не так уж и сильны, и в город может пробраться любой среднестатистический некромант? Что, если вся эта толпа под входом в отделение наполовину состоит из некромантов?

Двери отделения открылись, но из них вышел не встретивший их паладин, а другой, мужчина лет пятидесяти на вид, с гладко выбритой головой и лицом, внушающим одновременно доверие и трепет. Во всяком случае именно такие чувства оно должно было бы вызывать у большинства людей. Райз же не испытывал трепета даже перед лидером друидов. Сначала, потому что был самоуверенным мальчишкой, затем — не менее уверенным в себе юношей, а после уже было поздно учиться перед кем-либо трепетать.

— Господа Енкарта, — позвал их паладин, держа дверь открытой.

Они вошли в отделение под недовольный ропот остальных визитеров, все еще ожидающих, когда их наконец пригласят внутрь.

— Регрор Рортис Искана, — тут же представился паладин, закрыв дверь. — Глава Руферонского отделения Братства. Рад нашей встрече, господин...

— Райз Айзлен Енкарта, — Райз улыбнулся и пожал протянутую ему руку.

— Къярт Яртлен Енкарта, — Къярт стянул с руки перчатку.

В голове промелькнула мысль, что для главы отделения это — куда больше, чем рукопожатие, и что если сейчас что-то пойдет не так, выбраться будет намного сложнее, чем на въезде в город — даже с учетом того, что Райз предусмотрительно прихватил с собой энергию духа, которую Къярт сполна пропитал злостью за время разговора с Фелисом. По правде говоря, это и было основной причиной, по которой Райз решил побеседовать с некромантом непосредственно перед визитом к паладинам.

Но все прошло гладко.

— Верно, Истлен рассказывал о вас, — когда с приветствиями было закончено, Регрор жестом пригласил гостей следовать за ним. — Он тоже в городе?

— Увы, Фелис почил.

— О... но..., — Регрор был растерян. — Что произошло?

— Несчастный случай.

— Опять влез в очередную авантюру, — паладин вздохнул. — Говорил я ему, что охота на некромантов — дело паладинов, а не простых людей, пусть даже и с возможностями, как у него. Но разве он кого-нибудь слушал?

— Никого, — согласился Райз.

— Что ж, мне искренне жаль, парни.

— Нам тоже. Фелис был нам как отец, а теперь его нет, и все, что осталось — это кипа проблем, с которыми нам теперь нужно разбираться самостоятельно.

— Понимаю, — Регрор кивнул. — Вы поэтому приехали в Руферон?

— По большей мере, да. Фелис не слишком вовлекал нас в свою работу, но теперь, когда дела придется вести мне с Къяртом, мы хотим составить полную картину всех доходов и расходов, пересмотреть необходимость последних.

— Понимаю, — кивок главы отделения вышел скованный.

— Я знаю, Фелис поддерживал деятельность паладинов, и, несомненно, ваш вклад в нашу общую безопасность не оценим, но речь идет не о маленьких суммах, и мы бы хотели лично увидеть, на что они расходуются.

— Понимаю, — Регрор продолжил кивать и раздражаться, хотя внешне никак и не выказывал своего недовольствия. — Вас интересует что-то конкретное, или вы просто хотите осмотреться?

— Признаться, нас и правда интересует кое-что определенное, — Райз улыбнулся. — Мы изучаем вторжения Орды, и доступ к вашим архивам нам очень бы помог.

— И вы туда же, — Регрор вздохнул. — Ничему вас, парни, жизнь не учит. Но дело ваше. Наша библиотека открыта для посещений, но вас, я так понимаю, интересует литература с ограниченным доступом.

— Именно.

— Что ж, я не могу сопровождать вас все время, сами понимаете, но один из моих бойцов все вам покажет и объяснит.

— Возможно нам придется задержаться на несколько дней. Или даже недель.

— Как пожелаете, — Регрор махнул рукой. — Наше отделение всегда могло рассчитывать на поддержку Истлена, и я буду только рад, если наше сотрудничество с вашей семьей продлится и дальше.

— И это взаимно.

Тогда как гостиный двор Братства заявлял о своем статусе во всеуслышание, в отделении паладинов не было и намек на помпезность. Куда ни посмотри, всюду царила сдержанность и порядок, присущие военным организациям. Даже белый мрамор и тянущиеся по нему идеально ровные линии проводов — еще один признак состоятельности в Афракском союзе — выглядели сдержанно и даже немного сухо.

Единственным, кого они встретили, был паладин со списком посетителей, по всей видимости, спешащий к толпе у входа. В просторных светлых коридорах царила тишина. Однако, как только Регрор вывел их на внутреннюю открытую террасу, что тянулась вдоль всего здания, отделение заметно ожило. Внутри периметра, обозначенного тремя корпусами и стеной, оказались и другие постройки, разделяющие несколько тренировочных полигонов и небольших площадок: на одних паладины проходили полосы препятствий, на других упражнялись в рукопашном бое — среди них не было никого, кто держал бы в руках оружие, но несколько стоек с мечами и пиками на одной из площадок присутствовали.

Они обошли по кругу где-то половину территории, когда Регрор остановился на границе небольшого сада, зажатого со всех сторон стенами прилегающих зданий. Над зеленым ковром, не утратившим свои соки даже под знойным летним солнцем, высилась тройка молодых деревьев. На траве, скрестив ноги и закрыв глаза, абсолютно неподвижно сидело трое мужчин и одна девушка.

— Минутку, — попросил Регрор и спустился по ступенькам в сад.

Райз усмехнулся, когда паладин коснулся плеча девушки и, дождавшись, пока та откроет глаза, заговорил с ней. Сколько же Фелис жертвовал на деятельность Братства, что глава отделения готов был использовать любые методы, лишь бы продолжить получать поддержку от рода Енкарты? И это при том, что паладины не сильно-то походили на нуждающихся.

Регрор закончил свои объяснения, девушка молча кивнула, поднялась на ноги и направилась следом за паладином.

Райз не считал себя знатоком женской красоты. Во всяком случае, человеческих женщин. Он оставил Республику мальчишкой, которому тогда еще не было дела до противоположного пола, а среди друидов он долгое время был единственным человеком. Спустя годы в Лоне появились и другие люди, но женщин среди них было мало, и Райз не сближался с представителями своего вида больше необходимого. Он всегда держал в голове то, что однажды большинство из них умрет, и он непременно будет причастен к их смерти. К тому же в глазах друидов он никогда не был тем, кто мог бы питать к людям теплые чувства.

Но если красота имела бы какой-то определенный эталон, им была бы эта девушка-паладин — в представлении Райза уж точно. Подчеркнутые скулы и щеки, точеный профиль,

длинная шея — с какой стороны не посмотри, аристократка. Помимо всего прочего, она являлась счастливой обладательницей той редкой абсолютно белоснежной седины, если, конечно, можно было назвать счастливой девушку, которая была не старше Райза, и при этом не сохранила ни единого темного волоска. Впрочем, ни седина, ни короткая стрижка под мальчишку с челкой на бок, не умаляли ее привлекательности. Каким-то образом ей удалось сохранить под летним солнцем и белизну кожи, которая подчеркивала черные стрелы-брови и подведенные темной помадой губы.

Шаг за шагом, она рассекала пространство словно клинок. Острая красота — так называли ее Райз. Девушка не была угловатой, напротив, ее фигуру можно было считать идеальной, несколько не испорченной службой.

— Позвольте вам представить — Кара Раяда Далоран, — сообщил Регрор. — Скажу без ложной скромности: она один из лучших бойцов отделения Руферона, и, чего скрывать, всех Коуфладских земель.

Кара обладала таким же редким желтым цветом глаз, как и Къярт — только более ярким, будто мед в лучах солнца. Сложно было представить, чтобы белый с золотыми строчками мундир паладина мог быть к лицу кому-то больше, чем ей.

— Вы уверены, что время вашего лучшего бойца стоит тратить на наше сопровождение? — вежливо поинтересовался Райз.

— Конечно. Раяде будет полезно отвлечься от своих ежедневных хлопот. Наши гости, Райз Айзлен Енкарта и Къярт Яртлен Енкарта, хотят увидеть библиотеку, — Регрор обратился к девушке. — Будь добра, покажи им все, — и перевел взгляд обратно на Райза. — Вы можете обращаться к Раяде с любыми вопросами. А я вынужден вас покинуть. Рад нашей встрече, хоть и крайне сожалею, что поводом ей послужило столь печальное событие.

Еще бы он не сожалел, будучи вынужденным добиваться расположения наследников семьи, с которой, все казалось, давно было схвачено.

— Следуйте, пожалуйста, за мной, — сдержанно попросила Кара.

Острая и холодная красота. Вокруг девушки не было ни намека на дымку энергии духа — совсем, как у Къярта, когда тот обрел равновесие. Стоило отметить, у этих двоих было довольно много схожих черт, разве что только рядом с Къяртом не возникало ощущения, что о него можно порезаться. И хоть Кара никак не выражала неприязни или недовольства, или той же надменности, а ее взгляд не пронзал насквозь, Райз отчетливо ощущал скрытую в ней угрозу — как от покоящегося в ножнах клинка.

Библиотека отделения паладинов находилась в боковом корпусе и имела свой собственный вход, так что когда они вошли в главный холл, в центре которого стояли ряды столов, внутри уже находились другие посетители.

— Вы ищете какую-то конкретную информацию? — спросила Кара.

— Все, что касается вторжения Орды, а также хроники предшествующих и последующих нескольких веков. В деталях.

— Хм, — Кара задумалась и пробежала взглядом по рядам подпирающих второй этаж шкафов. — Господин Рортис разрешил дать вам доступ в закрытые секции, так что имеет смысл начать с них. Если же вам понадобится что-то еще, вы всегда сможете спуститься в общий зал. Пойдемте.

Закрытые секции находились на втором этаже, лестницу на который охранял почтенного возраста паладин, слишком старый, чтобы участвовать в боевых операциях. Здесь столов было в два раза меньше, зато вдоль стены стояли кресла, а над головой вместо

потолка сверкал в лучах солнца стеклянный купол.

— Господин Айзлен...

— Просто Райз, пожалуйста.

— Но..., — Кара посмотрела на того, едва нахмутив брови.

— Просто Райз, — с улыбкой повторил он.

Второе имя мало того, что было ему не по душе, так еще и не имело к нему никакого отношения — ничего не значащий набор букв на бумажке.

— Хорошо, — Кара не стала спорить, как, впрочем, и обращаться по-новому. — Когда вы сказали, что ищите все об Орде, вы имели в виду буквально все?

— Буквально все.

Кара кивнула и подошла к стоящим особняком столам, на одном из которых лежало несколько увесистых томов.

— Здесь перечень всех книжных изданий, отсортированных по названию. Здесь тоже самое по имени автора. И по дате издания, — Кара касалась пальцами одного лежащего на столе тома за другим. — Далее переписи и статистические данные, рассекреченные отчеты Братства, дипломатическая переписка, материалы, изъятые у ликвидированных некромантов.

На последних словах в интонациях девушки промелькнул особый холод. Возможно, его не было, а Райз истолковал так совокупность едва различимых сигналов, заметных лишь для того, кто и сам был мастером масок.

— Я могла что-то упустить, — Кара еще раз окинула взглядом стол с книгами. — Но на развороте каждого сборника указано его направление. В перечнях только название, автор и дата издания. Дальше по указанному номеру ищите карточку, — она указала на шкаф с шухлядами, что тянулся вдоль всей стены. — В ней будет больше информации и так же номер секции, шкафа, полки и позиции. Пожалуйста, возвращайте каждый экземпляр на свое место. Если у вас возникнут какие-либо трудности при работе с картотекой, просто скажите мне.

— Конечно. Госпожа Раяда, — Райз окликнул ее, когда Кара направилась в сторону кресел, — насколько полное собрание этой библиотеки?

— Каждое крупное отделение, в том числе и отделение Руферона, владеет копиями всего, что находится в распоряжении Братства Афракского союза, включая документы, полученные из отделений в других государствах. Правда, их переводы находятся в подвальном хранилище, но, если потребуется, можно получить и их.

— Пока достаточно того, что есть. Благодарю.

Кара кивнула и, оставив Райза с Къяртом одних, заняла кресло в дальнем углу.

— Жаль, всего этого добра нет в электронном виде, — Райз почесал затылок, с сомнением посмотрел на уходящие вглубь библиотеки шкафы.

— В электронном?

— Это когда содержимое всех книг этой библиотеки находится в некоем устройстве, с помощью которого ты сможешь моментально найти любую требующуюся информацию.

— И правда жаль, — согласился Къярт. — И каков тогда план?

— Начнем с общих сведений.

Райз открыл один из перечней содержимого библиотеки, перевернул несколько страниц. Предстояло проделать немалую работу. Главное, чтобы на нее хватило времени. С другой стороны, если Орда заявится через неделю — придется импровизировать. Сейчас же

лучше было отталкиваться от мысли, что времени еще достаточно.

— Нужны летописи, хроники — все, что описывает последние три войны с Ордой и, если повезет, предыдущие — еще до появления исполинов. Желательно издания из разных земель. Хочу составить общую картину, прежде чем приступить к частностям. Ты структурируешь данные, я изучаю. Возражения?

Къярт отрицательно покачал головой и открыл перечень книг по дате издания.

Последующие несколько часов пролетели, как один. Стол, за которым расположился Райз, стремительно обрастал стопками книг. Сначала Къярт просто складывал одну на другую, но, посмотрев на погрузившегося в чтение Райза, начал делать закладки, подписывая карандашом листки, найденные в ящике стола.

Райз заметок не делал, только выписывал упомянутые в книгах названия других трудов, чтобы после отправить Къярта на их поиски. Сейчас он хотел увидеть общую картину происходившего в годы нашествий Орды, чтобы после, когда информация уляжется в голове, приступить к детальному изучению ее поведения. Нужно было выяснить, стояла ли за нападениями одна и та же Орда или же разные, и можно ли на основании прошлых вторжений просчитать грядущее.

Время от времени Райз бросал взгляды в сторону Кары. С того самого момента, как девушка забралась с ногами в кресло и закрыла глаза, она так и не пошевелилась, пусть и прошло не меньше трех часов.

— Это медитация, — тихо произнес Къярт, заметив взгляд Райза. — Для воплощения брони паладинам требуется уйма энергии. Она скапливается в печати, которая ставится в процессе инициации. Медитация помогает ускорить ее накопление и уменьшить время, спустя которое можно будет призвать броню снова.

— Между призывами всегда есть временной промежуток?

— Да. Воплощение как правило расходует ее всю. Объем потраченной энергии влияет только на мощь брони, так что накопить ее про запас не выйдет.

— Как долго можно носить броню? И сколько времени требуется, чтобы накопить достаточное количество энергии для нового воплощения?

— По разному. Первое зависит от физической и ментальной подготовки — среднее значение около пятнадцати минут. На второе влияет множество факторов и индивидуальные особенности паладина. В среднем от четырех до шести дней. С помощью медитации можно уменьшить срок раза в три-четыре.

— Это шутка такая?

Къярт развел руками.

Райз рассматривал паладинов, как один из способов, если не борьбы, то хотя бы сдерживания Орды — раз этот мир не располагал каким-то иным подходящим оружием. Но при подобном раскладе польза паладинов стремилась к нулю.

— Это то, что было известно Ашше. Возможно, все обстоит иначе, и Братство всего лишь распространило выгодную ему информацию.

Даже будь оно так, ситуация становилась ненамного лучше. Одно дело, если паладин может призвать броню тогда, когда ему заблагорассудится, и совсем другое, когда существуют настолько жесткие ограничения. Логично, что они есть — ничего и никогда не дается за просто так. Главное, чтобы даже эти пятнадцать минут раз в несколько дней не оказались совершенно бесполезны.

О чем паладины уж точно не распространялись, так это о своей броне. В библиотеке

Фелиса не было ни одного описания, даже захудалой картинки, давшей бы возможность представить, что из себя вообще представляло это воплощение. Похоже, его видели только сами паладины, и те некроманты, которым не посчастливилось попасться. Или же Братство старательно изымало любые упоминания о броне своих воинов.

Нужно было отвлечься, а заодно избавиться от досаждающего чувства голода.

Кара открыла глаза еще до того, как Райз приблизился к ней. На вежливое предложение составить им компанию, она ответила таким же вежливым отказом.

— «Просто Райз»? — с присущим ему безразличием спросил Къярт, когда они вышли на улицу под жаркое полуденное солнце.

— А? — Райз не сразу понял, о чем тот, а поняв, рассмеялся. — Нет, ну второе имя и правда дурацкое. И не у меня одного, между прочим.

— Да, все дело однозначно в дурацком имени.

— Отцепись, — все еще посмеиваясь, бросил Райз.

Купив на краю площади две порции местного мясного деликатеса, они устроили прогулку вокруг останков змеи.

— Что думаешь об этой штуке? — поинтересовался Райз, заметив, что Къярт то и дело поглядывает на нависшее над городом чудище.

— Из него вышло бы чертовски здоровое умертвие.

— Что значит «чертовски»?

Къярт ответил лишь после того, как вокруг зароились серебристые мошки энергии духа.

— На той, другой, планете, люди верили в существование некой сущности — черта. Он считался воплощением бед, зла и всего дурного, что только есть.

— Аналог Проклятого из моего мира.

— Тоже злобная мифическая сущность?

— Нет, мой предок, — хохотнул Райз. — Но да, в определенный период времени очень даже злобный.

Он поднял взгляд на змею. Къярт был прав. Достаточно проникнуть за стены города одному некроманту, и от города камня на камне не останется. Однако эти останки здесь не первый день, а Руферон все еще цел. Ставить на то, что никто не додумался поднять гигантскую змею, Райз точно не стал бы, а значит, или у некромантов не было никакого желания занять подобного слугу, или же превратить окаменелости в умертвие было не так уж и просто. Тем более тогда, когда ее пригвоздил к земле исполинный клинок.

— У тебя получилось бы... ну ты понял, о чем я, — Райзу не хотелось отбрасывать идею использовать гигантов подобных этому, против Орды. Ожидаемо, что у нее их будет всяко больше, но даже одно союзное чудище против множества у врага лучше, чем вообще ничего.

— На то, чтобы сдвинуть с места такую громадину, понадобится уйма энергии. Но попробовать можно.

Точно. Кроме толкового некроманта, нужна еще и энергия, которой вполне могло и не быть у всех остальных. Ее не было и у Къярта. Но это пока.

Закончив с обедом, они вернулись в библиотеку. Кара, как и обещала, сидела на прежнем месте и даже не обратила на них внимания.

Наибольшим разочарованием стало отсутствие каких-либо записей о нападениях Орды до появления исполинов. Сразу по возвращению в библиотеку Райз попросил Къярта заняться поисками информации о предыдущих вторжениях, но ничего толкового, кроме упоминания, что они были, тот так и не нашел.

Когда начало смеркаться, Кара все так же сидела в кресле и никоим образом не намекала, что им пора бы убраться восвояси, но Райз все равно решил не засиживаться допоздна. Несколько лишних часов сегодня ничего не значили по сравнению с возможностью пользоваться архивами Братства в долгосрочной перспективе.

Когда Райз сообщил Каре о том, что они собираются продолжить свою работу завтра, девушка покинула кресло и пообещала сообщить дежурному на входе в секцию, чтобы он пропустил их.

Дорога до гостиного двора, в котором они остановились, занимала пятнадцать минут — из окон их номера даже открывался вид на раскрытую змеиную пасть. Попросив администратора подать ужин прямо в комнату, Райз собирался потратить время ожидания трапезы с пользой.

— Разберемся с этим побыстрее, — он сел в соседнее от занятого Къяртом кресло и протянул тому руку. — Что ты собирался рассказать? — спросил он, как только Фелис появился.

— Знаешь, мне не нравится твое отношение, Райз, — сообщил тот и гнусно ухмыльнулся. — Так что я передумал гово...

Фелис исчез.

— Вышло даже быстрее, чем я предполагал, — Райз откинулся на спинку кресла и потер уставшие за день глаза.

— Не думаешь, что нам нужна та информация, которой он обладает? — Къарт, заранее приготовившийся терпеть присутствие некроманта, был растерян.

— Фелис — не идиот. Если бы у него имелось что-то действительно важное и срочное, он бы не валял дурака.

Они не стали затягивать с отходом ко сну после ужина, чтобы начать завтра пораньше. Однако день начался куда раньше, чем Райз рассчитывал: просыпаться от крика Къярта начинало становиться не самой приятной традицией.

Попытка снова уснуть не увенчалась успехом. Къарт и вовсе не собирался ложиться, а окружающее его стальное облако не давало Райзу покоя. Он не стал спрашивать — предпочел, чтобы Къарт сам однажды рассказал, если посчитает нужным, и если кошмары так и не пройдут. Райз только задавался вопросом: шли ли ночные кошмары доведом к силе любого некроманта, или же это только Къарту так «повезло»?

— Собирайся, — Райз посмотрел на часы: маленькая стрелка только подбиралась к четверем часам. — Проведаем зверье. Вдруг они уже сожрали Гримли, и их нужно перевести в стойла того, второго.

Гримли был в порядке, разве что такой же заспанный, как и дежурившая вместо администратора гостиницы девушка, которой пришлось посреди ночи искать для неутомленных гостей экипаж. Он лично вышел к ним, после того как Райз около минуты тарабанил в наглухо закрытые ворота стойл. Гримли старательно пытался удержать на лице улыбку, хотя его взгляд выдавал охватившую его тоску не меньше, чем серое облако вокруг — еще бы, постояльцы пробыли всего две ночи, и теперь неизвестно когда ждать следующих. Когда же Райз заверил того, что они всего-то заберут гривов на прогулку, и что Гримли придется пекься о их благополучии не меньше пары недель, тот засиял, как натертый маслом башмак, и побежал открывать ворота.

Райз даже не пытался сделать вид, что контролирует Клыка. Сутки в клетке сказались на том крайне тлетворно, и едва Райз взобрался в седло, как тот сорвался с места, пронесся мимо вжавшегося в стену Гримли и стремглав направился к далекой черте леса. Коготь не отставал.

Не обращая на всадников никакого внимания, гривы упоенно гоняли по лесу кабанов. Можно было бы обвинить Гримли в недобросовестной кормежке, если бы не раздутые бока его постояльцев. Однако то, что они ответственно съедали мяса на уплаченные фраксы, нисколько не мешало им кидаться на все, что двигалось. Клык даже умудрился схватить выпорхнувшего из кустов тетерева, при этом, правда, в эти самые кусты вломившись. Как оказалось, в заросли терновника.

— Не припоминаю, чтобы сидение в клетке в поместье Фелиса так на нем сказывалось, — Райз вытащил из стремени ногу и с неудовольствием посмотрел на кровоточащие царапины под разорванной штаниной.

Гривы, довольные, неспешно трусили к Руферону.

Пройдя проверку на въезде в город, Райз с Къяртом вернулись в гостиницу, где смыли пыль, переоделись и позавтракали. Солнце уже поднималось над горизонтом — самое время отправляться в отделение.

Кара уже ждала их, сидя на принесенной с собой деревянной подставке. Обменявшись приветствиями, они разошлись каждый в свою сторону. Райз попросил Къярта собрать все, где упоминались исполины, сам же вознамерился закончить с тем, что осталось со вчера.

Как и в предыдущий день, они закончили, как только стало темнеть. Голова гудела, и желания возвращаться в душную гостиницу совершенно не было.

Къярт не стал возражать против посещения злачного места, которое с утра им порекомендовала принесшая завтрак горничная. Он молча делал все, о чем его просил Райз, и отсутствие вокруг него энергии какого-либо цвета свидетельствовало о том, что парню не было особого дела до того, чем заниматься.

В большом зале, который казался тесным из-за колонн, подпирающих потолок, за плотно расставленными круглыми столиками сидели в большинстве своем паладины. Отдыхали здесь и несколько горожан, отличающихся отсутствием белых мундиров, тогда как для бойцов Братства последние стали неотъемлемой частью организма — не очень-то удобно, если необходимо действовать скрытно. Если, конечно, у них вообще появлялась необходимость в тайной работе.

— Вот так совпадение.

Къярт тронул Райза локтем и указал на один из столиков у стены, за которым сидела Вильма, спасенная ими от квергов пару дней назад, и Под. Те, похоже, заметили их, как только они вошли, и теперь Под приглашающе махал рукой.

— По-моему опыту не существует ничего более спланированного, чем совпадения, — Райз спрятал за улыбкой озабоченность ситуацией.

— Спланированного кем?

— В этот раз точно не мной.

Задорная музыка, в меру громкая, чтобы посетителям не приходилось перекрикивать ее, сопровождала их, пока они продвигались к столику Вильмы и Пода.

— Какая встреча! — Под привстал со стула и протянул руку для рукопожатия. — Никак не думали встретить вас здесь. Точно говорю: это все исполинья воля свела нас, чтобы я таки угостил вас выпивкой.

— Да, исполинья, куда им еще было ехать, — смеясь, сказала Вильма. В этот раз настроение у нее было куда лучше, чем в их прошлую встречу.

Под позвал чашницу и попросил еще две кружки и бутылку руферонского эля.

— Помню, обещал кисленку, но паладины ее не чествуют. Но эль здесь совсем недурен. Остановились где-то поблизости?

— В гостинице Братства.

Под присвистнул, а Вильма толкнула его плечом.

— В гостинице Братства, слышал? Живут же люди, — хохотнула она.

— И мы будем, если не покупать нового коня каждую неделю, — беззлобно заметил Под.

— Вы в Руферон за лошадью?

— За лошадью, за работой — за всем понемногу, — Вильма улыбнулась и сделала глоток из кружки. Похоже, они сидели здесь довольно давно — судя по румянцу на щеках девушки и блеску в глазах.

— Что за работа? — спросил Райз, чтобы поддержать разговор, тогда как его по большей части интересовали паладины, сидящие неподалеку и обсуждающие пропажу скота в очередной деревушке.

— Ага, та самая, — хмыкнул Под.

Райз перевел на того удивленный взгляд. А мужчина не промах, раз сходу уловил, что он слушает их вполуха.

— Какая?

— Да ловим нечисть всякую, — Под поблагодарил принесшую кружки и эль чашницу и вернулся к разговору. — Истребляем. Паладины у нас ребята серьезные, о мелочь руки марать не привыкли. Если где некромант объявится, то они, конечно, тут как тут. Но как речь о гадах всяких, скот таскающих или детишек, то сразу будьте добры заплатить за услуги по устранению. Будто бы мало налогов, которые идут на их содержание.

— Но нам только на руку, — поддержала супруга Вильма. — И берем мы меньше, а работу выполняем ничуть не хуже. Вам, кстати, не нужно каких вредителей погонять?

— У нас с этим Клык с Когтем отлично справляются, — Райз поболтал эль в кружке и сделал глоток. Горький, даже слишком, как на его вкус.

— Да, знаю, — закивала Вильма.

— Вы приехали в город вдвоем? — подал голос Къярт — не столько из любопытства, сколько чтобы не привлекать лишнего внимания своим молчанием.

— Нет, с нами Офрен, Хаук и Осмельд. Мы остановились на постоялом дворе в предместье. Они отдыхают, а мы...

— А мы как всегда делаем за этих лентяев всю грязную работу, — закончила Вильма.

— Грязную — в плане собираем сведения, — Под обвел взглядом сидящих в зале паладинов.

— Вы, я погляжу, не слишком-то их жалуете, — заметил Райз.

— А кто их жалует? — Вильма понизила голос и даже наклонилась к столу. — У них полно людей, которых можно отправить вычищать земли от всякой дряни, но они же и пальцем не пошевелят, пока не заплатишь. Люди то и дело пропадают, а им и дела нет. Конечно, речь же не о высшем сословии, из которого они все поголовно, — Вильма окинула собеседников взглядом и добавила: — Без обид, парни.

— Без обид, — согласился Райз.

— Засранцы они, — фыркнула женщина и сделал еще глоток.

— Да ладно тебе, Виль. Не они же решения принимают, в конце концов. Это верхушка все никак карманы не набьет.

— Все равно они засранцы.

Под примиряюще поднял руки, выражая неготовность и дальше спорить.

Случайная встреча постепенно становилась полезной. Райз, конечно, предпочел бы узнать что-то, что играло бы им всем на руку, например, что паладины запугивают население Ордой, при этом скрывая какое-то абсолютное оружие, которое уничтожит ее одним дымным выстрелом. Но осведомленность о слабых места тоже была неплохим пополнением в копилку знаний.

— Ого, да это же сама Далоран, — взгляд Пода устремился ко входу в бар.

— Не пялься ты так, — шикнула на него Вильма и закрыла ладонью глаза, когда Райз с Къяртом обернулись. — И вы туда же...

Райз приветственно поднял руку. Кара ответила кивком, но подходить не стала, заняв единственный стул за маленьким столиком у противоположной стены.

— Мне не показалось, это был кивок? — Вильма с удивлением уставилась на Райза. — Вы знакомы, что ли?

— Есть такое дело. Мы с Къяртом проводим исследования в библиотеке отделения, так что Раяду назначили нам в сопровождение.

— Что вы такого наобещали, что они решили оказать вам такую честь? — Под с подозрением посмотрел на них.

— Честь?! — Вильма прыснула. — Главный наверняка решил, что один из них некромант. Или оба. Вот и приставил надзирателя.

За столом повисла неловкая пауза.

— Ой, да ладно вам, пошутить уже нельзя, — рассмеялась женщина. — Раз оба до сих пор живы, значит, не некроманты. Будем считать, что вам и правда оказали честь. Сомнительную, — хихикнула она.

— Похоже, я чего-то не знаю, — начал Райз, — потому что шутки так и не понял.

— Это же Далоран! Что вы в самом деле, — слова Вильмы были встречены все тем же непониманием. — Да ладно вам. В Коуфладских землях нет никого, кто не знал бы о Далоран. Да что там, про нее во всем Афракском союзе слышали.

Райз отрицательно покачал головой.

— Из какой дыры вы вылезли, парни? Вы серьезно никогда не слышали о руферонском Палаче? Паладине, которому дают задания только на устранение? Нет? Об одном из лучших сенсоров Афракского союза? Она же одна из тех, кому не нужны никакие касания, чтобы понять, что перед ней некромант. Она их за версту чувствует. Вы не могли не слышать о ней.

Под накрыл ладонью ладонь Вильмы, и та притихла.

— Они не знают, Виль.

— Так расскажи, — буркнула она, глядя на Райза с Къяртом, как на последних дураков.

— Раяда Далоран — последняя из рода Далоран, — тихо произнес Под и бросил украдкой взгляд на сидящую в одиночестве девушку. — Тринадцать лет назад некромант вырезал всю ее семью. Отец — паладин. Два старших брата — все паладины. И никто не смог с ним совладать. Ее отпустили, чтобы она рассказала о произошедшем. О показательной казни. Того некроманта так и не нашли. Но я уверен, она все еще ищет его. И однажды найдет. Зря он ее отпустил. Он уж точно не думал, что простая девчонка может представлять угрозу, а оно вон как вышло.

— Далоран — единственная, кто стала паладином в пятнадцать лет, — прошептала Вильма. — Не просто так иницируют только тех, кому не исполнилось десять. Чем старше — тем больше риск не пережить ритуал. Братство не хотело проводить инициацию: угробить последнюю наследницу знатного рода, пусть и по ее же просьбе — тот бы еще скандал разразился. Но все как всегда у них решила звонкая монета.

Вильма приложила к кружке, а Под продолжил:

— Взамен за проведение инициации Раяда передала Братству право собственности на все родовые земли, в том числе и на золотой прииск на границе с Эшшенскими землями. И паладины решили, что овчинка стоит выделки. Но девушка выжила и стала ночным кошмаром для всякого некроманта.

— Да, некроманты, бесспорно, плохие ребята, но эта дамочка — просто повернутая, — хмыкнула Вильма. — Как-то несколько лет назад руферонское отделение участвовало в зачистке крупного ковена. Хотели накрыть несколько десятков некромантов разом. А накрыли их. Сдерживающие печати и все такое. Паладины, конечно, успели до этого устранить большую часть ковена, но в итоге попались. Некроманты — не дураки — решили ретироваться, пока еще есть время, а не пытаться отыграться. Тогда Далоран высвободилась из печатей — оторвала себе ноги — не свои собственные, понятное дело, а своей брони — догнала некромантов и в одиночку разобралась с ними.

— Звучит сурово, — заметил Райз.

И обнадеживающе. То, что паладины не бесполезны, не могло не радовать — как и то, что не бесполезны и печати Ашши, раз даже самый лучший сенсор союза не почувствовал в Къярте силу некроманта.

— Seriously, парни, поосторожнее с ней. Не зря она единственная, кого отправляют на задания в одиночку. Во избежание, так сказать, эксцессов.

Райз вопросительно посмотрел на Поду.

— Она — девушка красивая, — сболтнул тот и покосился на Вильму.

— Скажи что-то менее очевидное, — хмыкнула она.

— Ну и к ней то и дело кто-то пытается подбивать клинья, — продолжил Под. — Пытался. Как-то много лет назад, когда она еще была в составе отряда, один молодчик решил позволить себе лишнего. В итоге остался со сломанной рукой.

— В итоге! — Вильма прыснула. — Ты лучше расскажи, что было до этого итога.

Под не выглядел как тот, кто собирается говорить, и женщина продолжила сама:

— Так вот, этот идиот решил ее облапать. Ну и она, недолго думая, в броню.

— Это было непроизвольное воплощение, — вставил Под.

— Так потом всем сказали, — парировала Вильма. — А как было на самом деле... Ну да

неважно. Она — в броню, он — в броню. Хорошо хоть это не в городе было, а то разнесли бы все. В общем она выковыряла его из брони, как слизняка из раковины, скинула свою броню и вот уже тогда сломала ему руку.

— После этого случая ее на месяц закрыли в карцере. В итоге руководство приняло решение больше не включать ее в состав отрядов. Кроме того случая с зачисткой ковена. Глупость, конечно, так рисковать паладином, тем более таким способным.

— Глупость? — Вильма покосилась на Пода. — А если она голову кому-нибудь оторвет? В следующий раз она может и не сбрасывать броню. А вас, парней, жизнь ничему не учит. Наверняка нашелся бы еще один придурок, а скорее всего — несколько, решивших взять крепость штурмом.

На этом истории у Вильмы и Пода закончились. Райз с Къяртом еще какое-то время посидели вместе с ними, болтая о всякой ерунде, поблагодарили за выпивку, пожелали найти хороший заказ и отправились в гостиницу.

— Не об этом ли собирался рассказать Фелис? — спросил Къярт, когда они шли по опустевшей ночью площади.

В сгустившихся сумерках остов змеи выглядел угрожающе, сеял в груди навязчивое ощущение, что еще мгновение, и древнее чудище стряхнет каменную скорлупу и оживет.

— Предлагаю у него и спросить. Хотя сомневаюсь, что дело в этом. Если бы Раяда представляла для нас угрозу, Фелис сказал бы сразу.

Когда Фелис появился, он не спешил что-либо говорить. Райз терпеливо ждал. Некромант с мрачным видом стоял у камина. Къярт, по своему обычаю, покрывался бледно-розовой дымкой.

— Ты крайне жесток, Райз, ты знаешь это? — наконец с кислым видом изрек Фелис.

— Не более, чем ты того заслуживаешь, — без капли злости ответил тот. — Так ты прекратишь страдать ерундой или нет?

— Ты не можешь контролировать все. Да, ты как никто другой близок к этому, но тебе не достичь абсолюта. Однажды ты допустишь ошибку, а я и пальцем не пошевелю, чтобы уберечь тебя от нее. Тогда ты пожалеешь о том, что был неучтив. Но будет уже поздно что-либо менять.

Фелис исчез, не успев продемонстрировать улыбку.

— Значит выводы еще не сделал. Ладно.

— И долго ты собираешься это делать? — Къярт взглядом указал на свою ладонь, которой еще пару секунд назад касались пальцы Райза.

— Пока он не поймет. Он вернул нам жизнь и вроде как ничего дурного не сделал, но теперь власть не в его руках, и он не может больше диктовать правила. Чем раньше он с этим смирится, тем лучше для всех.

— А ты и правда жесток.

— Не больше, чем того требуют обстоятельства.

Райз надеялся, что это действительно так. Сказанное Фелисом зацепило его. Некромант продолжал играть в свои игры, и то, что Райз был не в силах разгадать их, злило. Он мог сколь угодно долго ломать голову, но это не добавило бы ему понимания. Райз даже начал склоняться к тому, что, возможно, стоило бы проявить больше хитрости, позволить Фелису делать, что тому заблагорассудится. Но путь уже был избран, оставалось только следовать ему, хоть мысль, что некромант в чем-то смог переиграть его, не давала покоя. А может, это все — просто слова, и их партия все еще продолжается, а Фелис только и ждет момента,

чтобы перетянуть преимущество на свою сторону.

Проклятье, разве они не должны быть союзниками? Дурацкая командная игра. Райз всегда действовал в одиночку, и по-настоящему полагаться на кого-то, рассчитывать на чью-то поддержку, было так же дико, как и доверять типу, вроде Фелиса. Типу, вроде него самого.

Все же друидам до человеческого коварства было как Райзу сейчас до его родного мира. И теперь, когда ему было с чем сравнивать, история с друидами все больше походила на избивание младенцев.

— Не бери в голову, — произнес Къярт.

Райз поднял на него удивленный взгляд.

— Мы разберемся с Ордой с его помощью или без, — продолжил тот. — А даже если он прав... на одной ошибке жизнь не заканчивается. Уж я-то точно знаю. К тому же вероятность того, что твой промах приведет к уничтожению целой планеты, не так уж и велика.

— Ложись-ка ты спать, — Райз окинул парня, решившего проявить несвойственный тому оптимизм, скептическим взглядом.

Ему и самому не помешало бы отдохнуть. Этот день выдался неожиданно утомительным.

Кошмары в очередной раз послужили будильником, и Райз с Къяртом, не сговариваясь, собрались и направились к стойлам. Если они не хотели, чтобы гривы разнесли детище Гримли и все предместье Руферона в придачу, им следовало обеспечить надлежащий выгул.

Когда с одним делом было покончено, а в животе поселилось приятное тепло от съеденного омлета с мясом, Райз решил, что самое время навеститься в банк и разобраться с тем, что оставил Фелис.

Здание банка Руферона располагалось в нескольких кварталах от отделения Паладинов. В три этажа, с революционной для этих мест треугольной формой, банк стоял на перекрестке, где одна широкая дорога разделялась на две. В отличие от Братства, его владельцы нисколько не стеснялись избыточности. Вдоль всего третьего этажа тянулся балкон, который поддерживали колонны в виде человеческих скульптур — слишком правильные пропорции, чтобы статуи отображали исполинов. По массивным дверям вились сотни металлических цветов, а дверное кольцо держала в пасти отполированная до блеска гривья голова.

Внутри было много дерева, камня и позолоты. Разодетые в надушенные костюмы клерки сновали от стоек, что тянулись вдаль по обе стороны от центрального входа, к дверям, ведущим в другие помещения. Холл находился в самой сердцевине здания, и в нем не было окон. Зато был прозрачный купол во всю длину — синий и сверкающий от льющегося сквозь толстое стекло света.

Как только Райз с Къяртом предъявили родовые листы, принимавший их клерк тут же позвал другого, а тот незамедлительно провел их в комнату в самом конце холла, где их уже дожидался главный по смене, пухлый мужичок в сюртуке и круглых очках. Перед ним на столе лежала увесистая книга учета и несколько исписанных листов.

Одним из них оказалась выписка со счета Райза, в конце которой значился текущий баланс — без ста тысяч двенадцать миллионов фраксов. Счет был открыт двадцать лет назад вкладом в четыре миллиона и в выписке значились только поступления по процентам и никаких расходов.

А Фелис не терял времени зря. Сколько же приносило в Афракском союзе виноделие, раз тот смог скопить подобную сумму, при этом владея не таким уж и крупным виноградником? Пока Райз размышлял над этим, управляющий выудил из папки выписку со счета, принадлежащего Къярту. Баланс в почти что в пятнадцать миллионов, третью из которых были переведенные непосредственно со счета самого Фелиса фраксы, не оставлял и шанса теории, что некромант сколотил свое состояние честным трудом.

Кроме выписок у управляющего была еще стопка бумаг: договора о поставке вина, долговые расписки задолжавших Фелису, впрочем, с незначительными суммами, и прочие документы, написанные сухим канцелярским языком. Единственное, что представляло ценность, это две доверенности, выданные на имена Райза и Къярта, позволяющие им получить доступ ко всем личным документам Фелиса. В том числе и выписке с его счета, с которого строго раз в месяц списывалось в пользу Братства тридцать тысяч фраксов. Но так как счет был обнулен, паладины рисковали не получить в следующем месяце ни монетки.

Они оставили банк сразу же после того, как Райз подписал необходимые документы для организации переводов Братству уже со своего счета.

— А Фелис всерьез заморочился: почти тридцать миллионов на двоих, — сказал Райз, как только они покинули здание банка. — Не знаешь, где он их раздобыл?

— Начальные вклады были внесены ненамного позже, как он забрал Ашшу к себе. Откуда он их взял — неизвестно. Может, палец исполина в его лаборатории был не единственным? Он мог продать нечто подобное за немалую цену.

— Двадцать лет, — задумчиво произнес Райз. — Он планировал все это по-меньшей мере двадцать лет. Когда ему самому должно было быть не намного больше, чем тебе сейчас. Кстати, что насчет его точного возраста?

Кьярт отрицательно покачал головой.

По дороге к отделению паладинов они заглянули в книжную лавку, из которой вынесли два десятка тубусов с картами мира.

Визит в банк и посещение лавки заняли немало времени, так что в библиотеке Братства они появились куда позже, чем в предыдущий день. В закрытой секции не было ни Кары, ни кого-либо другого. Но это никоим образом не меняло планы на день. Райз собирался заняться изучением описаний исполинов, тогда как Кьярту выпало наносить на карты перемещения Орды за все три Войны — с указанием численности и состава, если подобная информация отыщется.

Не прошло и часа, как в библиотеку наведалься глава отделения.

— Сегодня с рассветом Раяда отправилась на задание, — с ходу начал он, — но так как она сказала, что вы неплохо справляетесь сами, я не стал подбирать ей замену, — Регрор прошелся взглядом по заваленным бумагами и книгами столам. — Большое исследование, да?

— Есть такое, — Райз отложил в сторону хроники Второй Великой Войны. — И, боюсь нам понадобится несколько недель, чтобы закончить его. Это же не проблема?

— Нет, что вы, — Регрор отрицательно покачал головой, а вот розовая дымка вокруг него сообщила об обратном.

— Кстати, мы заглянули в банк, изучили документы, которые остались от Фелиса, и заодно договорились о продолжении поддержки вашего отделения нашей семьей. Я счел уместным увеличить сумму в полтора раза, так что..., — Райз с улыбкой наблюдал, как энергия вокруг мужчины стремительно приобретает персиковый оттенок, а сам глава отделения сохраняет полнейшую невозмутимость.

— Отрадно слышать, что вы согласны с важностью нашего вклада в безопасность Коуфладских земель. Я могу быть еще чем-то полезен?

— Да, есть еще кое-что, — Райз взглянул на Кьярта. — Раз мы здесь надолго, было бы неплохо иметь возможность размяться.

— Понимаю, — Регрор кивнул и направился к окну, выходящему в сад. — Вот, одна из внутренних площадок, — он указал на небольшой пятачок десять на десять метров прямо под окном. — Ее не используют, так как маловато места, но вам двоим должно хватить.

— Сгодится.

— Спуститесь по лестнице, прямо по коридору и налево первая дверь. Не заблудитесь. Если на этом все, — Регрор дождался от Райза кивка, — тогда оставляю вас, парни. Если вам что-то понадобится, только скажите любому из моих людей, и вам помогут.

— Премного благодарны.

Райз проводил взглядом главу отделения и вернулся к работе.

Незадолго до полудня он решил прерваться на небольшую тренировку. Кьярт с

безразличным видом поплелся следом.

На указанной Регрором площадке кроме песка и чисто символической оградки присутствовала стойка с деревянными мечами и парочкой шестов.

— Ты это серьезно? — скептически спросил Къярт, когда Райз выбрал шест и приглашающе махнул им.

— Фелис оставил глефу, — Райз пожал плечами. — Вдруг это еще один давно просчитанный им шаг. В любом случае терять форму не стоит. Э, нет, — он отрицательно покачал головой, когда Къярт потянулся за мечом. — У тебя ничего такого нет. Пользуйся руками.

— Серьезно? — с еще большим скептицизмом повторил Къярт, но упираться не стал.

— Да ладно, мы же оба еще в первый раз поняли, что ты быстрее и сильнее. Не бойся ранить мои чувства. Мне не привыкать к засранцам, у которых по умолчанию больше физической силы. Так что давай, не сдерживайся. Попытайся коснуться меня.

— Хочешь, могу даже перчатки снять. Для остроты ощущений.

— Не в этот раз, — хмыкнул Райз и напал первым.

Поединок закончился ничьей. Къярту так и не удалось достаточно приблизиться к Райзу, а Райзу — хотя бы раз полноценно попасть по нему шестом — всякий раз парню удавалось изловчиться и отвести удар в сторону.

Когда солнце стало основательно припекать макушку, они оставили тренировочную площадку и отправились к уже знакомому торговцу закусками. Все-таки устраивать поединок под палящим солнцем, да еще и, можно так сказать, в выходной одежде было недальновидно. Но Райз хотел размяться, а задумать о более рациональном подходе к этому делу он мог и на следующий день.

Остаток времени до сумерек они провели в библиотеке: Къярт — над картами, Райз — за изучением документов.

Вечер обошелся без посещения значных мест, как и беседы с Фелисом, которую на этот раз предложил Къярт. Но Райз решил дать некроманту больше времени на размышления. Конечно, все это время тот не осознавал себя, зато в момент объединения половинок души должен был наконец-таки сделать соответствующие выводы.

Новый день мало чем отличался от предыдущего: пробуждение от кошмаров, очередная безумная прогулка с Клыкком и Когтем, которые в этот раз носились по лесу пуще прежнего — за два дня гривы распугали всю живность в округе, и забавляться им стало не с кем; и снова корпение в библиотеке с перерывами на недолгие тренировки.

Таким был и следующий день, и день после него, и после.

На седьмой день оккупации библиотеки Райз оставил запойное чтение и присоединился к работе Къярта над картами, которая шла куда медленнее, чем планировалось. Но свои плоды она уже давала.

В перемещениях Орды во все три нашествия прослеживалась четкая схема. О самом переходе мало что можно было сказать. Если на тот момент в точке выхода и были живые — а Орда, как правило, появлялась на территории государств, которые стояли разоренные после недавней войны с соседями — то они или становились пищей, или же примыкали к рядам умертвий. И если кто и мог знать, как в точности осуществлялся переход, так это некроманты, но этой информацией они уж точно не делились.

Одно было известно наверняка: в какой-то момент появлялись выстроенные дугой силы Орды и без лишних промедлений начинали движение. Дуга раскалывалась на несколько

армий — каждая численностью до миллиона голов — и, как лучи, расходилась в стороны, оставив ядро основных сил позади. Именно эти армии разоряли земли, после чего либо же останавливались, либо же возвращались к движущимся за ними основным силам и вновь отправлялись на зачистку.

«Зачистка» было наиболее подходящим словом. Там, где проходили войска Орды, не оставалось ничего живого: ни флоры, ни фауны, ни, тем более, людей, пусть исполины и делали все, чтобы минимизировать жертвы среди населения. Впрочем, только это им и оставалось.

Свидетельств о сражениях исполинов с Ордой сохранилось всего ничего. Им-то и взяться было неоткуда. Как только становилось ясно направление движения какого-либо войска, люди начинали эвакуацию, а исполины изо всех сил старались задержать противника — выиграть побольше времени. Но все, что они могли — это затягивать сражения, которые заканчивались их неминуемой гибелью. На их стороне не было численного преимущества, да и их размеры — а в Первую Великую Войны исполины достигали максимум сорок метров в высоту, после чего становились все меньше и меньше — тоже не являлись чем-то, что давало им преимущество перед миллионным войском.

Но у них была неуязвимость. Безумцы, которые ставили превыше собственного выживания возможность оставить свидетельства о сражениях, и в тоже время невероятные везунчики — ведь им удавалось уцелеть, даже если бой был проигран — рассказывали о том, что исполин погибал только тогда, когда его удавалось обездвигнуть.

Исполины были настоящими машинами смерти. Их не брали ни физические атаки, ни магия, ни направленные взрывы — ничто не могло повредить их броню, жалким подобием которой ныне владели паладины.

Просматривая один документ за другим Райз задавался вопросом, почему их обездвигивали не сразу. Если у Орды имелся способ борьбы с исполинами, почему его применяли только после столь огромных потерь? Могли ли исполины устать? Или же они просто в какой-то момент сдавались?

Слишком мало было изучено, чтобы найти ответы на эти вопросы, но почему-то Райзу казалось, что даже несколько лет проведенных в библиотеке не сделают картину четче. В любом случае исполинов больше не было, и если что в их истории и имело значение, так это то, как им удалось победить последнюю Орду. За три вторжения они нашли способ, и было бы неплохо, если бы кто-то таки удосужился оставить записку с инструкцией. Но вероятнее всего, она существовала исключительно в мечтах Райза.

— Не думала, что вы все еще здесь.

Он настолько погрузился в работу, что перестал замечать что-либо вокруг, в том числе и появившуюся в библиотеке Кару.

Девушка выглядела так же, как и в прошлую встречу: идеально белоснежный мундир и абсолютное спокойствие как на лице, так и в энергии духа вокруг. Хотя нет, несколько искорок, настолько мелких, что в падающих сквозь купол солнечных лучах невозможно было разглядеть их оттенок, все же присутствовало.

— Да, работы немало, — согласился Райз.

— Я могу взглянуть?

— Конечно.

Райз сделал шаг в сторону от карты, над которой они работали: он — с одной стороны, Къярт — с другой. Пришлось даже сдвинуть вместе два стола, чтобы с удобством развернуть

ее всю, еще и несколько источников, с которых переносили данные.

Его и Кару разделала пара метров, но Райз все равно услышал тонкие нотки ее духов: цитрус с чем-то сладким. Не слишком приторные и не слишком резкие — самое то, чтобы проходящие мимо мужчины оборачивались, а, потеряв девушку из вида, мечтали о новой случайной встрече.

Для той, кто, если верить слухам, категорически отсекала всякие ухаживания, Кара делала слишком много, чтобы притягивать к себе внимание. словно хищная кувшинка, приманивающая к себе видом и ароматом недалеких мошек.

— Это... перемещение Орды в Первую Войну? — Каре понадобилось всего лишь вскользь просмотреть отмеченные на карте линии, чтобы определить их значение.

Возможно, стоило сразу спросить девушку, а не шерстить с утра до вечера хроники. Да, определенно так и следовало бы сделать, если бы их ситуация позволяла довольствоваться чьими-то знаниями, а не полагаться только на собственные исследования.

— Именно оно.

— Не самое увлекательное занятие. Зачем это вам?

— Хотим изучить ее поведение в прошлые вторжения, чтобы понять, где и когда начнется следующее, и как его остановить.

Къарт, который в отличие от Райза не отрывался от прочерчивания очередного маршрута, так и замер над картой.

Райз ожидал, что Кара рассмеется. Вокруг нее даже появилось несколько персиковых лоскутков, которые, впрочем, почти сразу утратили свой цвет.

Кара улыбнулась и понимающе кивнула.

— Тогда не буду вас отвлекать. Вам нужна какая-то помощь?

Райз осмотрел заваленные книгами столы. Возможно, ее понадобится расспросить — после того, как он убедится, что в библиотеке нет ответов на все интересующие его вопросы. Кто знает, что она могла вытрясти из некромантов. Хотя учитывая слухи, что о ней ходили, вряд ли она часто болтала со своими целями.

— Нет. Пока мы справляемся своими силами.

Кара еще раз кивнула и оставила библиотеку.

— И что это было? — этот вопрос настолько явно читался во взгляде Къарта, что Райз едва не ответил еще до того, как парень его озвучил.

— А что? Порой, правда — самое лучшее прикрытие.

— Ты же понимаешь, что теперь она будет думать, или что мы — два идиота, которые страдают ерундой от безделья, или же что идиот только ты, не нашедший менее дурацкого способа, чтобы сказать «не лезь не в свое дело»?

— И пускай себе думает. Сейчас это не имеет значения. Но потом, когда придет время, она поймет, что мы с самого начала были искренними и честными. И вот это уже важно.

— Потом?

— Къарт, — Райз вздохнул, — вероятность того, что мы сможем справиться с вот этим, — он указал взглядом на карту, — своими силами, ни с кем не объединяясь, ничтожно мала. Нам придется договариваться и заключать союзы. Так что вероятнее всего через какое-то время все будут знать, кто я, кто ты, и что мы делаем. И если Далоран так хороша, как о ней говорят, скорее всего однажды нам придется сотрудничать. И чем больше к тому моменту мы заработаем репутации, тем лучше. То, как я ей ответил — игра на перспективу.

Взгляд Къарта стал слишком уж пристальным.

— Говори уже, — Райз нетерпеливо помахал кистью.

— Я все пытаюсь и никак не могу понять: это ты только что на ходу придумал оправдание своему поступку или с самого начала так все и задумал.

Райз не стал сдерживать смех.

— Чего бы стоили мои таланты, если бы тебе было ясно, какой из двух вариантов верный?

Къярт покачал головой и вернулся к работе над картой.

К вечеру в голове не осталось ничего, кроме дат и названий древних городов, разрушенных Ордой. Райз не сомневался, что это скопище информации будет преследовать его ночью, и все сны напролет он проведет за сверкой данных из нескольких источников. Но снов не было.

Райз уже и не припоминал, когда последний раз ему что-то снилось. Кажется, это было еще в его прошлой жизни. А вот Къярт похвастаться тем же не мог. Его кошмары продолжались.

Во время очередной прогулки с гривами тот больше не сидел в седле сиднем: запасы эссенции жизни требовали пополнения.

Однако рядом находился Руферон и паладины, и нужно было соблюдать осторожность: никак иссушенных сосен и увядших лиственниц — только короткие, слабые касания, внешне никак не изменяющие облик леса. Таких прикосновений требовалось немало, но гривы бегали быстро и с охоткой.

По возвращению в отделение паладин-страж библиотеки даже не попросил их родовые листы. «Такие вот поблажки и приводят к позорному поражению», — подумал про себя Райз. Здесь посмотрели сквозь пальцы, там выполнили свой долг спустя рукава — и до падения системы стало как рукой подать. И ладно — недалекие новобранцы, но подобные оплошности со стороны седого старика? Похоже, Братство держало его слишком долго, тогда как давно пришла пора отпустить старого вояку на покой. Но решать это было не Райзу. А вот намекнуть Регрору на проблемы с дисциплиной он вполне мог.

В этот день никто не отвлекал их от работы над картой. Перемещения Орды в Первую Войну уже были нанесены — пришла пора приступить ко Второй.

Начинать все, по сути, с нуля было неприятно. Вид совершенно чистой карты угнетал не меньше, чем стопки книг, ставшие куда выше. А ведь о третьем вторжении записей сохранилось и того больше. Если бы еще количество положительно влияло на качество, но Райз уже в первые часы заметил, что по второму вторжению противоречивых данных куда больше, чем по-первому.

Они прерывались на легкий спарринг каждые пару часов, чтобы хоть немного освежить головы. И если в первый день Къярт не выказал особого восторга по поводу таких вот тренировок, сейчас он был вполне даже не против. Вероятно, потому, что его не устраивало, что всякий раз поединок заканчивался ничьей.

После обеда у них появился зритель. Къярт не был в курсе, что за ними кто-то наблюдает, как, собственно, и Кара не могла знать, что всякий раз, когда, проходя мимо, она ненадолго останавливалась у окна второго этажа, Райзу становилось об этом известно. Он бы и сам не обратил внимания, если бы искр энергии духа не стало достаточно, чтобы их заметить, а, заметив, точно определить, кому они принадлежат.

Наблюдая за горожанами, паладинами — да за кем угодно, Райз пришел к выводу, что их всегда окружала окрашенная энергия духа. Прежде он считал, что нередки моменты,

когда воздух вокруг живых существ становился кристально чистым, но со временем осознал, что все дело было в его чувствительности.

Так что теперь он мог с уверенностью заявить, что любой человек, даже находящийся в спокойном состоянии, окружен энергией духа. С каждым днем Райз замечал ее, похожую на преломленный цветным стеклом свет, все лучше. Пусть и мелочь, но из нее вышел отличный индикатор аномалий. Одной из таких аномалий и был Къярт.

Когда его не донимали кошмары и Фелис, он находился словно бы в спячке, напрочь лишенный каких-либо эмоций. Лишь изредка они проявляли себя как вспыхивающие и тут же гаснущие искры, или же четко выраженные лоскуты, которые сохраняли свой цвет пару минут. Во все остальное время не было ни преломленного света, ни дымки — ничего.

Кара была такой же.

На следующий день небо заволокло облаками. Стоявшая всю неделю жара спала, воздух перестал сушить горло, и поднявшийся к полудню ветер гонял по улице свежесть, которую хотелось без конца вдыхать. Однако в библиотеке ждали карты, и Райз, собрав всю волю в кулак, поборол желание устроить выходной. Но сколько бы ни было работы в течение дня, вечер, к которому подбиралась гроза, принадлежал только им, и Райз собирался встретиться с ним где угодно, но только не под крышей.

Отсутствие жары благостно повлияло не только на него, но и на Къярта, решившего проявить куда большую прыть во время очередной тренировки, так что Райзу даже пришлось немного собраться. Чего уж скрывать: ни он, ни Къярт не выкладывались на полную. Если так подумать, даже тогда, в их первую драку, когда каждый по-настоящему стремился переиграть другого, ни один из них не действовал на пределе своих возможностей.

— Почему он безоружный? — вопрос Кары в одно мгновение остановил поединок.

Райз до последнего сомневался, к ним ли она направляется, но загорающиеся вокруг нее рыжеватые искорки уверенно двигались в их сторону, пока девушка не появилась на краю площадки.

— Слишком крут, чтобы ему еще и палку в руки давать, — усмехнулся Райз.

— Тогда я даже не буду пытаться, — Кара взяла со стойки шест — такой же, как у Райза, и посмотрела на Къярта. — Позвольте? — она указала шестом на Райза.

— Конечно, — Къярт убрал упавшие на лоб волосы и отошел в сторону.

Кара встала напротив Райза — на пару метров дальше, чем длина шеста в вытянутой руке.

— Никогда прежде не видела такого стиля боя.

— Это индивидуальный стиль. Всего понемногу.

— Ладно, — девушка кивнула и напала.

Зажатые в тесных стенах, удары дерева о дерево взбивали воздух. Хотя до настоящих ударов им было далеко: все же женская физическая сила и рядом не стояла с мужской, и Кара, прекрасно это понимая, не пыталась полноценно блокировать удары. Но даже случающиеся вскользь касания дерева о дерево, после шелестящих встреч шеста и перчаток Къярта, звучали дико.

Кара была проворнее. Меньше вес — меньше инерция. Более пластична, хотя поначалу не верилось, что сидящий строго по фигуре мундир паладинов позволит так двигаться.

А еще Кара была намного коварнее Къярта. Правда, Райз сказал бы, что кто угодно был бы коварнее него, но в случае с девушкой это особенно бросалось в глаза. Как и то, что она все же предпочла бы, как и Къярт, драться на ближней дистанции. Не кулачный бой, скорее

что-то похожее на парные стилеты: сблизиться, сделать ложный выпад, ужалить, отскочить.

Райз размышлял о том, как часто паладины вступали в схватку без брони. Имелась ли у Кары вообще хоть капля опыта сражений вот так, без защиты? Участие в бою, считай, без ничего, когда в остальное время тебя покрывает непробиваемая броня, должно накалять нервы до предела. Сейчас, конечно, была всего лишь забава, без какого-либо риска не то что для жизни, но даже для здоровья. Но все же Райзу казалось, что искр энергии духа станет в процессе поболее. Однако исчезли даже те немногие, что были.

Райз не мог решить, как лучше закончить поединок. Подождать, пока Кара выдохнется или ей надоест? Выдохнуться самому? Или же просто опустить шест и сказать, что им пора возвращаться к работе? Порой привычка подкладывает под каждое действие второе дно начинала досаждать ему самому.

Кара избавила его от принятия решения, оступившись. Хотела сделать очередной обманной маневр, но не рассчитала и оказалась на земле. Не рассчитала, как же.

Райз бросил в сторону Къярта мимолетный взгляд. Он хорошо помнил, как топорно тот подставился в их первую встречу. И снова одна и та же уловка, но уже в другом исполнении. Да и цель иная. Ну и пусть.

Когда Райз протянул Каре руку, чтобы помочь подняться, та потянулась в ответ — левой рукой, тогда как правая тут же крутанула шест, подсекая ногу Райза. Пришел его черед оказаться на земле.

— Грязный прием, — с усмешкой заметил он.

— Нечего было поддаваться, — Кара пожала плечами и первой поднялась на ноги.

— Я не поддавался.

— Поддавался, — подал голос Къярт. Он все так же стоял в стороне, подперев спиной колонну и скрестив руки на груди. — И даже не пытался сделать вид, что это не так. Как, впрочем, и госпожа Раяда.

Кара пронзила Къярта взглядом. Правда, с тем же успехом она могла попытаться пронзить кирпичную стену или же колоду векового дуба.

— Спасибо, это был познавательный поединок, — Кара вернула шест на стойку. — Дайте мне знать, если вам понадобится помощь в библиотеке.

Не дожидаясь ответа, она оставила площадку.

— Продолжим?

Райз был уверен, что если бы в скудном наборе интонаций и мимики Къярта имелась издевка, она бы прозвучала именно сейчас.

— Нет, хватит с меня противников-роботов. Лучше вернемся к работе.

— Роботов?

— Это долго объяснять, чтобы ты уловил суть подколки. Как-нибудь в другой раз.

Къярт настаивать не стал, впрочем, как и долго хранить молчание.

Он заговорил вновь, когда они вернулись в библиотеку, и поблизости больше не было посторонних ушей.

— Хочешь, чтобы и тебе руку сломали? — флегматично поинтересовался он.

Райз скептически изогнул бровь.

— Или хочешь таким способом увидеть броню паладина?

— Твои инсинуации ранят меня в самое сердце.

Къярт посмотрел на него долгим взглядом.

— Нет. Дело не в броне, — в итоге вынес он вердикт.

— Неплохо, Къарт, неплохо, — Райз одобрительно улыбнулся.

Все то время, что они находились рядом, Къарт методично изучал его. И, что сказать, делал успехи. Он не был глуп. Слишком наивен, слишком неопытен — это да. Но не глуп.

Несмотря на то, что после передышки дело пошло бодрее, Райз все равно считал часы до того момента, когда он сможет позволить бросить все до завтрашнего дня. Он снова чувствовал себя заложником обстоятельств, узником, который вынужден дни напролет сидеть в коробке и так пока его работа не будет сделана. Казалось бы, всего-то несколько недель, может месяц, а такое чувство, будто всю жизнь. И когда он успел стать таким нетерпеливым?

Но вот день подошел к концу, отделение паладинов осталось за спиной, а небо все продолжало супиться, грозить редкими каплями, больше похожими на брызги, и внезапными порывами ветра, что разогнали с площади всех торговцев и зевак. Дождь все не начинался.

Он не начался даже тогда, когда пришло время сна, отчего Райз почувствовал себя обманутым ребенком. Безумие. Столько драмы из-за дурацкого дождя.

Райз посмотрел на сизую взвесь, что начала скапливаться вокруг Къарта, едва тот уснул. Да уж — у каждого из них свое помешательство.

Он таки дождался его. Ближе к полуночи тяжелые капли замолотили по крыше, по водостоку побежали шумные потоки воды. Ветер бился о стекла.

Тихо одевшись и обувшись, Райз направился к двери и замер, уловив изменения в энергии духа за спиной. Ускользнуть незамеченным не вышло.

Къарт молчал. На долю мгновения Райз почувствовал себя мальчишкой, который собирался в одиночку съесть весь пирог и был пойман товарищем с поличным. Однако тот ничего не стал говорить и даже отвернулся, будто бы и вовсе ничего не видел.

Проклятье.

— Давай быстрее, если тоже хочешь прогуляться, — нарочито небрежно произнес Райз.

— Ты же собирался идти сам.

— Передумал. Ну так что?

На улице лило так, будто сразу прохудились все облака мира. Слабый свет масляных фонарей дрожал в лужах у края дороги.

Пара шагов — и ботинки насквозь промокли. Да и одежда обещала продержаться не дольше десятка секунд. Но Райзу было плевать. Торопливым шагом он шел по улице. Къарт, без единого слова, — за ним.

Райз знал, куда хочет попасть. Он не один день смотрел на высокую башню в нескольких кварталах от отделения Братства; видел людей, которые поднимались на самый верх, чтобы поглазеть на гигантскую змею с высоты птичьего полета. И, точно околичный фонарь в разыгравшуюся вьюгу, шпиль башни манил его.

Главное, чтобы вход не был заперт. Хотя сейчас Райз не постеснялся бы и сбить замок.

Подъем оказался не внутри, а снаружи: узкая лестница, лентой вьющаяся по внешней стороне башни, отделенная от обрыва трехметровой стеной. Калитка с небольшим навесным замком — единственное, что преграждало к ней путь. И в чем смысл, если перелезть ее не составит труда и ребенку?

По скользким ступеням бежали потоки воды, а на стене не было даже захудалого поручня, за который можно было бы ухватиться. Оступишься — и начинай подъем сначала. Если повезет не сломать шею.

На вершине башни буйствовал ветер — особо заметный после штиля, что царил в узкой щели подъема. Но от трехметровой стены осталась только кованная оградка, едва достигающая пояса, и черепичный конус, стоящий на четырех столбах и закрывающий от дождя только центральную часть круглой площадки. Скорее всего в изначальном проекте его и вовсе не было, и достраивали его исключительно для посетителей, чтобы тем было куда спрятаться от солнца.

Райз подошел к самому краю; положил руки на ограду. Шаткая. Не самая лучшая защита от падения. Хотя если кто-то окажется настолько туп, чтобы вывалиться вместе с ней — поделом.

Райз закрыл глаза и подставил лицо каплям.

Его первый дождь за последние шестнадцать лет. Когда он шел к обители друидов, Огнедол провожал его таким же ливнем: с громом и шквальным ветром, рвущим листву и ломающим ветви. Такая погодка да посреди дикого леса напугала бы любого, и уж тем более тринадцатилетнего мальчишку. Но Райз помнил, что он не боялся. Может, самую малость, но уж точно не непогоды. Никакая гроза не могла напугать внука мага молнии, укротителя земли и воздуха, тем более когда впереди, в какой-то паре дней пути, его ждали вещи куда более страшные.

Райз посмотрел вниз. Основание башни терялось в темноте и воде, но он все равно чувствовал высоту. Она звала его, уговаривала стать тем глупцом, которого не сдержала ограда.

Он с удовольствием поддался бы этому зову — в такую погоду не было дураков разгуливать по улицам, и никто не мог его увидеть. Но он больше не был магом воздуха, а падение прельщало куда меньше, чем полет.

Теперь ведь даже не попробуешь... В Республике никто не позволил бы ему сигать с высоток, а среди друидов было уж точно не до подобных забав.

— Никогда не испытывал чувства свободного падения? — спросил он у Къярта, держащегося немного позади.

Гроза не вызывала у того такого же восторга, и пошел он лишь потому, что не хотел оставаться один. Но понимая, что Райз имеет иные предпочтения, старательно делал вид, что его нет.

— Было однажды, — Къярт приблизился к ограде и тоже посмотрел вниз.

— И как это? Что ты почувствовал?

— Это произошло тогда, когда я прыгнул в скважину, ведущую в недра планеты, чтобы ее уничтожить. Тогда было не до размышлений о свободном падении.

Райз потер переносицу и глухо рассмеялся.

— Проклятье, — его голос исчез в раскате грома.

Ливень обещал продлиться до утра.

Райз дал Фелису новую возможность высказаться на следующий вечер. Еще один день, проведенный в библиотеке, остался позади, а за окном номера даже не стемнело — сегодня они вернулись раньше обычного.

— Двадцать пять, — такими были первые слова появившегося Фелиса.

Райз посмотрел на непривычно хмурого некроманта с неммым вопросом.

— Мне было двадцать пять лет, когда я начал подготовку к вашему призыву. Тебя интересовал этот момент, — интонации Фелиса звучали на грани учтивости и иронии.

— И что послужило причиной?

— Высшая сила.

Райз изобразил улыбку, Къарт — несколько бледно-розовых лоскутков. История с «высшей силой» надоела даже ему, чтобы остро на нее реагировать, но Фелис, похоже, не собирался от нее отступать. Ну и пусть.

— То, что я хотел рассказать о паладинах, — продолжил Фелис, — в текущий момент не представляет особой ценности. Но в будущем вам стоит извлечь из этого пользу. В частности, это касается тебя, — Фелис посмотрел на Къарта и продолжил: — Не все паладины также враждебны к некромантам, как Раяда. Точнее, не ко всем некромантам. Вы должны были заметить, что паладины не мало пекутся о своем финансовом благополучии. Руководство уж точно. Братство содержится за счет налогов и обязано заниматься поиском и устранением некромантов, умертвий и призванных. Что же касается прочих тварей и нечисти, они предоставляют свои услуги только за плату. За уничтожение всякой мелочи обычно берутся вольнонаемные отряды — меньше цена, и дозваться их проще. Проблем же посерьезнее на самом деле не так уж и много. Вернее, их много, но недостаточно. И зачастую хлопот с ними больше, чем выручки. Поэтому во всех землях Афракского союза и, думаю, за его пределами, есть «ручные» некроманты, о чьем существовании паладинам прекрасно известно. Собственно, они живут и здравствуют именно с их подачи. Не высовываются, не трогают население, как правило, а когда требуется, поднимают какое-нибудь чудище, которое начинает нападать на более-менее богатый населенный пункт. Затем появляются паладины. Тварь побеждена, закрома Братства пополнены. Понятное дело, о существовании «ручных» некромантов известно только некоторым членам руководства.

Фелис замолчал.

— И ты был одним из таких «ручных»? — спросил Райз.

С лица некроманта пропала драматичность, взгляд потемнел, а губы растянулись в улыбке.

— Верхушка Братства — лицемеры, но не идиоты. Они привлекают на свою сторону исключительно слабых некромантов — тех, на кого плевать даже своим. Тех, кто не вхож в ковены, и не может выдать паладинам никакой ценной информации. Иначе некроманты — те, кто не ведет дела с паладинами — быстро прекратили бы подобное сотрудничество. Я ответил на твой вопрос?

— Вполне.

— Касательно пользы в будущем, — Фелис прошел к окну и посмотрел на виднеющуюся над крышами голову змеи. — Учитывая, что Орда будет состоять по большей части из умертвий, Къарту не повредит навык перехватывания контроля. Это достаточно

хитрый, но крайне полезный трюк. Без тренировок его не освоить. Слабый, привыкший подчиняться некромант придется очень кстати. Я знаю, где можно найти одного из «ручных». Так что когда ты, Райз, освоишься со своими силами, его следует навестить.

— У нас будет на это время? Разве Орда не собирается напасть через месяц? Или два?

Выстрел наугад на удивление попал в цель.

— Не так скоро. Время еще есть.

— Ты знаешь, когда это произойдет?

Фелису не стоило встречаться с Райзом взглядом. Хотя он наверняка сделал это намеренно, как и намеренно дал прочитать в нем ответ.

— Можешь заканчивать нашу беседу, — ровным тоном произнес Фелис. — Когда вам понадобятся координаты «ручного» — ты знаешь, как меня позвать.

Райз кивнул и убрал ладонь от ладони Кьярта.

Разговор оставил после себя странное послевкусие. Он одновременно обнадеживал, наталкивал на мысль, что раз Фелис знает куда больше, чем говорит, возможно, его вера в их победу не так уж и безосновательна. И в то же время Райз не мог избавиться от ощущения, что на его горле медленно затягивается петля.

Последующие три дня были потрачены на карты второго и третьего вторжения Орды. Кроме уже выявленных закономерностей у Райза появилось несколько догадок, но он не хотел делать поспешных выводов. Нужно было проверить несколько источников, упомянутых в хрониках, дополнить карты, и тогда уже говорить наверняка.

Райз больше не видел энергии духа Кары. Скорее всего ей поручили казнить очередного некроманта — из тех, кто не находится под защитой Братства. Интересно, что она сделала бы, узнай о существовании «ручных»? Знал ли о них Регрор, или же он не входил в круг доверенных лиц?

Сотрудничество паладинов с некромантами не удивляло. Человеческая суть — будь то простые люди, стихийные и ментальные маги, честолюбивые церковники и паладины, или правительство Республики — всегда оставалась одной и той же: падкой на власть и деньги, и чем больше была власть, тем меньше ее держатели заботились о нравственной стороне вопроса.

Пока одни не гнушались связываться с врагами государства, приумножая и без того немалое состояние, другие использовали методы заработка, о которых не стыдно было рассказать людям. Волнений такая работа приносила вряд ли меньше, чем сотрудничество с некромантами. Каждое утро, когда Райз с Кьяртом приходили в стойла, чтобы устроить гривам прогулку, Гримли смотрел на них так, будто бы днем ранее Райз не повторил уже в который раз, что они здесь еще как минимум на неделю. И, как и всегда до этого, Гримли расплывался в подобострастной улыбке, энергично кивал головой и тараторил о том, каких отличных свиней ему удалось закупить на ужин для гривов.

На качество ухода и правда было грех жаловаться. И хоть шкуры Клыка и Когтя лоснились, а бока заметно округлились, гривы открыто давали понять, что подобное сидение им не по душе, и от ежедневных часовых прогулок проку не намного больше, чем от выгула внутри стойл. Но без них Клык и вовсе отхватил бы Райзу голову. Так что лучше маленькие истерики зверя изо дня в день, чем один раз, но наверняка.

Коготь не слишком отличался от своего брата выдержкой, но все равно казался поспокойнее. Быть может ему передалась часть флегматичности хозяина, которой с каждым днем становилось только больше. И хоть порой сравнение Кьярта со снулой рыбой

становилось как нельзя уместным, был в этом и положительный момент.

За день до того, как последняя карта была почти закончена, Къярт наконец перестал просыпаться с криком. Кошмары так и не оставили его — Райз видел это по облаку энергии духа, непривычно густому и объемному. То ли Къярт начал понемногу к ним привыкать, то ли взял себя в руки, но теперь он просыпался без единого звука.

Они перелопатили немалый пласт информации, но впереди ждал еще больший. Прежде чем с чистой совестью оставить библиотеку, нужно было изучить годы перед нашествиями. Разобраться, о каких таких признаках скорого вторжения говорил Фелис, и хотя бы приблизится к пониманию того, как исполинам удалось одержать победу.

В то, что поиски последнего увенчаются успехом, Райз не сильно верил. Победа над Ордой — не то, о чем бы умалчивали. И спустя неделю изучения всеразличных донесений, исследований и гипотез — все, что было ясно, это то, что в один момент большая часть Орды исчезла. Это точно не был ее переход в следующий мир-жертву, как случалось до этого. В первое и второе вторжение Орда уходила целиком, не оставляя остатки армий, чьи дезертиры, все, как один, твердили об уничтожении их командования и почти всех сил.

Что тогда произошло, могли знать исполины. Наверняка они-то и приложили к этому руку. И даже не оставили человечеству, которое так яро защищали, подсказки на будущее. Почему они вообще встали на защиту этого мира? Они явно были такими же пришлыми, как и Орда. Быть может, искали себе новый дом, хотя сомнительно, учитывая, что за три тысячи лет пребывания в этом мире они никоим образом не пытались подстроить его под себя. Помогали восстанавливать человеческую цивилизацию после набегов Орды — это да. Но не более. Так зачем тогда они явились?

Движение Орды и чудом сохранившиеся переписи населения свидетельствовали о том, что этот мир всякий раз становился ее охотничьими угодьями. Каждый раз они проходили по землям с самой высокой плотностью населения, самыми обширными и плодородными территориями. И сейчас Райз не мог определиться, плохо или хорошо, то, что Афракский союз лидировал по всем трем показателям. С одной стороны оказаться в самой гуще событий — то еще удовольствие. С другой — не придется далеко ходить.

Райз укрепился в своей догадке, что Орда нападет на Афракский союз, когда газеты, появляющиеся на стойке администратора гостиницы раз в неделю, запестрели заголовками о разгоревшихся на границе боях. Агруа напала на Хепрас, при этом правящая элита утверждала, что именно Хепрас первым проявил агрессию. Король Хепраса же апеллировал к тому, что Агруа не первый год заявляла права на приграничные земли, и вот наконец решилась пойти на эскалацию конфликта.

Парламент Афракского союза резко осудил действия обоих государств и даже стянул к границе войска — в виде предупреждения, чтобы в своей междоусобице они ненароком не зашли на территории, к которым уж точно не имели никакого отношения. Но дальше осуждений и предупреждений дело не пошло. В конце концов, война между соседями в некоторой мере была Афракскому союзу на руку: если не оба государства, то хотя бы проигравшее больше не станет отказываться стать частью союза. И пусть истощенные боями земли мало что могли дать — разве что рынок сбыта и дешевую рабочую силу, — они в любом случае оставались территориями, а их присоединение — еще одним шагом на пути к установлению власти на всем континенте. Будто бы эта власть могла защитить их от Орды.

Чем больше Райз слушал разговоры на улицах и в барах, в которые они с Къяртом время от времени наведывались, тем больше убеждался в том, что во вторжение Орды мало кто

верил. В том числе и паладины. Люди не отрицали, что Орда нападет. Когда-нибудь, да, когда-нибудь точно нападет. Но никак не на их веку и даже не на веку их детей и внуков.

А вот Райз скорое вторжение Орды под сомнение не ставил и даже предполагал, где именно оно начнется. Но одного предположения было мало. И пусть проведенные в библиотеке Руферона три недели не прошли даром, день, когда придет пора взяться за отложенную в сторону зацепку приближался. Но сперва Райз собирался потратить еще дней пять на то, чтобы перебрать записи допросов некромантов, пойманных сразу после поражения Орды.

Бумаги находились в подземном хранилище отделения, и Райз хотел поговорить об интересующих его документах с Карой, но с того дня, как девушка выразила желание устроить поединок, она так больше и не появлялась. В голове промелькнула мысль, что тот, кто долго не возвращается с задания, может и вовсе с него не вернуться, но Райз тут же отмел ее.

За неимением другого варианта пришлось обратиться к старику-стражу библиотеки, который, вместо того, чтобы указать им путь к архивам, привел к ним главу отделения. Регрор, хотя его, наверняка, и оторвали от важных дел, не выказал какого-либо недовольства, но и разрешение войти в архивы не дал. Зато поручил старику поднять в закрытую секцию востребованные бумаги и заодно пригласил Енкарт на раут, который устраивало Братство в городской ратуше через три дня. Только для представителей высшего сословия и близких друзей, осознающих всю важность деятельности паладинов.

— Как пить дать, будут трясти кошельки пришедших, — с ухмылкой произнес Райз, когда они в тот же день зашли в лавку обшивающего знать портного, чтобы подобрать что-то на вечер.

— И зачем нам туда идти?

Къярт покачал головой, когда портной, subtilный мужчина с закрученными кольцами усами, попросил его снять перчатки. Уточнив, нужно ли дополнить костюм чем-то подобным, тот продолжил снимать мерки.

— Почему бы и нет? Или у тебя были какие-то другие планы на вечер?

— Нет, — равнодушно ответил Къярт и не стал продолжать разговор.

Впрочем, несмотря на безразличный вид и отсутствие каких-либо оттенков в энергии духа, Райз все равно заметил его недовольство.

— Знаешь, если ты будешь прямо говорить, что тебя не устраивает, станет намного проще, — сказал он, когда они вышли из экипажа на площадь перед ратушей.

— С чего ты взял, что меня что-то не устраивает? — с невозмутимым видом спросил Къярт.

Райз хмыкнул и ничего не ответил.

В своем величии ратуша не намного уступала отделению паладинов. Да, у нее не было десятка корпусов и еще больше гектаров земли в центре, расточительно потраченных на тренировочные полигоны. Но тяжелый фасад, приподнятый над площадью высоким фундаментом, и длинный пролет ведущих к главному входу ступеней ясно давали понять, что именно это — главное административное здание Руферона и по совместительству резиденция наместника.

В свете уличных фонарей — пусть центральная площадь и была истыкана ими, как игольница иголками, — нельзя было в полной мере оценить задумку архитектора, украсившего здание лепниной. Так что Райз решил в оставшиеся пару дней пребывания в

городе наведаться к ратуше при свете дня.

Вдоль тротуара выстроилась длинная вереница изысканных экипажей, тех, что находились в собственности приглашенных и должны были дожидаться окончания вечера, а не принадлежащие городским извозчикам, чьими услугами пользовались Райз с Къяртом.

От прошедшего пару дней назад дождя не осталась и следа, и официальный костюм не был тем, что хотелось носить в душном даже после заката воздухе. На то, что внутри ратуши окажутся кондиционеры, рассчитывать не приходилось. Может быть, через пару веков, но душно было сейчас. Райз даже начал подумывать о том, что было бы неплохо, если бы сейчас из-за угла появилось какое-нибудь чудище: собравшаяся знать в страхе бросилась бы кто куда, окруженная голубыми облаками, активация которых хоть немного охладила бы пространство вокруг. Если, конечно, для этого хватило бы концентрации. Иначе все закончилось бы бесполезным в данный момент гашением инерции крупных объектов, что окажутся внутри облака.

Райз пришел к таким выводам в стычке с сожравшими Стева тварями. Тогда же он осознал, насколько сильно полученный дар связан с элементарными законами физики. Страх замедлял движение молекул, злость ускоряла, и в тоже время при переходе пороговой концентрации — в ту или иную сторону — воздействие на материальный мир видоизменялось, пусть основная идея и оставалась прежней.

Райз пробежался взглядом по собравшимся в холле паладинам; отметил Регрора, беседующего с парой гостей — высоким мужчиной, от которого так и веяло снобизмом, и его спутницей, жеманно держащей того под руку. Вокруг них, как акулы вокруг издыхающего кита, наворачивали круги другие пары, и за каждой такой тянулся шлейф из кислотных оттенков зеленого, рыжего, лилового и прочих цветов, от которых начинало рябить в глазах. Немалую же сумму сегодня поднимет Братство. Решение сыграть на желании местной знати покрасоваться перед остальными и блеснуть глубиной кармана било точно в цель.

Кроме палатинов и нескольких десятков гостей в холле были столы, накрытые белыми скатертями с золотыми оборками — классический стиль палатинов — такие же белые блюда с золотой каймой, и только закуски выбивались из общего торжества белого и золотого. Пара скрипок и фортепиано выводили ненавязчивую мелодию, под которую не предполагалось танцевать, зато ходить из стороны в сторону с важным видом — в самый раз.

Глава отделения заметил Райза и Къярта почти сразу же. Он тут же оставил своих собеседников и, провожаемый пристальными взглядами, направился к ним. Дальше приветствий и взаимного обмена любезностями дело не зашло. Похоже, о новоиспеченных Енкартах было известно доброй половине присутствующих, и это знание их явно не радовало. Регрор был об этом в курсе не меньше, чем Райз, и, выказав уважение, он сразу же ретировался — чтобы лишний раз не мутить воду в колодце. А главе отделения не позавидуешь: целый вечер выплясывать вокруг представителей высшего сословия, пытаться сохранить чувство собственного достоинства, и при этом не умалить достоинство гостей.

Чтобы не привлекать лишнего внимания, Енкарты отошли к одному из столов, вероятно, с наименее привлекательными блюдами, так как больше желающих подойти к нему не нашлось. Райз был уверен, что теперь они и не появятся.

— Кажется, у меня талант не нравится жителям других миров, даже ничего еще не сделав, — произнес Къярт, когда Райз скользил взглядом от одной пары к другой, и

размышлял, хочет ли он что-то сделать с их энергией духа, или нет. Активировать ее точно не стоило, а вот проверить одну теорию вполне себе можно было.

— Им не нравится твое родовое имя, а не ты. Или скорее то, что оно у тебя вообще есть. Впрочем, тоже самое касается и меня.

— Фелис говорил, что никого не волнует кровное родство. Только родовые листы.

— Фелис много чего говорит, — хмыкнул Райз. — Да, когда речь заходит об официальных моментах, родовые листы — во главе стола. Но у человеческой природы свои понятия, — он покачал головой. — Даже друиды не стеснялись придирааться к происхождению.

— Даже?

— Их общество исповедовало абсолютное равенство и братство. А еще «все принадлежат всем» и прочие прелести, — Райз усмехнулся.

Он уже наметил себе цель — приземистого мужчину в очках, чем-то напоминающего владельца стойл. Энергия духа вокруг него была бледнее, чем у остальных, так что Райз забрал зеленую дымку у его собеседников, и окружил ею, как коконом, свой объект для изучения. Не прошло и пары минут, как, до этого отмалчивающийся, мужчина вмешался в разговор и стал что-то бойко доказывать.

— Так с какой целью мы пришли? — спросил Къярт, блуждая взглядом по присутствующим. — Так и будем стоять здесь или...

— Делай, что хочешь. Заведи новые знакомства, пообщайся, — Райз коротко взглянул на Къярта. — Извини, сложно было удержаться, — он улыбнулся. — Как такового плана у меня нет. У нас оказался свободный вечер, а меня подобное времяпрепровождение в предыдущей жизни обошло стороной. Вот и было любопытно посмотреть.

— Разочарован?

— Не сказать, что ждал чего-то определенного, чтобы в итоге разочаровываться. Но думаю, такие вот собрания знати в любом мире выглядят одинаково. В твоём было так же?

— Без понятия. Отец держал меня подальше от подобных мероприятий — чтобы не смущать людей.

— Что ты такого делал? — Райз удивленно приподнял бровь.

— Ничего. Просто был, — Къярт пожал плечами и потянулся к одному из блюд с закусками.

Гости продолжали прибывать, а Райз продолжал свои эксперименты, так что в какой-то момент в холле ратуши стало чересчур оживленно. Но теперь Райз мог сказать наверняка, что, как лишение человека энергии духа могло повлиять на эмоциональное состояние, сгладить его, так и наоборот. Даже не требовалось брать энергию у кого-то другого: можно было использовать вырабатываемую человеком и путем ее концентрации усилить его эмоции.

Даже когда количество посетителей раута увеличилось в три раза, желающих подойти к Енкартам так и не нашлось. Но те и не стремились к общению. Райз уже прекратил забавляться с энергией духа, и уже начал подумывать о том, что еще немного, и он разделит ту же скуку, которая одолевала стоящего с флегматичным видом Къярта, когда среди присутствующих паладинов появилась Кара.

Райз увидел ее уже после того, как ощутил рисунок ее энергии духа, хотя, казалось, в заполняющем доверху холл цветастом озере невозможно было отделить один от другого.

Она была единственной из паладинов, одетым не в привычный мундир, а в платье.

Впрочем, в Руферонском отделении женщин кроме нее больше не служило. Среди паладинов они вообще встречались редко, но по несколько человек в каждом крупном отделении все же числилось. Кара же была одна.

Но несмотря на отсутствие мундира, она все равно пришла в цветах Братства — белом платье с золотистой вышивкой. И хоть в нынешние времена в Афракском союзе женская мода находилась в довольно строгих рамках, в стоящей на улице жаре только Кара отважилась надеть платье в пол с длинными рукавами и высоким горлом, почти полностью закрывающим шею — так, что не был показан ни один лишний сантиметр тела. Правда, учитывая подчеркивающий каждый изгиб тела крой, дополнительных демонстраций и не требовалось.

Стоило Каре появиться в зале, и Регрор тут же подозвал ее, стал ходить с ней от одной группки людей к другой и красноречиво представлять девушку — словно бы хвастался драгоценностью. Но Кара не нуждалась в представлении — в зале не нашлось никого, кто не знал бы о руферонском Палаче. Тут и там то и дело вспыхивали голубоватые огоньки опасения, будто каждый третий явившийся был некромантом.

Устроенная главой отделения презентация пришлась Каре не по нраву. Вокруг нее завились алые лоскутки раздражения, но девушка продолжала следовать за Регрором, сдержанно улыбаться и приветственно кивать. Когда же Регрор наконец отпустил ее, она, не долго думая, сбежала на один из балконов.

— Я здесь и сам справлюсь, — под вопросительный взгляд Райза, Къярт придвинул стоящий в стороне стул и уселся на него. — Ты же взгляда с нее не сводишь. Иди, я подожду здесь.

Райз хмыкнул и направился в сторону балкона.

Не сказать, что на улице стало прохладнее, но после духоты зала под открытым небом дышалось несравнимо легче.

— Госпожа Раяда, — поприветствовал ее Райз и занял место в метре от облокотившейся на высокую балюстраду девушки. Больше желающих подышать свежим воздухом не нашлось.

— А, можно просто Кара, — она устало улыбнулась.

— Не нравится устроенный прием? — Райз качнул головой в сторону оставшейся за спиной суеты.

— Просто не согласна с тем, что на него нужно тратить время всем паладинам отделения.

— Должен заметить, что это несогласие не помешало потратить время на то, чтобы выглядеть безупречно.

Едва нахмурившись, Кара посмотрела на Райза. Сначала ему подумалось, что вокруг нее зажглись розовые искорки негодования, но нет. Это был персиковый, цвет веселья. Конечно, руководствоваться подсказками энергии духа было в некотором роде жульничеством, но так как в комплекте с даром не шло кнопки выключения...

Кара усмехнулась и, отведя взгляд, покачала головой.

— Что? — Райз едва сощурился.

— Пытаюсь понять, что с тобой не так. С тобой и Къяртом.

— Не понимаю.

Кара продолжила не сразу.

— Я знаю, что обо мне говорят. Какие слухи ходят. И вижу, как все вокруг смотрят. С жалостью. Неприязнью. Даже страхом, — она оставалась совершенно спокойной, будто то, о

чем она говорила, нисколько ее не волновало. Судя по энергии духа, так и было. — Но только не вы двое. Сначала потому, что не знали, — я уж думала таких не знающих и вовсе не осталось — а затем кто-то просветил и вас. Предполагаю, те двое в баре. Паладины не стали бы болтать, а та барышня так смотрела весь вечер, — Кара тихо рассмеялась.

А она наблюдательная. Не самая удобная черта, учитывая находящегося в зале за ее спиной некроманта. Повезло, что последнее задание заняло Кару на две недели. Кто знает, к каким умозаключениям она могла прийти, будь они все время на виду. Конечно, бытие некромантом не сказывалось на поведении — уж точно не в случае Къярта — но если полжизни на кого-то охотиться, вполне можно было занять чутье, которое и без всяких паладинских сил позволяло чувствовать в человеке некроманта.

— Я угадала? Это были те двое? — Кара снова посмотрела на Райза. Он с улыбкой кивнул. — Ну вот. Вы узнали, но ничего не поменялось. Вот я и гадаю: почему?

Райз на мгновение задумался — не об ответе на вопрос, а о том, стоит ли его озвучивать.

— Если честно, что я, что Къярт знаем истории и куда более... неприглядные.

— Например?

— Неприглядные истории на то и неприглядные, чтобы не говорить о них на подобных вечерах.

Кара не настаивала. У Райза промелькнула мысль рассказать парочку историй, которые мало кто воспринял бы всерьез. Но даже небольшая вероятность того, что Кара могла не просто посмеяться, а задуматься над услышанным, грозила немалыми неприятностями. И Райз ничего не сказал.

— Как продвигается ваше исследование? Составление плана уничтожения Орды? — без тени насмешки поинтересовалась она.

Райз внимательно следил за ее мимикой. Ничего лишнего, только то, что она сама хотела показать. Но после тренировок на Къярте, который предпочитал вообще ничего не выражать, Райзу многого и не требовалось. Даже абсолютный дурак заметил бы в вопросе тончайшую шпильку, сыгранную с совершенно серьезным лицом. В этом приеме Кара дала бы фору даже Къярту.

— Исследование — примерно так, как и ожидалось. План уничтожения — увы, пока никакой конкретики. Считаешь это глупостью? — спросил Райз и добавил, решив не загонять девушку в угол и оставить лазейку: — Разве Братство не собирается сделать то же самое?

Взгляд Кары стал серьезнее, а на губах остался лишь намек на улыбку.

— Братство защищает людей от некромантов и прочей нечисти и отлично с этим справляется. Но Орда... даже исполины смогли победить ее лишь с третьего раза и все равно были уничтожены. У людей не может быть подобной силы.

— И нет никакого тайного оружия? Вообще ничего?

Есть. Нет. Не знаю. Каким бы ни был ответ, даже если бы Кара решила соврать, Райз получил бы свое. Глупо было надеяться, что у Братства за пазухой окажется припрятано какое-то супер-оружие, которое оставили исполины, и они в раз уничтожат Орду. Но оставить непроверенным короткий путь Райз не мог.

Кара прямо посмотрела на него и отрицательно качнула головой.

— Ничего, о чем мне было бы известно, — добавила она. И это была правда.

Кара обернулась на донесшийся из холла звон чего-то металлического о стекло бокала.

— Кажется, все собрались. Господин Рортис подготовил обращение. Тебе лучше вернуться, послушать.

— Къярт потом перескажет, — отмахнулся Райз.

— Это неуважение, — заметила Кара.

— Главе вашего отделения нужны наши деньги, а не уважение. И он их получит.

Кара едва поджала губы, но не стала продолжать. Как и возвращаться к остальным.

В зале наступило молчание, музыка стихла, и голос Регрора отчетливо зазвучал даже на балконе. Он говорил о роли Братства в безопасности Афракского союза, об успехах последних месяцев в уничтожении некромантов и, конечно же, о необходимости поддержки со стороны знати, ведь грядет Орда, и чем большими ресурсами будут располагать паладины, тем быстрее они смогут с ней разобраться. Как Райз и предполагал.

— Ты не веришь в то, что Орда придет вновь? — спросил он, не став дослушивать речь Регрора.

— Можно было бы не верить лет сто назад. Но не сейчас. Только дурак не заметит, что история повторяется.

— И тебя это не беспокоит?

Кара была не столько спокойна, сколько безразлична.

Она пожала плечами и провела взглядом проехавший по дороге экипаж.

— Люди рождаются, а затем умирают. Есть явления, с которыми можно только смириться. Приход Орды раз в тысячу лет — одно из таких явлений. И с этим ничего не поделать. Не в нашей силе. Так какой смысл беспокоиться о том, чего не можешь изменить?

А Кара оказалась той еще фаталисткой.

«Рождаются и умирают», — повторил про себя Райз и хмыкнул. А затем появляется некромант и добавляет третий этап. Но в беседе с Карой некромантов уж точно не стоило упоминать.

Райз обернулся, когда давящее на затылок чувство стало уж слишком навязчивым. И правда, среди буйства красок энергии духа, отчетливо прослеживалось ртутное пятно.

— Боюсь, мне пора возвращаться к Къярту. Он не любит надолго оставаться один.

— Тогда почему не пришел вместе с тобой?

— Он не слишком общительный, — Райз улыбнулся. — Хорошего вечера, Кара.

— Хорошего вечера, Райз.

Он ушел прежде, чем желание станцевать на острие ножа или желание какого иного рода не толкнуло его на какую-нибудь глупость, вроде галантного поцелуя руки на прощание, после которого должно было последовать воплощение брони паладина. Конечно, Райз не считал, что Кара станет призывать броню прямо на устроенном Регрором рауте, но аргументировать этим свой побег было удобно.

Къярт сидел на том же стуле, с тем же спокойным видом, и единственным, что изменилось, была окружающая его стальная взвесь.

— Что такое? — спросил Райз сразу же, как только подошел.

— О чем ты?

— Къярт, не придуривайся, я же все вижу.

— Мне уже и похандрить немного нельзя, чтобы ты не бежал ко мне со всех ног? — несмотря на резкость слов, Къярт оставался спокоен. Во всяком случае, алых вкраплений в дымке вокруг него не появилось.

— Ничего себе у тебя хандра.

Одним коротким импульсом Райз разогнал облако тоски в стороны и тут же отметил, как переменялись лица тех, кого оно задело. Будто бы пару десятков человек одновременно вспомнили что-то, что основательно портило им жизнь, но тут же прогнали наваждение.

— Хочешь уйти отсюда?

— А ты уже закончил все свои дела?

Они обменялись долгими взглядами. В моменты подобные этому Райзу казалось, что, окажись под рукой столовый нож, и они бы сцепились, как в первый раз. Без злости или неприязни, а просто потому что, почему бы и нет.

— Пошли уже, — Райз нетерпеливо мотнул головой. — Уже глаза режет от этой феерии красок.

— Тебе нужно больше работать над контролем своей силы.

— И это мне говорит любитель носить перчатки в тридцатиградусную жару.

Ни с кем не прощаясь, они покинули ратушу.

В оставшиеся два дня в библиотеке ничего существенного не нашлось. Ни описания слабых мест Орды — именно самой Орды, а не ее составляющих — ни хотя бы намеков на то, как исполины смогли ее победить. Райз склонялся к тому, что в последний момент те обнаружили какое-то оружие, способ, которым смогли одержать победу. И обнаружили, вероятнее всего, случайно, так как по всем признакам исполинов должны были истребить за считанные недели.

Райз хотел поговорить с Карой, расспросить, что ей известно, но на следующий же день после устроенного Братством раута ее снова отправили на задание.

Регрор воспринял известие о том, что Енкарты оставляют город совершенно спокойно, даже безразлично. Райз не ждал, что тот расстроится, скорее наоборот — порадует, что в отделении наконец перестанут торчать посторонние. Но оказалось, что тому и вовсе не было дела.

А вот Гримли прощался со своими постояльцами едва ли не со слезами на глазах: называл лучшими клиентами, нахваливал гривов и пытался выяснить, когда господины Енкарты снова пожалуют в Руферон. Но возвращения в планах не было.

Вновь оказавшись под палящим солнцем, Райз чувствовал себя странно. С одной стороны он давно ждал дня, когда сможет распрощаться с четырьмя стенами; с другой же, в четырех стенах было не так жарко.

Они направлялись на юго-запад. Как и сказал Фелис, им нужно было осваиваться с силами и с миром вокруг, и единственной зацепкой, за которую они могли взяться без особого риска, было отслеживание цепочки тварей-разведчиков. Рано или поздно она должна была привести их к самому первому звену, которое должно знать куда больше, чем прислужники, а, возможно, и держать непосредственную связь с Ордой. И пусть первое звено вряд ли окажется рядовым противником, до него еще нужно было добраться.

Перспектива пропустить через себя еще невесть сколько жизней кровожадных тварей Къярта мало радовала — его неудовольствие было очевидно еще до того, как Райз описал ему дальнейший план. Но никто им не обещал легкой прогулки, и парень это понимал.

На то, чтобы добраться к границе леса, в котором находилось гнездо, место рождения сожравших Стева тварей, понадобилось пять дней. В какой-то момент Райз начал думать, что они идут не туда. Вместо того, чтобы вернуться к гнезду у поместья Фелиса и идти путем, которым пришли хищники, Къярт несколько часов просидел над картой, и, руководствуясь описанием ландшафта и воспоминаниями твари, рассчитал координаты расположения гнезда. Райз сомневался, что вычисленная точка окажется верной, но оспаривать идею не стал. Не так часто Къярт проявлял инициативу, чтобы рубить ее на корню. Да и Райзу было любопытно, каково это — полагаться на чьи-то решения, кроме своих собственных.

На четвертый день пути под палящим солнцем, которому по расчетам следовало стать последним, Райз уже собирался озвучить мысль, что лучше бы им вернуться к первому гнезду и начать оттуда, когда Къярт узнал местность. И чем дальше они продвигались, тем больше тот убеждался, что расчет верный.

Они подошли к лесу на закате. Определить точку входа не составило особого труда: Къярт сразу же указал на гигантский дуб, растущий на границе леса. Под ним и остановились на ночлег чтобы не идти на охоту в сумерках, тем более когда до гнезда оставалась пара часов езды.

В этот вечер гривы остались без охоты. В том, что они справятся с любой тварью сомнений не было, но Къярту нужны были целые останки, чтобы по ним отыскать душу, а не переваренные в желудке грива и вышедшие испражнениями.

Райз опасался, что Клык сорвется с привязи и самовольно убежит в лес, но тот только смотрел на него зверем и рычал, когда из леса доносилось уханье совы. Коготь же недовольства не выражал: в полуденный привал на берегу реки он на месте не сидел, и теперь от его пасти несло рыбьими потрохами.

То ли маячащий впереди призыв кровожадных тварей, то ли то, что сегодня немного спала жара, а на ночлег они остановились раньше, чем обычно, и оттого Къярт не так вымотался, вокруг него стал расползаться серебристый туман. А может, просто пришло время «хандры».

В прошлый раз, на вечере в ратуше, он не стал выяснять причину дурного настроения своего напарника. Одного того, что он обратил на это внимание, хватило, чтобы теперь Къярт изо всех сил старался контролировать себя. Но эмоции — не мимика. Их не получится вот так взять и заткнуть, особенно, если прежде не наловчился это делать. Да даже если и наловчился, игнорировать — не то же самое, что отключить. Во всяком случае, для полученного от Фелиса дара. Жаль, Райз не видел своей энергии духа, чтобы узнать это наверняка.

Но вечно так продолжаться не могло. Тем более распространяющаяся теперь импульсами энергия раздражала еще больше, чем прежде, когда растекалась медленно и плавно, словно пролитое подсолнечное масло.

— Не проще ли поговорить? — Райз скомкал обертку из-под сыра и бросил в огонь.

Къярт посмотрел на него с вопросом в глазах. Что-что, а изображать неведение у него получалось очень даже неплохо.

— Попытку я, конечно, оценил, но тебе не от меня надо прятаться, а с самим собой разобраться.

Къярт молчал. Не спорил, не отрицал, даже больше не делал вид, что не понимает, о чем речь, что с самого начала было проигрышной затеей. Он застыл, словно зверь, которому хватило ума осознать, что чем больше бьешься в петле, тем сильнее она затягивается.

Райз хмыкнул.

— Просто мне подумалось, что если бы я оказался на твоём месте, — начал он в ответ на еще один вопросительный взгляд, — и кто-то вот так бы мог видеть все, что у меня творится в душе, то день на третий я уже придушил бы его.

— Нельзя, — Къярт покачал головой. — Сначала нужно разобраться с Ордой.

— Согласен, придется подождать до этого момента, — сквозь смех произнес Райз.

— Да. Придется.

— Ладно тебе. Просто скажи, в чем дело, и посмотрим, что с этим можно сделать.

— Это мое дело. Как ты и сказал: ты и так видишь слишком много. А детали я, пожалуй, придержу при себе. Раз тебе это так мешает, но ты никак не можешь сдержать свою силу, чтобы не видеть энергию духа — смирись.

Къярт пожал плечами и добавил:

— Я же как-то смирился с твоей осведомленностью и даже не высказываю претензий.

— Как скажешь, Къарт, — Райз усмехнулся и облокотился на шкуру, расстеленную на траве.

А он недооценил, насколько его умения досаждают парню. Признаться, он и не рассматривал их как источник проблем. Но понять Къарта можно было. И это еще ему повезло не родиться в Огнедоле. Существование ментальных магов основательно подпортило бы ему жизнь.

Лес вздрогнул от выстрела; в небо поднялась стая птиц.

— В каждом здешнем лесу устраивают стрельбу или только в тех, рядом с которыми мы останавливаемся? — вопрос Райза утонул в грохоте выстрелов последовавших за первым. — Что-то не похоже на охоту, — и снова дробящие воздух хлопки. — Да чтоб его!

Седлать гривов было некогда. Райх схватил кобуру с револьвером и, заскочив на спину Клыка, едва успел подумать о том, что тот наверняка скинет его у ближайшего куста, как грив с рыком сорвался с места.

Изо всех сил сжав ходящие ходуном бока и вцепившись в шерсть на загривке Клыка, Райз гадал, кто из них — он или Къарт — первым окажется на земле. Благо, этот лес был не такой густой, как под Руфероном, в котором они устраивали скачки. Для гривов передвижение карьером по чаще не вызывало каких-либо неудобств: достаточно юркие, чтобы не врезаться в деревья, с реакцией и зрением, которое позволяло не попадать лапами в норы, и в меру тяжелые, чтобы проламывать на инерции заросли, если того желала гривья душа. Их же всадникам оставалось только прижиматься к шее и надеяться не слететь на очередном внезапном прыжке в сторону. Без седла это становилось не самой тривиальной задачей.

Выстрелы раздавались все ближе, и вскоре впереди появились смешавшиеся клубы синего и рыжего духа, дрожащие огни факелов и мечущиеся в их свете силуэты: человеческие и не только.

Райз не стал дожидаться, пока Клык сбросит его, и сам спрыгнул со спины грива, перекатился по земле и выстрелил прежде, чем тварь цапнула бы его за руку — точно такая же тварь, чье гнездо они зачистили в первый день пути в Руферон.

Но в этом лесу их было куда больше, чем две. Они учуяли приближение гривов, и та, которую застрелил Райз, оказалась единственной, которая не взобралась на дерево. Остальные же — Райз насчитал по меньшей мере шесть мелькающих в ветвях теней — заняли безопасную позицию и теперь выбирали удобный момент для нападения. И Клык им его предоставил.

Он бросился на дерево, чтобы ухватить взбирающуюся вверх тварь, как на его спину кинулись сразу трое. Прежде чем Райз успел что-либо предпринять, твари завизжали и упали на землю, где тут же угодили под лапы и зубы грива. Шерсть на его спине не просто вздыбилась, а собралась в иглы, словно у ежа. От мысли, что Клык в любой момент мог повернуть этот номер с ним, передернуло. Похоже, грив относился к нему куда с большим расположением, чем Райз полагал.

Оставшихся в живых трех тварей пристрелил Къарт. В присутствии гривов они не решились спускаться с деревьев и превратились в легкую мишень.

— И снова мы там, откуда начали, — глядя на спасенных любителей ночных прогулок по лесу, Райз улыбался, хоть ему было совсем не до веселья.

Он переглянулся с Къартом, которому удалось остаться верхом на Когте, и вновь

посмотрел на Вильму. В этот раз она попала в неприятности не одна, а со всей компанией. Под, долговязый и рыжий мальчишка — все, как один, застыли на месте и смотрели на явившуюся к ним подмогу в смещении чувств; бритоголовый же сидел на земле за их спинами и прижимал руку к плечу.

— Собачье дерьмо, — прохрипел он, и его голос подействовал на четверку более, чем отрезвляюще.

Вильма с Подом бросились к нему, двое остальных — к рюкзакам, которые побросали среди деревьев.

— Дерьмо, какое же дерьмо, — бритоголовый, Хаук, завалился на подставленное Подом плечо, а его рука, зажимающая шею, ослабла, и из под пальцев хлынула кровь.

— Осмельд, бинты! В моей сумке, живо! — Вильма убрала руку Хаука и сама зажала рану.

Зажимать нужно было много. Тварь не просто разорвала артерию, но и вырвала кусок мяса, возможно, повредила ключицу.

— Ну что ты там возишься, а?! — окликнул парня Под.

— Вот, держи, — оставшийся рядом с ними долговязый стянул рубашку, скрутил ее и протянул Вильме.

— Дерьмо, — прошипел Хаук, когда Вильма снова зажала рану.

— Помолчи, — нервно бросила она.

Вокруг разлилось слишком много синева. Парня же, таки отыскавшего в сумке бинты, окружало горчичное облако, и, потянувшись к нему, Райз ощутил бьющую того дрожь. Паника. Осмельда охватила паника, и, хоть ей и следовало походить на страх, ее воздействие оказалось совершенно иным.

В отличие от парня остальные сохраняли самообладание, хотя толку от этого все равно было немного. Райз обернулся, покосился на Клыка, samozабвенно хрустящего костями его законной добычи, и снова посмотрел на Вильму. Сколько бы она ни зажимала рану, чтобы ни делала, в текущих условиях ту не очистить от занесенного клыками трупного яда. Разве что вырезать все. Но учитывая место укуса, можно сразу отрезать голову — все равно результат будет тот же.

— Я..., — начал было Къярт, но Райз тут же прервал его.

— Къярт, — предупреждающе произнес он и покачал головой, хоть и знал, что от этого пользы ровно столько же, сколько и от действий Вильмы.

— Я помогу, — твердо закончил Къярт и спрыгнул на землю.

Избавившись от контроля, Коготь тут же потянулся в сторону Хаука, но Къярт преградил ему путь.

— Даже не думай, — он стянул с левой руки перчатку. — Понял меня?

Коготь понял. Опустив голову, он отступил, посмотрел по сторонам, в один прыжок оказался рядом с застреленной Райзом тварью, схватил ее и утащил в темноту.

Къярт достал из кармана стержень для нанесения печатей. Он прихватил парочку из поместья Фелиса, как и несколько флаконов с обогащенной эссенцией жизни чернилами, а один из них и вовсе постоянно таскал с собой — даже когда они планировали провести весь день в библиотеке и не ходить никуда дальше лавки булочника в конце улицы.

Все, кроме Хаука — ему уж точно было не до этого — посмотрели на подошедшего Къярта с вопросом в глазах: действительно ли он собирается сделать то, о чем они думали? Горе-охотники на нечисть определенно знали, зачем ему понадобился стержень.

— Нужно очистить кожу вокруг раны от крови и сохранять ее чистой, чтобы я мог нанести печать, — произнес Къарт.

— Офрен, бурдюк в моей сумке, — Под поднялся на ноги, придерживая Хаука за плечо, и встал рядом с Вильмой. — Давай лучше я, Виль.

Женщина кивнула и, подождав, пока Под зажмет рану Хаука вместо нее, заняла его прежнее место. Долговязый Офрен принес бурдюк.

Когда рубашку Хаука срезали, а с груди, спины и плеча вытерли потеки крови, Къарт присел рядом.

— Нужно больше света, — попросил он.

— Осмельд, иди сюда, — Офрен подозвал парня, застывшего в стороне с факелом в одной руке и бинтами в другой.

Тот нервно кивнул и, преследуемый горчичной дымкой, встал с другой стороны от Офрена.

— Къарт, — позвал Райз, когда тот почти коснулся кожи Хаука стержнем.

— Я сказал, что помогу, — в его голосе прозвучал категорический отказ идти на какие-либо уступки.

— Ты собираешься использовать исцеляющую печать?

Не ожидавший подобного вопроса, Къарт ответил лишь спустя несколько секунд осмысления:

— Да.

— Рана заражена, — продолжил Райз. — Если не очистить ее, начнется воспаление. Кроме того, яд уже попал в кровь и разнесся по всему телу. Сомневаюсь, что организм справится сам. Потребуется что-то, что будет на протяжении нескольких дней, а то и недель бороться с воспалением.

В этот раз Къарту понадобилось еще больше времени, прежде чем он коротко кивнул и провел по груди Хаука стержнем.

Он закончил первую печать минут за десять. Все это время Хаук стоически терпел и лишь изредка шипел сквозь зубы, когда Под зажимал рану сильнее.

— Когда я сделаю последний штрих, будет больно, — предупредил Къарт.

— А, валяй уже, плевать, — просипел Хаук.

— Держи, — Офрен протянул тому обломанную ветку с палец толщиной.

— Ой, да потерплю я.

— Хаук! — прикрикнула на него Вильма.

Бормоча ругательства, Хаук закусил деревяшку, и Къарт соединил концы опоясывающей плечо линии.

Хаук взвыл. Запахло горелым мясом.

— Уберите его, пока он окончательно меня не прикончил, — выплюнув палку, простонал Хаук. Он тяжело дышал, по лбу градом катил пот.

— Дальше будет легче. Я заживлю рану.

— Мне и так отлично, — Хаук попытался отодвинуться. — Под, убери его.

— Заткнись, ладно? И не дергайся, — рыкнула на него Вильма и напряженно посмотрела на Къарта. — Продолжай.

Нанесенная им печать исчезла сразу, как только сделала свое дело, так что Къарт сразу принялся за следующую. На исцеляющую ушло в два раза больше времени, но едва он ее закончил, и лицо Хаука заметно разгладилось.

— Убери, — Къарт взглядом указал на рубашку, которой Под зажимал плечо.

Рана выплевывала сгустки крови и поврежденную плоть, пока ее края ползли навстречу друг другу под пристальным взглядом присутствующих. И опять Райз не сказал бы, что кто-то был сильно удивлен.

Когда рана полностью затянулась, Хаук присвистнул и даже ухмыльнулся.

— Ладно, сегодня, видать, не помру. Можешь расслабить булки, Ос, — хохотнул он, глянув на стоящего над ним с бледным лицом паренька. Впрочем, за прошедшие пол часа желтой дымки паники вокруг Осмельда заметно поубавилось. — Спасибо, парень, удружил, — Хаук благодарно кивнул Къарту.

— Это еще не все. Как сказал Райз...

— Ах ты сволочь, куда потащил?! — Хаук вытаращился за спину Къарта.

Райз обернулся.

Коготь, разобравшийся с доставшейся ему тушей и не сумевший отобрать ни одну из тех, что присвоил себе Клык, отыскал среди деревьев раздутую сумку и вытащил из нее отрубленную голову еще одной твари. В ответ на окрик Хаука, он моргнул одним глазом и демонстративно раздробил челюстями череп.

Офрен глухо рассмеялся:

— Похоже в этот раз не видать нам платы за наши труды.

— Гребаные гривы, — выругался Хаук и сердито зыркнул на Райза. — Не собираетесь их приструнить? Сожрали все, что только можно было.

— Ну не скажи, ты же еще не сожранный, — с усмешкой парировал тот.

— Хаук, не надо, — произнес Под, прежде чем тот сделал или сказал бы какую-то глупость. — Эта голова, — он кивнул в сторону Когтя, — была доказательством для старосты деревни, нанявшего нас, что мы устранили таскавшего скот хищника. Одного нашего честного слова мало, но, учитывая, что вы спасли наши задницы, — никаких претензий.

— Под! — вскинулся Хаук. — Задницы отдельно, работа отдельно.

— Дубина ты, — фыркнула Вильма и обратилась к Райзу: — Не слушайте его. Вы опять нас выручили, так что никаких претензий.

— Так-то он прав: задницы отдельно, работа отдельно, — Райз пожал плечами. — Мы компенсируем, сколько там вам было обещано. Только давайте для начала закончим с этими лесными похождениями. Где ваши лошади?

— Оставили в деревне, где взяли заказ. Пару часов ходу.

— Поздновато вы на охоту собрались.

— В гнезде зверь был один, — Офрен натянул смущенную улыбку, — там все прошло гладко. А вот эти уже взялись невесть откуда.

Райз отлично знал, откуда они взялись: детеныши из других гнезд вернулись домой с собранной информацией. И их могло быть на два больше, если бы гнездо под поместьем Фелиса не зачистили. Если бы тогда Къарт не решил поучаствовать в поисках Стева, сейчас бы они здесь не были, как, собственно, и охотников не было бы в живых.

— Мы остановились на ночлег на въезде в лес, — продолжил Райз. — Можете остаться с нами, Къарт заодно закончит с печатями, а с утра уже пойдете за лошадьми. Я бы предпочел на сегодня закончить с операциями спасения.

Хаук фыркнул, Офрен рассмеялся.

— Да, спасибо за предложение, так и сделаем, — сказал Под.

Когда вещи собрали, а гривов, не оставивших от тварей даже куцего хвоста, взяли под контроль, можно было возвращаться на стоянку.

Все пошло не по плану. Тварь, которая должна была достаться Къярту, стала добычей охотников и ужином для Когтя. Оставалось только надеяться, что обезглавленное тело зверя постигла менее скорбная участь.

Больше всего прочего беспокоило не то, что первоначальный план пошел прахом, а очередное совпадение, из-за которого они и охотники оказались в одном и том же месте в одно и то же время. И как Райз уже говорил Къярту, совпадения никогда не бывают случайными. Главный вопрос заключался в том, играют ли они за них, или же против?

Оставленный под дубом костер догорел, так что огонь пришлось разводить по новой.

Охотники не планировали задерживаться в лесу на ночь, так что все, кроме Вильмы — Райз отдал ей запасную шкуру, — разместились прямо на сырой земле.

— Так и что вы здесь делаете? — Под передал одну из двух кружек обратно Райзу.

Вся компания сидела у огня. Къярт занял место рядом с Хауком и наносил на его плечо печать. Осмельд стоял рядом и подсвечивал факелом.

— Проводим исследование. Изучаем новые виды.

— Те, на которых мы охотимся? Не слишком подходящее занятие для..., — Под осекся, окинул Райза взглядом, — представителей высшего сословия. По соображениям безопасности.

— Как видишь, в случае чего гривы легко решают вопросы подобного рода, — Райз потрепал за ухо лежащего за его спиной Клыка. Тот, все еще недовольный тем, что ему не дали цапнуть за филейную часть хотя бы одного из охотников, зарычал. — Исследованиям это, конечно, не идет на пользу, но лучше так, чем оказаться съеденными.

— А я все гадала, чего вы с ними таскаетесь, а не обзавелись, как остальные, автомобилем, — Вильма сняла ботинки и протянула ноги к огню.

— Ага, говорила, что вам фраксов не хватило, — Офрен сделал глоток чая и передал кружку женщине.

— Нет, с этим все в порядке, — Райз улыбнулся и посмотрел на спину Къярта. — Сколько тебе еще на печати нужно?

— Почти закончил, — не оборачиваясь, ответил тот.

— Хорошо. Нам придется оставить вас на какое-то время, сводить гривов на охоту. Приглядите за вещами?

— На охоту?! — дернулся Хаук и замер, когда его руку сжали пальцы Къярта, требуя не двигаться. Обе перчатки были надеты. — Они десятерых сожрали, и им мало?!

— Ну, семеро достались Клыку, и с него бы хватило, но он не оценит, если Когтю позволят охотиться без него.

— Проблем же с ними, — проворчал Хаук и затих.

Как Къярт и сказал, он быстро закончил с печатями, и, оседлав гривов, они с Райзом вернулись в лес.

Пламя факелов выхватывало из темноты торчащие над землей коряги, рисовало среди ветвей силуэты. Но после устроенной недавно стрельбы в округе не осталось даже птиц.

— Спасибо, — после слишком затянувшегося молчания произнес Къярт. Райз

посмотрел на него приподняв бровь. — В моем мире люди не были настолько хрупкими. Для них просто залечить рану хватило бы. Дальше иммунитет справился бы сам. Так что спасибо, что помог.

— Раз ты решил рискнуть нашим прикрытием, то пусть хотя бы не зря.

Къярт покачал головой, и вокруг него родилось несколько алых искорок.

— Это всего лишь печати. Их использование не запрещено.

— Но и не особо одобряется, ведь так?

— Это всего лишь печати.

— Многого и не нужно. Достаточно одной осечки, одной ошибки, чтобы все пошло под откос.

— Как ты вообще собираешься защитить этот мир от Орды, если сейчас мы не можем позволить себе спасти даже одного единственного человека? — в голосе Къярта послышалось раздражение.

— Сейчас нам нельзя допускать ошибки. У нас нет резерва, нет достаточного влияния, чтобы разбираться с их последствиями — без критических потерь. Нам нужно соблюдать осторожность, пока подобные мелочи не станут действительно мелочами.

— Если бы моя помощь действительно была такой катастрофой, как ты ее рисуешь, ты бы остановил меня, а не просто делал вид, что против.

Райз вздохнул.

— Я же говорил, что не буду мешать тебе совершать...

— Все глупости на свете, — закончил за него Къярт. — Да, я помню. Но это уж явно не касалось тех глупостей, которые могут помешать нам разобраться с Ордой. Выходит, или ты сгущаешь краски, касательно рисков помощи другим, или на самом деле не можешь контролировать ситуацию так, как заявляешь.

Къярт покосился на Райза, когда тот рассмеялся.

— Что?

— И какой из этих двух вариантов по-твоему правильный?

Къярт ничего не ответил.

В скором времени они добрались до места, где на охотников напала стая.

— Что мы здесь делаем?

— Уже обрадовался, что в этот раз обойдется без призыва? — подначил его Райз. — Нужно найти останки той твари, чью голову сожрал Коготь, и сделать то, зачем мы здесь. Ты сможешь отыскать дорогу к гнезду?

— Не уверен. Не в темноте. Вернемся утром?

— До утра хищники ничего от них не оставят. Повезет, если там до сих пор что-то есть.

Райз спрыгнул на землю и подошел к месту, где Коготь нашел отрубленную голову. Порванная, пропитанная кровью сумка все еще лежала в корнях дерева. Забрав ее, Райз вернулся в седло.

— Что там Фелис говорил про полу-разумность гривов? — он потряс сумкой рядом с шеей Клыка. — Эй, зверюга, наелся или хочешь еще?

Клык клацнул зубами, вырвал многострадальную сумку из рук, но, поняв, что в ней ничего нет, фыркнул и бросил на землю.

— Да, придется поискать.

Грив мотнул головой, ткнулся носом в сумку, переступил с лапы на лапу и сорвался с места. Меньше, чем через полчаса, он замер на краю оврага, заполненного горелыми

ветками и золой. Снова фыркнул и недовольно зарычал.

— Знаю-знаю, мне тоже обидно, — Райз утешающе похлопал его по шее.

Угли были еще теплыми. Обойдя кострище по кругу, Райз присел на корточки и посветил факелом перед собой.

— Нашел, — под грудой веток лежали горелые обезглавленные останки. — Получится? — он посмотрел снизу вверх на спустившегося в овраг Къярта. — Наши brave охотники подпортили материал, но...

— Я попробую, — тот опустил рядом, стянул перчатку и коснулся обугленной лапы.

Долго ждать не пришлось. В прошлые разы он тратил от пяти до десяти секунд на призыв: пять на тварей из предыдущего гнезда и девять на призыв Ашши. В этот же раз Къярт открыл глаза спустя всего три секунды.

— Не выйдет, — выдохнул он.

Кажется, он даже стал бледнее, чем был до того, как начал наложение печати.

— Что-то мешает отыскать душу. Или мне просто не хватает сил, — Къярт пошатнулся и сел на землю.

— Эй, ты в порядке?

— Да, в порядке. Наверное, — он тряхнул головой. Чем больше Райз на него смотрел, тем больше убеждался, что что-то определенно не так. — Пройдет.

— Дай-ка сюда руку. Другую, — добавил Райз, когда Къярт протянул руку в перчатке. Без пререканий он дал ту, которой только что касался останков.

Фелис появился прямо в центре пепелища. Состроил брезгливую мину, поднял полы халата, будто бы пепел мог их испачкать, и отошел в сторону.

— В чем дело? — спросил Райз. Объяснения были излишни — Фелис и так знал все, что с ними произошло с момента его последнего явления.

— Ваши новые знакомые не так просты, как кажется, — некромант усмехнулся и посмотрел на останки твари. — Это результат, так называемой печати «разрыва». Она повреждает связь между сосудом и душой, тем самым мешая некромантам отыскать последнюю. Общепринятый метод зачистки. Им даже паладины пользуются. Не совсем этим — у них несколько иное исполнение, но идея примерно та же.

— Из-за этого тело становится непригодным для дальнейшего использования?

— Нет, что ты. Всего лишь нарушена связь с его душой. Полностью след не убрать, но и этого достаточно.

— Попытка призыва души вот таких испорченных останков как-то влияет на некроманта? — Райз посмотрел на Къярта, прислонившегося спиной к стенке оврага.

— Нисколько, — Фелис отрицательно покачал головой. — Но вот пытаться это сделать в течение суток после того, как печать нанесли, точно не стоит. Остаточное излучение после таких манипуляций — не самая полезная для здоровья вещь. Но не переживай, с ним все будет в порядке. Похворает денек-два, и пройдет.

Фелис приторно улыбнулся.

— Проклятье, — Райз устало опустился на землю рядом с Къяртом.

От их единственной зацепки остались одни только обгорелые головешки, как в буквальном, так и в фигуральном смысле. Проклятый побрал бы Вильму и остальных. Но зато теперь понятно, почему печати не произвели на них особого впечатления.

— Я сказал, что печать «разрыва» мешает отыскать душу. Но не делает это невозможным, — Фелис склонил голову набок. — Опытные некроманты могут справиться с

помехами подобного рода. Правда, Къярту, чтобы называться опытным, еще практиковаться и практиковаться. Но есть и другой способ.

— Что за способ? — глухо спросил Къярт, будто бы каждое слово давалось ему с трудом.

— Использовать эссенцию жизни как фокусирующую линзу. При достаточном объеме она может усилить твою способность обнаруживать душу. Я могу тебя научить. Но потребуется немало эссенции. И деревьями здесь не обойдешься. Да и жизней понадобится не две и не три.

— Не продолжай, — Къярт открыл глаза и попытался убрать руку, но Райз крепко сжал его ладонь.

— Хватит ходить вокруг да около, — Райз бросил на Къярта короткий взгляд, когда тот попытался высвободиться из хватки. — Брось, он не стал бы предлагать неприемлемый вариант.

— Какая умничка, — Фелис оскалился. — Да, верно. Есть еще один способ получить эссенцию. Невероятно много эссенции. Без убийств. Я не говорил об этом раньше, потому что сейчас вам не хватит сил, чтобы достать ее. Но если вы заручитесь поддержкой, скажем, человек пяти, которые умеют держать оружие в руках — все получится.

Вот и разгадка «случайных» встреч. Вместо того, чтобы долго гадать, стоило вспомнить о том, по чьей воле они вообще оказались в этом мире, и кто все время рассказывал о вероятностях.

— Ты знал, что они будут здесь, — констатировал Райз.

— Нет.

— Фелис, — он с укором посмотрел на некроманта.

— Я знал, что в какой-то момент появится кто-то, кто поможет вам добраться до источника эссенции.

— Фелис.

— Ну что ты хочешь от меня услышать? — устало протянул тот.

— Правду. Это же просто, — Райз улыбнулся.

— При всем желании, я не могу. Есть тот, чье слово для меня важнее твоего, уж прости. Он сильнее тебя, меня — всех нас вместе взятых. И против него я не пойду, как бы ты ни старался.

— Так может, он тогда и разберется с Ордой вместо нас?

— Он этим и занимается, — взгляд Фелиса потемнел. — У каждого своя роль, Райз. И чем раньше ты примешь это, тем раньше мы прекратим тратить время на ненужные препирательства. У всех нас одна цель. Делай свою работу, а я буду делать свою.

— Что за источник эссенции? — подал голос Къярт. Он открыл глаза и теперь смотрел на некроманта.

— Останки исполина. О них неизвестно Братству или кому-либо другому. Огромный, нетронутый источник силы.

— Ты же говорил, что некроманты не могут использовать их энергию.

— Да. Не могут. Но твоя сила иного рода. Она способны поглотить не только обычную эссенцию жизни, но и энергию высшего порядка — души.

— Естественно, мог бы и догадаться, — с каплей досады произнес Къярт и снова прикрыл веки.

— Проблем с присвоением энергии исполина не возникнет, — продолжил Фелис. —

Останки находятся на границе с Эшенскими землями. Они скрыты скалами, так что с воздуха их не заметить, а единственный путь к ним — через водопад Галаг, к которому примыкают топи на юге Трейтских земель. Сразу за водобойным колодцем есть проход. Он приведет прямо к останкам.

— Ты был там?

— Нет.

Райз хмыкнул. Количество вмешательства «высшей силы» в ход событий начинало раздражать. Оказаться частью чьего-либо плана желания не было. Райз не понаслышке знал, что обычно происходит с такими вот винтиками, которые должны «делать свою работу». И Фелис с его текущим положением служил прекрасным доказательством незавидной участи пешки.

— И какая там охрана? Раз ты говоришь, что вдвоем нам идти туда не вариант, а с этими горе-охотниками вполне можно, значит знаешь, что нас там ждет.

— С отрядом безопаснее. Это все, что я знаю.

— Чтоб тебя, Фелис, — Райз невесело рассмеялся и отпустил руку Къярта.

Какое-то время они просидели в молчании, только сухие ветки трещали под роющими землю гривами.

— Ты как? — Райз едва толкнул плечом сидящего без движения Къярта.

— Нам нужно возвращаться, — тот проигнорировал его вопрос.

Сделав усилие, Къярт поднялся на ноги. Натянул перчатку и подозвал Когтя.

Прежде чем оставить уничтоженное гнездо, Райз забрал с пепелища обгоревшую кость, замотал ее в платок и сунул в карман. Пригодится, когда Къярт решит вопрос с объемами эссенции.

— Хочешь отправиться к останкам? — спросил тот, когда они проехали половину пути назад.

— Да.

— Если это ловушка?

— Лишено смысла. Фелис имел полную власть над нами — ему незачем было выдумывать какие-то сложности. Разве что это ловушка для кого-то другого. У тебя какие-то возражения?

Къярт отрицательно качнул головой. Выглядел он неважно. Настолько, что даже придерживал Когтя, из-за чего обратный путь занял в три раза больше времени.

— Мы уж думали вас сожрали, — сказал Хаук, когда они подъехали к стоянке. Несмотря на позднее время, все пятеро продолжали бодрствовать.

— Не в этот раз, — Райз улыбнулся и посмотрел на Къярта. Тот нашел силы взять себя в руки и сейчас выглядел разве что немного уставшим.

Над головой прошелестела крыльями летучая мышь. Выглянувшая из-за облаков луна посеребрила прилегающие к лесу поля.

— Сколько вам обещал староста? — Райз не без удовольствия откинулся на бок улегшегося Клыка.

От грива начинало попахивать немытой псиной, но Райз уже начал привыкать к аромату зверя, а опереться на мягкий лохматый бок было приятно.

— Брось, вы ничего нам не должны, — Под категорично покачал головой. — Без вашей помощи от нас разве что кости и остались бы.

— Четыреста сорок фраксов, — буркнул Хаук. — Старый жмот, зажал до пяти сотен

накинуть.

— Серьезно, Райз, забудьте. Не последнее наше дело, — Вильма лежала на шкуре, положив голову на колени Пода, и смотрела в небо.

— Для меня чуть не стало последним.

— Хватит уже тебе причитать, — Офрен ободряюще похлопал Хаука по плечу.

— Не тебе горло пытались перегрызть. Не хотите брать с них компенсацию — не берите. А я вот отказываться не буду.

— И как только тебя земля носит, а? — Вильма вскинулась и бросила в Хаука стоящий рядом ботинок. — Скажи спасибо и заткнись. А вы не слушайте его, у него язык без костей.

— Как насчет подзаработать? — Райз едва улучил момент, чтобы встрять в перепалку.

Взгляды всех присутствующих, кроме Кьярта, устремились к нему.

— Нам нужна охрана по дороге к Галагу. Слышали о таком?

— Да, — Офрен кивнул, — восемь дней пути отсюда.

— Платим три тысячи фраксов за сопровождение всей командой.

— Зачем вам туда? — спросила Вильма. — Там же ничего нет. Только болота и горы.

— Виль, — Под едва нахмурил брови.

— Мы проводим исследование, — Райз улыбнулся.

— Что насчет дороги назад?

Он пожал плечами:

— Зависит от того, как пройдет визит к Галагу. Но мы в любом случае договоримся. Оплата не проблема.

Охотники переглянулись.

— Я не то, чтобы против, — с извиняющейся улыбкой начал Офрен, — просто недоумеваю, зачем вам сопровождение. В трейтских топях не водится ничего, что представляло бы угрозу для гривов. Они скорее с голода помрут. Да и в сами топи не обязательно соваться, можно пройти по границе. Или есть что-то, о чем нам стоит знать?

Райзу подумалось, что Фелис, скорее всего, чувствовал себя точно так же, как и он сейчас, когда того спрашивали об охране останков: немного глупо и в тоже время виновато.

— Ничего такого, — Райз развел руками. — Но мы в тех местах прежде не были, и идти туда отрядом, мне кажется, более разумно. Во избежание нежелательных эксцессов.

Охотники посмотрели на Пода.

— Ну, три тысячи за восемь дней — хорошая цена, — сказал тот и улыбнулся.

Райз не предполагал, что передвижение с конным отрядом окажется настолько медленным. В предыдущей жизни ему не довелось пообщаться с огнедольским аналогом лошадей, а на островах Республики их отродясь не водилось. Так что Райз обладал лишь смутным представлением, в котором был упущен момент скорости. Конечно, пешком дорога заняла бы и того дольше, но на одних гривах они добрались бы раза в три быстрее, и это при том, что в этот раз охотники ехали куда живее, чем обычно. Но лошадиной выносливости и скорости до гривьей было далеко. Клык с Когтем это прекрасно понимали и в первый день пути не единожды порывались сделать из скакунов закуску — раз с них все равно толку мало. На второй, впрочем, мало что изменилось.

К усложнившимся дневным переходам, в которых не спасал даже долгий полуденный перерыв — гнать лошадей по самому солнцепеку было нельзя — добавились ночевки, в которых приходилось спать, привязав поводья гривов к руке, чтобы проснуться в случае, если те решат перекусить их спутниками. На четвертый день пути Райз поймал себя на малодушной мысли, что, возможно, стоило рискнуть и таки поехать к останкам исполина только вдвоем, или же вообще отложить их посещение. Обе идеи, конечно, были глупостью, но глупостью, о которой было приятно помечтать.

А еще с появлением охотников стало шумно. Хаук постоянно донимал шутками остальных, на что Вильма лениво огрызалась, Офрен миролюбиво отшучивался в ответ, а Под и вовсе пропускал мимо ушей. Но когда разговор заходил о более-менее серьезных вещах, вроде обсуждения войны на границе и планов, касательно поиска дальнейшей работы, он с удовольствием его поддерживал.

Несмотря на прибавившиеся неудобства, на самом деле Райз не так уж и возражал против присутствия охотников. Среди друидов он никогда не оставался надолго один, даже если не брать во внимание всегда звучащий в голове голос Светоча, так что к шумным компаниям было не привыкать. В конце концов, что тогда, что сейчас, существовал некий барьер, отделивший его от охотников. Барьер, который видел и чувствовал только он. Остальные же вряд ли понимали, что даже находясь среди них и непринужденно поддерживая любой разговор, он все равно держался особняком.

Тогда как дистанцирование Райза существовало только в его голове, Къярт вполне ясно дал понять, что не собирается идти с охотниками на какой-либо контакт. Он не участвовал в беседах, на любые вопросы отвечал односложно, так, что их и вовсе перестали задавать, и даже всякий раз выбирал место подальше, хоть это и было той еще задачей, учитывая, что останавливались они одним лагерем.

— Наши новые спутники тебе не нравятся? — спросил Райз, когда они с Къяртом, как и во все предыдущие вечера, отправились с гривами на охоту.

— С чего ты взял?

— Избегаешь их. Больше, чем обычно.

— Я уже как-то передвигался в составе отряда, — Къярт повернул голову на звук ухнувшей совы. — Из него никто не выжил. Не хочу привязываться.

— Думаешь, Фелис решил сделать из них жертвенных барашков?

Къярт пожал плечами и добавил:

— Ему не впервой.

Райз не стал продолжать разговор, в котором и так было все понятно.

Впрочем, даже при всей своей отстраненности, Къярт оказался в компании далеко не самым нелюдимым. Осмельд, семнадцатилетний парнишка, и вовсе создавал впечатление немого. Он, словно зашуганный щенок, все время держался то в тени Офрена, то Хаука, подначивающего его еще больше, чем остальных, а воздух вокруг него всегда раскрашивали серо-голубые брызги.

Зачем охотники таскают с собой ребенка, который уж никак не выглядит пригодным для подобного образа жизни? Райза настолько занимал этот вопрос — ведь не могли взрослые люди просто так от нечего делать тащить хилого мальчишку на ловлю чудищ — что в итоге он прямо спросил об этом Вильму. На что та ответила, что его все равно не с кем оставить дома, а бросить его без присмотра — себе дороже. И это было правдой, но не всей.

Как вскоре выяснилось, Осмельд оказался более, чем подготовлен к долгим поездкам. Он ни на что не жаловался, ничего не просил, и делал все, что ему велели. Порой даже казалось, что он может продолжать ехать дальше, когда все остальные валились с ног. Так что вечерней чисткой лошадей — всех пяти голов — тоже занимался он: безропотно и энергично и, похоже, с удовольствием.

Первая половина пути прошла гладко. Поля сменились холмами, зачастили ручьи, почти пересохшие, но главное, что хватало набрать фляги. Впрочем, деревушки, хоть и стали встречаться реже по мере отдаления от Руферона, все же появлялись, так что Под с Вильмой даже несколько раз отделялись от группы, чтобы пополнить запасы провизии и не охотиться во время привалов.

На шестой день на горизонте выросла горная гряда, протянувшаяся с запада на восток. До Галага, а вместе с тем и до останков исполина, оставалось рукой подать — каких-то два дня пути, за которые, впрочем, могло произойти все, что угодно.

Райз ни на миг не выпускал из головы слова Фелиса о возможной опасности, и если в начале пути он мог только строить предположения, когда им понадобится помощь охотников, сейчас все было ясно. Если что-то и произойдет, то очень скоро.

Когда отряд остановился днем у реки, в которой было решено искупать гривов, Райз гадал, думает ли Къярт о том же. Во всяком случае, если и думал, то приближающаяся встреча с неизвестностью несколько его не беспокоила. С того момента, как их стали сопровождать охотники, единственным временем, когда вокруг Къярта проявлялась энергия духа, было время его ночных кошмаров.

Полуденная жара начала спадать, гривы были вымыты, высушены и оседланы, и отряд снова двинулся в путь.

— Будем у Галага послезавтра в полдень, — Под поравнялся с Райзом.

— Объедем топи с востока и пройдем к водопаду вдоль гряды, — добавил Офрен. — Я слышал, что есть тропа, к кряжу западнее Галага, но лучше потратить гарантированные два дня, чем потерять три в попытке сократить дорогу.

— Да, поедем через восток, — согласился Под.

— Всего-то два дня, — хохотнул Хаук. — Похоже, парни, вы профукали три тысячи фраксов ни на что.

Райз не успел даже подумать, что лучше бы Хаук прикусил язык и не каркал, как его оглушило.

Глаза заволокла сверкающая белая пелена, а испуганное ржание лошадей угасло, словно кто-то скрутил у мира звук. Райз потерял ориентацию в пространстве и с трудом понял, что падает с грива. Стремительно гаснущая искорка сознания потухла, и пришла темнота.

— ... живой? Райз, отвечай!

Сначала появился голос Къярта, и только потом он сам, взъерошенный, с расширенными зрачками и бледно-желтой взвесью вокруг.

Райз попытался опереться на руку, и это движение стоило ему укола боли в гудящей голове. Взгляд скользнул по ошетилившемуся иголками Клыкку, что прижался к земле и угрожающе рычал на воздух.

— Ты в норме? — спросил Райз, когда Къярт протянул ему руку и помог встать.

— Уж лучше твоего, — тот не сдержал нервной усмешки и посмотрел за его спину. — Все целы?

— Порядок, — первым отозвался Хаук. — Приложило так приложило.

Когда мир перестал кружиться, а звон в ушах утих, Райз наконец смог осмотреться.

Чем бы ни был этот удар, он пришелся на весь отряд. Лошади, первыми поднявшиеся на ноги, фыркали и трясли головами, а гривы в кои-то веки потеряли к ним какой-либо интерес.

— Что это было? — Вильма поймала повод своей кобылы и прислонилась к ее шее, пережидая, пока пройдет головокружение.

— Там, — Къярт коротко кивнул в направлении, в котором они двигались.

В трехстах метрах впереди по лугу растекалось нечто. Именно «нечто», так как оно не имело определенной формы, позволившей бы отождествить его с чем-либо. Бесформенная полупрозрачная бурая масса, занявшая площадь в несколько сотен квадратных метров и возвышающаяся метра на два.

Райз подошел к Клыкку и ободряюще погладил того по лбу. Окинул коротким взглядом торчащие из седла кончики иголок. Повезло же, что грив решил выпустить их после того, как Райз оказался на земле.

— Видел, откуда оно взялось? — спросил он.

— Нет, когда я пришел в себя, оно уже было, — ответил Къярт.

— Что за дерьмо?! — возмущенный голос Хаука вынудил Райза вновь посмотреть на неизвестный объект.

Бесформенная масса становилась все менее бесформенной. Она вбирала в себя края, вытягивалась вверх, заходила волнами, словно желе, внутри которого проскакивали похожие на молнии разряды.

— Фелис издевается, — пробормотал Райз, когда вымахавшая в высоту на двадцать метров громадина стала выпускать одно толстое щупальце за другим, постепенно превращаясь в подобие гигантского спрута.

Существо, чтобы закончить метаморфозу, понадобилось несколько минут, за которые охотники спешно поправили сбрую на лошадях и вернулись в седла. Как раз вовремя — удовлетворенный достигнутой формой, спрут поднял в воздух несколько щупалец и сдвинулся с места.

Райз прищурился, когда стало понятно, что тварь направилась в противоположную от них сторону. Это однозначно было лучше, чем если бы она решила напасть, но при этом порождало вопрос: почему она не атакует? В добрые намерения берущихся невесть откуда существ Райз не верил еще со времен жизни среди друидов, а в этом мире, где подобную

нечисть можно было напрямую связать с Ордой, — и подавно.

— Знаете, где ближайшее отделение паладинов? — спросил он. — Надо бы сообщить, что для них есть работа.

— Аклен в двух днях пути на восток, — ответил Под и хмуро посмотрел на удаляющегося спрута. — В той стороне, куда ползет эта гадина.

— Она медленная, а на гривах мы будем в Аклене еще до заката, — Райз посмотрел на Къярта. Тот согласно кивнул. — Придется разделить...

— Она ползет на деревню, — перебил его Хаук. — Там, в нескольких километрах вниз по течению, есть деревня.

«Чтоб тебя, Хаук», — чуть не сорвалось с языка.

Брови Райза едва дрогнули.

— Слишком близко, — он отрицательно покачал головой. — Мы не успеем увести людей без риска попасться.

Теперь все начинало сходиться. Когда тварь решила их проигнорировать, слова Фелиса об опасности на пути к останкам потеряли смысл. Но теперь, когда Хаук сболтнул о деревне, оставалось только считать секунды до момента, когда Къярт изъявит желание ринуться в бой с противником, о котором известно чуть меньше, чем ничего. Но даже молчи Хаук — и они все равно увидели бы деревню, направляясь в Аклен, и оказались бы там же, где и сейчас. С другой стороны, не сопровождай их охотники, они бы давно добрались до Галага, и явление посланника Орды обошло бы их стороной.

Проклятье. Очередная дурацкая загадка Фелиса, которую Райз тщетно пытался решить.

Он бросил взгляд в сторону Къярта, когда осознал, что тот подозрительно долго молчит.

— Завалим ее, и дело с концом, — Хаук собрал поводья и двинул лошадь пятками, отчего та загарцевала на месте.

— Ага, раз плюнуть, — Офрен натянуто рассмеялся.

— Там же люди, — пробормотала Вильма и в растерянности посмотрела на Пода.

— Да, люди, которых очень скоро или раздавят или сожрут, если мы будем и дальше тут стоять и чесать языками, — не унимался Хаук. — Шустрее, Под, ты же знаешь, что мы можем попробовать.

— Хаук, не нужно, — с мольбой в голосе выдавил Осмельд.

Как и тогда ночью, когда на охотников напали в лесу, его окружала плотная горчиная пелена паники.

— Не ссы, Осмельд, прорвемся, — Хаук хлопнул по притороченной к поясу сумке. — Под, хватит мяться, время уходит.

Под медлил.

— Не считаешь, что вы несколько в разных весовых категориях? — Райз обратился к Хауку. — Мы платим вам за безопасный путь к Галагу, а не за встречу в неприятности, в которые можно не вступать.

— А ты и не вступай, — огрызнулся Хаук. — Стойте здесь и не лезьте под руку.

— Хаук...

— Цыц, мелочь! — шикнул он на Осмельда и посмотрел на Пода. — Что, будешь и дальше так стоять и смотреть? Куда ты свои яй...

— Вот достал же! — гаркнул на него Под и обернулся к Райзу. — Оставайтесь на месте. Если дело пойдет плохо, ежайте в Аклен. Осмельд, скачи к деревне и уводи людей, мы выиграем столько времени, сколько сможем.

— Но Под...

— Ты знаешь, что делать. Пошел!

Мгновение — и мерин парня сорвался в карьер.

— Все за мной, — Под качнул головой, и охотники подняли лошадей в галоп.

Клык было дернулся следом, но Райз удержал его; встретился взглядом с оставшимся на месте Къяртом.

— Не хочешь поучаствовать? — Райз удивленно изогнул бровь.

— Я — не идиот. У меня нет ничего, что можно противопоставить этому существу, а касаться его... не думаю, что это хорошая идея.

— Верно, — губы Райза расплылись в улыбке, а повод грива ослаб, позволяя Клыку сделать несколько шагов. — Поэтому держись на безопасном расстоянии. Посмотрим, что можно здесь придумать.

— Райз? — в голосе Къярта зазвучало сомнение.

— Эти охотники нужны нам, чтобы добраться до останков исполина. Предположительно, нужны живыми, а не призванными. Так что вариантов особо нет. Я прослежу, чтобы из них не сделали закуску, а ты не лезь без крайне необходимости. Будешь последним вариантом, если дело не выгорит.

Къярт нахмурился и кивнул.

Отряд охотников успел значительно уйти вперед, но гривы, преисполнившись азартом погони, стремительно сокращали разделяющее их расстояние.

Как и велел Под, Осмельд отделился от группы и, точно комета оставляя за собой желтый хвост энергии духа, направлялся к деревне. Райз понял, что парень зря решил двигаться вдоль реки, куда раньше, чем тот. Возможно, к Осмельду и пришло осознание, что возвышающаяся впереди по правую руку громада спрута находилась куда ближе к руслу, чем прежде, но этого осознания не хватило, чтобы поменять курс, пока еще не стало слишком поздно. А может, охватившая парня паника полностью отключила мозги, и он решил, что сможет проскочить в промежутках между поднимающимися и опускающимися щупальцами. Могло и получиться, если бы тварь ничего не видела и не была ни в чем заинтересована.

Охотники заходили с противоположной стороны, и спрут замахнулся на них так же, как и на Осмельда. Но в отличие от парня за спинами остальных не было полноводной реки, и когда одно из щупалец устремилось напрямик к ним, те разделились, оставив спрута хватать воздух.

Осмельду отступать было некуда — только вперед. Он это понимал и не прекращал подстегивать скачущую во весь опор лошадь, когда на него упала широкая тень. Испуганная, кобыла шарахнулась в сторону, и Осмельд, не удержавшись в седле, полетел на землю.

До охотников было слишком далеко. Дальше, чем расстояние, с которого Райз мог бы дотянуться до окружавшей их синей дымки. Но даже будь это не так, их энергии духа не хватило бы для заморозки щупальца. Не хватило бы даже того облака, что вспыхнуло вокруг Вильмы, когда она вырвалась вперед и увидела потерявшую всадника кобылу. Райз даже не был уверен, что имеющимся объемом получилось бы замедлить объект подобного размера.

Он на мгновение обернулся. Къярт, как и должен был, отстал, выдерживая безопасную дистанцию до спрута. Сейчас его энергия духа пришлась бы кстати — любая из того небогатого набора, что у него имелся. Но он, как назло, оставался максимально собран, и если вокруг него и витало несколько искорок, на скорости их было не различить.

— Импровизация, значит, — хмыкнул Райз.

Нависшее над Осмельдом щупальце раздвоилось: одна часть потянулась за мечущейся кобылой, вторая же выстрелила в парня. Окружавшее его горчичное облако ринулось ей навстречу, просочилось внутрь и перешло в активное состояние.

Щупальце пробил мелкая дрожь, передалась основному телу. Тело спрута зарябило, с его конечностей сорвалось несколько тяжелых капель. Поток бурой жижи, абсолютно утратившей форму, обрушился на застывшего на земле Осмельда.

Когда источник вибрации исчез, спрут тотчас же начал восстанавливаться. Поврежденное щупальце коснулось жижи, в которую превратилась его часть; та пришла в движение и начала обволакивать Осмельда.

Клык ворвался в медленно втягиваемую щупальцем лужу и, зло щерясь, замер. Райз активировал энергию, успевшую по новой окружить Осмельда, разорвав установившуюся связь с щупальцем, схватил парня за шкурку и двинул грива пятками.

Поднимая снопы брызг, Клык влетел в реку.

— Смой с себя эту дрянь, — швырнув Осмельда в воду, велел Райз. — И не высывайся.

Истошно заржала кобыла и умолкла: щупальце схватило ее и одним коротким импульсом втянуло внутрь. Какое-то время ее еще было видно, слабо загребающую ногами, пока она не скрылась в толще тела спрута.

— Мерзость, — Райз скривился.

Он выбрался на берег и бросил взгляд на Осмельда: тот, скинув с себя рубаху, лихорадочно выполаскивал волосы. Убедившись, что отделенная от центра, субстанция не представляет опасности, Райз собрал всю энергию духа, что осталась у парня, и направил Клыка к спруту.

Вибрация. Паника — это вибрация. Довольно логично и крайне уместно. Этим гадину конечно, не убить, но выиграть время можно. Только энергии Осмельда надолго не хватит. Ее количество и так превосходило то, что было у его спутников вместе взятых, но Райз потратил уже треть, а на выработку такого же количества времени уйдет больше, чем у них есть. Одно хорошо: спрут, похоже, решил сначала разобраться с охотниками, и только потом продолжить ползти к деревне. Хорошо и плохо одновременно.

Райз не стал тратить запасенную энергию на то, чтобы отбить направленное в него щупальце — спрут двигался медленнее Клыка и не отрачивал конечности длиннее пятидесяти метров.

План, как уничтожить тварь, родился в тот же момент, когда Райз увидел Осмельда, и то, как спрут пытался вернуть себе утраченную часть. Но он предпочел оставить его напоследок, если не появится идеи получше. План на крайний вариант.

У охотников дела обстояли куда лучше, чем у Осмельда, и куда лучше, чем предполагал Райз. Они носились вокруг спрута, выдерживая расстояние, на котором он не мог достать их, заставляли смещаться, уводя от реки и Осмельда. То и дело раздавались выстрелы, но они не надеялись пристрелить тварь.

Стреляли только Вильма и Офрен, и стреляли не особо целясь. Спрут однозначно реагировал на звук: его щупальца куда активнее пытались достать именно стрелков. Но и Хаука с Подом не игнорировали.

Райз подумал, что придется распрощаться еще с частью облака энергии, когда Хаук просчитался и повернул прочь от спрута слишком поздно. В следующее мгновение он размахнулся и бросил что-то в его сторону. Раздался сочный хлопок.

— В яблочко! — выкрикнул Хаук.

Щупальце на пару секунд скрылось в перламутровом дыму и упало на землю, покрытое твердой коркой. Спрут втянул поврежденный отросток в тело, оставив лежать на земле внешнюю часть, будто сброшенную змеиную кожу.

Когда Клык пронесся мимо обломка, Райз нахмурился. Лежащий на земле кусок до боли напоминал камень.

— Осмельд? — было первое, что спросила Вильма, поравнявшись с Райзом.

— Цел, — бросил тот, и они разъехались, уходя из-под нового удара.

Хаук с Подом одновременно замахнулись, но вместо двух хлопков прозвучал только один. Граната Хаука оказалась внутри спрута раньше, чем сработала, и спустя несколько секунд тварь выплюнула на землю небольшой окаменевший кусок.

— Рано! — крикнул Под.

— И без тебя знаю, — огрызнулся Хаук, разворачивая коня. — Эй, стрелки, назад!

Вильма с Офреном поскакали прочь от приближающегося неприятеля. Райз выхватил револьвер и последовал за ними. Чудо-гранат у него не водилось, оставалось только отвлекать внимание. И думать.

У спрута однозначно имелось ядро — то, что генерировало снующие внутри разряды, и без связи с которым субстанция, из которой он состоял, не могла держать форму. Но даже если бы спрут не восстанавливался из оторванных частей, гранат у охотников не хватило бы, чтобы превратить того в камень целиком.

Райз перезарядил револьвер и посмотрел в сторону следующего за ним на отдалении Къярта. Похоже, придется рискнуть. Нужно заканчивать с тварью до того, как у охотников закончатся боеприпасы. И делать это тихо.

— Къарт! — позвал он и направил Клыка к Поду. — Вы бьете не по той стороне.

— Да он со всех одинаковый!

— Не думаю. Что-то было не так с щупальцем со стороны реки. Оно утратило форму, когда пыталось напасть на Осмельда.

Под хмуро посмотрел на Райза.

— Стоит попытаться ударить по той стороне, — продолжил тот. — Или похоже, что он проигрывает?

Под отрицательно качнул головой.

— А если он развернется следом?

— Мы с Къартом зайдем его. Если не поможет — так и будем крутиться. Или у тебя есть вариант получше?

Под двинул желваками и посмотрел на спрута.

— Ладно. Попробуем.

— Нет смысла метить по щупальцам. Надо попытаться добраться до сердцевины.

— Понял, — Под кивнул и пришпорил коня. — Вильма, Хаук, Офрен — за мной!

Охотники собрались в группу и понеслись к реке. Райз разрядил обойму в потянувшиеся за ними щупальца.

— Желание погладить зверушку не появилось? — с усмешкой спросил он, когда Къарт добрался до него.

Тот помедлил, прежде чем стянуть с правой руки перчатку.

— План следующий: ждем, пока охотники потратят еще с десятков гранат. Затем я обездвижу одно из его щупалец. Тебе останется только вытянуть из твари жизнь, когда она

попытается взять его под контроль.

Къярт смерил Райза пристальным взглядом.

— Просто сделай это быстро. А я позабочусь о том, чтобы тебя не затянуло внутрь.

Очередной удар заставил их разделиться, но обсуждать больше было нечего. Оставалось только ждать, пока охотники сделают свое дело, и развлекать спрута стрельбой.

Однотипность поведения спрута позволяла некоторые вольности в контроле боя, и Райз совмещал стрельбу с размышлениями, откуда же эта тварь взялась. Он слишком отвлекся на свои мысли, зазевался, и одно из щупалец ударило по земле совсем рядом.

Воздух вокруг Къярта окрасился бледной синевой.

Райз хмыкнул. А ему уже начало казаться, что парню и вовсе ни до кого нет дела.

Однако сейчас он и правда боялся, и чем дальше, тем сильнее: каждая следующая попытка спрута схватить Райза наполняла пространство вокруг Къярта все большей синевой. Что, впрочем, было неплохо: охотники и Осмельд находились по другую сторону от твари, и Къярт был единственным источником энергии духа.

Райз считал хлопки гранат. Три, пять, семь. После восьмой, когда одно из щупалец выстрелило в Къярта, Райз решил действовать. Он активировал половину оставшейся горчичной энергии в середине щупальца, и то пролилось на землю.

— Давай! — Райз направил грива в сторону Къярта.

Спрут как раз потянулся другим щупальцем к потерянной конечности и стал вбирать жижу, когда Къярт коснулся ее рукой. Внутри твари зароились заряды, словно стая мальков, кинувшаяся на хлебные крошки. Они понеслись к Къярту, несколько скоплений даже успело исчезнуть под его ладонью, когда спрут сообразил, что происходит, и сам отделил часть себя, разрывая установленный Къяртом контакт.

— Здесь проблема, — крикнул он, убирая руку от безжизненной субстанции.

Проблемы в действительности было две. Спрут оказался достаточно разумен, чтобы сразу же соотнести уровень опасности не перестающих лететь в него гранат и Къярта, и достаточно агрессивен, чтобы вместо бегства решить напасть со всей своей мощью.

Все его щупальца взметнулись в воздух и устремились к Къярту. Их общая площадь была слишком велика, чтобы тот мог уклониться, а оставшейся у Райза энергии было недостаточно, чтобы создать источник вибрации способный лишить формы их всех. Но ее вполне хватило, чтобы на мгновение замедлить спрута, и дать Райзу время оказаться между тварью и Къяртом. Раз с вибрацией в первый раз не вышло, придется в наглую поймать его. Благо, накопленной энергии страха хватало, чтобы полностью погасить инерцию щупалец. Нужно было только еще одно облако, концентрации которого хватит на заморозку, и Райз знал, как его получить.

Реакция Къярта оказалась быстрее, чем его. Райз только потянул к себе окутавшую парня синь, как тот оказался рядом, сдернул его с грива и толкнул назад. Больше не удерживаемый всадником Клык дернулся в сторону, пытаясь уклониться от щупалец, но те уже обволокли его бок и задние лапы. А следом за ними схватили и вытянутую руку приподнявшегося в стременах Къярта.

Вместе с очередным взрывом гранаты внутренности спрута озарила молния, обрисовала в глубине его тела смутные очертания проглоченной лошади, а затем все померкло. Щупальца безвольно упали, выпустив Клыка, а сам спрут замер и начал таять, как кусок масла на солнце.

Къярт спрыгнул на землю, пошатнулся, но устоял на ногах. Тряхнул головой и обернулся

к Райзу.

— Ты что творишь?! — во взгляде Къярта отступающий страх сменялся злостью.

— У меня встречный вопрос. Я создаю возможность, а ты ждешь и не рискуешь. Потом все, — Райз оборвал его, когда тот хотел было возразить. Спрут стремительно терял в объеме, растекался по земле, и охотники должны были вот-вот их увидеть. — Живо к Когтю. И перчатку не забудь надеть.

Они вернулись в седла как раз вовремя, чтобы встретиться со скачущими к ним охотниками. Те, увидев что с их спутниками все в порядке, развернули лошадей и направились к реке. Райз с Къяртом двинулись туда же.

Вильма спрыгнула на землю и побежала к выбравшемуся на берег Осмельду. На нем еще виднелись остатки спрута, но жизни в них было не больше, чем в растекшейся по лугу жиже, из которой выглядывали каменные скорлупки и неподвижный бок лошади.

— Осмельд!

Вильма прижала парня к себе. Тот даже не пытался сопротивляться. Горчичное облако вокруг него бледнело, приобретало металлический оттенок, смешивалось с окружающей Вильму пестрой дымкой целого калейдоскопа эмоций.

— Я же говорил, что прорвемся, — хохотнул Хаук и тут же сник под испепеляющим взглядом женщины.

— Чем ты только думал?! — зашипела на него она, не выпуская Осмельда из объятий.

— А что я? — Хаук вопрошающе развел руками. — Почему, чуть что, так сразу я виноват? Все же ре...

— А если бы Осмельд погиб?! — перебила его Вильма.

— Виль, — Под слез лошади и направился к ней.

— Что, если бы Осмельд погиб? — жестко повторила она, переведя взгляд на Пода. — Что тогда?

— Виль, все в порядке, успокойся, — Под обнял ее и Осмельда.

Женщина пробормотала что-то нечленораздельное в его грудь и затихла. Под посмотрел на остановившегося в стороне Райза.

— Ты был прав. С этой стороной действительно что-то было не так, — произнес он. — Хорошо сработано.

— Знаю, — Райз усмехнулся и посмотрел на Къярта.

С холма открывался вид на реку и стоящую на ее берегу крохотную деревушку — даже двух десятков домов не наберется. Не так уж и много жителей, чтобы ради них стоило рисковать собственной шкурой. Огнедольцы, отданные на расправу друидам во имя победы, в некоторой мере обесценили чужую жизнь для Райза. Во всяком случае, концепция победы ценой умеренных потерь не вызывала в нем острого неприятия. Или же дело было в том, что эти люди принадлежали чужому миру? Нет, это все отговорки. Стоило просто признать: делая что-то изо дня в день, даже самую отвратительную вещь на свете, человек постепенно к этому привыкал.

На сегодня было решено закончить с приключениями и продолжить путь к Галагу завтра. В этой передышке нуждались все: как охотники, остановившиеся в деревне, в которой, несмотря на скромный размер, отыскиались комнаты для приезжих, так и Енкарты, занявшие холм неподалеку.

— Тебе нельзя подставляться, — произнес Райз.

Къярт ждал, когда он поднимет эту тему, и с каждой минутой, проведенной в молчании, это ожидание становилось все тягостнее.

— Я не подставляюсь.

— Подставляешься. Сначала — в первой стычке с тварями-разведчиками, теперь вот сейчас. Заканчивай с этим.

— Я уж как-нибудь сам разберусь, — Къярт с упрямой непоколебимостью стоял на своем.

Он злился или, скорее, был раздражен — вокруг него то и дело загорались алые искорки, — но Райз все никак не мог решить, из-за чего. Из-за нравоучений, необходимых, но от этого не менее неприятных им обоим? Или из-за того, что в его представлении Райз пошел на необдуманный риск? Или что-то третье?

Райз вздохнул. Его одолевала взявшаяся из ниоткуда усталость, и он был бы рад найти средство, от которого та растает так же, как спрут.

— Если тебе так сложно не геройствовать, — продолжил он, — попробуй тогда хотя бы доверять мне. Если я что-то делаю, значит взвесил все риски и принял осознанное решение. И если я не прошу тебя лезть вперед меня в огонь, ты этого не делаешь. А если тебе кажется, что все идет не по плану, это значит лишь то, что ты не знаешь всего плана.

Его слова вызвали у Къярта еще большее раздражение, но тот не подал вида.

— Конечно, ты же никогда не ошибаешься, — спокойно произнес он. Настолько спокойно и утвердительно, что заложенный во фразу сарказм прозвучал громче набата.

— Если я ошибусь, то платить за ошибку буду я, а не ты.

— А если ошибусь я?

— Тогда оба.

— И по какому такому принципу?

— Я старше и опытнее, — Райз улыбнулся. — Следовательно и ответственность на мне.

Къярт молчал. Не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что не видел смысла спорить — никто из них не собирался уступать.

— Я знал, что смогу справиться с ним, — все же произнес он — не в продолжение спора, но для объяснения своих действий. — Понял, когда коснулся первый раз. Мне кажется, я начинаю чувствовать общий объем эссенции жизни. Раньше я понимал, что она подходит к концу, только когда ослабевал поток. Но в этот раз я отчетливо ощущал ее границы. И они были довольно маленькие. Меньше, чем следовало бы ожидать от подобной громадины, — Къярт в задумчивости нахмурился. — С ней что-то было не так. Словно бы измотана. Ранена. Не знаю, как объяснить. Но это чувствовалось в ее жизненной энергии.

— Ну, мы можем узнать, что с ней было не так, — Райз усмехнулся и похлопал ладонью по бурдюку.

— Ты собрал его останки сюда? — Къярт покосился на него. — Когда только успел?

— Клык твоими стараниями весь в этой гадости измазался. Так что было несложно.

Къярт затих, отвлекшись на бой с самим собой, и в итоге потянулся снимать перчатку с руки.

— Нет, не сейчас. Не сегодня. С тебя хватит пока впечатлений. Тем более в нашей компании прибыло.

Он кивнул в сторону деревни, от которой отделилось три всадника: Хаук, Офрен и Осмельд на купленной в селе лошади.

— Спасибо, Къярт, — тихо произнес Райз, когда охотники преодолели половину пути. Тот посмотрел на него одновременно с недоверием и вопросом. — Правда, спасибо. Но не рискуй так больше. Договорились?

Къярт ничего не ответил. Может, он злился не из-за нравоучений или риска, а потому, что его план ни к кому не привязываться оказался несостоятельным?

— Что случилось? — спросил Райз, когда охотники подъехали и спешились.

Доставшийся Осмельду мерин, наверняка впервые в жизни видящий гривов, попятился и встал на дыбы. Поднявший в его сторону голову Клык презрительно фыркнул и потерял к коню всякий интерес.

— Решили дать Поду и Вильме возможность побыть наедине, — Офрен улыбнулся и неловко потер шею. — Мы им и так постоянно всю романтику портим своими физиономия. Так что раз выдалась возможность...

— Вильма прогнала Хаука, — Осмельд зарубил на корню басню Офрена.

— Вот чего она бесится? — Хаук грузно опустился на траву. — Она же сама говорила: «Там же люди, там же люди»!

— Говорить и делать — разные вещи, знаешь ли, — хмыкнул Офрен.

Хаук забубнил себе под нос ругательства. Выудив из кармана коробочку с самокрутками, он достал одну, закрыл крышку и покосился на Енкарт.

— Будете?

Райз отрицательно качнул головой, Къярт ответил менее внятно, но Хауку хватило, чтобы понять.

— Тоже думаешь, что мне не нужно было давить на Поду? — он закурил и сердито посмотрел на Осмельда.

— Ты знаешь, что я думаю, — буркнул тот.

— И то верно, — Хаук хмыкнул. — Но серьезно, почему только мне от Вильмы достается?

— О, не переживай по этому поводу, Поду тоже сегодня достанется, — рассмеялся Офрен.

— Знаю я, что ему достанется, — Хаук выдохнул горькое облако дыма. — Зараза, вот всегда так: ему все сливки, а мне нагоняй.

— Пойди, предъяви это Вильме, — продолжал хохотать Офрен.

— Не пойду, — Хаук насупился и умолк.

На губах Райза блуждала задумчивая улыбка. А жизнь охотников не была лишена своеобразного очарования: наслаждаться каждым днем, не устраивая забеги на длинные дистанции и не чувствуя на затылке тяжелого дыхания великой цели, для которой ты — крошечный винтик, один из бесчисленного множества.

— Как давно вы знакомы? — спросил Райз, чтобы отвлечься от лезущих в голову мыслей.

На него посмотрели не только охотники, но и Къярт.

— Да с самого детства, — Офрен на мгновение задумался, прежде чем ответить. — Росли в соседних дворах, да так и срослись в кучу. Вчетвером. А Осмельда мы нашли восемь лет назад, — Офрен посмотрел на парня, опустившего голову и спрятавшего глаза за челкой. — В девять лет он остался без родителей, и Вильма с Подом решили взять его к нам.

— Вильма с Подом! — фыркнул Хаук. — Не хочешь: Вильма и я? Прости, пацан, но Под тогда голосовал против. И твой ненаглядный Офрен, между прочем, тоже.

— Я воздержался, — Офрен миролюбиво поднял руки.

— Воздержался ты, как же, — отрезал Хаук. — Был так же против, как и Под.

— Я понимаю, — пробормотал Осмельд, и тут же оказался сгребенным в охапку Хауком.

Даже не думая выпускать парня, Хаук взъерошил кулаком его волосы.

— Вильма у нас добрая душа. А я — дальновидная, — Хаук зло зыркнул на прыснувшего в кулак Офрена и продолжил: — С нашими разъездами им уж точно было не до заведения детишек. Со спиногрызом не потаскаешься по всему Афракскому союзу. А тут — раз, и детеныш есть, и сразу смышленный. Да, Осмельд, ты же смышленный?

Хаук стал пуще прежнего лохматить волосы парня.

— Смышленный, смышленный, только отпусти, — взмолился тот.

— Ага, «отпусти», как же, — передразнил его Хаук. — Какой тут «отпусти», когда за тобой глаз да глаз нужен.

Они еще долго шумели: Осмельд делал вид, что пытается высвободиться, Офрен смеялся, а Хаук донимал их обоих и курил.

Этим вечером о спруте никто не говорил. Будто никому не было до него дела, и тварь не представляла из себя ничего, с чем бы охотники не сталкивались по несколько раз в неделю. Все дело могло быть в страхе, и троица попросту не хотела даже вспоминать о недавней встрече с монстром, но даже Осмельд, не отличающийся особой храбростью, оставался совершенно спокоен.

На следующий день они выехали с рассветом и добрались до кряжа за какие-то пару часов. Теперь оставалось только сутки езды строго на запад, вдоль вздымающихся по левую руку скал, и топей — по правую. Воздух здесь стоял влажный и густой, пропитанный терпким ароматом багульника, от которого гривы начинали фыркать и мотать мордами.

— Вы уже сталкивались с чем-то подобным? — Райз поравнялся с едущим впереди отряда Подом. Его лошадь, привыкшая к виду и запаху гривов, даже не дернулась, только заложила уши и подвела задние ноги под круп.

— К счастью, нет. Слышали не раз, что подобных чудищ — не таких же, как эта тварь,

но тоже здоровенных, — не раз видели как в Афракском союзе, так и за его пределами. Правда, затем они бесследно исчезали, — Под задумался. — Может, и этот гад исчез бы спустя какое-то время. Конечно, вряд ли раньше, чем добрался бы до деревни.

Райз уже слышал подобные истории. Фелис рассказывал, что за пять-десять лет до вторжения Орды по всему миру начинали происходить странные события, часто связываемые с не менее странными существами — фантомами-гигантами. Те то появлялись, то исчезали, не причиняя кому-либо вреда, от чего в скором времени становились всего лишь бреднями очередного пьяницы. Таких свидетельств скопилось не так уж и много, но уже факт их полного отсутствия в течение всей истории, кроме предшествующих вторжениям десятилетий, говорил о их непосредственной связи.

Вот и сейчас, в последние годы, даже в Афракском союзе было замечено несколько фантомов, бесцельно слоняющихся среди Эшенских гор, а на границе со злополучными Агруа и Хепрасом за один день пересох один из крупнейших водопадов. И это при том, что еще наместники Зеснару сложно было назвать мелководной. Союз даже отправил экспедицию вверх по течению, чтобы найти место затора, но исследователи вернулись ни с чем. Списали все на провалы в русле, из-за которых и произошла водопотеря. На том вопрос и закрыли, несмотря на возмущения жителей бассейна Зеснары, которые уже второй год страдали от засухи.

В этот раз обошлось без пересыхания рек, но взявшаяся из ниоткуда тварь размером с холм вряд ли была чем-то, о чем следовало так беззаботно говорить.

— Нападать на него было рискованно. Seriously, что, если ему хватило бы одного удара, чтобы прикончить вас всех?

— Как видишь, ему не помогло даже много ударов, — уголок рта Пода приподнялся — ровно настолько, чтобы обозначить попытку скрыть недовольство прозвучавшим вопросом.

— Но ты не мог знать, что так будет, если вы не встречались с подобным ранее, — Райз проигнорировал предупреждение в интонациях Пода.

— Ну, пока не попробуешь — не узнаешь, да? — тот широко улыбнулся и прищипорил коня.

Охотники темнили, но это было их дело. Райза по большей мере волновало то, грозили ли тайны сопровождающего их отряда чем-то им самим, а если не грозили, можно ли их было использовать в свою пользу.

Мысль, что узнать это не так уж и сложно — достаточно пристрелить Пода и призвать его душу — повеселила. Только вот его невольный напарник такой подход уж точно не оценит.

Райз поймал на себе взгляд Къярта и, готовый поклясться, что парень догадался о посетившей его идее, миролюбиво улыбнулся.

Их последняя остановка на ночлег на пути к Галагу вышла самой неприятной из всех. С топей, чернеющих неподалеку, то и дело доносились вопли то ли птицы, то ли зверя; кто-то постоянно рычал — кто-то, кроме гривов, недовольных тем, что их оставили без охоты. Но соваться на болота было рискованно даже для них, как и подниматься в горы в поисках каких-нибудь горных козлов. Так что голодные и злые, гривы снова задумались об окружающих их лошадях и, чего уж скрывать, охотниках.

Райз больше не лез к Поду и остальным с вопросами, пусть его и не покидал беспокойный зуд в солнечном сплетении. До Галага оставалось всего ничего, а, значит, и до неприятностей, в которых их должны выручить охотники, с невозмутимым видом

ужинающие подстреленными Хауком и Офреном утками. Ни в их лицах, ни в энергии духа не было ни капли настороженности — только пустая болтовня ни о чем и сопровождаемые смехом шутки.

Ночь прошла без происшествий. Райз предполагал, что что-то может случиться еще до рассвета, так что накануне вечером договорился с Къяртом о дежурстве.

Но солнце осыпало позолотой горные склоны, разогнало туман и ночной холод. Единственное, с чем оно не справилось — натянутые до предела нервы. Райз понимал, что явно перебарщивает с опасениями, что охотники здесь, чтобы сыграть отведенную им Фелисом или «высшей силой» роль, и все, казалось бы, идет по плану, но беспокойство все равно не отпускало его. Если что-то произойдет внезапно, энергии духа не хватит, чтобы внятно отреагировать. И, кроме всего прочего, оставался Къярт, чьи действия сложно было предугадать. Или же, наоборот, до боли легко, и Райзу не нравилось то, что можно было ожидать от парня. Играть в команде, когда речь заходила о серьезных вещах, а союзники были действительно союзниками, чья жизнь — не пустой звук, оказалось куда сложнее, чем в одиночку.

Деревья вышли за пределы топей, окружили отряд, потянулись зеленым частоколом на взгорье. Их корни густо оплели землю, так что ехать приходилось шагом, следя, чтобы лошади не поломали ноги.

— Стойте, — одно слово Осмельда — и охотники тут же встали, как вкопанные. Парень держал в руке медальон, что носил на шее и постоянно поглядывал на него, начиная с самого первого дня пути. — Впереди умертвия.

А вот, похоже, и то, чего так ждал Райз.

— Уверен? — Офрен подъехал к парню и посмотрел на медальон. — И правда. Две штуки.

Под перевел взгляд на Райза.

— Вы уверены, что вам нужно к Галагу?

— Значит, броситься на гигантскую тварь неизвестного происхождения — допустимо, а с некромантами связываться не хотите? — с усмешкой спросил Райз.

— С некромантами никто связываться не хочет, — заметила Вильма. — И ту тварь можно было убить. Умертвия же придется разобрать на маленькие кусочки, чтобы от них избавиться. И не факт, что мы разберем их раньше, чем они нас. Умертвие может оказаться кем угодно.

— Осмельд, ты можешь сказать точное расстояние и направление? — Райз пропустил слова Вильмы мимо ушей.

Парень в замешательстве посмотрел на Пода. Тот кивнул.

— Оба примерно в четырехстах метрах на запад. Прямо у нас на пути.

— Вообще-то, они не просто на пути, — Офрен почесал затылок и натянуто улыбнулся. — Они, похоже, охраняют водопад. По моим прикидкам мы почти на месте.

— Отлично, — Райз улыбнулся. — Значит, три тысячи фраксов почти у вас в кармане.

— Если вопрос в деньгах, то лучше оставьте их себе, — беззлобно, но твердо произнес Под.

— Чего?! — вскинулся Хаук. — Опять с пустыми руками? Да прикончим их, и дело с концом! — он покосился на Енкарт. — Не вас. Умертвий прикончим.

— Мы не связываемся с некромантами, Хаук. Забыл? — Вильма одарила его хмурым взглядом. — Простите, парни, но мы не можем ехать дальше.

— Мы сопроводим вас до Аклена, — добавил Под. — Вы сможете обратиться в местное отделение паладинов. Они будут только рады навеститься к Галагу. И, разумеется, мы не возьмем оплату.

— Да вы оба спятили! — в сердцах воскликнул Хаук. Его конь взволнованно переступил ногами.

— Мы сами разберемся с умертвиями, — Райз прервал спор. — Если вы можете их обнаружить, мы можем их устранить.

— Каким образом? — спросил Под.

— Действенным, — хмыкнул тот и похлопал по притороченному к седельной сумке чехлу с винтовкой.

Когда оружие было заряжено разрушающими печати пулями, отряд выдвинулся в сторону Галага. Теперь Осмельд ехал рядом с Райзом и не отрывал взгляд от медальона. До этого момента тот считал его обычными часами на цепочке, а на деле это оказался круглый кулон, заполненный водой, в которой плавало два крошечных пузырька воздуха. Учитывая, что каких-либо других меток, к чему можно было привязаться, не имелось — именно эти пузырьки и обозначали умертвий.

— Твой компас может определить и некроманта? — поинтересовался Райз.

— В том-то и проблема, что нет, — ответил за парня Под, едущий от того по другую руку.

— Но без умертвий некромант не представляет угрозы, — подал голос Къарт.

— Я бы не был в этом так уверен.

— Двести метров, — сообщил Осмельд.

— Еще не поздно повернуть назад, — отозвалась Вильма. Ее, как и всех остальных охотников — даже Хаука — окружала бледно-желтая дымка сомнений.

— Это всего лишь умертвия, — произнес Райз. — Человек или зверь — неважно. Все что они могут сделать — это напасть или сбежать. В первом случае мы пристрелим их прежде, чем они приблизятся, во втором — если они и правда охраняют Галаг, рано или поздно мы догоним их и сделаем так, как в первом случае.

Никто из охотников не ответил. Их опасения по поводу стычки с умертвиями породили еще больше вопросов. Их не возникло бы, не кинься они без особых раздумий в драку со спрутом; и не будь у них превращающих все в камень гранат.

Райз мимолетом посмотрел на Осмельда. Хаук говорил, что парень осиротел в девять лет. Что, если его родителей убил некромант? Убил и превратил в умертвия, которые теперь рыщут по Афракскому Союзу, и охотники избегают всего, что связано с некромантами, чтобы не травмировать мальчишку?

— Сто метров, — тихо произнес Осмельд и придержал коня.

Сто метров. Примерно такой же была и видимость.

— Умертвия неподвижны?

— Они патрулируют территорию вокруг Галага.

— Хорошо. Дай знать, если их поведение изменится.

Отряд проехал еще два десятка метров, прежде чем Райз подал сигнал остановиться.

Они заметили умертвия спустя пару минут. Сначала Райз обратил внимание на шевеление куста, но ни один, даже самый подвижный куст, не мог переходить с места на место. Скелеты — а это были именно они — обвязанные ветками и травой, медленно брели среди деревьев.

— Уберем двоих сразу, — Райз понизил голос. — Я возьму на себя левого, ты — правого. Скажи, как будешь готов.

Къарт кивнул и вскинул винтовку.

Единственными, кто мог все испортить, были гривы. Сейчас, когда Райз и Къарт следовали прицелом за целями, ничто не мешало тем сорваться с места. Впрочем, реши те броситься на мертвий, и наверняка их поймали бы. Осталось бы только пристрелить их вблизи, но Райз хотел сделать все аккуратно.

Но ни Клык, ни Коготь даже не думали шевелиться — словно бы поняли, что их всадники ведут свою охоту, и уважительно не мешали.

— Готов, — коротко сказал Къарт.

— Стреляй по команде, — Райз выдержал паузу. — Сейчас.

Грохот выстрелов слился в один. Къарт попал точно в череп, Райз — в грудную клетку — рискованно, но все равно сработало.

— Их нет, — констатировал Осмельд.

— Отлично. Сообща, если появятся новые.

Парень кивнул.

До Галага оставалось рукой подать. Когда отряд поравнялся с кучками костей и веток, оставшихся от мертвий, среди деревьев блеснула белесая линза озера.

В этом месте топи подходили почти под самые скалы. Десятки ручьев, что брали начало в пенящемся озере, скрывались среди корней, питали болотистые почвы.

У водопада было не меньше пятнадцати метров высоты. Вода срывалась с уступа и с грохотом падала вниз, десятилетиями обтачивая скалу.

— Неплохой вид, — Офрен присвистнул. — Так зачем вам сюда нужно было, парни?

— Мы кое-что ищем. Осмельд, поблизости по-прежнему ничего?

Получив от парня утвердительный кивок, Райз спрыгнул на землю и бросил повод Клыка Къарту.

— Будьте здесь, — он отстегнул от седла один из мечей и направился к водопаду.

— Райз? — окликнул его Къарт.

— Нужно найти проход, — не оборачиваясь бросил тот.

Останки исполина были единственной уважительной причиной, по которой в таком захолустье мог ошиваться некромант. А значит, владелец мертвий поджидал их впереди.

Райз отыскал дорогу быстро. Углубление в скале под водой — считай, целая тропа — тянулось вдоль скалы от берега и дальше, к падающему с высоты потоку. Незаметное со стороны, но бросающееся в глаза тому, кто знал, что искать.

Обнажив меч, Райз шагнул в воду и вздрогнул всем телом. Ледяная. Он медленно прошел вдоль мокрой от брызг скалы, обогнул выступ, благодаря которому поток падающей воды изгибался, так что можно было попасть за водопад не промокнув насквозь. За выступом рука скользнула в пустоту.

Все, как говорил Фелис: черный зев, ведущий вглубь скалы, сразу за водопадом.

— Есть проход, — сообщил Райз, вернувшись к остальным. — Узкий, но пройти можно. Гривов придется оставить здесь, — он перевел взгляд на охотников. — Речь шла о Галаге, и вот он, но мы бы не отказались, если бы вы еще немного побыли нашим сопровождением. Добавим еще две тысячи сверху, если согласитесь.

— Три за восемь дней и две за то, чтобы пойти с вами в пещеру. Все верно? — переспросил Под. — Звучит, как предложение, от которого разумнее отказаться.

— Немалые деньги, которые удобнее и вовсе не платить. Вы, случаем, не решили нас заманить в логово некроманта? — Офрен натянуто рассмеялся. — Я шучу, конечно, но было бы неплохо все же узнать, зачем вам так туда приспичило.

— Мы месяц изучали архивы паладинов и нашли в них кое-что интересное — то, что упустили все остальные, — Райз снял с седла рукоятку глефы и повесил на перевязь за спиной. Поразмыслив, взял и второй клинок и пристегнул к поясу. — Есть основания полагать, что по ту сторону прохода за Галагом находятся никому неизвестные останки исполина. Хотя, похоже, один некромант о них все же знает. Так что причин туда пойти даже больше, чем прежде.

При упоминании об исполине лица охотников переменились. Под переглянулся с Вильмой, обвел взглядом весь отряд.

— Если вы оба пойдете, по возвращении мы даже хвостов наших лошадей не отыщем, — Под взглядом указал на гривов.

— Они не тронут, — спокойно сказал Къарт и погладил Когтя по шее. — Они будут вести себя смирно, ждать нас и защищать лошадей от других хищников. Оба.

Клык, чей повод Къарт все еще держал, недовольно прижал уши и тихо зарычал.

— Если не хотят неприятностей, — добавил Къарт.

— Эти зверюги тебя не понимают, — фыркнул Хаук.

— Я бы так не говорил, — заметил Офрен. — Интеллект гривов часто недооценивают из-за их кровожадности. Так что они куда разумнее, чем ты думаешь. Может, даже разумнее тебя.

— Не сожрут лошадей, так сбегут, — не унимался Хаук. — Или сожрут, а затем сбегут.

— Гривы с младенчества рядом со своими хозяевами. Никуда они не денутся, так что прекращай ворчать, — Офрен улыбнулся и посмотрел на Пода. — Мы идем, я правильно понял?

Под кивнул.

Воспоминания о былых днях набросились на Райза, едва его окружил глухой камень. Эта пещера не имела ничего общего с Лоном друидов. Не было ни оплетших проход лоз, ни парящей в воздухе пылицы Светоча, ни запаха синего крестовника, который так любили друиды. Сырой, тяжелый воздух вымещал из головы все мысли, кроме желания закутаться в плед и поскорее вернуться на солнце. Но Райза все равно не покидало чувство, что за следующим поворотом свет масляной лампы в руке Офрен померкнет в сверкании Светоча, дышать станет легко и свободно, а человеческие лица сменятся лицами друидов. Пугало ли его это чувство? Или же он, напротив, хотел, чтобы именно так и произошло?

Проклятье. Проклятая гора и проклятый некромант, близость к которому вынудила вспомнить о мертвецах. А может, проклятое только его прошлое и шестнадцать лет, проведенные под землей.

— Впереди еще мертвие, — сообщил Осмельд.

Это были первые слова, произнесенные за пол часа ходьбы по извивающемуся туннелю. Райз опасался, не окажутся ли эти пещеры такими же разветвленными, как и Лono, и не придется ли потратить на поиск верного пути целый день. Но дорога была всего одна.

— Сколько?

— Только одно.

Слабоватая охрана. Конечно, некромант мог даже не допускать мысли, что это место отыщет кто-либо еще, но всего одно мертвие... Разве что оно — нечто большее, чем просто человеческий скелет.

— Я пойду впереди, — сказал Райз. — Держитесь на безопасном расстоянии и ничего не делайте. Къарт, будешь стрелять, только если я скажу. Понял?

— Нет.

— Я хочу проверить глефу. Жди сигнала и не стреляй без него.

— Мне не нравится, как это звучит.

— Къарт.

После того, как они обменялись долгими взглядами, тот с неохотой кивнул. Ему не нравился предложенный план, и это играло Райзу на руку.

Соваться к некроманту было рано. Во всяком случае, Райз не планировал встречаться с кем-то из их братии в ближайшее время, но раз ситуация складывалась иным образом, он хотел располагать чем-то большим, чем парой винтовок и гранатами охотников. Энергия духа Къарта отлично подходила на роль запасного варианта. Но раз он не спешил ею делиться, приходилось идти на крайние меры.

Пока Осмельд отсчитывал оставшееся до противника расстояние, Райз поймал себя на мысли, что необходимость манипулировать эмоциями напарника вызывает у него дискомфорт. Словно он опять предает доверие — доверие союзника, а не врага. Но уж лучше так, чем оказаться с голыми руками перед некромантом, от которого неизвестно что можно ждать. Да, были еще охотники, которым Фелис отвел особую роль, но Райз предпочитал относиться к ним, как к талисману, который неплохо иметь при себе, но на который всерьез рассчитывал бы только полный дурак.

— По правую руку в тридцати метрах от нас, — прошептал Осмельд и остановился.

Через десять шагов проход изгибался. Скорее всего, когда они повернут, то столкнутся с умертвием нос к носу.

— Хорошо. Будьте наготове, но не лезьте, — Райз снял с перевязи рукоятку, прикрутил к ней один из мечей — ширина пещеры позволяла использовать две трети длины глефы, — и повернул кольцо активации печатей.

— Это дурацкая затея и неоправданный риск, — тихо произнес Под.

— Не беспокойся. Если я помру, Къярт все равно вам заплатит. Может, даже сверху добавит, — Райз усмехнулся и встретился с Къяртом взглядом. — Никакой стрельбы раньше времени.

По мере приближения к повороту сердцебиение ускорялось — незначительно, только чтобы подготовить тело к возможной нагрузке.

— Оставайтесь на месте, — велел Райз и первым вышел из-за угла.

Свет лампы осветил совершенно пустое продолжение туннеля, слишком ровного, будто бы кем-то вырытого, а не образовавшегося по воле природы.

— Осмельд? — Райз остановился.

— Оно должно быть впереди, — вокруг парня зарождалась желтая дымка.

— Расстояние?

— Двадцать метров.

Прямой участок был на десять шагов длиннее.

— Не сходите с этого места.

Райз посмотрел на Къярта, вскинувшего винтовку и целящегося в пустоту впереди, и пошел вперед.

Компас Осмельда не определял высоту. Возможно, тварь находилась в пещерах выше или ниже этой. Или же это какой-нибудь вернувшийся из мертвых маг с даром невидимости.

Восемь метров, тринадцать, шестнадцать.

Скрежет!

Райз не понял, откуда пришел звук, спереди или сзади, но зато заметил осыпавшуюся со свода крошку, а следом за ней сиганувшую вниз из расселины тварь.

Это было не человеческое умертвие — какой-то зверь, отдаленно напоминающий скорпиона, решившего вымахать в человеческий рост. В Огнедоле водились пещерные пауки, а здесь — вот это. Существовал ли хоть один мир, в котором в пещерах обитали только мох и плесень?

Умертвия отличались одной неприятной чертой: у них не было страха, не было сомнений, не было эмоций. А значит не было и раздумий. Они просто атаковали — стремительно и без передышки на пораскинуть высохшими мозгами.

Райз спиной ощутил холод вспыхнувшей вокруг Къярта энергии и приготовился услышать выстрел. Но тишину нарушил только скрежет клешни, ударившей в камень над головой отскочившего к стене Райза. С другой стороны, умертвия не отличались тактическим мышлением.

Райз взмахнул глефой совсем рядом с тварью — достаточно рядом, чтобы попытку засчитали. Доверяй ему Къярт хоть немного больше, контролируй он свой страх и раздражающие его сомнения — стрелять или делать, как было велено, — и он бы догадался, что Райз промазал намеренно.

Он сместился в сторону от скорпиона, и тот ударил хвостом. Не сверху вниз, а сбоку —

все же хвост у твари был не совсем скорпионий. Райз пригнулся к земле, выставив глефу острием к своду, точно волнорез. Слишком уж затягивать с шустрой тварью не стоило.

Клинок рассек ударивший по нему хвосту, как горячий нож — масло. Кусок хвоста отлетел к стене, скорпион же осел на задние ноги и, развернувшись, ударил клешней. Райз выпустил глефу из руки, кувыркнулся вперед, прямо под голову твари — туда, где она смогла бы достать его разве что жвалами, — выхватил из ножен второй клинок, всадил его в горло и откатился в сторону в последний момент, прежде чем мертвое рухнуло бы сверху.

— Неплохо, да? — Райз подобрал глефу и посмотрел на Къярта.

Синева вокруг того сменялась багрянцем. Отлично. Самое время двигаться дальше, да побыстрее, пока собранная энергия не утратила цвет.

— И вы еще мне говорите, что я лезу сломя голову в драку? — Хаук с возмущением посмотрел на Вильму.

— Хорошее оружие, — одобрительно заметил Офрен, глядя, как Райз вытаскивает последнюю часть глефы из-под скорпиона. — Разрушает печати некромантов?

Тот кивнул.

— А вы неплохо подготовились, — сказал Под.

— Идем дальше, — Райз не подал виду, что заметил в голосе того что-то кроме одобрения.

Больше мертвых на их пути не встретилось. Проход снова сузился, запетлял, пока внезапно не заполнился свежим дыханием ветра. Спустя несколько минут впереди забрезжил свет, зелень травы и кусочек белоснежной скалы.

— Впереди никого?

Осмельд отрицательно покачал головой. Райз нахмурился. Энергия духа тоже не обнаруживалась: ни впереди, ни с боков, ни снизу, ни сверху. Он ожидал, что некромант будет находиться где-то поблизости от останков, а его отсутствие могло означать или то, что это не конец пути, и хлопоты со скорпионом были зря, или же что хозяев нет дома, что вроде как неплохо, если бы только не вопрос — почему?

— Больше ерундой заниматься не хочется? — спросил Под.

— Нет, я утолил жажду приключений, — Райз широко улыбнулся.

— Тогда держитесь позади.

Он вырвался вперед вместе с Хауком, и они первыми ступили на открытое пространство.

Возможно, Вильма бы ахнула, если бы не сосредоточилась на поиске угрозы. Но ее взгляд, как и взгляды остальных, на несколько мгновений все же задержались на останках исполина, принятых издали за белую скалу.

До боли похожий на человека, он лежал в позе эмбриона посреди зеленого луга, прямо в луче солнечного света, падающего сквозь просвет в высоком своде пещеры. Его тело пронизывали прозрачные прожилки — такие же, как и алтарь в поместье Фелиса, — отчего казалось, что исполин мерцает. Рядом с его головой врос ножками в землю заваленный книгами стол.

Райз окружил Къярта его же энергией страха на манер кокона, готовый в любой момент ее активировать и превратить в какую-никакую, но броню.

— Вы только поглядите, кто пожаловал, — сверху донесся голос. — Еще и с компанией.

Прозвучал выстрел. Слишком близко, чтобы принадлежать оружию в руках говорившего.

С простреленной головой, некромант, скрывавшийся на уступе в пяти метрах выше, рухнул вниз.

— Болтает много, — хмыкнул Хаук и, бахвалясь, крутанул револьвер в руке.

— Проверьте здесь все, — коротко распорядился Под. — Он мог быть не один.

— Нет, не двигайтесь, — подал голос Осмельд. Парень стоял ближе всех к исполину и рыскал взглядом по траве. — Он один. Иначе другие уже активировали бы растяжки.

— Вот зараза, — Хаук сплюнул на землю и посмотрел на Енкарт. — Даже не думайте шевелиться.

— Осмельд, Офрен, разберетесь? — спросил Под.

— Да, — Офрен привычным жестом почесал затылок и полез в поясную сумку. — Придется повозиться. Территория не маленькая, но сделаем.

— Никому не сходить с места.

— Знаем, знаем, — Хаук достал из кармана коробочку с самокрутками и закурил.

Осмельд и Офрен извлекли из сумок приборы, издавека похожие на компас парня, только в два раза больше, и принялись обходить исполина.

— Что за растяжки? — поинтересовался Райз.

— Те, которыми некроманты ловят паладинов, — ответил Под. — Паладинов в броне ловят, а все живое — убивают.

— Как?

— Мгновенно.

Райз усмехнулся.

Охотникам понадобилось около часа, чтобы проверить всю пещеру. Каждый раз, когда они находили очередную растяжку — небольшой камушек с нанесенными на него печатями — Осмельд капал на него из пипетки, после чего Офрен прятал камень в карман.

— Разъедающий печати настой, — пояснила Вильма. — Дедовский способ.

Когда Офрен сообщил, что пещера чиста, охотники с облегчением выдохнули.

— Невероятно, — прошептала Вильма, глядя на исполина с благоговейным трепетом. — О нем действительно никому не известно. Такой большой и совершенно невредимый. И как только он сюда попал?

Райз и сам хотел бы знать ответ на этот вопрос. Исполины погибали в битвах. Даже в самой захудалой драке, устроенной таким гигантом, вокруг камня на камне не осталось бы. И пробраться сюда он тоже не мог. Отверстие вверху было слишком маленькое, а через проход в пещере не протиснулся бы и грив. Так как он здесь оказался?

Чем дальше Райз разглядывал стенки пещеры, тем больше сомневался в их природном происхождении. Грубо отшлифованные стыки, намеки на строительную геометрию — словно бы кто-то воздвиг это убежище, или же крипту, уже после того, как исполин погиб. Этим кем-то мог быть разве что только другой исполин. Или талантливый маг камня. Но в этом мире магов камня не водилось.

Райз первым приблизился к телу некроманта. С разметавшимися волосами, тот лежал лицом вниз.

— А он тут целое исследование устроил, — присвистнул Офрен, листая одну из книг на столе. — Что он пытался сделать? Получить его энергию?

— А что же еще? Им только это и нужно, — зло сказала Вильма.

Она стояла возле лба исполина, совсем близко, окруженная дымкой нерешительности. Ее рука застыла в паре сантиметров от белоснежного камня, не смея коснуться.

— Пустые старания, — нараспев протянул Офрен и закрыл книгу. — Даже если у кого-то из них и получится, энергия исполина попросту выжжет его душу.

Райз покосился на Къярта.

— Я осмотрюсь, — сказал тот и направился вокруг исполина.

— Здесь лучше не задерживаться, — заметил Под. — Никаких гарантий, что он — один, и что здесь нет сигнальных печатей. Не хочется оказаться мышами в мышеловке.

Он отодвинул вылинявший от времени полог, что прикрывал глубокую нишу в скале. По ту сторону вдоль стен тянулись еще столы, заставленные всевозможными приспособлениями, корзины с провиантом и застеленная шкурами кровать.

— Согласен, — поддержал Райз.

— Так и что, столько хлопот, только ради того, чтобы поглазеть на гиганта? — Хаук раскурил самокрутку — уже шестую с момента их прихода в пещеру.

— Прояви больше почтения! — зашипела на него Вильма.

Она набралась смелости прикоснуться к исполину и теперь стояла, прильнув к нему лбом и закрыв глаза.

— Понял, понял, не горячись, — Хаук свернул на попятную, но когда Вильма потеряла к нему интерес, буркнул: — Женщины.

По ту сторону исполина разбухала лазурь. Стремительно, неудержимо, она раздалась в стороны на несколько метров, и Райз едва сдержался, чтобы не броситься к Къярту. Но не похоже, что того что-то испугало: оттенок оставался тем же, увеличилось только количество вырабатываемой душой энергии.

Райз снова посмотрел на труп некроманта. По какой причине он не увидел его дух? Не хотелось бы повторения ситуации.

Поймав момент, когда охотники отвлеклись на изучение жилища некроманта, Райз отрезал прядь его волос, завернул в платок и сунул в карман.

— Заберем его записи, — он отошел от трупа. — На случай, если его друзья явятся раньше, чем придут паладины.

— И что ты собираешься с ними делать? С записями? — спросил Под.

— Отвезем в акленское отделение, ясное дело.

— Хотите продать их? — оживился Хаук.

— Паладины владеют монопольным правом на любое имущество, изъятое у некромантов, — Къярт появился с другой стороны исполина. От голубой взвеси не осталось и следа, а его лицо, как и всегда, выражало абсолютное спокойствие. — Мы их просто отдадим.

— И в чем тогда был смысл? — Хаук непонимающе уставился на Райза.

— Какая же ты порой дубина, — вздохнула Вильма.

— Почему это только порой, — хохотнул Офрен.

— Они первые, кто увидели этого исполина за несколько тысяч лет, — продолжила женщина. — Мы — первые! Для тебя это вообще ничего не значит?

— Первые, — хмыкнул Хаук и кивнул в сторону тела некроманта. — А жмурик этот не в счет?

— Хватит уже препираться, — прервал их Под. В его голосе прозвучало раздражение. Похоже, в споре Вильмы и Хаука о соразмерности затраченных усилий и полученной выгоды, он бы предпочел встать на сторону друга. — На этом все? Мы можем возвращаться? — он посмотрел на Райза.

Однако этот вопрос нужно было задавать не ему.

— Ты как, проникся духом святыни? — спросил он с насмешкой у Къярта и был награжден полным осуждения взглядом Вильмы.

Къярт кивнул и добавил:

— Нам и правда лучше поскорее уйти. Сможем вернуться, когда паладины обезопасят район.

— С них станется и вовсе никого не пускать сюда, — Вильма с неохотой отлипла от исполина.

Дорога назад пролетела в мгновение ока. Впрочем, Хаук сполна использовал его, чтобы от души обругать гривов, которые наверняка сожрали всех лошадей и сбежали на болота.

Гривы ждали там же, где их и оставили. Клык лежал на берегу сразу у водопада — его полную недовольства морду охотники увидели первым. Коготь расположился рядом и полоскал в озере хвосты. В сторонке лошади мирно пощипывали траву.

— Вот зараза, — с усмешкой сказал Хаук. — А я надеялся сбить с вас тройную цену за съеденных коней.

— Гривы сутки ничего не ели, так что можно устроить, — Райз потрепал Клыка по шее, на что тот лениво клацнул зубами.

— Обойдусь.

— Мы сопроводим вас до Аклена, — сказал Под, когда Райз без лишних слов протянул ему обещанную награду за сопровождение. — Без дополнительной платы.

— Будет обидно, если после всех приключений вы не доедете до ближайшего города, — Офрен улыбнулся и забрался в седло.

На обратном пути Енкарты ехали в хвосте. Райз думал о словах Фелиса и о том, какой именно момент тот имел в виду: когда Хаук пристрелил некроманта, которого он не заметил, или когда обезвредили растяжки? Или же сразу оба варианта?

— Ты в норме? — Райз посмотрел на Къярта.

— Да. Абсолютно.

Сейчас этого ответа было более, чем достаточно. Еще два дня пути до Аклена, и они наконец смогут нормально поговорить, не опасаясь быть услышанными нежелательными свидетелями.

Ближе к вечеру топи остались за спиной, и отряд въехал на вершину холма, на котором они ночевали по пути к Галагу.

— Встаем лагерем? — Хаук остановился. Однако заметив, что Под продолжил ехать дальше на восток, двинул коня пятками.

— Нет, лучше убраться подальше. На случай погони.

— Давай тогда в деревню заедем. Купим кисленки, отметим, что еще живы. У меня в горле пересохло.

— Нет, мы не будем останавливаться. Потерпишь.

— Чтоб тебя, Под, какая муха тебя укусила? — возмутился Хаук.

— Держи, горе ты наше, — Офрен протянул ему флягу.

Они не отделились от холма и на сто метров, когда из деревни выехал всадник: верхом на вороном коне, в сверкающем на солнце мундире паладина и с короткостриженными белоснежными волосами.

— Это же Раяда, — растерянно пробормотал Офрен.

Лошади охотников остановились, так же, как и лошадь Кары, посмотревшей в их

сторону.

— Зараза, зачем она притащила сюда свою задницу?! — Хаук глянул на Пода.

— Она знает, — прошептал Осмельд, и разросшееся вокруг него облако паники проглотило обволакивающую охотников голубую взвесь.

— Спокойно, мы разберемся, — Под попытался скрыть напряжение в голосе за уверенностью. Вышло так себе.

— Она знает, — одними губами повторил Осмельд. Его мерин нервно переступил на месте.

— Осмельд, не делай глупостей. Осмельд!

Под не успел схватить повод лошади парня.

Получив пятками по ребрам, мерин поднялся в галоп и понесся в сторону топей.

— Дерьмо!

Под послал коня следом, Офрен — за ними.

Следующим, кто сорвался с места, был конь Кары. Их разделяли две сотни метров, но девушка не собиралась преодолевать их верхом. Ее окутала алая пелена, что тут же исчезла в фонтане белых искр, когда девушка дернула повод вправо, а сама спрыгнула с седла.

Воплощение заняло всего мгновение. Вспышка — и вокруг Кары выросла броня, заключив ее в мощный грудной отсек опустившегося на землю звероподобного существа. Не меньше четырех метров длины, не считая длинного хвоста. Голова отдаленно напоминала гривью, только отростки росли не назад, а в стороны, словно воротник. Наросты покрывали и предплечья — смотрели острыми концами в сторону кистей и, по всей видимости, использовались как оружие ближнего боя.

Кара пронеслась мимо них, обдав порывом ветра.

— Зараза! — в сердцах воскликнул Хаук и направил лошадь следом. Вильма не отставала.

Переглянувшись, Райз с Къяртом бросились за ними.

Скакун Пода оказался быстрее, чем мерин Осмельда, так что ему удалось догнать того, и когда парень отказался реагировать на уговоры, Под выбил его из седла, упал рядом, подмял под себя и прижал к земле, закрыв собственным телом.

Офрен соскочил с лошади и подбежал к ним как раз вовремя, чтобы оказаться между Подом с Осмельдом и догнавшей их Карой.

— Госпожа Раяда, погодите! — Офрен умудрился натянуть свою любимую неловкую улыбку даже стоя в синем, как грозовое небо, облаке страха. — Послушайте, прошу!

Кара замерла с занесенной полу-рукой-полу-лапой.

— Осмельд — хороший парень, он не делал ничего дурного. Оживил разок пару воробьев, но это же мелочи! — Офрен нервно рассмеялся.

Кара медлила. В окутывающей ее дымке белая, как тело исполина, броня казалась розовой.

— Она нас всех убьет, — пробормотала Вильма, остановив лошадь в десятке шагов. Держащийся подле нее Хаук скрипнул зубами. — Броня не продержится до Аклена. Она не станет никого вести в отделение.

— Осмельд просто ребенок, он никому не вредил, — продолжал увещевать Офрен.

Под неподвижно лежал на земле, продолжая закрывать Осмельда собой, и даже не дернулся, когда Кара сделал шаг в их сторону.

— Она нас всех убьет, — дрожащим голосом повторила Вильма.

— Как бы не так, — сказал, как сплюнул, Хаук, и потянулся к карману с гранатами, которые использовал против спрута.

В мыслях кляня Фелиса, Райз выхватил револьвер и щелкнул предохранителем.

— Даже не думай, Хаук, — он направил оружие на мужчину.

— Какого...

— Убери руку от гранат.

— Ты что ли спяти...

— Живо!

Окрик Райза привлек внимание даже Офрена. Он посмотрел на него с непониманием и в то же время со смиренным осознанием, что их песня спета.

— Вильма, не нужно, — под взглядом Къярта женщина так и застыла с потянувшейся к кобуре рукой. — Пожалуйста.

Непонимание. Осуждение. Страх. Отчаяние. Злость.

Здесь смешалось слишком много всего. Райзу хотелось разогнать энергию, от которой рябило в глазах, но контроль над летящей в бездну ситуацией сейчас был важнее, чем его собственное удобство.

— Кара, — позвал он, продолжая держать Хаука на прицеле. — Кара, ты слышишь меня?

Она обернулась. Повернула голову и уставилась на него перламутровым глазом брони.

— Мы не знали. Про парня. Мы поможем конвоировать их в отделение Аклена.

— Ах ты сука..., — выдавил Хаук.

— Молчать! — рывкнул Райз и вновь посмотрел на девушку. — Кара, мы поможем.

Она ждала. По каменной морде брони и по мертвому взгляду такого же каменного глаза нельзя было понять, о чем она думала, а из эмоций вокруг нее витала только злость. Но раз она все еще не пустила в ход клинок...

— Оружие на землю, — приказал Райз и смерил Хаука взглядом. — Сейчас же.

— Делайте, как он говорит, — подал голос Под.

Со сдавленным рыком Хаук начал расстегивать кобуру. Вильма с Офреном выполнили распоряжение молча.

— Все оружие, Хаук. Ножи, патроны, гранаты.

— Какая же ты крыса.

— Молча, Хаук, — Райз посмотрел на Пода. — Тебя это тоже касается.

Тот мотнул головой и добавил, прежде чем Райз повторил бы:

— Офрен, сними мою кобуру и пояс.

Тому пришлось повозиться, но в итоге все оружие, что было при охотниках, лежало на земле.

— Кара? — Райз встретился взглядом с броней. — Мы поможем сопроводить их в Аклен. Даю слово.

Кара шевельнулась, и Офрен непроизвольно закрыл глаза, готовый принять на себя первый удар.

По броне пошли трещины. Сантиметр за сантиметром она крошилась, осыпалась на землю, пока не осталась только груда белых камней и стоящий на ее вершине паладин.

Райз почувствовал на себе пристальное внимание Хаука. Теперь, когда Кара осталась без защиты брони, хватило бы одного выстрела, чтобы решить проблему. На Райза смотрел не только Хаук, но и Вильма с Офреном. А ведь ему даже не обязательно стрелять.

Достаточно просто дать им уйти, позволить сбежать из Афракского союза, и они точно никогда больше в него не вернуться.

Конь Хаука фыркнул и нетерпеливо загарцевал на месте.

— Спокойнее, Хаук, — Райз улыбнулся и убрал револьвер в кобуру. — Ты же не хочешь дать гривам повод устроить охоту.

— С момента вашей первой встречи с обвиняемыми были ли у вас причины полагать, что они действуют в интересах некромантов?

— Нет.

— Проявляли ли они каким-либо образом положительное или нейтральное отношение к некромантам?

— Нет.

— По вашему мнению, было ли подсудимым известно, что Осмельд является некромантом?

Къярт встретился взглядом с Райзом, что сидел на скамье у стены. Все эти вопросы уже прозвучали здесь, и на каждый из них Райз ответил правдиво. Оно и к лучшему. Къярту пришлось бы придерживаться той же тактики, а толково врать у него никогда не получалось. Возможно поэтому не стал врать и Райз.

— Да, — Къярт посмотрел на судью.

Он избегал встречаться взглядом с охотниками. Закованные в цепи, те стояли в окружении паладинов в центре зала.

Глядя же на растрепанного Осмельда, Къярт чувствовал себя последним подонком. Он был в разы больше некромантом, чем стоящий на коленях парнишка. Но именно Осмельду досталась роль обвиняемого, а ему — того, кто заклеймит его и тех, кто защищал парня.

— Спасибо, господин Енкарта, займите свое место.

Къярт сдержанно кивнул и вернулся на скамью. Он предпочел бы выдерживать некоторую дистанцию между собой и Райзом, но других мест в зале суда не было.

Произошедшее три дня назад выбило его из колеи. Но дело было отнюдь не в том, что Осмельд оказался некромантом, которого покрывали охотники. Его собственный напарник на несколько коротких минут сорвал маску и показал свое истинное лицо — вот, что действительно потрясло. Переменился не только голос, в котором невесть откуда взялись рычащие нотки, но и движения; взгляд, которым Райз, казалось, мог буквально снять с Хаука кожу живьем.

Теперь все споры с Фелисом больше походили на детские забавы. Казалось бы, Райз не сделал ничего особенного, но когда он направил револьвер на Хаука, Къярт не знал, выстрелит он или нет. И если выстрелит — в Хаука или же в Кару? И как бы абсурдно не звучали оба варианта, в тот момент Къярт понял, что его напарник действительно способен воплотить в жизнь любой из них, а он даже не может предугадать, какой именно. Представший перед ним человек был ему совершенно не знаком. И этот, другой, незнакомый Райз, вызывал опасения.

— Заслушав всех свидетелей, а также рассмотрев все обстоятельства, суд Акленского отделения Братства приговаривает Осмельда, обвиняемого в использовании силы некроманта, к пожизненному заключению в Сцеофском руднике...

— Он всего лишь ребенок! — срывающийся голос Вильмы перебил судью.

— Молчать!

Вильма едва устояла на ногах, когда стоящий позади нее паладин толкнул ее в спину.

Под дернулся в ее сторону, но его немедленно поставили на колени.

— Остальные же, за укрывательство и пособничество некроманту, приговариваются к двадцати пяти годам трудовой повинности в руднике Тхаута, — с невозмутимым видом заключил судья.

— Они ни в чем не виноваты! — вскинулся Осмельд. Паладин, что держал цепь, пнул его, но парень не унимался: — Наказывайте меня, но не их!

— Выведите заключенных, — сухо велел судья.

— Раз решили осудить их, осудите и его, — выкрикнул Осмельд и мотнул головой в сторону Къярта.

Поднявшийся со своего места судья замер.

Райз, как и все присутствующие, смотрели на Осмельда, но Къярт буквально загривком чувствовал, что все внимание напарника направлено на него.

А теперь к нему присоединился еще и взгляд Кары. Она стояла у противоположной стены, как и вызванный из Руферона глава их отделения, так что вместе с ними в помещении находилось шесть паладинов. Шесть возможных воплощений — если Кара успела восстановить энергию после предыдущего, — а у него и Райза не было ничего, кроме них самих.

— Когда Хаука ранили, — видя, что его слушают, Осмельд продолжил, — этот человек, чтобы не дать развиться гангрене, использовал печать против разложения. Я ее сразу узнал.

Казалось, что в повисшей в зале тишине сердцебиение Къярта услышит каждый.

— Это так? — взгляд судьи уткнулся в него.

— Кхм, прошу прощения, — подал голос глава Руферонского отделения. — Но текущее слушание касается этих пятерых, — он указал кивком на охотников. — Приговор вынесен, сессия закрыта, и я хочу поскорее вернуться к делам моего отделения. В отличие от осужденных, господин Енкарта является представителем высшего сословия. Его родовой лист выдан в Коуфладских землях, а следовательно любые расследования относительно него находятся в нашей юрисдикции. Если он, конечно, не нарушил каких-либо законов Трейтских земель. У вас будут какие-то возражения на этот счет?

— Нет, — нехотя ответил судья. — Вам нужна поддержка нашего отделения в сопровождении господина Енкарты в земли Коуфлада?

— Благодарю, но меня и госпожи Далоран будет более, чем достаточно, — Регрор надел вежливую улыбку и посмотрел в сторону Енкарта. — Прошу, пройдите со мной.

Они вышли из зала суда через главную дверь, тогда как Осмельда и охотников вывели через боковой выход. Регрор жестом велел Енкартам следовать за ним, тогда как Кара отстала.

— Печать против разложения? Вы серьезно, парни? — тихо спросил Регрор, когда они отошли в сторону.

— Это действенное средство, — Райз невозмутимо улыбнулся. — Удивительно, что ее до сих пор не применяют в медицине.

— Печать, которую изобрели некроманты? Ты меня пугаешь.

— Почему нет, если ее может использовать кто угодно? Главное — правильные чернила.

— Даже не хочу знать, где вы их достали, — Регрор искоса посмотрел на них и вздохнул. — Хотя я догадываюсь. Сначала господин Истлен, а теперь и вы туда же. Я уж надеялся, что вам не передастся его тяга соваться туда, где вам точно не место. Хотите

закончить так же, как он?

Его взгляд скользнул за их спины и, обернувшись, Къярт увидел вышедшего из зала и теперь смотрящего в их сторону судью.

— Раяда, подойди, — позвал Регрор и добавил, когда та приблизилась: — Подложили же вы мне свинью, парни. Теперь не сердчайте, — он отступил в сторону.

— Господин Яртлен, позвольте вашу руку, пожалуйста, — произнесла Кара.

Къярт без малейшего колебания сжал ее ладонь. Не потому что был уверен, что все будет в порядке, а потому что промедление могло усложнить и без того напряженную ситуацию.

Он проходил проверку паладинов на въезде в Руферон не один десяток раз — все благодаря ежедневному выгуливанию гривов, которое Райз наверняка решил устроить для того, чтобы Къярт привык прикасаться к другим. Но сейчас все равно боялся, что что-то пойдет не так. Боялся, что Кара почувствует силу некроманта, раз она смогла разглядеть ее в Осмельде, даже находясь за пару сотен метров, или же что он попросту поглотит ее эссенцию жизни.

Эссенция паладина. Была ли она настолько же жгучая, как та, которую он вытянул из останков исполина? Пожалуй, Къярт предпочел бы не знать ответ на этот вопрос.

— Теперь вы, господин Айзлен.

Кара отпустила его руку и коснулась ладони Райза. Время, на протяжении которого они смотрели друг другу в глаза, затянулось. Наконец, губы Кары поддернула едва уловимая улыбка, и она перевела взгляд на Регрора.

— Все в порядке, господин Рортис.

— Как и ожидалось. Спасибо, Раяда.

Девушка кивнула и оставила их.

— Вы же не одумаетесь, да? — он исподлобья посмотрел на Райза. — Разумеется. Истлен не слушал, и вы не станете. Если вам так уж неважно, и молодецкая дурость бьет в голову, хотя бы устраивайте свои забавы в пределах Коуфладских земель. Я не смогу постоянно вас прикрывать. А еще лучше — держитесь подальше от всех этих историй с некромантами, украденными у них печатями и чернилами.

— Конечно, — согласился Райз.

— Брось это, — отмахнулся Регрор. — Я слишком долго знал вашего опекуна, чтобы поверить в обещание кого-либо из Енкарт не лезть в дела паладинов.

— Похоже, мы многого не знали о Фелисе, — Райз улыбнулся.

— Не вы одни.

— Так что теперь? Нам следовать за вами в Руферон?

— Еще чего. У меня и без вас забот хватает. Перейдите границу Коуфладских земель, а дальше делайте, что хотите. Только голову не теряйте. Отправлю-ка я с вами Раяду, чтобы точно знать, что вы не влипнете ни в какую историю по дороге.

— Нам неудобно тратить время вашего бойца на такую мелочь...

— Я все сказал, — в голосе Регрора прозвучал металл. — Отправитесь завтра утром.

Он собрался было уйти, но Райз остановил его.

— Как госпожа Раяда оказалась в той деревне? Вы же не посылали ее приглядывать за нами?

— Тратить время моего бойца на такую мелочь? — Регрор хмыкнул и помедлил, решая, говорить или нет. — Пришло письмо от господина Истлена. Он отправил его давно, но,

видать, что-то перепутали на почте и доставили его чуть больше недели назад. Он сообщал о подозрении, что в районе Галага скрывается некромант. Это не первый раз, когда отделение получало от него информацию такого рода, так что я решил проверить. Истлен, как и всегда, оказался прав. Только я теперь гадаю, какого из двух некромантов он имел в виду.

— Мне тоже это хотелось бы знать, — Райз поддержал шутку главы Руферонского отделения Братства.

Когда речь зашла о месте ночлега, выбор пал на небольшую гостиницу в предместье города — чтобы не попадаться лишней раз на глаза паладинам местного отделения. На то, чтобы к ней добраться, ушло почти полтора часа: улицы Аклена оказались куда оживленнее, чем в Руфероне, из-за чего экипажу приходилось подолгу стоять в ожидании, когда уберут очередную перевернувшуюся повозку и растащат в стороны столкнувшиеся автомобили.

Всю дорогу Къярт провел в гнетущем ожидании вполне заслуженной выволочки. Он не предполагал, что кто-то из охотников может оказаться сведущ в печатях. Все же подобные знания не являлись общедоступными. Хотя возможность этого следовало предусмотреть. Если он спокойно разгуливал по Афракскому союзу, при этом являясь некромантом, так почему это не могли делать другие?

Терпение Къярта достигло своего предела, когда Кара попрощалась с ними в слабо освещенном холле, и они разошлись по своим комнатам. И пусть те и в подметки не годились покоям в гостинице Руферона, но, главное, в них пахло чистыми и накрахмаленными простынями.

— Да, это тебе не гостинный двор паладинов, — Райз прошелся по комнате, опустил на скрипнувший стул и посмотрел в окно на затягивающие небо тучи. — Но всяко лучше, чем мокнуть под дождем. Считай, вовремя со всем управились.

Его лицо не выражало ни недовольства, ни сдержанного осуждения, которое появлялось на нем всякий раз, когда Къярт делал что-то, что его не устраивало. Однако сейчас тот пребывал в довольно благодушном настроении — особо нежданном в свете недавних событий. Но Къярт был знаком с Райзом не первый день, чтобы поверить в очередную маску. Еще бы знать, за каким чертом он решил ее надеть? Чтобы еще больше пристыдить за необдуманный поступок? Выбрал тактику молчаливого осуждения?

Последнее время Къярт, как мог, старался не давать повода для подначиваний или покровительственно-наставнического поведения, пусть зачастую это и означало ничего не делать, меньше говорить и больше слушать. Наблюдать. Изучать. Кажется, даже начинало получаться.

А затем эти охотники снова оказались на их пути. Къярт не мог позволить истечь кровью человеку, которого мог спасти. И совершил ошибку. Поступил бы он так же, зная, к чему все приведет? Вероятно, да. В конце концов, все закончилось относительно терпимо, пусть и не его стараниями.

Къярту не нравилась доставшаяся ему роль ведомого, пусть он по большей части и сам был в этом виноват. В его списке стремлений никогда не значилось лидерства, и он мог бы относиться к сложившемуся положению вещей куда спокойнее. Но однажды из него уже сделали марионетку, которая наивно полагала, что принимает осознанные решения, а на деле шла по заранее намеченному другими пути. Однако Къярт понимал, что за один день ему не переиграть того, кто всю сознательную жизнь только и делал, что водил других за нос. Черт, да хотя бы сравнять счет — уже было бы неплохо.

Райз все еще изучал улицу за окном. Все верно, он не мог сообщить еще красноречивее, что ждет покаяния. Чертов Райз.

— Ты был прав, — произнес Къярт. — Мне не стоило тогда лезть со своими печатями. Если бы Регрор сегодня не вмешался, все кончилось бы плохо.

— Но он вмешался, — Райз пожал плечами и посмотрел на него. Къярт ожидал увидеть во взгляде или услышать в голосе снисходительность к раскаявшемуся дураку, но на нее не было и намека. — История не знает сослагательного наклонения, — Райз приглашающе кивнул на стул напротив и, задумавшись, вновь посмотрел в окно. — И, по всей видимости, все идет точно по сценарию.

Растерянный, Къярт сел за стол. А ведь ему начало казаться, будто он уже наловчился разгадывать, что творится в голове напарника.

От появившейся на лице Райза понимающей улыбки стало не по себе. Къярт уже не удивлялся количеству его личин, но после того, как увидел не самую безобидную из них, даже такие вот улыбки селили в затылке давящее чувство тревоги.

— Если бы ты не спас этого идиота, скорее всего охотники не согласились бы сопровождать нас, — пояснил Райз. — Нет сопровождения, нет похода к останкам, нет стычки со спрутом, нет демонстрации брони паладина и так далее по списку. Так что ты все сделал верно. В стратегическом плане, не тактическом, так что особо не обольщайся, — он усмехнулся. — Но и грызть себя по этому поводу не нужно.

Райз зажег стоящую на столе оплавленную свечу, задернул шторы и вернулся на свое место.

— Чем больше я думаю о словах Ашши, что Фелис искал именно нас, тем лучше начинаю понимать, что именно они значили. Как и слова Фелиса о том, что для победы над Ордой каждый должен делать свою работу. Ты должен оставаться собой, я — собой, и тогда все сложится. Или нет.

Райз рассмеялся и, поставив локти на стол, подпер лоб руками.

И все же Къярт понимал его. При всей их непохожести, у них имелось кое-что общее. Райз тоже вел поединок с тем, кто переигрывал его так же, как он — Къярта. Но откуда вообще взялась это конфронтация? Они стояли по одну сторону баррикад, объединенные общей целью, но Къярт все никак не мог избавиться от мысли, что это не совсем так.

Он не давал ей воли, убеждая самого себя, что в нем говорит прежний опыт, когда тот, кто звался союзником, оказался врагом. Но и не отметал окончательно и бесповоротно. Может, поэтому, пусть они и прожили бок о бок два месяца, Къярт старательно выдерживал дистанцию. А может, потому что не хотел повторения истории Мерлен и Иеро, к которым успел привязаться.

Он держался на расстоянии от охотников по той же причине. И все равно в итоге чувствовал себя паршиво — словно бы был виновен в произошедшем. Правда, если бы он не спас Хаука, охотники не столкнулись бы с Карой, так что определенная доля его вины присутствовала.

— Погано из-за Осмельда и остальных? — Райз с сочувствием посмотрел на него. — Считаешь, я должен был позволить им сбежать?

Озвученное предположение ударило по самолюбию.

— А нам внезапно стало безразлично отношение паладинов? — спросил в ответ Къярт. — Я понимаю, что это был единственный вариант. Нельзя было позволить им напасть на Кару. Нельзя было отпустить. Но от этого понимания не намного легче.

— Кара убила бы их. Она была готова это сделать. Так что мы спасли их шкуры. А то, к чему их приговорили..., — Райз развел руками. — Да, пусть они похожи на славных ребят —

заметить, я не стану с уверенностью утверждать, что это так, — но они нарушили закон и понесли за это наказание. Так что я не вижу здесь поводов для переживаний. И не думаю, что Осмельда отправят в какой-то там рудник. Скорее всего, это сказка для общественности, и он станет очередным «ручным» некромантом и сможет даже пользоваться своими силами.

— Неплохая справедливость: некромант, из-за которого все и произошло, будет и дальше разгуливать на свободе, а простые люди, что сжалились над сиротой — отбывать наказание в рудниках.

— Ты веришь в существование справедливости? — в ухмылке Райза проскользнула толика печали. — Да, они будут отбывать наказание. Не маленькие дети, знали, на что шли и чем рисковали. Но пусть они и не на свободе, но хотя бы живы.

— Такое себе утешение.

— Любая жизнь лучше, чем смерть.

— Почему?

— Пока ты жив, есть надежда, что однажды все изменится. Даже самую темную и глубокую ночь может внезапно озарить свет. А смерть... смерть — это точка.

Райз замолчал, но спустя несколько секунд добавил:

— Конечно, когда в истории появляется некромант, это, скорее, трюк. Впрочем, крайне относительное, — хмыкнул он. — Так в чем тогда дело?

Къярт непонимающе посмотрел на него.

— Я думал, тебя не устроило то, что я помог Каре. Но раз мы выяснили, что все согласны с тем, что это был наилучший выход для всех участников, мне бы хотелось узнать, почему ты все это время смотришь на меня так, будто я съел младенца у тебя на глазах.

Слова Райза и непринужденность, с которой он их произнес, застали врасплох. А ведь Къярт имел глупость решить, что сможет хоть что-то сохранить при себе.

— Давай, выкладывай уже.

— Прежде я не видел тебя таким.

Брови Райза едва дрогнули. Так случалось всякий раз, когда, по мнению Къярта, подлинные чувства того поднимались слишком близко к поверхности. Не настолько, чтобы их мог заметить кто-то со стороны, но достаточно, чтобы они проявили себя в неконтролируемой реакции мышц.

— Мне казалось, что я начал понимать тебя, — продолжил Къярт. — Границы, которых ты придерживаешься. Но в тот момент я не был уверен, что они вообще существуют. Хоть какие-то. Признаться, я допускал в равной степени, что ты пристрелишь Хаука или Кару. Или обоих.

— Тебя это пугает? — в голосе Райза не осталось привычной ребячливости.

Къярт ответил не сразу.

— Если честно, я не знаю, как к этому относиться. Но, наверное, да, это вызывает некоторый дискомфорт.

Райз понимающе кивнул.

— Иногда приходится отложить шутки в сторону, — произнес он. — И, боюсь, подобные ситуации будут случаться только чаще. Но могу тебя заверить, что мой «выход за границы» всегда будет оправдан целью и не будет превышать необходимого. Разве что самую малость — для страховки.

Къярт молчал. Он думал о том, что может и дальше пытаться распознать уловки в словах или действиях Райза, но если тот действительно задается целью обвести его вокруг

пальца, то сделает это. Однако пока что тот не дал ни малейшего повода усомниться в нем. Так, может, пришло время перестать пытаться разглядеть врага в тенях и поставить все на то, что они союзники?

— И что теперь? В смысле, у тебя есть план, что делать дальше? — поинтересовался он.

— С исполином все прошло так, как и должно было?

Къярт ответил не сразу. Не потому, что не знал ответ, а потому что вопрос напомнил о переполняющем его жаре. Когда он только впитал эссенцию из останков, из-за жжения в груди едва удавалось дышать, но он уже был знаком с подобными ощущениями — еще с прошлой жизни, когда искра пыталась сжечь его кли-каналы. Ему понадобилось всего ничего времени, чтобы вновь привыкнуть к этому чувству, и спустя несколько дней жар превратился в обычное тепло.

— Да. Останки исполина накопили невероятно много энергии. Думаю, сейчас можно попробовать призва...

— Нет, сейчас точно нет. Не будем испытывать удачу. Сначала избавимся от сопровождения, а после уже и с мертвыми потолкуем.

Этим вечером они не рискнули даже вызвать Фелиса, хотя Къярт не сомневался, что у Райза имелось, что тому сказать. Самому же ему было плевать на некроманта. Возможно, он смирился с тем, что тот сделал, принял то, что не мог изменить. Или же его слишком измотали непрекращающиеся ночные кошмары, и сил злиться на Фелиса попросту не осталось.

Поначалу Къярт надеялся, что они вскоре прекратятся. Когда же прикосновения к чему-либо живому перестали означать гарантированное поглощение жизни — он был уверен, что кошмары пройдут. Однако они остались с ним, как остались изрешеченные пулями Мерлен и Иеро, и иногда, в их остекленевших глазах Къярт различал шевеление червей.

Являлись ли эти сны неотъемлемой частью силы некроманта, что с каждым днем все глубже пускала в него корни, разрасталась, словно грибница? Ни о чем таком в трактатах не говорилось. Он мог бы спросить у Фелиса, но ответ на этот вопрос не так уж и интересовал, чтобы ради него терпеть снисходительно-издевательский взгляд некроманта. Чтобы ни было причиной, Къярт смирился. И даже если ночные палачи не оставят его до конца жизни — это малая плата за то, что он сделал с миром Мерлен.

Утром, когда еще не прокричали первые петухи, а трава стояла в росе, они выехали в сторону Коуфладских земель.

Вороной жеребец Кары оказался куда быстрее и выносливее лошадей охотников. Оно и неудивительно: простые наемники не могли позволить себе скакуна того же класса, что и паладины.

Правда, гривов он боялся так же, как и остальные, и первое время Каре пришлось ехать несколько поодаль, пока конь привыкал к виду и запаху хищников.

К сумеркам они добрались до выросшего на берегу озера селения — слишком большого, чтобы называть его деревней, но еще не дотягивающего до города, о чем свидетельствовало отсутствие даже самого захудалого стойла для гривов. Кара предпочла бы провести ночь под крышей, особенно с учетом туч, что с прошлого дня продолжали мрачнеть, но все никак не могли разродиться дождем. Но гривы, а значит, и их владельцы, должны были держаться подальше от жилых домов. Примерное поведение Клыка и Когтя во время путешествия с охотниками отнюдь не означало, что они и дальше будут вести себя смирно. Так что Кара, ответственно выполняя данное ей задание по сопровождению Енкарт, осталась с ними.

— Почему ты всегда в перчатках? — спросила она, когда Къярт передал ей кружку с чаем. — Если не хочешь — не отвечай.

— Не люблю прикасаться к людям. И к гривам. К чему-либо.

Кара понимающе кивнула.

— Извини, что вчера пришлось провести проверку.

— Все в порядке.

Къярт, сам не зная, зачем, посмотрел на сидящего с противоположной стороны костра Райза. За весь день тот не обронил и пары фраз, да и Кара не отличалась особым многословием. Къярт сказал бы, что им удалось собрать идеальную компанию тех, кто не стремился много говорить, если бы только не напряжение, которое с самого утра было четвертым спутником, и плетущееся следом осознание опасности, в которой они находились в присутствии Кары. Пока она и не чувствовала в нем силы некроманта, но это могло измениться в любой момент.

— Ты бывала в Сцеофском руднике?

Вопрос Райза прозвучал неожиданно. Сцеофского рудника вообще могло не существовать. Къярт не видел его на картах, только встречал пару раз упоминания, что неудивительно для тайного объекта Братства, в котором содержали некромантов. Якобы содержали.

— Нет. Как-то не появлялось желания смотреть на тех, кто должен быть мертв.

— Не все некроманты заслуживают смерти. Осмельд, к примеру, не сделал ничего дурного.

— У нас всего лишь нет доказательств. Отсутствие улик не доказывает отсутствия вины.

— Считаешь, что правильнее было бы его казнить?

— Да.

— Но он всего лишь ребенок.

— Каждый убийца когда-то был ребенком, — безапелляционно сказала Кара.

— Но не каждый некромант — убийца, — с улыбкой мягко парировал Райз.

— Я не совсем понимаю: ты так пытаешься выразить свое расположение к некромантам? — между ее бровей залегла морщинка.

В воздухе запахло грозой.

И зачем только Райз затеял этот разговор? Что собирается делать, если ситуация выйдет из под контроля?

— Я всего лишь подвергаю сомнению идею клеймить всякого, кого угораздило родиться «не таким». Некромантами рождаются, а не становятся, так? Получается, раз за Осмельдом не числится никаких преступлений, его сослали в рудники просто за то, что он таким родился.

— Его сослали не за то, что он — некромант, а за то, что он — инициированный некромант.

— Инициированный?

В отличие от Райза, Къярт знал, что это значит. Но делиться своими познаниями при Каре уж точно не стоило, тем более она и сама могла с этим справиться.

— Мало кому об этом известно, но родиться с проклятой силой — не такое уж и редкое событие. Если бы мы истребляли всех рожденных некромантами, людей и вовсе не осталось бы. Так что никто не становится преступником с рождения. А вот те, кто пытается узнать, если ли у них эта сила, или те, кто знают и стремятся ею овладеть — очень даже. Инициация

некроманта происходит в тот момент, когда он поднимает первого мертвеца — использует первую печать, которую могут применить только некроманты. И только после этого он становится «видимым» для силы паладинов, — Кара смерила Райза пристальным взглядом. — Мы — не какие-то палачи-самоуправцы. Братство защищает человечество от заразы уже тысячу лет и уж точно знает, что делает.

— Даже не буду подвергать сомнению. Неосведомленность сыграла со мной злую шутку, — Райз миролюбиво рассмеялся. — Мне стало жаль паренька и захотелось понять, действительно ли его наказание справедливо.

Стало жаль? Справедливо? После их вчерашнего разговора Къярт едва сдержался, чтобы не рассмеяться от абсурдности услышанного. Нет, ему точно не понять, что творится в голове его напарника. Не стоило даже и пытаться.

— Нет, не справедливо. Его должны были казнить. Каждый инициированный, оставленный в живых — это брешь в нашей защите. И однажды какая-то из них — а может и все сразу — разрушат все то, что Братство берегло не одно столетие.

— Почему ты так в этом уверена?

— Все рано или поздно разрушается.

— К чему тогда столько стараний, если заранее известно, чем все закончится?

— Известно, чем закончится, но не когда.

Райз хотел было ответить, но Къярт опередил его:

— Не хотите уже прекратить? Мне не очень нравится слушать про некромантов, казни и разрушения.

Во взгляде Кары появилась нотка растерянности.

— Не злись на нее, это я начал, — сквозь смех попросил Райз и посмотрел на Кару. — Если помнишь, мы планируем разобраться с Ордой, а Къярт за это дело радеет больше моего. И беседы о том, что какая-то горстка недо-некромантов все испортит, по-меньшей мере уязвляют его самолюбие.

Кара покосилась на Райза и спустя пару секунд рассмеялась.

Они попрощались с Карой в полдень следующего дня, как только пересекли приток Зеснары, что разграничивал юго-восток Коуфладских земель и земли Трейта. Убедившись, что Енкарты не собираются ехать в сторону Руферона, Кара передала Райзу медальон Белоснежный, размером чуть меньше ладони, с выгравированной на нем змей, чью голову пронзал клинок — подарок от Регрора, символ того, что его владельцы находятся под патронатом руферонского отделения Братства. Похоже, его глава был абсолютно уверен в том, что не пройдет много времени, и Енкарты снова встрянут в переделку.

— И что это вчера было? — любопытно спросил Къярт, когда Кара превратилась в белеющую вдалеке точку.

— Хотелось узнать, что она думает о произошедшем с Осмельдом и как к этому относится.

— Зачем?

— Никогда не угадаешь, когда тебе пригодится та или иная информация.

— Знаешь, а ведь можно просто признать, что она тебе нравится. И не выдумывать объяснения.

— Отцепись, — отмахнулся Райз и развернул Клыка в сторону реки.

Они проехали вдоль ее русла где-то с полчаса, пока не добрались до небольшой дубовой рощи. Къярт знал, что означает для него эта остановка, и мысленно уже подготавливал себя к очередному погружению в чужое прошлое.

— Итак, — Райз разложил перед ним на траве флягу с остатками спрута, обгоревшую кость твари-разведчика и сложенный вчетверо платок. — С кого начнешь?

— Что за платок?

Райз улыбнулся и отвернул вышитый алыми цветами край, демонстрируя прядь черных волос. Значит, еще и некромант, обосновавшийся возле исполина.

— Мы затеяли все ради зверя. Ему и быть первым.

В прошлый раз попытка призвать связанную с ней душу дорого ему обошлась. Тогда вместо привычных горошин света над заводью его встретил мрак. Едкий черный дым стелился по поверхности, проникал в воду, отравлял ее. Из заводи нужно было выбираться, но чтобы Къярт ни пробовал, как бы ни пытался — ничего не выходило. И только когда тьма подобралась совсем близко, когда коснулась его, и он ощутил на языке ее горечь, его буквально вышвырнуло в реальность.

Къярт снял перчатку и взял кость. Он опасался, что заводь все еще заражена той чернотой, но в этот раз все прошло так же, как и тогда, когда он призвал душу самой первой, убившей Стева твари. Даже повезло не почувствовать вкус человеческой крови. Все же основной задачей этих хищников было не истребление людей, а разведка, и от рождения и до смерти от пули Хаука тварь действовала скрытно, питалась лисами и зайцами, а иногда и вовсе выкапывала корни — когда жители деревни приходили в лес, и высовываться из гнезда было слишком рискованно.

После возвращения из заводи Къярту пришлось отдышаться, прежде чем он смог заговорить. Последние минуты твари выдались не из легких, и он словно бы все еще

чувствовал лихорадочно стучащее в груди звериное сердце.

— Нет больше зацепки, — выдохнул он и посмотрел на Райза. — Охотники зачистили не только это гнездо, но и родительское. Там ничего не осталось. Только пепелище. Этот зверь, — Къарт положил кость на траву, — пришел в родительское гнездо уже когда хищники растащили все кости.

— Каких-то пять человек, а сколько вреда, — хмыкнул Райз и покачал головой. — Ну ничего. У тебя осталось еще две попытки.

Къарт смерил взглядом флягу и потянулся за платком. Всего лишь прядь волос — даже меньше, чем кость.

В изумрудной воде его, как и всегда, ждала тонкая, временами становящаяся прозрачной, нить. Къарт следовал за ней, не зная, куда она приведет. На том конце его ждала душа некроманта, но какой она будет? Черной, как ночь? Будет ли от нее веять теплом или холодом? Будет ли больно ее касаться? Должно же существовать какое-то различие между душой обычного человека и душой некроманта.

Но различия не было. Нить привела Къарта к такому же сияющему сгустку, каким когда-то перед ним предстала душа Ашши. Пусть и не такому горячему, но не вызывающему ни отторжения ни неприятия.

И хотя душа не несла в себе ничего темного, это не значило, что тьмы не было в ее прошлом воплощении. Приготовившись к худшему, Къарт шагнул в облако.

В отличие от твари, которую застрелил Хаук, некромант умер мгновенно, не успев ни почувствовать боль, ни испугаться.

— Ты как? — голос Райза едва прорвался сквозь заложивший уши гул.

Къарт поспешил разрушить печать, которой привязал к себе душу. Без сосуда вес якоря лег на него одного, и Къарту на мгновение показалось, что его собственную душу пытаются вырвать из тела.

— В порядке. Дай мне минуту.

Он откинулся на ствол дерева и прикрыл глаза; нащупал свою флягу, открутил крышку, сделал несколько глотков.

— Этот человек оказался на удивление безобиден, — переведя дух, Къарт заговорил. — По большей части занимался исследованиями, не требующими человеческих жертв. Он нашел исполина случайно — когда призвал для поиска трав душу птицы. Когда-то она пролетала над останками, и он, конечно же, решил заняться их изучением. Надеялся, что они помогут ему обрести силу, но существенных успехов так и не добился.

Къарт замолчал и приложился к фляге.

— Когда он еще был жив, — произнес Райз, — я не видел его энергии духа. Не знаешь причины?

— Знаю. Он полагал, что если его душа перестанет высвобождать энергию, он сможет понять природу накопления силы в останках исполинов.

— Хочешь сказать, что в останках находилась душа исполина?

Их взгляды встретились.

Къарт не хотел этого говорить. Даже думать об этом не хотелось.

— Это всего-то мнение одного некроманта, — сказал Райз. — И я бы не стал ставить на то, что оно верное. Поглотить душу исполина, — он усмехнулся, — думаю, это слишком круто даже для тебя.

— Есть еще кое-что. Он знал Осмельда. Поэтому и не активировал растяжки — чтобы

не задеть его.

— Что-то интересное в биографии нашего крошки-некроманта?

— Да. Восемь лет назад паладины полностью уничтожили главенствующий ковен Афракского союза. Некроманты начали слишком наглеть, и Братство решило пресечь на корню их попытки поднять голову. Осмельд — сын основателя ковена. Его считали погибшим, но, как видишь, ошиблись.

Смех Райза прервал его.

— Что тебя так веселит?

— Даже не знаю, — тот покачал головой. — То, что паладины скорее всего и не подозревают о том, какое сокровище оказалось у них в руках. Или то, как глупо мы упустили маленького принца местных некромантов, который мог знать об Орде. Или то, что Фелис мог быть в курсе, но не удосужился об этом сообщить, хоть немного упростив нам жизнь.

— Осмельду не исполнилось и десяти, когда он бежал из дома. Что он мог знать?

— Это известно только ему самому. Нужно будет разыскать паренька и задать пару вопросов.

— Он нам не обрадуется.

— Сомневаюсь, что в этом мире найдется хоть один некромант, которого порадует встреча с нами, — губы Райза растянулись в хищной улыбке. — Что-то еще из жизни нашего мертвого друга, что полезно знать?

— Нет, ничего, — Къарт покосился на лежащую на траве флягу.

— Лучше отдохни немного. Нам некуда спешить.

— Я в порядке.

— Как знаешь, — Райз пожал плечами. — А я вот отдохну.

Стоило Къарту потянуться к фляге с останками спрута, как Райз забрал ее, спрятал в сумку и улегся, подложив руки под голову. Смерив его взглядом, Къарт снова откинулся на дерево.

Сидеть вот так, в проникающих сквозь листву лучах солнца, и вдыхать аромат рощи оказалось чертовски приятно. Что-то таилось в этом моменте, наполненном неведомо откуда взявшимся умиротворением, что смогло отвлечь Къарта от свалившегося на него груза. Дышалось ли легче потому, что рядом больше не крутились ни охотники, ни паладины? Или же причина крылась в том, что он прекратил видеть в напарнике возможного предателя?

— Спишь? — тихо спросил он, глядя, как мерно вздымается и опускается грудь Райза.

— Нет. Слушаю птиц. В Лоне друидов такой роскоши не водилось.

Спустя час, когда солнце начало скатываться к горизонту, а птичье пение смолкло, Райз протянул ему флягу:

— Еле дождался, да?

Къарт открутил крышку и вылил немного густой, ставшей еще более бурой, чем раньше, субстанции на траву — проверить, не разъест ли. Не разъело.

Он собирался вылить остатки на ладонь, когда Райз остановил его, поднялся, сделал несколько кругов среди деревьев и вернулся с широким листом лопуха.

— Вот тебе тарелка. На случай, если придется спешно оттирать эту дрянь.

Когда в центре листа собралась темная лужица, Къарт отложил флягу в сторону и, помедлив несколько секунд, коснулся ее кончиком пальца. Сосредоточиться. Сложить печать. Вдохнуть соль заводи. Следовать за нитью.

Небольшой мерцающий, источенный просветами сгусток, что ждал на другом краю

путеводной нити, едва теплился. Прикосновение к чему-то подобному могло плохо кончиться, но вернуться с пустыми руками... Нет, Къярт обязан был получить знания, что хранила эта душа.

Он коснулся сгустка, но его сознание не погрузилось в плавную череду дней от рождения и до смерти. В обрывках невнятных образов не затесалось даже одного полного дня. Къярта швырнуло в водоворот воспоминаний, перемешанных, порванных в клочья, в которых лежало опрокинутое, пурпурное небо и отливающая металлом долина с темными дырами провалов. Это не были провалы в ландшафте, но провалы в памяти, в сознании спрута, словно бы его перекрутили в жерновах, перетерли, а затем выплюнули, разрозненного и искроверканного.

Къярт чувствовал, что начинает сходить с ума. Иногда ему казалось, что перед ним одновременно проносятся события сразу нескольких дней, смешиваются, замещают друг друга, переворачивают все с ног на голову. И все это в придачу к тому, что ему пришлось познакомиться с органами чувств спрута, не имеющими ничего общего с человеческими.

Абстрагироваться от хаоса. Вычленив из него хоть что-то значимое.

Спрут чувствовал жизнь. Он поглощал ее, перерабатывал, рос, как всякий живой организм — не больше и не меньше. Он не испытывал эмоций, или же Къярт не мог их распознать — вплоть до того момента, когда пришел страх. Страх принесли гигантские механические клешни. Или же это были длиннопалые руки вполне человеческого размера? Сложно было разобраться. Но спрут боялся их. Он знал, что они явились за ним, и что он должен бежать. Попытаться спастись, не дать себя поймать, иначе он никогда не сможет вырваться.

Но он не смог. Его тело — а прежде в нем было не каких-то двадцать жалких метров, с которыми пришлось столкнуться охотникам, а почти сто — стянули канаты, через которые он не мог просочиться и которые не мог проглотить.

Его держали в клетке не один месяц, может, даже несколько лет или десятилетий. Его не обделяли в еде: никогда прежде он не был так сыт и не рос так быстро, как в то время. Он понимал, что его откармливают, и мог бы отказаться усваивать пищу, чтобы разрушить планы его пленителей, но тайл надежду, что если накопить больше силы, то он сможет вырваться.

А затем его убили. Во-всяком случае попытались. Каждая клетка его гигантского тела превратилась в бомбу и взорвалась, разрывая на части и его душу. Если бы спрут мог кричать, он бы кричал. Къярту казалось, что он сам кричит. В обожженном сознании вспыхнула мысль, что если бы последний контур, который он использовал в прежней жизни, не убил бы его мгновенно, он испытал бы такую же боль.

Хуже всего было то, что спрут выжил. Он не должен был уцелеть, но оказался достаточно вынослив, чтобы пережить то, что с ним сделали, и, выброшенный посреди неизвестного мира, он продолжал чувствовать боль: всеобъемлющую, глубокую, неукротимую — боль изувеченной, сожженной дотла души.

Что-то схватило его, и Къярт, чье сознание и сознание спрута переплелись слишком тесно, рефлекторно схватил это «нечто» в ответ. Руку опалила хлынувшая в нее эссенция жизни, а затем ее скрутила боль. Только впечатавшись во что-то лицом Къярт осознал, что призыв не закончен, а его ощущения приходят из реального мира.

Лежа на земле, с впившимися в щеку колючками сорняков, заломленной рукой и весом человеческого тела сверху, он шумно хватал ртом воздух.

— Пришел в себя? — голос Райза прозвучал непривычно хрипло.

— Да, да, все, — выдавил он.

Хватка на запястье ослабла, а вес со спины исчез, позволив Къярту подняться с земли. Он бросил взгляд на Райза, привалившегося к дереву плечом, на его побледневшее лицо, на свою руку без перчатки, и осознание произошедшего испугало его.

— А с тобой не соскучишься, — устало выдохнул Райз и усмехнулся.

— Райз, я..., прости, пожалуйста, я не...

— Брось, — он сделал несколько тяжелых вдохов и прикрыл глаза. Когда он снова посмотрел на Къярта, в его глазах плескалось шальное веселье. — Еще скажи, что ни разу не посещало желание сделать это.

— Я не...

Ему нечего было сказать. Он ведь действительно думал об этом. Не всерьез, так, из глупой злости и упрямого нежелания следовать указкам Райза, пусть те и являлись вполне разумными.

— Расслабься. Не смертельно.

— Повезло. Но я мог..., — Къярт сокрушенно покачал головой. — Мне хватило секунды, чтобы вытянуть всю жизнь из спрута.

— Обижает, — Райз хмыкнул и отлип от дерева. — От меня избавиться посложнее будет, чем от какого-то слизняка.

Къярт бросил на него хмурый взгляд. Внутри все еще дрожало от понимания, что он мог натворить, сам того не осознавая.

— Завязывай, слышишь? Дай сюда руку.

— Нет, не проси, не сейчас, — Къярт отрицательно замотал головой.

— Сейчас, — в голосе Райза зазвучал металл. — Дай сюда свою дурацкую руку.

Все еще выбитый из колеи, Къярт не успел среагировать, когда Райз схватил его за запястье.

— Ты управляешь этой силой. Не она тобой, — произнес тот, не отпуская руки. — Ты вытянул эссенцию, потому что посчитал, что находишься в опасности. Ты сделал это осознанно. И так же осознанно не сделаешь это сейчас. Я надеюсь, что ты не станешь, — на его лице появилась привычная улыбка.

— Чтоб тебя, Райз, — устало пробормотал Къярт, когда пальцы напарника отпустили его запястье и коснулись ладони.

— Ой-ой, — появившийся Фелис тут же скривился и затряс головой. — Можно впредь обходиться без подобных призывов?

— Извини, Фелис, — Райз скользнул по тому мимолетным взглядом. — Мы тут проверяем некоторые технические моменты, поболтаем с тобой чуть попозже.

Когда Райз отпустил его руку, Къярт едва сдержал вздох облегчения. Он отнюдь не был уверен, что даже при хорошем старте не вытянет из того всю жизнь в следующую же секунду.

— Теперь успокоился?

Къярт обозначил кивок. Все же для того, чтобы дать абсолютно утвердительный ответ, нужно было больше наглости. И еще столько же умения врать.

— Как же с тобой порой сложно, — пожаловался Райз. Он снова оперся спиной о дерево и закрыл глаза.

— Ты в порядке?

— Я уже говорил, что да. Буду спать сегодня, как младенец, — хмыкнул он и покосился на Къярта. — Лучше ты мне скажи, что это было.

— Я и сам не очень-то понял. Воспоминания были повреждены, как и сама душа. Она была намного больше, сильнее — в своем родном мире. Затем пришли..., — Къярт замолчал, пытаясь собрать из осколков целостный образ, — какие-то существа. Человекоподобные, но не люди. Разумные. Другой вид. Они поймали его и использовали какую-то машину, чтобы..., — он снова запнулся, — чтобы сжечь его душу? Не знаю, что они и с какой целью делали, но в итоге он оказался здесь. Наверное, с двадцатой долей той силы, которой владел прежде. Прости, это все, что удалось выяснить.

— Ничего, этого вполне достаточно, — Райза повеселил вопрос в глазах Къярта. — Имеется у меня одно предположение. Вполне вероятно, что из нашего слизня сделали дубинку. Если душа — сгусток мощной энергии, а у этого парня, как ты говоришь, ее водилось с лихвой, скорее всего ее использовали, чтобы прожечь ткань между этим миром и тем, где сейчас находится Орда. Это стандартный метод, когда речь заходит о перемещении между мирами: взять большой молоток и стукнуть посильнее.

— Значит, все те существа, о которых ходят слухи последние семь лет — большие молотки? Не многовато ли их будет?

— Орда, чай, не из пары человек состоит. Если она собирается переходить крупными частями, то и ткань между мирами потрепать нужно порядочно, чтобы ее саму в процессе перехода не зажевало. Но это всего лишь мои предположения. Кто знает, какие средства и методы в их арсенале, и чего на самом деле Орда пыталась этим добиться. Если это вообще ее рук дело.

— Если ты прав, выходит, Орда находится в соседнем мире?

— Да, считай, за стеночкой стоит. Что не может радовать, но и грустить пока тоже не о чем. В конце концов, ты меня еще не убил — чем не повод для радости?

Къярт шутку не оценил, так что Райзу пришлось ткнуть его кулаком в плечо, чтобы донести свою мысль.

— Ты отлично справился, — серьезно добавил он, когда тот натягивал перчатку.

Къярт это мнение не разделял, но и спорить не стал. В одном напарник был однозначно прав: Къярт еще его не убил.

Опустившиеся на рошу сумерки загустели, превратились в черноту ночи, что стояла за освещенными костром деревьями. Присмирившие гривы улеглись за спинами хозяев, закрыв их от всего мира вокруг.

Заяц, которого поймал и приволок, словно кот дохлую мышь, Коготь, скоро закончился, и остался только слабо заваренный чай. Из-за суматохи с Осмельдом они совсем забыли пополнить запасы продовольствия в Аклене, и в чайном мешочке не нашлось ничего кроме трухи.

— Не знал, что Осмельд окажется тем самым Осмельдом Ельдрасатином Инаэорой, — было первым, что сказал Фелис, появившись с противоположной стороны костра.

— Ну и имечко у парня.

— Каким ему еще быть, с его-то родословной?

— Хочешь сказать, что в наши предыдущие встречи, когда спасли Вильму, а затем в Руфероне, когда они упоминали его имя, ты не знал, что он — некромант?

— Мало ли Осмельдов живет в Афракском союзе. Парня все считали мертвым, так что мой ответ — нет, я не знал.

— Что, «высшая сила» решила не сообщать тебе столь незначительную деталь? — Райз не удержался от издевки.

— Представь себе, — Фелис зло на него зыркнул.

— Не горячись, на самом деле у меня нет к тебе претензий, — тот миролюбиво улыбнулся. — Просто день сегодня такой.

— Да, я заметил, — некромант перевел взгляд на Къярта. —...

— Мне только вот что еще интересно, — Райз не дал ему продолжить, — чисто из любопытства. Почему было не сказать нам про некроманта, который поселился рядом с исполином? Ты же прекрасно все знал, даже даты. Организовал письмо с задержкой — и как только ты мог быть уверен, что Регрор отправит Кару?

— Я делал то, что было велено, — процедил Фелис. — В причины тех или иных решений меня не посвящали.

— Обидно. «Высшей силе» следовало проявить больше доверия к настолько исполнительному слуге.

— Да. Следовало.

— Хватит над ним издеваться, — вмешался в разговор Къярт.

Он прекрасно понимал, в чем причина взвинченного состояния Райза, пусть тот и говорил, что все в порядке. Но и смотреть, как тот бьет по обнаруженному слабому месту Фелиса, не хотелось. Тот так старательно делал вид, что все контролирует, а на деле оказался просто пешкой в чужих руках. Удивительно, но вызванной некромантом жалости удалось перекрыть презрение и злость, которые Къярт питал к Фелису.

— Опять он со своим бесконечным пацифизмом не дает мне с людьми побеседовать, — проворчал Райз. Немного погодя, он встряхнулся, переменился в лице и посмотрел на Фелиса без прежней снисходительности. — Но Къярт прав. Прости, Фелис, я не со зла. Правда.

Фелис смерил его предвзятым взглядом, но, в итоге, кивнул, принимая извинения.

— Раз ты знаешь все, что произошло с последней нашей беседы, обойдемся без пересказа событий, — продолжил Райз. — Может, у тебя найдется что-то, что нам пришло время знать?

Фелис ответил не сразу. Наверное, искал в вопросе издевку, но ее там не было. Къярт уже набил руку в распознавании вещей такого рода и просто ждал, как и Райз, когда некромант заговорит.

— Къярту нужно совершенствовать свои навыки, — сдержанно начал Фелис. — Я уже упоминал, что знаю, как найти одного из «ручных» некромантов. Достань-ка карту.

Когда на траве развернули дорожную карту Афракского союза, Фелис ткнул пальцем в лесную зону на востоке от того места, где они находились.

— Если двигаться дальше вдоль притока, а затем к истоку Зеснары, за три дня доберетесь до заброшенной деревни. Около семидесяти лет назад ее выкосил мор, и с тех пор желающих там обосноваться так и не появилось. На краю деревни стоит часовня, у которой растет старый дуб. Если идти по проведенному через них лучу, где-то через три-четыре километра доберетесь до кладбища. От него еще столько же — строго на восток. Там и найдете Мусаку.

— Он живет один? — поинтересовался Райз.

— Насколько мне известно, да. Ему разрешено поднимать умертвия только по приказу паладинов, так что охраны не будет. Как и союзников среди некромантов. Связь с каким-

либо ковром он не поддерживает. Хотя, что это я, — губы Фелиса искривила брезгливость, — это ковру на него плевать. Он и в лучшие-то времена не пользовался особым уважением, а когда попался паладинам, его и вовсе вычеркнули из всех списков.

— И что, нам просто прийти, взять его за шкуру и потребовать сотрудничать?

— Да, где-то так и можно сделать. Мусака слаб, труслив и при этом самовлюбленный дурак, отчего дорожит своей шкурой, хотя ее ценность крайне сомнительна. Достаточно припугнуть его, и он сделает все, что велено. Ему не привыкать выполнять чужие приказы.

— Какая с него польза, если он так слаб?

— Поднять умертвие может даже абсолютный неуч. Сейчас Кьярту этого вполне достаточно. Пора учиться перехватывать контроль. Позовете, как будете на месте. В этот раз я займусь твоим обучением лично, — его взгляд оцупал Кьярта, будто тот был куском пирога, который Фелис собирался съесть.

— Что-то еще? — спросил Райз. — Больше никто ничего не хочет сказать? Что ж, тогда с твоего позволения...

Он выжидающе посмотрел на Фелиса, и когда тот согласно кивнул, отпустил руку Кьярта.

— Помнится мне, что в прошлый раз он рассказывал о том, что соваться к некромантам опасно и нужно подождать, — хмыкнул Райз и покачал головой.

— И ты бы поверил ему, если бы он уверял, что знает будущее? А так мы на деле убедились в том, что Фелису что-то да известно.

— Да-а, — протянул Райз. — Известно то, что ему поведала «высшая сила». Так что по сути теперь речь даже не о доверии к Фелису и его целям, а о доверии к «высшей силе», о которой мы равным счетом ничего не знаем.

— Так давай спросим.

Райз приподнял бровь, когда Кьярт протянул ему руку, и это удивление, самую малость, но польстило.

— Ладно, — во взгляде Райза сверкнули искорки веселья.

Фелис появился вновь, без намека на улыбку и малейшего желания отвечать на незаданный, но прекрасно известный ему вопрос.

— Я не могу сказать об этом, вы же знаете, — с кислым видом произнес он.

— Совсем ничего? — спросил Кьярт. — Ты уже мертв, чего тебе бояться?

— Даже не старайся, у тебя ничего не выйдет.

— Ты ей веришь? — вопрос Райза прозвучал неожиданно. Кьярт был готов к очередному выпадку или насмешке, но не к абсолютной серьезности в его голосе. — Предполагаю, что да, иначе ты бы не стал приносить себя в жертву. Но и не исключаю того, что у тебя попросту не было выбора.

— Я — некромант, Райз, — жестко произнес Фелис. — И сильный некромант. Сильный достаточно, чтобы иметь все шансы примкнуть к Орде. Что я, собственно, и собирался сделать. Когда-то давным давно. Пока «высшая сила» не решила прибрать к рукам всю мою жизнь. Так что ты задаешь неправильный вопрос. Спроси: верю ли я в то, что ваши с ней цели совпадают? Естественно. Вы же из «хороших» парней, — сквозь зубы процедил он. — Верю ли я в то, что «высшую силу» волнует мое благополучие? Посмотри, что она со мной сотворила, и получишь ответ. Чтобы я ни делал, как бы ни старался угодить, вот он — итог. Так что отвалите от меня, вы оба, со своими вопросами о доверии и займитесь уже тем, для чего вас призвали.

К полудню третьего дня они остановились перед густым кустарником, сквозь который едва проглядывались стены и пустые провалы окон. Не оставили заросли следа и от дорог между домами — довольно примечательно, учитывая, что вне пределов деревни растительность так не буйствовала. Как будто подступивший к домам вплотную лес хотел уничтожить всякие признаки присутствия человека.

За прошедшие два дня Къарт успел о многом поразмыслить. Он не знал, как относиться к признанию Фелиса, что далеко не всегда тот являлся противником Орды — правдивы ли его слова или они — очередная уловка? Но слишком забивать этим голову не стал. Все же искать в речах и действиях Фелиса второе дно было привилегией Райза. Тот склонялся к мысли, что дело обстоит именно так, как и заявлял некромант.

В некоторой мере все вернулось на круги своя. Они снова загоняли гривов, снова вставали еще до рассвета и не останавливались до темноты — разве что на короткий обеденный перекус, который и остановкой то нельзя было назвать. И в этой гонке не находилось ни времени, ни сил на разговоры. К тому же Райз больше не выглядел, как жаждущий общения человек.

Часовня отыскалась быстро. Она была единственным зданием, чья башенка выглядывала из зарослей. В паре десятков метров от нее, как и говорил Фелис, стоял старый дуб с плотной кроной, под которой росла одна только скупая трава. Остановившись под ним на короткий привал, Къарт с Райзом продолжили путь.

Этот лес оказался куда гуще, чем те, в которых им уже довелось побывать.

— Почти на месте, да? — усмехнулся Райз, когда впереди замаячили серые плиты.

Къарт проводил взглядом надгробия. Часть из них время повалило, часть раскрошило, но на некоторых еще виднелись остатки высеченных имен.

— Будь наготове, — посоветовал Райз.

Заметив, что он вытащил из кобуры револьвер, Къарт сделал так же.

Не прошло и десяти минут, как Райз придержал Клыка и указал на деревья впереди:

— На ловца и зверь бежит. В ста метрах.

— Тот некромант?

— Узнаем, только когда познакомимся, — Райз улыбнулся одним уголком рта и двинул Клыка пятками.

Кем бы ни был этот человек, он знал об их приближении. Хотя двух гривов, продирающихся сквозь лес, сложно было не услышать и не увидеть, так что вряд ли причиной его осведомленности послужили какие-то особые навыки.

На вид ему было чуть больше сорока. Сухопарый мужчина, с вьющимися каштановыми волосами и трехдневной щетиной — совершенно не примечательной внешностью, ничем не выдающей в нем некроманта. Никакого безумного блеска в глазах, как у Фелиса, ни тем более его оскала.

— Мусака? — Райз остановил грива в десятке шагов от мужчины, что застыл с мешком в руках. — Мусака, — утвердительно повторил он и улыбнулся. — Есть разговор.

— Кто вы такие? — мужчина нахмурился и хотел было сделать шаг назад, но, окинув

оскалившихся гривов взглядом, передумал.

— Я — Райз, это — Къярт.

— Извините, парни, но вы меня с кем-то перепутали. Я всего-то собираю здесь травы.

— Я заметил. Но, боюсь, на сегодня со сборами трав ты закончил.

— Не совсем понимаю. И не знаю, какого Мусаку вы ищете, но это точно не я, парни. Я здесь вообще...

— Не выкручивайся. Мы ничего тебе не сделаем. Давай, обсудим все в спокойной обстановке.

— Парни, я же сказал, что понятия не имею о...

— О некромантии? — закончил за него Райз, и Мусака побледнел. — Или о твоём сотрудничестве с паладинами? Из тебя никудышный врун, Мусака. Так что, так и будем здесь стоять, или пригласишь нас на чашечку чая?

Мусака смерил его враждебным взглядом и сухо бросил:

— За мной.

— Только без глупостей, хорошо? А то гривы со вчерашнего дня голодные бегают.

Спустя полчаса плутания по лесу Мусака вывел их к хижине, спрятанной в зарослях лещины. На натянутой между двумя молодыми деревьями веревке висели рубашки; в стороне стоял грубо сколоченный дубильный станок с сохнущей на нем шкурой. Наверху поленницы, пристроенной к стене хижины, дремал кот. При появлении гривов он открыл глаза, прижал уши к голове и шмыгнул в форточку.

— Поблизости нет какой-то твоей живности, которую могут сожрать гривы?

Мусака отрицательно качнул головой.

Райз первым спустился на землю, расседлал Клыка и, сложив вещи у стены дома, снял узду, отпуская грива на волю. Не долго думая, тот рванул в чашу, так что Къярту пришлось расседлывать Когтя, пока тот нетерпеливо топтался на месте, но все же не рисковал наплевать на все и броситься следом за братом.

В доме некроманта пахло травами. Дверь из прихожей, на полу которой валялись пожухлые листья и комья земли, вела в единственную комнату, служившую сразу и кухней, и столовой, и спальней, и кабинетом. На натянутых под потолком веревках сохли пучки трав; два чугунка, почерневших от пригоревшего жира, затесались в коллекцию всеразличных банок. У небольшого обеденного стола стоял всего один хлипкий на вид стул, тогда как еще два были приставлены к стене у кровати и накрыты пледом. У единственного окна расположился широкий стол с несколькими стопками старых книг и разложенными бумагами, по которым растекалось темное пятно из перевернутой котом чернильницы.

— Уютный домик, — заметил Райз, когда Мусака кинулся к столу и принялся собирать бумаги в попытке спасти записи то ли от чернил, то ли от незваных гостей. — Давно здесь живешь?

— Чего вам надо? — хмуро спросил Мусака.

Райз покосился на шипящего на него из-под кровати кота.

— Немного содействия, — он миролюбиво улыбнулся. — Къярт постигает тонкости некромантии, и нам очень пригодилась бы помощь другого человека, тоже сведущего в данном искусстве.

— Это что, какая-то проверка? — Мусака переводил взгляд с одного незваного гостя на другого. — Я ни разу не поднимал умертвие без позволения Братства и не собираюсь.

— Братства здесь нет. И мы ему точно ничего не скажем.

— Да, как же. Я не буду ничего делать, так что вы зря сюда ехали.

— Мусака, ты, похоже, неправильно меня понял, — голос Райза зазвучал на несколько тонов ниже. — Из сложившейся ситуации есть два выхода: первый — ты делаешь, о чем попросим, и мы спокойно расстаемся; второй — мы едем в ближайший город, где сообщаем властям о некроманте, который прячется в лесу и заявляет, что работает на паладинов. Как думаешь, что после этого с тобой сделает Братство? Оно же тебя из под земли достанет, лишь бы снять с себя любые подозрения.

— И кому вы хуже сделаете? А? — оскалился Мусака. — Паладины вам за подобную подставу спасибо не скажут.

— Как-нибудь переживем, — отмахнулся Райз. — Или хочешь сказать, что твоя ценность для них так велика, что они решат пойти против знати? Что-то мне подсказывает, что внезапное исчезновение тех, кто сообщил о связи паладинов с некромантом, уж точно не сыграет Братству на руку. Так что единственный, кто пострадает в этой истории, это ты, Мусака. Но это совершенно не обязательно. Потерпи наше присутствие несколько деньков, помоги Къярту, и мы исчезнем.

— Сам-то чего не поможешь?

— Я не так чтобы некромант.

Этот факт удивил Мусаку настолько, что он даже не сразу задал следующий вопрос:

— Почему было не обратиться к кому-то из ковена?

Некромант сдался. Он уже понял, что его загнали в угол, и настаивать на своем глупо, но с мрачным видом все еще пытался найти лазейку, надеясь, что все как-то да обойдется.

— Предпочитаем лишний раз не выходить в люди. Ну так что? Мы закончили с разногласиями?

Мусака обвел их взглядом и вздохнул.

— Чего вы хотите?

— Я не против начать с чая, — Райз улыбнулся.

Слушая разговор, Къарт задавался вопросом, зачем Райз приплел сюда паладинов и обличение их связи с Мусакой, когда мог просто наставить на того револьвер. Не хотел портить и без того неважно начавшееся знакомство? Так и после угроз раскрыть его, некромант вряд ли проникся к ним любовью.

Пока на растопленной печи грелся чайник, Мусака сдернул плед со стоявших у стены стульев. Те и правда имели куда более приличный вид, чем тот, которым он пользовался. Он приставил их к столу и достал с лежанки две фарфоровые чашки, из которых наверняка угощал паладинов, когда те навещали его с очередными приказом.

Чем больше Къарт за ним наблюдал, тем сложнее ему было поверить, что перед ним действительно некромант. Скорее, всеми забытый отшельник, доживающий свои дни на краю света в компании нервного кота и залетевших в окно мух.

Закипел чайник, и, подождав, пока отвар настоится, Мусака разлил его по чашкам. Къарт бросил на Райза взгляд, когда тот, подув в чашку, без всякого страха сделал глоток.

— Все в порядке, — сказал тот. — Мусака знает, что ему нельзя вредить людям. Без приказа. А приказ никто не давал. Я прав, Мусака?

— Нельзя вредить обычным людям. А он — некромант, — Мусака взглядом указал на Къарта.

— По моим словам. А что, если нет? — Райз с прищуром посмотрел на некроманта и рассмеялся, когда на лице того появилось замешательство. — Ой, да расслабься ты. Мы же

свои. Прости, что пришлось припугнуть паладинами. Но ты так упирался, что я даже растерялся и не знал, как быть. Правда, прости, погорячился.

— Да уж, погорячился, — в интонациях некроманта промелькнула обида.

Мусака не услышал в сказанном издевки. Ее бы и Къярт не уловил, если бы не вызубрил их все наизусть. После стольких дней наблюдения за напарником, ему уже начинало казаться, что он понимает все по одному только взгляду.

— Так какая помощь вам нужна?

Чай и запрыгнувший ему на колени кот смягчили Мусаку, и теперь тот смотрел на гостей с куда меньшей неприязнью, чем раньше.

— Практика в перехватывании контроля над умертвиями, — сказал Къярт, когда понял, что Райз всецело занят дегустацией напитка, оказавшегося очень даже неплохим, и не собирается отвечать.

— Не поделили что-то с ковеном? — хмыкнул Мусака. — Так бы и сказали сразу. Теперь ясно, чего вы ко мне пожаловали. Но откуда вы узнали, где меня искать?

— От некромантов ковена, понятное дело.

— Надо же, еще помнят, — Мусака фыркнул. — А так старательно делают вид, что забыли.

— Ты же их знаешь, — Райз понимающе закивал головой.

— Любопытно только, откуда знаешь ты, — Мусака отставил чашку в сторону. — Тех, у кого нет дара, в жизни не допустят в ковен.

— Ну, Къярт — мои глаза и уши.

— И почему он тогда все время молчит?

— Глаза и уши, Мусака, — мягко повторил Райз.

Еще какое-то время они говорили о всякой ерунде. Каждый раз, когда Мусака пытался расспросить о ковене, Райз аккуратно уводил разговор в сторону, а Къярт продолжал молчать и думать о том, что некромант напоминал ему мошку, угодившую в каплю густого древесного сока.

Когда чаепитие подошло к концу, Мусака согнал с колен кота и откинул в сторону угол ковра, под которым находилась деревянная дверь в подпол. Недолго повозившись в темноте, он выбрался из подвала с мешком гремящих костей.

— Мне позволено иметь материал для работы, — пояснил он.

— Мусака, тебе не нужно оправдываться. Это сугубо твое личное дело.

— Пойдемте, на улице будет просторнее.

На улице было не только просторнее, но и свежее. Все же в доме некроманта висело слишком много трав, и от их густого запаха в голове поселилась усталость.

— Теорию объяснять не нужно?

— Будь так добр, — вместо Къярта ответил Райз.

Мусака одарил его тяжелым взглядом, высыпал кости из мешка на землю и направился в дом.

— Сейчас, возьму на чем писать.

Когда тот скрылся за дверью, Райз протянул Къярту руку.

— Давай скорее, пока он не вернулся. Не будем напрашиваться на лишние вопросы.

Синий атласный халат, в котором всегда появлялся Фелис, в этот раз висел у него на руке.

— Печать для перехватывания контроля над умертвием с привязкой, — без лишних

вступлений сказал Фелис и распрямил ткань халата так, чтобы был виден рисунок, вышитый черной нитью. Печать оказалась не из простых. — По факту, соединяет в себе разрушающую печать, печать транзита и печать-привязку. При правильном использовании она разорвет связь умертвия с поднявшим его некромантом и сразу позволит поставить метку, которая привяжет его к тебе. Учти, что она подходит только для...

Райз убрал руку за секунду до того, как Мусака показался из дома с чернильницей и парой чистых листов бумаги.

— Сейчас нарисую печати и запишу песнь. Быстрее будет, чем искать в книгах, — сказал Мусака, устраиваясь на крыльце.

Убедившись, что некромант всецело занят записями, Райз коснулся ладони Къярта.

— Подходит только для умертвий, — закончил свою мысль Фелис. — Для призванных понадобится печать более высокого уровня, но разберись пока с тем, что есть, — он покосился на Мусаку и брезгливо наморщил нос. — И не вздумай его слушать. Песнь он запишет, — Фелис фыркнул. — Даже не читай. Тебе хватит и одной печати. Оттачивай ее до тех пор, пока для перехвата контроля тебе не станет достаточно короткого касания. Справишься — тогда и поговорим.

Фелис постоял еще несколько минут, держа халат в руках. Когда ее узор отпечатался в голове, Къярт сам разорвал связь. Мусака все еще что-то усиленно выводил на бумаге.

Закончив, он отдал записи, сам же занялся костями из мешка. Къярт не думал, что ему представится возможности как следует изучить печати Мусаки — пусть даже из одного только любопытства, — но когда до него донеслось бормотание склонившегося над костями некроманта, понял, что времени больше, чем достаточно. А еще он понял, о какой именно разнице в силе твердил Фелис.

Къярту понадобилась бы пара секунд, не больше, чтобы поднять умертвие с базовым набором умений, тогда как Мусака все шептал и шептал. На полученных же от некроманта бумагах вместо одной печати было целых три — по всей видимости те, что перечислил Фелис — и инструкция по их наложению, включающая в себя тексты «песен», которые следовало повторять, пока не будет достигнут желаемый результат. И путь предложенная Фелисом печать превосходила в сложности печати Мусаки, ее преимущество было очевидно. Что же касается сложности... нынешняя память Къярта ненамного уступала его прежней, а разбирать и заучивать запутанные схемы ему было не впервой.

— Все понятно? — спросил Мусака и отошел в сторону от поднявшегося на ноги скелета. У того не было костей левой руки и одной коленной чашечки, но во всем остальном он выглядел, как самое обычное умертвие.

Къярт кивнул.

— Тогда он полностью в твоём распоряжении, — Мусака поправил спавшие на лоб волосы, и Къярт заметил на тыльной стороне его ладони точку печати-привязки.

Пребывание в непосредственной близости от умертвия, поднятого другим некромантом, вызвало смешанные чувства. Да, в доме Фелиса, еще когда тот был жив, умертвия встречались на каждом шагу, но тогда Къярт жил жизнью простого призванного и сам немногим от них отличался. Сейчас же он стоял по другую сторону силы. И кроме всего прочего, умертвия Фелиса не собирались ему вредить. Что же скрывалось за пустыми глазами этого — оставалось загадкой.

Къярт обошел умертвие и положил ладонь на его позвоночник. В таком положении он поглотит энергию печати еще до того, как скелет достанет его.

Взглянув на расположившегося под деревом Райза, Къарт принялся мысленно рисовать печать. На нее ушло куда больше времени, чем на печати призыва, но даже когда она была завершена, ничего не произошло. Следовало догадаться, что обещание Фелиса заняться его обучением значило лишь то, что тот теперь будет выступать в роли трактата по некромантии — содержащего информацию любой сложности, но абсолютно бесполезную, когда дело доходило до практики.

— Къарт, бумаги, — голос Мусаки отвлек его. Къарт встретился с ним взглядом, и тот кивнул на торчащие из его кармана записи. — Без заклинания ничего не получится. Давай, я помогу тебе первое время с ритмом, чтобы ты...

— Спасибо, Мусака, но дальше я сам. Не отвлекай меня, пожалуйста.

Некромант нахмурился, но спорить не стал.

— Делай, как знаешь. Похоже, быстро это не будет, так что я займусь пока домашними делами. Зови, если понадобится помощь, — с этими словами Мусака взял на руки пытающегося прощмыгнуть мимо кота и ушел в дом.

Къарт потратил куда меньше времени, чем рассчитывал некромант, о чем красноречиво сообщило удивление, с которым он появился на крыльце, потирая ужаленную разрушившейся печатью ладонь.

— Шустро ты. Хочешь повторить?

— Да.

Мусака снова зашептал свои заклинания, на этот раз те, что написал для Къарта, и через полминуты печать-привязка с легким уколом исчезла с его запястья.

— Пожалуйста, — Мусака отошел в сторону.

Он не стал возвращаться в дом. Къарт затылком чувствовал его пристальный взгляд, но в скором времени сложение печати полностью захватило его внимание.

С каждой удачной попыткой перехвата контроля над умертвием, Къарт все лучше понимал механизм действия. Когда он завершал печать, внутри словно бы открывалась дыра, засасывающая накопленную энергию. Поначалу Къарт сопротивлялся этому, но вскоре решил дать один раз этой дыре то, что она хочет, и запястье обожгло появившейся на нем меткой привязки.

Печать использовала энергию, чтобы разрушить связь умертвия с одним некромантом и установить ее с другим. Исходя из принципа «сила на силу», в случае с более прочными печатями для перехвата контроля нужно было просто позволить «дыре» поглотить больше энергии.

Къарт тренировался без передышки до самого вечера и сумел сократить время, требуемое для успешного применения печати, до пяти секунд. Он собирался продолжать до тех пор, пока не будет достигнута цель в одно короткое касание, но Мусака не поддержал его. Признание в том, что он измотан, далось некроманту не легко. Но его усталость была очевидна и без слов.

— Если хочешь продолжать в том же духе, мне понадобится энергия для печатей. Я, знаешь ли, не готовился к подобным тратам, — ворчливо сообщил Мусака, раскладывая по тарелкам тушеное с орехами мясо, и в его взгляде Къарту померещилась надежда на то, что он откажется, и непрошенные гости наконец отправятся восвояси.

— У тебя есть накопители? — поинтересовался Райз.

— Разумеется. А у вас, что ли, нет?

— Мы налегке. Одолжи парочку, попробуем что-то придумать.

— Собрался скататься в ближайшую деревню за жертвой? Не пойдет. Паладины из меня весь дух выбьют.

— Никаких жертв. Не беспокойся, мы не собираемся тебя компрометировать.

Позже, когда с ужином было покончено, а Мусака достал из своего подвала два темно-сиреневых кристалла, каждый длиной с ладонь, Къарт с Райзом вышли на улицу — угомонить вернувшихся с охоты грифов.

— Самое время научиться отдавать эссенцию, — Райз раскрутил рукоятки клинков, извлек из них крошечные, но тяжелые кристаллы, и отдал их Къарту. — Заодно пополнишь эти, чтобы у меня опять была возможность отсечь какому-нибудь умертвию голову.

Къарт одарил его хмурым взглядом.

— Не кажется, что ты несколько спешишь? — он посмотрел на кристаллы, питающие печати глефы. — Я едва справляюсь с тем, чтобы не вытягивать ее каждым касанием, а ты говоришь о том, чтобы отдать ее. Не уверен, что у меня это получится. Тем более вот так сразу.

— Ты никогда не уверен, что получится, но каждый раз как-то да делаешь, — отмахнулся Райз, но, по взгляду Къарта поняв, что его слова не были восприняты, вздохнул и устало улыбнулся. — Ничего страшного, если это не выйдет быстро. Здесь отличное место, чтобы остановиться: гостеприимнее Мусаки не сыскать по всем Афракском союзе, а у нас вся жизнь впереди, так что..., — Райз рассмеялся. — Опять этот твой мрачный взгляд, вынуждающий меня бояться за собственную жизнь.

— Иди ты, — беззлобно бросил Къарт и, отойдя в сторону, опустил на траву под высоким кустом лещины.

— Вы собираетесь ночевать здесь? — на пороге дома появился Мусака. — Мне особо и нечего предложить взамен, но..., — он замаялся, не зная, что еще сказать. — В общем здесь, да?

— Да, Къарт будет здесь, а я, с твоего позволения, посижу внутри, пока Къарт меня не сменит.

— Будете следить за мной в моем же доме? — помрачнев, поинтересовался Мусака.

— Это всего лишь маленькая предосторожность. Чтобы ты ненароком не сделал какую-то глупость, которая добавит проблем и тебе и нам.

— Ладно. Хочешь полночи не спать — дело твое. Только сиди тихо. У меня чуткий сон, — процедил Мусака и ушел.

— Это обязательно? — спросил Къарт — скорее для проформы, чем для того, чтобы получить ответ, который и так был очевиден. — Я мог бы подежурить первым, раз все равно сидеть с этим, — он указал взглядом на кристаллы в руках.

— Нет, сейчас лучше отдыхай. Все равно проснешься ни свет ни заря. Сменишь меня и развлекайся, сколько угодно.

Райз еще немного покопался в седельных сумках и ушел в дом.

Какое-то время Къарт следил за тенью Мусаки, появляющейся в озаренном свечой окне, но вскоре свечу задули и дом заволокла темнота. Убрав кристаллы в сумку, Къарт перебрался поближе к Когтю, расстелил под его боком шкуру. Устроившись поудобнее, он был готов снова встретиться со своими кошмарами.

Къарт открыл глаза, как и всегда, еще до рассвета. Потрепал по шее спящего Когтя, привел себя в порядок у бочки с дождевой водой, что стояла за поленницей, и направился в хижину.

Одного взгляда на Райза хватило, чтобы допустить мысль, что он так и просидел все время в паре метров от храпящего Мусаки и даже не пошевелился. Без лишних слов Къярт занял его место на стуле, достал из кармана кристаллы для эссенции, но не стал торопиться переходить к практике.

Было странно вот так сидеть и следить за спящим человеком. Мусака — всего лишь слабый некромант и вряд ли мог доставить много хлопот, но осторожности Райзу было не занимать. Хотя устроенный поединок с умертвием в пещере уж никак не входил в список поступков осторожного человека.

В очередной раз придя все к тому же нелицеприятному выводу, Къярт двинул желваками и сосредоточил все свое внимание на кристалле в руке.

Передать энергию. Легкая задача, если бы речь шла об искре. Но ее и эссенцию жизни объединяло только жжение в груди. Да и то, искра дарила подобные ощущения лишь время от времени.

Къярт пытался обратить то, что он делает, когда поглощает чужую энергию. Обратить свои чувства, мысли, внимание — что угодно. Но все было тщетно.

За окном начало светать, кот, дремлющий в ногах Мусаки, спрыгнул на пол и прошмыгнул за дверь, а Къярт все не оставлял попыток, хотя уже сам плохо понимал, что именно и как должен сделать. Кажется, его даже стал вновь одолевать сон, но тянущая боль в шее не давала слишком расслабиться.

А затем, совершенно случайно, у него получилось. Это произошло в тот момент, когда он решил сделать небольшую передышку, понаклонять голову к плечам и посмотреть в окно, когда он почувствовал, что внутри кристалла на его ладони есть энергия. Та, которую он сам же и передал.

На то, чтобы повторить это, пришлось потратить еще около часа, но когда Мусака заворочался и одарил Къярта сонным, но уже недовольным взглядом, все кристаллы до последнего были заряжены.

— Когда ты только успел? — стоя у бочки с водой, Мусака вытирал полотенцем лицо. — Ладно, не отвечай. Не хочу даже знать, откуда ты взял эссенцию, — меньше проблем, когда паладины припрутся с допросом.

— Тише говори, — Къярт указал взглядом на спящего возле Клыка Райза, который тоже оценил преимущества четвероногого обогревателя.

— Как скажешь. А то бедняжка всю ночь не спал, меня караулил, — мрачно прошипел Мусака.

— Продолжим тренировки.

Къярт хотел выполнить требование Фелиса до того, как Райз проснется. Уменьшить время наложения печати с пяти секунд до одной оказалось не самой тривиальной задачей. Но, воодушевленный успехом с кристаллами, он пробовал снова и снова, пусть лицо Мусаки и выражало вселенское недовольство.

Когда Къярту начало казаться, что эта печать будет ему сниться, а метка привязки появлялась после недолгого касания, он решил, что условие Фелиса можно считать выполненным. И только после этого почувствовал на себе взгляд Райза, невесть сколько за ним наблюдающего.

— Мусака, верни умертвие себе.

— Тебе еще не надоело? — в голосе некроманта послышалась усталость.

— Дальше я буду пробовать другое. Думаю, какое-то время мне твоя помощь не

понадобится.

— Даже не верится, что я позавтракаю до заката.

Мусака забрал контроль над скелетом и, оставив его так и стоять истуканом, ушел в дом.

— Он не слишком-то рад нашему присутствию, — Къарт подошел к Райзу и протянул тому заряженные кристаллы для глефы.

Райз улыбнулся.

— Тебя это беспокоит?

— Это не столько беспокойство, сколько чувство, словно это мы какие-то мерзавцы, которые ворвались в дом к человеку и угрозами заставили делать то, что ему нельзя делать по закону да и по простой человеческой морали.

— Ух ты, — только и сказал Райз, явно не ожидавший такого признания.

Къарт и сам не ожидал, что вот так легко выложит то, что толком до этого момента не мог сформулировать даже для самого себя.

— Знаешь, — после недолгих раздумий продолжил Райз, — я мог бы апеллировать к тому, что это паладины не казнили того, кого должны были. Или к тому, что Мусака только прикидывается послушной овечкой. Но вряд ли тебя утешит то, что в этой истории мерзавцы не только мы.

— Да, ты прав, не особо помогает.

Къарт устроился рядом на траве, когда Райз достал из сумки остатки их провианта. Мусака появился на пороге дома, видать, чтобы предложить им присоединиться к его трапезе, но, увидев, что те отлично справились и без него, снова исчез.

После завтрака пришла пора пообщаться с Фелисом. Тот появился, как и в прошлый раз, с халатом в руках. К вышитой на нем печати — той, что все это время практиковал Къарт — прибавилось внешнее кольцо витиеватого узора.

— Это фокусировщик. Добавляешь его к печати, выбираешь взглядом цель — готово.

— Без касания?

— А ты собирался вплотную подходить ко всякой твари, которую поднимут некроманты Орды? — едко спросил Фелис.

— Если контроль над умертвием можно перехватить на расстоянии, другие некроманты могут сделать так же. В чем смысл?

— А ты для начала попробуй это сделать. Если в процессе не поймешь — я объясню. К тому же, когда ты привяжешь умертвие к себе, ничего не мешает усилить твой контроль дополнительными печатями и наполнением самой печати-привязки бóльшим количеством энергии, — Фелис замолчал и нахмурился. — Я не совсем понимаю: я указываю тебе дорогу к преимуществу над врагом, а ты высказываешь недовольство?

— Дальше то что? — встрял Райз, но Къарт и не собирался отвечать или как-либо реагировать на попытку Фелиса вывести его из себя.

Если так подумать, его даже начинало забавлять то, что некроманту не надоедает раз за разом делать совершенно бессмысленные выпады в его сторону.

— Нужно будет отрабатывать то же самое, но уже на призванных, — Фелис посмотрел в сторону дома и скривился. — Но это подобие некроманта с таким не справится. Так что придется искать кого-нибудь толковее.

— Есть кто-то на примете?

— Я же сказал — искать.

— Да ладно, ты действительно не знаешь никого, кто подошел бы? Или не можешь сказать?

— Я не знаю, — холодно произнес Фелис и добавил, — никого из «ручных». Но Мусака может знать. Расспросите его. А не захочет говорить, — он развел руками, — убейте и призовите — когда Къярт закончит с тренировками.

— Мы тебя поняли, спасибо и на этом.

Райз вопросительно посмотрел на Къярта. Тот последний раз взглянул на печать, сверяя, правильно ли запомнил добавившийся контур, и кивнул. Фелис исчез.

Къярт мог бы роптать на кажущуюся невозможной задачу, которую поставил Фелис, но, как показала жизнь, рамки этого мира были куда шире, чем его родного. Если некромант говорил, что поставить печать по сути одним только взглядом было возможно, следовало ему поверить. Правда, Мусака, время от времени выходящий на улицу и тут же возвращающийся в дом, не разделял мнение Фелиса о возможном и невозможном.

В очередной раз он появился на пороге с решимостью во взгляде и мешком в руках.

— По правде сказать, парни, вы мне конкретно поломали все планы, — он говорил куда быстрее, чем обычно, словно бы боялся, что его перебьют. — Можете и дальше тут торчать, но мне нужно найти кое-какие травы, пока не прошел сезон. Можете пугать паладинами, чем угодно, но если я не буду выполнять свои обязательства, они и так с меня три шкуры снимут. Так что даже не пытайтесь меня остановить.

Он глянул на Клыка, заинтересованно поднявшего голову, и, скрепя сердце, сделал шаг с крыльца.

— Составлю тебе компанию. Чтобы не заскучал в своих поисках, — Райз улыбнулся и поднялся на ноги, встретился с Къяртом взглядом. — Оставайся здесь и продолжай тренировки.

Мусака оставил при себе мнение о навязанном ему сопровождении.

Дело шло неважно. Къярт успел проголодаться, солнце — приблизиться к горизонту, а Мусака с Райзом — вернуться не только с раздувшимся мешком, но и пойманным в силки зайцем, а он не мог похвастаться ни каплей прогресса. Так что перерыв на поздний обед казался ему чем-то незаслуженным, тем, на что сейчас уж никак не стоит тратить время.

Но трапеза прошла в совершенно иной атмосфере, чем ожидал Къярт. Мусака вернулся в куда более благодушном расположении духа, и все время, пока тот был занят приготовлением обеда, до Къярта доносились обрывки его оживленной беседы с Райзом. Что тот сделал с некромантом за время их прогулки по лесу — использовал как-то свое умение управлять энергией духа или применил какую другую уловку — Къярт не знал, но то, что Мусака перестал смотреть на Райза зверем, было очевидно. Как и то, что сегодня Къярту вряд ли удастся добиться успеха в тренировках.

За ужином разговоры продолжались, а Райз в своих расспросах перешел к вещам более конкретным, и Къярт начал понимать, к чему тот клонит.

— Как паладинам удалось поймать тебя? — Райз покачивал в руке чашку с настоем, гоня попавший в нее листик от стенки к стенке.

Мусака не спешил с ответом.

— Я склоняюсь к мысли, — наконец заговорил он, — что меня сдала какая-то крыса из ковена. Кто-то, кого не устраивало мое в нем присутствие. Не вижу других причин, по которым Братство могло меня найти. Я вел себя тихо и не делал ничего, что выдало бы мое местоположение.

— Знаешь, кто это мог быть? — спросил Райз, уже имея кое-что имя на уме. Как, собственно, и Къярт.

— Без понятия. Я старался никому не досаждать, чтобы..., — Мусака помедлил, — ну вы понимаете. Чтобы не обидеть какого-нибудь самовлюбленного засранца. Распри внутри ковена нередкое дело, но чтобы вот так сдавать своих же паладинам... Такого я не ожидал.

— И много еще таких, как ты? Тех, кто пошел на сделку?

— Хочешь сказать, что его ковен не в курсе? — Мусака взглядом указал на Къярта.

— Может, и в курсе, но, знаешь, говорить о таком не принято. И про тебя-то удалось узнать с трудом.

— Разумеется, — мрачно бросил Мусака и впился зубами в заячью лапу.

— Так что, тебе известно о ком-то еще?

— Тебе-то это зачем?

— Как сказать, — замялся Райз. Он натянуто улыбнулся, будто бы ему было неудобно отвечать на поставленный вопрос. — Как ты мог уже догадаться, мы не слишком разделяем позицию ковен. Особенно по части их отношения к тем, до кого смогли добраться паладины. И раз ковен не собирается помогать своим бывшим членам, почему бы последним не помочь самим себе? Да, по отдельности ничего не сделать, но если объединиться, создать новый ковен, можно будет сбросить ярмо Братства. Нужно только связующее звено, которое может действовать без оглядки на паладинов и которое всех скоординирует, — его улыбка стала шире. — Чтобы это сделать, нам нужно знать, как найти заинтересованных.

— Создать свой ковен, — Мусака хмыкнул. — Паладинам не впервой уничтожать ковен. А только созданный, неокрепший, собранный из тех, чьи имена и лица известны Братству, долго не протянет. Его врагами будут как паладины, так и остальные ковен.

— А сейчас иначе? Разве что таким, как ты, приходится разбираться со своими проблемами в одиночку. А объединившись, хотя бы появится шанс выбить себе место под солнцем.

— Вам какой с этого прок? — Мусака посмотрел на Къярта и, сам придя к ответу, понимающе закивал головой. — Да, пробиться к верхушке уже существующих ковен, считай, невозможно. Куда проще основать свой. Но и риск, что все пойдет прахом, велик. Если ничего не получится, тебя, Къярт, первым же поведут на плаху. И с кем-кем, а с тобой паладины сделок заключать не станут.

— Что сказать, фортуна любит отчаянных, — усмехнулся Райз.

— Дамерион Онцо, — сдавшись, выдохнул Мусака. — Его наверняка заинтересует ваше предложение. Вы найдете его в святилище западнее Месцера. Поезжайте по главному тракту в город. К лежащему там исполину паломники все дороги истоптали. Найти нетрудно.

— Спасибо, Мусака.

— Только не забудьте, что это я сказал вам его имя. Я не меньше Дамериона устал пресмыкаться.

— Разумеется, — кивнул Райз.

Къярт не хотел гадать, что именно из сказанного напарником правда, а что — всего лишь способ вытащить из Мусаки имя следующего некроманта. Не хотел думать и о том, не собирается ли тот и впрямь заняться объединением разобщенных некромантов. Решив спросить напрямую, когда рядом не будет Мусаки, Къярт сосредоточился на том, чтобы использовать печать на расстоянии.

Пришла ночь, а вместе с ней и необходимость дежурить у кровати Мусаки. Вместо недовольства тот отпустил глупую шутку и завалился спать. Къярт продолжил тренировки еще до пробуждения некроманта — глядя в окно на застывшее посреди двора мертвие.

Проснувшись и памятуя о прошлом опыте, Мусака не затягивал с завтраком, тогда как Къярт решил дождаться пробуждения Райза и ограничился лишь чашкой горячего чая. Отсутствие прогресса в накладывании печати удручало.

— Ты поддерживаешь идею основания собственного ковена? — вопрос прозвучал неожиданно, и Къярт, сверлящий взглядом череп мертвия, не сразу понял, о чем спрашивает некромант.

— Если Райз говорит об этом, значит..., — уклончиво начал он, но Мусака сразу перебил его.

— Меня интересует лично твое мнение, а не то, что говорит Райз. Почему ты позволяешь простому смертному главенствовать?

— Мне казалось, вы успели подружиться.

— Да, он умеет располагать к себе, этого не отнять. Но я постарше тебя буду и поопытнее. И вижу, к чему все идет.

— У Райза с планированием лучше, чем у меня, — Къярт пожал плечами и вернул внимание к мертвию за окном, всем своим видом давая понять, что разговор лучше не продолжать.

— Планирование планированием, но не позволяй ему указывать тебе, — рука Мусаки опустилась на плечо, и Къярт едва сдержался, чтобы не сбросить ее. — У меня нет выбора. Я не могу вырваться из ловушки, в которую угодил. Но ты свободен. Не дай лишиться себя этой свободы, — пробирающий до костей взгляд некроманта заставил его нахмуриться. — Он всего лишь жалкий человечиска, который позволяет себе слишком много. Собираешься сделать из него призванного?

— Мусака, — предупреждающе произнес Къярт и посмотрел на лежащую на его плече руку. Некромант намек проигнорировал.

— Не затягивай с этим, парень. Пока не стало слишком поздно.

— Я сам разберусь, что и как мне делать.

— Конечно, — Мусака убрал руку, а на его лице появилась снисходительная улыбка. — Главное, сумей сказать это не только мне, но и ему. Ты талантлив, Къярт. Я вижу, как быстро ты осваиваешь печати. Не дай какому-то смертному прибрать этот талант к своим рукам.

— Продолжу тренировку снаружи.

То ли разбуженная Мусакой злость, то ли старания дали свои плоды, и спустя несколько минут Къярт почувствовал долгожданное жжение метки-привязки.

Мусака выбежал из дома, посмотрел сначала на мертвие, затем на Къярта, пробормотал что-то вроде «невероятно» и вернул контроль над скелетом себе.

На оттачивание умений ушли еще сутки. Къярт пробовал разную дистанцию, разную степень видимости, и каждый новый перехват давался все легче. Мусака наблюдал за ним с восхищением и завистью, и его прилипчивое внимание досаждало, подстегивало поскорее закончить с тренировками и уехать.

Ближе к вечеру, удовлетворившись достигнутым прогрессом, Къярт собирался сказать, что они могут отправляться дальше, но Райз опередил его:

— Как насчет закончить здесь?

Он говорил тихо, не спуская взгляда с сидящего к ним спиной Мусаки, но Къярт слишком обрадовался прозвучавшим словам и не обратил внимания на интонации.

— Да, сам хотел предложить.

— Тогда не медли, — кивок Райза в сторону некроманта сообщил, что они говорят о разных вещах.

Къярту понадобилось несколько секунд, чтобы еще раз прокрутить все в голове, и понять, на что намекает Райз. Пришедшее осознание напугало.

Забрать жизнь того, с кем сидел за одним столом? Кто помогал ему, пусть, поначалу, и не по собственной воле, но помогал?

Къярт не был убийцей. Во всяком случае не хотел им быть и не считал себя таковым, пусть и замарал руки в крови больше, чем кто-либо другой. Но эта кровь была абстрактна — кровь тех, чьих лиц Къярт никогда не видел и чьих имен не знал.

Однако был и тот, чью жизнь он отнял осознанно. Намеренно. Тот, кто убил Иеро и его брата. Тот, из-за кого погибла Мерлен. Тот, кого удобно было винить во всем, когда на самом деле это Къярт был всему причиной. Или же виновный — тот, из-за кого он оказался запертым в мире Мерлен? В этом клубке переплелось столько всего, что на попытку отыскать концы ушла бы вся жизнь. Сейчас на это не было времени. Сейчас Къярт должен был «закончить здесь», но он не мог отнять жизнь другого человека, не сделавшего при нем ничего плохого.

— Райз, я..., — он поднял на того взгляд и отрицательно качнул головой.

— Ну нет, так нет, — Райз равнодушно пожал плечами, вскинул револьвер и, не задумываясь, нажал на курок.

Гром выстрела прокатился по лесу, спугнул птиц. Отдыхающие в тени деревьев гривы вскочили на ноги.

С простреленным затылком Мусака упал на землю. Клык ринулся к нему, но окрик хозяина осадил его:

— Тронешь — и я тебе хвост отстрелю.

Грив опустил голову к земле и угрожающе зарычал.

— Пшел прочь, я сказал.

Тот фыркнул, но послушался.

Райз убрал револьвер в кобуру, посмотрел на оцепеневшего Къярта и вздохнул.

— Къярт, ты же понимаешь, что...

— Понимаю.

Желания выслушивать объяснения не было. Он и без них знал, что так правильно. Мусака мог выдать их паладинам, пусть и не добровольно — у воинов Братства точно появились бы вопросы о тех, чьи гривы оставили по всей округе следы. Сейчас же все выглядело как расправа над некромантом. Братству, конечно, не понравится, что кто-то лишил их удобного инструмента, но раз они не ставили общество в известность, что этого некроманта трогать не нужно, то и предъявить было нечего.

Къярт все это знал. Он знал это еще с первого дня, но предпочитал не думать. Затолкать подальше, как и многое другое. Но чудовища, рано или поздно, всегда являли себя.

— Я — не палач, — сказал Къярт.

Они ехали мимо протянувшихся по обе стороны засеянных полей. Прошедший с утра дождь прибил к земле пыль, но солнце высушило всякое напоминание о недавней свежести и теперь пекло голову и плечи.

— Знаю, — согласился Райз.

После бессонной ночи он выглядел неважно. Выехав вечером, они так и не остановились даже на короткий привал — чтобы уехать подальше от хижины Мусаки и не встретиться с паладинами, которые могли навестить того в любой момент.

От взгляда напарника вкупе с усталой улыбкой Къярт почувствовал себя паршиво: он не захотел марать руки, и это пришлось сделать Райзу.

— Потому и не настаивал, — продолжил тот и зевнул. — Подумал, что пока нет острой необходимости форсировать события. Однажды ты сам придешь к тому, что иногда это лучшее из решений. Если не единственное.

— Я понимаю. Но не могу принять. Тем более Мусака... он же не сделал ничего дурного.

— Ты мог бы это утверждать, если бы призвал его душу и узнал прошлое. А так..., — Райз развел руками. — К тому же сама Кара сказала: хороший некромант — мертвый некромант.

— Все-таки она тебе нравится, — Къярт с радостью ухватился за предложенную возможность перевести тему.

— Отцепись, — Райз рассмеялся и поднял Клыка в карьер.

Дорога до Месцера заняла шесть дней. Отсюда до воюющих Хепраса и Агруа оставалась какая-то сотня километров, но Афракский Союз ревностно бдил свои границы, и его жители чувствовали себя спокойно. Грузенные, медленно ползущие по тракту телеги то и дело попадались на пути.

Когда до Месцера, а следовательно и до святилища, оставался день езды, пришло время поговорить с Фелисом.

Он появился на поваленном дереве и с задумчивым видом поскреб подбородок.

— Не знал, что Дамерион угодил в лапы паладинов.

— Бывает, — Райз равнодушно пожал плечами. — Если все будет идти согласно плану, завтра мы с ним встретимся. Продемонстрируешь печать? Чтобы не пришлось опять проворачивать наше общение за чужой спиной.

Фелис скинул с плеч халат и расстелил его на земле. Новый рисунок оказался на порядок сложнее предыдущего, что и немудрено, раз речь шла не о простых умертвиях, а о призванных.

— Принцип тот же. Основная печать и фокусировщик, — Фелис указал на сердцевину и окаймляющую его раму. — Без фокусировщика необходим тактильный контакт, с фокусировщиком — достаточно взгляда.

— В момент перехвата я тоже увижу прошлое души? — спросил Къярт.

— Нет. Эта печать перехватывает уже существующую привязку, а жизнь призванного ты проживаешь до того момента, какставишь якорь. И, как ты мог догадаться, уровень призыва

будет тот же, который использовал призвавший душу некромант. Да, еще учти, что все же перенос печати совмещает в себе разрушение предыдущей, а следовательно личность, которую несет душа, будет повреждена. Еще вопросы?

Къярт отрицательно качнул головой. Сейчас его больше интересовало раскладывание схемы печати на составляющие, с помощью которых ее можно было запомнить.

Он потратил на это куда больше времени, чем рассчитывал, но в итоге смог уложить ее в голове.

— Погоди, — сказал Фелис, когда Райз собирался убрать руку. — Хочу еще немного побыть здесь. Сегодня замечательный вечер.

Райз едва приподнял брови и вопросительно посмотрел на Къярта. Тот не возражал.

Вечер и правда выдался чудный. Дневная жара спала, заходящее солнце подрумянило тонкие ленты облаков, протянуло длинные тени от стоящих на пригорке сосен.

— У тебя есть возможность вернуться? — вопрос Райза нарушил тишину.

— В каком смысле? — Фелис удивленно посмотрел на него.

— Если две части твоей души способны все еще создавать вот это, — Райз смерил некроманта с ног до головы взглядом, — есть ли вероятность, что их можно как-то отделить от наших, не угробив последние, и соединить в новом теле?

— Ты даже не понимаешь, о чем говоришь.

— Поэтому я и спрашиваю тебя. Так это возможно? Все же ты как-то сумел отыскать наши души, сделать из Къярта некроманта и устроил еще уйму всего. Неужели ничего не приготовил для самого себя? Никакого запасного варианта?

— А ты бы стал его воплощать в жизнь, если бы я сказал, что он есть? — взгляд Фелиса стал острее скальпеля.

— Почему нет? Не вижу ничего плохого в том, чтобы после победы над Ордой каждый получил награду.

— Райз? — Къярт с сомнением покосился на него.

Ему все меньше и меньше нравился этот разговор. Он свыкся с тем, что Фелис — неизбежное зло. Но от мысли, что некромант снова обретет плоть и кровь, внутри похолодело.

— Да брось, Къярт. Уже разобрались, что Фелис у нас птица подневольная. И все претензии по-поводу его поступков, Ашши и прочего следует предъявлять «высшей силе», а не ему. Верно же? — Райз перевел взгляд на Фелиса.

— Точнее и не скажешь, — процедил тот и, помолчав, добавил: — Вернемся к этому разговору, когда вы разберетесь с Ордой. А сейчас вам нужно отдыхать.

— Сколько заботы, — хохотнул Райз и разорвал связь.

Когда роща отступила, и деревья перестали закрывать небо, немного севернее от тракта засверкала громада исполина. Издалека его облик казался звериным. Он стоял на коленях, опираясь на руки, похожие на гигантские кувалды, а на его склоненной голове высился толстый гребень, которым тот с легкостью мог бы пробивать горы. Этот исполин был одним из тех, что погибли еще в Первую Войну. Сорок, а может, и все пятьдесят метров роста, несущие в себе несокрушимую силу.

Но сокрушить его смогли. Глядя на его останки, совершенно безжизненные, но все еще вызывающие трепет, Къярт думал о том, что повергло такого гиганта. И как им суметь превзойти подобную мощь?

— Впечатляет, да? — Райз не отрывал взгляд от исполина. Святилище, возведенное

между его рук, в сравнении с гигантом казалось совсем крохотным. — В нем должно скопиться еще больше энергии, чем в том, в пещере.

— Нет, — сказал, как отрубил Къарт. — Я не буду ее поглощать.

— Почему?

— Она... мне кажется, это не просто какая-то условная энергия. Что, если внутри останков исполинов находятся их души? Если они там заперты?

— Душа в сосуде как правило означает, что этот сосуд жив, разве нет?

— О них толком ничего не известно. Это всего лишь гипотеза, но если она верна...

— Тогда паладины, похоже, отрывают кусочки исполинских душ и с их помощью делают себя супер-бойцами, — Райз перебил его и усмехнулся. — Что сказать: каждый вертится, как может.

— Если она верна, — с нажимом продолжил Къарт, — мне не нужна сила, полученная такой ценой.

— Как и победа над Ордой, я так понимаю?

— Пока мне некуда тратить даже ту эссенцию, что уже есть. Если ее будет недостаточно, и иной источник не получится найти...

— Когда припечет, у нас может не оказаться времени на поиски другого источника.

— Ты обещал, что не будешь просить меня делать то, что идет вразрез с моими убеждениями. Уже забыл?

— Вот же уперся, — Райз вздохнул и, заметив, что Къарт продолжает сверлить его взглядом, покачал головой. — Ладно-ладно. Не трогаем здоровенные куски камня, а то вдруг внутри них души бедных исполинов. Проклятье, Къарт, это даже звучит бредово!

— Только потому, что тебе удобно, чтобы оно так звучало.

— А, чтоб тебя! — Райз бросил в его сторону короткий взгляд, хмыкнул, и двинул Клыка пятками.

Гривов пришлось оставить на подъезде к святилищу. Конечно, реши они закусить кем-то из цепочки паломников, что тянулась по тракту к останкам, их не остановило бы какое-то поле. Да даже десяток километров не стал бы препятствием. Так что Когтя с Клыком с тем же успехом можно было привязать к растущему неподалеку от исполина вязу. Но чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, так как люди и без того провожали их недовольными взглядами, гривов было решено оставить под сенью рощи чуть поодаль. Къарт пригрозил им рукой в перчатке, если те вздумают сдвинуться с места, и вместе с Райзом направился в сторону останков.

Вблизи исполин выглядел еще величественнее. Перламутровые прожилки, толщиной с запястье, мерцали в лучах солнца, так что порой казалось, что гигант ожил и зашевелился. В небе над ним кружила стая птиц, но ни одна из них не смела сесть на исполина.

Желающие посетить святыню приходили не с пустыми руками: подступы к исполину устилала цветы, среди которых был заметен блеск драгоценных камней — отличное место, чтобы поживиться мелким воришкам, но, похоже, их трепет перед гигантами был настолько велик, что никто не смел осквернять останки. Или же дело было в страже, виднеющейся то тут, то там.

— И как найти в этой толпе Дамериона? — Къарт обвел взглядом людей, толпящихся возле рук исполина.

— Мусака говорил о святилище. В него и заглянем.

На удивление внутри не набралось и десятка человек: три барышни, сидящие на скамье

в первом ряду, седой старик и обритый наголо парень — единственный, кто обернулся, когда Енкарты ступили под крышу святилища. Хотя крыши как таковой в здании не было. Чтобы святилище не походило на деревянный ящик без крышки, свод немного сужался, после чего обрывался, открывая взглядам присутствующих нависшее над ними лицо исполина.

— ... и дарует вам Его лик защиту и благоденствие, и унесете вы с собой свет, что живет внутри него, и не тронет вас ни болезнь, ни горе, так как видели вы Его, и возносили вы хвалу Ему, и помните, что сделал для всех нас род Их, — голос священнослужителя, мужчины средних лет, одетого в светло-серый балахон, разливался по святилищу.

— Думается, мы нашли того, кого искали, — на губах Райза появился намек на ухмылку.

— Что? Он? — Къарт покосился на священнослужителя. — С чего ты взял?

— Всего лишь догадка. Но, окажись она верной, было бы забавно, согласен?

Къарт не находил ничего забавного в том, что паладины назначили некроманта толкать проповеди в святилище исполина. Иначе как надругательством это назвать было нельзя, и объяснить подобный поступок со стороны тех, кто, казалось бы, больше всех должен был чтить силу исполинов, он не мог.

— Нет, это не он, — Къарт отрицательно качнул головой.

— Подождем немного и узнаем, — Райз опустил на скамью в последнем ряду.

Священнослужитель продолжал говорить возвышенные речи, в которых Къарт не находил ни капли смысла, как, собственно, и в поклонении останкам. Конечно, у людей этого мира было достаточно поводов, чтобы обожествить исполинов, и, наверное, он и сам бы так делал, если бы родился здесь. Так что сейчас Къарт не знал, почему именно слова священнослужителя вызывают в нем неприятие. Потому что он не верил? Хотя как можно не верить в то, что очевидно существовало? Или же он отвергал идею поклонения чему-либо как таковую. А может все дело было в высказанной Райзом догадке, глупой и гадкой, но почему-то с легкостью прижившейся в голове.

В святилище заходили люди: кто-то просто постоять и поглазеть на лицо исполина, а кто-то посидеть на скамье и послушать священнослужителя. Троица в первом ряду слушала затаив дыхание, тогда как на Къарта с каждой минутой его речь нагоняла все больший сон. Он не знал, оказывает ли она такое же воздействие на Райза, но сидящему в паре рядов перед ними бритоголовому парню она точно надоела. Он был первым, кто поднялся и вышел из святилища, на мгновение встретившись с Къартом взглядом.

Священнослужитель произнес несколько заключительных слов, и слушатели заметно оживились. Зашуршали одежды, заскрежетали отодвигаемые скамьи.

— Господин Онцо, можно задать вам несколько вопросов? — тройка девиц вспорхнула со своего места и облепила отошедшего к столу священнослужителя-некроманта.

— В яблочко, — Райз усмехнулся. — Что я говорил, а?

— Как ты узнал?

— Всего лишь догадка.

— Из всех возможных вариантов ты выбрал самый маловероятный и оказался прав. Поразительная точность.

— Скажем так: у меня нюх на тех, кто притворяется не тем, кто он есть на самом деле. Пойдем отсюда.

Они отошли от исполина к одиноко стоящему невдалеке вязу. Несмотря на жгучее солнце, больше желающих отдохнуть в его тени не нашлось. Да и зачем, если исполин

отбрасывал тень куда большую и, наверняка, куда более благостную.

— Сейчас к нему приближаться не стоит, — откручивая крышку фляги с водой, Райз не спускал взгляд со святилища. — Слишком много свидетелей. Подождем, пока все разойдутся, и он останется один.

— Думаешь, никто из приезжих не останется ночевать?

— Без понятия. Но сейчас мы в любом случае можем только ждать.

Ждать пришлось долго. Во второй половине дня даже тень вяза перестала спасать от жары, а, учитывая еще и жгущую внутри энергию, Къярт и вовсе мечтал о скором наступлении зимы. Но все, на что он сейчас мог рассчитывать, это наступление вечера.

С приближением заката толпа вокруг исполина поредела, и в сторону Месцера потянулись телеги. Нашлось и четыре группы людей, решивших остаться на ночь. Костры разгорались в сумерках один за другим, рисовали на исполине глубокие тени.

Все это время Дамерион не показывался из святилища, и Къярт размышлял о том, как Райз собирается пройти внутрь и не привлечь к себе лишнего внимания.

— Он уходит, — коротко сообщил тот. — В чашу на север от исполина. Пойдем.

Всю дорогу Райз держался на значительном расстоянии, ориентируясь на энергию духа, так что Къярт не видел и даже не слышал Дамериона. Иногда Райз останавливался, вероятно, когда сам некромант решал сбавить ход и поизучать окрестности на предмет преследователей.

— Ты потерял его? — спросил Къярт, когда Райз в очередной раз остановился, но вместо того, чтобы просто ждать, принялся обыскивать взглядом лес.

— Не совсем. Все еще есть слабый остаточный след энергии духа, который ведет под землю, — он еще немного постоял на месте и быстрым шагом направился дальше. — Сюда.

Спустя пять минут Райз остановился у раскидистого куста сирени.

— Где-то здесь должен быть проход вниз, — сообщил он, осматривая стелющийся по земле вьюнок.

Обойдя несколько раз указанную область, Къярт заметил поврежденную кору на нижних ветках сирени. Присев, он убрал в сторону вьюнок и коснулся пальцами деревянной крышки люка.

— Здесь.

— Неплохо. Что-то мне не хочется вламываться без спроса. Перекинемся парой слов с Фелисом?

В сгущающихся сумерках лицо некроманта казалось гротескной маской.

— Как крыса спрятался в свою нору, — брезгливо бросил он.

— Я верно понял, что вы знакомы?

— Да, виделись когда-то давно. Еще до того, как меня втянули в эту авантюру с Ордой.

— Не враждовали?

— Было бы с кем, — Фелис фыркнул. — Он, конечно, не настолько бездарен, как Мусака, но уже тогда было ясно, что звезд с неба ему не хватать. Но, возвращаясь к твоему вопросу, — нет, я ничего не сделал ему, за что он мог бы питать ко мне неприязнь. Если только за то, что был лучше него.

— Да, в твоих умениях никто не сомневается. Значит, если мы прикроемся твоим именем, он не сочтет нас заклятыми врагами?

— Не думаю. Решил вспомнить старые методы?

— Не все же угрозами и запугиванием решать, — Райз усмехнулся. — Спасибо, Фелис, на этом все.

— Осторожнее с ним. Дамерион всегда был той еще лисой — за неимением других талантов.

— Но сейчас он под колпаком у паладинов.

— Не мне тебе рассказывать, что можно ждать от тех, кто «под колпаком», — процедил Фелис и исчез.

— Вечно он сгущает краски, — Райз опустил на землю под деревом. — Что ж подождем, пока наша крыска покажется из норки.

Ночь тянулась долго. Представляя перед собой печать за печатью, Къярт пытался отвлечься от скрутившего желудок чувства голода. Из-за того, что они оставили все припасы с гривами, а сами весь день просидели рядом с исполином, у Къярта с утра во рту и крошки не было, так что сейчас он был бы рад и остаткам размякшего на жаре сыра и сухарям. Но все, что у них имелось, это одна фляга с водой на двоих, и мечты о том, что после всего можно будет заехать в Месцер пополнить запасы и даже поесть за нормальным столом.

— Гривы нам не простят этой спонтанной ночи без охоты, — Райз думал о том же, о чем и Къярт. — Не знаю, как Коготь, но Клык точно зуб на меня точить будет еще не один день. Нужно будет отдать ему Дамериона, когда мы с ним закончим.

Къярт покосился на него, на что тот лишь пожал плечами.

— Некромант все равно уже не жилец. Если у тебя не было каких-то особых планов на его брэнное тело, не вижу причин не задобрить Клыка.

— У тебя есть хоть капля почтения к чужой жизни? — для проформы поинтересовался Къярт. — Я понимаю, что мы не можем оставить его в живых, но это твое пренебрежительное отношение уже слишком.

— Ты ко мне слишком предвзято относишься.

Их ожидание подошло к концу, когда небо порозовело в преддверии рассвета.

— Он поднимается, — предупредил Райз.

До них донеслись едва слышимые шаги. Скрипнула крышка люка. Появившийся из него некромант не мог их заметить из-за куста сирени, этот самый лаз и скрывающий от чужих взглядов.

— Господин Онцо, — Дамерион вздрогнул от голоса Райза, и тот поспешил добавить: — Не бойтесь, мы пришли с миром.

Некромант медленно обернулся. А бессонная ночь выдалась не у них одних: под усталыми глазами залегли темные круги, а кожа будто бы посерела и смялась.

— Позвольте представиться: Райз Айзлен Енкарта и Къярт Яртлен Енкарта. Простите нас за этот неожиданный визит, но мы решили, что нам лучше встретиться вдали от лишних глаз.

— Енкарты? — сухо спросил Дамерион. — Истлен Енкарта, случаем, не ваш родич?

— Что-то вроде того, — Райз доброжелательно улыбнулся. — Мы хотели поговорить с вами о ковене и будущем некромантов.

— Некромантов? — Дамерион удивленно поднял брови. — У них нет будущего, Братство уничтожит их одного за другим.

— И кому паладины будут нужны, когда некромантов не станет? Господин Онцо, с нами вам не нужно притворяться. Мы можем поговорить в более безопасной обстановке? — Райз взглядом указал на крышку люка.

— Хотите заглянуть в мой погреб с соленьями?

— Къярт, будь добр, покажи руку.

Тот не горел желанием продемонстрировать кому-либо метки привязок, будто они были чем-то постыдным — хотя в какой-то мере так оно и было — но, раз того требовали обстоятельства...

Он закатал рукав на правой руке и продемонстрировал Дамериону шесть темных точек, что шли одна за другой вдоль трицепса — привязки умертвий, что следили за домом Фелиса.

— Я могу...? — Дамерион взглядом указал на метки.

Къярт кивнул.

Некромант приблизился — осторожно, держа одну руку в кармане темного балахона. Нахмурившись, он какое-то время изучал печати, после чего одобрительно кивнул и отступил на шаг назад.

— Не знал, что паладины разрешают кому-то оставлять территорию, к которой закрепляют.

— Паладины не в курсе, что мы здесь. Как и не в курсе, кто мы, — улыбнулся Райз.

— Да ладно, — Дамерион снова нахмурился. — Говорите, вас послал Истлен?

— Не так, чтобы послал. Увы, Фелис почил, так что мы здесь по собственной инициативе. Но да, он говорил, что мы можем обратиться к вам, если в том будет необходимость.

— Фелис мертв? — лицо Дамериона враз преобразилось, и к своему удивлению Къярт прочел в его взгляде разочарование и даже печаль. — Рановато он как-то. Таки решил поиграть с огнем, и Братство поймало его на нарушении сделки?

— Братство не знало, что Фелис — некромант.

— Да ладно, — повторил Дамерион. Помедлив, он вытянул руку из кармана и посмотрел на зажатые в ней часы на цепочке. — Пойдем.

По ту сторону люка находился дышащий сыростью и холодом земляной спуск с вбитыми в землю деревянными ступенями. Они были липкие от влаги, что вскрылась на них сотней бликов, как только Дамерион зажег стоявшую в нише свечу.

— Я думал, что Фелиса поймали одним из первых, — задумчиво произнес он. — Что и немудрено: он всегда вел себя слишком вызывающе. Слишком много о себе мнил, уж простите.

— Ничего, за ним и правда водился такой грешок, — согласился Райз.

Дамерион пошарил рукой в нише и убрал в карман небольшой камушек, похожий на те растяжки, что были у некроманта, обжившего пещеру с исполином. Не лезть в люк без спросу и правда было хорошей идеей.

Взяв подсвечник, он стал первым спускаться вниз.

— Когда он оборвал контакты с ковеном, все решили, что Братство добралось до него и казнило. Но потом выяснилось, что он все еще живет и здравствует, и стало ясно, что он стал их очередной куклой, — в голосе Дамериона появились нотки ликования. — Если бы он и правда был так хорош, как говорил, паладины не оставили бы его в живых. Так что, признаться, было приятно узнать, что он не такой уж и особенный. Но, раз вы говорите, что Братство не знало... значит, этот плут провел нас всех.

Последняя ступенька осталась позади, и ход раздался в стороны, а земляные стены скрылись за деревянной обшивкой. Но все же комнатой это помещение назвать было нельзя — скорее широкий коридор, вдоль которого стояли стеллажи с книгами и ретортами, и еще

массой всего, что могло бы пригодиться некроманту в его изысканиях. Дамерион зажигал одну свечу за другой, выхватывая из темноты все больше метров ведущего вдаль хранилища.

— Почему он покинул ковен? — спросил некромант, идя мимо заставленных кристаллами шкафов. Здесь хранилось столько накопителей энергии, что хватило бы на целую армию умертвий.

— Посчитал это сборище напыщенных бездарностей недостойным своего присутствия. Дамерион обернулся и искоса посмотрел на идущего следом Райза.

— Это его слова, не мои, — пояснил тот.

— Да, вполне на него похоже. Сюда.

Дамерион свернул в ответвление прохода, что пряталось между двумя громоздкими шкафами, и оказался в небольшой комнате со столами вдоль стен, на которых лежали бумаги с печатями и несколько кристаллов. В центре комнаты стоял еще один стол поменьше, с чайником, вазой с печеньем и приставленным к нему единственным креслом.

— Вы уж извините, я не был готов к приему гостей, — Дамерион в замешательстве посмотрел на вазу с печеньем. — Да, однозначно не был.

— Зачем столько накопителей? — Райз с Дамерионом одновременно посмотрели на Къярта. — Паладины так часто требуют поднимать умертвия?

— А кто сказал, что им известно об этом месте? — некромант самодовольно ухмыльнулся. — Не одному же Фелису водить их за нос. Так о чем вы хотели поговорить?

Райз снова завел свою историю про основание собственного ковена, но Къярт его не слушал. Это место не нравилось ему с самого начала, и чем дольше он здесь находился, тем больше все вокруг настораживало его. Он словно бы чувствовал, что пока они беседуют, совсем рядом происходит что-то еще. Будто бы движение энергии, которое он не должен был заметить, но заметил. Как с теми кристаллами на полках — Къярт даже не касался их, но ему казалось, что он знает, в каких из них есть энергия жизни, а в каких нет.

Он пытался сосредоточить свое восприятие и определить, что именно не дает ему покоя. В какой-то момент он осознал, что слышит не только голоса Райза и Дамериона, но чей-то еще: словно бы чье-то дыхание, переходящее во всхлипывание и стоны.

Он посмотрел на Райза, но, похоже, тот не заметил ничего подобного. Его слух был не настолько острый, но он обладал способностью видеть энергию духа, а значит должен был узнать, если здесь находился кто-то еще. Если только...

Къярт вспомнил о некроманте, что поселился у останков исполина, и чью энергию напарник тоже не заметил. Если душа не высвобождает энергию духа, его сила бесполезна. Или же если эта энергия поглощается чем-то другим еще до того, как Райз сможет ее заметить.

— Здесь есть кто-то еще? — Къярт перебил его на полуслове. — Я слышу чей-то голос. Женский, кажется.

— Ах, это. Я уж решил, что за вами таки увязался хвост, — сначала насторожившийся, Дамерион облегченно выдохнул. — Сидит здесь одна дамочка из Месцера. Накопители сами себя не заполняют, знаешь ли. А ловить всяких мошек, мышек и неделями собирать энергию на одно единственное умертвие — не мой метод.

Къярт на мгновение прикрыл глаза. Наверное, ему следовало успокоиться, подождать, пока вспыхнувшая внутри злость уляжется, и не делать ничего на горячую голову. Но какая разница, если даже вернув себе равновесие, его решение не изменится?

Открыв глаза, Къярт по взгляду Райза понял, что тот знает, что он собирается сделать.

Не страшно. Главное, чтобы напарник не встал у него на пути.

Райз не шелохнулся, когда Къярт дернулся в сторону Дамериона, на ходу срывая с руки перчатку. Некромант не успел понять, что происходит, когда Къярт схватил его за предплечье, и в руку хлынул жар эссенции жизни.

— Погоди, — ладонь Райза опустилась на плечо Къярта.

Второй рукой Райз перехватил кулак Дамериона, когда тот попытался ударить, понимая, что его сил не хватит, чтобы вырвать руку. Прежде чем некромант предпринял бы что-то еще, Райз ударил его по ногам, заставляя упасть на колени.

— Как насчет поглотить его душу? — спросил он. — Все же это не исполин, и хорошим парнем его тоже не назовешь.

Двинув желваками, Къярт одним коротким импульсом вытянул остатки жизненной силой из Дамериона. Некромант обмяк и кулем упал на пол.

— Я не буду поглощать чью-либо душу. Никогда, — ровным голосом произнес Къярт, сжал запястье Райза той же рукой, которой до этого касался некроманта, и убрал его ладонь со своего плеча. — Впредь даже не заикайся об этом. Ты меня понял?

— Я тебя понял, Къярт, — на губах Райза появился намек на улыбку.

Он присел рядом с телом некроманта, достал из кармана складной нож, срезал прядь волос, замотал в платок и спрятал в карман. После чего вытащил револьвер из кобуры и трижды выстрелил в голову Дамериона.

— Так где там твоя барышня?

Они нашли ее в самом конце коридора за матерчатым пологом, прикрывающим проход в круглую комнату, облицованную серыми каменными пластинами. Девушка, скорее даже девочка, лет пятнадцати на вид, полностью обнаженная, лежала привязанная к алтарю, а ее кожу покрывала плотная вязь печатей. Те тянули жизненные соки, собирали их в кристалл, вшитый в надетый на нее ошейник.

Увидев, что она больше не одна, девушка забилась, раздирая веревками кожу на запястьях и щиколотках в кровь.

— Тише, тише, мы не причиним тебе вреда, — Къярт медленно подошел к алтарю, стараясь не напугать девушку еще больше.

На него уставились полные страха голубые глаза, чья синева казалась только ярче на фоне бледной, почти прозрачной кожи и залегших под глазами теней. Сколько времени чертов некромант продержал ее здесь?

— Пожалуйста, успокойся. Он больше не тронет тебя, — Къярт болезненно нахмурился, когда девушка вздрогнула от одного звука его голоса и сжалась, насколько это позволяли сделать веревки. — Мы освободим тебя. Райз, найди, во что ее одеть.

Пока звуки его шагов доносились из коридора, Къярт осматривал печати. Сложная вязь, слишком много элементов. Но по отдельности он их узнавал — все же проведенное в библиотеке Фелиса время прошло не зря. Да и знания Аппи тоже пришлись как нельзя кстати. Нельзя было просто снять кристалл и обо всем забыть. Он не только играл роль сосуда для накопления жизненной силы, но и вместе с печатями определял скорость ее поглощения. Следовательно, без него энергия просто хлынет неконтролируемым потоком, и ничего нельзя будет сделать.

— Вот, — Райз вернулся с балахоном Дамериона в руках и пожал плечами в ответ на хмурый взгляд Къярта. — Уж извини, выбирать не из чего. Не хочешь ее развязать для начала?

— Нет, если случайно задеть не ту печать, может стать только хуже, — Къарт встретился взглядом с притихшей девушкой. — Я не сделаю тебе ничего плохого. Полежи еще немного смиренно, и все закончится. Хорошо?

Девушка слабо кивнула.

— Не бойся, — повторил Къарт и коснулся печати на ее предплечье. Потер пальцем, склонился поближе, чтобы изучить. — Не могу понять, что это за чернила, но они глубоко въелись в кожу. Просто так их не стереть. Райз, дай свой нож.

Когда в руках Къарта сверкнуло лезвие, девушка всхлипнула и замотала головой.

— Все хорошо, успокойся. Мне нужно разрушить печати, чтобы освободить тебя от их действия. Будет немного больно, но это всего лишь небольшие царапины. Потерпи, пожалуйста, еще немного.

Она затихла. Скорее, не потому что вняла словам Къарта, а потому что окончательно обессилила. Веревки, держащие ее запястья, потемнели от пропитавшей их крови.

Склонившись над ней, Къарт исследовал сеть печатей, делая на некоторых из них короткие, не длиннее сантиметра, надрезы. Девушка вздрагивала всем телом, когда холодное острие касалось ее кожи, но молчала. Разрушив последнюю печать, Къарт осторожно снял с нее ошейник и одну за другой разрезал веревки.

— Все в порядке. Ты можешь сесть?

Девушка смотрела на него все теми же перепуганными глазами.

— Как тебя зовут? — спросил Къарт, но та молчала. — Я...

— Давайте знакомиться мы будем попозже, — перебил его Райз. — Не ровен час, сюда пожалуют его дружки или еще какая нечисть.

Он бесцеремонно усадил боящуюся даже пальцем пошевелить девушку на алтаре и закутал в балахон Дамериона.

— Райз..., — осуждающе начал Къарт, но тот не дал ему продолжить.

— Ты можешь идти самостоятельно? — спросил он у девушки и получил молчание в ответ. — Кивни хоть. Это же ты умеешь?

Девушка перевела взгляд на пол и нерешительно потянулась к тому стопой. Ее рука, опирающаяся на алтарь, дрожала.

— Нет, так ничего не выйдет, — Райз подхватил ее на руки и встретился взглядом с Къартом. — Давай, ты первый на выход.

Снаружи занимался алый рассвет.

Дорога обратно к гривам заняла почти сорок минут, которые прошли в напряженном молчании. Клык с Когтем встретили их на том же месте, где они их оставили, с целыми поводьями. Гривы всю ночь просидели на месте, но теперь оскал Когтя и утробное рычание Клыка красноречиво выражало их отношение к подобному времяпровождению. Правда, заметив на руках Райза девушку, они заинтересовано притихли, а Клык потянулся в ее сторону, совершенно забыв про привязанный повод.

— Это не тебе, — осадил его Райз.

Он оставил девушку в стороне у дерева, где она и просидела все время, пока они седлали гривов.

— Я сам, — Къарт остановил Райза, когда тот собирался забрать ее в седло.

— Да пожалуйста, — тот хмыкнул и отдернул Клыка, продолжающего проявлять излишнее любопытство к недавней пленнице некроманта.

Прижимая ее к груди, пока гривы неслись в сторону Месцера, Къарт думал о том, что

его злость все не стихает. Он чувствовал, как под его рукой дрожит девичье тело, и не знал, причина ли тому утренний холод или же не покидающий ее страх. Чертов мир с чертовыми некромантами.

— Мы оставим ее на въезде в Месцер, — сказал Райз, когда гривы замедлили ход. До города оставалось рукой подать.

— Райз...

— Мы оставим ее на въезде, — жестко повторил тот. — У нас еще есть дела.

— Ты можешь делать, что хочешь, — спокойно произнес Къарт, пусть внутри не осталось и капли спокойствия. — А я отвезу ее к больнице, где о ней смогут позаботиться. В Месцере же есть больница? — обратился он к девушке, проигнорировав взгляд Райза. Та слабо кивнула. — Сможешь показать дорогу? — еще один кивок.

На этом спор закончился.

В утреннем Месцере стояла тишина, изредка прерываемая звоном колокольчиков повозок. Город выглядел куда современнее, чем Руферон, а от трехэтажных домов из рыжего кирпича, выстроившихся вдоль улиц, веяло порядком и дремой.

В отличие от большинства зданий в городе, больница была облицована белым камнем и казалась словно бы вырвавшейся намного вперед из своего времени. У тротуара возле нее стояло несколько автомобилей.

Они передали девушку в руки дежурной медсестры и, сославшись на то, что за дверью их ждут голодные гривы, оставили больницу, прежде чем им успели задать какие-либо вопросы.

Къарт молча следовал за Райзом, пока тот не остановился в уже знакомой роще неподалеку от исполина.

— В чем дело? — спросил он, когда Райз спрыгнул на землю и бросил поводья Клыка на переднюю луку седла. То, что тот был на взводе, было очевидно.

— Не нужно разезжать по всему городу с исписанной некромантскими печатами девушкой, при которой ты еще и продемонстрировал свои познания. И не нужно имен, Къарт. Или ты хочешь объяснять паладинам, какого Проклятого мы забыли в норе Дамериона?

— Мы убили некроманта и освободили его жертву. Что их может не устроить?

— Мы убили их «ручного», а не простого некроманта. А до этого еще одного. А ты называешь мое имя при той, кого собираешься отпустить, и пытаешься еще и свое выдать.

— Мне кажется, ты перебарщиваешь.

— Я пытаюсь тебе объяснить, что один маленький поступок, одно лишнее слово, которое можно было и не произносить, может повлечь за собой целый ворох вопросов, на которые придется дать вразумительный ответы. Если позволять себе неосторожности в мелочах, что тогда говорить о вещах куда более серьезных?

— Прости, я не думал, что...

Къарт и сам не ожидал, что взгляд, которым его пронзил напарник, настолько осадит его. Как и то, что тот поднимет столько шума из-за какой-то мелочи, когда до этого реагировал немного спокойнее и на более серьезные промашки.

Еще какое-то время Райз прожигал его взглядом, но в итоге покачал головой и устало вздохнул.

— Забудь, — его голос смягчился. — Я не могу требовать от тебя того же, чего и от себя. Просто впредь будь осмотрительнее. Иди сюда, зверюга, — он поманил Клыка.

Когда грив улегся рядом, Райз откинулся на его бок и достал из кармана платок с прядью Дамериона.

— Раз ты укоротил жизнь предложенному Мусакой помощнику, было бы неплохо найти ему замену.

Къярт опустил на землю рядом и коснулся пряди.

Душа Дамериона была такой же, как и души тех, кого он призывал ранее. Не такая горячая, как у Ашши, но такая же светлая и лишенная чего-либо, что могло бы от нее оттолкнуть, что еще больше уверило Къярта в его правоте насчет нежелания поглощать души. Каким бы мерзавцем не была бы последняя личность души, та оставалась чистейшим источником энергии, и в следующем воплощении вполне могла стать кем-то, кто спасал бы людей, а не губил их.

Но, несмотря на всю чистоту души, Къярт знал, что после прикосновения к ней его ждет жизнь отнюдь не праведника. Но он даже не предполагал, насколько.

Спасенная ими девушка не была первой. Она даже не была десятой. Дамерион не раз похищал людей, удерживал их в своем логове, вырытом умертвиями много лет назад. Он старался поддерживать в них жизнь столько, сколько это было возможно, учитывая используемые им печати, чтобы получить как можно больше энергии, прежде чем придется искать новую жертву. Удивительно, как ему удавалось проворачивать все это за спиной паладинов, которые не могли не замечать регулярных исчезновений людей под Месцером, пусть и большинство из них были приезжими из других мест. Настолько удивительно, что Къярт засомневался в том, что все зверства, что творил Дамерион, не совершались с молчаливого согласия Братства.

Он вынырнул из воспоминаний некроманта, словно из бочки с помями, и еще какое-то время приходил в себя. Разъедающая его изнутри злость не давала выровнять дыхание.

— Что-то полезное? — поинтересовался Райз.

— Тебе судить. Он не общался напрямую с другими некромантами, но к нему регулярно навевался призванный-посыльный, через которого он поддерживал связь с одной группой. Они все из разных ковен, точнее, из их низов. Тринадцать или четырнадцать человек. Около двух недель назад они были в Хепрасе. Устраивали налеты на поля битв, собирали отряды умертвий и призванных. Сейчас они двигаются вдоль границы на восток, туда, где влияние Братства не так велико. Дамерион хотел к ним присоединиться, но задержался из-за той девушки. Она особенная. В понимании некромантов. Таких, как она, называют абсолютными источниками эссенции. Энергии ее души хватит, чтобы поддерживать до сотни печатей призванных.

— Да, я заметил, — Райз усмехнулся, — по окружившей ее энергии духа, когда ты уничтожил печати. Но абсолютным источником я бы ее не стал называть. Да, ее больше, чем у среднестатистического человека, но с твоей все же не сравнится. Нужно было предложить Дамериону обменять ее на тебя. А то чего он на всяких мошек-мышек тратил свой талант?

Къярт вздохнул. Его злость проходила, уступая место усталости.

— Больше ничего интересного в его памяти?

— Нет.

— Тогда попробуем догнать этот отряд, а там посмотрим по ситуации.

— Собираешься и к ним втереться в доверие?

— Не думаю. Слишком рискованно. Посмотрим, скольких мертвецов они подняли. Возможно проще будет просто следовать за ними на расстоянии и тренироваться на их же

призванных. Конечно, придется пропустить часть с касанием, но ты же у нас талантливый. Справишься, — Райз улыбнулся. — Известно, где они точно находятся?

— Четыре дня назад посыльный сообщил, что они оставили территорию Хепраса. Не знаю, с какой скоростью они передвигаются.

— Думаю, мы сможем напасть на их след. Все же их не три человека. Граница Афракского Союза идет вдоль моря, так что деться им особо некуда.

Они не стали задерживаться под Месцером и сразу же выехали на восток.

После бессонной ночи и устроенной в логове Дамериона встряски, Къярт пребывал не в лучшем расположении духа. Даже постоялый двор, попавшийся по дороге как раз когда они собирались остановиться на ночлег, настолько огромный, что в нем нашлись даже стойла для гривов, не выгнал из его головы тяжелые мысли.

Къярт чувствовал себя гадко. Не только из-за Дамериона и того, что тот делал, но и того, что он сам сотворил с некромантом. Он вытянул жизнь из него не потому, что так было нужно и так было правильно, а потому что он хотел это сделать. И это желание, родившееся в нем из крохотной искры, но объявшее его целиком, пугало.

Теперь он понимал Кару, которая считала, что любой инициированный некромант должен быть убит. И боялся, что однажды он тоже может стать тем некромантом, которого следует казнить.

Къярт боялся того, что с каждым разом ему становилось все легче отнять чужую жизнь. Будто бы в этом не было ничего ужасного, всего лишь будничные хлопоты. Но глядя на Райза, слушая, что и как он говорит, Къярт был уверен, что тому неизвестен подобный страх. Он хотел найти объяснение этому, оправдать как-либо, ведь человек не рождается с подобным равнодушием и цинизмом. Должно было быть что-то, что сделало его таким, но Къярт не знал о прошлом напарника ровным счетом ничего.

— Что произошло у друидов? — спросил Къярт, когда они сидели в доставшейся Райзу комнате.

— О чем ты? — тот оторвал взгляд от разложенной на столе карты.

— Ты говорил, что прожил среди них шестнадцать лет. И что приложил руку к их уничтожению. При том, что привязался к кому-то из их племени. Так что там произошло?

Райз невесело улыбнулся и откинулся на спинку кресла.

— Извини, Къярт, но мы не будем об этом говорить.

— Почему?

— Потому что не будем, — он потянулся за отставленной на подоконник чашкой чая, сделал плоток и вернулся к изучению карты. — Может, когда-нибудь я расскажу. Но не сейчас.

Къярт не настаивал.

Еще немного посидев, он пожелал спокойной ночи и ушел к себе. Потушил разведенный горничной очаг и улегся в кровать. Поглощенная жизнь Дамериона усилила жжение в груди.

Этой ночью в его кошмарах было логово некроманта, алтарь, с прикованной к нему Мерлен, и он — тот, кто наносил на ее тело печать за печатью. Къярту не удавалось вернуть себе контроль над происходящим и все, что он мог, — просто смотреть, как его руки оставляют на коже девушки темные, кровотокающие рисунки.

Он не успел закончить последний, когда его выдернули из кровати. Не успел даже сориентироваться, как на его голове оказался мешок, и затянувшая тот веревка больно впиалась в шею. Къярт схватил напавшего за руку, и в нее бурным потоком хлынула

жизненная сила.

Ее оказалось куда больше, чем Къарт мог ожидать, и прежде, чем она подошла бы к концу, обе его руки оказались заломленными за спину, не позволяя прикоснуться. Удар под колено лишил его равновесия, а чужая ладонь зажала рот, не давая позвать на помощь.

Кем бы ни был этот человек, его сила превосходила силу Къарта в разы. Впрочем, уже спустя несколько мгновений он понял, что схвативший его имеет мало общего с человеком.

Вокруг него сжались каменные тиски, жалобно звякнули стекла в распахнувшихся ставнях. Когда земля ушла из под ног, а кожу остудил ночной холод, Къарт решил было, что напавший выбросился вместе с ним из окна. Но вместо падения последовало завывание ветра, словно бы от взмахов гигантских крыльев.

Къарт предпринял еще одну отчаянную попытку освободиться, но удар по затылку лишил его сознания.

Сфокусировать взгляд удалось не сразу. Голова раскалывалась, и внезапная мысль обожгла ее новой вспышкой боли. Ашша! Ее печать!

Ее печать была в порядке. Удар по голове пришелся выше и не задел ее.

Къярт дернулся и только тогда осознал, что его запястья схвачены холодным металлом. Тоскливо звякнули цепи. Его руки были закованы в кандалы, что тянулись к двум столбам, по которым висели ленты писмен. Сам Къярт стоял в центре двухметровой печати, буквально высеченной в камне.

— Проснулся, соня? — перед ним, оперевшись на стол, стояла девушка с фигурой, которой могли бы позавидовать первые красавицы любого из миров.

Даже желтый свет стоящих на канделябрах свечей не мог скрыть бледности ее кожи — словно ее лицо, да и вся она была высечена из кости. Область вокруг глаз, от самых бровей и до скул, выглядела отливающей хромом чешуей, отчего красные угольки ее зрачков казались еще ярче. Темные губы усмехались; смоляные, едва вьющиеся волосы спускались ниже плеч.

Къярт уже видел такой взгляд, как у нее. У Фелиса был похожий, хищный, разве что еще с примесью надменности, чего не было в глазах девушки.

Рядом с ней стоял парень. Бритоголовый, с абсолютно неподвижным лицом и безразличным взглядом — тот, кто сидел в последних рядах в святилище под Месцером.

— Как себя чувствуешь?

Девушка отстранилась от стола, приблизилась, зашла за спину Къярта. Ее пальцы, едва теплые, коснулись предплечья, и то отозвалось глухой болью. Взглянув на руку, он заметил следы кровоподтеков.

— Оока проявил излишнюю грубость. Но ты сам не оставил ему выбора.

Ее голос обволакивал, поднимался под свод зала, уходящего конусом вверх. Пальцы скользнули по руке. Провели по плечам, по второй руке, остановились на ткани, которой в несколько слоев были обмотаны кисти.

— Ступай, Оока. Дальше я сама.

Бритоголовый парень приложил к ямке между ключиц кулак и скрылся за дверью в углу зала.

— Мое имя — Аелитт, — мягко произнесла она и добавила: — На колени.

Къярт прикрыл глаза, лихорадочно размышляя, что делать. Кандалы держали крепко, одним рывком цепи не сорвать. Да даже если и получилось бы, ему не избавиться от тряпок на руках, прежде чем девушка сделает свой ход.

Подколенные сухожилия резануло, как огнем, после чего последовал толчок в спину, и Къярт упал на колени, не в силах удержаться на ногах. На осознание, что больше встать не получится, много времени не понадобилось.

— Я же сказала тебе: на колени, — голос Аелитт прозвучал над ухом. — Как твое имя?

Она снова встала перед Къяртом, и он заметил на ее пальцах кровь. Она разрубила сухожилия ногтями? Они не выглядели достаточно длинными для подобной операции, но и Оока не был похож на того, кто мог схватить его. Если только эти двое не обладали возможностью трансформироваться, как те же паладины.

— Как тебя зовут? — Аелитт повторила вопрос.

Къярт молчал. Опустив взгляд, он смотрел на расплывающуюся на камне у его колен кровь. Глаза постепенно затягивала мутная пелена.

— Ох, крошка, — спохватилась Аелитт и засуетилась вокруг. — Какие же вы, люди, хрупкие.

Она что-то сделала со столбами или печатями на них, и Къярт явственно ощутил произошедшие внутри него изменения. Боль в ногах осталась той же, но он больше не чувствовал, что жизнь вытекает из него вместе с кровью.

— Так назовешь мне свое имя?

Когда Къярт поднял на нее тяжелый взгляд, Аелитт обворожительно улыбнулась.

— Какой упрямый крошка-мышонок. Не хочешь говорить сейчас — не говори. У нас с тобой впереди целая вечность, так что..., — она кокетливо прикусила губу. — Начнем, пожалуй.

Аелитт снова оказалась рядом, присела возле правой руки Къярта и коснулась пальцем одной из меток-привязок. Теперь, когда он стоял на коленях, цепи натянулись почти до предела, и он едва мог пошевелить рукой.

Их взгляды встретились.

— Это тебе больше не нужно, — с улыбкой произнесла она, и ее ноготь вонзился в кожу.

Ледяной укол — и за сотни километров, где-то в комнатах особняка Фелиса одно из мертвых осыпалось на пол безжизненной грудой костей.

Одна за одной Аелитт уничтожала метки, а Къярту только и оставалось, что терпеть.

— Не переживай, твой талант некроманта не пропадет, — пообещала она, когда последняя привязка была уничтожена. — Но чтобы получить что-то новое, сначала нужно избавиться от старого.

Аелитт поднялась на ноги, снова зашла за спину. Къярт вздрогнул, когда ее пальцы зарылись в его волосы. Если она обнаружит метку печати Ашши...

— Не бойся ты так, — в голосе девушки прозвучали нотки веселья. — От разрушенных печатей не умер еще ни один некромант. В моих руках, во всяком случае. Мне просто нужно найти их все, и мы сразу же закончим с этой неприятной процедурой. Ты можешь подсказать мне, где остальные, и я управлюсь куда быстрее.

Аелитт в ожидании посмотрела на Къярта.

— Не скажешь, да? И пусть. Так даже интереснее, — она окинула его взглядом, и ее губы расплылись в плотоядной улыбке. — Знаешь, ты далеко не первый некромант, который здесь оказался, и я обнаружила один примечательный момент, который, оказывается, объединяет многих из вас.

Аелитт опустилась перед ним на колени и положила руку на завязки штанов.

— Даже не знаю, какое удовольствие ставить печати на столь нежные места — это же должно быть больно. Но, представляешь, так делает каждый третий. Может, чтобы потешить свое эго? Правда, я до сих пор не знаю. Но факт остается фактом, так что я не могу не проверить.

Аелитт потянула за завязку, и Къярт подумал, что лучшего момента может и не представиться. Она была совсем близко, и раз ни ног ни рук у него не осталось, он ударил головой.

Лоб расколола боль, словно он с размаху ударился о ребро стола.

— Ты же так покалечишься! — смеясь, Аелитт поймала пальцами его подбородок и заглянула в глаза. — Веди себя смирно, мышонок, ладно?

Она потерла нос, на который пришелся удар, и вернулась к завязкам.

Сцепив зубы, Къярт ждал, пока Аелитт закончит изучать каждый сантиметр его тела.

— Странно, — она вернула штаны на место и завязала шнурок на аккуратный бантик. — Всего шесть меток, и все от простых умертвий.

Аелитт в задумчивости приложила палец к губам.

— Очень странно, — она отошла к столу и вернулась с ножом, похожим на разделочный. — Мне не понравилось, когда Оока принес тебя вместо того некроманта, но сейчас я вижу, что он сделал верный выбор. Но все равно не понимаю.

Она вздохнула и зашла за спину Къярта.

— Я хочу взглянуть глубже, мышонок. Чтобы понять. И будет больно. Но ты же потерпишь?

Будто у него был выбор.

Къярт не ждал от сумасшедшей с ножом в руках ничего хорошего, но все равно скрипнул зубами, когда лезвие полоснуло выше локтя. По руке побежала кровь.

Боль давно стала для него чем-то привычным. Чем-то, с чем можно было вполне жить, да и боль от ран все равно не могла сравниться с чувством раскаленных искрой кли-каналов. Но все же Къярт едва сдержал крик, когда Аелитт отогнула в сторону кусок срезанной плоти.

— Печать, — удивленно произнесла она.

Аелитт положила нож на место, взяла со стола колбу и поднесла ее к руке, собирая кровь.

— На всех твоих костях скрывающие печати? Или это я так угадала с местом? Ну ответь мне, мышонок, я не хочу опять делать тебе больно. Хотя, если все так, как я думаю, тебе не привыкать к боли. Это, должно быть, было ужасно — терпеть, пока их наносили. У вас, некромантов, всегда имелись проблемы с состраданием.

Къярт мог бы посмеяться над абсурдностью подобных слов, сказанных кем-то вроде Аелитт, но ему было не до смеха.

— Не будешь отвечать? Упрямый крошка-мышонок, — с укором произнесла она, обмакнула палец в колбу с кровью и начала водить им по руке Къярта. — Я просто хочу понять. Очень странно, что ковен позволил тебе вот так ходить, где вздумается. Обычно они стерегут таких молоденьких как зеницу ока, особенно, если те талантливы. А тут такая оплошность. И в то же время, тебя старательно пытались спрятать. От паладинов. Но с нами печати не помогут, — Аелитт усмехнулась и прикоснулась к его руке в последний раз.

Сквозь боль он не сразу почувствовал знакомое щекочущее чувство зарастающих тканей. Нарисованная его же кровью печать стремительно заживляла рану.

Она улыбнулась в ответ на непонимание в его взгляде.

— Некроманты вечно нас недооценивают. Думают, что смогут спрятаться за своими печатями. Но мы не паладины. Мы не чувствуем вашу силу. Мы чувствуем вашу плоть, — Аелитт приникла к его спине, провела носом по шее. — Ты знал, что дар некромантии изменяет биохимию тела? Меняется запах человека. В нем появляются такие особые нотки, как в воздухе в преддверии грозы. Так мы вас и находим, мышонок.

Аелитт отстранилась, провела ладонью по волосам Къярта.

— Отдыхай. Мы продолжим, когда я вернусь.

Оставшись в одиночестве, он позволил себе выдохнуть.

Черт. Угораздило же так встрять.

Собравшись с силами, он проверил кандалы на прочность. Попытался встать. Бестолку. С подколенными сухожилиями можно было попрощаться. Глубокие порезы багровели от заполнившей их крови, но та больше не лилась на камень. Похоже, дело было в печатях — тех, что покрывали столбы, или той, на которой он стоял, — но Къярт не узнавал ни одну из них.

Он прикрыл глаза и только тогда осознал, что не чувствует усталости. Он не чувствовал ничего, кроме боли в ногах: ни голода, ни жажды — даже течения времени, словно из его головы полностью исчезли биологические часы.

Райз. Его тоже схватили? Или же их интересуют только некроманты?

Къярт попытался восстановить в памяти детали произошедшего в гостинице. Если этот парень, Оока, был один, вероятнее всего Райза не тронули. Он не мог вспомнить ничего, что как-либо свидетельствовало о том, что тот использовал свои силы. А его напарник не стал бы сидеть сложа руки. Если бы только не узнал обо всем слишком поздно, когда шрам-компас на его руке сообщил, что расстояние между ним и Къяртом увеличивается.

Черт. Что, если его убили? Тихо убили во сне, чтобы он не помешал схватить Къярта? Ведь Оока следил за ними от самого святилища Исполина, раз нашел даже в гостинице в дне пути от Месцера. Он вполне мог решить устранить препятствие.

От мысли об этом по спине пробежал холодок. Он ничего не знает. Не знает, что с Райзом, не знает, что делать. Ему неизвестно даже кто его схватил и зачем. Аелитт говорила что-то о разрушении старых привязок и создании новых. Но это знание можно было назвать «чуть больше, чем ничего».

Она вернулась, когда половина свечей догорела и потухла, а от остальных остались крошечные пеньки.

— Как ты, мышонок? — участливо спросила она, коснувшись ладонью щеки Къярта. — Какой же ты все-таки очаровательный. Однозначно самый милый из моей коллекции.

Он хотел спросить у нее, что они сделали с Райзом. Наверное, это был единственный вопрос, который ему действительно хотелось задать. Но он молчал. Каким бы ни был ответ, сейчас тот никак бы ему не помог. Но если существовала вероятность, что Райза не тронули, подобное любопытство только ухудшило бы положение.

— Ты здесь, потому что мне нужна твоя помощь, мышонок, — начала Аелитт. — Ты и сам понимаешь, что призванные, как бы нелепо это не звучало, куда живучее живых. И куда послушнее. Увы, ни у меня, ни у моих сестер нет дара возвращать к жизни. Но он есть у таких, как ты. Я не прошу многого. Всего лишь призывать души тех, кого я к тебе приведу. У тебя будет достаточно эссенции жизни и всего, что может понадобится. Тебе даже не придется думать о том, чтобы отдавать им приказы — эту часть я возьму на себя. Главное, будь послушным мальчиком, пока я не заберу контроль над призванным. Договорились?

Къярт смерил ее взглядом. Что же все так помешаны на этой силе некромантов?

— Так и будешь молчать, мышонок? Я знаю, ты умеешь говорить. Оока слышал тебя. Умеешь, но не хочешь. Но это необязательно. Просто делай, что я говорю, и можешь молчать, сколько угодно. Хотя..., — Аелитт задумалась, — тебе все же придется заговорить, чтобы произнести заклинание призыва. Готов попробовать?

Она ушла, но в скором времени вернулась в сопровождении двух женщин, что вели бритого наголо парня того же возраста, что и Оока. Къярту показалось, что почти все его тело покрыто чешуей вместо кожи, но, когда его подвели ближе, он понял, что это всего

лишь искусный рисунок.

Аелитт снова оказалась за спиной Къярта и освободила его кисти от ткани.

— Не делай глупостей, мышонок, — попросила она и переставила штырь, фиксирующий кандалы на столбах.

Теперь длина цепей позволяла не только опустить руки, но и, при желании, дотянуться до кого-либо из стоящей перед ним тройцы.

Соблазн схватить кого-то из них был велик. Но у него всего две руки, а их трое, и еще стоящая за спиной Аелитт, которая наверняка готова к чему-то подобному.

Къярт не шелохнулся. Если его действия никак не поспособствуют его освобождению, он и вовсе ничего не будет делать.

— Чего же ты медлишь, мышонок? — в голосе Аелитт появилась насмешка. Она кивнула женщинам, и те поставили приведенного парня на колени. — Я знаю, эта твоя занимательная сила позволяет тебе забирать жизнь других. Я разрешаю забрать всю его энергию. А затем, ее же и используя, призвать его душу.

Къярт встретился взглядом со стоящим перед ним парнем и не увидел в его глазах страха. Только молчаливую решимость и даже некоторую... одухотворенность? Словно его привели на великое таинство, а не на собственную казнь.

Да что здесь вообще происходит?!

Къярт был слишком далек от происходящего: от законов этого мира и от тех, кого он мог здесь встретить. Да, его уже не удивлял вид разгуливающих умертвий или каких-то фантазмагорических чудищ, или то, что одни люди постоянно охотились на других. Однако он все равно время от времени ловил себя на мысли, что все это какой-то дурацкий сон, не имеющий ничего общего с реальностью.

— Не хочешь? Тогда я сама, — Аелитт встала за спину парня и опустила на его макушку ладонь. — Время пришло, мой воин. Я встречу тебя на той стороне.

За долю секунды кончики пальцев ее второй руки покрылись чешуей, а ногти удлинились. Присев, она обняла переставшего дышать парня и вонзила светящиеся багровым когти в его сердце.

Он вздрогнул, судорожно схватил ртом воздух, рефлекторно попытался вырваться и обмяк в руках продолжающих держать его женщин. Их взгляды прожигали Къярта насквозь.

— Теперь твой черед, мышонок, — Аелитт вытащила когти из груди парня и вернула руке человеческий вид. — Призови его душу. Используй печать первого уровня.

Къярт закрыл глаза. Хотел бы он сейчас чувствовать усталость. Чтобы она смазала все происходящее, зарисовала размытыми штрихами Аелитт, ее помощниц, несчастного парня. Было ли ему жаль его? Наверное, где-то в глубине души — да, хотя по всей видимости тот осознанно согласился на такой конец. Или же ему промыли мозги. В любом случае печать первого уровня не вернет ему даже подобие прежней жизни.

— Не расстраивай меня, мышонок. Это же несложно — делать то, что я говорю. Избавь и меня и себя от этих хлопот.

Хлопоты. У Къярта всегда отлично получалось их доставлять. Пусть он и не хотел этого, от него всегда были одни только неприятности. Но сейчас он был совсем не прочь стать их источником.

Он поднял на Аелитт взгляд. Она могла говорить и делать что угодно, но он не станет идти у нее на поводу. Конечно, если она решит избавиться от него, это несколько все усложнит, но пока подобных угроз не прозвучало...

— Какой ты упрямый, крошка-мышонок, — Аелитт поджала губы и обратилась к женщинам: — Отнесите его к Дроуну. Пусть поставит печать. Я скоро приду.

Когда те выволокли тело из зала, Аелитт натянула цепи Къярта до предела, но не стала заматывать ладони.

— Ты думал, что единственный здесь? — прошептала она ему на ухо. — Таких, как ты, много. И все они тоже упрямылись по началу. Кто-то больше, кто-то меньше. Кому-то понадобилось всего немного боли, чтобы перестать сопротивляться, — когти Аелитт впились в плечо, протыкая кожу. — Но вряд ли мне удастся причинить тебе боль сильнее той, что ты уже чувствовал, ведь так? Я бы могла оторвать тебе пальцы, или даже ноги — они тебе все равно больше не понадобятся, — Аелитт обошла его, оставив когтем длинный разрез на руке. Проскользила им по груди Къярта вниз, остановилась у кромки штанов. — Или что-нибудь другое, тоже больше не нужное, — она встретилась с ним взглядом и хмыкнула. — Но ничего из этого тебя тоже не пугает. Какой строптивый мышонок. Я найду, что тебя переубедит. Только вот..., — Аелитт цокнула языком, — моя находка вряд ли тебя обрадует. Но ты сделал свой выбор.

Она оставила его одного.

Огарки свечей догорели, и зал погрузился в темноту.

Къарт не знал, сколько прошло времени с момента ухода Аелитт. Было ли это минуту или день назад? Или, может, неделю? Как долго он уже здесь находится? Двигается ли еще время или же остановилось?

Вполне вероятно, что для него так оно и было. Иначе он не мог объяснить полное отсутствие желания спать, есть и других каких-либо человеческих потребностей. С ним была только непрекращающаяся боль в ногах от разрезанных сухожилий и туман в голове, который стоял, когда Аелитт активировала печати на столбах.

Ее долгое отсутствие все больше беспокоило. Что, если она использует Райза, чтобы заставить его подчиниться? Что, если она отправила Ооку на его поиски? Райзу с тем точно не справиться без своей силы, а если Оока следил за ними от самого Исполина, а Райз ничего не заметил, вероятно, что души этих существ не вырабатывают энергию. Или оставляют ее при себе для трансформации.

— Ты такой странный, мышонок, — Къарт вздрогнул, когда голос Аелитт прозвучал совсем рядом.

Вспыхнула свеча, осветив лицо склонившейся к нему девушки. Къарт совершенно не слышал ее шагов. Даже того, как открывалась дверь.

— Соскучился по мне? — она подошла к столу, достала из ящика под ним свечи и принялась менять огарки в канделябрах. — Я поговорила с Оокой. О тебе. Он сказал, что ты со своим спутником убил некроманта. А затем освободил и отвез в город его пленницу, — Аелитт замерла, взглянула на Къарта через плечо и вернулась к своему занятию. — Меня не удивляет первая часть его рассказа. Вы, некроманты, вечно грызетесь между собой. Но зачем было отпускать девочку? Ты же мог забрать ее жизнь себе, и никто даже не узнал бы. Ты очень странный, крошка-мышонок. Но пока других идей у меня нет..., — она улыбнулась и направилась к двери. — Смотри, кого я тебе привела.

В груди неприятно екнуло. Он ждал, что Аелитт схватила ту девушку из Месцера, или даже Райза, но она вернулась в зал ведя за руку мальчика лет семи, таращащегося на Къарта глазами-блюдцами.

— Не нужно бояться, я рядом, — мягко сказала Аелитт, когда мальчик прижался к ее ноге. Она перевела на Къарта взгляд и усмехнулась. — Его зовут Фло. Он живет в деревне в близости и будет очень рад вернуться к своим родителям. Правда, Фло?

Аелитт посмотрела на мальчика и коснулась пальцем кончика его носа.

— Но вернется он или нет, решать не мне, — продолжила она. — А тебе, мышонок. Делай, что я велю, и Оока сегодня же вернет Фло домой. Или же не делай ничего. Он всего лишь деревенский мальчишка. Не знатного рода и не из богатой семьи. О нем никто не вспомнит, кроме его родителей.

Фло поднял на Аелитт непонимающий взгляд, и на его глазах выступили слезы.

— Тише, не нужно плакать, — Аелитт присела рядом с мальчиком, мягко сжала его плечи. — Я не сделаю тебе ничего плохого. Если он так не решит, — она перевела взгляд на Къарта. Мальчик тоже посмотрел на него.

Къарт скрипнул зубами.

Аелитт, чертово чудовище.

— Побудь с Оокой, Фло, я закончу здесь кое-какие дела и сразу приду.

Къярт невольно дернулся, когда Аелитт выпроводила мальчика за дверь.

— Или ты хотел, чтобы он остался и все увидел? — она вопросительно посмотрела на него. — Я могу заставить его смотреть, если это то, что тебе понравится, мышонок. У вас, некромантов, порой такие дивные желания.

Как же ему хотелось дотянуться до нее. Коснуться хотя бы кончиком пальца — ему бы хватило и этого, без всяких сомнений. Нужно только чтобы она приблизилась.

И Аелитт подошла. Вновь ослабила цепи. Выбрав удобный момент, Къярт попытался схватить ее, но она оказалась быстрее. Сжала запястья обеих рук, впившись ногтями, и прижалась грудью к спине.

— Хватит вредничать, мышонок. Или я сочту, что неправильно истолковала твой взгляд.

Она выпустила его из хватки, когда в зал ввели очередного бритоголового парня с рисунком змеиной чешуи по всему телу.

— Я хочу узнать твое решение, мышонок, — Аелитт встала за спиной приговоренного.

Чертова Аелитт. Если он не даст ей желаемое, она убьет мальчика. А затем приведет следующего ребенка. Уповать на то, что она решит, что ошиблась, и Къярту просто плевать, не стоило. Как она и сказала, его взгляд был слишком красноречив. Но даже если она решит попробовать что-то другое, готов ли он пожертвовать жизнью ребенка? Окажись на его месте Райз, и Къярт был уверен: тот даже и раздумывать не стал бы. Да и что тут думать? Подчинись ей один раз — и придется подчиняться все последующие.

Но Къярт не смог. Понимал, что продолжать ничего не делать — верное решение, но не смог переступить через себя. И пусть в голове громыхал голос Райза, что спасая одну жизнь сейчас, позже он погубит в разы больше, Къярт укрылся за верой в то, что Аелитт не остановится на одном только этом мальчике и будет приводить детей одного за другим, пока он не сдастся.

— Верное решение, мышонок, — она прочла все в его взгляде и коснулась макушки стоящего на коленях парня. — Я встречу тебя на той стороне, мой воин. Забирай его, мышонок.

Она отступила на шаг назад, и Къярт коснулся его плеча.

Внутри приговоренного было невероятно много энергии. Не столько, сколько в спруте, но в разы больше, чем у Дамериона. Она хлынула в руку жидким огнем, на мгновение одурманила сознание.

Когда парень замертво упал на камень у его ног, Къярт замер. В глазах женщин читалось непонимание и даже капля осуждения. Аелитт же торжествовала.

— Первый уровень, мышонок. Я жду.

Къярт опустил взгляд. Если выкинуть какой-то фокус, она точно убьет ребенка. А он толком ничего не знает о ее силе, силе ее помощниц и силе того, кого он должен был призвать. Делать ставку на то, что бритоголовый сможет с ними справиться — безумие. Нет, Аелитт не стала бы так рисковать, тем более если она не первый раз имеет дело с некромантом.

Одной рукой Къярт коснулся головы парня, другой — своего предплечья. Пусть сейчас он ничего не может противопоставить Аелитт, но это изменится, когда он узнает о ней и о месте вокруг больше. Он надеялся, что сможет это изменить.

Окунуться в заводь было подобно глотку свежего воздуха. Здесь не было сдерживающих

его цепей. Не было Аелитт. Только соленая вода, белоснежный песок и якорь, удерживающий душу Ашши.

Къярт не ожидал, что ему будет настолько приятно увидеть ее — будто он был не один, запертый в клетке, из которой не мог вырваться. Хотел бы он остаться здесь. Но бегство не являлось решением. Тем более когда это было всего лишь бегство внутрь собственного сознания.

От искомой души, как и от всех остальных, веяло жаром. Желая поскорее со всем закончить, Къярт шагнул в нее.

Он родился в этом месте и никогда не покидал его стен. Он рос вместе с другими мальчиками, тогда как девочек воспитывали отдельно. Не знал ни матери, ни отца, только двух женщин, смотрей, которые обучали и тренировали их. Они звали это место гнездом, а себя — фуриями. Когда-то давно так их называли люди. Так и осталось. У них не было истории, не было прошлого. Только настоящее и Аелитт. Кроме смотрей и тех, с кем он рос, она была единственной, кого он видел. Где-то в гнезде были и другие. Были взрослые, такие как Оока, пусть они и выглядели одногодками. Но для призванных время останавливалось, а значит тому с равной вероятностью могло быть как двадцать, так и все сто. Как долго жила Аелитт никто не знал.

Фурии умели трансформироваться. Участки чешуи, местами покрывающей их человеческие тела, свидетельствовали о том, что у фурии достаточно сил для превращения.

Но детям было запрещено превращаться. Во всяком случае, мальчикам. Их всех ждало «перерождение», в процессе которого они умирали и возвращались в роли призванных — кто-то первого уровня, а кто-то, кому повезет, второго. В царящем в гнезде матриархальном строю для них не было иного пути. Наверное, потому им и запрещали трансформироваться, чтобы они не отрасли крылья и не сбежали на край мира.

Къярт открыл глаза и посмотрел на Аелитт. Точка привязки чернела на руке.

Смотрей двинулись было к призванному, чтобы не дать тому пошевелиться, пока контроль над ним полностью принадлежит Къярту, но Аелитт остановила их:

— Нет. Уйдите, — в ее голосе зазвучали властные нотки, но она тут же смягчилась, когда смотрей покинули зал. — Молодец, мышонок. Ты все делаешь правильно.

Она открыла стоящую на столе шкатулку и достала из нее три иглы, головки которых соединяла тонкая цепь; переступила через продолжающего лежать на полу призванного и затянула цепи.

— Будет немного больно.

Къярт покосился на зависшую над меткой иглу и вздохнул. Что же всех так тянет настигать его иглами? Что в прошлой жизни, что в этой.

На игле, кроме едва различимого рисунка были зазубрины, как на рыболовном крючке. Так что попытка вытащить ее привела бы к повреждению печати. Хороший способ лишить Аелитт ее бойцов, но вряд ли это сможет ему помочь.

— Я очень аккуратно, обещаю, — сказала Аелитт и воткнула первую иглу по самое ушко.

И правда, всего лишь укол, за которым последовали еще два, а затем — ничего. словно между ним и призванным встала прозрачная стена. Къярт по-прежнему чувствовал его, мог передать энергию, но не мог отдать приказ или поставить какую-либо из печатей.

— Вот и все, крошка-мышонок, — Аелитт взъерошила его волосы. — А ты столько упрявился. И зачем?

Призванный поднялся на ноги и вышел из зала.

— Я уже приказала Ооке вернуть мальчика родителям. Рада, что ты образумился. Мне бы не хотелось причинять ему вред.

Къярт тихо хмыкнул и закрыл глаза. Конечно же. Именно поэтому она и притащила ребенка сюда — чтобы не причинять вред.

— Я не монстр, мышонок, — Аелитт коснулась его подбородка и повернула лицо к себе, вынуждая встретиться с ней взглядом. — Мы не вредим людям без крайней необходимости. Бессмысленная жестокость — прерогатива человеческого вида. Почему ты осуждаешь меня, при этом являясь некромантом? Вы же не щадите никого, заботитесь только о собственной выгоде. А я всего-то пытаюсь обеспечить выживание моей семьи. Так что я не думаю, что один из тех, кто без малейших зазрений совести истязает своих же собратьев, имеет право осуждать меня.

Къярт дернул головой, высвобождая подбородок из ее пальцев.

— Ты очень странный, крошка-мышонок, — задумчиво произнесла она и ушла.

В словах Аелитт был смысл. Ополчившись на фурию, Къярт даже не подумал о том, что в ее глазах он — очередное чудище, которое та же Кара незамедлительно убила бы. И пусть он стал некромантом не по собственной воле и не собирался перенимать их привычки и обычаи, об этом знали только он и Райз.

После того, как он дал ей желаемое, Аелитт стала приходить чаще. Каждый раз она приводила нового парня, с трепетом ждущего «перерождения». Теперь Къярт точно знал, что они с радостью готовы принять свою судьбу. Но иначе и быть не могло: с самого младенчества их убеждали в том, что это их долг, и что, переродившись, они обретут еще большую силу и долголетие. Что, впрочем, не было ложью.

Больше смотрей не появлялись. Похоже, оставаться наедине с призванным и Къяртом, тем самым демонстрируя свое превосходство, доставляло Аелитт особое удовольствие.

Къярт больше не сопротивлялся. Он знал, что в случае чего, фурия снова начнет угрожать ему чужой жизнью, и вел себя тихо. Он не смирился со своим положением и даже не собирался, но Аелитт не нужно было об этом знать. Как и о том, что кое чьи визиты все же его радовали.

Кроме Аелитт и приводимых ею парней время от времени появлялся Оока. Без лишних слов и взглядов он регулярно менял свечи в канделябрах. После того, как Къярт принял правила игры Аелитт, она следила за тем, чтобы он не оставался в темноте.

Ооку призвал другой некромант, пусть поначалу он считал его живым. Может, тот «переродился» уже после того, как схватил Къярта? Но почему тогда Аелитт медлила с ним? Ни одного из тех, кого она приводила, не выпускали из гнезда до «перерождения».

В чем бы ни была причина, то, что Ооку убили и призвали, играло Къярту на руку. Оока был призванным второй ступени и, по всей видимости, сильным. Вряд ли его сила превосходила силу Аелитт, но ее точно должно было хватить, чтобы помочь Къярту сбежать. Нужно только перехватить контроль. Повезло, что Къярт выучил необходимую печать до того, как его схватили. И пусть начинать сразу с перехвата на расстоянии, пропустив этап с касанием, было той еще задачей, он знал, что однажды у него получится. А до тех пор он не будет давать Аелитт поводов для волнений.

Все шло по проторенному пути: призванные, привязки, покрывающие правую руку вместе с иглами, попытки получить контроль над Оокой. Пока Аелитт не явилась с хищной улыбкой и мешком в руке. С каждым шагом фурии со дна мешка срывалась капля и

оставляла на полу темный след.

— У меня для тебя подарок, мышонок, — елеиным голосом произнесла она. — Почему ты не сказал, что тебя будут искать? Я оказалась совершенно неподготовленна к визиту твоего друга. Представляешь, он пересек море и каким-то чудом смог отыскать тебя здесь.

В груди похолодело. После всех поглощений энергии фурий, внутри словно бурлила расплавленная сталь. Но сейчас он отчетливо ощутил, как эта сталь застыла и провалилась в желудок.

Его взгляд дернулся к мешку, что Аелитт держала за спиной и не показывала целиком.

— Довольно бесцеремонный парень, знаешь ли, — пожаловалась она и виновато улыбнулась. — Он не дал мне выбора, хотя я предпочла бы оставить подобный экземпляр в живых. Так что вот.

Къярту казалось, что с того момента, как рука Аелитт исчезла в мешке и появилась вновь, прошла вечность.

— Оставлю ее здесь, — она продемонстрировала оторванную голову Когтя и поставила ее на стол. — Будешь и дальше послушным мальчиком и, может быть, я разрешу тебе призвать его. Не переживай, я сохраню его тело в целости.

Только когда Аелитт ушла, Къярт позволил себе выдохнуть. Закрыв глаза, он устало склонил голову к груди. Его бил озноб.

Нужно было очень постараться, чтобы спутать очертания гривьей головы с человеческой — хотя бы из-за разницы в размерах. Но когда Аелитт заявила с чертовым мешком, еще и в неверных тенях от множества свечей, Къярт слишком испугался, чтобы мыслить рационально и сразу понять, что неожиданным гостем был не Райз.

Когда вид оторванной головы Когтя перестал будить едва сдерживаемую злость, Къярт потратил некоторое время, чтобы убедиться, что она именно оторвана, а не отрезана. Вероятно, голыми руками. Убила ли Аелитт Когтя сама, или же ей помогли — не имело значения. Уже одного этого факта хватило, чтобы понять: фурии на порядок превосходили гривов в силе.

Кроме малоприятного «подарка» тот день принес еще и информацию о примерном расположении гнезда. Аелитт обмолвилась, что Коготь пересек море и, скорее всего, речь шла об относительно узком участке, разделяющем Афракский Союз и континент на юге от него. Возможно, грив не пересекал никакое море вплавь, а переплыл на корабле вместе с Райзом, и был отправлен тем в гнездо с... с какой целью? Передать сообщение, что тот близко?

Къярт одновременно хотел этого и нет. Райз не из тех, кто станет сломя голову лезть в западню, но риск что-то не учесть был слишком велик.

Глядя на огарки, Къярт ждал прихода Ооки, когда в зале появились две девочки лет двенадцати на вид. Сперва он решил, что Аелитт собирается потребовать что-то еще, что наверняка придется ему не по вкусу — раз она решила повторить свои угрозы. Но после заметил на плечах и шее девочек чешую. Они тоже были фуриями.

Глазая на него, точно на какую-то диковинку, они шаг за шагом приближались. Одеты в легкие платица, одна с русыми, другая с рыжими волосами, они выглядели как самые обычные дети, но их взгляды принадлежали хищникам, а не людям. Даже их манера двигаться чем-то походила на звериную — совсем не как у Аелитт, которую было не отличить от человеческой женщины, если бы не ее глаза и чешуя вокруг них.

Они подошли совсем близко, а одна и вовсе встала рядом с его рукой так, что он мог попробовать ухватить ее за плечо. Похоже, они ничего не знали о его силе.

Къярт закрыл глаза, чтобы не видеть их, чтобы не смотреть на любезно предоставленную возможность сбежать. Если Аелитт так пеклась о своем племени, можно было бы попытаться выменять жизнь маленькой фурии на свою свободу.

Да, можно было попытаться. Но он не собирался этого делать. Хорошо, что этого не видел Райз, иначе назвал бы его идиотом и устроил бы очередную выволочку. Он, конечно, был бы прав, но Къярт еще не настолько отчаялся. Тем более Аелитт могла только посмеяться над ним, или же кто-то из этих детишек просто оторвал бы ему голову.

Къярт понял, что последнее может оказаться очень близко к правде, когда грудь полоснула боль.

Он открыл глаза и уставился на русую девочку, чья кисть трансформировалась в чешуйчатую лапу. Облизав испачканные в крови когти, она пихнула плечом более нерешительную подругу, и та тоже трансформировала руку.

Появившаяся будто из ниоткуда Аелитт налетела на них, словно коршун. Схватила обеих за волосы и отбросила в сторону.

— Вы что здесь устроили?! — прошипела фурия. — Он вам игрушка, что ли?

Перепуганная до смерти, рыжеволосая упала на колени и прижалась лбом к камню, тогда как вторая попыталась улизнуть за дверь.

Аелитт поймала ее за руку и отшвырнула к стене.

— У кого-то большие неприятности, — пророкотала она и направилась к девочке.

В зал влетела девушка и заслонила ребенка. Она бросила в сторону Къярта испепеляющий взгляд и, посмотрев на Аелитт, отрицательно замотала головой.

— Прочь, — приказала Аелитт.

— Он всего-то ничтожный человек!

— Он — ваше будущее.

— Чушь!

Къярт не успел проследить за ее движением, когда она схватила вставшую на ее пути фурию за горло и подняла в воздух.

— Ты бросаешь мне вызов? — от голоса Аелитт по спине пробежал холодок.

Ее кожа оставалась так же бледна, а облик неизменен, тогда как руки ее противницы, пытающиеся ослабить хватку, начали трансформироваться.

— Давай же, обращай полностью. Дай мне повод раз и навсегда покончить с твоей строптивостью.

Девушка замерла. Помедлив, она убрала руки и вернула им человеческий вид.

— Кто бы сомневался, — холодно произнесла Аелитт и опустила фурию на землю. — Пошли вон. Все трое!

Похватав девочек, бунтарка выбежала из зала.

Аелитт обернулась и, с тревогой посмотрев на Къярта, кинулась к нему.

— Прости, крошка-мышонок, их не должно было здесь быть, — произнесла она, рисуя вокруг ран на груди исцеляющую печать. Как и в прошлый раз в роли чернил она использовала его кровь. — Как видишь, непослушание не только человеческая слабость. Мне жаль, что они навредили тебе. Молодые особи плохо контролируют свои инстинкты. Подобного больше не повторится, обещаю. Ты же не сердись?

Аелитт заглянула ему в глаза.

Къярт не сердился. Он слишком устал от творящегося вокруг безумия, чтобы продолжать злиться. Даже Аелитт больше не вызывала в нем прежней неприязни. Все, чего он хотел — чтобы все закончилось, чтобы он мог забыть гнездо фурий как дурной сон.

— Скажи мне свое имя, мышонок, — попросила она. — Я хочу его узнать.

Къярт молчал.

— Ты же понимаешь, что я могу заставить тебя назвать его. Мы оба знаем, где слабое место в твоём странном некромантском сердечке, — Аелитт коснулась пальцем его груди в области сердца.

Къярт сцепил зубы. Теперь она могла потребовать от него все, что угодно — достаточно пригрозить чужой жизнью, и он не сможет отказать.

— Но я не буду тебя заставлять, — фурия улыбнулась. — Это всего лишь мой каприз, который не стоит такой жестокости. Тем более, я хочу чтобы ты сказал свое имя по собственной воле. И однажды это случится, мышонок.

Аелитт ушла.

Къярт посмотрел на голову Когтя. Получится ли у него освободиться до этого момента? Или после случившегося Аелитт наглухо запрет дверь, и Оока перестанет приходить?

Но тот продолжал являться. Еще шесть смен свечей, за которые Къярт так и не смог сдвинуться с мертвой точки. Казалось, сейчас он не сможет перехватить контроль даже над обычным умертвием. Что, если окружающие его печати не позволяют использовать его собственные? Нет, тогда он не смог бы призывать.

После седьмой смены свечей Аелитт снова пришла: с испачканными в крови руками и рассеянным взглядом. Къярт больше не пытался гадать, что произошло на этот раз.

Аелитт опустила на пол рядом, прислонилась спиной к его бедру.

— Уланн бросила мне вызов, — после долгого молчания сообщила она. — Может, я и правда делаю что-то не так? Поговори со мной, мышонок, пожалуйста.

Она запрокинула голову и встретилась с ним взглядом. В ее глазах поселилась грусть.

Къярт не мог разобраться, жаль ему Аелитт или нет. Их сложно было назвать друзьями, а всю сложившуюся ситуацию — чем-то приятным. Но раз он все равно устал злиться, единственные чувства, что могли в нем появиться, не несли негативного оттенка. Однако это ничего не меняло.

— Какой же ты упрямый, крошка-мышонок, — Аелитт вздохнула и отвернулась. — Я бы послушала твой совет. Далеко не все сестры одобряют мои действия. Некоторые считают, что я должна отпустить тебя и остальных: отпустить или убить, и прекратить проводить перерождения. Они слишком молоды и не помнят, как было, когда братья сами распоряжались своей свободой. Но мужчины самоуверенны и непокорны. Они всецело отдают себя какой-то одной безумной идее. Им кажется, что они могут свернуть горы, а заканчивается все свернутыми шеями. Однажды их гордыня почти погубила весь наш вид.

Аелитт поерзала, устраиваясь поудобнее у его ноги.

— Моя мать полагала, что сможет контролировать их нрав, не прибегая к моим методам. В итоге братья едва не устроили в гнезде переворот. Но я бросила ей вызов раньше. Так мы поступаем, мышонок, когда считаем, что глава ведет нас неверным путем: устраиваем поединок, в котором выживает только один — тот, у кого достаточно силы, чтобы заботиться о племени. Моя мать провела всего два поединка: первый сделал королевой ее, второй — меня. А Уланн была для меня пятой. Я не понимаю, мышонок. Моя семья никогда не была так сильна, как сейчас. Они не могут этого не видеть. Но все равно выражают недоверие.

Аелитт замолчала.

Она еще какое-то время так просидела, в итоге задремав. Фурия была совсем близко, но из-за цепей Къярт не мог дотянуться до нее и пальцем.

Все вернулось в прежнее русло: Аелитт, призывы, Оока с его свечами. Къярт не бросал попыток взять того под контроль, но от надежды, что это удастся, остались жалкие крохи.

Он мог только предполагать, сколько прошло времени с того момента, как он оказался здесь. Ему удавалось досчитать в среднем до девяноста тысяч между приходами Ооки, так что можно было предположить, что тот обновлял свечи раз в два дня.

Оока поменял их двадцать два раза, когда Къярту удалось перехватить над ним контроль.

Он толком не успел это осознать, когда внутренности скрутила боль, а душу словно бы потащило из тела клешнями. Схватив ртом воздух, он коснулся указательным пальцем внешней стороны большого, ставя метку, и боль ушла. Так вот что имел в виду Фелис, когда

предупреждал, что перехват контроля над призванным — не самое приятное дело.

Оока выронил свечу и, обернувшись, в непонимании уставился на Къярта. Осознание произошедшего пришло к нему довольно быстро: в его глазах появился страх.

— Освободи меня, — собственный голос показался Къярту совершенно чужим. — И тихо.

Оока повиновался. Страх сменился злостью, граничащей с ненавистью. Вероятно, он тоже не разделял взгляды Аелитт и теперь лично столкнулся с подтверждением своих опасений.

Щелкнули кандалы на одной руке, затем на второй. Радость от вновь обретенной возможности шевелить руками омрачала сопровождающая каждое движение боль от игл.

Нет, их трогать нельзя. Если Аелитт почувствовала, что ее контроль над Оокой потерян, она бросится к призвавшему его некроманту, и у Къярта будет больше времени, чтобы сбежать. Если же тронуть его собственные печати, фурия поймет, что к чему.

— Выведи меня из гнезда. Без шума и...

— Мышонок!

Аелитт застыла у входа, в растерянности посмотрела на Ооку и перевела взгляд на Къярта.

— Не делай этого, мышонок, — попросила она, закрывая дверь. — Пожалуйста.

Убей.

Не нужно было слов — только мысль.

Оока видоизменился за одну секунду. Теперь стало ясно, почему все, кого Къярт видел в гнезде, носили свободные одежды. Трансформировавшись, тела фурий увеличивались в размерах. Но кроме покрывших спину и плечи острых наростов Оока выпустил гигантские — каждое три метра длиной — крылья, словно у летучей мыши. Рубашку разорвало в клочья, демонстрируя черную с синим отливом чешую. Увенчанный шипами хвост чиркнул по камню.

— Оока, остановись, — сказала Аелитт, пусть и понимала, что тот не может воспротивиться воле некроманта.

Аелитт не хотела с ним биться. Она не трансформировалась даже когда Оока кинулся на нее, умудрился схватить и отбросить к стене.

Почему она не обращалась? Потеря контроля над призванным ударила и по ней? Къярт не имел ни малейшего понятия, как работают ее иглы, и не знал, чем такой перехват чреват для самой Аелитт.

Или же она полагала, что достаточно сильна, чтобы справиться с Оокой не теряя человеческой формы?

Следовало исходить из наихудшего варианта, а значит, Ооке одному с ней не справиться. И сбежать она им не позволит.

— Остановись, мышонок, пока еще не поздно, — она медленно поднялась на ноги и тут же оказалась схваченной.

Похожие на когти выросты на концах крыльев чиркнули стену, а руки сжались на горле Аелитт. Къярт заметил, как ее шея под пальцами Ооки покрылась серебристыми чешуйками. Нет, тому с ней точно не справиться. И не выиграть достаточно времени, чтобы Къярт успел залечить подколенные сухожилия и мог хотя бы попытаться что-то противопоставить ей.

Оока ударил Аелитт головой о стену, второй, третий раз и швырнул на пол под ноги Къярта.

Она перехватила его запястье в паре сантиметров от своего плеча.

— Отзови его, мышонок. Сейчас же, — его пронзил взгляд двух алых угольков.

Аелитт угрем вывернулась из рук попытавшегося схватить ее Ооки. Она трансформировала только руки и ноги по колено, юркнула за спину противника, забралась на нее, схватившись за крылья, обхватила ногами шею и одним стремительным движением оторвала голову. Но мертвец не нуждался в голове.

Печать за печатью Къярт пытался укрепить его тело, направить, но с каждым новым рывком Аелитт отделяла от того новую часть. Левая рука, половина правого крыла, нога. Она рвала Ооку на кусочки, словно тот был сделан из бумаги, и даже сквозь заливавшую ее кровь было заметно алое сверкание когтей.

Когда на полу остались одни ошметки, Къярт все еще мог попытаться собрать их воедино. Но Аелитт не собиралась давать ему на это время.

Подлетев, она ударила его по лицу. Била ладонью, не кулаком, но по ощущениям это было сравнимо с ударом веслом.

Къярт упал на пол, рот наполнился металлическим привкусом крови. В следующее мгновение пятка Аелитт опустилась на его кисть, раздавливая большой палец, а вместе с ним и печать, что удерживала душу Ооки.

Прилетевший в живот пинок опрокинул Къярта на спину. Тягаться в силе с фурией можно было с тем же успехом, что и пытаться поймать летящую пулю.

Аелитт села на его живот, и в ослепленном болью сознании пронеслась мысль, что другого момента прикоснуться к ней не представится. Наивная, глупая мысль, ведь фурия прекрасно знала, чем подобное прикосновение обернется для нее.

Он едва шевельнулся, как когти рассекли мышцы чуть выше локтя. Руки бессильно упали на пол. Аелитт сцепила пальцы в замок, замахнулась над головой Къярта и с полным отчаяния криком ударила.

Треск расколовшегося камня резанул по ушам.

Она, тяжело дыша, сверлила Къярта взглядом. От ее кистей, проломивших камень над головой и едва касающихся макушки, веяло жаром. Растрепавшиеся волосы фурии щекотали щеку.

Последний раз шумно вдохнув, Аелитт обмякла, уткнулась лбом в лоб Къярта, закрыла глаза.

— Что же ты наделал, глупый крошка-мышонок, — прошептала она.

Аелитт отстранилась. Посмотрела на останки Ооки, затем на Къярта. Слезла с его живота и села рядом.

— Не дергайся, — тихо произнесла она и коснулась его лба когтем, оставив длинную царапину.

Аелитт рисовала печать: вырезала ее прямо на коже, и вскоре из-за боли, охватившей весь лоб, Къярт перестал различать ее рисунок. И что фурия собиралась сделать? Полностью лишить его возможности двигаться? С перерезанными подколенными сухожилиями и бицепсами его подвижность была сравнима с подвижностью колоды, а скрутившая внутренности боль не позволяла даже перекатиться на другой бок. Похоже, тот удар в живот не прошел бесследно, и Къярт все отчетливее ощущал подступающую к горлу вместе с кровью тошноту.

Аелитт оставила его лоб в покое, вернула левой руке человеческий облик и принялась царапать свою ладонь когтем, излучающим слабое красное мерцание. Къярт забеспокоился всерьез. Что, если она попытается как-то подчинить его себе? Не угрозами, а чем-то схожим с печатами некромантов, только примененных к живому человеку. Он ведь по-прежнему ничего не знал о магии, которой владели фурии. Но что бы Аелитт ни намеревалась с ним сделать, он никак не мог ей помешать.

Завершив рисунок, фурия прижала ладонь к его лбу, соединив две печати. Тело захлестнули волны жара.

Этот жар был сродни тому, который Къярт чувствовал, когда поглощал чужую жизненную энергию — только намного живее, своевольнее, неконтролируемое. Он собирался в мягкие теплые комки над локтями и под коленями, растекался в животе, словно растопленный на солнце мед, согревал щеку, на которую пришелся первый удар Аелитт.

Боль угасала.

В непонимании, Къярт уставился на фурию. Ее глаза были закрыты, а веки подрагивали. Чертово место и чертова Аелитт.

Она исцеляла его раны, и поняв, что один из бицепсов полностью восстановился, Къярт предпринял последнюю, отчаянную попытку прикоснуться к руке, что лежала у него на лбу.

Аелитт перехватила ее не глядя, и только после этого открыла глаза и с упреком посмотрела на него.

— Все никак не утомнишься, мышонок? — спросила она, устало улыбнувшись. — Лежи смирно, я еще не закончила.

И снова закрыла глаза.

Къярт не стал пытаться что-либо сделать, когда зажила вторая, пока еще свободная рука. Все было тщетно. Его скорости не сравниться с реакцией фурии. Пусть Фелис и потрудился над его телом, это было всего лишь тело человека.

Последней зажила выцарапанная на лбу печать. Боли не осталось. Способность двигаться вернулась, но это не слишком меняло его положение.

— Так намного лучше, — Аелитт убрала ладонь от его лба и отпустила предплечье. Поднялась на ноги. — Вставай.

Она приглашающе протянула ему руку.

Приподнявшись на локтях, Къярт пытался сообразить, в чем же подвох.

— Ты же столько раз хотел сделать это, мышонок, — Аелитт усмехнулась. — Так чего теперь медлишь? Или тебе интересно прикасаться ко мне, только если я против?

Чертова Аелитт.

Сжимая ее ладонь в своей, Къярт ждал, что больше не почувствует тока чужой жизненной силы в руке. Возможно, той печатью фурия не только залечила его раны, но и как-то подавила его силу. Или же с помощью крови обрела к ней иммунитет.

Эссенция жизни хлынула переворачивающим все вверх дном потоком. Ее объемы и рядом не стояли с теми, что хранили исполины, но сколько бы Къярт ни поглощал ее, она не убывала — словно бы скорость ее восполнения превышала скорость поглощения.

Къярт успел заметить, что часть чешуек вокруг глаз Аелитт пропала, когда ее рука тут же выскользнула из его, пальцы сжались на запястье, и она, оказавшись за его спиной, заломила ему руки.

— Довольно, мышонок, — проворковала она и ткнулась носом в его шею. — Тебе не сбежать от меня, как бы ты ни старался. Смирись с этим.

Она мягко толкнула его в сторону столбов, между которых он провел не одну неделю.

— На колени.

Аелитт права: ему не сбежать. Только если случится какое-то чудо, но Къярт не верил в чудеса. Но и подчиняться не собирался. Даже если ему сидеть здесь до скончания времен, он не станет облегчать Аелитт задачу.

— Я не хочу снова делать тебе больно, мышонок. Я не такая, как ты. На колени, — повторила она.

Проклиная все на свете, он выполнил приказ.

— Умница.

Кандалы снова защелкнулись на запястьях.

Закончив с ним, Аелитт осмотрела место драки с Оокой. От вида его ошметков, рваных, сочащихся кровью, к горлу подкатила тошнота, и Къярт отвернулся.

— Глупый крошка-мышонок, — Аелитт покачала головой и принялась убирать останки.

Она не спешила. Делала все медленно, будто бы нехотя, но и не звала никого на помощь. Время от времени бросая на нее короткие взгляды, Къярт замечал, что ее щеки блестят от слез.

Аелитт несколько раз уходила: унести собранные части тела, затем сменить воду в тазу, в которой полоскала разорванную рубашку Ооки, из которой сделала половую тряпку. В итоге она оставила Къярта больше, чем на час, после чего вернулась с влажными волосами и в чистом платье без единой капли крови на теле.

— Кто ты?

Она задала этот вопрос впервые. Ее губы больше не улыбались, брови хмурились, а взгляд пристально следил за мимикой пленника.

— Тебе не нужны заклинания, чтобы призвать душу. Ты можешь забирать контроль над чужими призванными и вытягивать жизнь простым прикосновением. Если первые две вещи доступны всего нескольким некромантам из самых верхушек ковенов, то на последнее не способен никто из них. Мне надоели эти игры, мышонок. Я хочу знать, кто ты такой.

Къярт посмотрел на нее с мрачным упрямством. Похоже, дальше последуют угрозы, и его ответ вряд ли удовлетворит фурию. Скорее всего она даже не поверит ему.

— А ты, как всегда, не хочешь говорить, — вздохнула Аелитт. — Я узнаю твою тайну, мышонок. Однажды я все узнаю.

До следующей смены свечей она пришла еще раз: с кувшином теплой воды и платком, смыть запекшуюся кровь Къярта — с лица, с рук и ног, с груди.

Исподлобья следя за фурией, он пытался понять, что творится в ее голове. Как ее гнев так быстро сменился на милость, и почему она вела себя так, будто бы всего несколько часов назад ей не пришлось убить своего собрата из-за его действий? Технически Оока уже был мертв, но вряд ли Аелитт относилась к нему, как к мертвецу.

Но ответов не было.

Къярт думал, что после его выходки Аелитт оставит его сидеть в темноте, но ошибся. Теперь она сама меняла свечи, но в отличие от Ооки не уходила сразу, а садилась рядом — даже принесла украшенную вышивкой подушку, чтобы не сидеть на голом полу — и болтала о всякой ерунде. Жаловалась на сестер, которые продолжали плести за ее спиной интриги; на детей, за которыми постоянно требовался глаз да глаз; на других ее узников-некромантов, наводящих на нее скуку.

Наверное, Аелитт считала, что эти беседы в итоге разговоят и Къярта, но он продолжал молчать. Это был его личный маленький бунт — единственное, что он мог еще делать наперекор желаниям фурии.

Он сбился со счета времени. Его память не позволяла забыть измеренные в свечах дни, поэтому он просто перестал считать. Время потеряло смысл. Его прошло так много, что Къярт перестал верить в то, что когда-нибудь ему удастся вновь обрести свободу.

Он не пытался связаться с Ашшей. Пусть их разделяли тысячи километров, он все равно мог отдать ей приказ, но это неизменно подвергло бы ее опасности. Она — просто знающая печати девушка, и если даже Къярт с его силой не смог выбраться, а Райз — как-либо ему помочь, ее уж точно не следовало впутывать во все это.

Къярт не знал, жив ли еще его напарник. Прошло много времени, а тот никак не давал о себе знать. Но Къярт продолжал держаться за однажды сказанные тем слова, что никогда не знаешь, когда кромешную тьму разорвет вспышка света.

И свет вспыхнул. Гнездо содрогнулось, а вместе с ним и Къярт. Он вскинул голову и впился взглядом в дверь. Что-то случилось. Что-то однозначно произошло.

До него донеслись отголоски женских криков. Или же они померещились ему? Нет, он точно что-то слышал!

Къярт не знал, что обрадовало его больше: то, что все наконец-то закончится, или же осознание, что его напарник оказался жив и здоров.

Выбитая одним единственным ударом дверь слетела с петель.

Это был не Райз.

В зал ворвалась трансформировавшаяся фурия с наполовину оторванным крылом и замерла. Следом за ней в проеме появился невысокий мужчина с забранными в хвост волосами и косым шрамом на щеке.

— Здесь еще один, — обернувшись, сообщил он и подбежал к Къярту. — Уже и не ждал, да?

Он ухмыльнулся и, схватив за цепочку, выдернул из руки Къярта первую тройку игл. Боль от разрушенной печати смешалась с болью от разорванной плоти.

— Ты уж извиняй, нежничать некогда, — выпалил мужчина, выдергивая иглы одну за другой. — Чем быстрее избавимся от прислужников этих тварей, тем лучше.

Застывшая за его спиной фурия так и не шелохнулась. Следя за действиями пришедшего ему на выручку человека, Къярт заметил под его воротником черные точки печатей.

Некромант. И по всей видимости, не один.

В дверях появился другой, высокий, одетый во все черное, с тростью в руке и шляпе, будто он пожаловал на светский раут, а не явился разорять гнездо фурий.

— Долго ты там? — нервно поинтересовался он. — Они скоро проломают кожуру, а нам еще нужно успеть отойти к остальным.

— Да, бросим пацана здесь, отлично придумал, — огрызнулся со шрамом, взясь с задвижками на кандалах. — Больше никого не осталось?

— Нет, это последний.

— Все, валим тогда, — некромант расстегнул второй браслет и, подхватив Къярта под локоть, будто у того могли возникнуть сложности с ходьбой, хлопнул его второй рукой по плечу. — Давай, парень, живее, последний бросок.

Приванная фурия первой метнулась прочь из зала, остальные — за ней. А некромант в шляпе, как оказалось, отлично умел бегать.

За спиной осталась длинная череда залов: каждый со столбами и опустевшими кандалами, лежащими на высеченной в полу печати. Къярт насчитал одиннадцать помещений, когда некромант в шляпе свернул в ответвление коридора, и темницы остались позади.

Гнездо было огромно, а ведь Къярт не видел и половины: стены, сложенные из гигантских каменных блоков, уходящий высоко вверх свод, размах помещений, в которых даже обратившейся фурии с крыльями хватит места.

Къярт ждал, когда покажется Аелитт. Всякий раз, когда с ним происходило что-то, что шло вразрез с ее желаниями, она появлялась в считанные секунды. Порой ему начинало казаться, что она и вовсе не отходит от двери его темницы. Но Аелитт не было.

Из-за поворота впереди появилась одна из ее сестер, и, замешкавшись всего на мгновение, бросилась к некромантам. Сопровождавшая их призванная сбила ее с ног. Сцепившись, они покатались по полу шипящим клубком.

— Некогда разглядывать, бегом, бегом! — поторопил Къярта тот, что со шрамом.

Следом за первой в коридоре появилась еще одна фурия. Не раздумывая, она метнулась к бегущему первым некроманту в шляпе.

Что-то металлически звякнуло, на камень выкатилось две черные сферы, а некромант разбил кристалл в наверху своей трости.

Не успев остановиться, фурия влетела во вспыхнувшую перед ней золотистую решетку. Запахло жженым мясом.

Некромант отскочил в сторону, чтобы его не испачкало рассыпавшееся на кусочки тело фурии.

— А я надеялся обойтись без трат, — кисло произнес он, вытряхивая из гнезда трости остатки кристалла. — И откуда только повылазили?

Он подобрал с пола сферы и побежал дальше.

Место стычки с фуриями осталось далеко позади, но в горле все еще стоял гадкий запах горелой плоти. Теперь Къярт знал, почему Аелитт до сих пор не пришла.

Взбежав по двум долгим лестничным пролетам, они встретились с остальной группой: по меньшей мере шестнадцать человек, вторгнувшихся в гнездо, и двадцать три некроманта, которых поймала Аелитт. Отличить их от остальных было несложно. Даже не будь они, как и Къярт, с оголенным торсом и кровоподтеками от выдранных игл, их затравленные взгляды с головой выдавали в них недавних пленников.

Некромантов окружал плотный строй фурий, по большей части парней, но нашлось и несколько женщин: явно не сдавшихся добровольно, судя по количеству и тяжести их ран и частичному отсутствию конечностей. Аелитт среди них не было.

— Почему так долго? — поинтересовался у новоприбывших мужчина с лицом, густо усеянным веснушками.

— Вы упустили двоих, — огрызнулся некромант с тростью. — Скольких еще?

— Спроси чего полегче. Сквозь кожуру никто не прорвался, хоть и пытаются, — веснушчатый поднял палец в воздух, прислушался к сотрясающим гнездо ударам. — Все всборе? — он прошелся по толпе взглядом и удовлетворенно кивнул. — Тогда уходим.

Когда легкие наполнил стылый ночной воздух, на мгновение закружилась голова. Если бы не жар от эссенции в груди, кожа наверняка покрылась бы мурашками.

Небо. Къярт не ожидал увидеть его так скоро. Он вообще не ожидал увидеть его вновь.

На улице стояла осень. Пахло сандаловым деревом и лошадьми. Они замерли чуть поодаль, в глубине сада, точно каменные изваяния. Живых среди них не нашлось.

Повинуясь безмолвному зову, табун направился к некромантам.

— Кто-то конкретно просчитался. Мы думали, что вас будет меньше. Лошадей на всех не хватит, — сопровождавший Къярта мужчина со шрамом взобрался в седло и протянул ему руку. — Придется потесниться.

Помедлив, Къярт сел за ним.

Ни одна живая лошадь не смогла бы скакать с той же скоростью и выносливостью, как у поднятых из мертвых скакунов.

Время от времени, Къярт оборачивался. Чем больше они отдалялись от гнезда, тем сильнее его громада сливалась с пиками горного кряжа. Небо над ним было чистым, и только призванные некромантами фурии кружили в нем.

Къярт больше не был узником Аелитт. Он мог бы порадоваться этому факту, если бы не обстоятельства, при которых он обрел свободу. Сейчас его окружали некроманты, и Къярт сомневался, что у них схожие взгляды на жизнь.

Да, благодаря силе некроманта его примут за своего. Будет много вопросов, но он спишет все на Фелиса, а после, как только выдастся возможность, сбежит. Нужно вернуться к Ашше. Печать-компас приведет Райза к нему, а может, тот перехватит его на полпути. Если Райз все еще жив.

Обернувшись в последний раз, Къярт невольно нахмурился. Перед глазами стоял рассыпавшийся на кусочки силуэт фурии и улыбка Аелитт.

Некромантов, напавших на гнездо, оказалось куда больше. В скором времени отряд замедлил ход и остановился перед ожидающей их у черты леса группой, во главе которой сидел на спине грива их главарь. Его кисти, предплечья, шею — все, что не скрывала одежда, кроме лица — усеяли метки печатей. Одна из них удерживала и грива. Тот выглядел совершенно живым, только вместо глаз зияли пустые провалы, а бока не беспокоило дыхание.

— Без потерь? — сухо поинтересовался всадник.

— Без — с нашей стороны, — усмехнулся веснушчатый тип.

— Все подготовили?

— В лучшем виде.

Некромант кивнул и достал из кармана бледно-синий кристалл. Его губы беззвучно забормотали, а взгляд уткнулся в виднеющееся на горизонте гнездо.

Сначала была вспышка, затем взметнувшееся в воздух облако пыли, в которое осыпались шпиды, и только потом прогремел взрыв.

— Здесь мы закончили, — констатировал главарь. Кристалл в его руке рассыпался мелкой крошкой.

Объединившись в один отряд, некроманты скрылись под сенью леса.

Они остановились спустя несколько часов пути, когда начал заниматься рассвет. На выбранной для привала прогалине развели несколько костров, которые тут же обсели, словно звери водопой, освобожденные. Все они, так или иначе, знали друг друга. Кого-то считали давно мертвым, кого-то — угодившего в руки Братства, а некоторых вообще не ожидали найти у фурий, полагая, что они спрятались на краю мира и спокойно занимаются своими делами вдали от паладинов и всех, кто мог им помешать.

Къярт старался держаться особняком настолько, насколько это было возможно, чтобы при этом не привлекать к себе слишком много внимания, и время от времени поглядывал на рассредоточившихся по периметру лагеря призванных фурий. Отсюда нужно было уходить. По возможности тихо и неприметно, чтобы хватились не сразу. Про него вообще должны были бы забыть: его никто не знал и никто не был как-либо связан с ним. Но некромант, тот, что со шрамом, почти не спускал с него глаз. Къярт то и дело ловил на себе его взгляд, и с каждым разом этот взгляд и то, как он отворачивается и о чем-то говорит с сидящими рядом, нравилось все меньше.

Отсюда нужно было уходить.

— Эй, парень! Да, ты, подойди-ка сюда, — позвал тот и приглашающе махнул рукой.

Его лицо не выражало неприязни или недоверия, чего нельзя было сказать о тех, кто сидел рядом с ним. Один из них, больше похожий на не вылезающего из кабаков мордворота, не стал дожидаться, пока Къярт как-либо отреагирует, а сам поднялся на ноги и направился к нему.

— Это точно он, — резюмировал верзила, остановившись в паре метров. — Узнал его рожу.

— Ничего не перепутал?

Разговоры вокруг стихли, и внимание всех присутствующих обратилось к Къярту. Посмотрел на него и главарь, сидящий в стороне на спине грива и не проявивший за все время к нему и капли интереса.

— Девка Дамериона отлично его запомнила. Это он со своим дружкой пришел его, — верзила с ухмылкой глянул на не расстающегося со своей шляпой и тростью некроманта. — А ты говорил, что бабу лучше живой держать. Видишь, и от дохлых есть толк.

— Ой-ей, — мужчина со шрамом покачал головой. — Не объяснишь, парниш? Чем тебе Дамерион не угодил?

— А ты все со своими разговорчиками, — пробасил верзила и перевел взгляд на главаря. — Он вам нужен?

Некромант безразлично махнул кистью.

— Фурии только шушеру всякую таскают, — скучающим тоном произнес он. — Делай, что хочешь.

— Я хочу призвать некроманта, — хохотнул верзила и ощупал Къярта взглядом. — Давно мечтал попробовать.

Къярт и подняться не успел, как одна из призванных фурий вонзила когти ему в плечи. Он схватил ее за запястье, и в руку хлынула эссенция жизни: не жгучая, но теплая,

принадлежащая призвавшему фурию некроманту.

Кто-то вскрикнул, когда один импульс поглотил всю энергию печати, и фурия мешком повалилась на землю. Не дожидаясь, пока некроманты опомнятся, Къарт бросился прочь.

В поднявшихся за спиной криках он вычленял шорох крыльев. Сейчас опасность представляли не столько некроманты, сколько их слуги. Стоящие тесным строем деревья мешали фуриям, выигрывали для него немного времени, но Къарт сомневался, что этого будет достаточно.

Он едва удержался на ногах, когда внутренности скрутила уже знакомая боль. На предплечье появилась метка печати, а одна из преследовавших его фурий бросилась на успевающую опередить ее сестру.

Къарт постоянно оборачивался, чтобы перехватывать контроль над преследующими его крылатыми. Из-за нехватки практики, он тратил слишком много времени на каждую из них, едва успевая подчинить до того, как его горло разорвали бы когтями.

Когда деревья поредели, Къарт предпринял отчаянную попытку оторваться. Но едва одна из фурий подняла его над землей, как другая, все еще принадлежащая некромантам, набросилась на ту со спины, и они втроем рухнули вниз.

Сердце, как сумасшедшее, стучало в груди, разгоняло по мышцам жар поглощенной энергии.

Все погрузилось в хаос. Одни фурии сцепились с другими, устроенные ими драки задели нескольких некромантов, которые бросились верхом на лошадях следом. Но кажется, надежда сбежать появилась.

Прогремел выстрел, и ногу обожгло огнем.

Споткнувшись, Къарт кубарем покатился по земле. Он позвал фурий, но ни одна из них не пришла. Оставшиеся под контролем некромантов крылатые вместо того, чтобы продолжать его преследовать, бросились на своих братьев, разрывая их на части.

С ледяными уколами одна метка исчезала за другой.

— Любопытно.

Перекатившись на спину, Къарт встретился взглядом с остановившимся в десятке метров от него главарем. Его грив застыл статуей, безразлично глядя на происходящее пустыми глазницами.

Некромант перевернул затвор ружья и прицелился в беглеца.

С неба камнем упала фурия; прижала руки Къарта ладонями к земле, когда он попытался коснуться ее; закрыла его серебристыми с алыми разводами крыльями.

Аелитт вздрогнула, когда дробь прошила ее спину.

— Я быстро, крошка-мышонок, — она устало улыбнулась и одним мощным взмахом крыльев отлетела от него.

Она бросилась на некроманта, и сразу же оказалась в уже знакомом Къарту дыму: гранаты охотников выпускали такой же. Понадобилось меньше секунды, чтобы ее сложенные в защитный кокон крылья превратились в камень.

Грив переступил с ноги на ногу, сделал шаг назад. Некромант на его спине, не сводя с кокона взгляд, достал новую гранату.

Из кокона вырвался крик, камень брызнул крошкой, крылья раскололись и упали на землю, выпуская Аелитт. Ее спина кровоточила, а когти сверкали красным.

Королева фурий пришла не сама. Среди деревьев замелькали еще тени, вокруг которых то и дело разбухали серые облака. Похоже, некроманты осознали, что дело приняло

серьезный оборот, и пустили в ход все имеющиеся у них средства.

Пока фурии были заняты некромантами, Аелитт пыталась добраться до их главаря. Раненая, измотанная, она едва успевала уклоняться от летящих в нее гранат. Ее задело несколько раз, и теперь среди серебристой чешуи на руке и ноге темнели превратившиеся в камень участки. В руках некроманта сверкнул кристалл и сферы, похожие на те, что создали сеть, разрезавшую фурию в гнезде на части.

Аелитт не победить в этой схватке — не в том состоянии, в котором она находилась. Она сможет занять некроманта на какое-то время, но рано или поздно окончательно выдохнется. И лучше этого момента не дожидаться.

Некроманты с фуриями были слишком увлечены друг другом, чтобы заметить исчезновение виновника всего этого переполоха.

Хромая, Къярт бежал прочь. Нужно уходить. Чем дальше он уберется, тем меньше шансов, что его смогут найти. Если некроманты и решат его преследовать, после стычки с фуриями они будут намного слабее. Возможно, он сможет разобраться с ними в одиночку. А если они догадаются потащить с собой призванных — разберется наверняка.

Сейчас же нужно уходить. Нужно бежать и не оборачиваться.

Каждый следующий шаг Къярт делал все медленнее, хоть и понимал, что останавливаться нельзя. Долго Аелитт не продержится, а с простреленной ногой ему дорога каждая секунда.

Къярт остановился. Привалился плечом к дереву. Обернулся. В груди неприятно саднило. Прорывав сквозь зубы, он ударил кулаком по дереву и побежал назад.

Схватка была окончена.

Грив лежал на земле, его лапы валялись в стороне, а сам некромант висел на дереве, надетый грудью на сук, точно кусок мяса на вертел. Землю вокруг усеяли ошметки его приспешников.

Четыре уцелевшие фурии застыли в нескольких метрах от Аелитт. Она смогла снова отрастить крылья, но от них остался только один обломок левого, с помощью которого она силилась подняться на ноги. Судорожно пытаясь вдохнуть, она царапала собственную шею и грудь.

— ...она вдохнула дым, — до Къярта донесся голос одной из фурий.

— Она слаба.

— Из-за нее уничтожено гнездо.

— Недостойна.

— Слаба.

Аелитт нашла в себе силы оскалиться и ударить воздух обрывком крыла, когда одна из фурий сделала в ее сторону шаг. Та на мгновение замерла и, расправив крылья, зашипела в ответ.

Они были готовы растерзать ее: напасть все вместе и разорвать, как заклятого врага. Это читалось в их взглядах, в приготовившихся к нападению телах.

— Назад!

Фурии обернулись в сторону Къярта. Их взгляды скользнули к его руке, в которой он сжимал подобранные гранаты с дымом.

— Отошли от нее. Сейчас же, — произнес он. Голос с непривычки хрипел.

Одна из фурий двинулась к нему, но другая поймала ее за руку.

— Нас и так осталось мало. Пусть забирает ее.

— Ее жизнь и смерть принадлежат нам, — оскалилась та. — Королеву не может убить ничтожный человек.

— Пусть забирает.

Фурия окинула отказавшихся вставать на ее сторону сестер взглядом, посмотрела на Аелитт и фыркнула.

— Пусть забирает, — нехотя согласилась она.

Расправив крылья, фурии взмыли в воздух и полетели к разрушенному гнезду.

Къярт подбежал к Аелитт, перевернул на спину, встретился взглядом с гаснущими угольками глаз. Сложно было представить, что ее кожа может стать бледнее, чем обычно, но сейчас даже потеки крови не могли скрыть ее нездоровой белизны.

Не отрывая взгляда от Къярта, Аелитт замерла. Только мышцы на ее шее вздрагивали, когда горло рефлекторно пыталось втянуть воздух. На ее губах выступила кровь.

— Аелитт, — Къярт подхватил ее одной рукой под плечи. — Аелитт, та твоя двойная печать.

Ее взгляд дернулся к протянутой ладони Къярта и вернулся к нему.

— Аелитт, я не знаю рисунок этой печати.

Она снова посмотрела на ладонь. С трудом подняла руку и коснулась ее когтем. Надавила сильнее.

Неверными движениями она выцарапывала на его ладони печать.

Сколько фурии могут прожить без кислорода? Минуту? Две? Три? Это было единственным, о чем думал Къярт, пока Аелитт вырезала совершенно другой рисунок на собственной груди.

Она держалась из последних сил, и стоило ей завершить печать, как ее рука бессильно упала. Немедля ни секунды, Къярт прижал свою печать к ее.

Он не был уверен, что это поможет. Он даже не знал, достаточно ли для активации просто соединить печати. Но все вопросы отпали, когда жар из его груди хлынул в тело Аелитт.

Ее глаза расширились, а зрачки вспыхнули, будто тлеющие угли, на которые налетел ветер.

Жизненная сила вливалась в фурию импульс за импульсом, возвращая ей здоровый вид.

Аелитт не моргая смотрела в глаза Къярта и закрыла их на мгновение только тогда, когда воцарившуюся тишину нарушило ее дыхание. Сделав несколько глубоких, судорожных вдохов, она затихла. Мягко сжав запястье Къярта, она убрала его руку, разъединяя печати.

Он хотел было подняться, но Аелитт не отпустила.

— Позволь мне уйти, — тихо попросил он.

— Прости, крошка-мышонок, но я не могу.

Идиот.

Глядя на приковавшие его к дереву цепи, Къярт думал о том, какой же он идиот. Если бы Райз предвидел, что он совершит такую глупость, пристрелил бы еще в доме Фелиса.

Он пытался утешить себя мыслью, что его возвращение стоило того. Теперь он знал, как использовать поглощенную эссенцию жизни для лечения других, а это совсем не мало. Не мало ведь?

Он посмотрел на сидящую рядом Аелитт. Застывшим взглядом та следила за разбирающими завалы фуриями.

Когда она вернулась в гнездо, никто не посмел бросить ей вызов. Двойная печать полностью исцелила ее и сделала сильнее, чем прежде. Это чувствовали и фурии. Они смотрели на королеву со смесью благоговения и страха, а на ее пленника — с нескрываемым презрением. И как им только удавалось одновременно почитать королеву и при этом ненавидеть его за то, что он помог ей, а не добил?

— Почему ты вернулся, мышонок? Почему спас?

Потому что идиот. Настолько идиот, что даже не задумывался о том, что будет, если она откажется его отпустить. В тот момент это не имело значения.

Так и не дождавшись ответа, Аелитт вздохнула и снова посмотрела на руины.

— Все потеряно, — рассеянно пробормотала она. — Сколько стараний — и все впустую.

Къярт не сказал бы, что потеряно все. Во время своего вторжения некроманты перебили меньше десятка фурий, по большей мере запечатав их в помещениях гнезда. Взрыв, разрушивший его, убил еще около пары десятков, но большинство выжило, в том числе и молодняк. По итогу, потери исчислялись самим гнездом и «перерожденными», чьи тела теперь откапывали, чтобы Къярт снова мог их призвать. Сейчас Аелитт нуждалась в любых ресурсах, способных укрепить ее положение и защитить племя.

— Зачем ты только пошел с ними, мышонок? Ты же не такой, как они. Ты знал, что они убьют тебя, как только поймут это, — жаждущий ответов взгляд королевы фурий снова впился в него. — Я бы никогда не поступила так с тобой.

Не удивительно. От мертвого некроманта пользы немного.

Къярт хмуро посмотрел на Аелитт. Она и правда ждала, что он снова с ней заговорит. С какой стати, если ей нет дела до его слов?

Грустно улыбнувшись, она понимающе кивнула и отвела взгляд.

— Придется начать сначала. Найти другое место. Провести новую жатву. В этот раз мне тоже придется в нем участвовать.

Къярт покосился на Аелитт. Он понятия не имел, о какой жатве речь, но звучало малообнадеживающе.

— Не бойся, мышонок, я тебя не трону. И не позволю другим. Никому не дам тебе навредить, — она помолчала, прежде чем продолжить: — Больше не будет других некромантов. Мне нужен только ты. Я знаю, твоей силы хватит с лихвой. Главное, чтобы хватило времени.

Лицо Аелитт переменилось, и она отвернулась, подняла взгляд к затянутому серой поволокой небу.

— У нас его совсем не осталось. Пройдет вечность, прежде чем вырастет новое поколение. Даже те дети, что уже рождены, не успеют повзрослеть, — она сокрушенно покачала головой. — Кого я обманываю? Мне не успеть вернуть гнезду силу до того, как придет Орда.

Къарт встрепенулся, и Аелитт это заметила. Их взгляды встретились.

— Прости, мышонок. Как бы я ни старалась, мне не суметь в срок усилить сестер настолько, чтобы Орда согласилась их принять. У нас был шанс примкнуть к ней, но теперь, когда от братьев остались только изувеченные тела, Орда не примет нас. Поглотит, как и всех остальных, — пробормотала она.

Под тяжелым взглядом фурия нахмурилась, тряхнула волосами, села совсем близко.

— Я не отступлю и не сдамся, мышонок, даю слово, — с жаром сказала она. — Сделаю все, что в моих силах, чтобы фурии смогли вернуть свое место в рядах Орды, — Аелитт осеклась, коснулась ладонями щек Къарта и зашептала: — Но если ничего не выйдет, я не потащу тебя следом за собой на дно. Я отпущу тебя, мышонок, и тогда ты сам сможешь примкнуть к Орде. Тебе она не откажет. Твоя сила... она совсем как у тех, истинных.

Къарт мотнул головой, высвобождая лицо из рук Аелитт. Сжав кулаки, он дернул руками в слепой, бессмысленной надежде, что цепи лопнут.

— Я совсем тебя не понимаю, мышонок, — растерянно произнесла Аелитт и сникла под пронзившим ее взглядом.

Идиот. Какой же он идиот.

Раздавшийся грохот наверняка перебудил всех постояльцев гостиницы. Но Райз уже не спал: стремительно нагревающийся шрам разбудил его несколькими секундами ранее. Он наспех натянул штаны, схватил револьвер и один из клинков и сбежал вниз по лестнице.

Тогда как Клык бесновался в стойле, след Когтя и вовсе простыл: осталась только выломанная дверь и клочья шерсти на раскученных прутьях решетки.

Не тратя время на седловку, Райз погнал грива на юг — туда, куда указывал шрам-компас. Бросившийся следом за хозяином Коготь должен был бежать где-то впереди, но под небом, затянутым плотными облаками, стояла темень.

Грив несясь карьером, и расстояние до цели сокращалось. Впереди выросли округлые макушки сосен и возвышающиеся над ними каменные глыбы: ландшафт уходил вниз, спускался в окруженные лесом скалы. Райз надеялся, что это замедлит тех, кто схватил Къярта — все же в проворности с гривами сложно тягаться. Но на деле вышло иначе.

Клык носился среди скал, забирался на них, когда попытка отыскать проход ни к чему не приводила. А вот те, кого они преследовали, отлично знали местность. Немудрено, что мерзавцы потащили Къярта именно сюда. Но куда они собирались идти дальше? Спрятаться среди скал и переждать? Было бы неплохо. С поставленной Фелисом печатью найти их не составит труда. Да, им некуда бежать, ведь дальше только...

Каньон.

Клык, как вкопанный, замер на его краю, едва не сорвавшись вниз, в бурлящие воды Уплат.

Райз бросил взгляд на руку, вытянул ее перед собой ладонью вперед, чтобы исключить возможность ошибки. Прожигающий предплечье сгусток крови указывал на противоположную сторону каньона. Но ни один зверь Афракского Союза не преодолел бы почти сотню метров по воздуху. Разве что он был крылатым. Но ничего подобного, способного утащить человека, поблизости не водилось.

Гуляющий в вышине ветер растащил облака, обнажил тощий силуэт месяца. Райз напряженным взглядом окинул даль, там, где бледный свет уронил блики на гладь Горького моря, и развернул Клыка назад.

Поблизости не было ни одной переправы, только на северо-востоке, где каньон становился ниже и шире, превращался в плодородную долину. Но Райзу нужно было на юг.

По возвращении в гостиницу его встретил взъерошенный владелец и с порога потребовал возместить нанесенный ущерб и компенсировать репутационные убытки, которые тот понесет после нелестных отзывов потревоженных постояльцев. То ли тот еще толком не проснулся, то ли был пьян, раз решил выдвигать претензии, когда в его гостинице похищают его же гостей, но сейчас Райзу было плевать на возмущения. Рассчитавшись, он собрал свои вещи и вещи Къярта, забрал из них документы, деньги и оружие, бросил все остальное — чтобы не нагружать Клыка больше необходимого — и выехал в сторону каньона.

Левая рука немела от боли. К ней будто прижали раскаленное клеймо, и ближе к утру, когда позади остались почти две сотни километров каньона, казалось, что она горела

целиком — от кончиков пальцев и до плеча. Прогнозы не утешали: каньон подбирался к береговой линии, и то, как нестерпимо жгла печать означало, что Къярт находился где-то на территории Горького моря, или и того дальше. Но Райз сомневался, что море можно пересечь меньше, чем за сутки. Кораблям, отплывающим из небольшого портового городка, что стоял в устье Уплат, и к которому направлялся Райз, при попутном ветре требовалось два дня, чтобы добраться до берегов Скеса — континента по ту сторону моря.

И куда запропастился Коготь? Если он кинулся следом за хозяином, то сейчас должен был носиться по округе. Или же, не владея глубокими познаниями в географии, грив бросился в воду, где его уже сожрал какой-нибудь обитатель морей покрупнее? Райз склонялся к тому, что, следуя вдоль каньона, Коготь уже добрался до Копрала, где разорвал с десяток горожан и, или продолжил разорять город, или унесся прочь, наслаждаться обретенной свободой.

Однако выглянувший из-за скал Копрал, издалека похожий на нарост лишайника на камне, был совершенно спокоен и тих. Он был едва ли не единственным портовым городом на южном побережье Афракского Союза, но все равно больше походил на деревню-переросток, чем на город. В его порту, который и портом назывался с натяжкой, Райз насчитал всего шесть кораблей. А вот тщедушных рыболовных лодок было куда больше: примерно столько же, сколько чаек, облепивших мачты парусников.

Копрал не одно десятилетие пытался расширяться, нарастить на домах третий этаж, но так и остался небольшим рыболовным городком, до которого никому нет дела. Афракский Союз не вел дела с государствами на Скесе: не торговал, но и не враждовал. Следовательно потребности как в торговом, так и в военном флоте на Горьком море не было. Кто вообще в здравом уме решился бы напасть на Союз? Но все же морское сообщение со Скесом существовало. Раз в несколько недель к нему отплывал корабль, который за соответствующую плату давал место на своем борту как всем желающим поглядеть на заморские горизонты, так и жителям Скеса, решившим посетить Афракский Союз.

Не смог Копрал выбить себе роль и важной точки на карте внутри своего же государства. Из-за каньона и скальных участков транспортное сообщение из центра Афракского Союза с ним было извечной проблемой. На востоке же бесконечно тянулась безлюдная прибрежная полоса — каньон отрезал ее от всего остального материка. На западе через какую-то сотню километров находилась граница с Хепрасом. И кому только пришла в голову идея основать город в этой дыре?

Въехав в Копрал, уже спустя несколько тесных кварталов, на которых не было и намека на модные нынче автомобили, Райз заметил прохлаждающуюся под навесом стражу. Припекающее даже в утренний час солнце отбило у них всякое желание высовываться из укрытия для проверки документов и выяснения причин приезда. Все, что они удосужились сделать, — это проводить его недружелюбными взглядами, как, впрочем, и все остальные горожане, встретившиеся по пути к причалу. И чем он им не угодил? Тем, что притащил в город зверя, который мог легко передавить половину населения, или же тем, что вообще смог позволить себе такого «питомца»?

Паруса на всех шести шхунах были спущены, а матросы виднелись только на одной. Занятые отмыванием палубы от чаячьего помета, они не походили на тех, кто собирался в скором времени отплыть.

Когти Клыка глухо заклацали по деревянному настилу пирса, у которого пришвартовался единственный не брошенный командой корабль. У трапа вяло

переговаривались четверо загорелых мужчин. Один из них заметно выделялся: вместо застираной рубахи и шорт — камзол с бриджами, а на шее еще и красный атласный платок. Неподалеку был еще и пятый, невысокий парень с русыми кудрявыми волосами, забранными в тугую пучок. В накрахмаленной, заправленной в брюки белой рубашке и с потрепанным, но сохранившим приличный вид чемоданчиком, он смахивал на клерка, которого отправили с проверкой в порт. Но он ничего не проверял: сидел на ящике в стороне от моряков и клевал носом.

Он встрепенулся, когда рядом с ним раздалось шумное дыхание грива; четверка у трапа прекратила беседу, и даже матросы, драящие палубу, устали на Райза.

— Сколько стоит билет до Скеса? Для меня и грива, — поинтересовался Райз, поймав взгляд мужчины в камзоле, по всей видимости, если не капитана, то хотя бы того, кто смыслил в ценах побольше остальных.

— А он не сожрет команду? — вяло поинтересовался тот и достал из кармана трубку. — У меня нет клетки на борту.

— Будет вести себя смирно. Я прослежу.

— Полторы тысячи фраксов, — равнодушно произнес капитан, набивая трубку табаком, но брошенный им мимолетный взгляд в сторону Райза сообщил, что тот назвал отнюдь не стандартную цену, и теперь ждал, проглотит ли ее клиент или начнет торговаться.

— По рукам.

— Ладно, — кисло протянул тот, уже сожалея, что продешевил. — Приходи через пять дней в пять утра. Отчалим с приливом.

— Не годится. Мне некогда ждать.

Неспешность, с которой капитан раскуривал трубку, пилила и без того натянутые нервы.

— Еще полтысячи, и выплывем завтра.

— Еще полторы тысячи, и выплывем сегодня. Сейчас.

Капитан застыл. Смерил Райза взглядом, посмотрел на хранящих молчание матросов, на свой корабль.

— Нет, сегодня никак, — изрек он и затянулся табаком.

— Сколько ты хочешь, чтобы твой корабль вышел из порта сегодня? — сквозь улыбку процедил Райз.

— Нисколько. Завтра — самый ранний срок.

— Ворожея сказала, что сегодня дурной день, — с долей насмешки произнес сидящий на ящике клерк. — Так что он не поплывет. Сегодня даже ни одна рыбацкая лодка в море не выйдет.

— Ворожея? — Райз со скептицизмом посмотрел на парня.

— Ага, — хмыкнул тот. — Местная бабка-гадалка встала не с той ноги, и теперь весь Копрал будет кутить в барах вместо того, чтобы заниматься делом.

— Не лезь не в свое дело, пришлый, — осадил его капитан и зыркнул на Райза. — Завтра выплывем еще до рассвета.

— Ты владелец корабля?

— Тебе какое дело?

— Нет, он обычный наемный рабочий, — клерк снова подал голос. — Все корабли принадлежат наместнику.

— Знаешь, где его найти?

— В самом конце набережной белый дом с синими колоннами, — парень обернулся, приложил ладонь козырьком ко лбу. — Вон, его даже отсюда видно, стоит на холме.

Райз развернул грива и с места поднял в галоп.

Он не собирался ждать до завтра: даже час промедления мог обернуться катастрофой. Какие бы неприятности ни напороочила ведунья, они не шли ни в какое сравнение с теми, что произойдут, если он опоздает. Всю дорогу к Копралу Райз то и дело поглядывал на шрам на руке, каждый раз опасаясь увидеть, что кровавой сгусток исчез, или что с печатью произошло что-либо необычное, что могло означать, что Къярта убили.

Райз двинул Клыка пятками, поторапливая. Клятый Фелис, он наверняка знал, что произойдет нечто подобное, но и словом не обмолвился. Мысль об этом подливала масла в огонь разгорающейся злости. Но не смотря на это, Райз надеялся, что не ошибся в своих подозрениях. Это значило бы, что ситуация не так критична, как могла бы быть, и рано или поздно он найдет Къярта. Поскорее бы: от боли в руке хотелось лезть на стену.

Визит Райза выдернул наместника из кровати. Дверь открыла служанка, и только после пары минут убедительных увещаний и еще стольких же ожидания явился и сам владелец дома: высокий тучный мужчина с отпечатком складок наволочки на щеке и наброшенным на голое тело шелковым халатом. Он встретил гостя взглядом полным негодования и раздражения, но едва заметил лежащего в сторонке Клыка, как его лицо тут же переменилось. Когда же Райз озвучил проблему и способ ее решения, наместник и вовсе оживился, исчез в одной из дверей просторного холла и вернулся спустя четверть часа уже умытый, причесанный и одетый в наряд, в котором можно было показаться на люди.

Экипаж наместника сразу направился к управляющему портом, тогда как Райзу сперва пришлось наведаться в крошечное отделение Афракского банка. Повезло, что таковое вообще имелось в этой глуши. Увы, в нем не оказалось информации о текущем состоянии счета Енкарты. Но взятой в Руфероне выписки и родового листа хватило, чтобы получить заверенный тремя печатями именной чек, позволяющий наместнику обналичить в любом крупном отделении девятьсот тысяч фраксов — сумму в три раза большую, чем та, которую в свое время он уплатил за шхуну.

Оставалось только подписать бумаги о передаче прав владения и засвидетельствовать их у начальника порта, коим оказался тщедушный старичок в пропахшем пылью и нафталином кабинете, который следовало называть каморкой. Какой порт, такой и управляющий.

На все про все ушло чуть меньше, чем два часа, но к концу бумажной волокиты Райз был взвинчен настолько, будто ему пришлось потратить целый день. Так что вернувшись на пристань, он был совсем не прочь спустить Клыка с поводка. Но команда шхуны сейчас была нужна в живом виде.

— Где капитан? — Райз грубо дернул повод грива, когда тот потянулся в сторону клерка, все еще сидящего на ящиках.

— У себя, — тот кивнул на шхуну.

Трап, ведущий на борт, был убран: видать, чтобы продемонстрировать, что сегодня не приемный день. Клык, принявший это за личное оскорбление, без особого труда перемахнув через пару метров, разделяющих причал и корабль, забрался на борт.

Матросы, по-прежнему натирающие палубу, бросились врассыпную, а несколько человек, те, что посмелее, потянулись к висящим у пояса ножам.

— Проваливай отсюда! Тебе же ясным языком сказали, что сегодня никто никуда не

поплывет, — бросил один из них и отступил, когда грив оскалился и утробно зарычал.

— Ошибаешься. Спокойнее, зверюга, — Райз потрепал Клыка по шее и посмотрел на выскочившего из своей каюты капитана.

— Убирайся, — сдавленно прошипел тот да так и замер на месте, понимая, что с гривом не тягаться даже всей его команде. — Не знаю, какие у вас, знати, порядки в других землях Союза, но здесь в Копрале нет дела до...

— Можешь даже не стараться, — Райз бросил ему свернутое в трубку и перетянутое бичевой извещение о смене владельца «Венца» — двухмачтовой тринадцатилетней шхуны. — Готовь корабль к отплытию.

Все это время, пока шли приготовления, Райз чувствовал на себе испепеляющий взгляд капитана, стоящего на шканцах, но ему было плевать.

— Прошу прощения, — донеслось робкое с причала, когда моряки сматывали тросы.

Парень-клерк стоял там, где раньше находился трап, и мял ручку чемоданчика.

— Для меня не найдется места до Скеса? Я заплачу. У меня есть деньги на билет по старой цене, но если она изменилась, я могу...

Не дожидаясь завершения его речи, Райз качнул головой в сторону палубы. Ругаясь себе под нос, двое матросов принялись спускать трап.

«Венец» отчалил от пристани, когда солнце стояло в зените.

Облокотившись на борт и вдыхая влажный соленый воздух, Райз рассеянным взглядом следил за горизонтом. Это море прозвали Горьким не только из-за избытка соли, но и из-за случившегося во Вторую Войну. В те времена каньона Уплат еще не было, и все южное побережье нынешнего Афракского Союза усеивали города. Когда пришла Орда, жители прибрежных районов, не зная, куда им бежать, и не желая попасть в руки нечисти, бросались в море. Если кто и смог снова выбраться на берег, о них никто не знал.

Клык проводил прошедшего мимо матроса взглядом и трагично вздохнул. Райз держал грива поблизости, чтобы тот не надумал перекусить кем-то из команды, и чтобы сама команда не лезла к нему с разговорами, а в частности, Грейгор Гори — капитан корабля, которого даже спустя несколько часов плавания не покидала алая дымка раздражения.

Однако кое-кто, даже не смотря на присутствие Клыка, умудрился пробраться к борту и остановиться рядом.

— Бенджи Навара, — представился парень-клерк и, неловко улыбнувшись, покосился на грива, поднявшего губу и продемонстрировавшего клыки.

— Он не тронет, — не оборачиваясь, сказал Райз, по большей части адресуя фразу Клыку. — Райз.

— Райз..., — повторил Бенджи, ожидая продолжения.

— Просто Райз.

Бенджи Навара не понял, почему представитель знати отказывается от возможности похвастаться фамилией, но допытываться не стал.

— Что такого важного в Скесе, ради чего стоило покупать целый корабль? — недолго помолчав, выпалил он, будто этот вопрос не давал ему покоя с самого отплытия.

Райз ничего не ответил. Он был не в настроении изображать вежливость, но и делать что-либо, чтобы парень оставил его в покое, было лень. Из-за непрекращающегося жжения в руке начало болеть плечо и шея, а следом за ней и голова.

— Я всю жизнь там прожил, в Аверии, и представить не могу, что могло понадобиться в Скесе кому-либо из благородных родов Афракса, — Бенджи натянуто рассмеялся и почесал

затылок. — Даже родные велели мне оставаться в Союзе, после окончания Акленского медицинского, но раз уж решил двигать науку на родине, нужно идти до конца — я так считаю.

Он замолчал, ожидая от собеседника хоть какой-то реакции. Тщетно.

— Понял, не дурак, не буду больше докучать, — Бенджи миролюбиво улыбнулся, отступил на шаг, замешкался. — И спасибо еще раз, что взял на борт без оплаты, я ведь могу запла..., — он осекся, когда Райз перевел на него взгляд. — В общем спасибо, — выдавил парень и поспешно ретировался.

Райз посмотрел на белые барашки волн, что расходились в стороны от несущегося на всех парусах «Венца», и двинул желваками.

Сказать, что он был не в духе, значило ничего не сказать. И дело было не только в том, что весь план, о котором он толком и понятия не имел, мог пойти коту под хвост. Пока Къярт находился под боком, Райз не задумывался, насколько успел привыкнуть к его присутствию. И пусть они не были закадычными друзьями, а разговоры по душам, не касающиеся их общей цели, за прошедшие месяцы можно было пересчитать на пальцах одной руки, он вынужден был признать, что успел привязаться к своему горе-напарнику. Действовать не в одиночку оказалось не так уж и плохо, даже с учетом того, что зачастую это только добавляло проблем. Да, от юношеского максимализма и благородства, желания помочь и спасти всех на свете, не имеющего ничего общего со здравым смыслом, временами сводило челюсть. Но иногда Райз ловил себя на мысли, что не отказался бы и сам побыть таким вот идеалистом в сверкающих доспехах. Однако подобную роскошь мог позволить себе только один из них.

И кому Къярт мог понадобиться? Сильно же припекло кому-то, если его вот так схватили посреди ночи и потащили на другой континент. Вряд ли к этому причастна Орда: проще убить его, и дело с концом. Но раз парень все еще жив, можно предположить, что все дело в его силе: возвращать к жизни или же эту самую жизнь вытягивать. Тогда, если не станет глупить и будет послушно делать то, что велят, он имеет все шансы дотянуть до того момента, когда придет подмога.

Не глупить и быть послушным. Как раз про Къярта история, как же.

Райз вздохнул, стараясь утихомирить злость: на самого себя и свое бессилие. Будь у него прежняя сила, и те, кто схватили Къярта, не смогли бы даже добраться до береговой линии. А с нынешними умениями Райз не был уверен, что сможет вытащить напарника из передраги.

Плевать. С дрянными силами или же и вовсе без них — он разберется с проблемой. Главное, чтобы Къярт продержался до его прихода.

Море дрогнуло после заката.

Сначала снизу пришел толчок, не сильный, Райз даже решил, что корабль налетел на высокую волну. Но вскочивший на ноги Клык дал понять, что дело отнюдь не в волнах. А затем один из матросов заметил воронку, стремительно разрастающуюся в трех сотнях метрах по левому борту.

Паника охватила шхуну. Моряки бросились к тросам, принялись перестраивать паруса, чтобы успеть увести корабль, прежде чем тот окажется в водовороте. Нос «Венца» потянуло вправо.

В поднявшейся суматохе Грейгор Гори нашел несколько секунд, чтобы пронзить Райза гневным взглядом, и, окруженный красным облаком, отдал все свое внимание штурвалу и парусам.

«Венец» не успевал. Вокруг его кормы уже бурлила пена, а левый борт ушел в воду больше, чем правый.

— Держись! — рявкнул Грейгор и крутанул штурвал, разворачивая «Венец» внутрь воронки.

Паруса обвисли, позволяя водовороту тянуть шхуну по течению.

С замиранием сердца, окруженные брызгами и синевой страха, матросы следили за тем, как «Венец» набирает скорость, готовится сделать последний отчаянный рывок. Готовился не только он.

Когда капитан скомандовал разворот, паруса с хлопком натянулись, нос шхуны дернуло вправо, и Райз активировал собранную энергию духа под воронкой настолько глубоко, насколько мог дотянуться, гася инерцию водных течений.

Вспарывая волны, «Венец» приближался к краю водоворота. Но едва энергия духа иссякла — воронка потянула пуше прежнего. Тревожно скрипнуло мачтовое дерево.

Им не уйти. Энергии духа моряков не хватало, чтобы замедлить водоворот в достаточной степени, а после того, как попытка вырваться не увенчалась успехом, страх сменился паникой.

— Все в трюм! Задраить люки! — скомандовал Грейгор и, закрепив штурвал ремнем, бросился к спуску с палубы.

Клятой ворожее следовало конкретнее описывать уровень грозящих неприятностей. Конечно, валить все на нее было глупо, но какого Проклятого?!

Пока матросы «Венца» ныряли в дыру ведущего в трюм люка, Райз обвязывал грудь Клыка канатом. Гриву не пролезть вниз, а значит следовало позаботиться о том, чтобы его не смыло за борт, когда корабль нырнет, а затем начнет всплывать.

Райз остался на палубе последним. Закончив с Клыком, он кинулся к люку, когда из того показался Грейгор.

— Наслаждайся плаванием! — ядовито выкрикнул тот и захлопнул крышку.

Можно было вышибить ее вибрацией: благо, этого добра скопилась целая туча. Но тогда само пребывание в трюме теряло всякий смысл.

— Вот сволочь, — сквозь зубы процедил Райз.

По прикидкам оставалось меньше минуты, чтобы привязать самого себя и надеяться, что собранной энергии духа хватит, чтобы защититься от воды и не захлебнуться до того момента, как «Венец» снова окажется на поверхности. Если тот вообще вынырнет. Но сейчас Райз был совсем не против, чтобы те, кто закрылся в трюме, оказались мышами в затонувшей клетке. У него же вместе с Клыком останется небольшой шанс всплыть самостоятельно.

Проклятье.

Радиус круга, по которому неся «Венец» становился все меньше, бока водоворота поднялись выше матч. Когда Райз, обвязав себя за поясицу, пытался закрепить канат вокруг мачты, шхуну тряхнуло. Его швырнуло к борту, а затем дернуло, останавливая, когда зубы Клыка сомкнулись на свободном конце каната. Встретившись с гривом взглядом, Райз вжался в нависший над центром воронки борт, окружил себя и зверя облаком энергии и приготовился к удару.

Удар оказался не таким сильным, как Райз ожидал. Вода захлестнула палубу. Течение подхватило его, попыталось унести в сторону, но канат держал крепко.

От невозможно соленой воды глаза резануло, как ножом. Райз зажмурился. Вцепившись в канат, он ждал, когда течение вокруг замедлится. Но вместо того, чтобы успокоиться, вода придавила его к палубе, а мир вокруг залил дневной свет. Или же это побелело перед глазами, когда шрам-компас будто бы взорвался изнутри?

«Венец» падал. Падал в воздухе, вместе с тоннами воды, словно крупинка в гигантском грохочущем водопаде.

Грохот воды сменился треском дерева, в спину ударила палуба, которой передался пришедшийся на днище удар, но падение не закончилось. Шхуна накренилась на бок. Райз кубарем полетел к вцепившемуся когтями в палубные доски гриву; увидел стремительно приближающуюся к противоположному борту зелень леса.

Он смутно осознавал то, что происходило дальше. Кажется, Клык одним укусом перегрыз удерживающий его канат, ослабил хватку лап с одной стороны, отчего сила тяжести развернула его спиной книзу. Райз скатился на его брюхо.

Вместе с гривом и всем, что было не закреплено, он слетел с палубы. Оглушающе затрещали мачты и деревья. Со всех сторон замелькала густая сочная листва.

Клык ударился спиной о развилку дерева, и их швырнуло в разные стороны. Райз попытался схватиться за ветки и длинные лозы, но в пальцах всякий раз оказывалась пустота, или же те попросту соскальзывали с режущих ладони листьев. После очередной особо неудачной попытки остановить падение левый бок обожгло.

Почти в самом низу ему повезло запутаться в густом переплетении лоз. Принявшая его земля размокла от пролившейся воды, и приземление оказалось куда мягче, чем могло бы.

В следующее мгновение его придавила туша прыгнувшего сверху Клыка.

Казалось, обломки «Венца» и деревьев будут сыпаться с неба вечно. Грив утробно рычал и один раз вздрогнул всем телом, когда по хребту прилетело куском мачты. Но дольше, чем обломки, падала только вода. Больше не было слышно ни треска дерева, ни рвущейся парусины, а она все лилась и лилась непрерывным потоком, словно кто-то открутил вентиль гигантского крана. В голове промелькнула мысль, что стоило бы попытаться выбраться уже сейчас, пока все Горькое море не переместилось в этот лес, но Клык и не думал вставать. Еще повезло, что тот не стал наваливаться всем весом, а держался на полусогнутых лапах.

С каждой проведенной под гривом минутой адреналин выходил из крови, тело начинала бить мелкая дрожь, а боль в боку досаждала все больше. Райз окончательно потерял счет времени, когда поток начал стихать.

Спустя несколько минут шум воды смолк, и остался только звон капли.

— Все, молодчина, вставай, дай мне вдохнуть, — Райз толкнул грива рукой и поморщился: жесткие, пропитанные солью шерстинки больно укололи порезанные ладони.

Клык послушно поднялся, отошел в сторону, завертелся на месте, пытаясь рассмотреть собственную спину, покачался в грязи и, вздохнув, затих.

Сесть оказалось не так уж и просто. Стоило мышцам пресса едва напрячься, как бок резануло.

— Вот зараза, — сумев принять сидячее положение, Райз покосился на рваную рану ниже ребер, из которой обильно текла кровь. — Зараза.

Он потянулся зажать ее, остановился, заметив на руке остатки коры и листьев. Но рана на боку не отличалась особой чистотой, и за неимением ничего лучшего Райз зажал ее разодранной ладонью.

Немного переведя дух, он посмотрел на печать на руке. Он боялся, что от нее осталось только кровавое месиво, но шрам уцелел. Правда, вместо одного красного сгустка он весь налился кровью, указывая во все стороны сразу. Обжигал он также по всей площади печати.

— Зараза, — выдохнул Райз.

Хотелось выразиться грубее. Но после удара о землю и потери крови сил на ругательства не осталось.

Сидя в необычной воде, Райз осмотрелся.

Вокруг возвышался лес, подобного которому он никогда не видел. Деревья стояли тесно, а все некоторое пространство между ними заросло странного вида кустарником: без одревесневших веток, но с огромными листьями и лозами, толщиной с руку, по которым вились стебли потоньше, взбирались на деревья. Они оплетали их так густо, что часть сломанных веток повисла на них, так и не упав на землю.

Громада лежащей на боку шхуны возвышалась за спиной. Повезло, что корабль не рухнул прямо на них. Удар такой силы Клык точно не выдержал бы. А если бы и пережил, то на лапах точно не устоял: от них и так остались в земле глубокие вмятины.

В плаксиво скрипящем «Венце» были выжившие. По ту сторону корпуса растекался голубовато-серый туман, доносились звуки шагов и стоны.

Попытавшись встать ноги, Райз осознал, что силы из него вытягивали не только потеря крови и боль в боку и руке, но еще и воздух. Густой, душный, он будто бы душил не только снаружи, но и изнутри. Судя по буйной растительности, выматывающая влажность вкупе с жарой были здесь задолго до того, как с неба обрушилось Горькое море.

Проследив взгляд Райза, устремленный к белому полотну паруса, повисшему тряпкой на мачте, Клык оторвал от того кусок и принес хозяину.

— Спасибо, зверюга.

Он не успел потрепать грива по шее. Клык отвернулся, обошел его и лег сзади, подставив бок, чтобы Райз мог на него опереться.

Орудя ножом, он вырезал более-менее чистый кусок, скрутил и заткнул рану на боку. Неплохо бы перебинтовать еще поясницу и ладони, но в руках совсем не осталось сил. Нужно было отдохнуть, совсем немного отдохнуть, и сделать все, как следует.

Из нахлынувшей дремы его вытащили раздавшиеся за спиной удары топора по дереву и

голоса.

— Чего... тропики?! — в неразборчивом хоре вопрос Бенджи прозвучал необычайно ясно.

И снова все заполнили голоса, прерываемые стонами тех, кто, похоже, все еще находился внутри «Венца». Райз сидел спиной к палубе, а те, кто прорубил себе путь наружу, выбрались через днище.

Наверное, их стоило позвать. Но сил совсем не осталось, еще и в горле пересохло. Плевать. Не особо-то и хотелось.

Вскоре за спиной зашуршала листва, засвистел рубящий ее клинок, и из зарослей вынырнул родившийся в рубашке Бенджи: на парне не было и ссадины, только одежда испачкалась и набралась репейников.

Бенджи сжимал один из мечей глефы.

— Выжил! — ликующе воскликнул он.

Не успела радость всецело захватить его лицо, как ее сменило виноватое выражение: виноватый взгляд и такая же виноватая улыбка, словно это Бенджи бросил нового хозяина «Венца» на палубе.

Скользнув робким взглядом по Райзу, он заметил прижатую к боку окровавленную парусину и кинулся к нему, но тут же замер, когда грив предостерегающе зарычал.

— Он не тронет, — Райз покосился на Клыка.

Тот фыркнул и положил голову на лапы. Собравшись с духом, Бенджи приблизился.

— Это какое-то безумие. И как мы только здесь очутились? — бормотал он, осматривая рану. — Похоже на джунгли в южной части Скеса, но где джунгли, а где Горькое море!

Райз ничего не ответил. Только кривился, пока Бенджи ощупывал бок. Пальцы на руках немели.

— Рана дурная, но мышечный корсет защитил органы, так что все не так плохо, как могло показаться. Нужно только промыть ее и...

— Живучая псина!

Райз нехотя поднял взгляд на появившегося из-за деревьев Грейгора Гори. Пусть тот и имел потрепанный вид — в порванной одежде и с уймой ссадин, — но в целом капитан «Венца» был в полном порядке.

— Я-то надеялся, что ты подох, — прорычал он и направился к Райзу, вероятно, чтобы исправить это недоразумение.

Его пыл заметно поубавился, когда Клык зарычал и приподнялся на передних лапах.

— Не трожь его, — Райз успокаивающе похлопал грива по лопатке.

Тот улегся, но не перестал угрожающе рычать и сверлить взглядом приросшего к месту Грейгора.

— Вы нашли еще алкоголь? — спросил Бенджи.

— Единственная уцелевшая бутылка ушла на Роппи.

— Что, вообще ничего? — парень обернулся посмотреть на Грейгора. — Тогда соберите и вскипятите воду. Мне нужно обработать рану.

— И пальцем не пошевелю ради этого ублюдка, — едва сдерживая гнев сказал капитан. — Из-за него мы теперь по уши в дерьме!

— Мне нужна кипяченая вода, — терпеливо повторил Бенджи.

— Не для него. Твоя помощь пригодится моим парням. А его брось. Пусть подышает.

— После того, как ваш фельдшер свернул себе шею, я единственный, кто здесь смыслит

в медицине. А вы, при всем уважении, сейчас просто капитан без корабля и не можете мне указывать. И я буду помогать всем, кому сочту нужным, или же никому. Так когда будет вода?

Сплюнув на землю, Грейгор скрылся в зарослях.

Бенджи с облегчением вздохнул и неловко улыбнулся.

— Жуткий он тип, — парень натянуто рассмеялся и прижал кусок парусины к ране. — Я вернусь с водой и инструментами, подлатаем тебя. Держи вот так, а я пока займусь остальными, — он посмотрел на оставленный им на земле меч. — Это же твой? Нашел его по ту сторону, не знаю, где остальное.

Потоптавшись на месте, он направился туда, откуда пришел.

— Бенджи, — окликнул его Райз. — Сколько выжило?

Парень в растерянности посмотрел на него.

— Восемнадцать из тридцати двух, не считая тебя и меня. Но у троих раздроблены ступни и суставы в коленях, еще у четверых переломы рук, а у одного — бедра. Остальные, можно сказать, отделались легким испугом.

Райз кивнул, и Бенджи ушел.

Четырнадцать человек. И скольким из них посчастливится выбраться из этого леса? Грейгор был прав: это он втянул их во все это. Его вина. Но хуже всего было то, что в попытке сэкономить один день, он потеряет еще невесть сколько времени. Проклятье.

Отчаянно хотелось верить, что Фелис прекрасно знал о том, что должно случиться, и все идет по плану. Пусть и не по плану Райза, но когда нет возможности выбирать...

Он снова посмотрел на шрам-компас. Его по-прежнему заполняла кровь, и не было похоже, что она собирается рассасываться. Что это значит? Что печать сломана? Или что Къярт...

Нет, боль в руке усилилась в момент перемещения, и вероятность того, что в то же время что-то случилось с Къяртом, была ничтожно мала. Так что все дело в сломанной печати. И Райз не имел ни малейшего представления, как ее восстановить.

Плевать. Если придется, он перевернет вверх дном весь клятый Скес, но отыщет невезучего напарника.

Невезучего. У него самого-то везения — хоть отбавляй.

Бенджи вернулся спустя полчаса с ведром воды, неся его за обмотанную тканью ручку, и своим чемоданчиком.

— Приступим? — он с ухмылкой посмотрел на Райз.

Тот равнодушно пожал плечами. Его снова клонило в сон.

Однако когда парень принялся набирать в извлеченный из чемодана шприц воду и промывать рану, сон как рукой сняло. Сцепив зубы и зажав в кулак шерсть на боку недовольно заворчавшего Клыка, Райз терпел, пока Бенджи закончит с вымыванием грязи, сбрызнет рану желтой жидкостью из небольшого, бережно замотанного в платок пузырька и сощепет края. Закончив с обработкой, он забинтовал поясицу и ладони, велел меньше двигаться и ушел к морякам, разбившим лагерь по другую сторону «Венца».

В быстро сгущающихся сумерках Райз слушал джунгли. Округа, сперва застывшая после обрушившегося на нее моря, заговорила сотней голосов. Оглушающе трещали цикады: они замолкали всего на секунду, когда среди деревьев разносился призывный крик то ли зверя, то ли птицы, а затем джунгли снова накрывал их стрекот. Больше никому не было дела до свалившегося с неба корабля.

Запрокинув голову, Райз смотрел в потемневшую высь, проглядывающую среди обломанных веток, и думал о том, что добраться до Кьярта будет намного сложнее, чем он полагал еще час назад. Вокруг были не скеские тропики. Это место вообще не принадлежало миру, в который их затащил Фелис: на темно-синем небосводе красовались планетарные кольца.

— Ты совсем обнаглел, пацан! — в этот раз цикад спугнул полный возмущения крик Грейгора.

До Райза время от времени долетал тихий говор моряков, или же чей-то приглушенный стон, но сейчас шум по ту сторона «Венца» стал куда заметнее.

— Моя порция, что хочу, то с ней и делаю. Могу хоть гриву скормить, — безапелляционно ответил Бенджи.

Спустя минуту появился и он сам, с деревянной тарелкой в руках и выложенной в нее консервой.

— Вот, держи, — Бенджи остановился рядом и протянул Райзу тарелку.

— Спасибо, я не голоден, — соврал тот и погладил дремлющего грива по шее. — Как появится аппетит, отправлю Клыка притащить какую-нибудь живность.

— Почти поверил, — хмыкнул Бенджи и поставил тарелку на землю рядом. — Я о себе пекусь, а не о тебе. Кому с тобой возиться, если тебе не хватит сил поправиться?

— Это просто царапина.

— Я бы согласился, если бы мы были не в тропиках. Но эта жара, влажность, и, кто знает, какая дрянь тут водится..., — в подтверждение своим словам, Бенджи хлопнул себя ладонью по шее, раздавливая севшего на нее комара. — Не самые благоприятные условия для выздоровления. Так что не спорь и ешь, — он помедлил, посмотрел по сторонам, прежде чем продолжить: — Ты останешься на ночь здесь?

— Так всем будет спокойнее.

Бенджи спорить не стал. Он еще раз осмотрел ближайшие деревья, поднял взгляд вверх и застыл. Похоже, лагерь по ту сторону «Венца» видом на небо похвастаться не мог.

— Что б меня..., — пробормотал парень и в непонимании посмотрел на Райза.

Тот невесело усмехнулся.

— Ладно, ты это..., — Бенджи замялся, — выздоравливай. Завтра с утра обработак рану.

Он собрался было уйти, но Райз бросил ему вдогонку:

— Что с тобой не так? Грейгор прав: это моя вина, что вы все здесь оказались. Но не похоже, чтобы это тебя сильно волновало.

Райз знал, о чем говорил. Парень мог прикидываться добряком, помогать, потому что врач, и его долг лечить, спасти и дальше по списку, но энергия его духа не могла обманывать. Но единственное, что раздражало парнишку-врача — это претензии капитана. Бенджи не питал к Райзу неприязни, в нем не было страха: разве что самую малость, чтобы он не казался и вовсе выкованным из стали. Все это мало сочеталось с его внешностью домашнего паренька, всю жизнь сдувавшего с книжек пыль под чутким надзором родителей и учителей.

— Ты знал, что корабль попадет в воронку, которая выбросит его в..., — Бенджи снова посмотрел на небо, — даже не знаю куда. Так знал?

Райз отрицательно качнул головой.

— И в чем тогда твоя вина? Нам всем просто очень не повезло. Это же надо было так!

Только подумай: во всем целом Горьком море нас угораздило оказаться именно там и тогда, когда появилась эта дурацкая воронка. Бывают же такие совпадения, — Бенджи потрясенно покачал головой. — Не обращай на Грейгора внимания. Ты же не намеренно погнал «Венец» в море, а вот он очень даже специально бросил тебя на палубе. Так и кто тогда большой гад? Выздоровливай.

Бенджи ушел, оставив Райза размышлять над сказанным. Или парень круглый дурак, или же знает куда больше, чем говорит. Но сейчас думать об этом не хотелось. В сон клонило все больше, но спать было рано: небо над джунглями затягивали тучи; вдалеке рокотал гром.

На то, чтобы смастерить навес, ушел почти час, пусть и требовалось всего-то натянуть остатки паруса между обломанными мачтами. Не вышло бы и этого, если бы Клык любезно не согласился поработать в роли стремянки. С того самого момента, как они взошли на «Венец», грив стал на удивление покладистым, и Райз нутром чуял какой-то подвох. Но пока тот изображал само смирение и кроткость, грех было не воспользоваться.

Обустройства места на ночлег лишило Райза остатков сил, которые уж никак не могла восполнить остывшая еда. Бинты пропитались кровью, а боль растеклась по всему телу, и Райз не знал, берет ли она свое начало в ране на боку или же в шраме-компасе.

Клык свернулся под навесом клубком, прижался лапами к палубе: устроившийся сверху Райз оказался с одной стороны защищен «Венцом», а с другой — спиной грива. От того снова несло мокрой псиной, но Райз начал находить в этом аромате нечто успокаивающее. Сейчас он нуждался в отдыхе, а завтра уже можно решать, что делать дальше.

Вместе с ночью «Венец» окружили обитатели джунглей. Разбуженный рычанием Клыка, Райз едва успел слезть со спины грива, как тот бросился в чащу. Треск зарослей смешался с предсмертными воплями тех, кто собирался поохотиться среди обломков корабля, но сам стал добычей. Кем бы ни были эти звери, с гривом им было не совладать. Тем более, с голодным гривом.

Клык передал хищников, как лисица цыплят, управившись меньше, чем за минуту. На то, чтобы набить желудок, времени ушло значительно больше — почти час. Где-то по истечению его половины небо таки прохудилось, и хлынул дождь. Осознав, что это не какая-то морось, а настоящий ливень, грив затащил одну из туш под навес, полностью проигнорировав недовольство хозяина. Затарабанивший по парусине дождь едва заглушал хруст костей.

Из-за боли толком поспать так и не удалось. Еще и ночной визит местных жителей забрал пару часов отдыха, и когда нагрянул ранний рассвет, Райз чувствовал себя примерно таким же измотанным, как и накануне. Но нужно было двигаться вперед: выбираться из этого леса и искать способ вернуться домой.

Именно это он сказал Грейгору и его команде, придя на другую сторону «Венца». На ночь моряки забаррикадировались в трюме, и прежде чем Грейгор решил показаться, пришлось не раз постучать по обросшим водорослями и ракушками доскам днища.

Райзу не было дела до откровенной злобы и презрения во взгляде капитана и остальных моряков. Но они застряли здесь из-за него, и он не мог вот так взять и бросить их.

— Одного раза тебе, значит, было мало? Хочешь и остальных угробить? — Грейгор кинулся бы на него с голыми руками, но присутствие грива вынуждало его ограничиваться словесными выпадами.

— Головой подумай. Или вы собрались остаться здесь жить? Не пройдет и пары дней, как вас сожрут. Отсюда нужно уходить и уходить сейчас.

— А как прикажешь идти тем, кто из-за тебя сломал ноги?

— Сделайте носилки, — Райз устало оперся на плечо Клыка и добавил, предвосхищая возражения: — Не хотите делать носилки, тогда бросьте тех, кто не может идти сам. Так или иначе я уйду сегодня, а вы уже решайте: хотите разбираться со здешними хищниками без грива или нет.

— И куда ты пойдешь? У тебя что, припрятана в заднице местная карта?

Капитан «Венца» почти сдался. Как бы ни была сильна его злость на Райза, она не могла отбить ему все мозги, а то, что без защиты грива их шансы на выживание ничтожно малы, понял бы и полный идиот.

— Я с этим разберусь.

— Разберется он, — Грейгор фыркнул.

Райз всецело разделял его скепсис. Выбраться из джунглей вполне могло оказаться такой же сложной задачей, как и вернуться в свой мир. Но сидение на месте не решало ни один из этих вопросов.

В поисках решения, он размышлял о том, как их вообще сюда забросило. Единственный известный ему способ был связан с Ордой и чудищами, которыми та прожигала ткань миров. Вполне вероятно, что одно такое оказалось заброшенным в Горькое море, а проделанная им дыра в пространстве — достаточно стабильной, чтобы проглотить триллионы тонн воды и «Венец» впридачу. Но разве Орде не полагалось находиться где-то поблизости? Или же они включали свою «пушку» на расстоянии? Так или иначе, оставаясь на месте ответов не найти.

Пока команда Грейгора мастерила носилки и собирала припасы в дорогу, а Бенджи обрабатывал его раны на ладонях и боку, Клык шастал по округе. Гриву было тесно в зарослях, и те нещадно трещали при каждом его движении. Но он продолжал рыскать, что-то выискивать, пока в итоге не принес в зубах рукоятку глефы, затем второй клинок и дорожную сумку Къярта.

На дне сумки среди размокших документов лежал стержень с чернилами. Проклятье. Исцеляющая печать сейчас пришлась бы к месту, тем более она не требовала дара некромантии для активации. Но Райз не удосужился выучить ее, наивно полагая, что Къярт

всегда будет рядом. Идиот.

Клык тем временем навернул еще несколько кругов, сделал подкоп под «Венцом» и приволок одну из винтовок. Увы, с погнутым дулом она годилась разве что на роль клюки.

— Эй, зверюга, иди-ка сюда, — Райз окликнул грива, когда тот собрался снова отправиться на поиски всякого скарба.

Клык покосился на него, фыркнул, но вернулся.

— Ты же меня отлично понимаешь, да? — Райз усмехнулся, глядя в янтарные глаза грива. — Сможешь вывести нас отсюда?

Тот моргнул. Посмотрел на возящихся с носилками моряков, перевел взгляд на Райза, облизнулся.

— Они пойдут с нами, и их есть нельзя.

Клык снова облизнулся.

— Нет. Даже не думай.

Грив шумно выдохнул, сел на землю, а затем и вовсе лег, всем своим видом давая понять, что и лапой не пошевелит, пока не получит свое.

— Ты мне руки выкручиваешь. И мне это не нравится.

Клыку было плевать. Он смотрел на хозяина взглядом, которым в пору было смотреть дурному барану, совершенно не понимающему, что от него хотят. Однако при всей напускной пассивности его хвосты нервно мели землю.

— Чтоб тебя Проклятый побрал, — зло прошипел Райз. — Ладно, будь по-твоему, — Клык тут же оживился, и Райз поспешил его осадить: — Но только если кто-то из них не переживет дорогу. И чтобы ты к этому не имел ни малейшего отношения. Даже косвенного. Ты меня понял?

Кажется, из-за духоты Райз терял рассудок. Иначе с чего ему было вести беседы с гривом и тем более верить, что тот его понимает?

Но Клык понимал. Он шумно выдохнул, подытоживая разговор, и, отойдя в сторонку, принялся чесать бок о дерево — уже в который раз за утро. В самую пору было начать беспокоиться: как бы грив не отбил себе спину во время падения, или когда на него упала мачта. Может, стоило попросить Бенджи осмотреть его? Вряд ли в университете учили лечить травмы гривов, но, как говорится, на безрыбье...

Спустя пару часов все были готовы выдвигаться. Бенджи суетился вокруг раненных, в том числе вокруг Райза, жаловался, что от долгой ходьбы швы могут разойтись, и все старания пойдут насмарку, но Райз напомнил парню его же слова: внутренние органы не задеты. А царапина — не повод для переживаний. Тем более он не собирался идти все время пешком.

Однако долго ехать верхом не получилось. Даже заросли вокруг «Венца» казались ему густыми, но не успел их отряд отойти от корабля на сотню метров, как они и вовсе стали непроходимыми. Клык двигался первым, с треском прокладывая дорогу; Райз держался сразу за ним. Буйная растительность тянулась не только двумя стенами по бокам, но и нависала едва пропускающим свет пологом, так что зачастую проще было идти по проложенному гривом пути, чем сидеть сверху, постоянно пригибаясь и гадая, какая дрянь упадет за шиворот.

Клык то задирает голову вверх, то опускал к земле, что-то вынюхивая, и двигался дальше не сбавляя темп.

Джунгли были тревожными. Время от времени Райз замечал невдалеке крупные облака

энергии духа, оранжевые, почти как у гривов, когда те охотились. Иногда эти облака подходили совсем близко, но сразу же уносились прочь, стоило Клык зарычать.

Нашелся среди обитателей джунглей и кое-кто посмелее. Какое-то время отряд сопровождали диковинные животные, покрытые шерстью, ростом с десятилетнего ребенка, с длинными руками и ногами. Они следили за людьми с деревьев, и всякий раз, когда Клык подавал голос, их, как и моряков, окутывала голубая дымка страха.

После нескольких часов преследования в их стае нашлось несколько отличающихся глупостью особей, которые решили спуститься поближе. Грив оказался совсем не прочь закусить кем-то, отдаленно похожим на человека. Но звери были слишком мелкие и проворные, и ему удалось поймать только одного из них.

Добыча была Клык на один укус, но тот повременил с трапезой. Прижав животное одной лапой, он медленно и планомерно давил его другой; от истошного крика зверя звенело в ушах. Его сородичи, замерев, следили за происходящим с деревьев. Закончив с демонстрацией, грив в один укус отгрыз верхнюю половину тела, а затем проглотил и нижнюю. Больше никто не осмелился спуститься с деревьев, и спустя какое-то время отстала вся стая.

К вечеру первого дня только грив сохранил бодрость тела и духа. На моряков, которым пришлось нести своих товарищей по жару, в которой и дышать-то трудно, было больно смотреть. Райз и не смотрел: ему и без того хватало забот.

Осторожно снимая насквозь пропитанные кровью бинты, Бенджи тихо причитал, и его слова сливались в мерный убаюкивающий поток. Хотелось спать и пить, но во фляге осталось всего несколько глотков, что, впрочем, было не так уж плохо, учитывая, что у некоторых из отряда не нашлось и этого.

— Это еще что за ужас?! — голос Бенджи заставил Райза собраться.

Парень держал его за запястье, развернув руку ладонью вверх, и смотрел на налитый кровью шрам. До этого Райз старался прятать его под рубашкой, но после изматывающего дня ему было уже все равно.

— Ерунда, — он высвободил руку и раскатал рукав, спрятав шрам под тканью.

— С ним все равно ничего не поделаешь, но откуда он у тебя?

Райз ничего не ответил, только привалился спиной к боку Клыка и закрыл глаза.

Этой ночью он хотел устроиться на земле, как и все остальные, и не сразу понял, чем недоволен скалящийся Клык, пока тот внаглую не схватил зубами кусок парусины, играющей роль подстилки. Райз слишком устал, чтобы спорить, и, как и в предыдущую ночь, устроился сверху на гриве.

Утром требование Клыка обрело смысл. Во время осмотра моряков Бенджи обнаружил в ступне одного из них — того самого Роппи, на обработку ран которого ушла бутылка алкоголя, — насекомых, невесть как сумевших пробраться под бинты. А чуть погода вытащил из спин еще троих матросов горсть червяков.

До того, как солнце поднялось в зенит, Клык привел их к водопаду. В сезон дождей тот бурным потоком падал с пятнадцати метровой скалы, но сейчас с высоты срывалось только несколько бедных ручейков.

Бенджи запретил пить воду до того, как ее прокипятят. Гарантий, что она безопасна и не кишит бактериями, способными сожрать человека изнутри за несколько часов, не было. Как, впрочем, не было и гарантий того, что температурная обработка убьет их.

Следующей ночью желающих спать на земле не нашлось. Моряки устраивались на

деревьях: кто сооружал гамаки, а кто попросту привязывал себя веревкой. Один из таких и стал добычей огромной змеи — не такой огромной, как в Месцере, но диаметром по меньшей мере с локоть.

Лагерь проснулся от истошного крика матроса. Уже после, наблюдая за тем, как Клык пытается высвободить того из змеиных тисков, Райз думал, что грив наверняка проснулся еще до того, как та напала: проснулся и решил не торопиться предпринимать меры — дожидаться момента, когда какие-либо спасательные мероприятия потеряют всякий смысл. Но это было лишь предположение. Если же нет, то что Райз мог сделать? Отчитать грива за неподобающее поведение?

В итоге Клык освободил моряка, но в процессе змея сломала тому ребра, и за считанные минуты мужчина захлебнулся собственной кровью и умер.

Грейгор отказался идти дальше, пока его человек не будет похоронен, как подобает. Это не имело ровно никакого смысла, тем более в том исполнении, которое моряки могли предложить, но Грейгор стоял на своем. Казалось, что капитан готов отвергать любые доводы разума, лишь бы только позлить Райза. Но глядя, как моряки прячут тело товарища под насыпью из камней и веток, он чувствовал только усталость. Боль в боку усиливалась с каждым днем, и сейчас он даже не нашел бы в себе сил одернуть грива, если бы тому вздумалось броситься к могиле и разгрести ее прямо на глазах у всех. Но грив только следил за действиями людей Грейгора немигающим взглядом и время от времени облизывался.

Сильно уповать на то, что зверь сдержит свои инстинкты, не стоило. Они не прошли и сотни метров от стоянки, как Клык сиганул в чащу и понесся обратно, сметая все на своем пути.

Грейгору понадобилось какое-то время, чтобы понять, что грив не погнался за каким-то зверем, а направился к их недавней стоянке. Смекнув, что к чему, он сорвался:

— Куда твоя тварь поперлась?!

Он бросился к Райзу и замер в паре метров, опасаясь Клыка, способного в любое мгновение вынырнуть из джунглей и отхватить ему голову.

— Спроси у него, когда вернется.

— Ублюдок, я тебя голыми ру...

— Спокойнее, спокойнее! — Бенджи вклинился между ними и миролюбиво поднял руки ладонями вперед. — Давайте не будем кидаться друг на друга. У нас и без того проблем по горло.

— Да, из-за него, — Грейгор толкнул Бенджи в грудь и, выругавшись, направился к притихшим в стороне морякам.

От тычка парень отлетел в сторону: все же между ним и капитаном было как минимум килограммов двадцать разницы.

— Цел? — Райз поймал его, прежде чем тот оказался бы на земле.

— Что мне будет? Я везучий, — Бенджи натянуто рассмеялся, посмотрел Грейгору в спину и зябко повел плечами: — Жуткий он тип.

Грив вернулся пять минут спустя. Моряки не заметили раздувшегося брюха зверя, а вот Райз хорошо знал, когда тот голоден, а когда — нет. И откуда взялась такая тяга к человечине? Разве что гривы считали ее деликатесом: вряд ли кто из знати додумался баловать питомцев соседями или чернорабочими. Но Райз не удивился бы, окажись оно так.

Путь через джунгли продолжился, а злость Грейгора не стихала до самого вечера. Райз не винил его за это, но и ставить на кон возможность поскорее выбраться, запрещая Клыку

потакать своим прихотям, не собирався. В конце концов, тому моряку, его душе, было глубоко плевать на то, что случится с телом.

На новой стоянке Грейгор организовал ночное дежурство, в процессе кляня Клыка всем, на чем свет стоит, за то, что тот не справился с элементарной задачей по охране лагеря. Похоже, когда «Венец» рухнул, Грейгор все-таки приложился о что-то головой. Или же его сводил с ума местный воздух и тучи мошкары, денно и ночно вьющиеся над головами и норовящие высосать все соки.

— Ты не против, если я устроюсь на ночь поблизости? — спросил Бенджи, перебинтовывая бок Райза. Рана выглядела паршиво.

— Не боишься Клыка? — тот устало усмехнулся.

Желание держаться поближе к гриву читалось и во взглядах моряков, даже несмотря на все то, что о звере говорил Грейгор, и что не прошло и дня, как грив сожрал их товарища. В конце концов, тот уже был мертв, а они — еще живы и надеялись остаться таковыми. Но только Бенджи отважился это желание озвучить.

— Мне кажется, — с улыбкой начал тот, — он знает, что тебе могут пригодиться мои знания медика. Так что не думаю, что он собирается меня съесть. Уж точно не раньше времени, когда твой бок начнет заживать.

— Тогда тебе выгодно, чтобы он оставался таким, как есть.

— Это уже с какой стороны посмотреть, — Бенджи рассмеялся.

Райз говорил не всерьез. Парень не был идиотом и понимал, что если Клык лишится своего хозяина, скорее всего следующие несколько часов он проведет неспешно обгладывая кости его бывших спутников.

Жаль, Грейгора подобная мысль не посещала. Или же он упорно гнал ее, решив, что лучше умереть, чем признать, что владелец грива нужен им живым, а потому бросался на Бенджи всякий раз, когда тот отказывался обрабатывать раны остальных так же, как и рану Райза. В его чемоданчике была всего пара бутылочек с антисептиком, и он берег его для одного конкретного человека.

Потери множились. Роппи стал первым, кто умер от лихорадки. На второй день пути у него начался жар, на третий он начал бредить, а на четвертый его похоронили так же, как и задушенного змеей. И точно так же Клык ринулся назад, стоило им немного отойти в джунгли.

На следующий день погибли еще двое. Одного укусил паук: его шею раздуло до размера головы, и он умер с посиневшим от удушья лицом; второго, со сломанным бедром, постигла та же участь, что и Роппи.

Хоронить их не стали.

Через четыре дня моряков осталось всего семеро: истощенных, с осунувшимися лицами и кожей, покрытой сыпью и волдырями от укусов. Клык мог защитить людей от хищников, но насекомым было плевать на присутствие грива.

С каждым днем идти становилось труднее. Райз знал, что у него жар, как и у умерших от лихорадки моряков. Знал это и Бенджи, на которого было больно смотреть. Сам парень был на удивление в порядке: его даже не беспокоили укусы мошкары. Но каждый раз, разматывая бинты на боку Райза и видя, что рана гноится все сильнее, казалось, он был готов достать из кармана револьвер и застрелиться.

Бенджи не понимал, что делает не так, и почему всем раненым становится хуже. Дело было не в воде, иначе нездоровилось бы и ему; возможно, в яде насекомых, но его тоже

кусали, пусть и не так сильно, как остальных. Он мог объяснить ухудшение состояния моряков, но рана Райза обрабатывалась по несколько раз в день. Увы, это лишь выиграло ему чуть больше времени, чем у остальных. С другой стороны, его рана не была серьезной, но она — словно затесавшаяся среди съедобных грибов поганка, отравила всю корзину.

Иногда Райзу начинало казаться, что они никогда не выберутся из джунглей. Ему хотелось верить, что Клык не водит их кругами: изо дня в день грив двигался уверенно, четко шел к намеченной цели.

Когда заросли стали реже, и можно было смотреть хотя бы на полсотни метров вперед, Райз заметно воспрял духом. Он и до этого не собирался сдаваться, пусть все остальные и смотрели на него, как на живого мертвеца: Бенджи — с едва скрываемым ужасом, а Грейгор — с откровенным предвкушением того момента, когда рана напару с джунглями доконает его.

Райз верил, что рано или поздно они выберутся, но вера не прибавляла сил. Благо, джунгли поредели достаточно, чтобы ехать верхом. Послать бы Клыка галопом и выбраться отсюда поскорее. Но у моряков и у Бенджи не было гривов.

Взять с собой парня, а остальных бросить? Эта мысль посещала Райза каждый раз, когда он ловил на себе взгляд ждущего его смерти Грейгора. Разумная мысль. Бенджи нужен ему в любом случае: хоть какой-то уход за раной лучше, чем вообще никакого. А семь моряков из Копрала, которые, не факт, что дотянут до выхода из джунглей — капля в море, когда речь идет о спасении Къярта и уничтожении Орды.

Но Райз продолжал двигаться в прежнем темпе, не прекращая ругать себя за это идиотское решение. Да, эти люди не оказались бы здесь, если бы он не выкупил корабль и не погнал их в море. Да, их жизни — его ответственность. Но какая к Проклятому разница, если из-за них он не успеет вытащить напарника до того, как станет поздно? Их нужно бросить и гнать грива во весь опор. А совесть... его совести не привыкать.

Когда он решился перейти от размышлений к действию, в голову полезли воспаленные мысли, что узнай об этом Къярт, и от его праведного возмущения и полного упрека взгляда было бы не спрятаться, не скрыться. Сцепив зубы и проклиная все на свете, Райз оставил все как есть.

В течение последующих трех дней умерло еще двое, и он окончательно уверился в том, что такую степень идиотизма можно было ожидать от Къярта и умилиться его желанию спасти каждую дворняжку, в процессе героически сгинув. Но никак не от него самого. Даже списать все на начавшуюся лихорадку, мешающую трезво мыслить и принимать рациональные решения, было бы малодушием.

А затем джунгли оборвались. Внезапно, когда никто не предполагал и не надеялся, что конец пути окажется так близко. Деревья-великаны, увешанные лианами с огромными, источающими приторный аромат, красными бутонами, остались позади, а впереди разрослась деревня. Клык не просто вывел их из джунглей: он привел их в поселение.

Дома, отделенные от джунглей двумя гектарами лугов, выглядели нормально, пусть и немного непривычно, учитывая, что возводить их пришлось из местных материалов с поправкой на тропический климат. Их хозяева выглядели, как люди, только кожа у них была загорелее, чем у знававшей солнечные дни команды Грейгора.

Они встретили чужаков с настороженностью на лицах. Наверное это была настороженность: еще с прошлого полудня перед глазами все плыло, и сейчас Райз едва мог отличить мужское лицо от женского. Но черты жителей деревни его мало волновали. Все,

что имело значение в конкретный момент — отсутствие враждебности с их стороны. Ее и не было: в затягивающей округу разноцветной дымке не попадались алые вкрапления.

Язык, на котором говорили жители деревни, был не знаком ни Райзу, ни кому-либо из моряков. Оно и неудивительно: с тем, что человеческий вид множился по мирам, еще можно было смириться, но если бы они вдруг заговорили на одном языке... Нет, это было бы уже слишком.

Кажется, Бенджи пытался найти понятный всем способ общения, но голоса слились в неразличимый гул. Пальцы выпустили поводья, и Райз потерял сознание.

Здесь, на настоящей кровати, под крышей, жара ощущалась не так, как в джунглях. Боль в боку отступила, но налившиеся неподъемной тяжестью мышцы не желали двигаться. После долгого и изматывающего сражения за право управлять собственным телом, Райз смог поднять веки.

Бенджи сидел рядом на табурете и медленно, задремывая, моргал. Под его глазами залегли темные бессонные тени, а с левой стороны тень больше смахивала на синяк.

Осознав, что Райз смотрит на него, парень встrepенулся:

— Проснулся? — он улыбнулся и потер ладонью щеку.

Пока Райз валялся без сознания, Бенджи успел сменить отросшую бороду на короткую опрятную щетину — такую же, как в их первую встречу в порту Копрала.

— Что с лицом? — из пересохшего горла вырвался хриплый, скрежещущий голос.

— А? — не понял Бенджи. Под взглядом Райза он потянулся к синяку под глазом и, зачем-то ощупав, поморщился. — Ты об этом. Грейгор очень настаивал на том, чтобы я дал тебе помереть. Но Клык сразу пришел мне на выручку, так что повезло отделаться малой кровью. И нет, он не сожрал нашего капитана.

Райз повернул голову и посмотрел на лежащего на полу грива. Тот занял почти всю комнату, и любой, кто решил бы зайти в раскуроченные двери, непременно споткнулся бы о перекрывшие проход хвосты.

— Сколько прошло времени?

Райз медленно сел на кровати, и бок сразу же пронзила боль. Благо, от нее больше не кружилась голова, и общее самочувствие можно было назвать довольно сносным: по сравнению с тем, что было до того, как он отключился.

— Уже три дня. Вот, выпей.

Бенджи взял чашку, стоящую на столике настолько низком, что его впору было назвать скамейкой, если бы не квадратная форма крышки.

Предложенный напиток оказался не лучшим выбором для смачивания горла. Райз не знал, из какой травы сделана эта вытяжка, но по вкусу она вполне могла сравниться с настойкой полыни, в которую вылили протухшее яйцо.

— Древесный сок, — Бенджи улыбнулся. — То, что убило большинство моряков и почти свалило тебя, было попавшим в кровь соком какого-то местного дерева. Я так и не смог понять, в токсичности дело или в содержащихся в нем микроорганизмах, но вот эта гадость — лучший антидот. У местных есть и раствор для внутривенных инъекций: я ставил их тебе, пока ты лежал в отключке, — Бенджи взглядом указал на правую руку Райза. В сгибе локтя виднелись покраснения от уколов. — Но сейчас, думаю, можно обойтись одной настойкой. Теперь мои танцы вокруг твоего бока наконец-то возымеют хоть какой-то эффект.

— Спасибо, Бенджи, — скривившись, Райз опустошил кружку и вытер губы тыльной стороной ладони. Ему тоже не мешало бы побриться.

— А, ерунда, — отмахнулся парень. — Я уж думал мы никогда из этих джунглей не выберемся. Тоже хочу себе такого зверя, — он посмотрел на грива.

Клык покосился на него исподлобья и угрожающе зарычал. Бенджи рассмеялся.

— Остальные в порядке?

— Да, все пятеро. Грейгор поел, поспал и теперь как никогда полон сил и желания поквитаться с тобой. Но пока ему приходится направлять весь свой запал на помощь местным. Худо-бедно у нас получается с ними общаться, так сказать, на пальцах. Они позволили нам остаться, но за еду и кров нужно как-то платить. Даже мечи твои хотели забрать, но Клык не согласился отдать их.

— Молодец Клык. Они мне еще пригодятся.

Райз тряхнул головой, окончательно прогоняя сон. Обвел комнату взглядом. Кроме дверного проема, раскуроченного решившим влезть в дом гривом, больше ничего примечательного в ней не обнаружилось. Маленькое окошко, плотно закрытое сеткой — чтобы не залетали насекомые; длинный узкий стол у стены с прикрученным к нему масляным светильником; табурет, на котором сидел Бенджи, и кровать, на которой Райз провалялся трое суток — аскетичный набор.

— Сможешь встать? Хотя что это я, сейчас ты наверное и бегать будешь, — Бенджи поднялся и отодвинул табурет в сторону, давая Райзу место. — Я кое-как объяснил местным, когда ты получил рану, и как прогрессировало твое состояние, чтобы они могли подобрать нужную дозу антидота. Так они на тебя, как на призрака смотрели. По всем подсчетам тебе давно полагалось лежать под грудой веток и камней.

— У меня еще есть незаконченные дела.

— Да, в Скесе, я помню, — Бенджи неловко улыбнулся. — Не очень получилось с «добраться за два дня».

Райз смерил его пристальным взглядом. Уже в который раз казалось, что парень что-то недоговаривает, что за этим незыблемым оптимизмом и добродушием скрывается что-то вроде того, что Райз и сам не раз скрывал за таким же поведением. Но уделив этой мысли чуть больше внимания, он снова пришел к заключению, что Бенджи просто... просто Бенджи.

Несмотря на сопротивление затекших от долгого лежания мышц, встать с кровати все же получилось. Теперь, когда действие яда не выпивало все соки, рана на боку без каких-либо оговорок могла считаться царапиной.

— Пойдем, приведем тебя в порядок, заодно покажу тут все, — позвал Бенджи, перешагнув через вытянутую лапу Клыка и в ответ на недовольное рычание, показал тому язык. Грив даже не попытался отгрызть ему ногу.

За неимением одежды Райз замотался в тонкую ткань, что служила до этого покрывалом, и направился следом; Клык — за ним, доламывая остатки дверной рамы.

Деревня, к которой их привел грив, пристроилась на узкой полоске лугов между бесконечной стеной джунглей с одной стороны и полноводной рекой с другой.

Уровень технического развития здешней цивилизации слабо поддавался оценке. Среди домов виднелись какие-то механизмы и сложные конструкции, преимущественно выполненные из дерева, и с поправкой на ту глушь, в которой все это находилось, можно было предположить, что местные не сильно отстали от Афракского союза. Но судить по одной захудалой деревушке на краю мира было бы опрометчиво.

Из рассказа Бенджи Райз узнал, что деревенские в основном занимаются рыбной ловлей и возделыванием полей. Имело место и собирательство в джунглях, конечно, со всеми необходимыми мерами предосторожности. Иногда хищники устраивали ответные набеги, и тогда в ход пускали специальные баллисты и шумовые установки. Так что не будь с

прибывшими на «Венце» грива — их сожрали бы еще в первую ночь, и костей бы не осталось.

Дом, в котором позволили остановиться чужакам, оказался старым амбарным помещением. В меру ветхим, в меру пыльным, но, что самое важное, рядом с ним находилась уличная душевая: огороженный деревянной стеной пяточок с навесом, на котором стоял оплетенный трубами деревянный бак. Внутри — несколько скамеек, мотки труб, сделанных из растения с идеально круглым полым стволом, деревянный поддон на полу, прикрученное к стене забрызганное зеркало и толстый паук, восседающий на блестящей от капель паутине в углу. На одной из скамеек лежали неровные куски мыла и лезвия для бритвы.

— Вот же голова, — Бенджи раздосадовано скривил губы. — Сейчас вернусь, принесу чистую одежду.

От воды, чистой, на первый взгляд, несло пресноводными водорослями. Но она все равно смывала пот и грязь — большего и желать было нельзя, разве что надеть чистую, не стоящую колом одежду.

— Не хочу портить момент, — неохотно начал Бенджи, когда Райз причесывал пятерней мокрые вихры, — но у нас, кажется, есть проблема. И язык не поворачивается назвать ее небольшой. Найдутся силы для короткой прогулки?

Райз кивнул. Проблема, которую нельзя назвать небольшой — именно то, чего ему сейчас не хватало.

Спустя полчаса ходьбы мимо полей, засаженных низкорослым кустарником с крупными пурпурными плодами, Бенджи привел Райза и не отходящего от хозяина ни на шаг Клыка к небольшому холму, за которым скрывалась излучина реки.

С его вершины открывался вид на противоположный берег и тянущуюся вдаль бескрайнюю равнину. Вид был отличный, но безрадостный: горизонт, от края и до края чернел полностью выжженной землей.

— Это не последствия пожара, — тихо произнес Бенджи. — Я надеялся, что не понял жителей деревни, но чем больше с ними говорил тем яснее становилось, что это...

— Орда, — закончил за него Райз.

Бенджи с удивлением уставился на него и ошеломленно произнес:

— Ты говоришь с такой уверенностью... Но да, это Орда. Она прошла здесь около месяца назад. Местным повезло, что ее больше заинтересовали города на том берегу, чем джунгли на этом. Но гарантий, что она не вернется, нет.

Бенджи какое-то время помолчал, сверля горизонт взглядом, прежде чем заговорить снова:

— Это из-за нее мы здесь оказались?

— Предположительно.

Он снова посмотрел на Райза. Тот видел, что у парня на языке крутится следующий вопрос, но Бенджи решил оставить его при себе.

— Собственно, вот, это все, что я хотел показать. Возвращаемся?

Райз кивнул.

Во время спуска Бенджи умудрился отыскать единственную на всем холме корягу и споткнулся об нее. Он слетел бы кубарем вниз, если бы Райз не поймал его за локоть.

— Осторожнее. Когда ты спал в последний раз?

— Я спал, — запротестовал парень. — Время от времени. Урывками. Вроде как.

— Тебе нужно отдохнуть.

— Да, так и сделаю сегодня. Только дождусь ночи: не ложится же посреди дня.

Вечером, сидя неподалеку от дома-амбара, Райз смотрел на возвращающихся в деревню охотников. Они ехали верхом на двуногих животных: с длинными мощными лапами, небольшим, поставленным параллельно к земле туловищем, и такой же длинной, как ноги, толстой шеей.

— Флеринги, — пояснил выскользнувший из дома Бенджи. — Только на них верхом и ходят в джунгли: они устойчивы ко всем местным ядам и достаточно быстры, чтобы уйти от хищников. Они и сами могут куснуть, в случае чего. Не так, конечно, как грив, но..., — Бенджи умолк, заметив, что Райзу нет дела до его болтовни, и покосился на луч света, вырывающийся из окна дома вместе с голосами ужинающих моряков. — Не хочешь присоединиться? Понимаю, вы с Грейгором не в лучших отношениях, но раз мы все равно здесь застряли, нужно держаться вместе.

— Ступай, Бенджи. Я скоро приду.

Парень не возражал: по своему обычаю, недолго помялся на месте и ушел.

Орда здесь. Совсем близко. В каком-то месяце пути, а верхом на гриве, вероятно, и того меньше. Учитывая, какой след она оставляет после себя, найти ее не составит труда. Для этого ему нужно было оказаться здесь? Чтобы получить шанс увидеть врага, с которым придется иметь дело? Узнать его возможности, манеру действий? Успеть подготовиться? Но как подготовиться, если единственный способ вернуться в свой мир — только вместе с Ордой. Проклятье.

От мысли, что придется вспомнить былые методы, снова войти в ту же реку, неприятно засадило в груди. Но если другого выбора не остается, придется действовать по старинке.

В том, как все оборачивалось, не находилось места для Грейгора и компании. Дело было не только в том, что Райз с радостью избавился бы от их общества. Сейчас то, что он намеревался сделать, шло полностью вразрез с тем, что следовало делать простому человеку, если тот хотел прожить долго и, возможно, счастливо.

Но, зная Грейгора и его слепое стремление поступать наперекор, говорить придется другое.

Райз велел Клыкку остаться снаружи. Недовольно фыркнув, грив уселся перед окном и уставился на тех, кто находился внутри.

Сидящие за столом моряки прекратили орудовать ложками, и их взгляды устремились к остановившемуся на пороге Райзу.

— Не подход, значит, — кисло произнес Грейгор и зло посмотрел на Бенджи. Тот виновато улыбнулся и развел руками. — Чего приперся?

— Нам нужно уходить отсюда. И поскорее.

— Что такое, местная койка не устраивает твою благородную задницу?

— Ты не хочешь вернуться домой?

— А ты хочешь сказать, что знаешь, как это сделать.

— Имеется такая мысль, — Райз выдержал паузу, чтобы убедиться, что все присутствующие внимательно его слушают. — Мы перейдем вместе с Ордой. Это довольно рискованное мероприятие, но если все сделать правильно...

Моряки взорвались хохотом, а Грейгор смеялся громче всех. Бенджи оказался единственным, кто не разделял их веселья, и сидел за столом с понурым видом, как белая, поклеванная всеми ворона.

— С Ордой. Перейти в другой мир. Типа мы такие: «Здравствуйте, можно с вами?». А они в ответ: «Да, пожалуйста, проходите, садитесь», — хохотал Грейгор. Успокоившись, он вытер выступившие на глазах слезы и посмотрел на Бенджи: — Хреновый из тебя лекарь. Задницу его спас, а вот с мозгами не вышло.

— Грейгор, я не шучу, — спокойно произнес Райз.

— Я вижу.

Обведя взглядом товарищей, Грейгор прочел на их лицах, что Райзу все же удалось посеять в их головы зерна сомнения. При мысли об этом капитана взяла злость.

— Слушай сюда, ублюдок, — прорычал он. — Ты угробил почти всех моих людей, но тебе и этого мало. Не знаю, как тебя только земля носит, но держись подальше со своими бредовыми идеями от меня и от моих парней. Или, честное слово, я тебя пристрелю и срать я хотел на твоего грива.

— Не горячись, Грейгор, я тебя понял. Больше никаких бредовых идей, — Райз изобразил улыбку и вышел из комнаты.

Оставалось только собрать вещи.

Седло с сумками нашлось в предбаннике дома, а Клык притащил части глефы. Судя по остаткам земли на ножнах и рукоятке, для сохранности он их закопал, как собака на заднем дворе кость.

— Собираешься ехать прямо сейчас? В ночь? — Бенджи остановился в дверях дома, подперев плечом косяк.

— Нет времени ждать. Его и так было немало потеряно.

— Один раз ты уже поспешил, — осторожно заметил парень.

Райз не стал говорить, что даже с учетом всех последствий, это оказалось абсолютно верным решением.

— Постарайся не влезть здесь в неприятности, Бенджи, — закончив седлать грива, он подошел к парню. — С моим уходом Грейгор должен успокоиться, но ты все равно не зли его лишний раз. Не думаю, что Орда вернется сюда, так что здесь будет безопасно.

— Тогда зачем тебе уходить?

— У меня есть незаконченное дело в Скесе. Уже забыл? — Райз улыбнулся и протянул ему руку. — Спасибо тебе, Бенджи. За все.

Тот вяло улыбнулся и ответил рукопожатием.

Райз и не подозревал, насколько сильно соскучился по мягкому ходу несущегося галопом Клыка. Нестерпимо хотелось пустить зверя карьером, но для раненого бока это было бы слишком.

За поворотом реки, чуть ниже по течению, обнаружился на удивление добротный мост: отличная находка для тех, кто не желал лезть в воду. Течение реки отличалось неспешностью, и гриву не составило бы труда переплыть ее, но сейчас Райз меньше всего хотел занести в рану очередную дрянь.

Противоположный берег встретил болотистой равниной с мягкой, стелющейся травой. Она росла густыми пучками, формировала кочки, окруженные стоячей водой. В свете планетарных колец они напоминали расплавленное серебро.

Райз любовался открывшимся пейзажем, когда грив замедлил ход и зарычал. Ветер перестал свистеть в ушах, и Райз услышал преследующий их частый топот.

Выхватив один из клинков глефы из ножен, он развернул Клыка, и так и замер, встретившись взглядом с Бенджи. Флеринг, на котором сидел парень, остановился в паре

десятков метров от оскалившегося грива и истошно заверещал. Клык угрожающе рыкнул в ответ и покосился на Бенджи, требуя объяснений. Райз тоже не отказался бы их получить.

— Бенджи, какого... Что ты здесь делаешь?

— У меня тоже дела в Скесе, — с улыбкой от уха до уха заявил парень.

— Бенджи, для тебя же безопаснее будет остаться в той деревне вместе с Грейгором и командой.

— Так ты же вот только недавно уговаривал всех пойти с тобой. Говорил, у тебя есть план. Вот я взял и поверил тебе.

Тот издевался. Как пить дать, издевался.

— Бенджи, — зазвучавшие в голосе Райза предупреждающие нотки обескуражили парня. — По хорошему тебе говорю: проваливай.

— Это ты чуть не помер в джунглях, а не я, — уже без прежнего запала буркнул тот. — А я тот, кто тебя спас. И ты не можешь вот так взять, и бросить меня здесь. Тем более когда это из-за тебя я тут оказался.

— Ты же говорил, что это не моя вина.

— Ну, сейчас мне выгоднее утверждать обратное, согласен? — губы Бенджи расплылись в улыбке.

— Вот же мелкий засранец.

Вздыхнув, Райз спрятал клинок обратно в ножны и развернул грива.

— И откуда же ты взял флеринга? — через плечо бросил он, дожидаясь, пока Бенджи подъедет.

— Одолжил, — невозмутимо ответил тот.

Присутствие Бенджи не сильно ломало план: сложно поломать то, чего не было. Первым и единственным пунктом было догнать Орду, а там уже смотреть по обстановке. Но с появлением Бенджи пришлось внести некоторые коррективы в ближайшее расписание.

— Переночуем здесь, — Райз остановил Клыка в роще из пары десятков деревьев, собравшихся на небольшой возвышенности посреди голой равнины.

— Ты выехал в ночь, чтобы в итоге ночевать под открытым небом? — скептически поинтересовался Бенджи. — А Грейгор был не так и не прав касательно кровати, не пришедшейся по вкусу твоей благородной заднице.

— Мне бы не пришлось останавливаться, если бы ты остался в деревне. Но если ты не отдохнешь, завтра точно вывалишься из седла.

— Будто бы это я виноват, — хмыкнул Бенджи. Райз приподнял бровь. — Ты ведь даже не спросил меня, хочу ли я остаться или поехать с тобой. Говорил только с Грейгором, будто я какое-то пустое место. Так что нечего теперь жаловаться и валить все на меня.

Райз хохотнул. Несмотря на безобидный вид, совать пальцы в рот Бенджи точно не стоило.

Укладываясь спать, Райз знал, что Клык будет чутко следить за округой и не станет ждать, пока какая-нибудь тварь нападет на Бенджи. На удивление грив проявлял к тому даже большую благосклонность, чем к Къярту, которого не столько любил, сколько боялся. И нужно же было до такого додуматься.

Ночь выдалась славной, а утро — и того краше. Проснуться под теплыми лучами солнца, с самочувствием еще лучшим, чем накануне, не обнаружить на себе червей или какой другой мерзости — чем не отличное начало нового дня?

— Бенджи, ты же понимаешь, что любое приближение к Орде смертельно опасно? —

как бы между прочим поинтересовался Райз, обжаривая на костре ногу какого-то копытного.

Клык притащил его на рассвете, сразу отгрыз половину — ту, что с головой, — вторую же любезно оставил людям. Флерингу достались потроха, но он не жаловался.

— А ты? Ты не похож на идиота, и раз говоришь, что у тебя есть план, то я доверюсь. У меня-то его вообще нет, — парень пожал плечами.

Доверял бы так без оглядки его решениям Къарт. Но Къарт и доверие — вещи, которые предпочитали встречаться не чаще раза в год, и то, только для того, чтобы плюнуть друг в друга и снова разойтись.

И все же подобное безоговорочное доверие было слишком. Тем более когда Райз еще ничего не сделал, чтобы его заслужить.

— Что ты скрываешь, Бенджи? — прямо спросил он. Даже если тот и не ответит, хотя бы станет понятно, утаивает ли он вообще что-то, или он и правда просто доверчивый дурак-оптимист.

— А?

— Ты ведешь себя странно.

— Разве? Ну, наверное со стороны виднее, — Бенджи развел руками и с прищуром посмотрел на Райза. — А ты что скрываешь?

— Бенджи, не выводите меня.

— Ладно, ладно. Давай заключим сделку: моя история в обмен на твою.

Немного помедлив, Райз кивнул.

— Ну-у, — с неловкой улыбкой протянул Бенджи, — на самом деле мне нечего рассказывать. Совсем нечего. Родился и жил в Скесе, учился в Афракском союзе, пытался вернуться домой, но вышло не очень. Никаких жутких тайн. Но теперь я точно знаю, что у тебя таковые имеются. Поделишься?

— Нет обмена — значит нет обмена, — с улыбкой произнес Райз.

— Какой ты злой, — буркнул Бенджи и впился зубами в свою порцию мяса.

Доверчивый дурак-оптимист.

Они добрались до границ территорий, разоренных Ордой, к полудню.

Земля здесь не была выжжена. За прошедший месяц растительность и живность, которой не посчастливилось оказаться на пути, сгнила, но по виднеющимся то здесь то там остовам деревьев было ясно, что их убил не огонь. Они выглядели так, будто к ним прикоснулся Къарт. Будто кто-то или что-то выпило из них всю жизнь.

Скорее всего здесь побывало не ядро Орды, а одна из ее армий. Прошедшие за месяц дожди смыли большую часть следов, но кое с чем не могли справиться даже ливни.

Не на шутку перепуганный, Бенджи таращился на вмятины в земле, в которых мог целиком уместиться грив, тогда как у Райза они вызывали только скупое неудовольствие. По прикидкам, тварь с таким размером лап вряд ли намного превосходила в размерах Погибель друидов. Впрочем, она могла быть даже меньше и безобиднее: если не умела жрать камни и плевать лавой. Однако при всей своей боевой мощи Погибель не шла ни в какое сравнение с Царицей, которую издали принимали за гору. Но для ликвидации даже такого гиганта хватило одного единственного укротителя огня и камня, пусть не рядового, а наследника Первого мага, но все же. Справился с подобной задачей и один лучник с правильным луком. Да, лук деда пришелся бы сейчас очень кстати. Хотя какая от него польза? Если бы оружием и удалось установить связь с Морем Теней, то голос Райза больше не обладал силой заклинателя, и в его руках лук остался бы простым луком.

На второй день пути на черном облике пустоши вырос первый город — его обожженный остов. На улицах, тянущихся вверх деревянными пятиэтажками, не было людей. Вернее, не было живых людей.

Клык медленно ступал по покрытой толстым слоем пепла брусчатке, и чем дальше Райз смотрел по сторонам, тем меньше этот пепел походил на пепел сгоревших зданий. Грив шел, опустив голову, и недовольно фыркал, когда под его лапой с треском ломалась человеческая кость. Стервятники обглодали их, или же это Орда оставила от тел одни только белые скелеты?

Бенджи был тише воды. Он словно бы посерел и усох и, вжавшись в седло флеринга, смотрел на город вокруг округлившимися от ужаса глазами.

Время от времени Райз чувствовал на себе его взгляд: непонимающий, задающийся вопросом, почему он выглядит так, словно провел всю жизнь в месте похожем на это и не находит в нем ничего, чего стоило бы пугаться.

Беспокоясь, как бы Бенджи не слетел с катушек от открывающихся видов, Райз отгонял от парня его же энергию духа, тем самым снижая градус напряжения. Миновав первый город, все последующие они объезжали стороной. Городов было много: от двух до трех, не считая мелких деревень, на каждый день пути.

— Орда... она придет в наш мир? Когда закончит с этим? — во время одного из привалов шелестящим голосом спросил Бенджи.

— Да.

— И все это повторится, — он сокрушенно покачал головой.

— Уже жалеешь, что не остался с Грейгором? — Райз посмотрел на него с беззлобной усмешкой.

— Что? Нет, что ты, нисколько, — парень встрепенулся и выдавил подобие улыбки. — Пропустить такое веселье? Да ни за что!

Стоило отдать Бенджи должное. Он так старательно храбрился, изо дня в день, будучи при этом самым обычным парнем без каких-либо особых способностей, тогда как даже Райз, с полученной от Фелиса силой, чувствовал себя совершенно безоружным.

Они догоняли Орду. Спустя полторы недели непрекращающейся скачки по пустоши, на горизонте впереди появились столбы дыма. Орда двигалась медленно — куда медленнее, чем предполагал Райз. Или же она возвращалась по уже пройденному пути, что было крайне маловероятно: если перед ней стояла задача поглощать жизнь, движение по мертвым территориям не имело никакого смысла.

Здесь округа выглядела иначе: не настолько сгнившей и окончательно разоренной падальщиками. Даже птицы не совались на уничтоженные Ордой территории, и за все время пути им так и не повстречалось ничего живого. Где Клык находил дичь, оставалось самой большой загадкой, которую Райз тщетно пытался разгадать.

С каждым днем ему все меньше нравилась идея тащить Бенджи за собой в самую мглу. Если дело примет нежелательный оборот, он предпочел бы, чтобы парень находился в месте, до которого Орде уже нет дела. Когда на другом берегу реки, вдоль русла которой они ехали все эти дни, появилось поселение, по всей видимости не тронутое Ордой так же, как и деревня у джунглей, Райз без лишних размышлений свернул к нему. Можно было заглянуть в еще пару вымерших городов, чтобы окончательно отбить у Бенджи желание лезть туда, куда ему точно не нужно, но Райз надеялся, что парню хватило впечатлений после первого визита.

О переправе на другую сторону напоминали торчащие с противоположных берегов деревянные огарки. Вряд ли мост сожгли в надежде остановить Орду. Скорее всего его разрушили, чтобы в город не хлынули беженцы из других мест.

Рана на боку затянулась, осталась только тонкая красная полоска на память, так что Райз не побоялся отправить Клыка в воду. На время переправы он забрал Бенджи к себе в седло, но флеринг оказался пловцом не хуже, чем грив.

— Живые люди, — с вымученной улыбкой произнес Бенджи, подъезжая к городу. — Как здорово-то.

Охраны на въезде не было, как не было и оборонных стен. Весь город выглядел так, будто впервые видел поселившихся в нем людей, как, собственно, и они его. Словно из него уже выели все живое, а затем сюда пришли те, кто искал спасение от надвигающейся Орды. Райз читал это на лицах провожающих их прохожих — таких же бесправных, непрощенных чужаков, как и он с Бенджи.

Никто не пытался их остановить. Райз направлялся в центр города, туда, где можно было найти кого-то, кроме женщин, прижимающих к груди детей, и изредка встречающихся мужчин с впалыми глазницами; где можно было найти место, в котором Бенджи будет в безопасности.

По мере приближения к центральной площади, сопровождающие их взгляды становились пристальнее. Люди глазели не столько на Бенджи, сколько на Райза и Клыка, что, впрочем, было неудивительно. А вот то, что беженцев не окутывал страх, порождало вопросы. Да, их окружала перманентная голубоватая взвесь. Однако стоило взгляду очередного прохожего задержаться на приезжих, и страх шел на убыль. Удивление на лицах прижавшихся к окнам детей сменялось восторгом. Они исчезали, чтобы позвать родителей, и, когда по ту сторону пыльных стекол появлялись их матери, тыкали в Клыка пальцем и что-то радостно говорили.

— Ты нравишься местным, — с растерянной улыбкой заметил Бенджи.

Впереди показалось площадь: людная и шумная из-за проходящего на ней собрания. Увы, подъехав ближе, к своему неудовольствию Райз обнаружил, что настроения толпы далеки от тех, которые ему хотелось бы видеть. Вариант оставить Бенджи в городе, который был готов сожрать сам себя, даже не рассматривался.

— А вот это уже совсем странно, — в замешательстве произнес парень.

Он, не отрываясь, смотрел на воздвигнутую в центре площади статую зверя и человека, положившего ладонь на его голову. Зверь выглядел точь в точь как грив.

Часть собравшихся устроила возле изваяния потасовку. Мужчины что-то гневно выкрикивали в лицо одетого в длинный синий балахон человека, вероятно, местного служителя веры. Один из них, самый бойкий, вооружившийся дубинкой, оттолкнул жреца в сторону и с размаху снес голову статуе человека. Во все стороны полетела серая крошка. С одобрительным улюлюканьем на статую кинулись и остальные, бесцеремонно отеснив жреца к рядам тех, кто безучастно наблюдал за происходящим.

Клык презрительно фыркнул и помотал головой.

Сперва его заметили те, кто стоял ближе всего. Прокатались волны перешептывания, привлекая внимание остальных. Обернулся и жрец, до этого в бессилии смотревший, как уничтожают его святыню. Его худощавое лицо вытянулось, покраснело, побледнело, приобрело выражение человека, увидевшего покойника, восставшего из мертвых.

Перешептывающиеся до этого, люди стали замолкать, пятиться прочь, кто-то окликнул

громящих статую мужчин. Те остановились не сразу: сначала один, затем второй и третий, и так до последнего, пока взгляды каждого из них не уткнулись, точно копы, в Райза. На площади воцарилась гробовая тишина, и ее тут же разорвал пронзительный плач напуганного грохотом ребенка.

Жрец ожил первым: что-то прокричал с воодушевленным лицом, бросился вперед, расталкивая людей, остановился в десятке шагов перед Клыкком, упал на колени, а затем и вовсе рухнул ниц. Недолго помедлив, остальные последовали его примеру.

— Страннее некуда, — пробормотал Бенджи и посмотрел на Райза в ожидании объяснений.

Клык снова фыркнул и нетерпеливо переступил лапами.

Жрец отмер, поднялся с колен, приблизился к гриву и склонил голову, когда тот предостерегающе оскалился.

— Ты пришел, человек с двухвостым зверем, — на ломаном, с жутким акцентом, но все же афракском произнес жрец.

— Откуда ты знаешь этот язык? — спросил Райз.

— Послушники нашего ордена изучают его не одно столетие. Мы храним его, как и веру, что когда на наши земли снова нападет Орда, придет и тот, кто уничтожит ее — человек с двухвостым зверем.

— Что ж ты сразу не сказал? — Бенджи присвистнул и умолк под красноречивым взглядом Райза.

— Это великая честь для меня: быть первым, кто встретил воспетого в пророчестве героя.

— В пророчестве, — с сомнением повторил Райз и покосился на тех, кто еще минуту назад громил статую.

— Прошу, не злись на них! Они измученные потерями люди, в чьих сердцах угасла надежда, — рьяно вступился за них жрец. — Но теперь, когда ты здесь, больше не останется неверующих.

— Откуда взялось это ваше пророчество?

— Оно высечено на скалах на всех восьми континентах. Его обнаружили даже подо льдом южных ледников и на самой вершине Флеуды.

— И кто его оставил?

Жрец развел руками.

— Никто не знает. Но этот кто-то был достаточно силен, чтобы начертать на скалах сотни гигантских символов.

При слове «гигантских» на ум сразу пришли исполины, но Райз не был сторонником поспешных выводов.

Он окинул взглядом площадь, на который каждый присутствующий затаив дыхание ловил каждое его слово. Но они не понимали его. Афракский знал только жрец.

— Задержимся здесь ненадолго, — сказал он Бенджи и спрыгнул на землю.

— Это великая честь — принимать тебя и..., — жрец бросил в сторону парня мимолетный взгляд, — и твоего спутника. Дай мне немного времени, я все устрою.

Сказав это, он засеменял прочь, на ходу что-то вещая людям, слетающим к нему, как пчелы на сироп.

Сидя на краю площади, Райз рассеянно следил за тем, как одни мужчины торопливо, дрожащими руками собирают обломки статуи, другие выносят на улицу столы и стулья, а

женщины, не занятые развешиванием на столбах какой-то мишуры, приводят детей, чтобы те поглазели на него — будто он был диковинным зверьком в клетке. Город готовился к празднеству.

Лежащий рядом Клык, первое время пугавший прохожих ленивым рыком, утратил к ним всякий интерес, чего нельзя было сказать о детворе, пусть и не приближающей больше, чем на полсотни шагов, но не прекращающей тыкать в него пальцами издали. Не готовый к такому вниманию, грив свернулся калачиком и спрятал морду под хвостами.

— Ничего не хочешь рассказать? — с усмешкой спросил Бенджи.

— Я понимаю в том, что здесь происходит, не больше твоего.

— Ой ли, — парень хмыкнул и откусил кусок от принесенного жрецом пирога.

Жреца звали Мау. Вместе с остальными он бежал из соседнего города незадолго до прихода Орды. Как Райз и предположил, местные жители бросили свои дома и того раньше и ушли глубже на запад, к безжизненной пустыне, которая вряд ли могла заинтересовать Орду.

В своих историях Мау обмолвился, что их ордену около тысячи лет. Плану, в который его втянул Фелис, а того, в свою очередь, «высшая сила», было столько же?

Каким бы ни был ответ, сложившаяся ситуация играла в пользу Райза. Если, конечно, в своем набеге Орда не приобщилась к местному фольклору и не наслушалась легенд о том, кому полагалось ее уничтожить.

Когда приготовления завершились, и на площади заиграла музыка, Мау усадил почетных гостей за стоящий особняком стол. Несколько девушек принесли снятую с огня дичь, а трое мужчин приволокли забитого то ли теленка, то ли кого схожего, и бросили тушу Клыку.

Глядя на заставленный блюдами стол, Райз думал, что столпившиеся в стороне люди мало походили на тех, кто мог позволить себе такое расточительство.

— Не нужно было переводить столько мяса, — сказал он Мау, когда тот застыл перед столом в ожидании, чего еще пожелает уважаемый гость. — Он не голоден.

Жрец с сомнением посмотрел на Клыка, самозабвенно грызущего ногу туши.

— Он как бродячая собака, — хмыкнул Райз. — Будет жрать, пока есть что. Был бы голоден, проглотил бы целиком, а не смаковал.

Мау приобрел поистине страдальческий вид.

— Если я могу чем-то..., — забормотал он, но Райз перебил его.

— Прекращай уже с этими расшаркиваниями. Возьми стул, сядь и давай поговорим. Расскажи, что знаешь об Орде.

Мау энергично закивал, схватил ближайшую табуретку, поставил ее на почтительном отдалении и, усевшись, чопорно разгладил края балахона.

Райз вздохнул. Не успел жрец открыть рот, как один из тех, кто громил статую, и до этого стоявший с товарищами в сторонке, собрался с духом и окутанный алой дымкой негодования направился к ним.

Подойдя, он заговорил с Мау: импульсивно, зло, начал что-то требовать, размахивая руками. Видя, что жрец не собирается переводить обрушившуюся на него гневную тираду, Райз спросил:

— В чем дело?

— Он выражает свое неудовольствие тем, что мы не можем предложить тебе лучшей еды и разместить с большим удобством. Но эти люди лишились последнего и...

— Мау, — Райз осуждающе покачал головой, — не нужно мне врать. Что он говорит?

Жрец заерзал на стуле. Нависший над ним мужчина снова закричал и, сорвавшись, схватил того за шиворот.

— Руки убрал! — рыкнул Райз.

Дебошир афракского не знал, но все прекрасно понял по интонациям и демонстративно отпустил жреца.

— Чего он хочет, Мау? Отвечай.

— Он говорит, что ты пришел слишком поздно, — потупив взгляд, жрец забормотал себе под нос. — Орда разоряет одно государство за другим вот уже семнадцать лет. Кому нужна победа, когда выживших со всех континентов не наберется и на одну крошечную страну? Это нашествие самое страшное из всех, что когда-либо случались, — собравшись с духом, Мау посмотрел на Райза. Губы жреца предательски дрожали. — Орда никого не щадит. Совсем никого.

Мужчина принялся что-то требовать, но жрец нервно замотал головой, отказываясь переводить.

— Давай уже, Мау, жги, — Райз успокаивающе улыбнулся.

— Он говорит, что ты предал тех, кто верил в тебя. Кто ждал каждый день на протяжении последних семнадцати лет. Но как ты мог прийти, если тогда и сам был ребенком?

Мау вскинулся и пронзил мужчину взглядом, что-то гневно прокричал тому в лицо.

Ответом ему был обрушившийся с неба боевой клич. Музыка смолкла, и в воцарившейся тишине на площадь спикировала первая крылатая тварь. Выдернув кого-то из толпы, под истошные вопли женщин она взмыла вверх, где уже кружили другие.

Площадь захлестнуло синевой. Побросав все, толкая и давя друг друга, беженцы кинулись врассыпную, точно мыши-полевки при виде ястребиной тени. Но устроившие на них охоту твари были похожи на людей куда больше, чем на птиц: крылатых людей с мощными, покрытыми чешуей телами.

Бенджи вскочил на ноги, опрокинув стул, и схватил Райза за руку:

— Нужно убираться отсюда!

Мау тут же оказался рядом и поймал его за локоть другой, но одного короткого взгляда хватило, чтобы жрец отступил.

— Уходить? Нет, он должен сражаться! Победить их! Тому, кто уничтожит Орду, ничего не стоит разобраться с этими порождениями скверны.

— Мне жаль тебя расстраивать, жрец, но ты обознался. Райз? — Бенджи тряхнул его руку, надеясь привлечь внимание.

Но Райз был слишком занят, чтобы отвлекаться на их пререкания. Прищурившись, он следил за заслонившими небо крыльями, когда одна из тварей спикировала вниз неподалеку, и грив бросился к ней.

— Клык! — крикнул Райз и высвободил руку из хватки парня. — Никакой охоты. Охраняй Бенджи и жреца.

— Райз! — пальцы снова сжались на предплечье, задев шрам-компас.

Тот едва сдержался, чтобы не зашипеть от вспыхнувшей пуще прежнего боли.

— Райз, пожалуйста, давай уйдем отсюда, — отказываясь отпускать его, взмолился Бенджи и нервно посмотрел в небо. — Это фурии. Они водятся в Аверии, откуда я родом. Их чешую не пробить. Их не убить даже Клыку.

— Я это учту.

— Райз!

— Бенджи. Посиди тихонько, ладно?

Райз разжал его пальцы, высвобождая руку, и, посмотрев на Клыка, мотнул головой. Грив подбежал, осторожно оттолкнул Бенджи плечом и обвил хвостом его предплечье, чтобы парень не вздумал дергаться.

Фурии. Из Скеса, значит. Крылатые, неуязвимые, способные утащить человека, и в придачу лишённые энергии духа. Непреодолимое желание пообщаться с одной из них поближе захватило Райза. Но для начала...

Он активировал плотный синий ступок прямо в грудной клетке одной из тварей. Та истошно завопила, схватилась за грудь и, камнем рухнув на землю, забилась в агонии. Каждое ее последующее движение становилось все медленнее, обреченнее, пока фурия не замерла в последней, предсмертной судороге.

Райз усмехнулся. Крепкие снаружи — хрупкие внутри. Хотя, продолжи они жить с обледеневшим сердцем — это было бы на порядок удивительнее.

Захотелось сжать кулак. Сжать так же, как он сжимал его, когда подчинял своей воле камень. Почувствовать все сокрушающую силу, ее сопротивление в руке, дрожащее напряжение в пальцах. Но с энергией духа в этом не было необходимости: безусловно, недостаток, который, впрочем, не делал процесс менее приятным.

Люди разбежались кто куда. Одни толкались на узких ступенях, отпихивали друг друга, другие же, кто не желал становиться трусливой бесхребетной дичью, и кто успел вооружиться, высыпали на улицу с подобием арбалетов в руках.

Расклад сил стремительно менялся: спускающиеся за своей добычей фурии теряли контроль над полетом, врезались в стены и брусчатку. Но обрывали их жизнь отнюдь не выпущенные наугад болты.

Райз едва сдерживал смех. Его переполняло чувство силы, чувство абсолютного превосходства над противником, даже не осознающего, откуда приходит смерть. Как же ему не хватало этого глотка опьяняющего, кружащего голову воздуха!

Который, впрочем, грозился стать последним. Как бы примечательна ни была подаренная Фелисом сила, она зависела от других. Беженцы, осознавшие, что фурии не могут их достать, стали брать себя в руки, а страх — под контроль. Но Райз не возражал против смены подхода. Куда больше задачу усложняло то, что люди все меньше смотрели на фурий и все чаще — на него. Это внимание не могло долго оставаться незамеченным.

Райз вооружился кружащей вокруг грива рыжей дымкой возбуждения, прихватил немного желтой взвеси паники и, конечно же, синие клочки холода и приготовился ждать. Он ощущал острую нужду в душевной беседе с крылатой — любой из тех, что перестанет осторожничать и спустится к нему поближе.

Долго ждать не пришлось. Кружившая в стороне от остальных фурия с антрацитово черной чешуей сложила крылья коконом, видать, полагая, что это защитит ее, и бросилась к Райзу.

Выждать. Подпустить поближе и нанести удар — который обездвижит, но не убьет. Нужно только выждать еще немного.

Клык появился перед ним за мгновение до того, как Райз собирался активировать энергию. Ощетинившаяся иглами спина закрыла Райза от фурии, не давая ему прицелиться. Единственное, что он успел увидеть, это сверкнувшие алым когти крылатой, готовой пустить

грива на фарш.

Синий сгусток взорвался внутри и вокруг твари холодом, и та, судорожно расправив крылья, упала под лапы Клыка. Тот сразу вцепился в ее голову, но фурии было уже все равно.

Проклятье!

— Я что велел тебе делать?! — Райз налетел на грива. Клыки того и правда плохо справлялись с покрывающей тварь чешуей. — Мало мне было самовольничества Къярта, еще и ты туда же?!

Он поднял взгляд к небу и раздосадовано выругался. Фурии, усвоившие урок и не готовые к последующим потерям, одна за одной скрывались в вечеряющей синеве. Расстояние до ближайшей из них было слишком велико, чтобы дотянуться энергией духа и сбить.

— Зараза! Доволен теперь?!

Клык был слишком занят борьбой со своей добычей и не обращал на хозяина внимания, пока тот не пнул его в шею. Грив утробно зарычал, оставил голову фурии в покое и, ощерившись, дернулся в сторону Райза.

— Давай, рыкни мне еще раз, — пророкотал тот, перейдя на язык друидов, как никакой другой подходящий для выражения его текущих эмоций. — Раз облажался, так закрой пасть и не зли меня.

Клык моргнул. Шумно выдохнул воздух, выражая свое возмущение, и, помедлив, сделал шаг назад, опустил голову к земле.

Райз вздохнул, успокаивая поднявшуюся внутри бурю.

— Горе мне с вами, — сказал он и провел ладонью по лбу грива. — Ладно, зверюга, прощен. Но ослушаешься в следующий раз, и будешь месяц одной травой питаться.

Клык снова фыркнул и ткнулся носом в ладонь.

Обернувшись, Райз встретился взглядом с Мау, чье лицо преисполнилось благоговения. Очнувшись, он бросился к приходящим в себя людям, восторженно крича на их языке.

— Чтоб меня, — пробормотал Бенджи, когда они остались с Райзом один на один. — Ты и правда человек с двуххвостым зверем.

Беженцы слонялись по площади, собирали разбитые тарелки, бросали обломки деревянной утвари и порванную крыльями мишуру в костер, к которому уже стащили тела фурий. Разумнее было бы закопать их за городом: вряд ли огонь возьмет тела. Но люди хотели сполна насладиться вкусом победы.

— Мне нужно, чтобы ты рассказал об Орде все, что знаешь, — без лишних отступлений сказал Райз, когда жрец снова появился рядом.

Последние минут тридцать, пока все занимались делом, тот без остановки прославлял победившего тварей героя, и теперь, раскрасневшийся, с горящими глазами, он едва мог спокойно стоять на месте.

— Конечно, я расскажу все по дороге к Флеуде, — Мау энергично закивал головой.

— Флеуде? Этой вашей горе с пророчеством? Извини, у меня несколько другие планы и на паломничество сейчас нет времени.

— Но как ты собираешься победить Орду без оружия?

Прозвучавший вопрос озадачил.

— Без оружия?

— Да, без оружия. У тебя же его сейчас нет.

— С чего ты это взял?

— Его не может у тебя быть, — растерянно произнес жрец. — Чтобы достать его, тебе нужен ключ. Ключ к оружию. Наш орден хранит его больше тысячи лет.

А вот это уже представляло интерес.

— Что за ключ?

— Я не знаю. Только высшему жрецу позволено его видеть. Поэтому и нужно спешить к Флеуде. Ключ находится в ее святилище, — Мау с нетерпением посмотрел на Райза.

Учитывая, насколько этот мир оказался подготовлен к его случайному визиту, вполне возможно, что этот пресловутый ключ — дорога назад. Но если все так просто, какой тогда вообще был смысл в таком крюке? Получение информации об Орде, которая теперь, по всей видимости, будет даже не из первых рук, а со слов Мау? Встреча с фуриями?

— Хорошо, Мау. Возьми флеринга. Выезжаем немедля, — распорядился Райз и встретился взглядом с мнущимся неподалеку Бенджи.

Тот смотрел на него, точно пес, от которого решил избавиться хозяин, и, недолго думая, вывез в лес и привязал к дереву подышать.

— Бенджи, поедешь со мной на гриве.

Тот просиял, а вот Клык свое отношение к плану выразил красноречивым фырком.

— А ты проштрафился, так что никаких возмущений.

Не прошло и часа, как они выехали из города и направились на запад.

Какое-то время Клык еще пытался ворчать: мало ему было седельных сумок, под завязку набитых провизией, так теперь пришлось еще терпеть лишнего ездока. Но схлопотав пару воспитательных пинков по бокам, грив в последний раз страдальчески рыкнул и умолк. Флеринг, везущий одного только сублильного жреца, бодро бежал рядом.

Еще до выезда из города Райз потребовал у Мау карту с указанным на ней путем к Флеуде: чтобы не пришлось наматывать круги, если жреца внезапно утащит фурия или

сожрет какой-нибудь местный зверь в любой из шести дней пути, что их ждали.

Клык мог покрыть расстояние и быстрее, но не с полными сумками, которые могли оторваться при малейшем резком скачке. А без провизии до Флеуды было никак. С третьего дня дорога вела через пустынные пески, в которых не водилось ни воды, ни живности, так что вполне вероятно, что тем, кто сожрет Мау, окажется не здешний хищник, а пришлый грив. А после и от флеринга не останется даже шейного гребешка.

Райз надеялся на сознательность Клыка, как, впрочем, и Мау, на все лады расхваливавший скотный двор святилища, лучшие обитатели которого без всяких обсуждений будут отданы гриву, как только они благополучно доберутся до места.

Нужно только продержаться каких-то шесть дней — сущая мелочь, учитывая, что «Венец» могло бы и вовсе выбросить на другой стороне планеты. Правда, Райз не сомневался, что случись оно так, и святилище человека с двуххвостым зверем все равно оказалось бы за ближайшим углом.

— Орда, Мау, — напомнил Райз во время их первой остановки на ночлег. — Ты обещал рассказать про Орду.

— По правде сказать, я знаю не так уж и много, — с виноватым видом произнес жрец. — Я был еще восемнадцатилетним мальчишкой, когда она напала на наш мир. Жил в святилище Флеуды, как и другие послушники. А затем, когда пришло время покинуть обитель, моя задача заключалась в том, чтобы поддерживать в людях веру в твой приход и держаться подальше от Орды. Пророчество гласило, что однажды истинно верующий встретит героя и отведет его к ключу от оружия, которым тот сокрушит Орду. Но я и представить не мог, что именно мне посчастливится стать тем самым проводником!

Мау уставился на Райза как на божество, но того мало интересовали восторженные речи жреца.

— Мау, Орда здесь уже семнадцать лет. Ты не можешь вообще ничего о ней не знать. Будь добр, давай ближе к делу.

Тот спал с лица, но вскоре взял себя в руки и кивнул.

Мау не знал ничего, что не было бы известно Райзу после изучения библиотеки в Руфероне. Вкратце: армии Орды разоряли один континент за другим, высасывая жизнь из всего, что попадалось на ее пути. Однако теперь можно было почти с полной уверенностью заявлять, что она охотилась за энергией. Вероятно, той же самой, которую мог поглощать Кьярт. Но с какой целью?

В рассказах жреца нашелся еще один примечательный факт: фурии, напавшие на город, сопровождали Орду. Они являлись ее частью и появлялись везде, где та проходила. Численность их была незначительной: тысяча или две на армию. Но когда даже одна крылатая могла с легкостью перебить целый город, десяток уже внушал благоговейный ужас.

Эта информация не представляла бы особой ценности, если бы такие же фурии, по словам Бенджи, не обитали в Скесе. Их популяция была немногочисленна, и они предпочитали не показываться лишней раз на глаза: Бенджи видел их всего раз, когда еще был ребенком. Но сам факт их существования порождал вопросы. Как давно они появились в Скесе? После последнего вторжения Орды? Или раньше? В записях паладинов о них не упоминалось.

Райз пытался расспросить о них Бенджи, но тот и сам толком ничего не знал. А если и знал, то не настолько важное, чтобы перебороть свое нежелание говорить.

С самого выезда из города парень стал ниже травы, тише воды: из-за присутствия Мау, в

чем Райз сомневался, или из-за случившегося во время нападения фурий. Что, впрочем, тоже не было в духе Бенджи, от которого следовало ожидать вороха вопросов, но никак не подавленного молчания.

В итоге Райз их дождался. Возможно дело и правда было в жреце: Бенджи завел разговор, когда тот усердно стирал свою робу в небольшом озере, образовавшемся вокруг скального водопада — последнего источника воды перед пустыней. А может, парню просто требовалось время, чтобы все переварить.

— Ничего не хочешь рассказать? — осторожно поинтересовался Бенджи, перевернув вертел на котором жарилась гигантская, размером с собаку, ящерица.

Клык носился по округе, набивая брюхо ее сородичами.

— Что именно тебя интересует?

Как у Бенджи было вдоволь времени, чтобы собраться с мыслями и заговорить об увиденном, так и у Райза — чтобы решить, хочет он отвечать или нет.

— Как ты убил фурий?

Райз усмехнулся: а он-то полагал, что первым прозвучит вопрос о «человеке с двуххвостым зверем» и уничтожении Орды.

— Души живых существ вырабатывают энергию. Эту энергию можно использовать по-разному, в том числе, как оружие. Но только когда человек испытывает эмоции. Сильные эмоции.

Бенджи кивнул.

— Ты знаешь, о каком оружии речь? Ключ к которому находится в святилище Флеуды.

— Не наверняка, — уклончиво ответил Райз.

За последние три дня пути он не раз перебрал в голове все произошедшее с момента его пробуждения в доме Фелиса: все упоминания «высшей силы», все ужимки некроманта и совпадения, не только крупные, но и мелкие, на которые сперва даже не обратил внимания. И теперь был почти на сто процентов уверен, что флеудский ключ приведет его к Къярту. Он мог бы рассказать о своих догадках и Бенджи, но называть Къярта оружием, как это делал Фелис, не поворачивался язык.

— Так это правда? — после затянувшейся паузы спросил Бенджи и поднял на него взгляд. — Что ты уничтожишь Орду?

— Такой был план.

Он ждал, что несвойственная лицу Бенджи серьезность вот-вот пропадет, что тот рассмеется, как когда-то рассмеялась Кара: пусть тогда она позволила себе лишь легкую, вежливую улыбку, но про себя она точно смеялась.

Бенджи смеяться не стал. Все такой же хмурый он уставился на покрывшуюся золотистой корочкой тушу ящерицы.

— Я понимаю, что всего лишь врач, и не умею ничего особенного, как, например, убивать фурий энергией души, но если я могу как-то помочь..., — пробормотал он.

— Ты уже помог, Бенджи, — губы Райз растянулись в улыбке. — Когда не дал мне загнуться в джунглях.

Парень вяло кивнул и так же вяло улыбнулся.

— Поправь, если я ошибаюсь: тебя не смущает высказанное мной намерение остановить Орду. Ту самую, которая насчитывает десятки миллионов голов, и в противостоянии с которой погибли все Исполины.

Аргумент с Исполинами должен был сработать, хотя бы заставить Бенджи задуматься.

Тот без малейшего промедления покачал головой.

— Если ты говоришь об этом с такой уверенностью, значит, у тебя есть план, — он снял вертел с огня. — Я же ничего о тебе не знаю, чтобы утверждать обратное. А на сумасшедшего ты не похож. Поверь, я знаю, как выглядят лишившиеся разума люди.

Райз хмыкнул. Капля доверия. Была бы у Къярта хоть капля доверия, которое было у Бенджи, насколько бы все упростилось.

— Кто такой Къярт?

Райз едва дернул бровью. Он перегрелся на солнце и озвучил свои мысли, сам того не заметив?

— Ты упоминал его, когда ругал Клыка, — пояснил Бенджи.

Райз посмотрел на свою руку, где под рубашкой по-прежнему горел огнем шрам.

— Кое-кто, кто любит влипнуть в неприятности.

— Больше, чем ты?

Парень хихикнул, и Райз выдохнул. Бенджи снова стал Бенджи.

На этом расспросы закончились. Возможно, тот просто устал за день пути под палящим солнцем или же снова взял время для размышлений.

Встретившая их на четвертый день пустыня потрясла. Никогда прежде Райз не видел столько песка. Конечно, сидя под землей в логове друидов много не насмотришься, но даже имея он возможность идти, куда глаза глядят, в Огнедоле все равно не встречалось настолько засушливых мест, а в Республике и подавно.

Но Райз знал, что такое пустыня. Дед рассказывал о том, что Море Теней — место, куда попадали после смерти души живших в его родном мире, — может принимать разный облик. Однажды оно превратилось в бескрайнюю пустыню.

Воодушевление по поводу возможности познать и попробовать нечто совершенно новое скоро сошло на нет. Гуляющий среди дюн ветер, которому Райз сперва обрадовался, очень быстро объяснил, что вместе с ним поднимаются и тучи песка, кусающие не меньше ос. Этот песок не имел ничего общего с тем, которым насыпали узкие полоски пляжей в Республике. Он скорее походил на мелкую каменную крошку, в которую ветер стачивал виднеющиеся то здесь то там скалы.

Кроме скал, колючего песка и выгоревшего неба, накрывшего эту сковородку, в пустыне не было ровным счетом ничего.

Растягивая запасы воды настолько, насколько это возможно, и отрицательно качая головой, когда Клык начинал заглядываться на флеринга, Райз гадал, знает ли Мау, куда идет. Но каждый раз, когда из песка выныривал скальный выступ, жрец издавал радостный возглас и по несколько раз повторял: «Мы уже близко».

Его «близко» длилось ровно три дня — пока впереди не вырос горный хребет, застрявший верхушкой в сером мареве. Что могло быть прелестнее? После трех дней по саванне и еще стольких же по пустыне их ждал подъем на вершину Флеуды.

В ответ на это предположение жрец рассмеялся, затем спохватился, почтительно помолчал и сообщил, что подняться нужно только к подножию Флеуды, на плоскогорье, где и находится святилище.

В отличие от пустыни на плоскогорье существовала жизнь. Сперва среди камней появился витиеватый колючий кустарник, затем вверх потянулись щуплые деревца, а после из жесткой бурой травы выскочил зверек, размером не больше зайца, за которым тут же ринулся грив, едва не оставив Райза и Бенджи на земле.

Ночь опустилась на плоскогорье стремительно, и Райз задумался о том, чтобы остановиться на ночлег. Но Мау клялся, что до святилища осталось меньше часа пути, так что было решено идти до последнего: чтобы Клык, в отместку за еще одну ночь с голодным желудком, не сожрал всех, кого ему не жалко.

Крайние дома выглянули из-за скал так же внезапно, как сгустилась темнота. Святилище оказалось не каким-то одиночным храмом, но целым поселением: здания тянулись вдоль склонов невысокого ущелья, в изголовье которого восседала черная громада Флеуды.

От селения так и несло странностями. Дома и хозяйственные постройки, загоны для скота, в сторону которых так и тянуло Клыка, выглядели вполне обыденно, чего нельзя было сказать о колодцах, вырытых почти через каждые двадцать шагов по обе стороны единственной дороги.

Число колодцев в святилище уступало только числу кошек. Куда бы ни упал взгляд, в поле зрения оказывался дремлющий или же выгнувший спину дыбом и шипящий на Клыка представитель кошачьих. Кошки были везде: спали на крышах домов, на завалинках, на колодцах, просто посреди дороги.

— У них проблемы с грызунами? — тихо поинтересовался Бенджи, провожая взглядом забравшегося на козырек колодца и истошно орущего кота.

Чтобы завелись грызуны, нужны были существенные запасы зерна, но Райз сомневался, что на плоскогорье найдется пригодная для посевов почва.

Несмотря на позднее время, под крышами стоящих в темноте домов не было ни одного человека. Зато в самом конце улицы, залитой светом десятков факелов, собралась целая толпа. Обступив колодец, люди шумно переговаривались и не замечали ничего вокруг.

Все же среди них нашелся один старик, куда больше заинтересованный в гостях святилища, чем в происходящем вокруг колодца. Он носил такой же синий балахон, как и Мау, но с тщательно расчесанной длинной бородой и заплетенными в косу волосами выглядел куда представительнее, чем сопровождавший Райза жрец.

— Почтенный Ашес! — Мау соскочил с флеринга и подбежал к старику. — Я привел...

— Я вижу, — старик прервал того жестом руки и взглянул на Райза. — Поразительная пунктуальность. Кошку достали буквально две минуты назад.

— И это должно значить..., — Райз покосился на собравшихся у колодца. Один за другим те оборачивались в его сторону и обрастали рыжеватой дымкой.

— Твой приход. Пойдем, человек с двуххвостым зверем, у нас мало времени, а тебе нужно многое узнать. О твоём спутнике позаботятся.

— Бенджи, идешь со мной, — Райз спрыгнул на землю и пристегнул один из клинков глефы к перевязи за спиной. — Клык, останешься здесь. Людей не жрать и никуда не убегать. Понял?

Грив фыркнул и недовольно поскреб землю лапой.

— Прошу меня простить, но я не думаю, что твоему спутнику стоит заходить в святилище.

— Это его убьет? — Райз смерил старика пристальным взглядом.

— Нет, что ты, — Ашес добродушно улыбнулся в усы. — Но знания, что хранит наш орден, не предназначены для...

— Если не убьет, Бенджи пойдет со мной.

— Воля твоя, — Ашес развел руками. — Следуй за мной.

После всех неприятностей, свалившихся на них в этом мире, меньше всего хотелось, чтобы Бенджи сложил свою голову в паре шагов от возвращения домой. А доверять кучке отшельников, поселившихся в горах посреди пустыни, и со всех сторон обложивших себя кошками — как-нибудь в другой раз.

Передав право сопровождать Райза Ашесу, Мау превратился в тень и остался стоять между флерингом и Клыкком, впервые оказавшимся среди людей, еще и без присмотра. Это могло плохо закончиться, особенно если послушники, застывшие у колодца с полными благоговения взглядами, так и будут стоять столбами вместо того, чтобы дать гриву обещанный жрецом ужин.

— То есть в вашем пророчестве было сказано: «человек с двуххвостым зверем придет, как только в колодец свалится кошка»? — полюбопытствовал Райз, когда из толпы послушников выбежал серый кот, похоже, тот самый, что угодил в западню. Кот, впрочем, был не из красавцев: с рваным ухом, трехлапый, еще и вместо хвоста — короткий обрубок.

— Не совсем в пророчестве. Но да, так и было сказано.

— И какой это по счету упавший в воду кот?

— Первый за тысячу лет. Из тех, что попали в колодец добровольно, — старик хмыкнул. — Когда пришла Орда, послушники, те, что совсем юные, не меньше пары раз в неделю бросали в колодец несчастных животных в надежде призвать героя из пророчества. Сколько этим оболтусам объясняли, что кошка должна упасть сама, а не с чьей-то помощью — все бестолку. Но на какие только глупости не пойдут отчаявшиеся умы.

Кошка, упавшая в колодец. Без шуток. И сколько кошачьих было утоплено бравыми членами ордена за эти семнадцать лет? Кем бы ни был тот, кто оставил людям это «пророчество», чувство юмора он имел крайне специфическое.

Догадка, кто это мог быть, появилась, едва они подошли ко входу в святилище.

Его возвели не люди. Оно попросту не могло быть результатом человеческой деятельности — не с тем научным прогрессом, который Райз успел увидеть.

Сначала, в ночном свете планетарных колец, ему показалось, что святилище находится в гигантской трещине в стене, но с приближением к уходящему вверх не меньше, чем на шестьдесят метров расколу, стало очевидно, что тот был рукотворным. Только руки были куда больше человеческих.

В памяти всплыла пещера с останками исполина, из которого Къярт поглотил энергию. На ее стенках виднелись точно такие же швы-соединения. Рассмотреть бы их при свете дня, а не расставленных по всей длине прохода канделябров.

Минут десять старик вел их по идеально прямому коридору, прежде чем тот раздался в поистине исполинских размеров зал. Находящийся в нем книжные шкафы казались крошками на обеденном столе. Райз и сам почувствовал себя песчинкой, не способной разглядеть свод в бедном свете факелов.

В самом центре зала стояли песочные часы. Высотой в человеческий рост, в прочной раме из темного дерева, они ловили каждое движение огня. Весь песок лежал в нижней чаше.

— Встретивший тебя Мау — проводник, как и многие другие. Кроме них орден воспитывал разведчиков, тех, кто рисковал собственной жизнью, подбираясь к Орде. Двадцать лет назад нас было несколько десятков тысяч — последователей веры по всему миру. Сейчас же осталось меньше двух сотен человек. В этом святилище хранится все, что нам удалось узнать об Орде.

Асшес подошел к часам, надавил на рычаг и медленно, со скрипом, перевернул их. Из верхней половины в нижнюю протянулась тонкая песочная нить.

— Когда поток прервется, отведенное тебе время закончится. Я передам тебе ключ к оружию, и ты должен будешь вернуться в мир, откуда пришел.

— Вернуться? А как же Орда? Разве ее не нужно уничтожить? — Бенджи перевел растерянный взгляд с верховного жреца на Райза.

— Нужно. Но не здесь, — старик улыбался, но в его взгляде плескалась грусть. — В пророчестве сказано, что человек с двуххвостым зверем сокрушит Орду. Но ничего о том, что это произойдет в нашем мире.

— Как же..., — Бенджи обернулся к проходу, которым они пришли; снова посмотрел на жреца. — Все члены ордена, люди, которые верили и... они знали, что ожидание бессмысленно?

— Никто бы не стал жертвовать собой, зная, что это не спасет ни их дом, ни их семьи, Бенджи, — ответил Райз. — Никому нет дела до спасения чужих миров. Разве что всяким безумцам, — он хмыкнул и посмотрел на жреца. — Эта деталь была известна только верхушке Ордена, верно?

Старик кивнул.

— Эта и некоторые другие. Найти одного безумца раз в сто лет не так сложно. А если не найти, так воспитать. Я отвечу на твои вопросы после. Но сейчас ты должен взять из этой библиотеки столько, сколько сможешь.

— Сколько у меня времени?

— Песок закончится через два с половиной дня. Я распоряжусь, чтобы тебя не беспокоили.

Жрец поклонился и направился к выходу из зала. Его шаркающие шаги становились все тише и тише, пока окончательно не смолкли.

— Помнится мне, ты предлагал помощь? — Райз окинул шкафы взглядом и посмотрел на Бенджи.

Он поручил парню то же, что в свое время Къярту — сортировать и группировать. Все книги в святилище были рукописными: аккуратно выведенные фразы на афракском, пусть и с уймой грамматических ошибок, но при этом не утратившие смысл.

В хранилище Ордена обнаружилось куда больше полезной информации, чем в библиотеке паладинов. Основной интерес представляли непосредственное описание сил Орды, их способности и тактика, и с каждым изученным дневником картина выглядела все нелюбопытнее. Даже с поправкой на то, что о прошлых нашествиях мало что было известно, складывалось стойкое впечатление, что эта Орда была куда сильнее и агрессивнее, чем предыдущие.

Худшим открытием из всех стало то, что у нее был щит. Армии этого мира не бездействовали, пока вторженцы уничтожали их земли. Объединенным силам государств удалось нанести удар по ядру Орды — устроить бомбардировку с местных летательных аппаратов. Но ни один из снарядов не достиг цели. Основная часть сил, где, скорее всего, находилось командование, была укрыта за непробиваемым щитом.

Миновала треть отведенного песочными часами времени, а Райз все сидел за стопками книг, надеясь отыскать в них что-то, кроме обещания крупных неприятностей. Сгодились бы малейшая зацепка, намек на слабое место. Но его не было.

Не отрываясь от изучения библиотеки и Бенджи. Чем дольше он шерстил рукописи, тем

больше пространство вокруг него заволакивало сизой дымкой страха и отчаяния. Бодрствование вторые сутки кряду не добавляло парню эмоциональной стойкости.

— Что такое? — устав отгонять от него энергию духа, Райз загнул уголок страницы и посмотрел на парня.

— А? — тот поднял на него рассеянный взгляд. — Нет, ничего, я молчу.

— Бенджи. Я вижу человеческие эмоции, — напомнил Райз. — Так в чем дело?

Тому понадобилось время, чтобы собраться с мыслями и ответить:

— Это все..., — он посмотрел на раскрытую перед ним книгу, — все очень скоро придет в наш мир, да? Весь этот ужас... столько смертей... Этого нельзя допустить.

— Не получится.

— Почему? Почему нельзя разобраться с Ордой здесь? Зачем допускать еще больше жертв?

В усталых, потухших глазах Бенджи вспыхнуло пламя негодования. Он смотрел на Райза так, словно это было его решение погрузить в бойню еще один мир. Смотрел и требовал объяснений.

— Ты знаешь, как остановить Орду, Бенджи?

— Я? Нет, я не... но ведь ты...

— Вот и я не знаю, — Райз поднялся из-за стола и направился к выходу. — Пока не знаю. Но я найду способ. Просто нужно немного больше времени. Пойдем, Бенджи. Найдем тебе какую-нибудь шкуру, чтобы ты мог поспать.

— Не нужно ничего, я держусь. Знаешь, сколько мне приходилось не спать во время учебы?

— Мне без разницы. Тебе нужно отдохнуть. А то смотреть на тебя больно.

— В книгу смотри, а не на меня, — буркнул парень.

— Бенджи, поднимай уже свою задницу и идем.

Тот продолжал ворчать по дороге, что мог бы сходить и сам, и что ему не нравится, когда с ним носятся. Но Райз слишком вымотался, чтобы участвовать в споре, и слишком не доверял всему вокруг, чтобы отпускать парня самого. Тем более он и сам был не прочь глотнуть немного свежего воздуха и забрать в библиотеку Клыка, на случай, если сон окончательно его сморит, и он решит вздремнуть пару часов. Пытаться уместить содержимое библиотеки в гудящей голове — пустое занятие.

Клыка искать не пришлось: грив ждал у входа в святилище, а рядом с ним лежали сваленные в кучу туши, которые он, лениво поддевая когтем, таскал одну за другой себе в пасть.

По возвращении в библиотеку Бенджи, еще немного повозмущавшись, улегся на одолженной у послушников шкуре. Клык устроился грызть прихваченную с собой тушу, а Райз вернулся к изучению записей.

Оставшееся время пролетело в один миг. Вечерний воздух прогнал сон, и Райз не стал ложиться, решив выжать из святилища максимум. Вряд ли подвернется вторая такая возможность, а вернуться назад и сообщить Къярту, что он толком так ничего и не выяснил...

Но для начала напарника еще предстояло вытащить оттуда, куда его занесло.

Чем меньше в верхней чаше оставалось песка, тем чаще Райз посматривал на шрам. Слова жреца внушили уверенность, что с Къяртом все в порядке, но никто не мог дать такой гарантии. И уже тем более не мог ее дать жрец, пусть и предсказавший его появление по

упавшей в колодец кошке. Какая же все-таки глупость.

Песочные часы остановились. словно бы все это время прождав в тени, появился верховный жрец.

— Пришло время тебе уйти, человек с двухвостым зверем, — произнес Асшес и посмотрел на Бенджи.

— Он идет со мной. И грив.

— Воля твоя. Следуй за мной, — сказал старик и зашаркал вглубь зала.

Почти у самой стены пол начал покрываться трещинами, осыпаться в находящуюся под ним пустоту, обнажая уходящие вниз гигантские ступени.

— Что это за магия? — Райз посмотрел на замершего с просветленным лицом Асшеса.

Ни в одной из прочитанных книг он не нашел ни малейшего упоминания чего-либо в этом мире, что выходило бы за рамки классической науки.

— Я не знаю, — ответил жрец, взял со стоящего поблизости канделябра свечу и первым шагнул на запорошенные пылью ступени.

— Что внизу? — Райз придержал направившегося было за жрецом Бенджи.

— Ключ, — старик обернулся. — Для недоверия нет причин, человек с двухвостым зверем. Эту дверь, — он обвел взглядом провал в полу, — мог открыть только тот, о ком сказано в пророчестве. Последним, кто спускался вниз, был создавший это место. Тот, кто говорил с основателем нашего ордена, кто передал ему знания, которые переходят от одного верховного жреца к другому.

— И кто же это был? Кто создал святилище?

— Белоснежный гигант с кожей крепче, чем камень Флеуды. Во всяком случае так мне сказал тот, кто был верховным жрецом до меня.

— Он был один? Или несколько? — Райз поманил Клыка и начал спускаться.

— Основатель ордена видел многих, но говорил с ним только один.

— Как давно это было?

— Тысяча сто семнадцать лет назад, — немного подумав, ответил Асшес.

Райз почти уверился в том, что речь шла об исполинах. Но все исполины погибли в сражении с Ордой тысяча триста лет назад. Во всяком случае, те исполины, что появились в мире Фелиса.

С каждым десятком ступеней воздух становился все холоднее и затхлее, пробирался под рубашку, лип к коже. Казалось, лестница никогда не закончится, и они так и останутся здесь навечно, в темноте, когда свеча в руке жреца догорит. Или же намного раньше, когда хрупкий огонек погаснет от неосторожного движения воздуха.

Но спуск подошел к концу, сменился необъятных размеров залом. Райз понял, что помещение огромно по тому, как распространялись звуки шагов и как давило со всех сторон пространство. Но в крошечной мгле, что обступила дрожащий круг света, можно было только догадываться о его пределах.

— Сюда, — Асшес указал на борозду в полу, ведущую от ступеней во мрак.

Жрец уверенно шел вперед: без тени сомнений и страха. Бенджи и Клык, буквально наступающие Райзу на пятки, похвастаться тем же не могли.

Поймав чешуей отсветы пламени, из темноты вынырнула змея. Неживая, сделанная из того же белого камня с перламутровыми прожилками, что и алтарь в доме Фелиса. Она застыла среди пустоты с раскрытой пастью — копия змея из Руферона. Только высотой она была всего лишь до пояса, а клинок-шип, который должен был быть воткнут в ее голову,

лежал рядом на полу. Его тупой конец венчал алый кристалл.

— Это ключ, — старик приблизился к змее, обошел ее, остановился с противоположной стороны. — Ты должен проткнуть змея клинком.

— Да, несложно догадаться, — Райз посмотрел на услужливо проделанное в каменной голове отверстие, как раз под размер шипа. — Что произойдет, когда я это сделаю?

— Ключ проложит дорогу к оружию. Тебе останется только забрать его и уничтожить Орду.

— Да, самая малость останется, — Райз хмыкнул и подобрал шип. Тяжелый. Гладкий. Ледяной. — Что-то еще, что мне нужно знать?

— Тебе нужно спешить, человек с двуххвостым зверем. У тебя осталось совсем мало времени.

— Его всегда мало.

Он взял шип поудобнее и вставил в отверстие в голове змеи.

Когда наконечник коснулся пола, Райза оглушило. Оглушило не только его: сотрясший пространство удар был примерно такой же силы, как и тогда, когда с неба свалился желеобразный спрут.

Медленно приходя в себя, Райз почувствовал, как Клык тычется носом в его плечо.

— Чтоб его...

Рассредоточенный взгляд скользнул по лежащему без движения жрецу. Его свеча потухла и укатилась во тьму, но в ней больше не было нужды. В паре метров от змеи в воздухе сверкала золотым и алым гигантская стена, за которой угадывались силуэты деревьев.

— Дурацкие переходы между мирами. Нельзя, что ли, делать их аккуратнее? — с трудом встав на ноги, раздосадованно бросил Райз. — Бенджи, ты в порядке?

— Цел, — парень поднялся с пола и нетвердой походкой направился к жрецу. — Он... он мертв!

Бенджи посмотрел на Райза округлившимися глазами. Вокруг споро ширилась синева.

— Оно и не удивительно. Ладно, Бенджи, мы здесь закончили, уходим, — Райз успокаивающе погладил Клыка по шее и посмотрел на портал. — Давай скорее, эта штука не выглядит стабильной.

— Но как же...

— Бенджи, живо! — Райз поднялся в седло и протянул руку парню.

Тот нервно сглотнул, но упрямитесь перестал.

— Ладно, зверюга, не бойсь, — когда Бенджи забрался на спину грива, Райз подтолкнул упирающегося зверя пятками к portalу. — Таким пользоваться мне еще не приходилось, но, если повезет, нас не разорвет на части.

— Чего?!

Райз буквально кожей ощутил дрожь окружившего их облака паники, и, схватив одной рукой предплечье Бенджи, а второй вцепившись в загривок Клыка, ударил того пятками по ребрам.

Исторгнув полный обреченности рык, грив сиганул в слепящее глаза сияние.

Переход прошел куда приятнее, чем Райз ожидал: секундное головокружение и легкая дрожь в животе и груди, словно после выброса адреналина. На Бенджи эти ощущения произвели куда больший эффект. Едва Клык оказался по другую сторону сверкающей стены, как парень свалился со спины грива, и его тут же вырвало.

— Живой? — с сочувствием спросил Райз.

— Абсолютно, — прохрипел Бенджи.

Кивнув, Райз закатал левый рукав. Кроме головокружения и боли, было еще кое-что. Вернее, кое-что исчезло — боль в руке. Она ушла не до конца, оставив вместо раскаленного кольца один крошечный жгучий кровавой сгусток.

Райз выдохнул. Прикрыл глаза. Тихо рассмеялся.

Он так долго находился в неведении, так долго терялся в догадках, имеют ли его старания хоть какой-то смысл. Все это время он отбивался от подступающего со всех сторон страха, что опоздал, и теперь, когда все наконец прояснилось, он чувствовал себя, как висельник, с чьей шеи сняли петлю за мгновение до того, как вышибли из-под ног табуретку.

— У тебя все нормально? — придя в себя, Бенджи с подозрением покосился на него.

Райз расплылся в совершенно счастливой улыбке и протянул парню руку:

— Более чем. Давай, хватайся, доберемся до роши впереди.

Вечерело.

Райз не узнавал местность вокруг. Он, конечно, не считал себя великим знатоком мира Фелиса, но этот биом, чем-то напоминающий саванну мира, из которого он только что вернулся, он видел впервые. Проход между мирами привел к иссеченной оврагами равнине. Глинистая земля, заросшая длинной, жесткой, пожухлой травой; колючий кустарник с облетевшей листвой и высокие тощие сосны, стоящие в свежем воздухе — слишком свежем, как для лета, а после пустынной духоты и вовсе кажущимся морозным.

В занявшей низину небольшой роше Райз отпустил Клыка, и не прошло и получаса, как тот вернулся с оленем в зубах. Стребовав свою долю, он захрустел костями в такт хворосту в костре.

— Переночуем здесь, а утром поедем на..., — Райз посмотрел на хранящие следы зашедшего солнца облака и сверился со шрамом. — Поедем на северо-восток. По всей видимости, мы добрались до Скеса. Я оставляю тебя в первом мало-мальски обжитом селении на пути, из которого ты сможешь добраться домой. Извини, Бенджи, но, увы, у меня нет времени на то, чтобы заняться твоей доставкой лично.

— Ерунда, — парень отмахнулся, и в его жесте Райз различил излишнюю беззаботность. — Я и так благодарен тебе, что ты не бросил меня в том мире.

— Бросишь тебя, — Райз усмехнулся. — Ты же прицепился, как репейник на собачий хвост.

— А что было делать? — Бенджи развел руками. — Я еще слишком молод и красив, чтобы помереть в какой-то глуши.

Угли шипели, когда на них капал жир с оленьей ноги. Возле костра было тепло, даже жарко, но достаточно было отойти всего на пару шагов, и налетал студеный ветер. Тревожно скрипели под его порывами сосны.

— Осень, — тихо произнес Бенджи, глядя в небо. — Эти места похожи на юг Аверии. Именно так в них выглядит середина осени.

Их взгляды пересеклись.

Когда они поднялись на борт «Венца», стояло жаркое лето. В том, другом мире, прошло чуть меньше, чем месяц. Получается, один к трем... При таком раскладе Исполины могли построить святилище Ордена «человека с двухвостым зверем», а затем прийти в этот мир еще до своей первой войны с Ордой.

Проклятье! Пока он расхаживал по джунглям, для Къярта прошло по меньшей мере три месяца.

От этой мысли захотелось все бросить, вскочить в седло, и гнать Клыка во весь опор, пока кровавой сгусток в руке не перестанет прожигать ее насквозь. Но кроме его желаний существовало еще такое понятие, как необходимость. Одной из необходимостей был отдых. Много ли он сможет сделать, когда едва держится на ногах? А одна ночь... одна ночь ничего не решит. Не должна решить.

Слова верховного жреца о том, что время на исходе, не давали покоя, мешали уснуть, несмотря на накопившуюся усталость. Но в конце концов ночь взяла свое.

Утро выдалось морозным. За ночь костер прогорел, и в отличие от Райза, устроившегося под горячим боком Клыка, Бенджи довольствовался одной только курткой, и до самого вечера он шмыгал носом и дрожал, продуваемый всеми ветрами. За весь день им так и не попало ни одной деревни.

— А я еще хотел спросить, могу ли как-то помочь, — с невеселой улыбкой произнес Бенджи, едва не залезший с ногами в разведенный на новой стоянке костер. — Куда уж мне.

— В чем помочь?

— Ты знаешь в чем, — парень вытер нос рукавом. — В этой твоей затее с Ордой. Понимаю, глупость, но в джунглях я хоть ненадолго, но почувствовал, что могу сделать что-то полезное. А сейчас... сейчас я просто Бенджи, выпускник медицинского Аклена, которого однажды сожрет Орда.

— Кажется, у тебя жар.

— Не кажется, а однозначно, — буркнул тот.

От кружащей над парнем серебристо-персиковой взвеси было тошно. Впадать в тоску и веселиться одновременно — да, однозначно, жар.

— Так, ладно, садись здесь.

Бенджи поднял на Райза непонимающий взгляд.

— Сегодня будешь спать рядом с Клыкком. Или еще лучше — на его боку. А ты даже не вздумай мне здесь зубами клацать. Сделка по поеданию мертвой человечины действовала только на территории джунглей.

— Вот ты гад, — прыснул Бенджи. — А ведь я в грудь себя бил, доказывая Грейгору, что грива невозможно полностью подчинить, даже хозяину. А вы, оказывается, сделку заключили.

— Бенджи, ложись-ка ты спать.

К утру тому полегчало: помог ли горячий бок грива, или же страх, что тот наплюет на все предостережения и сожрет сунувшегося к нему проходимца — при хорошем результате причина была не так уж и важна.

После полудня на горизонте появились дома. Клык, предчувствуя скорое избавление от лишней ноши, был счастлив; Бенджи вяло улыбался.

В деревне догадка, что они находятся в Аверии, а на дворе заканчивается второй месяц осени, подтвердилась. На дне седельной сумке нашлось несколько завалывшихся монет, за которые получилось выторговать теплую куртку: повезло, что местные согласились принять в оплату заморские фраксы. Окажись они в Афракском Союзе, и Райз получил бы все, что ни попросил бы, предъявив один только родовой лист. Хотя его брали сомнения, что раскисшая, пусть еще и сохранившая печать и слабо различимый текст, бумага обладает прежним влиянием. Так, из всего, что подтверждало его принадлежность к высшему сословию, остался только грив.

— Куда отправишься дальше? — спросил Бенджи, кутаясь в куртку, которую ему вручили сразу после покупки.

Они стояли на краю деревни, куда парень вышел проводить Райза.

— Туда же, куда и раньше — строго на северо-восток.

— И как долго собираешься ехать? — на лице Бенджи появилось замешательство.

— Пока еще не знаю. Правда не знаю. Но не меньше двух дней это точно.

Бенджи не сразу заговорил снова.

— Не хочу показаться навязчивым, но не мог бы ты подвезти меня до дома? — он неловко улыбнулся. — Я узнал у местных, что это за поселок, и моя деревня как раз на северо-востоке отсюда. В четырех днях пути. Может, мне повезет еще немного, и тебе понадобится ехать больше, чем два дня? Может быть, три или даже пять.

Понадобится ехать четыре. Четыре проклятых дня, и по их истечению вряд ли они пойдут каждый своей дорогой. Оказаться с Бенджи на одном корабле, быть вместе выброшенными в другой мир, вместе вернуться в свой, и в итоге выяснить, что конец путешествия домой парнишки-врача в том же направлении, что и цель Райза... Такое не назвал бы совпадением даже самый наивный и доверчивый дурак на свете. Но Бенджи, вероятно, именно так и считал и даже не задумывался, что для него конец пути может оказаться куда более окончательным, чем он полагает.

Для его же благополучия Бенджи было лучше оставить здесь. Да, оставить, а перед этим сломать ему ногу, чтобы он сидел на месте — подальше от неприятностей куда больших, чем сломанные кости.

— Ну так что, подвезешь? — Бенджи смотрел с надеждой.

— Куда деться-то от репейника, — он усмехнулся и приглашающе тряхнул головой.

Чего бы там не хотелось лично Райзу, еще существовал план. И если согласно этому плану Бенджи должен ехать вместе с ним, значит, он поедет вместе с ним. Райз гнал от себя в равной мере как мысли о том, что план, отголоски которого он видит в каждом незначительном событии, может оказаться плодом его воображения, так и мысли о том, что Бенджи все больше и больше походит на жертвенного барашка, которого старательно берегли, чтобы пустить в нужный момент на убой.

Эти размышления лезли ему в голову с той же настойчивостью, с которой он от них избавлялся. Следя за Бенджи во время привалов, Райз пытался понять, что в парне такого особенного, благодаря чему тот получил далеко не последнюю, пусть, вероятно, и не самую радостную роль в происходящем. Райз пытался придумать и понять, как это использовать, чтобы обернуть все в свою пользу и не вымазать руки в крови союзника.

— Я ожидал от тебя больше вопросов, — заметил Райз, снимая шкуру с пойманного Клыкком кабана. — После стычки с фуриями и святилища. Вообще после всего.

— А ты снизошел бы до ответа? — Бенджи удивленно приподнял брови. — Я ведь

спрашивал. Пару раз. И каждый раз получал отговорку в ответ. Я понимаю, когда вежливо просят отвалить, и не в обиду, — он подбросил в огонь пару толстых веток и уставился на угли. — Здесь, в Аверии, не такие порядки, как в Афракском Союзе. Но за восемь лет я к ним привык: к замашкам вашей знати и всему такому. Так что уже то, что ты не смотришь на меня, как на пыль под ногами, уже неплохо — как для благородной задницы.

— Ты со знатью в Аклене говорил в том же тоне, что и со мной?

— А что? Я мелкий, по мне сложно попасть, — Бенджи хохотнул.

Оставалось еще два дня пути.

Шрам жег все меньше, и когда на четвертое утро впереди появились дома деревни Бенджи, Райз окончательно убедился, что это и его остановка. Немного севернее, на возвышенности, чернел особняк, который впору было называть крепостью. Совсем как дом Фелиса: поблизости от поселения, и в то же время в стороне.

— Еще немного, и сможешь избавиться от моего назойливого общества. Эта смурная деревенька впереди...

— Твой дом. Я знаю.

Райз был мрачен не меньше, чем стоящие под серым небом здания. Далеко не во всех из них присутствовала энергия духа, но те немногие рваные клочки, что имелись, не были окрашены в тревожные тона. Напротив, они излучали веселье, радость, даже восторг. Но что-то с ними было не так. Почему обладатель каждого из них предавался веселью в одиночестве? Почему все они сидели по домам? Да, на улице стояла поздняя осень, и на полях заняться было нечем, но не могла же жизнь в деревне остановиться с наступлением холодов.

— Спасибо, что довез до порога, — когда они поравнялись с крайними домами, Бенджи на ходу соскочил с грива. — Дальше я уже сам. Не хочу утруждать тебя еще больше.

Райз приподнял бровь.

— Еще не до порога. Я проведу до дома.

— Это еще зачем? — вскинулся Бенджи. — Я тебе не девица, нечего меня провожать. Спасибо за все, но дальше я сам.

— Ну так давай, шагай сам, — Райз вальяжно расселся в седле. — Чего встал? Топай давай.

— Да что же ты за человек такой, а? — протянул Бенджи и вздохнул. — Ну не хочу я, чтобы ты ни дом мой видел, ни родных. Чего здесь непонятного?

— Что с ними не так?

— Здесь с половиной деревни что-то не так, — Бенджи скривился, потер ладонью лицо, взъерошил волосы, посмотрел на Райза с тоской в глазах. — Помнишь, я говорил, что знаю, как выглядят лишившиеся рассудка люди?

— Помню.

— Ну вот, — Бенджи отвел взгляд, его плечи поникли. — Я надеялся, что в Акленском университете смогу найти способ помочь им всем... помочь отцу. Но от этого нет лекарства.

— Идем к тебе домой, Бенджи.

— Ты ничего не исправит. И я не хочу, чтобы ты это видел.

— Значит, тебе придется потерпеть, — Райз спустился на землю. — Веди, Бенджи.

— Какой же ты гад, — буркнул тот и с неохотой зашагал по улице.

Деревня выглядела странно: опрятно, будто в ней еще день назад бурлила жизнь, и в то же время заброшено. Не лаяли на чужаков собаки, пустовали загоны для скота, хотя пару раз

донесся клетот домашней птицы. Но она была где-то в глубине дворов, скрывалась за изгородами, как жители за стенами своих домов.

— Стало еще хуже, чем до моего отъезда, — мрачно произнес Бенджи.

Пройдя несколько улиц и не встретив ни единой души, они свернули к любовно выбеленному дому с закрытыми ставнями. Калитка скрипнула, едва к ней прикоснулись. Велев Клыку сидеть на улице и никуда не уходить, Райз зашел во двор следом за Бенджи.

— Мам! Мам, ты дома? — парень отпихнул ногой валяющееся на пути жестяное ведро.

Мать Бенджи была дома. Какое облако из двух ей принадлежало? Персиковое, как и большинство в деревне, или же второе, серое с вкраплениями синевы, которой стало заметно больше, когда по двору разнесся голос парня?

— Мам?

Дверь распахнулась, не успел Бенджи постучать.

Одного взгляда на замершую на пороге женщину хватило, чтобы понять, на кого из родителей похож парень: низенькая, с медными кучерявыми волосами, тоже собранными в пучок, и живыми глазами на остроскулом лице.

— Бенджи..., — растерянно пробормотала она, бросила мимолетный взгляд на Райза и снова посмотрела на сына. — Что ты здесь делаешь?! Ты должен быть в Афраксе!

— Мам, я же говорил, что вернусь, — несколько раздраженно ответил парень и мотнул головой в сторону Райза. — Познакомься, это Райз, он...

— Ты должен немедленно уезжать! — не дослушав, она схватила сына за плечи. — Слышишь меня?! Вы оба, сейчас же!

— Да что такое, мам? — он попытался высвободиться, но женщина только сжала его плечи сильнее.

— Бенджи, они вернулись! Фурии вернулись!

— Моя красавица помнит обо мне, — из глубины дома донесся гортанный мужской голос.

Женщина дернулась, как от пощечины, ее брови и губы болезненно скривились. Взяв себя в руки, она с пущей силой встряхнула застывшего Бенджи.

— Умоляю, сын, уезжай, — прошептала она.

Бенджи взял мать за руки, убрал их от своих плеч и глухо спросил:

— Когда они вернулись?

— Две недели назад.

Она затравленно посмотрела на небо, втащила Бенджи в дом, приглашающе махнула рукой гостю и торопливо закрыла дверь, как только Райз переступил порог.

— Все, кто мог, сразу уехали, — ее шепот зазвучал в погружившейся в темноту прихожей. — Остались только полоумные да несколько дур, не сумевших их бросить.

Глаза привыкли к темноте, и Райз разглядел, как женщина устало провела ладонью по лицу и с мольбой посмотрела на сына.

— Пожалуйста, не упрямься, — взмолилась она. — Уезжай. Ты же знаешь, что они придут.

— Мам...

Бенджи вздохнул и притянул мать к себе, обнял, давая ей спрятать лицо на своей груди. Поднял на Райза тяжелый взгляд.

Вот и сошлись все нити в одном узле. Фурии обосновались в крепости на холме, и там же находился Къярт. И зачем только он им понадобился?

Из соседней комнаты вновь зазвучал голос:

— Моя красавица придет за мной. Она позовет меня.

— Лучше так и не стало, — пробормотала в грудь Бенджи женщина. — Уходи, если не хочешь стать таким же.

— Мам...

— Прошу прощения, но не могли бы мы пройти чуть дальше в дом? — поинтересовался Райз.

— Вам нужно бежать отсюда, а не...

— Мам, хватит, — Бенджи выпустил ее из объятий.

Женщина посмотрела на него с осуждением, одарила таким же взглядом Райза и, махнув рукой, направилась вглубь дома.

— Я приготовлю на стол, — на оборачиваясь, мрачно сказала она.

— Мам, ничего не...

— Я приготовлю.

Бенджи больше не спорил.

Полумрак царил не только в прихожей, но и во всем остальном доме. Тонкие редкие полосы света проникали сквозь щели в наглухо закрытых ставнях; ни одна из свечей, расставленных на столе и трюмо, не горела.

И без света было понятно, что дом давно нуждался в мужской руке. Об этом скрипом сообщил шаткий стул, на который опустился Райз, и стоящий под наклоном стол: одна из деревянных половиц прогнила, и теперь ножка стола опиралась на подложенную под нее дощечку.

— Доволен теперь?

— Не злись, Бенджи, — Райз посмотрел на притворенную дверь в соседнюю комнату. — Будь добр, объясни, что здесь происходит.

Бенджи фыркнул и покачал головой. Всегда неизменно веселый и добродушный, сейчас его взгляд на пару с поджатыми губами кричал о том, что ему неприятная каждая минута, проведенная в этом доме, еще и при постороннем.

— Фурии жили на холме еще при моем прадеде. Почти не показывались оттуда. Их изредка замечали в небе, но ни деревенские, ни скот их не интересовали. Большую часть времени. Раз в несколько лет они устраивали набег: не только на нашу деревню, но и на соседние. Никого не убивали, даже когда им оказывали сопротивление. Хотя что ты им противопоставишь? — Бенджи хмыкнул. — Они забирали в свое логово почти всех мужчин от двадцати до сорока лет. Забирали на день-два, потом возвращали, утративших рассудок, от которых пользы не больше, чем от пятилетнего ребенка.

— И паладины ничего не предприняли?

— Аверия маленькая и небогатая страна. На все государство не наберется и десятка отделений. Да и тех интересуют исключительно некроманты. А какая-то стая летающих тварей, если они сидят тихо и не досаждают никому, кроме пары деревень, их не волнует. А денег, чтобы оплатить их услуги, — Бенджи покачал головой, — сам понимаешь. Когда в Афракском Союзе такие же порядки, то что говорить о нас.

— Почему тогда люди не ушли? Перебрались бы в место побезопаснее.

— Шутишь? — Бенджи посмотрел на него так, будто Райз не шутил, а откровенно издевался. — Уйти в другое место и построить деревню там — и фурии полетели бы следом. Уйти в города — а кому там нужны пришлые? Здесь хоть какой-то свой клочок земли.

Несколько человек сбежать пытались. И каждый раз фурии ловили их на полдороги и притаскивали назад. Спасибо, что хотя бы в живом виде.

Бенджи замолчал. Подперев голову кулаком, он скреб ногтем масляное пятно на столешнице.

— Фурии забирали моего деда. Дважды. Затем отца — за три месяца до моего рождения. Наверняка утащили бы его во второй раз, если бы не улетели из крепости. Я надеялся, что они никогда не вернуться. В конце концов, прошло больше двадцати лет. Но, как видишь, что-то заставило их прилететь назад. Так что нам действительно лучше сваливать отсюда, пока они не устроили новую охоту, — Бенджи вздохнул и посмотрел в сторону кухни, из которой доносился звон тарелок. — Я попытаюсь уговорить мать поехать со мной. Фурии не трогают женщин, но здесь ей жизни не будет. Хотя вряд ли она согласится. Если за столько лет не бросила отца со всеми этими его..., — Бенджи помахал в воздухе руками, не зная, какими словами выразить мысль, — этими его причудами, то будет сидеть до конца. Из одного упрямства, — он нервно усмехнулся и поднял на Райза тоскливый взгляд. — Не будет моей душе прощения за эти слова, но я снова, как в годы до моего отъезда, хочу, чтобы он уже поскорее..., — Бенджи осекся, — освободил ее от себя. Все это время в Афраксе я думал, что был мальчишкой с горячей головой и по дурости позволял себе подобные мысли. Но нет. Сейчас я еще сильнее хочу, чтобы это прекратилось.

Между бровей Райза залегла морщинка.

— Мой дед вздернулся на яблоне спустя полгода после того, как его забрали во второй раз, — понизив голос, пояснил Бенджи. — Если после первого раза они еще более-менее вменяемые, то после второго все становится совсем плохо.

— Известно, зачем фурии охотятся на людей?

— Милая моя, красавица, где же ты? — зычно протянул, почти что прокричал мужской голос.

Бенджи болезненно нахмурился и, закрыв глаза, откинулся на стену.

— Эти твари решили ассимилироваться. Они используют людей для зачатия гибридов, которые способны принимать человеческий облик. Знаешь, в Афраксе принято гадать, не скрывается ли за незнакомцем, прошедшим мимо, некромант, а я все время только и думал, что о фуриях, — Бенджи глухо рассмеялся. — Мысли не очень-то способствующие общению с девушками.

Час от часу не легче.

— Ты сказал, что фурии возвращали похищенных спустя пару дней. Без исключений?

Бенджи ответил не сразу.

— Было пару. Как-то одного из соседей продержали несколько лет. А затем, когда его могила уже травой заросла, вернули такого же тронутого, как и всех остальных. И, представь, это был уже второй раз, как его хоронили без него самого. Первый был, когда пришла весточка, что его убили на войне на южной границе. А затем он вернулся, как ни в чем не бывало, только шрам на пол спины заимел.

Райз мысленно выдохнул. Если Къярт все еще у фурий, вероятнее всего его мозги еще при нем. Но зачем крылатым было тащиться за ним на другой континент? Судя по рассказам Бенджи, они не утруждали себя серьезным отбором кандидатов.

— Мне нужно поговорить с твоим отцом.

— Не о чем с ним говорить, — мать Бенджи застыла на пороге кухни с суровым видом и полотенцем в руках. — Это тебе не развлечение.

— Мам, — в голосе Бенджи зазвучали предостерегающие нотки. Убедившись, что та не намерена больше вступать в разговор, он перевел взгляд на Райза. — Зачем?

— Мне нужно знать, что произошло с ним у фурий.

— Райз, он только и делает, что несет восторженный бред. Сомневаюсь, что разговор принесет хоть какую-то пользу.

— Позволишь мне это решать?

Бенджи уступил и взглядом попросил мать не вмешиваться. Но женщина все равно первой проскользнула в комнату, где находился ее супруг.

Свесив на пол босые ноги, он сидел на кровати: худой, с выбритой одной щекой и длинной щетиной на другой, с взъерошенными сальными волосами и блуждающим по комнате взглядом. Его пальцы не переставая теребили край пледа, похоже, уже не первый час и даже не день, судя по залысынам в шерсти и мозолям на руках.

— Простудишься. А ну давай, забирайся в кровать.

Супруга подошла к нему, коснулась плеча, поправляя соскользнувшую с того растянутую ночнушку. Она попыталась уложить его на сложенные горой подушки, но тот отмахнулся, едва не толкнув ее.

— Не трожь меня! Не смей прикасаться ко мне! Только ей можно! Только моей красавице!

Женщина возвела глаза к потолку, стараясь удержать слезы, и отошла в сторону.

— Мам, оставь нас, — сжав кулаки, сдержанно попросил Бенджи.

— Думаю, тебе тоже лучше уйти, — Райз взял стоящий у стены табурет и поставил его в паре шагов от кровати.

— Я останусь. Мам? Ты что-то готовила на кухне.

Она бросила на него блестящий от влаги взгляд и в молчании вышла из комнаты. Бенджи закрыл за ней дверь, и они остались втроем.

На Райза смотрел сумасшедший: с лихорадочным румянцем на впалых щеках и горящим, как у впервые влюбившегося подростка, взглядом.

— Расскажите о ней. О вашей красавице, — попросил Райз.

Рыхлое, с глубокими морщинами, лицо мужчины приобрело еще более вдохновенное выражение, чем прежде. Однако его энергия духа вместо того, чтобы стать ярче и гуще, перестала множиться.

— Она совершенна! Идеальное творение! Во всем мире не существует ничего, что было бы прекраснее, чем она, — с жаром заговорил он. — Она моя красавица, мое сокровище, мое спасение!

— Спасение? От чего она вас спасла?

— От боли, от страха, от потерь, от одиночества, предательства, измены...

Пока мужчина продолжал перечислять, Райз покосился на Бенджи, но тот не имел ни малейшего понятия, о чем говорил его отец.

— От мучений, от лжи, от чудовищ, от моих ошибок...

— Как спасла? — перебил Райз, не желая выслушивать весь бесконечный перечень.

— Вытащила из тьмы, из топи, в которой я тонул. Разогнала мрак своим голосом и обликом, прикосновением. Такое теплое, нежное, а ее поцелуи...

— Нет, все, хватит с меня, — сдавленно произнес Бенджи. — Развлекайся дальше сам, — и вышел из комнаты.

Еще какое-то время Райз общался с отцом парня, пытаясь узнать хоть что-то стоящее, но

тот только расхваливал на все лады фурию, утачившую его почти тридцать лет назад, и все твердил о том, как она спасла ему жизнь. Хорошее же спасение, после которого он и позаботиться сам о себе не мог: его даже брила супруга — когда он это ей позволял.

В таком же «спасенном» положении оказались и остальные мужчины деревни, которых бросили семьи. Они испустили бы в скором времени дух, если бы за ними не приглядывало несколько оставшихся сердобольных женщин. Дрянной расклад: тащить на себе хозяйство, спятившего супруга и еще несколько таких же полоумных. Не удивительно, что Бенджи желал ему, да и остальным, смерти.

Так и не узнав ничего полезного, Райз оставил мужчину наедине со своим безумием и ушел, размышляя о том, что могло довести человека до такого состояния.

Фурии устроили ему пытки? Физические или ментальные, которые и свели его с ума? А затем одна из них прекратила мучения, заслужив себе репутацию «спасительницы»? Но какое это имело отношение к цели, ради которой фурии похищали мужчин? Чтобы сломать их волю? Кто в своем уме стал бы упираться, зная, к чему это приведет? В конце концов от них требовалось не так уж и много. Если конечно фурий интересовало исключительно спаривание и ничего кроме.

Райз нашел Бенджи на заднем дворе. Тот сидел на колоде, следил рассеянным взглядом за курицами, роющими навозную кучу, и несмотря на мольбу матери, наотрез отказывался возвращаться в дом. Когда Райз показался в дверях, женщина смерила его неприязненным взглядом и ушла на кухню.

— Прости, Бенджи, но мне нужно было поговорить с ним, прежде чем соваться к фуриям, — после затянувшегося молчания сказал Райз. — Побудь пока здесь, я скоро вернусь.

— Ты собираешься истребить их? — Бенджи посмотрел на него одновременно с удивлением и надеждой.

— Не сейчас. По какой-то причине их души не вырабатывают энергию, которую я могу использовать. Так что в одиночку против них мои силы будут бесполезны. Пока я хочу только осмотреться, чтобы придумать, как с ними разобраться. У тебя случайно не найдется бинокль?

У Бенджи бинокля не было. Зато был у его соседа, в прошлом — охотника, а теперь еще одного свихнувшегося, в дом которого парень зашел без стука и просто взял то, что было нужно.

Крепость окольцовывала пятиметровая каменная стена, но из окон и башенного шпиля открывался отличный вид на всю округу. Если бы не лес, обступивший поля, Райз не осмелился бы ехать к логову крылатых при свете дня.

Результаты разведки не радовали. Райз объехал крепость по всему периметру и не обнаружил в стене ни намека на ворота. Оно и верно: зачем двери тем, кто может летать?

— Зачем рисковать, связываясь с ними? — спросил Бенджи, когда он вернулся со своей вылазки.

Парню наверняка польстило бы, если бы он сказал, что не собирается оставлять его и деревенских на расправу крылатых тварей. Но это было бы слишком откровенной ложью. Если бы не влипший в неприятности напарник, Райз не стал бы ввязываться в драку, в которой все козыри были против него. Вытолкал бы Бенджи и его мать взащей из деревни, сопроводил бы до города, к которому фурии не посмеют сунуться, и забыл бы.

Но в словах надобности не было: Бенджи и без них присвоил ему добродетель, которой

не было.

— Тебе нужно думать о том, как остановить Орду, а не о спасении отдельно взятой деревни. Это просто глупо, — начал втолковывать парень. — Ты должен найти оружие, о котором говорилось в пророчестве.

— Я этим и занимаюсь.

— Что? — на лице Бенджи появилась растерянность, а его взгляд метнулся в сторону крепости. — Оно у фурий?!

— По всей видимости. Не думай об этом, я разберусь.

Райз остался на ночь на заднем дворе. Сперва Бенджи уговаривал его поужинать с ними, но Райз не собирался объедать семью, которая и так едва сводила концы с концами. Затем парень принялся упрашивать его заночевать в доме, а, получив отказ, собрался было тоже устроиться на улице, но в итоге последнее слово осталось за Райзом. Он хотел присмотреть за Клыкком, чтобы тот не устроил охоту в лесу и не поднял фурий на уши, а заодно еще раз все хорошенько обдумать.

Размышления мало чем помогли. Учитывая силу и непробиваемость фурий, без энергии духа рядом с ними он был как тот младенец. Делать ставку на то, что за тысячу лет вдали от Орды они утратили часть своей силы, было слишком рискованно. В какой-то момент Райз задумался о том, чтобы привлечь к этому паладинов — местных или из Афракского Союза. Но вряд ли у него было время на дорогу к ближайшему отделению Братства в Аверии.

Этой ночью Райз засыпал, так и не найдя решения и надеясь, что за ночь мысли улягутся в голове, и с утра он сможет что-то придумать. Но у нового дня имелись свои собственные планы.

Он умывался в бочке с застоявшейся дождевой водой, когда до него донеслись отдаленные хлопки крыльев, а спустя несколько секунд в доме поднялся шум.

— Нет, стой, они же погубят тебя! — крик матери Бенджи потревожил утреннюю дрему.

Сидящие на своих насестах куры в курятнике запричитали. На другом краю деревни залаяла собака.

— Пусти! Моя красавица прилетела за мной! Уйди!

— Нет, я не...

— Мам, пусть идет, оставь его.

Велев Клыкку не сходить с места, Райз бросился в дом.

Сквозь распахнутую настежь дверь он увидел отца Бенджи, в одних портках бегущего к калитке. Его супруга, закрыв лицо руками, сидела на полу прихожей; Бенджи стоял рядом и напряженно всматривался в небо. Персиковые облака энергии, одно за другим, покидали свои дома и плыли к звучащему все громче шуму крыльев.

Если фурии решили устроить брачный сезон, времени на изобретение толкового плана не то что мало, его и вовсе не осталось.

Райз встретился взглядом с Бенджи. Зачем тот нужен? Какова его роль? Стать приманкой или разменной монетой? Къярт в обмен на Бенджи? Проклятый Фелис, или, скорее, проклятая «высшая сила», что не удосужилась сообщить правильный ответ.

Райз захлопнул дверь, схватил Бенджи за предплечье и поволол на задний двор.

— Будьте в доме, — бросил он оставшейся в прихожей женщине.

— Эй, чего... ты что творишь?! — сдавленно прошипел Бенджи, когда Райз толкнул его к оскалившемуся гриву.

— Садись на Клыка и уезжай отсюда. Скачи без остановок к ближайшему городу. Я найду тебя, когда закончу здесь.

— Мне привести подмогу?

— Нет! Мне нужно чтобы ты убрался подальше и не мешался под ногами.

Не ожидавший такой резкости в свой адрес, Бенджи спал с лица.

— Да Клык ведь меня просто сожрет, как только ты отойдешь...

— Не сожрет, — Райз одарил грива многозначительным взглядом. — В седло, живо.

— Но Райз...

— Пошел вон отсюда. Сейчас же!

Глядя, как Бенджи забирается на спину Клыка, и как тот, перемахнув через забор, устремляется прочь, Райз гадал, не совершает ли он ошибку: не переоценивает ли свое умение находить выход из любой ситуации, лишая себя, вероятно, ключа к решению вопроса с фуриями. С другой стороны, на холодную голову, зная, что предстоящие забавы не коснутся Бенджи, думать будет намного легче.

Из своего укрытия за раскидистым кустом Райз насчитал три десятка фурий. Все они, кроме двух, были мужчинами.

Сумасшедшие со всей деревни сами шли к ним в руки, а оказавшись в крепкой хватке крылатых, и не думали вырываться и только громче голосили о скорой встрече с их ненаглядными.

Райз вышел из своего укрытия и направился к фуриям.

— Эй, парни, у вас свободное местечко не найдется?

То, что он — не такой же свихнувшийся, крылатые смекнули быстро. Один из них сразу кинулся к Райзу и заломил руки за спину. А силы им не занимать. Они бы и друидам играючи переломали все кости.

— Полегче, ладно? Я не сопротивляюсь!

Одна из фурий одарила крылатого гневным взглядом, и тот стал вести себя куда обходительнее.

Фурии ждали, пока к ним сбегутся все, кто должен был. Они не поднимались в воздух, не рыскали над деревней, не вытаскивали людей из домов — все это было излишне. Рыба сама плыла в сети.

Плыла даже та, что не должна была.

Стоило позволить себе мысль, что все складывается крайне удачно, и Бенджи имеет все шансы спастись и не быть схваченным по дороге, как за одним из домов замаячило голубовато-зеленое облако. Райз не успел отвлечь внимание фурий на себя до того, как они заметили присутствие еще одного условно вменяемого человека.

Один из крылатых выволок Бенджи на площадь. Райз ждал, что следом появится и Клык, которого тут же разорвут на части, но грива и след простыл.

Кляня всем на свете того, кто раз за разом одаривал его не отличающимися умом спутниками, Райз встретился взглядом с Бенджи.

Бенджи был доволен собой. Райз не знал, какая из всех возможных идиотских идей побудила того вернуться, а в том, что парень вернулся по доброй воле, сомнений не было. Внешне он выглядел как испуганный до смерти человек, но Райз смотрел на его энергию духа, а не на лицо.

Вскоре фурии взмыли в воздух со своей добычей.

Когда-то Райз грезил о полетах, которые, будучи среди друидов, ему так и не довелось испытать. Пещеры Лона давали достаточно пространства, но Райз не собирался посвящать их владельцев в то, что может подчинять не только камень, но и воздух. Однако сейчас, глядя на мир вокруг с высоты и не чувствуя под ногами земли, Райз не назвал бы полет в лапах фурии чем-то, что ему захотелось бы повторить.

Оборонная стена осталась позади, открывая взглядам просторный внутренний двор, в котором нашлось место и для сада, и для луга, на котором их уже ждали.

Приземление было мягким: фурии бережно обращались со своей добычей.

Руки крылатого отпустили Райза, подтолкнули к сбившимся в кучу мужчинам, которых принесли раньше. Фурии устроили налет не только на деревню под боком, но и на окрестности. Даже с их учетом среди собравшихся не утративших рассудок было не так уж и много: в разлившемся по двору персиковом озере не набралось и полтора десятка синих клочков страха. Или же фурии специально выбирали тех, кто однажды побывал у них? Хотели свести к минимуму вред, причиненный человеческой популяции, или же причина была в ином?

Во дворе собрались не только люди, но и фурии. В большинстве своем женщины, даже девушки, хотя присутствовало и несколько парней. Их человеческие обличья знавали и

лучшие времена. Тела почти всех парней и нескольких девушек покрывали жуткие раны: разрубленные грудины, вспоротые животы, оторванные и пришитые конечности. Но это нисколько не мешало им двигаться. Живые мертвецы? Кажется, у тащившего Райза крылатого руки были холодные, а дыхание и вовсе отсутствовало.

Когда во дворе приземлилась последняя фурия, принесенных мужчин разделили. Безумцев увели в левое крыло крепости, а остальных согнали в кучу и, выставив на отдалении охрану из крылатых, снова принялись что-то ждать.

— Бенджи, какого хрена? — Райз выловил парня из толпы и зашипел ему на ухо. — Я что сказал тебе делать?

— Ты сказал, что тебе не воспользоваться энергией фурий. А сейчас ты можешь использовать мою!

— Проклятье, Бенджи, ну почему ты не мог выбрать другой момент, чтобы включить идиота? — пробормотал Райз и умолк, заметив, что двери крепости начали открываться.

Их ожидание подходило к концу.

— Мне плевать, если это навредит мне, просто используй ее, — выпалил Бенджи, прежде чем фурии приблизились к ним и выстроили в ряд, заставив встать на колени.

Из крепости вышла еще одна фурия, в мешковатом платье на человеческое тело. В отличие от остальных она выглядела совершенно живой. Ее скулы, виски и веки покрывала мелкая серебристая чешуя — точно оправа для алых глаз-самоцветов. Те смотрели цепко и властно, будто вся крепость и каждый, кто в ней находился, принадлежали ей.

Она остановилась перед первым пленником в шеренге, взглянула на него с прищуром и неспешно направилась дальше. Иногда она задерживалась перед кем-то в ряду, и тогда воздух вокруг бедолаги из голубого становился промозгло синим.

Увы, даже страха всех присутствующих было недостаточно, чтобы ликвидировать фурий во дворе. А сколько их в крепости? Кроме того, еще остаются призванные. Мало того, что твари неуязвимы и умеют летать, так еще и некромантией владеют — самое то для высокоранговой нечисти Орды.

Никто из поставленных на колени не смел поднять глаз на хозяйку крепости. Только Райз поглядывал, искоса, из-под упавших на глаза прядей.

Фурия выбирала. Шаг за шагом она приближалась к Бенджи, который стоял немногим левее в ряду, и волнение, испытывающее и без того натянутые нервы, нарастало.

Не удостоив низкорослого мальчишку и взглядом, фурия прошла мимо. Райз собрался было выдохнуть, когда энергия духа Бенджи вскрылась лазурью.

Невыносимо захотелось выкрикнуть: «Хватит уже самодеятельности!» — но обстоятельства не располагали. И откуда он только взял этот дурацкий кинжал? Прятал за голенью сапога?

Охваченный пышущей, словно пламя, синевой, Бенджи вскочил на ноги, бросился к фурии и ударил, метя в шею. На что этот дуралей рассчитывал? Что в человеческом обличье фурия будет по-человечески уязвима?

Она не остановила удар. Острие уткнулось в кожу, немного продавило ее, но даже не оцарапало. Рука Бенджи дрогнула от отдачи.

Фурия крутанулась на месте, схватила его за запястье, сжала, заставляя выронить кинжал, и поймала его на лету. Не став наносить ответный удар, она заломила кисть Бенджи. Вскринув, парень сцепил зубы и затих.

— Какой бойкий, — с улыбкой произнесла крылатая на чистом афракском. Она

наклонилась к застывшему в ужасе Бенджи и, прикрыв глаза, вдохнула его запах. — Теперь понятно, почему, — ее улыбка стала шире. — Я сделала свой выбор, — громко объявила она и направилась к крепости, увлекая Бенджи за собой.

Бенджи, чтоб тебя Проклятый побрал!

— Если бы знал, что твое внимание привлечет бездарное нападение с кинжалом, прихватил бы целую дюжину, — произнес Райз и поднялся с колен.

Одна из фурий сразу появилась рядом, готовая указать зарвавшемуся человеку его место, но хозяйка крепости остановила ее.

— Прости? — с улыбкой переспросила она.

Райз окинул оценивающим взглядом Бенджи, замершего с совершенно потерянным видом, затем держащую его за предплечье девушку.

— Не думаю, что ты сделала хороший выбор.

Убедившись, что находящаяся рядом фурия не собирается ему препятствовать, он оставил свое место в шеренге и направился к хозяйке крепости.

— Если совсем начистоту: выбор вообще никудышный, — добавил он, остановившись перед фурией.

— Хочешь занять его место? — ее брови удивленно изогнулись.

— Только дурак откажется.

Фурия хмыкнула и посмотрела на Бенджи.

— Как правило, я не ошибаюсь. Но коль ты утверждаешь обратное..., — она отпустила руку Бенджи и протянула Райзу кинжал рукояткой вперед. — Бой решит, кто из вас пойдет со мной.

Сложившаяся ситуация невероятно забавляла фурию, а вот на Бенджи не было лица. Решил погеройствовать, только про план забыл, а умения импровизировать отродясь не водилось. Ох, Бенджи, Бенджи...

Райз вновь смерил его взглядом и рассмеялся.

— Серьезно? Бой? С этим? Ты видишь его и меня? Какой здесь может быть бой? Ты бы хоть оружие предложила ему, а не мне.

— Как пожелаешь, — с этими словами она вложила кинжал в ладонь Бенджи и отступила на несколько шагов.

Фурия не шутила. Эта крылатая тварь в самом деле ждала драки.

— Сделай хоть попытку победить, — насмешливо бросил Райз, глядя на оцепеневшего Бенджи. — Давай, коротышка, смелее.

Бенджи смотрел на него несчастными глазами. Но он по-прежнему верил, что еще немного, и Райз сделает что-то, что вытащит их из неприятностей, в которые парень решил залезть за компанию, а потому послушался.

Один неудачный, отведенный Райзом в сторону, выпад, выхваченный из руки кинжал и удар сзади по щиколотке, лишивший Бенджи равновесия. Завершивший дело толчок в грудь опрокинул парня на землю.

— Бой закончен. Ты довольна? — держа руку на шее Бенджи и не давая тому подняться, Райз обернулся к фурии.

— Еще нет. Бой закончен, когда остается только один боец, — ее губы расплылись в улыбке.

Вот же гадина.

Стоило Бенджи прочитать во взгляде Райза, что тот собирается делать, и его окутала

ледяная дымка ужаса. Хорошо. Бенджи не слепой и не дурак, хоть последними своими действиями и старательно доказывал обратное. И раз он всерьез испугался, значит Райз еще не растерял все свои умения. Если повезет, фурия окажется ненамного пронизательнее парня.

Райз перехватил кинжал поудобнее. Хозяйке крепости не нужна смерть Бенджи. Он нужен ей живой. Она всего-то играет с ними, как кошка с мышками. Главное, придумать убедительное оправдание, почему в последний момент его рука остановилась, если он все же ошибся насчет ценности Бенджи для фурий.

Придумывать не пришлось. Фурия перехватила его руку за мгновение до того, как он сам остановил бы кинжал в сантиметре от горла побелевшего Бенджи.

— Убедил, — прошептала она на ухо и забрала кинжал. — Не трогай мальчика. Пойдем.

Следуя за фурией, Райз не оборачивался. Оборачиваться нельзя. Он выучил это еще мальчишкой, когда отправился к друидам.

Райз и так уже сделал больше, чем следовало, чтобы уберечь Бенджи. Но послушавшись его и вернувшись, парень собственноручно подписал себе приговор. Это следовало осознать и принять. Сейчас все, что должно было заботить Райза, это то, как вытащить Къярта, и, если подвернется возможность, спасти дурную голову Бенджи. Но не возлагать на последнее больших надежд.

Внутри крепости находились другие крылатые: все, как и хозяйка, в человеческом облике. Их пристальные взгляды следовали за ним, пока он поднимался по широким ступеням следом за фурией. Длинный, изгибающийся коридор, двери, просторный зал, арочный проход, еще больше дверей — Райз строил в голове карту особняка, заодно стараясь обнаружить энергию духа Къярта. Тот был близко, невероятно близко. Райз уже и забыл, каково это не чувствовать боль в шраме. Но ему так и не удалось заметить ничего, кроме обрывков персиковой вуали.

Когда он поднялся на вершину центральной башни, печать-компас потеплела, и область местоположения Къярта сузилась до подвальных помещений. Уже что-то.

За единственной дверью царил аскетизм. Из всего возможного убранства имелась только грубо сколоченная кровать с балдахинном, мохнатая шкура на полу, стоящий на ней круглый столик, пара стульев, и поистине гигантский камин, чьего огня, впрочем, было недостаточно, чтобы прогнать холод. Роль окна играла арка от пола и до потолка, с тяжелыми гардинами по обе стороны; за ней — небольшой балкончик без балюстрады, а дальше — только морозная пустота. Самое то, чтобы расправить крылья и взмыть в небо.

Фурия закрыла дверь и повернула в замке ключ.

— Не хочу за тобой гоняться, когда ты решишь сбежать, — пояснила она.

— С чего бы мне сбежать? — Райз приподнял бровь.

Та ответила ему таким же удивленным взглядом.

— Сестры, которые прежде участвовали в жатве, говорили, что многие пытаются сбежать.

— Видать, у них совсем все плохо с внешностью, раз от них даже деревенские мужики бегут.

Фурия прищурилась.

— Ты не боишься.

— Нет, не боюсь.

Райз приблизился к ней, аккуратно забрал из ее руки ключ и, не найдя, куда его деть,

отбросил в сторону.

— Ты же знаешь, зачем ты здесь?

— Имеется предположение.

— И знаешь, что с тобой случится потом? — она едва нахмурилась. — Знаешь, что ты лишишься рассудка?

Неужто ее саму не радовал побочный эффект их «жатвы»? Прежде Райз полагал, что крылатые пытали тех, кто становился их добычей, но сейчас уже не был в этом уверен.

— Не лишусь.

— Все лишаются. Почти.

— Я и есть эти «почти».

— Ты не можешь этого знать.

— Могу. А вот ты пока еще нет. Проверь, и тоже узнаешь.

Фурия одарила его долгим внимательным взглядом и рассмеялась.

— Я проверю, — пообещала она и, проскользнув мимо, села за столик. — Мое имя Аелитт. Как звать тебя?

— Райз, — без промедления ответил он и занял второй стул.

Сообщать свое имя было рискованно. Если Къярт упоминал его, это могло усложнить ситуацию, но в то же время сообщить, как много знает фурия. Райз следил за малейшими изменениями ее мимики, позы, дыхания, даже зрачков, хотя из-за их алого мерцания заметить изменения было не так уж и просто.

Его имя ничего ей не сказало.

— Что произойдет, когда мой рассудок никуда не денется?

— Ты останешься в моем гнезде, в полной безопасности, — не сводя с Райза любопытного взгляда, Аелитт облокотилась на стол и подперла ладонью подбородок. — Те, кому удастся выдержать жатву, слишком ценны, чтобы отпускать их в мир, где с ними может случиться что угодно.

— Почему ценны?

— Их потомство намного сильнее, чем у остальных. Моя мать зачала меня от человека, который сохранял рассудок на протяжении трех жатв.

— Неплохо, — Райз улыбнулся и добавил в ответ на вопрос в глазах Аелитт: — Это значит, что у нас впереди много времени.

Во всяком случае, достаточно, чтобы добраться до Къярта и изобрести план побега. Главное — не растерять все мозги в самом начале.

Опасно было ставить на то, что его разум достаточно крепок, чтобы справиться с деструктивным влиянием чего-либо, при этом даже не зная, с чем придется столкнуться. Опасно и самонадеянно. Но что ему еще оставалось?

— Впервые вижу человека, который хочет остаться в гнезде, — Аелитт склонила голову на бок. — Почему ты не боишься? Почему не бежишь?

— Глупо бежать от единственной возможности выжить.

— Я не понимаю.

Райз усмехнулся. Раз уж вся эта затея — игра с высокими ставками...

— Ты сама сказала, что здесь я буду в полной безопасности. Так и останется, когда в этот мир придет Орда?

Лицо Аелитт переменилось. Она отбросила ребячество, подобралась и сдержанно сообщила:

— Когда в этот мир придет Орда, мое гнездо примкнет в ней. Как и все те, кто будет в нем.

— Вот ты и получила ответ на свои «почему».

— Орда поглотит человечество, уничтожит твой вид. И ты так легко готов встать на ее сторону?

Сколько бы раз друиды не задавали ему подобный вопрос, сколько бы не говорили, что уничтожат его родину, его народ, он всегда отвечал, что поможет им. Он столько раз повторял это, что сейчас мог бы убедить даже самого себя.

— Это вопрос выживания. Дурость — оставаться на стороне того, кто проиграл еще до того, как началась драка. А я себя дураком не считаю.

К заинтересованности Аелитт примешалось... разочарование? Занятно. Всех местных фурий заботила честь и принципиальность, или это были только заморочки Аелитт? Как бы там ни было, Райз только что потерял в ее глазах не один десяток очков. К счастью, этого было недостаточно, чтобы полностью растоптать ее интерес к нему.

— Я могу позволить себе просьбу? — спросил Райз. Сейчас было не лучшее время, чтобы продавливать свои интересы, но другого могло и вовсе не представиться.

— Разумеется.

— Отпусти паренька, которого выбрала до того, как я помог тебе одуматься.

— С чего мне его отпускать? — искренне удивилась Аелитт.

— Он врач. Если бездумно изводить всех мужчин в округе, пройдет несколько десятилетий — и больше никому будет участвовать в жатве.

— У этого мира нет нескольких десятилетий. Орда придет куда раньше.

— Орда никогда не уничтожала все подчистую.

— Если гнездо примкнет к ней, меня не будет волновать популяция людей поблизости.

— Если примкнет? Не когда? — подловил ее Райз.

Аелитт прикусила губу и кокетливо улыбнулась.

— Ты хотел убить его, а теперь просишь отпустить.

— Я не хотел. Но ты попросила, и я согласился сделать это для тебя. И теперь — да, я прошу отпустить его.

— Прости, Райз, я бы хотела согласиться, но не могу. Он нужен для жатвы.

— Не проблема, я могу справиться и за двоих.

Аелитт даже не пыталась сдержать смех. Поднявшись, она обошла стол, встала за спиной Райз и обняла, обдав горячим дыханием шею.

— Нет, — с улыбкой прошептала она. — Ты только мой.

Фурия выпустила его из объятий, посмотрела на дверь и на валяющийся на полу ключ.

— Я скоро вернусь. Не уходи никуда, — попросила она и направилась к арке и сереющему в ней небом.

Метаморфоза фурии отдаленно походила на воплощение брони паладинов — быстро, практически мгновенно. За исключением появившихся крыльев, тело Аелитт не покрылось чешуей, сохранив человеческий облик. Обернувшись, она улыбнулась и спрыгнула с уступа.

Райз потерял виски. День обещал быть долгим. И морозным.

Поборов желание закутаться в шкуру и сесть у камина, он вышел на балкон и осмотрел двор. Внизу больше не было ни фурий, ни людей.

И снова его накрыло это кружащее голову чувство, зовущее сделать шаг в пустоту. Пришлось приложить силы, чтобы вспомнить, что он больше не маг воздуха. Кроме того,

свой шаг в пустоту он уже сделал.

В итоге Райз устроился у камина и стал ждать. Он следил за рассредоточившимися по крепости сгустками персикового и голубого, обнаружил несколько вкраплений красного — тех, кто решил всерьез сопротивляться. Усмешка искривила губы. В чем, в чем, а в подобном ему еще не доводилось принимать участие. Что самое обидное, после всего даже не выдвинуть претензии Къярту: все же в этот раз тот угодил в неприятности не по своей вине.

Райз сосредоточил внимание на голубой энергии духа. Один из сгустков должен был принадлежать Бенджи. А может, Бенджи — это тот, смешавший в себе золото и серебро? Паника и отчаяние — подходящие эмоции для той ситуации, в которой он оказался.

Думать о том, что сейчас творилось с Бенджи, не хотелось, но мысли все равно лезли в голову. Парень наверняка все еще надеялся, что Райз сотворит какое-нибудь чудо, и все проблемы исчезнут. Но у него, как назло, закончился весь запас чудес, и сейчас он никак не мог помочь Бенджи. Даже если бы на кону не стояла жизнь Къярта, его собственная жизнь и данное Фелисом задание, присутствующей в крепости энергии духа было недостаточно, чтобы разобратся с фуриями.

Ох, Бенджи, Бенджи...

Только возвращение Аелитт смогло отвлечь от мыслей, гложущих его, как свора злобных, голодных псов. Ее босые ноги коснулись балкона и крылья сразу же исчезли, растворились в воздухе снопом металлической крошки.

— Прости, я все время забываю, что вы, люди, такие хрупкие.

Железные кольца проскрежетали по карнизу, когда она плотно задернула шторы, погружая комнату в полумрак, освещенный огнем в камине.

— Мелочи, не стоящие твоего беспокойства, — Райз улыбнулся и приглашающе похлопал по шкуре.

Аеллит села рядом, зарылась пальцами в густой мех. В ней очевидно что-то изменилось. Что-то произошло за то время, когда ее не было, и это что-то пришлось ей не по вкусу: не разозлило, но расстроило.

— Что не так?

Аелитт тряхнула волосами, и на ее лице снова появилась улыбка.

— Мелочи, не стоящие твоего беспокойства.

— Уела, — хмыкнул Райз и посмотрел на огонь. — Почему участвующие в жатве сходят с ума?

— Все же боишься?

— Просто любопытно.

Прищурившись, Аелитт искала признаки того, что он лжет, но так ничего и не нашла.

— Все дело в яде, — она подняла уголки губ и указала на крохотные, не особо отличающиеся от человеческих, клыки.

— Кусаться обязательно?

— Яд меняет биохимию человеческого тела. Это позволяет получить более сильное потомство. Не в первую жатву, конечно, но в последующие.

— Почему тогда не использовать все время одних и тех же?

— Кроме того, что большинство из них не доживает до третьей жатвы? — Аелитт невесело улыбнулась. — Яд в организме человека должен принадлежать одной и той же фурии. Иначе организм матери убьет плод, — она подняла на Райза взгляд. — Прости, мне правда жаль, что иначе никак. Мне не нравится необходимость вредить вашему виду, но, как

ты сам сказал, это вопрос выживания.

Райз едва сдержал смех. Не нравится вредить, как же. Аелитт могла сколько угодно строить из себя смиренную овечку, только ему было все равно. Они оказались по разные стороны баррикад в тот самый момент, когда фурии утащили Къярта.

Яд, чтоб его. Райз до последнего надеялся на иголки под ногти или что-то в этом роде, где он смог бы контролировать свой разум. А вот с дрянью, что могла как угодно повлиять на организм, все рисковало пойти совсем не по плану. Но если бросился в омут с головой, остается только грести.

— Что случилось с тем, кто был с тобой в предыдущую жатву? — он прикоснулся к волосам Аелитт, убирая прядь в сторону.

— Я раньше не участвовала, так что..., — она осеклась, когда Райз прижался губами к ее плечу, и подалась назад. — Ты голоден?

— Нет.

— А я бы поохотилась.

Она порывисто встала, стремительно пересекла комнату, скрылась за тяжелыми шторами, и через секунду послышались приглушенные взмахи крыльев.

— Какого..., — Райз посмотрел на потревоженные фурией шторы и вздохнул.

Дождаясь ее возвращения, он собрал всю энергию духа, до которой удалось дотянуться. Аелитт долго отсутствовала, поэтому пришлось не единожды пополнять запасы: энергия теряла свой окрас и становилась бесполезна. Ее не было так долго, что в какой-то момент голубые облака потемнели, пропитались алым и серым — пойманные фуриями начинали знакомиться с их ядом.

Райз не планировал нападать на Аелитт. Энергии духа все равно не хватило бы, чтобы выбраться из их логова, а о том, чтобы в процессе изучить крепость и отыскать Къярта, и речи быть не могло. Однако, для того, чтобы попытаться обезвредить яд, энергии было достаточно. Конечно, прижечь укус прямо на глазах у фурии было бы верхом наглости, но попытаться заморозить ткани, чтобы замедлить распространения яда, уменьшить его концентрацию в отдельно взятый отрезок времени — попробовать стоило. Этим Райз и занимался — активировал сгустки страха под кожей, привыкая к ощущению жгучей боли, — когда Аелитт вернулась.

С горящим алым взглядом и испачканными в крови когтями она метнулась к нему и прижала к боку кровати.

— Это же не людская кровь? — с усмешкой поинтересовался Райз.

Ее руки приняли человеческий вид, а крылья растворились в воздухе. Сколько раз подряд она способна их воплотить? Не могут же они братья из ниоткуда, на это должна тратиться энергия.

— А ты как хочешь? — прошептала она и прижалась к его губам поцелуем.

От Аелитт пахло осенним лесом, а на языке еще ощущался металлический привкус крови. Ее пальцы скользнули по груди Райза, опустились к застёжке на штанах. Он хотел коснуться ее бедер, но она поймала его предплечья и прижала к кровати.

— Отпусти.

Аелитт и не думала слушаться.

— Отпусти, — пророкотал он, на этот раз следя за тем, чтобы не перейти на язык друидов.

Фурия замерла. Посмотрела на него с прищуром и ослабила хватку. Воспользовавшись

предоставленной свободой, он обхватил ее за талию и рывком уложил спиной на шкуру.

Температура тела у фурий была выше, чем у людей, и выше, чем у друидов. А вот кожа, не смотря на свою непробиваемость, — куда мягче. Такой кожи хотелось касаться даже там, где она сменялась гладкой, точно шелк, чешуей. Что ни говори, а Аелитт была красивой.

Райз старался не погружаться в происходящее целиком, удерживать часть сознания на плаву, контролировать витающую вокруг синюю дымку, что с каждой минутой все больше теряла свой цвет. И пусть, как и у Аелитт, у него не было желания куда-то спешить, но остаться без капли энергии духа, когда она решит запустить в него клыки, хотелось еще меньше.

Фурия укусила тогда, когда откладывать дальше было некуда. Ее тело дрогнуло в руках, а затем шею обожгло, как огнем. Не самое удобное место, чтобы пытаться заморозить ткани вокруг, но это уже не имело значения: весь дух давно утратил свой окрас и исчез.

Последним, что увидел Райз, были блики огня на покрытых чешуей скулах.

Темнота растворилась в хорошо знакомом желтом мерцании Светоча, освещавшем Лоно. Это был тот самый день.

Райз опустил взгляд и увидел лежащего на земле красноволосого друида. Его собственная рука была испачкана в крови.

— Серьезно? — изогнув бровь, спросил он у пустоты и обернулся.

Они были в пещере одни.

Тело друида растаяло снопом искр, едва Райз посмотрел на него. А затем друид появился опять, стоя перед ним на коленях, скованный кандалами по рукам и ногам.

И это должно было свести его с ума?

Райз собирался разрушить кандалы, но вместо этого тело, вопреки его воле, присело перед друидом, а рука закрыла его глаза — так же, как в прошлый раз. И так же, как и в прошлый раз, друид умолял его не делать этого. Так же, как и тогда, Райз сплел шип из энергии Моря Теней и вонзил его в спину того, кого называл другом.

Все повторилось: один раз, второй, третий. Райз застрял в выстроенной его же разумом петле и мог только наблюдать за тем, как тело повторяет все действия, совершенные в прошлой жизни.

Он сбился со счета. Казалось, руки не успевали высохнуть от слез и крови друида, прежде чем все начиналось по новой. Раз за разом, без начала и конца.

Сперва Райз пребывал в недоумении, затем — в раздражение, и в итоге ему стало смешно. И это все, на что способен яд фурий? Прокручивать раз за разом его самый гадкий поступок? Но с чего ему было вообще считать его гадким? Он не убивал друида — он дал ему шанс выжить. Ему одному из всех.

Так почему тогда становилось тошно от самого себя?

...Раз за разом, без начала и конца...

Наверное, друид проклинал его. Сложно питать симпатию к тому, кто повинен в гибели твоего народа. И кому какое дело до того, кто развязал эту войну первым?

Нужна ли была друиду жизнь на пепелище его расы? Жизнь в чужом мире, где он остался совсем один, и, скорее всего, стал узником человеческого общества, как до этого Райз был узником среди друидов.

...Раз за разом, без начала и конца...

Сколько должно пройти времени, прежде чем это прекратится?

Райз больше не злился. Больше ему не было ни скучно, ни смешно. Все, чего он хотел — чтобы этот момент отпустил его. Чтобы он мог сделать или сказать хоть что-то, что не сделал и не сказал в прошлый раз, пусть это и останется только в его голове.

Но конца не было. Был только друид, его кровь, разъедающая руку, и проклятый клинок.

Райз разуверился в том, что ему удастся выбраться из петли. Быть может, он уже превратился в безумца, которого выбросили где-то на краю деревни, а его разум остался заперт в этом проклятом месте.

А затем появилась Аелитт. Она пришла, коснулась его плеча, когда в руке в очередной раз появился клинок. В тот момент Райз впервые за бесконечно долгое время почувствовал, что может управлять собственным телом.

— Пойдем, — фурия тепло улыбнулась, взяла за руку, подняла на ноги. — Тебе больше не нужно здесь оставаться. Ты свободен.

Клинок исчез. Исчезли и кандалы, держащие друида. Теперь они оба могли уйти.

— Пойдем со мной, — позвала Аелитт.

Фурия расправила крылья, покрытые блестящей серебристой чешуей, куда более светлой, чем в действительности. Но разве Райз еще помнил, какой была эта действительность?

— Пойдем, — она потянула его за руку.

Райз готов был сделать шаг. Он хотел его сделать — так же, как хотел сохранить жизнь друиду, еще тогда, в прошлой жизни; хотел, чтобы все решилось как-то иначе. Но разве кому-нибудь хоть когда-то было дело до его желаний?

Только Аелитт была готова их услышать и принять.

Только Аелитт.

Только она.

Но никак не Райз.

Он высвободил руку из ее хватки и усмехнулся в ответ на непонимающий взгляд. Взмахнул кистью, заковывая руки друида в камень.

— Я знаю, кто я, что сделал, и почему.

На ладонь упал свитый из багровой энергии клинок. Как же давно он не прикасался к силе Моря Теней! Пусть и выдуманная, но это была именно она.

— И я не собираюсь бежать от прошлого, — не сводя с Аелитт взгляда, Райз встал за спину друида и, приобняв, вонзил в его грудь клинок.

Придя в себя, первым делом Райз оценил мягкость перины, на которую его уложили. Вторым — коснулся шеи. Проколов не было, как не было и Аелитт.

Он оделся, подошел к ведущей на балкон арке и отодвинул штору. На улице стоял вечер — того же дня или...? На территории крепости не витало энергии духа. Сколько бы ни прошло времени, из пленников остался только он.

Райз посмотрел на ладонь. Кажется, он еще чувствовал тепло крови друида.

Он вернулся на кровать и закутался в плед: огонь в камине давно погас и в комнате властвовал холод.

Спустя недолгое время вернулась Аелитт. Пришла не одна, а в компании двух крылатых, полностью покрытых чешуей.

— Моя красавица, — не сумев отказать себе в шутке, Райз расплылся в улыбке.

Во взгляде фурии промелькнуло уже знакомое разочарование. Неужели крылатая и впрямь начала надеяться, что он сохранит рассудок?

— Верните его в деревню, — тихо распорядилась она.

— Вернуть? — улыбка на губах Райза превратилась в усмешку, не оставив от прежнего подобострастия и следа. — Мне казалось, ты осталась довольна. Я ошибся?

Аелитт не проронила и слова, но направившиеся к нему крылатые застыли, точно изваяния, после чего, как по команде, развернулись и оставили его наедине с фурией. Они тоже были призванными. Но сейчас Райз мог с уверенностью заявить, что на теле Аелитт не было ни одной метки-привязки. Так как она тогда...

Посетившая его догадка пришлась не по вкусу. Что, если Къярта приволокли в гнездо не для жатвы, а потому, что он некромант? С одной стороны, это даже хорошо — за его рассудок можно было не беспокоиться. А с другой, беспокоиться очень даже стоило, раз тот действовал в интересах фурий. Конечно, у них достаточно силы, чтобы его заставить. Но Райза брали сомнения, что с его напарником сработали бы силовые методы.

— Теперь ты знаешь, что твой яд ничего мне не сделает, — он встал с кровати и подошел к Аелитт. — Так мне будет позволено выйти из комнаты? Или и дальше будешь держать меня в этой холодрыге?

Аелитт позволила.

С этого дня Райз мог бродить везде, где ему вздумается — разумеется, в пределах стен крепости. Закрытыми остались только несколько дверей, у одной из которых, предположительно ведущей в подвальные помещения, круглосуточно дежурил десяток призванных крылатых.

Они охраняли не только двери, но и самого Райза. Двое из них ходили за ним по пятам, стоило ему высунуться из комнаты Аелитт, в которой она его и поселила. Вряд ли их приставили следить за ним — с этой задачей справилась бы и половина крылатого. Чтобы не строить догадки, Райз спросил, зачем они нужны, у Аелитт прямо, и она также прямо ответила: для защиты от сестер. Райз не знал, зачем он мог им понадобиться, учитывая особенности их анатомии, но быстро пришел к выводу, что он просто не нравится им, как, по всей видимости, им не нравилась и Аелитт. В ее маленьком царстве не все были довольны правительницей.

Пара крылатых следила не только за его безопасностью, но и за тем, чтобы в камине

башни всегда горел огонь. На второй день они даже притащили сбитый из досок заслон и закрыли арку. Впрочем, по ночам, еще и в пустой постели, было холодно.

Аелитт никогда не ночевала у себя. Изучая крепость, Райз увидел ее всего пару раз, и оба — когда она выходила из дверей, находящихся под усиленной охраной. Тогда он всерьез забеспокоился, что у Аелитт возникнут вопросы, почему он зачастил в то крыло. Но фурии до его прогулок дела было не больше, чем до него самого.

Если бы раз в несколько дней она не приходила пообедать в его компании, Райз и вовсе счел бы, что она избегает его. Но в каждый такой визит ее мысли витали где-то далеко. Любые попытки разговаривать ее приводили к односложным ответам, которые в скором времени наскучивали ей самой, и она снова оставляла его. При таком раскладе шансы уговорить Аелитт пустить его в подвальные помещения равнялись нулю.

То, что ему нужно именно в ту дверь, Райз понял на третий день пребывания в крепости. Сперва он заметил в той области слабые крохи серебристой энергии духа, которые могли принадлежать Къярту, а затем к ним прибавилась и синь — тоже в недрах земли под крепостью, но в другом месте. Источников энергии было два.

— Я не мог не заметить, что все твои братья и несколько сестер не совсем живы, — произнес Райз во время одного из их совместных обедов.

— Ты прав, они призванные, — рассеянно ответила Аелитт и подняла на него взгляд. — Тебе это не нравится?

Вопрос прозвучал так, словно она уже ждала утвердительного ответа, привыкнув получать его от других.

— Нисколько. Просто любопытно, — Райз сделал глоток вина, принесенного Аелитт несколько дней назад. — Я не видел на тебе меток привязки. И заметил, что многие фурии смотрят не совсем... доброжелательно. Тебе не кажется, что это может быть опасно — позволять им обзаводиться призванными?

— Беспокоишься обо мне? — Аелитт усмехнулась.

— Что-то вроде того.

— Фурии не могут призывать души, — она отвела взгляд. — Мы используем для этого людей-некромантов. И тебе не стоит беспокоиться. Призванные ими находятся полностью под моим контролем.

Звучало неплохо. Если устранить Аелитт, при неудачном стечении обстоятельств половина фурий умрет, если же повезет — встанет на его сторону. Или же не совсем половина: возможно какая-то часть фурий была призвана вторым пленником. Хорошо бы сделать его союзником и не оказаться в ситуации, в которой три стаи разорвут друг друга в клочья.

Райз больше не донимал Аелитт расспросами и не испытывал ее терпения, когда она и без того всякий раз появлялась в башне без настроения. Что-то основательно портило ей жизнь, и он не решался спросить, пока она однажды не пришла еще более мрачной, чем обычно.

— Что не так? — участливо поинтересовался он и, не получив ничего в ответ, отставил тарелку с обедом в сторону, подошел к фурии и опустил ладони ей на плечи. — Аелитт, на тебе лица нет. Что случилось?

Она повела плечами, чтобы высвободиться, но Райз только сжал их сильнее, в тайне надеясь, что после такого фурия не сломает ему руки.

Аелитт не стала.

— Мне не нравится, когда ты в таком состоянии, — мягко произнес он. — Расскажи, в чем дело. Вдруг я смогу помочь?

Он отпустил Аелитт и, присев рядом, заглянул в лицо.

— Вас, людей, сложно понять, — с неохотой произнесла она. — То вы смотрите, как на чудовище, то помогаете. То снова отказываетесь даже разговаривать.

— И кто такой дурак, который смотрит на тебя, как на чудовище? Это из-за него ты постоянно мрачнее тучи?

Аелитт поджала губы и отвела взгляд.

— Зачем тебе его расположение, если у тебя есть мое? — Райз опустил ладонь на ее колено.

— Ты обычный человек. Сколько укусов ты выдержишь? Два? Три? А он останется со мной навсегда.

— Спешешь списывать меня со счетов, Аелитт. Однажды ты уже ошиблась с выбором, можешь ошибиться снова.

Фурия посмотрела на Райза и рассмеялась. Что ж, цель он ставил перед собой несколько иную, но впервые за долгое время увидеть улыбку на ее лице — уже неплохо, как для начала.

— Эта ваша человеческая ревность так умилительна и...

Аелитт осеклась, а в ее взгляде промелькнуло пришедшее ей в голову решение проблемы.

— Ты мне поможешь! — поймав Райза за руку, оживленно выпалила она и потащила его к лестнице.

Аелитт вела его к той самой двери, и немые, осуждающие взгляды сестер следовали за ней по пятам. Они будто бы знали, какую ошибку она собирается совершить. Да, они чуяли это. Райз читал на их лицах осознание неизбежного. Быть может, в нем говорило обострившееся чувство опасности, а может, они действительно видели в нем то, что по какой-то причине не замечала Аелитт. Видели и продолжали стоять в стороне.

Сопровождающие Райза крылатые по приказу фурии остались вместе со стражей у двери. По ту сторону вглубь земли уходила длинная, освещенная настенными лампами лестница.

— Будь умницей, — Аелитт торопливо спускалась по ступеням, увлекая Райза за собой.

— Как и всегда.

Лестница привела к широкому, расходящемуся в разные стороны, коридору. Не замедлив шага, Аелитт потянула Райза вправо. Она не оборачивалась, и, уличив момент, он украдкой посмотрел на шрам-компас.

Фурия вела его к Къярту.

Аелитт замерла у двери, и ее ладонь, сжимающая руку Райза, похолодела. Она на мгновение посмотрела на него, позволив прочесть во взгляде охватившее ее волнение, и решительно толкнула дверь.

— Только погляди, мышонок, кого я тебе привела! — звонко произнесла она, отпуская Райза.

Его с Къяртом взгляды пересеклись. Тот стоял на коленях, прикованный цепями к двум столбам посреди пустой комнаты, даже без возможности пошевелиться. Его руки и грудь покрывала густая россыпь меток-привязок с воткнутыми в них иглами. Печатей набралось не меньше, чем призванных, которых Райз видел за все время пребывания в крепости.

Охвативший Къярта страх, если не ужас, выдали только распутившиеся вокруг него темно-синие бутоны энергии. А Райз успел позабыть, насколько дух напарника отличается от духа других людей: плотный, концентрированный, словно загустевший мед. Если так пойдет и дальше, одного его хватит, чтобы выбраться отсюда. Главное, не упустить момент.

— Его зовут Райз, — Аелитт приблизилась к пленнику, коснулась его подбородка, заставляя оторваться от гостя и посмотреть на нее. — Видишь, он не пожадничал назвать мне свое имя.

Къярт одарил ее тяжелым взглядом.

— Так и будешь молчать? Ну и пусть. Однажды ты все равно заговоришь. А пока у меня будет другой собеседник, — Аелитт вернулась к Райзу, взяла за руку, переплела его пальцы со своими. — Он присоединится к Орде вместе с гнездом, так что мне некуда спешить. Можешь дуться, сколько тебе хочется, мышонок, я подожду.

В глазах Къярта читалось непонимание. Он больше не боялся. Наоборот, в разлившейся вокруг синеве загорались алые искорки злости. Что ж, так даже лучше.

— Это единственный способ выжить. Примкнуть к Орде, — с улыбкой пояснил Райз.

— Он знает, он же некромант, — отрезала Аелитт, недовольная его вмешательством.

Одного взгляда на заключенного хватило, чтобы ее раздражение сменилось растерянностью. Неужели Къярт ничего не сказал ей, и все это время Аелитт полагала, что он такой же желающий примкнуть к Орде некромант, как и остальные?

— А я говорил, что ты ошиблась с выбором, — шепнул ей Райз и, заметив, что красные искры вокруг Къярта превратились в сгустки, обнял Аелитт и поцеловал в шею.

И с чего тот вздумал злиться? Он действительно вот так взял и поверил в то, что Райз пересмотрел свои планы на Орду? Или причина крылась в другом? Не важно. Сейчас значение имело только то, что каждый его медленный поцелуй, покрывающий шею и плечо Аелитт, порождал все больше алой взвеси.

— Что... что ты делаешь, он же смотрит, — сдавленно пробормотала фурия и попыталась высвободиться, но Райз только крепче сжал объятия.

— Пускай смотрит. Ты ведь этого хотела, разве нет?

Еще немного, еще несколько багровых клубов на случай, если печати разрушатся, или Къярт не сможет вернуть призванных под свой контроль.

Райз скользнул рукой, что лежала на талии Аелитт, к ее груди, нежно провел по шее и, зажав рот, активировал находящийся в области сердца сгусток страха.

Ее зрачки расширились, а тело напряглось, готовое ударить в ответ, но алые жгуты уже пережгли мышцы конечностей.

Райз подхватил Аелитт, не давая упасть.

Ей не понадобилось много времени, чтобы осознать, что происходит.

— Ты заплатишь жизнью... за каждую из нас, — с яростью и отчаянием прошипела она.

— Тише, тише, — Райз опустил ее на пол и мягко улыбнулся. — Я же говорил, что ты ошиблась с выбором.

Аелитт дернулась из последних сил, повернула голову, чтобы встретиться взглядом с Къяртом.

— Мышо..., — выдохнула она и застыла.

Алые угольки ее глаз потухли.

В груди неприятно екнуло, но сейчас было не до этого.

Райз бросился к Къярту.

— Извини, возникли некоторые сложности с тем, чтобы прийти раньше, — он растегнул кандалы на его запястьях. — Эй, ты в порядке?

— Да, нормально, — севшим голосом ответил тот.

Подхватив под локоть, Райз помог ему подняться.

— Сможешь идти? — Къярт кивнул. — Что с призванными?

— Я их контролирую. Иглы нельзя трогать. Пока.

Хорошо. Возможно, Аелитт не успела поднять тревогу, и фурии еще не знают о том, что произошло.

Райз посмотрел на тело Аелитт.

— Она пригодится, чтобы выбраться без лишнего шума.

— Я..., — Къярт едва тряхнул волосами. — Да, сейчас.

Нет, что-то с ним все же было не так.

Къярт опустил на колени рядом с Аелитт, коснулся ее лба, закрыл глаза. Не прошло и десяти секунд, как он снова посмотрел на Райза.

— Я не могу.

— Почему?

— Не получается. Я не знаю, в чем дело.

— Значит, по-тихому не выйдет. Нужно уносить отсюда ноги, пока энергия духа не утратила цвет. Собери крылатых, пусть расчистят путь.

Райз не собирался вызволять второго пленника Аелитт. Под контролем некроманта, оставшегося в другом крыле подземелья, если и были фурии, то всего несколько, что не представляло ни ценности, ни опасности, чтобы ради него тратить время.

Когда они бежали вверх по лестнице, в груди снова кольнуло и кольнуло весьма болезненно. Следующий укол, случившийся уже на последних ступенях, куда сквозь дверь доносился шум начавшихся в крепости драк, выбил из легких весь воздух. Горло сдавил кашель.

— Райз? — обеспокоенно позвал Къярт.

— Молчи и держись за мной.

Сцепив зубы, Райз открыл дверь.

По ту сторону было людно. Призванные крылатые сцепились с еще живыми фуриями, не позволяя приблизиться к двери в подвал. Летела кровь, клочья волос, ошметки крыльев. Когда голова одной из живых отделилась от тела, внутренности скрутило жгутом.

Клятая Аелитт.

— Сюда, — прошипел Райз и бросился по кратчайшему пути, что вел из крепости.

Фурии были рождены для сражений: отчаянные, упрямые, живучие. С такой живучестью нельзя было разобраться быстро. Ее приходилось выбивать с пронзительными воплями и грохотом, отрывать кусок за куском, проливать литрами густую кровь.

Никогда прежде он не видел сколько крови. На стенах, на потолке, на его ботинках, скользящих по рыхлой плоти чьих-то внутренностей. Райз почувствовал ее в горле, когда сверху кинулись сразу трое фурий, и от их сердец остались одни выжженные дыры.

Они вбежали в главный холл крепости, и вокруг замелькали крылья призванных, защищая от ринувшихся к ним со всех сторон фурий. Различить что-либо в разросшемся, как скверна, хаосе, не представлялось возможным. Уколы в груди собрались в один цельный, не проходящий комок боли.

Умерла еще одна из фурий, и Райз поперхнулся. Он сплюнул кровь на землю и тут же

нарвался на пропитанное тревогой:

— Что такое?

— На выход, живо, — процедил он и толкнул створку двери главного входа, но та не сдвинулась даже на сантиметр. — Проклятье!

Один из призванных вырвался из развернувшегося за их спинами побоища и одним ударом плеча распахнул двери. Дохнуло свежестью, и Райз не вышел — вывалился в объятия осени.

Во дворе царило спокойствие. Большую часть времени фурии находились внутри крепости, и сейчас, в замершем под стылым небом саду, над облетевшими листьями стояла кажущаяся дикой тишина.

— В стене нет прохода, — прохрипел Райз, шатко сбегая по ступеням. — Нужно перебраться через стену.

Кьярт позвал призванных, но ни один из них не пришел. Стоило им отвлечься от драки, предпринять попытку вырваться, как фурии налетали на них и в бешенстве разрывали на части.

— Проклятье!

Райз схватил Кьярта за руку и потянул прочь, в сторону невысокой пристройки.

Укрывшись за ее углом, он сжал весь оставшийся алый дух в горошину, направил его в стену и активировал. Грохот разлетающихся камней прозвучал глухо, словно бы источник звука находился где-то далеко — куда дальше, чем надоедливый, несмолкающий, монотонный писк.

— Вперед, — Райз толкнул Кьярта к выходу и, собравшись с силами, побежал следом.

Фурии пытались догнать беглецов и расквитаться, но призванные стояли на их пути непреодолимой стеной.

Райз не слышал треска, с которым одна из них проломила деревянный заслон на вершине башни. Он успел только увидеть скользнувшую по земле тень, но фурия уже была слишком близко, чтобы что-то предпринять.

Он собирался оттолкнуть Кьярта из-под ее удара, но тот опередил его, и Райз отлетел в сторону.

Последней пришедшей в голову мыслью было осознание, что его сердце перестало биться.

Больше книг на сайте - Knigoed.net